This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

VE RI TAS

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

На 9 дней.

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 2083.

МАРТЪ. 1907.

БИБЛІОТЕКА БАКИНСК

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 3.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. ПРАВИЛЬНЫЙ ЗАКОНЪ. . . . . А. Н. Попова.
2. „ВОСКРЕСЕНІЕ" МАРКСИЗМА. Окончаніе . . . . . М. Н. Лежнева.
3. ГАРАСЬКА-ДИКТАТОРЪ. Разсказъ. . С. Аникина.
4. ПѢСНЯ ВОДОПАДА. Стихотвореніе. . Г. Галиной.
5. НА ВЫБОРАХЪ. I. Въ деревнѣ . . . С. Кондурушкина.
6. ПЕРВЫЙ МИТИНГЪ (Изъ записной книжки). . . . . Sh.
7. *** Стихотвореніе . . . . . К. Шрейтера.
8. КЪ ТИХОМУ ПРИСТАНИЩУ. I—XI . С. Подъячева.
9. СРЕДИ КРЕСТЬЯНЪ. I—II . . . . . Алексѣевой.
10. ГОСПОДИНЪ и Г-ЖА МОЛОХЪ. Романъ. Переводъ съ французскаго С. Б. Продолженіе. . . . . Марселя Прево.
11. *** Стихотвореніе . . . . . Г. Галиной.
12. НАВСТРѢЧУ НОВОЙ ЖИЗНИ. Романъ. Переводъ съ англійскаго Б. Н. Никитенко и М. А. Шишмаревой. Продолженіе (Въ приложеніи). . . . . Р. Уайтинга.
13. ВЪ „УѢЗДНОМЪ" ГОРОДѢ (Изъ Англіи). . . . . Діонео.
14. СИНДИКАТЫ и СТАЧКИ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ СЛУЖАЩИХЪ ВО ФРАНЦІИ. . . . . Н. Е. Кудрина.

(См. 2-ую стр. обложки).

БИБЛІОТЕКА

15. ОСНОВЫ ОБЯЗАТЕЛЬНАГО ОБУЧЕНІЯ . . . . . А. Петрищева.
16. ПОЛИТИКА. . . . . С. Южакова.
17. ДЕПУТАТЫ ВТОРОЙ ДУМЫ. Очерки и наброски. . . . . Тана.
18. СЛУЧАЙНЫЯ ЗАМѢТКИ: К. Побѣдоносцевъ и В. И. Аскоченскій. Вл. Короленко. — Любители пыточной археологіи. Вл. Кор.—Изъ эпохи государственнаго бреда. А. Петрищева.
19. ГРИГОРІЙ БОРИСОВИЧЪ ІОЛЛОСЪ. Вл. Короленко.
20. АНГЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ БОГДАНОВИЧЪ . . . . . Вл. Короленко.
21. ОТЧЕТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.
22. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Только что вышла въ свѣтъ и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ новая книга:

„Галлерея Шлиссельбургскихъ узниковъ“

подъ редакціей **Н. Ф. Анненскаго, В. Я. Богучарскаго, В. И. Семевскаго и П. Ф. Якубовича.**

Біографическіе очерки: Пущина, Н. и М. Бестужевыхъ, Поджіо, Лукасинскаго, Гулака, Бакунина, Долгушина, Минакова, Фроленка, Морозова, Антонова, Похитонова, Лукашевича, Новорусскаго, Лаговскаго, Попова, Варынскаго, Яновича, Суровцева, Шебалина, Ашенбреннера, Лопатина, Ульянова, Шевырева, Генералова, Андреюшкина, Осипанова, Л. А. Волкенштейнъ и В. Н. Фигнеръ.

Въ составленіи очерковъ приняли участіе гг. Аскеназы, Богучарскій, Василевскій (Плохоцкій), Венгеровъ, Елпатьевскій, С. А. Ивановъ, Кудринъ, Мельшинъ, Новорусскій, Пругавинъ, Сватиковъ, Семевскій, Тарле, А. И. Ульянова, В. Н. Фигнеръ и Щепотьевъ.

Часть I, съ 29-ю портретами.

Цѣна **ТРИ** рубля.

Весь чистый сборъ съ этого изданія поступитъ въ пользу бывшихъ Шлиссельбургскихъ узниковъ.

При этомъ № прилагается объявленіе объ изданіяхъ М. Н. Слѣпцовой „Книжка за книжкой“.

МАРТЪ. 1907.

БИБЛІОТЕКА РУБАКИНА

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1907.

PSlav 620.5 (1907, no. 3)

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY JUL 31 1963

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 руб.; при перемѣнѣ же иногороднаго на петербургскій—65 коп.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются**.

СОДЕРЖАНІЕ:

		СТРАН.
1.	**Правильный законъ.** *А. Н. Попова.*	1— 13
2.	**„Воскресеніе" марксизма.** Окончаніе. *М. Н. Лежнева.*	14— 58
3.	**Гараська-диктаторъ.** Разсказъ. *С. Аникина.* . . .	59— 82
4.	**Пѣсня водопада.** Стихотвореніе. *Г. Галиной.* . .	83
5.	**На выборахъ.** I. Въ деревнѣ. *С. Кондурушкина.*	84—109
6.	**Первый митингъ** (Изъ записной книжки). *Sh.* . .	110—126
7.	*** Стихотвореніе *Н. Шрейтера.*	126
8.	**Къ тихому пристанищу.** I—XI. *С. Подъячева.* . .	127—170
9.	**Среди крестьянъ.** I—II. *Алексѣевой.*	171—194
10.	**Господинъ и г-жа Молохъ.** Романъ *Марселя Прево.* Переводъ съ французскаго С. Б. Продолженіе. .	195—240
11.	*** Стихотвореніе *Г. Галиной.*	240
12.	**Навстрѣчу новой жизни.** Романъ *Р. Уайтинга.* Переводъ съ англійскаго Б. Н. Никитенко и М. А. Шишмаревой. Продолженіе (Въ приложеніи). . .	97—128
13.	**Въ «уѣздномъ» городѣ** (Изъ Англіи). *Діонео.* . .	1— 31
14.	**Синдикаты и стачки государственныхъ служащихъ во Франціи.** *Н. Е. Кудрина.*	31— 64
15.	**Основы обязательнаго обученія.** *А. Петрищева* . .	65— 98
16.	**Политика.** *С. Южакова.*	98—108
17.	**Депутаты второй думы.** Очерки и наброски. *Тана.*	108—133

(*См. на оборотѣ*).

СТРАН.

18. **Случайныя замѣтки:** К. Побѣдоносцевъ и В. И. Аскоченскій. *Вл. Короленко.* — Любители пыточной археологіи. *Вл. Кор.*—Изъ эпохи государственнаго бреда. *А. Петрищева.* . . . . . 133—154
19. **Григорій Борисовичъ Іоллосъ.** *Вл. Короленко.* . . 154—158
20. **Ангелъ Ивановичъ Богдановичъ.** *Вл. Короленко.* . 158—160
21. **Отчетъ конторы редакціи.** 160
22. **Объявленія.**

Изданія редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО".

(*С.-Петербургъ* — контора редакціи журнала „Русское Богатство", Васкова уз., 9; *Москва* — отдѣленіе конторы, Никитскія Ворота, д. Гагарина).

Выписывающіе книги въ провинцію на сумму не меньше одного рубля пользуются даровой пересылкой. Книжнымъ магазинамъ—уступка 25% при условіи пересылки книгъ на ихъ счетъ.

Н. Анксентьевъ. ВЫБОРЫ НАРОДНЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ. Изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 коп.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Изд. 1894 г.—150 стр. Ц. 80 к.

П. Булыгинъ. РАЗСКАЗЫ. Изд. 1902 г.—482 стр. Ц. 1 р. 50 к. Расплата.—Ночныя тѣни.—Любочкино горе.—По уставу.

Григорій Бѣлорѣцкій. БЕЗЪ ИДЕИ (Изъ разсказовъ о войнѣ). 1906 г. Цѣна 75 коп.

П. Голубевъ. ПОДАТНОЕ ДѢЛО. 1906 г. 32 стр. Цѣна 8 к.

Діонео. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ. Изд. 1903 г.—558 стр. Ц. 1 р. 50 к. Смѣна теченій.—Новый фазисъ.—Политическая жизнь и общественные дѣятели.—Литература и печать.—Народъ.

— АНГЛІЙСКІЕ СИЛУЭТЫ. Изд. 1905 г. 501 стр. Ц. 1 р. 50 к. Харчперы англичанъ.—Англійская розвія.—Возрожденіе протекціонизма.—Ирландскій „Ледоходъ".—Земля.—Женскій трудъ.—Дѣтскій трудъ.—Гербертъ Спенсеръ.—Въ русскомъ кварталѣ.

— НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ и ЖИЛИЩА. Изд. второе 1906 г. 16 стр. Цѣна 4 коп.

— СВОБОДА ПЕЧАТИ. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

В. І. Дмитріева. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ. 1906 г. 312 стр. Цѣна 1 руб. Гомочка.—Подъ солнцемъ юга.

Владиміръ Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Книга I. *Одиннадцатое* изд. 1906 г.—403 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ дурномъ обществѣ.—Сонъ Макара.—Лѣсъ шумитъ.—Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ.—Въ подслѣдственномъ отдѣленіи.—Старый звонарь.—Очерки сибирскаго туриста.—Соколинецъ.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. II. *Седьмое* изд. 1905 г.—411 стр. Ц. 1 р. 50 к. Рѣка играетъ.—На затменіи.—Атъ-Давіанъ.—Черкесъ.—За иконой.—Ночью.—Тѣни.—Судный день (Домъ-Кецуръ). Малор. сказка.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. III. *Третье* изд. 1905 г.—349 стр. Ц. 1 р. 25 к. Огоньки.—Сказаніе о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегуды.—Парадоксъ.—„Государевы ямщики".—Мороз.—Послѣдній лучъ.—Марусина зарька.—Мгновеніе.—Въ облачный день.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Наблюденія, размышленія и замѣтки. *Шестое* изд. 1907 г.—400 стр. Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Этюдъ. *Десятое* изд. 1904 г.—200 стр. Ц. 75 к.

— БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ. *Четвертое* изд. 1906 г.—218 стр. Ц. 75 к.

— ПИСЬМА КЪ ЖИТЕЛЮ ГОРОДСКОЙ ОКРАИНЫ. *Второе* изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 к.

Н. Е. Кудринъ (Н. С. Русановъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к. Народъ и его характеръ.—Общественные классы.—Наука, литература и печать.—Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ.—Дѣло Дрейфуса.—Идейное пробужденіе.

— ГАЛЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ. Съ 12 портрет. Изд. 1906 г. 499 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пастеръ.—Доде.—Золя.—Клемансо.—Вальдекъ Руссо.—Комбъ.—Рошфоръ.—Жоресъ.—Гэдъ.—Анатоль Франсъ.—Поль Бурже.

Ѳ. Крюковъ. КАЗАЦКІЕ МОТИВЫ. 1907 г.—439 стр. Ц. 1 руб. Казачка.—Въ родныхъ мѣстахъ.—Станичники.—Изъ дневника учителя Васюхина.—Кладъ.—Картинки школьной жизни.—Къ источнику исцѣленій.—Встрѣча.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА. Изд. *третье*. 1906 г. — 380 стр. Ц. 1 р.

— ФОРМУЛА ПРОГРЕССА Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. НАУЧНЫЯ ОСНОВЫ ИСТОРІИ ЦИВИЛИЗАЦІИ. 1906 г. 143 стр. Цѣна 40 коп.

А. Леонтьевъ. РАВНОПРАВНОСТЬ. *Второе* изд. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

— СУДЪ И ЕГО НЕЗАВИСИМОСТЬ. Изд. 1905 г. 24 стр. Ц. 5 к.

Ек. Лѣтнова. МЕРТВАЯ ЗЫБЬ. *Третье* изд. 1906 г.— 222 стр. Ц. 1 р.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. II. *Второе* изд. 1903 г.— 314 стр. Ц. 1 р. Отмыкъ.—Чудачка.—Бабьи слезы.—Праздники.—Лишняя.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. III. Изд. 1903 г. — 316 стр. Ц. 1 р. Рабъ.—Оборванная переписка.—На мельницѣ.—Облачко.—Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Т. I. *Третье* изд. 1903 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ преддверіи.—Шелаевскій рудникъ.—Ферганскій орловскъ.—Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Т. II. *Третье* изд. 1906 г.— 402 стр. Ц. 1 р. 50 к. Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.—Эпилогъ.—Post-scriptum автора.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Второе* изд. 1903 г.— 367 стр. Ц. 1 р. Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни.—Чертовъ яръ.—Любимцы каторги.—Исворка.—Не досказанная правда.—На китайской рѣкѣ.—Таня.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г. — 406 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пѣвецъ гуманной красоты (Пушкинъ).—Муза мести и печали (Некрасовъ).—Чудеса „вседневнаго міра" (Фетъ).—На высотѣ (Тютчевъ).—Пѣвецъ „тревоги юныхъ силъ" (Надсонъ).—Современныя миніатюры.—О старомъ и новомъ настроеніи.

— ВМѢСТО ШЛИССЕЛЬБУРГА. I. Вѣсти изъ политической каторги. *Л. Мельшина.* — II. На Амурской колесной дорогѣ. *Р. Бронскаго.* Изд. 1906 г.—40 стр. Ц. 8 коп.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ. Шесть томовъ. Изд. 1896 г. Цѣна каждаго тома 2 р.

Т. I. Что такое прогрессъ?—Теорія Дарвина и общественная наука.—Аналогическій методъ въ общественной наукѣ.—Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха.—Борьба за индивидуальность.—Вольница и подвижники.—Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Т. II. Преступленіе и наказаніе.—Герои и толпа.—Научныя письма.—Пятоногачевская магія.—Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г.—Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

Т. III. Философія исторіи Луи Блана.—Вико и его „новая наука".—Новый историкъ еврейскаго народа.—Что такое счастье?—Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга.—Критика утилитаризма.—Записки Профана.

Т. IV. Жертва старой русской исторіи.—Идеализмъ, народничество и реализмъ.—Суздальцы и суздальская критика.—О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго.—Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго.—Въ перемену.—Письма о правдѣ и неправдѣ.—Письма къ учительнымъ людямъ.—Жителейки и художественныя драмы.—Литературныя замѣтки 1878—1880 г.г.

Т. V. Жестокій талантъ. — Гл. И. Успенскій. — Щедринъ. — Герой безвременья.—Н. В. Шелгуновъ.—Записки современника.—Письма постороннаго.

Т. VI. Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. — Графъ Бисмаркъ.—Иванъ Грозный въ русской литературѣ.—Дневникъ читателя.—Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Т. I. Изданіе *второе*. 1905 г. — 504 стр. Ц. 2 р. Мой первый литературный опытъ. „Разсвѣтъ". „Книжный Вѣстникъ". „Отеч. Записки".—Некрасовъ, Салтыковъ, Елисеевъ, Успенскій, Шелгуновъ.—Изъ прошлаго и настоящаго Л. Н. Толстого. Личныя воспоминанія о гр. Толстомъ. — Письмо К. Маркса. - Кающіеся дворяне. Идеалы и идолы. — О г. Розановѣ и его отказѣ отъ наслѣдства.—Г. З. Елисеевъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ II. Изданіе *второе*—496 стр. Ц. 2 р. Нордау о вырожденіи.—Декаденты, символисты, маги и проч.—Основы народничества Юзова.—О народничествѣ г. В. В.—Объ экономическомъ матеріализмѣ.—Изъ писемъ марксистовъ. О Максѣ Штирнерѣ и Фр. Ницше.—О г. Струве и его „Критическихъ замѣткахъ".

— ОТКЛИКИ. Т. I. Изд. 1904 г. — 492 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ января 1895 г. по январь 1897 г.

— ОТКЛИКИ. Т. II. Изд. 1904 г. — 431 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ января 1897 г. по декабрь 1898 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. I. Изд. 1905 г.—489 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ декабря 1898 г. по апрѣль 1901 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. II. Изд. 1905 г. — 504 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ сентября 1901 г. по янв. 1904 г. (мѣсяцъ смерти автора).

— Изъ романа „КАРЬЕРА ОЛАДУШКИНА". Изданіе 1906 г. 240 стр. Ц. 75 к.

В. А. Микотинъ. ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА. Изд. *второе* 1906 г.—400 стр. Ц. 1 р. 25 к. Протопопъ Аввакумъ. — Кн. Щербатовъ.—На зарѣ русской общественности (Радищевъ).—Изъ Пушкинской эпохи.—Т. Н. Грановскій.—К. Д. Кавелинъ. — Памяти Глѣба Успенскаго. — Памяти Н. К. Михайловскаго.

— НАДО ЛИ ИДТИ ВЪ ДУМУ. Изд. *второе* 1906 г. 40 стр. Цѣна 10 коп.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

А. А. Николаевъ. КООПЕРАЦІЯ. Изд. 1906 г. 56 стр. Ц. 10 к.

А. Б. Петрищевъ. ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА. Изд. 1906 г. Ц. 15 к.

С. Подъячевъ. Т. I. МЫТАРСТВА. — Изд. 1905 г. — 296 стр. Ц. 75 коп.—Московскій работный домъ.—По этапу.

— Т. II. СРЕДИ РАБОЧИХЪ. — Изд. 1905 г. — 287 стр. Цѣна 75 коп.

А. В. Пѣшехоновъ. ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ ДЕРЕВНИ. Основныя задачи аграрной реформы. Изд. *третье* 1906 г.—155 стр. Цѣна 60 коп.

— КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧІЕ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Изд. *третье* безъ перемѣнъ. 1906 г. 64 стр. Ц. 25 к.

А. В. Пѣшехоновъ. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВІЯ. *Второе* изд. 1906 г. 80 стр. Ц. 30 к.

— ХЛѢБЪ, СВѢТЪ и СВОБОДА. *Четвертое* изд. 1906 г. 84 стр. Ц. 10 к.

— АГРАРНАЯ ПРОБЛЕМА въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ. Изд. 1906 г. 135 стр. Ц. 40 к.

— СУЩНОСТЬ АГРАРНОЙ ПРОБЛЕМЫ. Отдѣльный оттискъ изъ книги „Аграрная проблема". 1906 г. 32 стр. Ц. 6 к.

— КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ. 1906 г. 103 стр. Цѣна 25 коп.

— НАКАНУНѢ. Изд. 1906 г. 214 стр. Ц. 60 к.

— ПРОГРАММНЫЕ ВОПРОСЫ. Вып. I. Основныя положенія. Ц. 10 коп. Вып. II. Историческія предпосылки. Ц. 10 коп.

С. А. Савинкова. ГОДЫ СКОРБИ (Воспоминанія матери). Изд. 1906 г. 64 стр. Ц. 15 коп.

П. Тимофеевъ. ЧѢМЪ ЖИВЕТЪ ЗАВОДСКІЙ РАБОЧІЙ. 1906 г. 117 стр. Ц. 40 к.

Карлъ Шурцъ. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ НѢМЕЦКАГО РЕВОЛЮЦІОНЕРА. 1907 г.—132 стр. Ц. 30 к.

Викторъ Черновъ. МАРКСИЗМЪ и АГРАРНІЙ ВОПРОСЪ. Историко-критическій очеркъ. Ч. I. Изд. 1906 г. 240 стр. Ц. 75 к.

Б. Эфрусси. ОЧЕРКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. *Второе* изд. 1906 г.—274 стр. Ц. 1 руб.

С. И. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ странѣ кунхузовъ и тумановъ. — На тихихъ водахъ.

П. Я. — П. Якубовичъ (Л. Мельшинъ). СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I (1878—1897 гг.). *Пятое* изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.

— СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. II (1898 — 1905). *Третье*, дополненное, изд. 1906 г.—316 стр. Ц. 1 р.

— РУССКАЯ МУЗА. Избранныя, оригинальныя и переводныя, стихотворенія 112 русскихъ поэтовъ, съ краткими ихъ характеристиками. Компактный томъ въ два столбца: больше 30.000 стиховъ. Изд. 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.

Въ конторѣ «РУССКАГО БОГАТСТВА» также продаются изданія „Библіотеки освободительной борьбы" и др.

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЕ МУЧЕНИКИ. Песнь. Чистый сборъ въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ. Изд. 1906 г.—32 стр. Ц. 15 к.

М. Фроленко. МИЛОСТЬ. (Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ). Изд. 1906 г. 16 стр. Ц. 10 к.

В. Н. Фигнеръ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Изд. 1906 г. Ц. 20 к.

Въ защиту слова. СБОРНИКЪ СТАТЕЙ и СТИХОТВОРЕНІЙ. IV-е изданіе (удешевленное) безъ перемѣнъ. 225 стр. Ц. 75 к.

Эдмъ Шампьонъ. ФРАНЦІЯ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ по наказамъ 1789 года. 1906 г. 220 стр. Ц. 50 к.

Даніэль Стернъ. ИСТОРІЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848 г.—Изд. 1907 г. Два тома, по 590 стр. Ц. 75 к. за томъ.

ПРАВИЛЬНЫЙ ЗАКОНЪ.

Пожилой, могучій татаринъ одиноко рылъ канаву вдоль поемнаго луга, отграничивая его темную зелень отъ выжженнаго солнцемъ, скудно заросшаго голубымъ полынкомъ, холмистаго выгона. Еще недавно, всего въ прошломъ году, чуть не было канавы, и она совсѣмъ была не нужна: мужики знали, что сѣрые холмы, которые они называли „Суркаши", принадлежатъ міру, а поемные луга—господамъ, и скорѣе согласились бы видѣть смерть своего скота отъ голода на Суркахъ, чѣмъ пустить стадо за грань, на барскую пойму. Теперь же мужики забыли всѣ межи и грани, и даже канава, усердно проводимая татариномъ, не помогала дѣлу. Два крестьянина объѣхали канаву, спокойно спутали въ барскихъ лугахъ своихъ коней и неторопливо подошли къ отдыхавшему татарину.

Изъ-подъ ногъ запрыгавшихъ по травѣ лошадей выскочилъ заяцъ, приподнялъ уши, послушалъ и темнымъ шарикомъ покатилъ въ гору. Все кругомъ было тихо, безлюдно и великой безпріютностью и безграничной бѣдностью повѣяло на людей.

— Куянъ! Куянъ!—крикнулъ татаринъ въ догонку зайцу, съ скрытой тревогой поглядывая на подходившихъ мужиковъ.

— И все будто „куянъ," а разглядишься—заяцъ!—проговорилъ Яковъ Чокмарь, молодой, лѣтъ 25, крестьянинъ, съ правильными и красивыми, крупными чертами энергичнаго лица, остриженный бобрикомъ и одѣтый по городски, въ пиджакѣ и хорошихъ сапогахъ, что стало обычнымъ явленіемъ и въ самыхъ глухихъ деревняхъ Поволжья.—Самъ ты, песъ, куянъ!—добавилъ Чокмарь:—роешь по пятаку сажень! Мы по четвертаку просили... Вотъ накласть тебѣ по бритой башкѣ,—ты и не будешь лѣзть, куда не слѣдъ! У насъ забастовка! Міромъ насъ послали прогнать тебя.

— А-а! д-дуракъ русакъ,—смущенно проговорилъ та-

таринъ:—грунтъ мягкій, рубля въ день получаю... Не таемъ,—чѣмъ питать себя будемъ?

— То-то ты и „питаешь“ хорошо себя!—саркастич произнесъ Чокмарь, указывая на краюшку татарскаго ба, плоскаго, плотнаго, ослизлаго.—Словно пирогъ съ я ками! Ахъ, и псы же эти татары! Никогда у нихъ хл какъ слѣднаго, не увидишь! Какъ живутъ?

— Мы какъ живемъ?!—перебилъ татаринъ страстн русскій—лѣнтяй! татаринъ—работаетъ! Кто канавы ро кизякъ дѣлаетъ, кулье таскаетъ? Русскій? Русскій: я усталъ, мочи нѣтъ, спать хочу, баба не велитъ, заб товка!“ Та- таринъ: ай-да—пошелъ! Никакой забантовка знаетъ!

— Нѣтъ, татары бы забастовали, а русскій, этакъ в пришелъ бы къ нимъ, наперебой,—что бы они сдѣлали предложилъ товарищъ Чокмаря, Павелъ Гусаровъ, пожил бородатый мужикъ, съ добродушной, но горькой улыбк застывшей на лицѣ, одѣтый по лѣтнему въ синюю до тканку и босой.

— Къ нимъ и безъ забастовки одинъ не пойдешь,—о звался Чокмарь,—у нихъ для насъ всегда забастовка; др ные они, псы... Вездѣ они насъ бьютъ!

— Что же, знакомъ,—спросилъ Гусаровъ,—работаете больше, чѣмъ мы, а у васъ въ деревняхъ не то дворьевъ, а и крышъ-то на избахъ у многихъ нѣтъ... Два — дома каменныхъ, а прочее хуже насъ, грѣшныхъ... К держите, вмѣсто коровъ... Наше дѣло хоть особенное: какъ въ полону, живемъ!.. А васъ кто тѣснитъ, господ васъ нѣту?

Татаринъ не отвѣчалъ. Онъ сидѣлъ на корточкахъ редъ котелкомъ, подъ которымъ слабо курились сырые щ тики, обломки зимнихъ придорожныхъ вѣшекъ, конс пометъ и грязная прошлогодняя жнива. Въ котелкѣ варил кирпичный чай, единственный приварокъ татарина къ р ному хлѣбу.

Оба русскихъ подсѣли къ огоньку.

— Вѣдь знаешь, песъ, что забастовка, а копаешь, грѣхъ лѣзешь! Вотъ начну я тебя твоимъ же котелко нажаривать...—ворчалъ Чокмарь, закуривая у огня па роску.

А Гусаровъ ловко, по своему, перестроилъ татарск костеръ, легъ на брюхо, надулъ щеки и, какъ мѣха развелъ бойкое, трескучее пламя.

— Ай, якши! Вотъ спасибо!—радовался татаринъ, п лядывая, какъ заходила бѣлая пѣна въ котелкѣ и побѣж ли по водѣ мелкіе, свѣтлые пузырьки.

Чокмарь глубоко задумался. Губы у него упрямо сжались, и глаза засвѣтились подъ вліяніемъ привязавшейся, мучившей его идеи.

— Бидно живемъ!—промолвилъ татаринъ. — Ой, бидно!.. Татаринъ—обжора! — попытался онъ оправдать свою бѣдность: — недѣля работаетъ, одинъ хлѣбъ ашаетъ, пятницамъ баранъ покупаетъ, калачъ, вобла... Водка пьетъ!.. Гуляй—гуляй!.. Субботамъ опять нѣтъ ничѣмъ; опять спина трещи.

— У меня папаша три года Астраканъ ходилъ,—сообщилъ, помолчавъ, татаринъ,—Самаръ ходилъ, Бака ходилъ.. У-у, деньга тащилъ: т-тыща!.. Другой баба себѣ бралъ, сѣро-нѣмецкій сукна одежа справлялъ, часы купилъ... Ухъ, кто я? Зюмалейнъ Агафорычъ! Три разъ пьянъ на одинъ дня бывалъ! А-а-д-дынъ мѣсяцъ все кончалъ!.. Бизъ сапогъ въ Астраханъ пошелъ... 10 лѣтъ теперь нейдетъ... Кунчалъ чать, давно?.. И я весь въ папашу: люблю гулять! Работаю,—ай, много работаю! Тѣло питаю, гуляю — душа питаю!—Татаринъ сжалъ кулаки и выпрямился, и видно было, что онъ страшно и могуче гуляетъ.

— Русакъ — дуракъ, — прибавилъ онъ, безнадежно махнувъ рукой,—ни тѣла не питаетъ, ни душа.

— Что ты все, собака, лаешься?—обидѣлся Чокмарь.— Не дураки мы: мы „душу питать“ тоже не хуже васъ можемъ... еще даже вамъ не достанется этакъ! А только мы всѣ, какъ во снѣ, живемъ; много насъ... сила народа! Проснемся когда-нибудь... Просыпаемся! у насъ старики, бывало, придутъ къ барину,—дождикъ ли, морозъ ли,—стоятъ у крыльца на дворѣ безъ шапокъ: „явите божескую милость, будьте отцомъ роднымъ, заставьте за себя Господа молить, не насъ пожалѣйте—дѣтишекъ малыхъ!.. Лужишко намъ лошадишкамъ, дровишекъ тамъ, хворостишку на городьбишку“... Ч-черти старые!—энергично выругался Чокмарь,—набаловали ихъ съ этимъ ремесломъ: что больше храпимъ, то они петлю туже тянутъ!.. Нынче только дохнемъ: забастовка! управляющій самъ на сходку бѣжитъ... Бывало, лошадь въ хлѣвъ возьмутъ, ѣздишь-ѣздишь на колѣнкахъ и портки-то протрешь. Нынче—вонъ онѣ, лошади-то, ходятъ, съ барскаго двора видно ихъ, что-жъ не идутъ?.. Земскій... чего земскій—урядничишко послѣдній все село загоняетъ, того на высидку, другого на высидку: на три дня, на семь денъ!.. На прошлой недѣли, загнули мы забастовку,—ты, дядя Павелъ, въ городѣ былъ,—кличутъ меня къ телефону. „Ты староста?“—земскій, слышу, спрашиваетъ. — Нѣту, молъ, старосты, въ городѣ онъ; я—кандидатъ.—„Ну, все равно, сейчасъ же явись ко мнѣ!“ —Не пойду, молъ, неколи!—И

отъ телефона пошелъ. Пріѣхали съ казаками. „Гони весь народъ на барскій дворъ!“ Ну, мы не бунтуемъ,—усмѣхаясь, пояснилъ Чокмарь,—озорства у насъ не было... Очень-то не боюсь я... а маненечко ослабъ же!—Не идутъ они, говорю, на барскій дворъ, на площади у пожарной машины собрались...—Скажи-ка этакъ прежде?.. А это: подумалъ-подумалъ... Поѣхалъ вѣдь съ казаками на село! Да еще шапочку скинулъ! „Честью васъ, мужики, прошу! Бросьте вы это все... ваши забастовки!..“ Не волчій зубъ, такъ лисій хвостъ. Что годовъ маялись! — возбужденно воскликнулъ Чокмарь:—и старики,—отцы и дѣды, — маялись, а до забастовокъ сами не додумались... Нашлись же вотъ добрые люди, наставили на разумъ... И диво, братецъ мой,—изумился Чокмарь,—какъ сразу весь этотъ гадъ схлынулъ! Какъ вотъ дымокъ комара отшибаетъ, такъ и они отъ насъ отвалились... Болтаютъ, до Новаго года всѣ суды и законы прикрыты... Солдатъ одинъ весной шелъ изъ Петербурга, сказывалъ:—самъ слышалъ,—во дворцѣ на караулѣ стоялъ, —какъ царь министрамъ говорилъ: „Изъ терпежу, говоритъ, я съ вами вышелъ, пущай, говоритъ, народъ хоть одинъ годъ безъ вашихъ законовъ поживетъ: раздышится мало-мало...“

— Въ этомъ тоже хорошаго нѣтъ,—уклончиво замѣтилъ Гусаровъ,—ихъ земля все же, мы этого не знаемъ, какъ она дадена имъ, какъ ли... Нынче мы ихъ забастовками крутимъ, завтра они насъ казаками доймутъ, — одно раззоренье... У нихъ не будетъ и у насъ не будетъ же... Одинъ бы конецъ по закону... Безъ закона какое житье...

— Да, кабы законъ-то на небѣ былъ написанъ,—неподвижно глядя на огонь, говорилъ Чокмарь,—и, чуть ежели кто ошибся,—чтобы: тр-рахъ!—Не желаешь въ тишинѣ жить?! Б-безо всякихъ!.. — Этакъ бы все еще ничего... А то вѣдь люди законъ-то уставляютъ... Не можетъ быть этого,—добавилъ онъ рѣшительно, — чтобы нельзя было народъ побожьи устроить... Вотъ онъ сидитъ, — указалъ Чокмарь на татарина,—уставили сами себѣ законъ и живутъ же, какъ быть должно! Тоже и имя, чать, есть, даромъ некрещеный... Знакомъ! Какъ тебя зовутъ?

— Зовутъ?—отозвался татаринъ:—Умэръ (Омиръ).

— Умеръ??—растерянно произнесъ Чокмарь.—Вотъ такъ имячко!.. А по закону же дадено, не изъ своей же головы взято.

— Ну, братъ, имя у тебя плохое, хуже выдумать нельзя!—сочувственно отозвался Гусаровъ.

Какъ кажется, татаринъ и самъ былъ невысокаго мнѣнія о своемъ имени.

— У насъ есть: Джабибулла!—съ достоинствомъ произнесъ онъ.

— Жабибула? Чего не имя!

— У насъ есть Усманъ!—нетерпѣливо проговорилъ татаринъ, поглядывая на русскихъ.—У меня сынъ Усманъ.

Османъ нѣсколько поддержалъ репутацію татарскихъ святцевъ. Чокмарь промолчалъ.

— У всякихъ народовъ—всякіе законы,—вдумчиво заговорилъ Гусаровъ,—а все какъ-то ни къ чему не склонно... народъ тѣснятъ только... Вотъ у меня баба десятый годъ пластомъ лежитъ; вся въ боляхъ, подступиться къ ней страшно... Въ больницу не принимаютъ, — она, говорятъ, неизлѣчима,—а насъ изъ избы выжила: духъ отъ нея, лѣтомъ червь заводится. Того и гляди, и дѣвченки заскорбнутъ. Сбиваться я на нѣтъ съ ней сталъ!.. Все вѣдь у меня хозяйство не хуже людского было, а сейчасъ скружился: одинъ и въ полѣ, и дома... И согрѣшишь вѣдь: прибралъ бы, что ли, Господь, одинъ бы конецъ. Вотъ по ихнему закону,—болѣзненно пошутилъ Гусаровъ, указывая на татарина,—взялъ бы я себѣ другую, а эта пущай бы лежала; у меня дѣло-то опять бы и пошло... Вонъ онъ, какой ужъ житель... Умеръ! у тебя много-ль жёнъ?

— Чего?—не понялъ татаринъ.

— Катыновъ много ли?—пояснилъ Чокмарь.

— Хатымъ—одинъ,—отвѣтилъ татаринъ.

— Какъ одинъ? Вѣдь у васъ ихъ штуки по три держатъ, или это богатые только?

— Бугатъ умный одинъ баба держитъ, бѣдный дуракъ три хатымъ беретъ. Ты держи на дворѣ два собака, онъ что будетъ дѣлать?—глубокомысленно загадалъ Умеръ.

— Что будутъ дѣлать,—насмѣшливо отозвался Чокмарь,—не скучно имъ будетъ, пошли играть!

— Каждый день грызться будетъ!—досказалъ татаринъ свою мысль.—И два хатымъ этакъ же: нынче старый на молодой верхомъ сѣлъ, завтра молодой — на старый... Который застоишь? У старой дѣтей больше; молодой самъ лучше. Умъ кончаетъ!.. У насъ былъ мулла. Все училъ насъ: не держи два-три баба, держи одинъ хатымъ; одинъ больше работаетъ, чѣмъ три! Старый сталъ мулла и хатымъ у него сталъ старый, а тутъ, шабрó, молодой дѣвка всѣ задъ-передъ бѣгалъ... мулла все глядѣлъ, все глядѣлъ... Шайтанъ ему въ уши дулъ... Не стерпѣлъ, взялъ молодой хатымъ... Забылъ, какъ насъ училъ... Вотъ молодой баба со старой разъ одинъ ругался, другой разъ схватился—дрался; мулла хотѣлъ бранить ихъ, мирить... Молодой—его самаго за бороду, старый за глаза! Ахъ! Не ладилъ! Взялъ,

бѣжалъ, бросалъ ихъ. Самъ сталъ за ворота, стоитъ. А зима была. Вьюга. Вотъ идетъ другой татаринъ; на вѣтеръ идетъ, согнулся; глядитъ: что такое? Вьюга, дишать нельзя,—мулла у воротъ стоитъ!

— Ты что, дядюшка мулла, такой вьюга у воротъ стоишь? „Вьюга??"—татаринъ картинно изобразилъ на своемъ лицѣ горестное изумленіе стараго муллы. — „Эт-те какой вьюга. У меня въ избѣ—такъ вьюга!"

— Вотъ и позавидовалъ!—усмѣхнулся Гусаровъ:—и у нихъ—то же. Не законы, видно, людей дѣлаютъ, а все люди же законы. Возьми-ка другую бабу, какъ она съ хворой-то распорядится... лѣтомъ вьюгу сдѣлаетъ!.. Чудное дѣло: народа вездѣ умножилось, а никто себѣ правильнаго закона не найдетъ, каждому только до себя, а объ людяхъ и Богъ забылъ.

— Какую вы тутъ чепуху понесли!—нетерпѣливо проговорилъ Чокмарь:—поддамся я бабѣ?! И безъ бабъ-то на нашемъ братѣ верхомъ ѣздить охотниковъ довольно... Ну, только отошло время... У меня въ яровую пашню лошадь плечо намяла; пошло болѣть и изболѣло все плечо, дыры на немъ вывертѣло. Лѣчилъ-лѣчилъ—все хуже. Коноваламъ, чать, десяти показывалъ, только деньги берутъ, а не лѣчатъ... Такъ, въ самомъ дѣлѣ, не вылѣчатъ они плеча, диви бы хворь какая мудреная? Не повѣрю я... Поѣхалъ я къ конскому доктору, въ Курени,—тамъ живетъ главный-то вертиньеръ. Ѣхалъ-ѣхалъ, провалиться бы ему, 70 верстъ вѣдь! Думалъ ужъ, и не доѣду никогда. Пріѣзжаю. Выходитъ. „Что тебѣ, мужикъ?"—Вотъ до вашей милости, плечо у лошади отбилось.—Поглядѣлъ.—„А! Ну, погоди, я сейчасъ".—Ушелъ. Выходитъ и даетъ мнѣ мячъ; такъ мячъ резинковый съ костышкомъ. „Вотъ, говоритъ, этимъ мячемъ промывай ей рану теплой водой".—Ну, молъ? „Ну и больше ничего."—Водой? „Да, водой".

Чокмарь поднялъ голову, глаза у него возбужденно сверкали.

— Прыгнулъ я на лошадь, да какъ ему мячемъ запалилъ въ рыло!—Ахъ, ты, молъ, такой-сякой,—напрямки!—Это я къ тебѣ за водой 70-то верстъ ѣхалъ? Воды-то у меня дома довольно...

Чокмарь замолчалъ и задумался. Онъ думалъ о томъ, какъ взять эту никому не дающуюся правду; что дѣлать надо, съ чего начинать, чтобы „правильный законъ" овладѣлъ людьми, а люди овладѣли правильнымъ закономъ.

А Гусаровъ ставилъ вопросъ иначе: самого себя онъ не считалъ ни строителемъ жизни, ни искателемъ правды; онъ съ тревогой, мучительно оглядывался кругомъ, искалъ лю-

дей, которые несутъ правильный законъ, живутъ по-божьи, и смиренно желалъ пристать къ нимъ и идти съ ними.

— Ждемъ мы отъ людей правды,—заговорилъ Гусаровъ,— а сами ни одной сходки не соберемъ безъ ругани да безъ скандала. Подъ конопли, въ усадахъ, по сажени достается, и каждый годъ съ дракой дѣлимъ, а всю Рассею по-божьи подѣлить собираемся... Свой братъ попадетъ въ начальство, хуже въ десять разъ всякаго барина глотку готовъ перегрызть... Вотъ, говорятъ, въ случаѣ чего, солдаты въ насъ стрѣлять не будутъ... Вы этого и не думайте! И въ голову не берите! — убѣжденно крикнулъ Гусаровъ: — Ежели по командѣ, любой солдатъ въ отца родного запалитъ!

— Будетъ болтать! — пренебрежительно бросилъ Чокмарь.—Ну, кто въ отца стрѣлять станетъ?

— Ну, скажемъ, въ отца не станетъ, — подумавъ согласился Гусаровъ,—такъ вѣдь не безпокойся, и не заставятъ въ своихъ стрѣлять... Ихъ учить нечего, кого на кого посылать... Это такъ только говорится, что въ отца... А все же у насъ народъ обидчикъ, озорникъ темный, у насъ человѣка не то что обидѣть, а и пришибить, какъ комара, ни за что кладутъ... Походилъ я по бѣлу-свѣту, всего наглядѣлся! Жилъ я, братецъ мой, одну зиму въ Ковалевкѣ,—далеко отсюда,—у маслобойщика Ивана Сидорыча въ работникахъ... И какъ праздникъ, покупаетъ этотъ Иванъ Сидорычъ четверть водки и идетъ съ ней на улицу, гдѣ народъ на завалинкѣ собрался... и какъ только увидитъ сторонняго прохожаго: нищаго тамъ, торговаго, проходящаго, изъ духовныхъ ли, это ему все равно:—Вотъ, ребята, жертвую вамъ четверть,—потѣшьте мнѣ этого чоловѣка!—Выстилку, то есть, дать ему велитъ. И сейчасъ человѣка 3—4 или тамъ, глядя по прохожему, пятеро пойдутъ, будто по своему дѣлу, ему встрѣчь и, не говоря худого слова, — разъ-разъ его по мордѣ; собьютъ на землю, разобьютъ ему сапогами все рыло, да еще заказываютъ: «ежели ты только дохнешь кому, мы тебя на краю свѣта найдемъ!»—И всѣ въ округѣ знаютъ, что по праздникамъ стороннему человѣку Ковалевкой ходу нѣтъ: тамъ, говорятъ, маслобойщикъ озорникъ живетъ, народъ встрѣчаетъ да травитъ!..

Гусаровъ неодобрительно покачалъ головой и тяжело вздохнулъ.

— А то вотъ еще жилъ я въ Лавѣ,—продолжалъ онъ:— на барскомъ дворѣ въ работникахъ, и есть у нихъ тамъ, въ Лавѣ, мужичекъ Ермолай. Вотъ такъ вотъ! Пять лѣтъ тому дѣлу прошло, а и сейчасъ мнѣ онъ во снѣ часто снится. Людей хозяинушка давитъ, а меня всегда Ермолай! Дѣлалъ онъ себѣ тулупъ изъ собачьихъ шкуръ: пымаетъ собаку,

свяжетъ ей морду, вздернетъ ее къ перекладу за заднія ноги, да съ живой кожу и деретъ: она, баетъ, съ теплой-то лучше отстаетъ! Жилъ я тамъ,—онъ на третьей бабѣ женатъ былъ; двухъ-то первыхъ, сказываютъ, засѣкъ... ну, не знаю я этого, не видалъ, а третью онъ при мнѣ убилъ... Катькой грязной звали бабу; ужъ онъ ее и огнемъ-то жегъ, и цѣпомъ молотилъ, и вилами колотъ... И вотъ, приклей ты его бабѣ правильный законъ на голое тѣло, все этакъ же онъ ее увойкаетъ!.. Украли у насъ тогда на барскомъ дворѣ хомуты, и подумали прямо на Ермолая, больше потому что не кому, а онъ на поденной въ тотъ день былъ, углядѣлъ, гдѣ они висѣли. Наѣхали становой, урядникъ, пошли съ обыскомъ по селу и ничего, конечно, не нашли. Вызвали насъ, батраковъ, на взъѣзжую и Ермолая скричали, допрашиваютъ, не видалъ ли кто что... Ну, никто ничего не видалъ. И, вдругъ, хлопъ, братецъ ты мой, дверь, появляется сама Катька грязная и два хомута претъ.—Вотъ, говоритъ, въ соломѣ они у насъ на гумнѣ лежали зарыты, и остальные-то тамъ же.—Мы всѣ индо замерли: что такое она задумала? А она что задумала? Баба, такъ она баба и есть: она думала, Ермолая то прямо въ острогъ, да на поселенье сошлютъ... А какъ переписалъ становой, да поѣхалъ, а Ермолай-то остался, она и заметалась:—Я куда?! Родименькіе! Я куда??.—Гусаровъ поблѣднѣлъ, нахмурился, махнулъ рукой и замолчалъ.

— Разъ тоже, въ Вѣхахъ дѣло было,—медленно, съ трудомъ началъ онъ, какъ бы повѣряя свои мысли:—татары лошадей ночью увели. Хватились-то скоро, догнали татаръ, стали ихъ бить:

— Сказывайте, кто выдалъ?—Безъ своего-то человѣка ни одинъ воръ не воруетъ. Ну, они и повинились:

— У Ивана, говорятъ, Ѳедорова Крашенинникова стояли.—А былъ онъ, Крашенинниковъ-то, и прежде у міру на замѣчаніи,—прямо ночью къ нему всѣмъ народомъ и подвалили: самого-то убили, и старуху убили, и двоихъ сыновьевъ тоже убили же, дѣвкѣ только голову проломили, эта жива осталась. А по утру, разобравши дѣло, оказалось, татары-то стояли совсѣмъ въ другомъ концѣ, у Ѳедора Иваныча Красильникова... Похоже—и обмолвились... Куда же мы въ этихъ дѣлахъ правильный законъ спрячемъ?—съ горькимъ недоумѣніемъ проговорилъ Гусаровъ.—Какіе законы ни заведи,—люди все тѣ же будутъ: господа вонъ и образованные люди, а казаками правильный законъ хотятъ найти, чѣмъ бы самимъ первымъ начать по-божьи жить, а они только народъ сбиваютъ съ пути... Или хоть бы и твое дѣло,—вглядываясь въ Чокмаря, устало говорилъ Гусаровъ:—

онъ тебѣ лѣкарство не даетъ, а ты—въ рыло! Этакъ правду не найдешь...

— Ну, помнить будетъ, въ другой разъ побоится,—угрюмо отвѣтилъ Чокмарь.

— Ладно, коли побоится, а какъ хуже обозлится, да неудобнаго чего дастъ, вотъ тебѣ и не знай, кто больше попомнитъ...

— Найдемъ правильный законъ!—увѣренно сказалъ Чокмарь.

— Наврядъ!—отвѣтилъ Гусаровъ.—Растревожилъ я себя съ этимъ Ермолаемъ... Умеръ!—обратился онъ къ татарину:—найдемъ мы правильный законъ?

— Найдемъ! Всѣ найдемъ!—тоже увѣренно откликнулся тотъ.

Татаринъ всталъ и вытянулся во весь свой огромный ростъ. Въ длинной бѣлой рубахѣ безъ пояса, съ разстегнутой мохнатой грудью и непокрытой, давно не бритой головой, онъ похожъ былъ на библейскаго пророка. Онъ глядѣлъ вверхъ и говорилъ могучимъ голосомъ, слово перекликаясь съ кѣмъ въ безоблачномъ, потемнѣвшемъ отъ зноя небѣ.—Всѣ найдемъ! Вотъ!—указалъ Умеръ на разрытую землю:—одинъ сажень—всѣмъ людямъ одинъ правильный законъ! Мы здѣсь гости, на этомъ свѣтѣ, здѣсь богатый такъ же часто плачетъ, какъ и бѣдный... Мы глядимъ: вонъ птица летитъ, высоко, легко! А онъ усталъ, упалъ!

И на своемъ смѣшномъ, изломанномъ языкѣ татаринъ разсказалъ русскимъ, какъ, откуда-то издалека, пріѣзжалъ въ татарскія деревни Поволжья Ишанъ-учитель. Въ деревню, гдѣ жилъ Умеръ, пріѣхалъ онъ передъ вечеромъ и долго бесѣдовалъ съ муллами и почетными стариками... И стояли впряженные рѣзвые татарскіе кони, готовые немедленно везти Ишана далѣе... Была весна, въ лѣсу у рѣчки цвѣли вербы и черемуха и заливались соловьи, а на горѣ, въ русскомъ селѣ, былъ праздникъ и всю ночь гремѣли пѣсни. На чужомъ и непонятномъ языкѣ звали Ишана къ вольной жизни, въ веселую и шумную битву; бросали могучій, побѣдный кличъ, томились молодой и горячей страстью. Задумался Ишанъ и сидѣлъ молча, пока не погасли кроткія и блѣдныя звѣзды, пока не зазолотилось небо солнечными лучами, пока не замолкли соловьи и не стало слышно чужихъ пѣсенъ на горѣ. Ишанъ велѣлъ отпречь лошадей и сказалъ, что остается въ въ селѣ еще на одну ночь послушать, какъ поютъ сильные и счастливые люди.—Трудно вамъ жить среди нихъ!—печально сказалъ Ишанъ татарамъ и, озабоченный, пошелъ въ русское село и пробылъ тамъ до полдня. Спокойный и довольный вернулся Ишанъ и, не дожидаясь ночи, поѣхалъ

дальше. Обманули Ишана пѣсни: въ русскомъ селѣ не сильныхъ и счастливыхъ, а слабыхъ и несчастныхъ увидалъ онъ людей...

Русскіе серьезно и внимательно слушали татарина.

— Правильный онъ татаринъ,—промолвилъ Гусаровъ,—давно я ихъ семью знаю; мало и у нихъ этакихъ,—все больше жулье...

— На томъ свѣтѣ мною хоть тынъ подопри; пока здѣсь живемъ, здѣсь и правильный законъ искать будемъ!—упрямо настаивалъ Чокмарь.—Одинъ разъ, за всѣ времена, всѣмъ здѣсь поровняться надо,—тогда все и перемѣнится; и къ маслобойщику за стаканъ водки увѣчить народъ не пойдемъ...

— Не перемѣнится...—уныло отвѣтилъ Гусаровъ.—Нашъ братъ не поровняется первый. Толковали на сходкѣ про это поравненіе, Воладимеръ Кирюкинъ на церкву перекрестился: „Всѣхъ шесть лошадей своей рукой порѣжу, а вамъ, бездомникамъ, не достанутся!“

— Занылъ!—нетерпѣливо перебилъ Чокмарь:—да ты, всего въ прошломъ году, сказалъ бы кому про забастовку: помыслить нельзя было! А теперь, не то что мужики, бабы-то и тѣ другія стали... Недавно тетка Надежда захворала,—у брата-то полно ребятишекъ, ее къ намъ и привезли,—три дня безъ языка лежала, потомъ ночью ей полегчало, утромъ она меня и кличетъ:—Яша, подь-ка сюда!—Я подошелъ.—Что, молъ, тетка, полегче, что ли?—Слава Богу, говоритъ, что говоритъ, Дурновъ-то, слышно все еще живъ? А Горемыкинъ-то? — Я даже не понялъ сначала, про кого она? Поди-ка, а ты вотъ! Тоже и ей забота!—искренно удивился Чокмарь.

— Совсѣмъ другой народъ сталъ,—добавилъ онъ,—отчего-нибудь господа то хвосты попрятали, чать они не съ роду кургузые?

— Выходитъ нарѣзка намъ,—по прежнему безнадежно тянулъ Гусаровъ,—господа сробили—это точно; большую слабость характера оказали, никто этого и не чаялъ... Ну, только и намъ земля не въ помощь: опоздали съ нарѣзкой. До перваго голоднаго года нарѣзать надо было, до 91, народъ ровный тогда былъ, а теперь свою-то землю раздаемъ, отъ продовольствія, черезъ Красный Крестъ, къ продовольствію тянемся! Обезлошадили, оборвались, не крестьяне стали... Голодные года раздышаться не даютъ! Попадетъ земля богачамъ да семьянамъ, они съ насъ, съ живыхъ, шкуру сдерутъ! Они и сейчасъ, что хотятъ, то надъ нами и дѣлаютъ... имъ забастовкой не угрозишь! Каждую сажень съ бою брать придется...

— О-о! — весело воскликнулъ Чокмарь: — ну, ужъ этого

нѣтъ! Только бы отъ господъ отбить, а своихъ,—не станутъ они съ нами по совѣсти дѣлаться, — мы дудкой снимемъ! Мы ихъ и кислымъ, и горькимъ начнемъ угощать! Дымомъ, какъ пчелъ! — съ жестокой радостью говорилъ Чокмарь.

— Ничего не будетъ! Какъ жили—такъ, видно, и будемъ жить! — сомнѣвался Гусаровъ.

— Десять лѣтъ протянется это, а землю мы все-же отобьемъ!—упрямо твердилъ Чокмарь.—Не забудемъ мы про забастовки! Мы хорошо это поняли! Былъ я въ городѣ, толковалъ съ самими соціалами. На фабричныхъ они не надѣйся! Тѣмъ бастовать нельзя: прикроютъ фабрики, — всѣ сразу языки высунутъ... А мы рѣдко да мѣтко; въ жнитво, въ сѣнокосы, да и во всякое время, недѣлю пробастуемъ, иной-другой всю жисть не забудетъ: бросай хозяйство! намъ развѣ горе? Только вольнѣе будетъ... Не работники мы больше на господъ!.. Толкуешь ты, въ насъ самихъ правды нѣтъ, того убили, другого изувѣчили... Насъ бьютъ — и мы бьемъ... Не озорникъ нашъ народъ, а совѣстливый, смирный: 15 лѣтъ, какъ господскіе суды пошли, все одно, какъ безъ всякаго закона мы живемъ... Не диво, если кто и ошибется! Другіе давно бы бунтить начали. Будь у насъ хоть плохонькій судишка, — никогда до этого дѣло не дошло бы, чтобы крестьяне на грабежъ кинулись... Съ ума свести кого угодно можно... Погоди, наторѣемъ съ забастовками, устроимъ свое мужицкое дешевое царство, тогда ошибаться не будемъ!.. Все, все, до единаго слова, студенты правду говорятъ! Все вѣрно! Все такъ и будетъ!

— Намъ и въ церкви правду говорятъ, — не сдавался Гусаровъ,—давно говорятъ... Возлюби, говорятъ, ближняго своего... Студенты говорятъ: „земля и воля!“ Все это къ одному же: возлюби! Ежели всѣ возлюбимъ, вотъ тебѣ и земля будетъ, и воля!.. Да не возлюбляемъ!., Божьяго слова не слушаемъ, людскихъ рѣчей надолго не хватитъ!

— Врешь ты все! — возмутился, наконецъ, Чокмарь: — Никогда намъ въ церкви про забастовку не читали, — студенты первые выдумали! По осени лѣтось, когда мы барскіе лѣса глушили, попъ что говорилъ? „Вы, говоритъ, антихристу предаетесь! Бунтовщики вы!“ Забылъ? Я ему еще молвилъ:—вы, батюшка, въ церкви такими словами доказывайте, а не ругайтесь!—да и пошелъ изъ церкви, и народъ весь за мной пошелъ же, остались они, съ дьячкомъ, только двое... А въ Мордовскихъ Вѣхахъ за такія-то слова, слышно, взяли попа за долгія космы, да, какъ на поводьяхъ, изъ церкви и вывели! А вѣдь чье бы и дѣло, что не попово, народъ наставлять? Онъ, чѣмъ бы манифесты про бунты вычитывать да напрасно людей озлоблять, вышелъ бы да сказалъ:

„Братіе! Вы не озоруйте, не грабьте, не жгите! Вы, какъ въ протчіихъ народахъ, согласитесь, всѣ неимущіе, въ одно слово да и того—забастовку!!. Отъ богатыхъ-то сами себя и застойте Вотъ, все, что у нихъ неправдой нажито, все между рукъ и поплыветъ!“

— Я еще до студентовъ,—неожиданно согласился Гусаровъ, — говорилъ: перестанемъ на господъ работать! Намъ можно перетерпѣть... И не Богъ вѣсть нажива какая! Вонъ одинокіе, чуть округъ себя успѣваютъ оправиться, — не до барской работы имъ, а живутъ же! Ну, только, — вздохнулъ Гусаровъ,—все одно теперь: послѣдніе года пришли... и работать будемъ, подохнемъ, и работать не будемъ, все одно, подохнемъ же... Земля отбилась... Не крестьянинъ это, безъ продовольствія дышать не можетъ! Пожалуй, мнѣ ее нарѣзай, ежели она не родитъ!

— Ну, что будетъ,—то и будетъ!—рѣшительно заключилъ Чокмарь. — Гдѣ ни сойдемся, все объ одномъ толкуемъ, — голова кругомъ идетъ, — пора и утолковаться. Потерпимъ, не привыкать терпѣть, а все же черезъ Бога терпѣть будемъ—не черезъ господъ... Какъ говорится: вотъ тебѣ хомутъ и дуга, а я тебѣ больше не слуга!.. Н-ну, лошадей мы съ тобой, дядя Павелъ, покормили, айда до двора! А ты, бритая башка!—обратился Чокмарь къ татарину:—сказано тебѣ, и убирайся! А ежели доглядимъ, все ты тутъ копаешь, пріѣдемъ — такую тебѣ выволочку дадимъ! И въ твою же канаву тебя уложимъ и землей завалимъ. Такъ и знай!

— Не велишь — уйду, — согласился на этотъ разъ покорно татаринъ, заслышавъ угрозу.—Не зналъ вашихъ дѣловъ, зналъ бы, не пришелъ... Не знай, разсчетъ даютъ ли на барскомъ дворѣ? Рядилъ 400 сажень, копалъ—80.

Чокмарь и Гусаровъ словили своихъ лошадей и поѣхали прочь. Отъѣхавъ сажень десять, Гусаровъ оглянулся на татарина. Татаринъ укладывалъ чашки, котелокъ и хлѣбъ въ мѣшокъ.

Гусаровъ остановилъ коня.

— Зря обидѣли татарина, — сказалъ онъ, — забастовка наша совсѣмъ не къ этому... Управляющій только радъ будетъ и денегъ Умеру не отдастъ.

— Обязательно не отдастъ!—подтвердилъ Чокмарь:—это ему Богъ далъ, 80 сажень—4 рубля.

— Татарина-то я знаю!—продолжалъ Гусаровъ,—и отца его, Зиновейку, зналъ, онъ кожами торговалъ и все къ намъ заѣзжалъ... Мы, ребята, еще ему горностайчиковъ ловили по четвертаку за штуку... И еще, помню, у него другой парнишка былъ, съ нимъ ѣздилъ, того Камалькой звали, а по-русски Василій; ужъ не знай, какъ это выходило, и не

похоже совсѣмъ?.. Развѣ что, въ кой день онъ родился, у нихъ Камалька святой былъ, а у насъ Василій?

— Ну, чего-жъ ты сталъ? „Камалька“! До всего ему дѣло,—засмѣялся Чокмарь,—согнали, такъ и песъ съ нимъ; не сами: міромъ послали.

— То и сталъ, что не къ этому совсѣмъ забастовка: у нихъ, у татаръ, своихъ господъ нѣту, чѣмъ же они кормиться будутъ, станемъ мы ихъ отбивать? Толкуемъ про правильный законъ, а татарина обидѣли!

— Ну, такъ, инъ, вели копать!—согласился просто Чокмарь.—Мужики, чать, ругать не будутъ?

— Да за что они будутъ ругать, за одного татарина, — отвѣтилъ, довольный, Гусаровъ, — да еще ежели мы разобрамши дѣло, по правильному закону, по-божьи...

— Эй, Умеръ! — крикнулъ Гусаровъ татарину, — копай что ли!

— Иду-иду!—не понялъ татаринъ:—собрать надо хурду-мурду. Не велишь, не буду... Ваше дѣло... мое — совсѣмъ сторона.

— Я тебѣ говорю: копай!—кричалъ Гусаровъ:—мы передумали. Самая это твоя чортова работа, мы на нее, все равно, не пойдемъ!.. Ежели согонять кто будетъ,—добавилъ онъ,—говори: Павелъ, молъ, Гусаровъ велѣлъ мнѣ... Гусаровъ, — не забудь. Я—это! староста мірскій! Ну, съ Богомъ!—тронулъ Гусаровъ лошадь.

Татаринъ стоялъ, опираясь на лопатку, и молча глядѣлъ вслѣдъ русскимъ. Они ѣхали по выгону къ селу и долго слышно было въ полуденномъ затишьѣ, какъ они спорили все объ одномъ и томъ же: о правдѣ, о землѣ, о волѣ... Вдали виднѣлось село: внизу у рѣчки, широко и привольно, вся въ темной зелени садовъ, сверкая красными крышами строеній, раскинулась барская усадьба, а передъ ней, въ полугорѣ, ровной ниткой выстроился крестьянскій „порядокъ“, и издали казалось, что избы франтовато подбоченились и насмѣшливо, и любопытно заглядываютъ внизъ... И почуялось татарину, что оттуда, съ залитой солнцемъ улицы, потянуло и вѣетъ новымъ вѣтромъ, мятежнымъ и вольнымъ.

— А-а, ширлатанъ! — одобрительно произнесъ татаринъ, серьезными и умными глазами провожая удалявшихся всадниковъ.—Проголодался—догадался!

А. Н. Поповъ.

«Воскресеніе» марксизма.

II.

Мы затронули, можетъ быть, самое больное мѣсто марксизма. Дѣло въ томъ, что *частичный* или прогрессивный соціализмъ давно пересталъ быть ересью однихъ только Жорэсовъ да Бернштейновъ, давно сдѣлался суррогатомъ, подмѣнившимъ собственныя соціалистическія задачи соціалъ-демократіи. Намеки о парціальномъ соціализмѣ вы можете встрѣтить въ рѣчахъ Бебеля; такъ, напр., по поводу требованія эрфуртской программы объ экспропріаціи всѣхъ средствъ производства, выставленнаго еще «Манифестомъ» 1848 г., онъ обращается къ товарищамъ съ такими разъясненіями: «Къ этому крайнему шагу—говорилъ Бебель,—вы придете не въ одинъ день; вы не знаете, когда наступитъ этотъ моментъ,—больше, вы даже не знаете момента, когда, быть можетъ по частямъ, парціально, овладѣете властью и получите возможность провести свою программу, по крайней мѣрѣ, въ частичномъ видѣ; въ послѣднемъ счетѣ, можетъ существовать 10, 20, 30 различныхъ путей, на которые намъ придется вступить, придется, быть можетъ, пройти еще цѣлый рядъ этаповъ, прежде чѣмъ мы достигнемъ нашей цѣли»...

Однако, намъ вовсе нѣтъ надобности подхватывать случайныя замѣчанія Бебеля, когда самъ Карлъ Каутскій, теоретическій глава и вдохновитель соціалъ-демократіи, спеціально разработалъ въ послѣдніе годы такого рода планъ соціальной организаціи будущаго, по поводу котораго хорошо освѣдомленный французскій изслѣдователь пишетъ: «Нынѣ наиболѣе авторитетные представители марксистской доктрины, не порывая открыто съ коллективизмомъ и съ тою цѣлостной революціей, которую предполагаетъ послѣдній, придаютъ соціальной революціи такое широкое опредѣленіе, что оно отлично подходитъ къ медленному преобразованію существующаго экономическаго порядка. Они допускаютъ прогрессивное обобще-

ствленіе средствъ производства, совершаемое облеченнымъ политическою властью пролетаріатомъ, и не обнаруживаютъ больше никакого отвращенія къ частичному и прогрессивному государственному соціализму» (Maurice Bourguin «Les systèmes socialistes et l'évolution économique». Paris. 1904. p. 121).

Итакъ, въ самыхъ общихъ чертахъ проектъ Каутскаго,—онъ изложенъ въ его книжкѣ: «Соціальная реформа и на другой день послѣ революціи» (сс. 95—150)—заключается въ слѣдующемъ.

Вся капиталистическая собственность принимаетъ въ будущемъ форму выпускаемыхъ общественными учрежденіями именныхъ (во избѣжаніе обмановъ и уклоненій отъ платежа) облигацій; устанавливается прогрессивный подоходный налогъ, размѣры котораго можно довести до какой угодно высоты—въ случаѣ надобности даже и до такой, что для крупныхъ имуществъ онъ будетъ почти равносиленъ конфискаціи: послѣдняя утрачиваетъ при такомъ образѣ дѣйствія свой рѣзкій революціонный характеръ, становится болѣе эластичной и менѣе болѣзненной. Самое обобществленіе произойдетъ не исключительно только въ пользу государства, но и общинъ, ассоціацій, кооперативныхъ союзовъ. Оно не будетъ даже интегральнымъ, напр., не коснется множества частныхъ мелкихъ предпріятій, прежде всего въ области сельскаго хозяйства, а за тѣмъ и ремесла (особенно въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ машина еще не въ состояніи успѣшно конкуррировать съ ручнымъ трудомъ). Возможно даже, пожалуй, что при пролетарскомъ режимѣ число мелкихъ промышленныхъ заведеній увеличится вслѣдствіе благосостоянія массъ и усиленія спроса на продукты ручного труда.

Далѣе, Каутскій вовсе не собирается послѣ соціальной революціи приступить къ упраздненію денегъ; какъ средство обращенія, деньги останутся. Цѣны продуктовъ можно будетъ устанавливать независимо отъ стоимости, хотя при этомъ будутъ сообразовываться съ исторически установившимися цѣнами. А разъ существуютъ деньги и цѣны на продукты, то и трудъ будетъ оплачиваться деньгами—должна будетъ, слѣдов., существовать и рабочая плата, при чемъ послѣдняя принимаетъ самыя разнообразныя формы: постояннаго жалованья, повременной или поштучной платы, участія въ выгодахъ отъ сбереженія сырья, машинъ и пр., въ выгодахъ отъ болѣе интенсивнаго труда и т. п.

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ концепція Каутскаго о соціальной организаціи, которая будетъ введена послѣ пролетарской революціи. Выше цитированный Морисъ Бургэнъ совершенно правъ, заключая, что марксизмъ вступилъ въ лицѣ ея въ новую фазу: тезисъ о катастрофѣ почти отвергнутъ, насильственная и внезапная революція почти что исключена, чистый коллективизмъ игнорируется; даже самъ государственный соціализмъ далеко не берется въ его интегральномъ смыслѣ, но разсматривается, какъ соціализмъ прогрессивный; онъ сдѣлался какимъ то сочетаніемъ

муниципальнаго соціализма, кооператизма и даже индивидуализма. «Соціализмъ освобождается отъ утопіи и старается стать пріемлемымъ, уклоняясь съ каждымъ днемъ все болѣе отъ коллективизма героическихъ временъ» (назв. соч. 123—4).

Мимоходомъ замѣтимъ, что этому процессу освобожденія соціализма отъ утопіи и подмѣны его ученіемъ, «пріемлемымъ» и для не-соціалистическаго міра, хотя и сохранившимъ еще какую то соціалистическую опушку,—глава бельгійскихъ соціалистовъ, Эмиль Вандервельдъ, еще до Каутскаго далъ крайне мѣткое опредѣленіе, говоря о превращеніи внезапной экспропріаціи въ «постепенное распространеніе коллективной собственности *по линіи наименьшаго сопротивленія*» («Le socialisme en Belgique», стр. 369). На нашихъ глазахъ расширяется область государственнаго хозяйства, какъ о томъ свидѣтельствуютъ бюджеты всѣхъ культурныхъ государствъ, и «по мѣрѣ того, какъ распространяется область коллективной собственности,—частная собственность принимаетъ все болѣе и болѣе условный характеръ» (Читатель вспомнитъ тутъ и вышеприведенное, въ выноскѣ, замѣчаніе Жореса объ изъятіи изъ подъ вѣдѣнія индивидуальной воли и индивидуальнаго права $^1/_5$ доходовъ французской націи въ видѣ налоговъ,—кончающееся фразой о томъ, что «демократическое государство становится классовымъ государствомъ все менѣе и менѣе»). Однако, заслуживаетъ вниманія, что тогда, какъ Каутскій яко-бы откладывалъ осуществленіе своего «соціалистическаго» плана «на другой день послѣ пролетарской революціи», чѣмъ до нѣкоторой степени осѣнялъ его отблескомъ чего-то идеальнаго и далекаго,—Вандервельдъ и Жоресъ, помѣщая тотъ же процессъ въ самую сердцевину капиталистическаго строя, лишаютъ его въ глазахъ вѣрующаго соціалиста послѣдняго ореола, превращая въ какую то капиталистически-соціалистическую мѣшанину, гдѣ за поверхностными классовыми перегородками общества мы уже теперь въ правѣ усматривать зарю новыхъ соціалистическихъ отношеній. Развертывая предъ нами свой коллективизмъ «линіи наименьшаго сопротивленія», Вандервельдъ объясняетъ: «Съ развитіемъ фабричнаго законодательства капиталисты все болѣе и болѣе становятся въ положеніе руководителей *коллективистическаго предпріятія*: промышленность, въ которой закономъ опредѣлена длина рабочаго дня, рабочіе имѣютъ участіе въ прибыляхъ, право обсуждать внутренніе распорядки производства, устанавливать, вмѣстѣ съ предпринимателями, условія труда, воздѣйствовать на нихъ чрезъ своихъ выбранныхъ помощью примирительныхъ третейскихъ судовъ—такая промышленность, по меньшей мѣрѣ, *столько же похожа на общественное производство, сколько и на частное предпріятіе*» (стр. 280). Настоящая *капиталистически-коллективистическая* идиллія, не правда ли,—не смотря на всю свою идилличность, однако, не исключающая того, что мы стоимъ уже «въ самомъ огнѣ соціальнаго переворота» и

намъ совершенно нечего болѣе дожидаться революціи въ старомъ смыслѣ этого слова *)!

Но если все это такъ, то мы не видимъ никакой надобности останавливаться въ своемъ анализѣ на той точкѣ, на которой бы вздумали утвердить насъ Каутскій, Вандервельдъ или Жорэсъ, а считаемъ возможнымъ продвинуть этотъ анализъ и дальше. И дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ мы вчитывались въ послѣднее слово соціалистическаго profession de foi главы современной германской соціалъ-демократіи, въ памяти нашей все настойчивѣе вставало другое соціальное profession, которое, за 20 лѣтъ до того, въ отвѣтъ на обвиненіе въ соціализмѣ, выложилъ предъ изумленнымъ рейхстагомъ—не кто иной, какъ «желѣзный канцлеръ».

Заканчивая въ засѣданіи 12 іюня 1882 г. свою рѣчь въ защиту законопроекта казенной табачной монополіи—этого архиколлективистическаго законопроекта, какъ не отказались бы подтвердить, безъ сомнѣнія, ни Жорэсъ, ни Вандервельдъ—кн. Бисмаркъ самъ рѣшительно пошелъ навстрѣчу этому новому и благодарнѣйшему поводу для своего обвиненія фразой: «Я хочу еще коснуться упрека въ соціализмѣ». Ораторъ не отрицаетъ справедливости этого обвиненія, признаетъ соціалистичность многихъ мѣръ, принятыхъ имъ въ интересахъ страны, и, развивая въ этомъ направленіи одну мысль за другою, раскрывая горизонтъ за горизонтомъ, доходитъ, наконецъ, до такой высокой точки соціалистическаго берсеркерства, что признаетъ необходимость для такой имперіи, какъ германская, усвоить себѣ максимальную «порцію соціализма» и даже берется прописать государству на ближайшій случай нѣсколько капель «соціальнаго масла»—въ качествѣ патентованнаго врача отъ соціализма. «Мы должны будемъ—взывалъ Бисмаркъ—реформами идти навстрѣчу соціальнымъ тре-

*) Эпитетъ „капиталистически-коллективистическій" мы употребили, еще прежде чѣмъ встрѣтили у самого Вандервельда въ другомъ его сочиненіи („Промышленное развитіе и общественный строй") соотвѣтственную очень любопытную оговорку, которая гласитъ буквально: „этотъ частичный коллективизмъ—мы бы сказали этотъ *капиталистическій коллективизмъ* (курс. авт.), если бы эти два слова не находились между собой въ рѣзкомъ противорѣчіи—эта сдѣлка между индивидуализмомъ и соціализмомъ была бы (?) только переходной формой къ чистому коллективизму" (стр. 127). Все это, разумѣется, не мѣшаетъ тому же Вандервельду въ третьемъ своемъ сочиненіи („Золотая свадьба международнаго соціализма") усердно подчеркивать, что соціализмъ „*долженъ стоять на точкѣ зрѣнія классовой борьбы, а не заниматься отысканіемъ невозможной гармоніи между противоположными интересами*" (стр. 23). Можно ли себѣ представить большую путаницу?.. Впрочемъ, если Вандервельдъ все таки ухитрился соединить два слова, находящіяся между собой, по его собственному сознанію, „въ рѣзкомъ противорѣчіи" (какъ „капиталистическій коллективизмъ"), то почему же не заниматься и „отысканіемъ невозможной гармоніи между противоположными интересами"—труда и капитала?

бованіямъ, если только хотимъ держаться той же мудрой политики, которой слѣдовало въ Пруссіи законодательство Штейна и Гарденберга по отношенію къ освобожденію крестьянъ. Эти законодательныя мѣропріятія, отнимавшія блага у однихъ и отдававшія ихъ другимъ, также были соціализмомъ, даже гораздо большимъ соціализмомъ, чѣмъ монополіи. Я радъ, что этотъ соціализмъ былъ осуществленъ: благодаря ему, мы имѣемъ весьма зажиточное, свободное крестьянское сословіе»... Здѣсь мы вынуждены позволить себѣ прервать на одинъ мигъ высокопоставленнаго оратора ради небольшой философски-исторической справки: если, какъ заявлялъ Бисмаркъ, благодаря соціализму, нѣмцы имѣютъ зажиточное, свободное крестьянство, то отсюда, повидимому, явствуетъ, что крестьянству вообще не приходится бояться соціалистическаго режима; и таково, дѣйствительно, въ одномъ мѣстѣ буквальное утвержденіе Каутскаго, сопровождающееся успокоительнымъ завѣреніемъ, что каждому мелкому крестьянину будетъ, по всей вѣроятности, предоставлено и впредь вести свое хозяйство на прежнихъ основаніяхъ, и что ни одинъ серьезный соціалистъ (ну, извѣстно, легкомысленные люди не въ счетъ) не требовалъ никогда экспропріаціи крестьянъ или конфискаціи ихъ земель» («Соц. реф.», стр. 144) *).

Въ *нѣкоторое*, правда, отличіе отъ Каутскаго, Бисмаркъ выразилъ вслѣдъ затѣмъ надежду, что современемъ мы достигнемъ подобнаго же результата—т. е. положенія зажиточнаго свободнаго сословія—и для рабочихъ. Конечно, соціализмъ, а значитъ, Каутскій, иначе представляетъ себѣ будущее рабочаго класса; но именно соціализмъ, а не соціалисты, послѣдніе, по крайней мѣрѣ, только—ex of-

*) Нельзя не замѣтить, что, выражаясь такимъ образомъ („ни одинъ соціалистъ никогда *не требовалъ*" и т. д.), Каутскій просто играетъ словами, спекулируетъ (допускаемъ, безсознательно), на двусмысленность этого выраженія, съ цѣлью выйти съ наименьшимъ урономъ изъ сличенія съ фактами лишь вчерашняго дня. Если бы даже соціалъ-демократы „не требовали" обезземеленія и пролетаризаціи крестьянства,—какъ требуетъ чего-нибудь моралистъ, судья или законодатель,—то кто же не знаетъ, что еще вчера даже наиболѣе „серьезные" соціалисты изъ марксистовъ *приговаривали* мелкую крестьянскую собственность къ исчезновенію такимъ же образомъ, какъ врачъ „приговариваетъ" иногда тяжко больного къ смерти. Вольно же Каутскому придавать теперь абсурдный смыслъ своимъ прошлымъ теоретическимъ діагнозамъ и утвержденіямъ Но, конечно, есть врачи, которые, въ случаѣ выздоровленія приговореннаго или больного, объявляютъ, такъ сказать, паціента внѣ науки; другіе, болѣе тактичные, напротивъ, мирятся съ фактомъ антинаучнаго поведенія больного и стараются его использовать въ своихъ видахъ. Къ такимъ „соціальнымъ" врачамъ и нужно, какъ мы покажемъ, отнести въ аграрномъ вопросѣ соціалъ-демократовъ. Но тутъ же мы убѣдимся и въ большемъ: что, въ сущности, и на родинѣ Каутскаго, а въ особенности въ нашемъ отечествѣ не было недостатка и въ людяхъ (и очень „серьезныхъ!"), которые чуть ли именно не „требовали" таки пролетаризаціи крестьянства въ своихъ программныхъ лозунгахъ.

ficio. Ибо не говоря уже о представленіи, которое внесъ выше Вандервельдъ, о рабочихъ, участвующихъ совмѣстно съ предпринимателями въ идилліи установки условій труда и внутреннихъ распорядковъ производства, *именно какъ рабочіе*, не говоря также о допущеніи Жорэсомъ и въ соціалистическомъ государствѣ наемнаго труда, подъ условіемъ полученія наемнымъ рабочимъ того же заработка, что и *самостоятельно трудящійся*, при равныхъ условіяхъ, *на собственной землѣ хозяинъ* («зажиточныя, свободныя сословія» Бисмарка!)—у самого Каутскаго, и тоже при будущемъ детально разработанномъ имъ соціалистическомъ режимѣ, мелкія промышленныя предпріятія могутъ быть придаткомъ какого-нибудь крупнаго государственнаго или коммунальнаго заведенія и поставлять ему свои продукты, могутъ работать на частныхъ заказчиковъ или на вольный рынокъ, могутъ осуществлять, однимъ словомъ, на какой угодно ладъ полную, патріархальную «мелкобуржуазную» идиллію въ «научномъ» соціализмѣ! Рабочій, какъ и теперь, будетъ имѣть возможность работать въ самыхъ различныхъ по формѣ предпріятіяхъ, переходя изъ одного въ другое: швея, напр., (какая-нибудь бережливая Агнеса!), можетъ работать на государственной фабрикѣ, или шить платья у себя на дому на какую-нибудь частную заказчицу (!), или заниматься шитьемъ на дому у заказчицы (?!), или, наконецъ, соединиться съ двумя-тремя товарками (такими же «Spar-Agnes», какъ она!) и образовать производительное товарищество, которое будетъ изготовлять платье на заказъ или на магазинъ» (ib. 149)...

«...Не знаю только,—прибавилъ Бисмаркъ,—доживу ли я до этого времени, въ виду того принципіальнаго сопротивленія, которое мнѣ оказывается со всѣхъ сторонъ и которое меня такъ утомляетъ. Однако, и мы съ Жорэсомъ, Каутскимъ и другими даже теперь, четверть вѣка спустя, едва ли счастливѣе Бисмарка въ этомъ отношеніи: мы тоже едва ли можемъ льстить себя дожить до этого времени, судя по тому, что и Каутскимъ вотъ эта желанная соціальная революція «разсматривается, какъ историческій процессъ, который можетъ длиться болѣе или менѣе продолжительное время и даже растянуться на цѣлые десятки лѣтъ». Каутскій на этомъ основаніи отказывался—и совершенно резонно—«ломать себѣ голову надъ рецептами для кухмистерской будущаго» (ib. 95).

Въ томъ же соціалистическомъ родѣ было и дальнѣйшее теченіе этой замѣчательной рѣчи желѣзнаго канцлера. «Соціалистической мѣрой, продолжалъ онъ, было возстановленіе свободы крестьянъ, соціалистична всякая экспропріація въ пользу желѣзныхъ дорогъ; въ высшей степени соціалистическій характеръ имѣетъ, напримѣръ, соединеніе участковъ земли, отнимаемыхъ у одного — во многихъ провинціяхъ это законъ — и отдаваемыхъ другому только потому, что другой можетъ лучше эксплуатировать

ихъ; соціалистично все призрѣніе бѣдныхъ, обязательное посѣщеніе школъ, проведеніе дорогъ, т. е. принудительное ихъ проведеніе, заставляющее меня въ моемъ участкѣ земли заботиться о состояніи дороги для проѣзжающихъ. Все это соціалистично; я бы могъ еще долго продолжать этотъ списокъ, но если—обращается Бисмаркъ непосредственно къ своей аудиторіи—если вы думаете кого-нибудь запугать словомъ «соціализмъ» или вызвать какіе-либо призраки, то вы стоите на такой точкѣ зрѣнія, отъ которой я уже давно отказался и отказъ отъ которой настоятельно необходимъ для всего имперскаго законодательства... Вы будете вынуждены,—рѣшительно закончилъ ораторъ,—прописать государству нѣсколько капель соціальнаго масла; сколько именно—я не знаю, но законодательство проявило бы, по моему, большое нерадѣніе къ своимъ обязанностямъ, если бы оно не стремилось къ той реформѣ, начало которой мы теперь вамъ предлагаемъ». Начало, какъ сказано, въ видѣ казенной табачной монополіи, высокооффиціальный соціалистическій характеръ которой должны были бы согласно подтвердить главари французскаго и бельгійскаго соціализма—такъ какъ «собственность класса, вмѣсто формы индивидуальной собственности, принимаетъ въ такомъ случаѣ государственную форму» (Жорэсъ), а «по мѣрѣ того, какъ расширяется область государственнаго хозяйства, распространяется и область коллективной собственности и частная собственность принимаетъ все болѣе и болѣе условный характеръ» (Вандервельдъ)...

Въ концѣ концовъ, мы только обогатили, благодаря Бисмарку, нашъ соціалистическій лексиконъ: соціализмъ есть уже освобожденіе крестьянъ, казенная табачная или винная монополія, соціализмъ—экспропріація въ пользу желѣзныхъ дорогъ, соціалистично одно, соціалистично другое, соціалистично, словомъ, многое такое, относительно котораго мы, говорящіе обычной несоціалистической прозой, ничего такого и не подозрѣвали.. А въ частности, если раньше мы рѣшили, что «частичный соціализмъ» иныхъ соціалъ-демократовъ—именъ незачѣмъ больше перечислять—такъ же похожъ на соціализмъ, какъ маргаринъ на масло, то послѣ замѣчательной декларацiи Бисмарка мы можемъ прибавить только новую фигуру уподобленія:—и какъ «соціальное масло» «соціальной монархіи» Гогенцоллерновъ похоже на революціонный соціализмъ Коммунистическаго Манифеста...

— И это вы называете соціальной политикой?—саркастически обращался Бебель къ правительству по поводу маргариноваго законопроекта...—Но изъ предыдущаго для насъ уже выяснилось, что правительство въ сущности знаетъ толкъ въ соціальной политикѣ, по крайней мѣрѣ, въ такой политикѣ, которая при извѣстныхъ условіяхъ удовлетворила бы и Бебеля съ Каутскимъ—оно даже умѣло отчасти проводить эту политику на дѣлѣ (какъ доказываютъ, напр., законы о страхованіи рабочихъ). Если же, не-

смотря на то, оно, въ конечномъ результатѣ, всетаки «подбрасываетъ цѣлыми грудами оружіе къ самому порогу» соціалъ-демократіи, то происходитъ это оттого, что, въ концѣ концовъ, знаніе и пониманіе это одно, а настоящее умѣніе и соотвѣтственное тому широкое воплощеніе въ жизнь—другое; что слишкомъ ужъ, должно быть, велико было то «принципіальное сопротивленіе», которое со всѣхъ сторонъ оказывалось Бисмарку въ его реформаторски соціалистической дѣятельности и на которое не уставалъ жаловаться великій государственный человѣкъ. Что дѣлать, господствующіе классы отказались прописать государству всю необходимую дозу «соціализма»; они, какъ и самъ, впрочемъ, Бисмаркъ въ своей дѣятельности, напр., направленной на подавленіе соціалъ-демократіи, были не столько слѣпы насчетъ требованій истинной соціальной политики, какъ находились скорѣе въ положеніи поэта, который говоритъ: Video meliora proboque deteriora sequor—я вижу и одобряю лучшее, а слѣдую на дѣлѣ худшему—повторяемъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда имъ приходилось волей-неволей мѣряться съ такимъ мощнымъ и опаснымъ противникомъ, какъ соціалъ-демократія, нехотя считаться съ ея минимальными требованіями на почвѣ рабочаго законодательства... И они были наказаны за такое противорѣчіе и за свою неустойчивость тѣмъ, что рабочія массы оказались потерянными для нихъ, сданы ими, что называется, прямо съ рукъ на руки этому противнику, который, по крайней мѣрѣ, въ вопросахъ частичнаго соціализма умѣетъ, во всякомъ случаѣ, гораздо лучше согласовать свои дѣла съ своими рѣчами...

Какъ бы то ни было, мы думаемъ, что тѣмъ самымъ соціализмъ подлинный и неущербленный, соціализмъ «конечныхъ цѣлей» разъ навсегда переводится въ царство не отъ міра сего, въ область вѣчныхъ платоновыхъ идей; въ сферѣ же обыкновенныхъ человѣческихъ отношеній онъ пріобрѣтаетъ характеръ какого-то частнаго quasi-религіознаго или соціальнаго вѣрованія, совершенно законнаго, какъ и всякое другое приватное вѣрованіе, лишь бы оно не посягало на свободу совѣсти другихъ индивидуумовъ, группъ и общественныхъ классовъ, вѣрованія, ровно ничему не мѣшающаго и ни къ чему никого не обязывающаго, кромѣ какъ, впрочемъ, опять таки... къ вѣротерпимости. Правда, такою вѣротерпимостью къ соціализму не всегда могутъ похвастать господствующіе классы. Напр., тотъ самый Бисмаркъ, который такъ подольщался въ своихъ рѣчахъ къ соціалъ-демократіи, Бисмаркъ, такъ далеко заходившій въ вопросахъ соціализма, что, какъ новый Томасъ Моръ, предвосхищалъ за 20 лѣтъ впередъ главнѣйшія основоположенія научнаго соціализма Каутскаго отъ 1902 г., былъ ярымъ гонителемъ соціалистовъ (какъ, впрочемъ, Томасъ Моръ — анабаптистовъ), былъ авторомъ знаменитаго направленнаго противъ нихъ закона (1878—1890), давившаго ихъ всей

тяжестью правительственнаго гнета, въ то самое время, когда авторъ его съ парламентской трибуны разсыпался въ похвалахъ предъ «справедливымъ зерномъ соціалъ-демократіи»... Но вѣдь опять таки извѣстно, что свобода вѣроисповѣданія, даже торжественно провозглашенная въ терминахъ положительнаго закона, ни къ чему не обязываетъ на дѣлѣ—это разъ; а во-вторыхъ, при изданіи упомянутаго закона противъ соціалистовъ, дѣло было въ сущности не въ соціализмѣ—вѣдь Бисмаркъ давно «не пугался» этого *слова*—а въ предполагаемыхъ «разрушительныхъ для государства стремленіяхъ» соціалъ-демократіи... Но странное дѣло, именно этотъ законъ—такова ужъ иронія человѣческихъ дѣлъ!—способствовалъ только вящшему революціонизированію соціалъ-демократіи; когда же съ отставкой Бисмарка, законъ противъ соціалистовъ былъ отмѣненъ, соціалистическая партія снова открыто организовалась, завела свои газеты, кассу, стала устраивать конгрессы и организовала оффиціальное управленіе: вслѣдствіе всего этого, главное же вслѣдствіе своихъ успѣховъ въ избирательной борьбѣ, которыхъ партія стала добиваться особенно усиленно, революціонная температура ея сразу значительно упала, и, что еще важнѣе, соціалистическія ея задачи мало-по-малу опустились до уровня бисмарко-каутсковской «соціальной реформы».

«Какъ видите, единственное, что въ соціальной реформѣ дѣлаетъ быстрые успѣхи, это — скромность соціалъ-реформистовъ»: любопытно, что это язвительное замѣчаніе самъ Каутскій нашелъ умѣстнымъ бросить по адресу Милльрана и части французскихъ соціалистовъ (такъ называемыхъ жоресистовъ) въ этой же самой своей книжкѣ: «Соціальная реформа» (с. 67)...

Дѣйствительно, во Франціи падшій ангелъ соціализма, Милльранъ, безъ дальнихъ околичностей объявляетъ «понятіе классовой борьбы ложнымъ и даже опаснымъ, если его отдѣлить отъ понятія классовой солидарности», и въ этомъ смыслѣ приглашаетъ рабочую партію заняться «превращеніемъ соціалистической доктрины *изъ пустой формулы въ живую дѣйствительность*». Но повернется ли у насъ языкъ для единаго слова укора по адресу отлученнаго экс-министра послѣ всѣхъ капиталистически-коллективистическихъ идиллій, которыя разводили предъ нами признанныя руководства соціализма и бойцы классовой борьбы? Въ чемъ же однако, вышеупомянутое «превращеніе» должно заключаться? — Не въ томъ, отвѣчаетъ Милльранъ, чтобъ добиться такого общественно-экономическаго строя, какой рисуется въ данное время въ воображеніи гедистовъ,—это, на взглядъ Милльрана, чистѣйшая утопія—а въ томъ, чтобы сдѣлать міръ болѣе обитаемымъ, для всѣхъ безъ исключенія, постепеннымъ устраненіемъ общественныхъ несправедливостей. Это такъ называемый реформистскій соціализмъ, признающій необходимость прогрессивной замѣны капиталистической собственности соціальной. Но читатель

видитъ, что тутъ нѣтъ ничего специфически-мильерановскаго или французскаго; это, въ сущности, въ такой же мѣрѣ соціализмъ нѣмецкій, бельгійскій или итальянскій, это, однимъ словомъ или двумя словами,—интернаціональная соціалъ-демократія. И когда Каутскій иронизируетъ насчетъ быстрыхъ успѣховъ, которые дѣлаетъ скромность «соціалъ-реформистовъ», намъ хочется спросить его: «надъ кѣмъ смѣешься»? Не онъ ли самъ позаботился о заполненіи «пустой формулы» соціалистической доктрины обильнымъ «соціалъ-реформистскимъ» содержаніемъ? Единственное же, что отличаетъ этого мнимаго блюстителя чистоты доктрины отъ другихъ, заключается въ томъ лишь, что онъ не обладаетъ ихъ умственной прямотой, тѣмъ «мужествомъ своихъ мнѣній», къ которому приглашаютъ партію и которое лично обнаруживаютъ въ весьма похвальной степени такіе люди, какъ Милльранъ или Бернштейнъ: послѣдній, какъ намъ извѣстно, тоже называетъ доктрину классовой борьбы—«заскорузлой». Бернштейнъ, впрочемъ, долженъ остановить здѣсь на себѣ наше вниманіе подольше.

Какъ у насъ, такъ и на Западѣ «воскресенье» марксизма выступаетъ подъ флагомъ ревизіонизма, который въ Европѣ (въ особенности въ Германіи), по причинамъ больше опять-таки личнаго, чѣмъ объективнаго свойства, неразрывно связался съ именемъ Эдуарда Бернштейна. Девизомъ своимъ бернштейніанство избрало шиллеровское слово: «Возлюбленная Моора можетъ погибнуть только отъ руки Моора». Легко понять, однако, что особенности такого рода гибели мооровой возлюбленной въ бернштейновскомъ иносказаніи могутъ заключаться въ томъ, что изъ рукъ своего возлюбленнаго она непремѣнно возродится къ новому бытію, съ «розовыми щеками», свѣжая, «какъ сама жизнь...»

«Критика нѣкоторыхъ элементовъ марксистскаго ученія» дѣйствительно и исходитъ у Бернштейна изъ принципа, что ошибки и заблужденія какого-нибудь ученія только тогда могутъ считаться преодолѣнными, когда они признаны за таковыя приверженцами этого ученія, но что, съ другой стороны, такое признаніе еще не означаетъ гибели ученія. «Можетъ скорѣе оказаться, говоритъ онъ, что по отдѣленіи того, что признано ошибочнымъ, все таки въ заключеніе—да будетъ мнѣ позволено воспользоваться однимъ лассалевскимъ оборотомъ—Марксъ будетъ противъ Маркса».

Въ этомъ, можно сказать, весь Бернштейнъ, чистая бернштейновская сущность, и въ этомъ единственномъ случаѣ нельзя не отдать всей правоты Карлу Каутскому, когда въ своемъ праведномъ ортодоксальномъ гнѣвѣ онъ язвительно высмѣиваетъ такого рода неправомѣрные, по его мнѣнію, извороты діалектики: «Марксъ-де не правъ уже потому, что онъ правъ»...

Въ результатѣ такихъ діалектическихъ усилій мы имѣемъ, какъ ни какъ, желанное *воскресенье марксизма*, прошедшаго чрезъ свое собственное критическое горнило. Русскому читателю небезынтересно будетъ узнать, что однимъ изъ отголосковъ, и при томъ наиболѣе ясныхъ, этихъ западныхъ ревизіонистскихъ вѣяній въ нашей легальной литературѣ являлось, насколько можно судить по отдѣльнымъ имѣющимъ сюда отношеніе статьямъ, направленіе журнала «Образованіе». Кстати, еще въ сентябрѣ 1905 г. послѣдній счелъ долгомъ напомнить о заслугахъ своихъ въ данномъ направленіи, а именно, что «это воскресенье (марксизма) давно предсказывалось «Образованіемъ» и поразить могло только очень простодушныхъ людей». Давно это дѣлалось или недавно, но фактъ справедливъ—«Образованіе» предсказывало. Въ этомъ смыслѣ въ свое время еще обращала на себя вниманіе статья г. Изгоева «О старомъ и новомъ» (1903 г., мартъ), изъ которой мы узнавали, что уже тогда—въ 1903 г.—наши публицисты были заняты разысканіемъ того «новаго слова», которое должно прійти на смѣну якобы погибшему «марксизму» и «экономическому матеріализму»... И уже въ то время, въ пику этимъ легковѣснымъ публицистамъ, у правовѣрныхъ и глубокомысленныхъ «учениковъ» невольно зарождался вопросъ, не слишкомъ ли спѣшатъ съ похоронами? «Что, собственно говоря, произошло»?—задавался, напр., вопросомъ г. Изгоевъ и отвѣчалъ «въ самыхъ краткихъ чертахъ».

Исходя изъ того, что *практическія* жизненныя силы, выходившія на Западѣ подъ знаменемъ марксизма, не исчезли — съ чѣмъ безусловно нельзя не согласиться, хотя бы во вниманіе уже къ практическому, т. е. оппортунистическому направленію, принятому этими силами тамъ, на Западѣ,—авторъ и самъ принимаетъ за несомнѣнное, что силы эти переживаютъ извѣстный кризисъ. «Чѣмъ же онъ вызванъ?»—Отвѣтъ дается довольно обстоятельный: тѣмъ, что общее экономическое развитіе шло не такъ быстро, какъ думали въ 1848 г., что общественныя отношенія оказались гораздо болѣе сложными, что значеніе многихъ общественныхъ силъ было слишкомъ низко оцѣнено, что эволюція земледѣльческаго хозяйства обнаружила черты, отличныя отъ эволюціи индустріальной, что ясная прямолинейность, не только умѣстная, но и необходимая въ научныхъ сочиненіяхъ, не могла быть примѣнена къ жизни, что борьбу міровыхъ силъ невозможно было свести всецѣло на конфликтъ между капиталистами и пролетаріатомъ, что индустріальный пролетаріатъ при современномъ уровнѣ общественнаго хозяйства не могъ стать единой главенствующей жизненной силой...

Какъ видите изъ этого перечня, «извѣстный кризисъ», переживаемый марксизмомъ, вызванъ очень, очень немногимъ—до того малымъ, что является даже искушеніемъ «извиниться»: Excusez du peu. Извините, что такъ мало, и что такими пустяками рѣшаются тревожить покой доктрины. Стыдливой скороговоркой г. Изгоевъ

какъ бы и извиняется за то, что «ясная прямолинейность, не только умѣстная, но и необходимая въ научныхъ сочиненіяхъ, не могла быть примѣнена къ жизни»... Но полно, такъ ли это? можетъ быть, «ясная прямолинейность» является не Богъ ужъ вѣсть сколь высокимъ достоинствомъ въ «научныхъ сочиненіяхъ», если благодаря ей, благодаря этому сознательному, изъ предвзятыхъ схемъ исходившему упрощенію, теорія расходилась съ дѣйствительностью. Напримѣръ, и общее экономическое развитіе шло не такъ быстро, какъ предписывали «научныя сочиненія»; и общественныя отношенія оказались гораздо болѣе сложными, чѣмъ предполагалось «Капиталомъ»; и значеніе многихъ общественныхъ силъ было слишкомъ низко оцѣнено; и земледѣльческая эволюція построена по ранжиру индустріальной; и промышленный пролетаріатъ признанъ не по праву единственной рѣшающей общественной силой. Однимъ словомъ, случилось именно то, что мы «переживаемъ» теперь *кризисъ* марксизма, — кризисъ, признаваемый многими смертью и упокоемъ, а иными привѣтствуемый какъ воскресенье или даже какъ симптомъ завиднаго здоровья?..

Но хотя «ясная прямолинейность» и составляетъ великое достоинство «научныхъ сочиненій» именно вслѣдствіе ея «непримѣнимости» къ жизни, однако по мѣрѣ выясненія всѣхъ указанныхъ фактовъ, — такъ гласитъ дальнѣйшая часть резюме «о старомъ и новомъ» — приходилось дѣлать частичныя измѣненія въ тактикѣ, то внося, то не внося ихъ въ программы, пока естественно, самъ собой не всталъ вопросъ о необходимости цѣльнаго пересмотра программы. «Тогда рѣзко обнаружились два мнѣнія: одни, вѣря въ возможность новаго всеобщаго синтеза, утверждали, что необходимо соотвѣтственно новымъ даннымъ кореннымъ образомъ перестроить теоретическія основы пролетарскаго міровоззрѣнія, другіе отрицали эту необходимость, доказывали, что для дѣятельности индустріальнаго пролетаріата старая теорія и понынѣ сохранила *всю свою силу и полезность*, а съ новыми силами слѣдуетъ, смотря по обстоятельствамъ, входить въ тѣ или иные *компромиссы*, считаясь съ новыми фактами, точно предусмотрѣть которые 30—40 лѣтъ тому назадъ было невозможно».

Вотъ и все, вотъ вамъ и весь кризисъ — исчерпанный въ десяти какихъ-нибудь строчкахъ «двумя мнѣніями», столкнувшимися въ интереснѣйшемъ «шокѣ»; изъ него, какъ говорятъ французы, должна въ заключеніе непремѣнно выскочить истина. Въ чемъ же эта истина заключается?—Какъ видно, въ одномъ словѣ: компромиссъ! «Компромиссъ съ новыми силами и фактами», однако, не мѣшающій «старой теоріи и понынѣ сохранить всю свою силу и полезность—для дѣятельности индустріальнаго пролетаріата». Но это—самообольщеніе! Ибо кто говоритъ А, долженъ сказать и Б, и кто принужденъ входить въ компромиссъ, тотъ въ полномъ согласіи съ этимологическимъ смысломъ этого слова, фактически

только компрометтируетъ себя, компрометтируетъ свою хваленую «силу и полезность».

Компромиссъ это — предѣльный пунктъ, знаменующій безсиліе силы, и гдѣ начинается уже сила безсилія... Но компромиссъ—это вѣдь хорошо намъ знакомо — есть само исконное оппортунистическое существо марксизма, это излюбленные «соціалъ-демократическіе методы», изученные нами выше... И не кто иной, какъ именно журналъ «Образованіе», устами одного изъ своихъ видныхъ задающихъ тонъ сотрудниковъ рѣзко, это правда, но вполнѣ заслуженно осудилъ этого рода тактику «пополненія и дальнѣйшаго развитія», какъ процессъ «позорный и отталкивающій» съ внутренней его стороны...

Для непредубѣжденнаго взгляда уже изъ вышеприведенной характеристики наступившаго «кризиса» не оставалось никакого сомнѣнія, что теорія расползается по всѣмъ швамъ, забирая кой-гдѣ даже самое мясо, что ни одинъ изъ существенныхъ прогнозовъ не оправдался. Но на типическаго «ученика» это не производитъ, повидимому, никакого впечатлѣнія: онъ находитъ, что это сущіе пустяки, что непредвидѣнная сложность общественныхъ отношеній имѣетъ, если можно такъ выразиться, чисто-ариѳметическій характеръ, требующій только «пополненія» соотвѣтственными слагаемыми... Никакой «коренной перестройки теоретическихъ основъ», а просто компромиссы съ новыми силами и новыми фактами, и тогда можно будетъ сказать, что «въ программѣ есть все»...

Это «все» носитъ, какъ мы уже замѣтили, слишкомъ яркую печать тяготѣнія къ бернштейніанской мудрости, къ которой оно относится приблизительно такъ, какъ разведенный уксусъ въ уксусной эссенціи. Дѣло въ томъ, что Бернштейну, при всей половинчатости и недостаточной продуманности его мысли, благодаря природному сильному уму, посчастливилось все же разгадать первородный утопическій грѣхъ Маркса, формулировавъ его какъ «чисто-спекулятивное предвосхищеніе зрѣлости экономическаго и соціальнаго развитія, едва только пустившаго свои первые ростки». Ставъ на такую точку зрѣнія, не стоило уже большого труда отмѣтить и неизбѣжно вытекающія изъ этого основного промаха Маркса разныя частныя прогностическія и историческія ошибки, главнымъ образомъ, касательно такъ называемаго темпа развитія. Онъ сдѣлалъ это, въ свойственномъ ему умѣренно-благонамѣренномъ тонѣ, еще въ своемъ штуттгартскомъ посланіи (октябрь 1898 г.), въ такихъ выраженіяхъ, которыя намъ живо напомнятъ цитированныя разсужденія г. Изгоева.

Бернштейнъ писалъ: «Прогнозъ, поставленный «Коммунистическимъ Манифестомъ» развитію современнаго общества, былъ правиленъ, поскольку онъ констатировалъ *общія тенденціи* этого развитія. Но онъ былъ ошибоченъ въ различныхъ спеціальныхъ слѣдствіяхъ, прежде всего, въ оцѣнкѣ *времени*, котораго должно

потребовать развитіе. Послѣднее обстоятельство было откровенно признано Фридрихомъ Энгельсомъ, однимъ изъ авторовъ «Коммунистическаго Манифеста», въ предисловіи къ «Klassenkämpfe in Frankreich». Но — продолжалъ Бернштейнъ — ясно, что разъ хозяйственное развитіе потребовало для себя гораздо большаго протяженія времени, чѣмъ было предположено раньше, оно также должно было принять и *формы*, вести къ образованіямъ, которыя въ «Коммунистическомъ Манифестѣ» не были и не могли быть предусмотрѣны»...

Нужно было быть поистинѣ только Бернштейномъ, т. е. при всей своей эмансипаціи отъ Маркса, все тѣмъ же закоренѣлымъ схоластикомъ-марксистомъ и при всѣхъ его выпадахъ противъ Гегеля все тѣмъ же далеко не излѣчившимся гегеліанцемъ, чтобы, дѣлая вышеприведенныя признанія—именно, что развитіе, которое такъ растянулось во времени противъ положеннаго, должно было необходимо развить и новыя непредвидѣнныя формы, т. е. представляться и качественно другимъ,—чтобы, больше того, понимая даже основную слабость Маркса и характеризуя ее какъ «чисто спекулятивное апріоризированіе», всетаки и послѣ всего этого цѣпляться еще за какія-то платоническія «общія тенденціи развитія», будто бы правильно предуказанныя въ «Коммунистическомъ Манифестѣ»... Да если пошло на то, то именно съ марксистско-діалектической точки зрѣнія, эти «общія тенденціи», о которыхъ идетъ рѣчь, намѣчены даже не Карломъ Марксомъ, а еще Томасомъ Моромъ, въ произведеніи (заглавіе его «Утопія»), которое можно по всей справедливости назвать «Коммунистическимъ Манифестомъ» XVI в. По крайней мѣрѣ, Карлъ Каутскій, посвятившій «Утопіи» и ея автору спеціальную монографію, отзывается такъ, что «коммунизмъ Мора былъ современенъ (modern) въ большинствѣ своихъ *тенденцій*, но несовременъ во многихъ своихъ *средствахъ*» (курсивъ авт., с. 296). Очевидно, не велика штука, при такихъ условіяхъ, констатировать «общія тенденціи» развитія, когда онѣ находились уже, по компетентнымъ указаніямъ самого Каутскаго, въ границахъ умственнаго кругозора Томаса Мора, за 330 лѣтъ до появленія «Коммунистическаго Манифеста»... Мы можемъ поэтому только съ улыбкой читать, напр., такого рода рацеи того же автора: что, молъ, даже Марксъ съ Энгельсомъ, далеко превосходившіе всѣхъ своихъ современниковъ и по основательному всестороннему знакомству съ соціальными отношеніями нашихъ культурныхъ странъ и по цѣлостному и плодотворному методу изслѣдованія, хотя могли, съ одной стороны, на многія десятилѣтія впередъ опредѣлить направленіе экономическаго развитія, съ другой могли впасть иногда въ значительныя ошибки относительно темпа и формъ развитія въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ («Соц. реформа и пр.», с. 76 — 77). Во всемъ этомъ справедливаго только то, что говоритъ здѣсь Каутскій о «значительныхъ ошибкахъ»

Маркса. Да, съ геніально-прозорливымъ Марксомъ случались дѣйствительно самыя неимовѣрныя ошибки касательно «темпа и формъ развитія въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ!» Приведемъ одинъ только примѣръ, за то, надѣямся, характерный.

За немного мѣсяцевъ до наполеоновскаго coup d'Etat (2 декабря 1851 г.), необходимость котораго такъ убѣдительно впослѣдствіи обоснована Марксомъ въ его «Der 18-te Brumaire des Napoleon Bonaparte», онъ предсказалъ въ «Neue Rheinische Zeitung» неизбѣжно предстоящее въ ближайшіе же дни... наступленіе соціальной революціи. Мало того, какъ явствуетъ изъ переписки его съ Лассалемъ, Марксъ и *послѣ* того какъ государственный переворотъ совершился, не допускаетъ и мысли о долговѣчности новаго режима: первая мысль, которою друзья-корреспонденты обмѣниваются между собою, первое слово, которое приходитъ имъ на языкъ и которымъ оба они комментируютъ ошеломительное извѣстіе, это—сравненіе съ Маллэ, генераломъ, который въ то время какъ Наполеонъ I былъ въ Москвѣ, своимъ неуклюжимъ нападеніемъ врасплохъ овладѣлъ на мгновеніе кормиломъ государственнаго управленія. Францъ Мерингъ, въ своихъ комментаріяхъ къ письмамъ Лассаля, поясняетъ, что снѣдавшее обоихъ великихъ людей революціонное нетерпѣніе заставило ихъ и продолжительность бонапартскаго интермеццо считать по мѣсяцамъ и призывать новую пролетарскую революцію непосредственно вслѣдъ за нимъ *). Но если такимъ образомъ, вмѣсто предвидѣнной побѣдоносной революціи снизу случился побѣдоносный государственный переворотъ сверху, вмѣсто Маллэ восторжествовалъ Наполеонъ III, а соціальная революція, которой они ждали такъ же упрямо, какъ Шарль Фурье своего милліонера, не наступила и до настоящаго дня—то мы все же не окончательно лишены утѣшенія. Хотя это ошибки, безспорно, «значительныя», но касаются онѣ только «темпа и формъ развитія въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ». За то вѣдь правильно предуказано было «общее направленіе движенія за многія десяти-

*) „Письма Ф. Лассаля къ Марксу и Ф. Энгельсу", сс. 39—48.—Любопытно отмѣтить, какъ просто умная и образованная женщина оказалась въ этомъ случаѣ проницательнѣе двухъ геніальныхъ и ученыхъ мужчинъ. Извѣстная графиня Гатцфельдъ, одновременно съ Лассалемъ, писала Марксу: „Я не могу избавиться отъ тревожной мысли, что господство Людовика-Бонапарта можетъ продолжиться на многіе годы. Л. (Лассаль) утверждаетъ, что это невозможно. Я совсѣмъ больна отъ бѣшенства и стыда, что подобный авантюристъ можетъ имѣть въ своемъ карманѣ судьбу Европы, и для меня было бы истиннымъ успокоеніемъ услышать отъ васъ (т. е. Маркса), что вы раздѣляете мнѣніе Лассаля, что это можетъ продолжаться лишь *короткое* время". Мерингъ прибавляетъ къ этимъ словамъ: „Исторія показала, что умная женщина была права, но согласился ли съ ней Марксъ, первымъ словомъ котораго былъ также Маллэ—это еще вопросъ. Революціонное нетерпѣніе пожирало также и его"...

лѣтія впередъ»!.. И нескептику, однако, невольно забредетъ въ голову вопросъ: не здѣсь ли именно, не въ самой ли этой преувеличенной его умственной дальнозоркости, лежитъ и корень столь же, съ другой стороны, чрезвычайной близорукости Маркса, засвидѣтельствованной даже Каутскимъ съ Мерингомъ? Тутъ, далѣе, и неюмористу невольно представится знакомый образъ метафизика, который угодилъ въ яму, находившуюся подъ самымъ его носомъ, потому что былъ занятъ въ это самое время размышленіями о матеріяхъ высокихъ. И тѣмъ болѣе подходитъ сюда именно этотъ образъ метафизика, что и то хваленое марксово предвидѣніе яко бы на многія десятилѣтія, о которомъ говоритъ его поклонникъ, должно быть признано при ближайшемъ изслѣдованіи операціей чисто-діалектической, мозговой, ни мало не обусловленной «знакомствомъ съ соціальными отношеніями нашихъ культурныхъ странъ». Потому что вѣдь и Томаса Мора, этого излюбленнаго героя своего утопическаго романа, нашъ ученый соціалистическій авторъ заставилъ предначертать общее направленіе экономическаго развитія Европы даже за нѣсколько столѣтій, а не то что десятилѣтій, впередъ. При этомъ орудіемъ его въ XVI вѣкѣ могло быть никакъ уже не «всестороннее знакомство и т. д.», а только тотъ чудесный, единственный въ своемъ родѣ талисманъ въ видѣ «цѣлостнаго и плодотворнаго діалектическаго метода», о которомъ упомянулъ прежде Каутскій въ примѣненіи къ Марксу и Энгельсу. Функціонированіе его безусловно независимо отъ конкретныхъ условій времени и мѣста и нуждается только въ подходящей человѣческой головѣ. «Мыслитель можетъ — такъ и увѣряетъ авторъ «Томаса Мора»—исходя изъ особенностей новаго способа производства, *путемъ діалектическаго процесса въ головѣ*, достигнуть предвидѣнія того способа производства, который образуетъ его противоположность и изъ него разовьется». Другими словами, мыслитель XV—XVI в. могъ, основываясь на капиталистическихъ (sic) зачаткахъ своего времени (замѣтьте, по объясненію самого Каутскаго, почти всѣми своими корнями еще связаннаго съ феодальной эпохой), путемъ одной лишь головной діалектики, придти къ предвосхищенію того будущаго соціалистическаго строя, который черезъ столько-то вѣковъ (когда? не скажетъ ли намъ этого нашъ діалектикъ хоть теперь?) разовьется изъ совершенно зрѣлаго плода капитализма... Дѣйствительно, Томасъ Моръ— по категорическому утвержденію Каутскаго—«есть одинъ изъ немногихъ, которому этотъ *смѣлый* (поистинѣ!) *прыжекъ мысли* удался... Лишь нынче мы можемъ оцѣнить это въ полной мѣрѣ: не смотря на колоссальное экономическое и техническое развитіе послѣднихъ трехъ столѣтій, мы находимъ въ «Утопіи» цѣлый рядъ тенденцій, еще нынѣ проявляющихся въ соціалистическомъ движеніи».

Что за дѣтскій лепетъ, не правда ли, рядомъ съ этимъ гигант-

скимъ умственнымъ подвигомъ, совершеннымъ за нѣсколько столѣтій до нашей эпохи исключительно путемъ діалектическаго фокуса, представляетъ собой вышеупомянутое предвидѣніе Марксомъ на какія-нибудь «десятилѣтія впередъ» общей тенденціи послѣдующаго экономическаго развитія, вдобавокъ соединенное съ «значительными ошибками» относительно элементарныхъ фактовъ движенія исторіи въ теченіе ближайшихъ же мѣсяцевъ!.. Впрочемъ, Каутскаго съ его утопіей подъ названіемъ «Thomas More und seine Utopie» мы можемъ оставить, наконецъ, въ сторонѣ, но что касается Бернштейна, приходится оговориться, что у него, по крайней мѣрѣ, и то въ примѣненіи не къ Мору, а къ самому Марксу, нѣтъ, да и по всей совокупности положенія не можетъ быть, дѣйствительной вѣры въ эти мертвыя, точнѣе не существующія, «общія тенденціи». У Бернштейна это былъ въ сущности не болѣе какъ простой пережитокъ, послѣдній головной рефлексъ нѣкогда одушевленнаго и одушевлявшаго вѣрованія. Это сказалось уже достаточно явственно въ заключительныхъ страницахъ его «Voraussetzungen», гдѣ со всею рѣшительностью объявляется: «*Возвращеніе Маркса къ «Коммунистическому Манифесту»* (въ заключеніи того параграфа «Капитала», гдѣ дѣло идетъ объ исторической тенденціи капиталистическаго накопленія) указываетъ на *дѣйствительный остатокъ утопизма* въ марксовской системѣ». Итакъ, въ штуттгартскомъ посланіи, прогнозъ «Комм. Маниф.» относительно общихъ тенденцій развитія былъ еще безспорно правиленъ; но спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ книжкѣ, составленной по предложенію штуттгартскаго же партейтага, эти самыя тенденціи коммунистическаго прогноза, по мнѣнію Бернштейна, уже знаменуютъ у Маркса «дѣйствительный остатокъ утопизма въ его системѣ». Такимъ образомъ, дальнѣйшее поумнѣніе Бернштейна совершалось насчетъ «утопическихъ остатковъ» Маркса, но оно не дошло до конца... То, до чего съ такимъ трудомъ, но и съ такой проницательностью додумался Бернштейнъ въ своей попыткѣ вполнѣ самостоятельной критики марксовскаго метода,— это «чисто-спекулятивное предвосхищеніе экономическаго и соціальнаго развитія», при еще большей и окончательной независимости сужденія, а стало быть и эманципаціи его отъ всякихъ марксистскихъ предвзятостей, должно было бы натолкнуть того же Бернштейна попросту на апріорную конструкцію, въ которой «дѣйствительное движеніе» общества сначала изображалось чисто-діалектически отъ разума, съ тѣмъ, чтобы вызвать потомъ образное и запоздалое предостереженіе къ тому же разуму о невозможности «ни перескочить черезъ естественныя фазы развитія, ни устранить ихъ посредствомъ декретовъ» (изъ предисловія Маркса ко 2-му изданію «Капитала»)...

Бернштейну же, въ упомянутомъ штуттгартскомъ посланіи, принадлежитъ знаменитая фраза: «Движеніе—все, конечная цѣль—ничто», которая окончательно сорвала съ марксизма печать идеа-

лизма «конечныхъ цѣлей», сдѣлавъ его ученіемъ реальнаго компромисса, чѣмъ, повторяемъ, на дѣлѣ марксизмъ уже и былъ задолго до такъ называемаго бернштейніанства, въ теченіе предшествующихъ десятковъ лѣтъ. Понятно, что и безъ Бернштейна, рано или поздно, сдѣлалось бы то же самое, потому что и «ересь», какъ таковая, успѣла, сквозь всю толпу предразсудковъ, просочиться во многія правовѣрныя головы. Не мало поучительнаго въ этомъ смыслѣ показалъ намъ даже прямой антиподъ Бернштейна по части ревизіонизма—ультра-ортодоксальный (ex officio) Каутскій. Но вотъ и еще добавочная черточка-другая. Вполнѣ резонно, напр., послѣдній теперь находитъ, что въ области методовъ и органовъ соціальной борьбы—въ противоположность, дескать, теоретическому изученію общаго направленія этой борьбы — главное дѣло это практика: теоретики лишь впослѣдствіи, заднимъ числомъ, наблюдаютъ то, что дала практика и изслѣдуютъ значеніе этого для дальнѣйшаго развитія. Рабочіе союзы, стачки, акціонерныя компаніи, трэсты и т. п.—поясняетъ свою мысль авторъ—возникли на почвѣ практики, а не теоріи. «Въ этой области—смиренно сознается Каутскій—намъ, можетъ быть, предстоитъ еще не мало сюрпризовъ»... И въ самомъ дѣлѣ, одно къ одному: гдѣ насъ ожидаютъ сюрпризы post factum, логически неизбѣжны были «ошибки» и ошибки очень «значительныя», если бы, основываясь на «теоретическомъ изученіи общаго направленія» (съ свойствами котораго мы достаточно ознакомились выше!), мы взялись соотвѣтственные факты предсказать. Это ясно, какъ день... Но всего интереснѣе, что оба эти автора—и Каутскій, и Бернштейнъ,—по своему, на разные лады, лишь варіировали мысль самого Маркса, выраженную въ адресѣ генеральнаго совѣта Интернаціонала по поводу Парижской Коммуны: рабочему классу, чтобы добиться своего освобожденія, придется выдержать упорную борьбу, пережить цѣлый рядъ историческихъ процессовъ, которые *совершенно измѣнятъ и людей, и обстоятельства.*

Въ подчеркнутыхъ словахъ заключается, какъ легко признаетъ всякій, неизсякаемый родникъ для «сюрпризовъ» самыхъ изумительныхъ. Замѣтимъ, что это самое заявленіе Маркса, оказавшее столь несомнѣнное вліяніе на эволюцію въ ходѣ мыслей ортодоксальнаго Каутскаго (прибавимъ—и Бебеля: вспомнимъ его 10, 20, 30 различныхъ путей, на которые придется вступить и пр.)—произвело въ то же время такое сильное впечатлѣніе на Бернштейна, что отсюда-то, по его собственнымъ признаніямъ, и пошла вся его ересь. Гдѣ же, послѣ всего этого, грань, отдѣляющая послѣднюю отъ ортодоксіи? Гдѣ кончается одна и начинается другая? И что вы можете еще знать и утверждать о конечной цѣли послѣ такого, Марксомъ намѣченнаго, «ряда историческихъ процессовъ», которые грозятъ «совершенно измѣнить людей и обстоятельства»? Чтобы послѣ и въ виду всего этого продолжать еще держаться за

старое, нужно было увѣровать въ нѣчто, очень близкое къ такъ назыв. магометанскому фатализму. Это и дѣлаетъ Марксъ тутъ же: пережить этотъ рядъ историческихъ процессовъ рабочему классу придется не просто для своего освобожденія, но и чтобъ достигнуть видите ли, высшей формы существованія, къ которой, по старому, все еще *неудержимо стремится* современное общество въ силу собственнаго своего экономическаго развитія... Да проститъ намъ великая тѣнь Маркса, если намъ подобнаго рода взыванія къ конечной цѣли, это упрямое словесное цѣпляніе за «высшую форму» съ «неудержимымъ стремленіемъ» къ ней современнаго общества и пр., по своей осмысленности представляется возможнымъ сравнивать только съ механическимъ перебираніемъ четокъ, въ качествѣ молитвеннаго акта. Иного эффекта и не можетъ производить повтореніе перомъ или языкомъ старыхъ выдохшихся лозунговъ, для оживотворенія которыхъ отняты и устранены всѣ конкретныя возможности... Ибо здѣсь какъ разъ и лежитъ тотъ, если такъ можно выразиться, психологическій путь, какимъ марксизмъ дошелъ до своего самоотреченія отъ соціализма: этотъ путь пролегаетъ именно чрезъ метафизическое понятіе историческаго закона, съ неукоснительностью и благонадежностью естественной необходимости предуготовляющаго торжество соціализма. Такъ какъ ничего подобнаго идеѣ механически-исторической необходимости въ самой дѣйствительности, не имѣется, то за произвольное навязываніе таковой существу вещей марксизмъ постигла жестокая кара. Отдѣльному человѣку случается согнуться прежде времени не столько подъ тяжестью лѣтъ, сколько отъ тяжкихъ разочарованій въ жизни. Такъ и съ марксизмомъ, какъ съ живымъ, злободневнымъ ученіемъ. Насколько онъ раньше былъ гордъ и «максималистиченъ» (если позволено образовать такой терминъ отъ понятія программы-максимумъ), настолько онъ теперь съежился, весь ушелъ въ «реформу» (или въ свою «программу-минимумъ). Это-то перерожденіе марксизма и символизировалъ Бернштейнъ; въ своихъ писаніяхъ онъ явился чистѣйшимъ выразителемъ этой фазы преждевременной, лишенной иллюзій, старости исповѣдываемаго имъ ученія. Поэтому не вина Бернштейна, а развѣ бѣда его, если у него хватило смѣлости («мужества своихъ мнѣній») бросить въ лицо марксизму этотъ оголенный отъ всякихъ «высшихъ» «конечностей» кличъ: движеніе все, конечная цѣль—ничто...

Именно бѣда его. Ауэръ очень хорошо выразилъ это положеніе въ дружескомъ письмѣ къ Бернштейну: «Ты, мой дорогой Эдуардъ, оселъ: такихъ вещей не пишутъ—ихъ дѣлаютъ». Это значило, можетъ быть: слѣдуетъ остерегаться возводить оппортунизмъ въ принципъ, надо политику компромисса стараться укрыть подъ знамя незыблемыхъ и неприкосновенныхъ основныхъ началъ... Если *это* хотѣлъ сказать дружескій упрекъ Ауэра, то онъ, пожалуй, былъ правъ: «такихъ вещей не пишутъ, ихъ дѣлаютъ» и—горе *подпи-*

савшему такого сорта принципіальное самоотреченіе отъ «конечностей».

Замѣчаніе Ауэра не совсѣмъ, впрочемъ, точно. Ибо въ томъ или другомъ *частномъ* смыслѣ «писали» уже многіе и до Бернштейна. Авторъ «Аграрныхъ вопросовъ», Ф. О. Гертцъ, защищая Бернштейна, замѣчаетъ, что нападали на него, забывъ, что самыя сильныя головы соціализма уже давно высказывали подобныя идеи, и при томъ тѣ самые люди, которые дѣйствовали одинаково и въ теоріи, и на практикѣ. Гертцъ ссылается въ этомъ отношеніи на «превосходную книгу» Вандервельда и Детрэ «Le socialisme en Belgique», въ которой развиваются мысли, подобныя воззрѣніямъ Бернштейна, приводитъ затѣмъ изреченіе Маркса о томъ, что законъ о десяти-часовомъ рабочемъ днѣ былъ побѣдой принципа,— потомъ недоумѣнно спрашиваетъ: «За что же, въ такомъ случаѣ, обрекаютъ на проклятіе Бернштейна? Почему же также не Вандервельда и Маркса?» (пер. И. С. Дурново, стр. 256—58)... Къ Бернштейну, словомъ, mutatis mutandis, можно было бы, еще съ большей справедливостью, примѣнить случайное замѣчаніе Людвига Фейербаха о Спинозѣ: «онъ (Бернштейнъ) былъ агнцемъ, терпѣливо взявшимъ на себя всѣ грѣхи своей партіи, стоявшей частью на ортодоксальной, частью на его точкѣ зрѣнія; его—если не кровью, то поношеніемъ—они старались смыть съ себя вину, или, по крайней мѣрѣ, подозрѣніе въ ереси»... И дѣйствительно, прислушиваясь къ рѣчамъ, которыя говорились, и присматриваясь къ дѣламъ, которыя творились въ средѣ партіи многими изъ самыхъ компетентныхъ и авторитетныхъ ея представителей, еще задолго до того, какъ онъ провозгласилъ во всеуслышаніе свою страшную ересь, Бернштейнъ, этотъ «искупительный агнецъ» марксизма, имѣлъ не одинъ случай съ горечью сказать про себя словами Крыловскаго волка: «Какой бы шумъ вы подняли, друзья, когда бы это сдѣлалъ я!..»

Намъ не разъ уже приходилось въ предшествующихъ замѣткахъ намеками указывать, что единственная прочная историческая заслуга, которую имѣетъ въ нашихъ глазахъ марксизмъ и которая именно въ его ревизіонистскомъ теченіи обнаруживается съ особенной яркостью, лежитъ не въ области теорій, гдѣ марксизмъ выступалъ только съ величайшимъ вредомъ для своего собственнаго дѣла, а въ сферѣ практики, гдѣ, въ качествѣ соціалъ-демократіи, онъ сумѣлъ стать истинной рабочей партіей, выразительницей нуждъ и чаяній обездоленнаго пролетаріата. Иныхъ заступниковъ, кромѣ соціалъ-демократовъ, не имѣютъ на Западѣ пролетарскіе слои городского и сельскаго населенія, и даже ихъ враги должны были признать за ними громогласно ту заслугу, что, только благодаря соціалистамъ и ихъ агитаціи, благодаря тому критическому и будирующему началу, которое они вносятъ и въ пар-

БИБЛІОТЕКА

аменты, и въ широкіе народные круги, достигнуты тѣ законода-
ельные и культурные успѣхи на пользу рабочихъ, которые мы
аблюдаемъ почти повсюду на Западѣ. И германскіе соціалъ-
емократы безусловно поэтому правы, когда они говорятъ рабо-
имъ устами стараго Либкнехта: «Какъ въ стѣнахъ рейхстага,
акъ и внѣ его, у васъ нѣтъ друзей, вы совершенно одни; всѣ эти
тоящія на почвѣ капиталистическаго общества партіи, какъ бы
нѣ ни изливались въ своей сердечной дружбѣ къ рабочимъ,—
аши несомнѣнные враги».

Слѣдующее замѣчательное признаніе кн. Бисмарка, сдѣланное
мъ въ рѣчи отъ 26 ноября 1884 г. въ рейхстагѣ, не можетъ не
роизвести впечатлѣнія глубоко симптоматическаго съ этой стороны
явленія: «Соціалъ-демократія, какъ она есть, является все же много-
значительнымъ символомъ; она служитъ настоящимъ *мене-текелъ* для
имущихъ классовъ, напоминающимъ имъ о томъ, что не все об-
тоитъ такъ, какъ должно было бы обстоять, и что многое могло
ы быть передѣлано къ лучшему; постольку, слѣдов., оппозиція
олезна въ самой высокой степени. Если-бъ не соціалъ-демократы
не страхъ предъ ними множества людей, не было бы и тѣхъ
кромныхъ успѣховъ, которыхъ мы вообще достигли до сихъ поръ
ъ области соціальнаго реформаторства, и постольку, слѣд., страхъ
редъ с.-демократіей является вполнѣ спасительнымъ элементомъ
ля тѣхъ, въ которыхъ безъ того никогда и не шевельнулось бы
стественное чувство состраданія къ бѣдному согражданину».

Такъ говорилъ Бисмаркъ, и нужно отдать ему справедливость,
о-первыхъ, въ томъ, что не у всякаго государственнаго человѣка хва-
итъ гражданскаго мужества дѣлать публично такія признанія о
авѣдомыхъ врагахъ правительства и всего существующаго по-
ядка;—а во-вторыхъ, самый фактъ, который онъ здѣсь фикси-
уетъ, схваченъ имъ замѣчательно мѣтко: соціалъ-демократія,
обще соціализмъ, дѣйствительно, является грознымъ и много-
значительнымъ символомъ, служитъ огненнымъ мене-текелъ для
овременнаго общественнаго строя, справляющаго свой пиръ Бал-
асара; и далѣе даже нынѣшніе незначительные успѣхи въ области
оціальной реформы достигнуты только благодаря одному лишь
акту существованія соціалистическихъ партій и ихъ революціо-
изирующаго воздѣйствія на массы, побуждающему господствующіе
руги бросать свои крохи соціальныхъ мѣропріятій на пользу
неимущихъ согражданъ».

Конечно, бываетъ и не такъ, и даже—«прямо наоборотъ».
акъ, напр., мы видѣли въ самомъ началѣ, съ какой наглостью
еагируютъ нѣмецкія правительства хотя бы на такое, болѣе чѣмъ
аконное, желаніе партіи и народныхъ массъ, какъ требованіе о
дачѣ въ архивъ «подлой и нелѣпой» Dreiklassensystem. Мы могли
ы привести и еще многочисленные образчики бравадъ все въ
омъ же провокаторскомъ жанрѣ, которыя правительства охотно

пускаютъ въ оборотъ въ эпохи торжествующей реакціи и вообще когда чувствуютъ себя въ опереніи. Но все это не поколебало бы установленнаго здѣсь—да и не нами, а болѣе въ этомъ отношеніи компетентнымъ судьей, какъ знаменитый «желѣзный канцлеръ»—положенія о правительствахъ, своими соціальными реформами только имитирующихъ или, лучше сказать, только пародирующихъ соціализмъ, а насъ заставило бы лишь вспомнить про два лика, которые носитъ соціалъ-демократія: одинъ—если угодно, консервативный (по отношенію къ существующему строю), ревизіонистскій, смотрящій и оріентирующійся въ настоящемъ, другой—революціонный, разрушительный, обращенный въ будущее и рисующій ее вполнѣ основательно въ глазахъ правительства, какъ Umsturzpartei:—«эта партія дерзаетъ посягать на государственныя основы, возстаетъ противъ религіи и не останавливается даже предъ лицомъ Всевышняго», ужасался Вильгельмъ II въ одной изъ своихъ наиболѣе алармистскихъ бранденбургскихъ рѣчей и заставлялъ придумывать для обузданія этой страшной партіи бичи и скорпіоны, въ видѣ многочисленныхъ Umsturzgesetze. И вотъ, понятно, чѣмъ больше государство видитъ себя угрожаемымъ со стороны соціалъ-демократіи этого второго зловѣщаго образа, тѣмъ вынужденнѣе она чувствуетъ себя ковылять за ней по пятамъ на почву соціалъ-реформаторства, воздѣлываемую ревизіонизмомъ. Наличность такого подражательнаго — мы бы сказали, *миметическаго* — вліянія германской соціалъ-демократіи на политику отдѣльныхъ нѣмецкихъ правительствъ мы можемъ констатировать, такъ сказать, по свѣжему слѣду, на одномъ частномъ случаѣ агитаціонной дѣятельности партіи, гдѣ, кстати, послѣдняя и сама рисуется намъ въ нѣсколько пикантномъ свѣтѣ, именно со стороны ея аграрной программы и отношенія къ крестьянскому вопросу, составляющихъ, какъ извѣстно, настоящую Ахиллесову пяту марксизма. Прусскій консервативный министръ Герфуртъ, внося въ сессію ландтага 1890—91 г. правительственный законопроектъ расширенія избирательнаго права менѣе осѣдлыхъ и малоимущихъ членовъ общины, въ оправданіе своего законопроекта, которому министръ приписывалъ весьма крупное соціальное значеніе, далъ слѣдующее коротенькое, но интересное объясненіе: «Если въ послѣднее время соціалъ-демократія провозглашаетъ лозунгъ: Въ деревню (Auf die Dörfer!!), если она старается распространить свою агитацію на сельское населеніе, то это доказываетъ, что она постигла истину старой поговорки: «Мужикъ отстаиваетъ насъ въ битвахъ и одерживаетъ наши побѣды» (Der Bauer schlägt unsere Schlachten und gewinnt unsere Siege). *Чтобы противопоставить этому новодненію твердую плотину, законодательство также должно пойти въ деревню»* *).

*) „Страница изъ исторіи земской реформы въ Пруссіи", въ сборникѣ „Мелкая земская единица", стр. 126.

Борьба, стало быть, идетъ изъ-за мужика—правительство невольно выдало, гдѣ его жметъ—изъ-за мужика, который «отставляетъ насъ въ битвахъ и сдерживаетъ наши побѣды». И здѣсь опять мѣтко выхвачена цѣлая особая полоса изъ соціалъ-демократической программы и дѣятельности, обнаженъ и препарированъ главный двигательный нервъ, тотъ мотивъ, который одинъ и побудилъ партію обратить свой благосклонный взоръ на мужика, замѣнивъ свои городскіе лозунги кличемъ: «въ деревню!» Слѣдомъ за ней, по пословицѣ: куда конь съ копытомъ, туда ракъ съ клешней, попятились туда же и правительство, съ цѣлью «противопоставить соціалъ-демократическому наводненію твердую плотину законодательства», въ видѣ новаго *Landgemeindeordnung*... При чемъ на этомъ именно примѣрѣ намъ особенно яснымъ становится, что правительству, въ сущности, приходится безпрестанно продѣлывать своего рода опыты покровительственной окраски (мимикри), особенно хорошо изученные зоологами на насѣкомыхъ, но понятно здѣсь примѣняемые со всѣмъ превосходствомъ сознательной государственной мудрости надъ смутной инстинктивностью животныхъ отряда Insecta... Попутно нельзя не сопоставить также, какъ борются съ вліяніемъ соціалъ-демократіи въ полуабсолютистской Германіи консервативные министры—а именно, какъ мы только что слышали, *расширеніемъ* избирательныхъ правъ малоимущихъ и несѣдлыхъ слоевъ населенія,—и что пытаются противопоставить аналогичнымъ вліяніямъ (крайнихъ лѣвыхъ партій) наши россійскіе—«конституціонные, но не парламентарные»—Бисмарки и Герфурты: а именно,—«разъяснительную», т. е. *сократительную* въ отношеніи избирательныхъ правъ дѣятельность верховнаго блюстителя и хранителя законности въ странѣ—сената... Возвращаясь къ Германіи, замѣтимъ, что еще сравнительно недавно—въ маѣ 1905 г.—газета «Эхо», органъ католическаго центра, въ ту пору составлявшаго еще надежнѣйшую правительственную опору въ парламентѣ, писала: «Можно сколько угодно кричать противъ соціалъ-демократіи, но побѣдимъ мы ее не иначе, какъ реформами, а разъ мы не удовлетворяемъ справедливыхъ требованій рабочихъ, то они, въ концѣ концовъ, становятся соціалъ-демократами»...

Вліяніе и дѣятельность соціалъ-демократіи въ этомъ направленіи встрѣчаетъ, понятно, наше сочувствіе и въ тѣхъ слишкомъ нерѣдкихъ случаяхъ, когда она терпитъ фіаско, и въ этихъ случаяхъ даже, быть можетъ, особенное. Такъ, напримѣръ, читая про то, какъ соціалъ-демократъ Антрикъ, послѣ своей *восьмичасовой* рѣчи въ рейхстагѣ противъ таможеннаго законопроекта, говоритъ, уже сходя съ трибуны: «Наша партія старалась защитить интересы народа, и хоть я ничего не могу сдѣлать здѣсь, но я исполняю свой долгъ солдата великой арміи», — мы не можемъ не ощутить тутъ прилива какого-то особаго восхищенія предъ этой своеобразной формой героизма дѣйствительнаго солдата ве-

ликой рабочей арміи... И нисколько не удивительно, что съ этой *моральной* силой и считаются. Кромѣ вышеприведеннаго заявленія Бисмарка, мы имѣемъ и другое еще болѣе прямое въ этомъ отношеніи свидѣтельство его преемника, гр. Каприви, признававшагося, что правительство, при всякомъ новомъ своемъ законопроектѣ, вносимомъ въ парламентъ, взвѣшиваетъ, какое оно впечатлѣніе произведетъ на соціалъ-демократію—т. е. на ту самую партію, представителей которой коронованный ораторъ третируетъ какъ—vaterlandslose Geselle... Разумѣется, этимъ вниманіемъ не богъ вѣсть еще какъ много сказано, или, вѣрнѣе, какъ много сдѣлано, но оно все же знаменательно.

Наконецъ, въ дополненіе къ этимъ свидѣтельствамъ, говорившимъ объ извѣстномъ, преимущественно моральномъ, вліяніи соціалъ-демократической партіи на внутреннюю политику, мы не можемъ отказаться привести здѣсь и еще одно авторитетное свидѣтельство, исходящее отъ третьяго (въ порядкѣ преемственности) имперскаго канцлера и выставляющее соціалъ-демократію въ высокопочетной роли носительницы и ревнительницы всесвѣтнаго міра — «Trägerin und Förderin des Friedens», какъ резюмировало это положеніе само «Neue Zeit.» — «Г. депутатъ Бебель—замѣтилъ кн. Гогенлоэ въ своей бюджетной рѣчи отъ 5 декабря 1904 г.—выразилъ, между прочимъ, ту мысль, что, въ случаѣ большой европейской войны, пользу отъ нея прежде всѣхъ пожнетъ соціалъ-демократія. Этотъ взглядъ я считаю правильнымъ, и для правительствъ всѣхъ крупныхъ государствъ это только, какъ надѣется канцлеръ, лишній поводъ стараться и впредь придерживаться своей нынѣшней разумной политики мира»... Если прибавить къ этому ту дѣятельную антимилитаристскую агитацію, которую въ своей странѣ ведутъ французскіе соціалисты, то заслуги въ этомъ отношеніи международнаго соціализма вырастаютъ опять въ нѣчто, вызывающее къ себѣ самое сочувственное вниманіе.

Съ насъ достаточно здѣсь эти великія историческія заслуги соціалъ-демократіи просто признать—такое признаніе, надѣемся, не только не исключалось, но, какъ намъ кажется, даже предполагалось всей предшествующей критикой, не смотря на всю ея рѣзкость. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, равнодушно смотрѣть, какъ возвышенныя практическія стремленія губятся, зачастую въ самомъ корнѣ, грубыми теоретическими ошибками, тѣмъ болѣе возмущающими умъ, что здѣсь имѣешь дѣло не съ невольными заблужденіями, не съ извѣстной человѣческой слабостью, а съ завѣдомо фальшивыми руководящими началами, сознательно положенными въ основу научной теоріи — мало того, возведенными въ перлъ научно-теоретическаго творчества. Объ этихъ теоретикахъ не скажешь, что они просто заблуждаются,—только *wahnsinnig*: Генрихъ Гейне весьма мѣтко обозначилъ этотъ интеллектуальный типъ, какъ—*wahnsinnig methodisch*, какъ родъ «методическаго безумія»...

Съ этой точки зрѣнія нельзя не сказать, что даже то служеніе соціалъ-демократіи интересамъ рабочихъ, которое мы только что поставили ей въ основной ея плюсъ, отмѣчено печатью грубѣйшаго теоретическаго заблужденія, сопровождаясь оговоркой, что служеніе это допустимо лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно не наноситъ ущерба интересамъ всего капиталистическаго развитія. Это положеніе вы можете встрѣтить какъ у теоретика Каутскаго, такъ и у агитатора Бебеля: послѣдній такъ даже на партійномъ конгрессѣ не преминетъ вамъ заявить (какъ въ Бреславлѣ), что каждую предлагаемую мѣру онъ взвѣшиваетъ обязательно съ двухъ точекъ зрѣнія: во-первыхъ, съ той, не повредитъ ли эта мѣра непосредственнымъ духовнымъ и матеріальнымъ интересамъ рабочихъ, — что, разумѣется, совершенно въ порядкѣ вещей—и дальше, во-вторыхъ, еще съ той, не потревожитъ ли она хода капиталистическаго развитія... Изъ каутсковскаго же «Agrarfrage» мы узнаемъ, что послѣдняя точка зрѣнія и есть высшая, рѣшающая, словомъ, самая настоящая научная точка зрѣнія, такъ что, напр., любую мѣру, предлагаемую завѣдомо въ интересахъ рабочихъ, соціалъ-демократія отвергнетъ безъ всякихъ колебаній, какъ скоро она грозитъ, по ея мнѣнію, посягнуть на ходъ капиталистическаго развитія. Создается единственное въ своемъ родѣ положеніе. Правительство, прежде чѣмъ внести свой законопроектъ, осторожно зондируетъ почву, то впечатлѣніе, какое онъ произведетъ на соціалъ-демократію, т. е. въ сущности на народную массу, а та самымъ объективнымъ, самымъ безкорыстнымъ образомъ отнѣкивается: пожалуйста безъ лицепріятія, важно вѣдь не то, что по тому или другому поводу подумаемъ мы, или какъ приметъ это народъ, а какъ посмотритъ на дѣло то нѣчто или тотъ нѣкто, который выше насъ, выше всего живущаго поколѣнія людей и который зовется Молохомъ капиталистическаго развитія. И вотъ мы наблюдаемъ, напр., явленія въ родѣ слѣдующаго.

III отдѣлъ 2-й части «Agrarfrage» начинается параграфомъ съ такимъ любопытнымъ подзаголовкомъ: *„Соціалъ-демократія не представительница интересовъ предпринимателей“*. Такъ значитъ, это еще требовало доказательства?! Но и то сказать: если соціалъ-демократія «не можетъ брать подъ свою защиту интересовъ пролетаріата», т. е. считать себя «представительницей даже пролетарскихъ интересовъ», поскольку они «стоятъ поперекъ пути соціальнаго развитія», то нѣтъ, конечно, никакихъ основаній ожидать отъ нея потакательства интересамъ именно предпринимателей или аграріевъ; но предоставимъ лучше слово самому Каутскому: «Какъ по отношенію къ промышленникамъ или финансистамъ, такъ и къ сельскимъ хозяевамъ и землевладѣльцамъ, роль соціалъ-демократіи не есть роль агитатора, который долженъ ихъ встряхивать на охраненіе своихъ интересовъ, но скорѣе *наблюдателя*, а при случаѣ и *стража*, который смотритъ за тѣмъ,

чтобы частные интересы не получили преобладанія насчетъ общихъ, мгновенные насчетъ длительныхъ»,—въ подлинникѣ, къ сожалѣнію, съ точностью не обозначено въ этомъ мѣстѣ, какіе или чьи «общіе и вѣчные» интересы Каутскій «сторожитъ» отъ возможнаго (eventuell) посягновенія на нихъ со стороны интересовъ «частныхъ и мгновенныхъ». Но такъ какъ въ сомнительныхъ случаяхъ автора надлежитъ толковать всегда въ самомъ благопріятномъ для него смыслѣ, то мы принимаемъ, что Каутскаго озабочиваетъ, собственно, не столько вопросъ о «рубашкѣ или сюртукѣ» землевладѣльца, сколько, главнымъ образомъ, «общіе и вѣчные интересы» всего соціальнаго развитія. Правильность нашего истолкованія явствуетъ, впрочемъ, изъ послѣдующихъ словъ Каутскаго: «Соціалъ-демократія, которой дѣятельность должна быть (!) положительной и поощрительной въ интересахъ пролетаріата, *ограничена по существу* тамъ, гдѣ ей приходится въ нынѣшнемъ обществѣ *охранять интересы всего цѣлаго*, отрицательной, оборонительной позиціей». При томъ противъ ея отрицательной роли, ея положительная сторона «должна будетъ постоянно отступать на задній планъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока она не получитъ рѣшающаго вліянія на государственную жизнь...» Но въ такомъ случаѣ, до наступленія этого «рѣшающаго» момента, соціалъ-демократія должна бы, собственно, титуловаться по настоящему не партіей пролетаріата, какъ она это, вѣрно для краткости, дѣлаетъ, а нѣсколько распространеннѣе, примѣрно такъ: сторожевая партія соціальнаго развитія, съ уклономъ въ сторону пролетаріата... Значитъ, когда парламентскіе наслѣдники справа, подхватывая соціалъ-демократическія распинанія за нерушимость закономѣрнаго хода капиталистическаго развитія, совѣтовали партіи реформироваться въ школу соціальнаго знанія, они были довольно таки близки къ дѣйствительности, но, понятно, и не могли подозрѣвать всей донъ-кихотской готовности соціалъ-демократіи служить интересамъ ихъ общаго фетиша—его величества Капитала... Впрочемъ, прогрессъ сравнительно съ буржуазными экономистами все же несомнѣненъ: эти знали только «вѣчные и естественные законы капитализма»—безъ всякихъ уклоновъ...

Но если ужъ, какъ партія пролетаріата, соціалъ-демократія не разъ и не два видала себя вынужденной промѣнивать свою «положительную» службу послѣднему на «отрицательную» роль «наблюдателя, а то и стража» всего капиталистическаго развитія, то значитъ, тѣмъ уважительнѣе должны были быть причины, побудившія партію, даже съ явнымъ нарушеніемъ священныхъ интересовъ этого развитія, взять подъ свое особое покровительство крестьянство. И прусскій министръ Герфуртъ выше уже разъяснилъ намъ эти причины, давшія толчекъ къ пересмотру аграрныхъ представленій соціалъ-демократіи. «Толчекъ этотъ явился не со стороны теоретическаго изслѣдованія, а вытекалъ изъ опыта

и потребностей сельской агитаціонной практики. Во время общеимперской избирательной агитаціи 1893 г. для всѣхъ съ полной ясностью обнаружилось противодѣйствіе крестьянскихъ массъ. Было очевидно, что агитаціонныя ученія, дѣйствительныя въ средѣ промышленныхъ рабочихъ, неспособны были увлечь крестьянина... Но привлечь ихъ было желательно, было необходимо. По предложенію депутата Шенланка, кельнскій партейтагъ рѣшилъ поставить аграрный вопросъ на очередь ближайшаго годичнаго конгресса партіи во Франкфуртѣ-на-Майнѣ» (Д-ръ Эдуардъ Давидъ: «Соціализмъ и сельское хозяйство», стр. 19). Такъ возникла соціалъ-демократическая аграрная программа.

Теперь Каутскій готовъ увѣрять насъ, что крестьянство и крестьянскій вопросъ всегда, собственно, были близки сердцу соціалъ-демократической партіи и «до сихъ поръ ни одинъ серьезный соціалистъ не требовалъ никогда, чтобы крестьяне были экспропріированы, или чтобы ихъ земли были конфискованы». Мы уже оцѣнили въ одномъ мѣстѣ нехитрый логическій смыслъ этого выраженія, подъ которымъ Каутскій хитро думалъ скрыть—вѣроятно, и отъ самого себя—безспорный тяжелый фактъ. Фактъ же этотъ такого свойства, что положительно неловко становится за человѣка—за собирательнаго Каутскаго... Ну, ошиблись, согрѣшили, приговоривъ совершенно здороваго субъекта къ смерти; ну, что-жъ, человѣку свойственно ошибаться, и не грѣшитъ лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Чего проще, прямо сознаться въ своей ошибкѣ, покаявшись, прежде всего, предъ самымъ этимъ «крѣпкоголовымъ» паціентомъ... Но, очевидно, одно дѣло—это ошибаться по человѣчеству, другое дѣло—ошибиться по теоріи, и если человѣкъ когда-нибудь еще можетъ поступиться своимъ самолюбіемъ, сознаться въ своей личной недальновидности, то при той же степени прямоты и искренности, онъ никогда не поступится достоинствомъ своихъ теорій, онъ захочетъ, во что бы то ни стало, непремѣнно спасти теорію—изъ простого инстинкта самосохраненія, который вѣдь сильнѣе самолюбія: если человѣкъ привыкъ ходить на костыляхъ теоріи, то онъ будетъ чувствовать себя безъ теоріи, какъ безъ ногъ...

Пусть читатель пробѣжитъ только введеніе къ вышеупомянутому обширному труду д-ра Давида или даже тоненькую брошюру г. Л. Шишко: «Къ вопросу объ аграрной программѣ въ связи съ теоріей научнаго соціализма» (Москва, 1906): въ послѣдней онъ найдетъ хорошо сгруппированный матеріалъ, не оставляющій ни малѣйшаго сомнѣнія относительно жалкой роли врача-педанта, приговаривающаго мнимаго больного къ смерти по всѣмъ правиламъ своей науки. Одинъ примѣръ. Когда-то, въ предисловіи къ «Эрфуртской программѣ», Каутскій писалъ: «Мелкое крестьянское хозяйство экономически пережито... Неизбѣжная гибель мелкаго производства—такова идея, *красной нитью проходящая чрезъ мой*

трудъ». Теперь Каутскій, въ предисловіи къ той же «Эрфуртской программѣ»—къ тому, значитъ, самому «труду», чрезъ который «красной нитью» проходитъ идея о «неизбѣжной гибели мелкаго производства», какъ ни въ чемъ не бывало, говоритъ: «*Ничто не можетъ быть ошибочнѣе того мнѣнія*, что соціалистическое производство сдѣлается возможнымъ только тогда, когда все мелкое хозяйство будетъ поглощено крупнымъ: *въ такомъ случаѣ, оно никогда не сдѣлалось бы возможнымъ*, ибо концентрація капитала не уничтожаетъ вполнѣ мелкихъ хозяйствъ, а скорѣе создаетъ вмѣсто старыхъ новыя». Но, если обусловливать наступленіе соціалистическаго режима поглощеніемъ всего мелкаго хозяйства, значитъ обрекать въ сущности этотъ режимъ на небытіе, то остается еще сдѣлать послѣдній шагъ—воспріять мелкаго производителя, какъ онъ есть, непосредственно въ рай соціализма, освободивъ отъ обязательнаго предварительнаго прохожденія чрезъ чистилище, съ его экспропріаціей, конфискаціей его земли и орудій и выварокой въ пролетарски-капиталистическомъ котлѣ. И въ «Соціальной реформѣ», наконецъ, дѣйствительно поставлена послѣдняя точка надъ і: ни крестьянину, ни даже ремесленнику нечего бояться соціалистическаго режима, ибо очень вѣроятно, что крестьянскія хозяйства, да и мелкія промышленныя предпріятія только окрѣпнутъ благодаря этому режиму...

То, что случилось здѣсь на нашихъ глазахъ — что марксизмъ продѣлалъ съ крестьянствомъ и что какъ бы въ отплату продѣлало крестьянство съ марксизмомъ—повторится съ послѣднимъ многое множество разъ по самымъ многоразличнымъ поводамъ. Но всѣ подобныя метаморфозы неизмѣнно проходили чрезъ знакомое уже намъ метафизическое понятіе естественно-исторической необходимости, которое и служило, какъ только что выразился Каутскій, настоящей «красной нитью» всякихъ мертворожденныхъ программъ, сулившихъ «неизбѣжную гибель»... Съ высоты этой естественной необходимости или этой стихійной неизбѣжности новооткрытаго философски-историческаго закона, устанавливались чисто-пророческіе прогнозы, обрекались на смерть тѣ или другія формы производства, не укладывавшіяся въ апріорныя формулы, тѣ или другія общественныя формаціи или группы (средніе слои капиталистовъ, ремесленники и мелкіе производители, крестьянство)—носители этихъ якобы реакціонныхъ формъ,—мало того приговаривались къ исторической смерти цѣлыя національности (датчане, скандинавы) и даже племена (напр., славянство) *);

*) Марксъ въ 1864 г. призывалъ Германію къ войнѣ съ Даніей изъ-за Шлезвига и Гольштиніи, заявляя, что—„право Германіи противъ Даніи есть право цивилизаціи противъ варварства, прогресса противъ застоя", что оно „важнѣе всѣхъ договоровъ, такъ какъ это право историческаго развитія", что „война противъ Даніи—дѣйствительно революціонная война".—Что касается славянства, то ему тотъ же Марксъ еще въ 1848 г.

равно какъ съ этой же яко-бы научной, объективистической точки зрѣнія, дѣлались ретроспективныя экскурсіи въ область исторіи, которая всей многовѣковой эволюціей, какъ и каждой отдѣльной эпохой, не исключая самыхъ мрачныхъ періодовъ, не исключая и древняго міра съ его историческимъ рабствомъ, имѣла дѣятельно участвовать въ подготовленіи соціалистическаго строя...

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ въ своихъ историческихъ прогнозахъ, такъ и ретроспективныхъ приговорахъ, марксизмъ оперируетъ съ отдѣльными соціальными конкретностями — классами, націями, институтами прошлаго и настоящаго — совершенно такъ же, какъ старые метафизики съ идеями, понятіями, вообще мысленными категоріями; но тѣ, по крайней мѣрѣ, приносили на алтаряхъ своихъ системъ безкровныя и безплотныя жертвы, марксисты же въ идеѣ являются настоящими языческими жрецами, не довольствующимися абстракціями, а готовыми инсценировать для своихъ боговъ настоящія жертвоприношенія. Жрецы и служители марксизма и приносили во многихъ случаяхъ еще трепещущія жертвы на алтарь соціализма, понятно, въ тѣхъ границахъ, въ какихъ человѣческія мысли вообще вліяютъ на жизнь. Они оказывались поэтому зачастую въ положеніи нашего праотца Авраама, когда, повинуясь непонятному ему велѣнію Іеговы, онъ готовъ былъ закласть родного сына, но въ послѣднюю минуту узнаетъ, что жертва эта вовсе и не требовалась для его Господа, и вѣроятно не безъ сожалѣнія, изъ ложнаго чувства піетета предъ Всевышнимъ, отводитъ уже занесенную надъ роднымъ дѣтищемъ руку съ жертвеннымъ ножомъ... Ибо хотя и справедливо, что исторія «жертвъ искупительныхъ проситъ», но не тѣхъ же, во всякомъ случаѣ, на которыхъ ей вздумаетъ пальцемъ указывать тотъ или иной соціальный мудрецъ или философъ исторіи...

Не трудно понять, чѣмъ должна была разрѣшиться марксистская соціальная метафизика отъ встрѣчи съ конкретной соціальной дѣйствительностью. На дѣлѣ одна крайность всегда рождаетъ другую, и если капризная дѣйствительность не выполняетъ предначертаній пророка, если гора не идетъ къ Магомету, то пророкъ идетъ къ горѣ, а соціализмъ, который отказался родиться изъ «естественно-исторической необходимости» или при ея помощи, долженъ былъ отойти въ нѣкій лучшій міръ, въ міръ трансцендентныхъ «потусторонностей». А такъ какъ, говоря словами Фольмара, съ проповѣдью «неустранимой гибели» и съ указаніемъ на возмездіе въ «потустороннемъ соціалистическомъ обществѣ», среди крестьянъ, напр., далеко не уйдешь—«они такъ же, какъ и

по поводу всеславянскаго конгресса въ Прагѣ, опять таки объявилъ „истребительную борьбу и терроризмъ безъ всякихъ стѣсненій—не въ интересахъ Германіи, но въ интересахъ революціи!“ (Цитир. у Меринга въ „Ист. герм. соціалъ-демократіи“ т. I).

рабочіе, желаютъ положительныхъ средствъ для улучшенія своего положенія уже въ настоящемъ»—то доктринѣ, созданной подъ такимъ именно апріорнымъ угломъ зрѣнія или подъ знакомъ «возмездія», пришлось начать надъ собой рядъ опытовъ систематическаго самоистязанія, въ результатѣ котораго сама она рискуетъ остаться буквально «пустой формулой», въ «живую же дѣйствительность» соціализма превращается та самая живая дѣйствительность современнаго частно-правового порядка, которая у всѣхъ насъ передъ глазами...

Примѣръ съ крестьянствомъ въ этомъ отношеніи особенно типиченъ для марксизма.

Еще въ выпущенномъ женевской секціей Интернаціонала аграрномъ манифестѣ значилось, что крестьянство «уже заранѣе *должно быть готово встрѣтить свою экспропріацію и обездоленіе съ полнымъ сознаніемъ и твердымъ рѣшеніемъ*» т. е. еще до наступленія крайности оно должно обратиться къ соціализму. Но крестьянское населеніе, особенно въ южной Германіи, обнаружило лишь весьма умѣренную готовность къ воспринятію преподаннаго ему стоическаго идеала, и Либкнехтъ, въ своемъ сочиненіи «Zur Grund-und Bodenfrage», старался парализовать дурное впечатлѣніе, успокоивъ крестьянъ тѣмъ, что эти аграрныя резолюціи «носятъ, по преимуществу, теоретическій, программный характеръ и не имѣютъ никакого непосредственнаго практическаго значенія»... «О немедленной экспропріаціи всѣхъ земельныхъ собственниковъ никто и не думаетъ»—писалъ Либкнехтъ.

«Соціалъ-демократы были бы «сумасшедшими» — продолжалъ Либкнехтъ — если бы они захотѣли провести упомянутыя аграрныя постановленія *силою, противъ воли крестьянъ*». Совершенно вѣрно, скажемъ мы, но спросимъ въ свою очередь: были ли они менѣе «сумасшедшими» оттого, что разсчитывали провести такія постановленія — объ «экспропріаціи и обездоленіи» — съ вѣдома и добраго согласія крестьянъ, для этой цѣли «заранѣе» и обращенныхъ, по крайней мѣрѣ, въ послѣдователей философа Зенона? А вѣдь Либкнехтъ самъ не чуждъ этой химерической мысли, ибо тутъ же принимается убѣждать классъ «сравнительно обезпеченнаго крестьянства», что онъ обреченъ на гибель согласно неизмѣннымъ законамъ современной формы производства»—по всѣмъ, значитъ правиламъ научнаго метода,—и сопротивляться самому фатуму безполезно: «смертный приговоръ надъ нимъ ужъ произнесенъ, и съ помощью палліативныхъ средствъ можно добиться лишь мучительнаго продленія его предсмертной агоніи»... Ну, разумѣется же, кто не предпочтетъ при такихъ условіяхъ покончить разомъ?

«Интеллектуальнымъ виновникомъ» теоретическаго смертнаго приговора, произносившагося надъ сельско-хозяйственнымъ мелкимъ производствомъ на соціалистическихъ конгрессахъ и въ соціали-

стическихъ сочиненіяхъ, д-ръ Давидъ совершенно справедливо считаетъ—Карла Маркса, подтверждая это документальными данными изъ дѣятельности его въ Интернаціоналѣ. То же относится, конечно и къ Энгельсу. Когда Фольмаръ въ своемъ рефератѣ франкфуртскому партейтагу сослался на постановленія французскаго соціалистическаго конгресса въ Нантѣ въ пользу крестьянства, вздумавъ опереться при этомъ и на авторитетъ самого Энгельса, одобрившаго будто бы нантскія резолюціи, то послѣдній рѣзко протестовалъ противъ этого въ статьѣ «Die Bauernfrage in Frankreich und Deutschland» («Neue Zeit» 1894 г.), въ которой развивалъ старую мысль объ «обязанности нашей партіи—постоянно уяснять крестьянамъ абсолютную безысходность ихъ положенія при господствѣ капитализма»... Но толчекъ къ пересмотру «абсолютныхъ» аграрныхъ представленій былъ уже данъ, и данъ какъ мы говорили, потребностями сельской агитаціонной практики; къ сознанію соціалъ-демократіи успѣла проложить себѣ дорогу идея, что «мужикъ одерживаетъ наши побѣды», а вмѣстѣ съ тѣмъ прежняя увѣренность, что достаточно уяснить крестьянамъ соціалистическія ученія, чтобы привлечь ихъ на свою сторону, была поколеблена...

Сдѣлалось это не сразу и не обошлось безъ комическихъ инцидентовъ. Такъ, напримѣръ, съ любопытствомъ припоминаемъ мы, какъ у насъ, еще въ концѣ 1895 г., г. Струве, тогда еще обрѣтавшійся въ лонѣ самаго ортодоксальнаго марксизма съ азартомъ доказывалъ, что, конечно, съ программой городского пролетаріата не пойдешь, молъ, въ крестьянство, что такимъ путемъ нельзя разсчитывать цѣликомъ перетянуть его на свою сторону и даже большинство его врядъ ли удастся сдѣлать своимъ. «Но, — вопрошалъ г. Струве, — необходимо ли это для того, чтобы стать рѣшающей силой въ государственной жизни?»—и ссылался на умершаго незадолго предъ тѣмъ Фридриха Энгельса въ доказательство того, что въ этомъ точно нѣтъ необходимости... Г. Струве осталось, повидимому, неизвѣстнымъ, что Энгельсъ и самъ не выдержалъ характера до конца, о чемъ Давидъ свидѣтельствуетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Сознаніе политической необходимости привлечь на свою сторону мелкаго крестьянина, какъ такового, заставило Энгельса нѣсколько умѣрить свои шаги по прямолинейной дорогѣ принципіальной послѣдовательности». Дѣйствительно, въ томъ же своемъ «Bauernfrage», не смотря на констатированную «абсолютную безысходность» положенія крестьянства, Энгельсъ самъ дѣлаетъ предложеніе для спасенія крестьянина, снисходительно разрѣшая—«продлить ему срокъ для размышленія на собственной землѣ». Разсчетъ такой: «Чѣмъ больше крестьянъ мы убережемъ отъ фактическаго перехода въ пролетаріатъ и уже, какъ крестьянъ, сумѣемъ привлечь на нашу сторону, тѣмъ быстрѣе и легче будетъ совершаться процессъ общественнаго преобразова-

нія». Это было уже прямымъ попустительствомъ въ сторону каутсковской «Соціальной реформы»...

Исторія соціалъ-демократической аграрной программы у насъ въ Россіи въ главномъ и общемъ напоминаетъ эволюцію того же вопроса на Западѣ. Разница, во-первыхъ, та, что тогда какъ на Западѣ дѣло пока идетъ лишь о крестьянскихъ голосахъ при выборахъ, у насъ — гдѣ рѣшается вопросъ о самомъ политическомъ бытіи великаго народа, — революція, какъ это для всѣхъ зрячихъ людей уже слишкомъ ясна, должна быть вынесена въ такой же мѣрѣ крестьянствомъ, какъ и городскимъ пролетаріатомъ—въ такой же, если не въ большей. Другая особенность нашихъ аграрныхъ программъ вытекаетъ—или вѣрнѣе, должна была бы вытекать—изъ огромной абсолютной численности крестьянскаго населенія и относительнаго перевѣса у насъ деревни надъ городомъ, сравнительно съ Западомъ, но—замѣчательное дѣло!—это обстоятельство, которое казалось, должно было бы располагать теоретиковъ къ особенной сдержанности и осторожности, какъ бы вліяло въ совершенно обратномъ смыслѣ, и дѣйствительно, нигдѣ пѣснь торжествующаго капитализма не раздавалась такъ громко, ни въ одной европейской странѣ, сколько мы знаемъ, щекотливый вопросъ объ обезземеленіи и пролетаризаціи крестьянства не ставился съ такой прямотой и безпощадностью, какъ у насъ, гдѣ явленіе это безъ обиняковъ выставлялось какъ прогрессивное, а потому и желательное... Чтобы не ходить далеко, вся, напр., книга г. Владиміра Ильина: «Развитіе капитализма въ Россіи», вышедшая въ томъ же году, что и «Аграрный вопросъ» Каутскаго, является сплошнымъ гимномъ во славу «отдѣленія непосредственнаго производителя отъ средствъ производства». Послушайте, напр., въ какихъ очаровательныхъ краскахъ этому автору рисуется самъ по себѣ одинъ только фактъ отвлеченія населенія отъ земледѣлія въ города: «Онъ вырываетъ населеніе изъ заброшенныхъ, отсталыхъ, забытыхъ исторіей захолустій и втягиваетъ его въ водоворотъ современной общественной жизни. Онъ повышаетъ грамотность населенія и сознательность его, прививаетъ ему культурныя привычки и потребности. Крестьянъ влекутъ «мотивы высшаго порядка», т. е. большая внѣшняя развитость и вылощенность питерщика» и пр. и пр. (с. 457).

Какъ вамъ покажется это новооткрытое крестьянское Эльдорадо? Картина г. Ильина — настоящаго суздальскаго письма: она не знаетъ ни пятнышка, ни тѣни, ни даже оттѣнковъ: до того въ ней господствуютъ все одни свѣтлые, веселые, радостные тона— даже «*вылощенность* питерщика» и его «большая *внѣшняя* развитость» отнесена безъ оговорокъ къ «мотивамъ высшаго порядка». Тотъ же крестьянскій отходъ, далѣе, «ставитъ женщину въ болѣе самостоятельное положеніе, равноправное съ мужчиной» (458). Наконецъ — last non least — неземледѣльческій отходъ повышаетъ заработную плату не только уходящихъ наемныхъ рабочихъ, *но и*

остающихся» (459, курс. автора)... Однимъ словомъ, читая все это, рѣшительно недоумѣваешь, съ какой стати западные товарищи г. Ильина говорятъ о какой-то «экспропріаціи и *обездоленіи* крестьянъ», заранѣе приглашая послѣднихъ встрѣтить свою судьбу стоически, «съ полнымъ сознаніемъ и твердостью», почему даже Энгельсъ, какъ онъ строгъ и «прямолинеенъ» ни былъ, все же согласился «продлить крестьянину хоть время для размышленія *на собственной землѣ»*?

Все же наилучшее у г. Ильина это его галантное «last non least» о томъ, «что отходъ повышаетъ заработную плату не только уходящихъ наемныхъ рабочихъ, но и остающихся». Тутъ и Ахиллесова пята его. Правда, повышенная заработная плата, можетъ быть, и не такая ужъ важная статья для людей, влекомыхъ въ городъ «мотивами высшаго порядка», но все жъ таки зачѣмъ сочинять то, чего нѣтъ? къ чему эта суздальская мазня по поводу безконечно тяжелаго соціальнаго процесса? А что здѣсь такая именно мазня, въ этомъ можно убѣдиться хотя бы по освѣщенію, какое тому же явленію крестьянскаго отхода даетъ единомышленникъ автора г. Масловъ. Пытаясь объяснить себѣ ту «любовь къ землѣ» мелкихъ собственниковъ, на которую часто указываютъ пишущіе о народѣ и которая, понятно, не одобряется ex professo и самимъ г. Масловымъ, послѣдній пишетъ: «Въ деревнѣ земля является единственнымъ средствомъ для обезпеченія, хотя бы чрезвычайно тяжелаго, существованія. Городская жизнь даетъ больше просвѣта, но мало обезпеченности для массы населенія. «Пойдешь налѣво—коня потеряешь, пойдешь направо—будешь холоденъ-голоденъ». Молодое поколѣніе, еще ищущее жизни, теряетъ коня и хозяйство и идетъ налѣво; старое идетъ направо, — остается въ деревнѣ, гдѣ хотя и холодно и голодно, но гдѣ въ то же время крестьянинъ, имѣя свой клочокъ земли, больше обезпеченъ отъ безработицы» («Аграр. вопросъ въ Россіи», с. 179, прим. 2). Въ главѣ о заработной платѣ и земельной рентѣ, тотъ же г. Масловъ показываетъ, какъ «земледѣліе, *постоянно* выбрасывая рабочія руки... создаетъ *постоянную* (курс. авт.) резервную рабочую армію, пауперовъ, которые *понижаютъ заработную плату не только въ земледѣліи, но и въ индустріи* (с. 398, курс. нашъ). Вотъ вамъ и ильинское «last non least» о *повышеніи* заработной платы не только уходящихъ, но и остающихся. Далѣе: «Существованіе въ городахъ класса Lumpenproletariat'а доказываетъ, что не на сладкое житье бѣжитъ туда крестьянинъ... земледѣліе *выбрасываетъ* (курс. авт.) избыточное населеніе, и оно подъ угрозой голода, бѣжитъ въ города, на окраины, «куда глаза глядятъ», и создаетъ промышленную резервную армію» (399). Вотъ въ какомъ свѣтѣ рисуется славное питерское житье уходящихъ наемныхъ рабочихъ подъ перомъ правдиваго изслѣдованія. При такихъ условіяхъ, г. Масловъ не можетъ стоять, конечно, за обезземеленіе крестьянъ

и, наоборотъ, выдвигаетъ проектъ расширенія ихъ землепользованія при условіи права собственности на землю крупныхъ областныхъ организацій,—проектъ, извѣстный подъ именемъ *муниципализаціи земли.*

Правда, и г. Ильинъ вамъ можетъ сказать, и говоритъ дѣйствительно, что вовсе не «стоитъ за» обезземеленіе крестьянства, а только «за отмѣну всѣхъ стѣсненій права крестьянъ на свободное распоряженіе землей, на отказъ отъ надѣла, на выходъ изъ общины». «Судьей того, выгоднѣе ли быть батракомъ съ надѣломъ или батракомъ безъ надѣла, можетъ быть только самъ крестьянинъ», говоритъ г. Ильинъ («Разв. кап. въ Россіи», с. 112, прим. 2). Но, конечно, г. Ильинъ такъ либераленъ оттого, что ужъ больно увѣренъ въ своемъ крестьянинѣ, въ свою очередь, увѣровавшемъ въ него, г. Ильина, и въ «*прогрессивность* (слово это подчеркиваетъ курсивомъ самъ авторъ) не земледѣльческаго отхода», да и всѣхъ вообще видовъ разрыва съ землей. И напротивъ, никогда бы онъ ему этой свободы не предоставилъ, никогда бъ онъ его не сдѣлалъ «судьей» того, что ему «выгоднѣй», если-бъ хоть сколько-нибудь сомнѣвался въ исходѣ выбора. Посудите сами: единственное условіе, при которомъ крестьянину оставалась бы дѣйствительная свобода выбора, а не фикція ея, это — увеличеніе надѣловъ, расширеніе крестьянскаго землепользованія: оно превратило бы «батрака съ надѣломъ» въ крестьянина съ землей. И вотъ объ этомъ самомъ, казалось бы, естественномъ и элементарномъ выходѣ нашъ авторъ даже и не заикнулся; *этотъ* выводъ, повидимому, и на мысль ему не приходитъ. Такимъ образомъ своимъ поистинѣ классическимъ разсужденіемъ г. Ильинъ, не въ обиду будь ему сказано, только ставитъ себя къ крестьянину съ его свободой выбора между «батракомъ съ надѣломъ» и «батракомъ безъ надѣла» совершенно въ то же самое положеніе, въ какомъ оказывалась всегда буржуазная политическая экономія по отношенію къ «свободному» рабочему, заключающему свой «свободный» договоръ съ капиталистомъ, но остающемуся при единственной дѣйствительной свободѣ — умереть съ голоду. Мало того, даже натолкнувшись какъ-то у г. Карышева на указаніе, что «одно лишь увеличеніе крестьянскаго землепользованія до размѣровъ, достаточныхъ для удовлетворенія потребностей крестьянской семьи», можетъ разрѣшить и проблему объ отходѣ, г. Ильинъ разражается тирадой: «И никому изъ этихъ прекраснодушныхъ господъ не приходитъ въ голову, что, прежде чѣмъ толковать о «разрѣшеніи серьезнѣйшихъ проблемъ», необходимо позаботиться о полной свободѣ передвиженія для крестьянъ, свободѣ отказа отъ земли и выхода изъ общины, свободѣ поселенія (безъ «откупныхъ» денегъ) въ какой угодно, городской или сельской, общинѣ государства!» (ib. 460—61)... Итакъ, значитъ, только «прекраснодушные господа» и могутъ помышлять объ увеличеніи крестьянскаго землепользо-

ванія, т. е. объ устраненіи основной причины, которая дѣлаетъ деревню какъ бы неизсякаемымъ питательнымъ источникомъ резервной промышленной арміи въ городахъ, поставщицей «пауперовъ, понижающихъ заработную плату не только въ земледѣліи, но и въ индустріи». Напротивъ, первое, главное и единственное «о чемъ необходимо позаботиться» для крестьянства и къ чему все остальное уже приложится, это—объ обезпеченіи ему «свободы отказа отъ земли и выхода изъ общины, свободы поселенія въ какой угодно, городской или сельской (ну понятно, г. Ильинъ предпочелъ бы городскую!) общинѣ»—для подкрѣпленія мѣстныхъ кадровъ Lumpenproletariat'a... Ну что жъ, г. Столыпинъ и «позаботился» *).

Но хотя г. Столыпинъ и позаботился объ исполненіи завѣтнѣйшаго желанія г. Ильина и его товарищей, мы, однако, очень сильно сомнѣваемся въ томъ, чтобы господа эти чувствовали себя въ настоящее время вполнѣ удовлетворенными. Вѣдь все это писалось еще Богъ вѣсть когда, а съ тѣхъ поръ столько воды утекло. Въ 1899 г наша соціалъ-демократія, устами г. Ильина, еще обращалась къ крестьянству съ этимъ оригинальнымъ лозунгомъ: свобода отъ земли! А въ настоящее время, словно соревнуя съ своимъ западно-европейскимъ теоретическимъ коллегой, увѣрявшимъ, что «до сихъ поръ ни одинъ серьезный соціалистъ не требовалъ никогда обезземеленія крестьянъ», она, эта русская соціалъ-демократія, устами г. Ленина, заявляетъ о «*всегдашней насущности* крестьянскихъ интересовъ и крестьянскаго движенія для русскихъ марксистовъ» *) — фраза, которая, помимо всего прочаго, заставляетъ невольно улыбнуться своей почти полной тождественностью, какъ по тону и построенію, такъ и по степени вложенной въ нее искренности, съ тѣми другими торжественными заявленіями, изъ совсѣмъ иныхъ сферъ исходящими, о всегдашней неизмѣнной близости блага россійскаго крестьянства сердцу этихъ сферъ... Въ дѣйствительности, не говоря уже о всемъ слышанномъ нами отъ г. Ильина и носящомъ, допустимъ, лишь теоретическій, принципіальный, академическій характеръ, послѣ пресловутой программы 1883 г., вплоть до возникновенія нѣсколько лѣтъ тому назадъ проекта знаменитыхъ отрѣзковъ, этой «маленькой запятой», которую ставила соціалъ демократія, не увѣренная еще въ томъ, необходимъ ли вообще здѣсь какой-нибудь знакъ препинанія (какъ не безъ юмора острила «Революціонная Россія»), аграрный вопросъ игнорировался ею самымъ основательнымъ образомъ; для крестьянства и его нуждъ совершенно даже не было мѣста въ с.-демокра-

*) Мы имѣемъ, конечно, въ виду историческій указъ 9 ноября 1906 г., которому оцѣнка дана въ ноябрск. кн. «Р. Б.» за прошлый годъ.

*) Цитир. въ № 236 «Сына Отеч.» (1905) въ ст.: «Крестьянство и соціалъ-демократія».

ческихъ программахъ: въ эту эпоху, чтобы стать закономѣрнымъ объектомъ ихъ попеченій, «крѣпкоголовый» (такъ въ былое время аттестовалъ крестьянъ Энгельсъ) долженъ былъ предварительно эманципироваться отъ земли, до красна «вывариться въ фабричномъ котлѣ» и проникнуться «пролетарскимъ самосознаніемъ». Крестьянинъ же самъ по себѣ, мужикъ, какъ таковой, ни малѣйше не интересовалъ с.-демократовъ и по своей консервативной или даже реакціонной природѣ казался абсолютно непригоднымъ для революціи. Въ ту эпоху г. Струве—еще марксистъ—могъ съ чистымъ сердцемъ увѣрять, что пролетаріатъ вовсе и не нуждается въ крестьянствѣ, чтобъ стать «рѣшающей силой въ государствѣ». Но—tempora mutantur et nos mutamur in illis: «мѣняются времена, и мы мѣняемся съ ними». И вотъ теперь, мало по малу, «вопросъ о крестьянскомъ движеніи—какъ констатируетъ г. Ленинъ—*сталъ насущнымъ* не въ теоретическомъ только, а *въ самомъ непосредственномъ практическомъ значеніи*» *), т. е. въ томъ самомъ, который и германскихъ соціалистовъ заставилъ провозгласить лозунгъ: «Въ деревню!» и распространить свою агитацію на сельское населеніе, когда она постигла истину старой нѣмецкой поговорки: «Der Bauer schlägt unsere Schlachten und gewinnt unsere Siege»... Тактикой же игнорированія крестьянства и его нуждъ, а тѣмъ паче соблазномъ обезземеленія и конфискаціи его достоянія, съ увѣщеваніемъ «заранѣе быть готовымъ встрѣтить ихъ съ полнымъ сознаніемъ и твердымъ рѣшеніемъ», никакъ нельзя было разсчитывать привлечь его на арену «своихъ битвъ и побѣдъ», сопречь свою силу съ силой волнующейся, революціонно настроенной деревни. Отсюда новый «*тактическій*» лозунгъ: «Крестьянскому возстанію мы должны помогать вплоть до конфискаціи земли»—и на этотъ разъ, читатель, конфискаціи не у него, а въ его пользу.

Мы подчеркнули слово *тактическій*. Когда с.-демократія бываетъ вынуждена измѣнить своимъ старымъ «научнымъ» принципамъ и испытаннымъ пролетарскимъ путямъ, для того, чтобы пріобщиться къ новымъ, въ свое время не предусмотрѣннымъ силамъ и факторамъ общественной жизни,—она дѣлаетъ это всякій разъ по соображеніямъ тактики. *Тактика* это ея золотой мостъ, и оттого, натурально, занимаетъ весьма замѣтное мѣсто среди ея соціалъ-демократическихъ «революціонныхъ методовъ» болѣе или менѣе благовидно вызволяя ее изъ всѣхъ принципіально затруднительныхъ или сомнительныхъ случаевъ и оказывая въ этомъ смыслѣ безчисленныя услуги *программѣ*. «Программа,—говорятъ намъ,—разсчитана на долгій промежутокъ времени; тактика можетъ мѣняться каждый день» («Новая Жизнь», № 12, 1905 г.), и при этомъ — какъ намъ извѣстно уже изъ «Образованія» — быть настолько независимой, настолько эманципированной отъ программы,

*) Тамъ же.

что частичныя измѣненія въ этой варіирующей изо-дня въ день тактикѣ даже не вносятся обязательно въ программы. Но вотъ въ одинъ прекрасный день оффиціально признана необходимость цѣльнаго пересмотра программы, и въ результатѣ, послѣ какого-нибудь болѣе или менѣе бурнаго съѣзда, уже сама программа обогатится нѣсколькими новыми «компромиссными» пунктами — во славу, конечно, все тѣхъ же старыхъ, «теоретическихъ основъ!»

Въ такой роли и оказывается нынѣ соціалъ-демократическое требованіе—конфискація земли въ пользу крестьянства. Особенно любопытна при этомъ литературная судьба аграрныхъ резолюцій, принятыхъ на 3-мъ съѣздѣ. Напр., въ «большевистской» газетѣ «Новая Жизнь», въ одномъ № (11), въ руководящихъ статьяхъ гг. Ленина и Б. А., фигурируетъ требованіе всей земли для крестьянства, повидимому, какъ минимальное требованіе самой с.-демократической программы. По крайней мѣрѣ, по словамъ г. Ленина, именно на 3-мъ партійномъ съѣздѣ, въ маѣ 1905 г., с.-демократія «самымъ рѣшительнымъ образомъ высказалась за крестьянское требованіе «всей земли и всей воли»... Но вотъ чрезъ нѣсколько номеровъ, въ той же газетѣ (№ 16), г. Рожковъ, по поводу аграрной резолюціи того же съѣзда («даровая, не сопровождаемая выкупомъ нарѣзка земли крестьянамъ») всѣми святыми заклинаетъ товарищей не принимать этого дѣла въ серьезъ и, «признавая во всей полнотѣ *тактическое* значеніе резолюціи 3-го съѣзда—не превращать ихъ въ *программныя* требованія с.-демократической партіи. «Горе той партіи, — патетически восклицаетъ авторъ,—которая, увлекшись демагогіей, подчинитъ свою программу утопическимъ мечтаніямъ, вызваннымъ возбужденными революціей инстинктами!..» Это была стрѣла въ сторону противниковъ — соціалистовъ-революціонеровъ, которымъ авторъ грозилъ почему-то «разложеніемъ» въ самомъ же ближайшемъ будущемъ, забывая, что *разложеніе*, въ видѣ непрестаннаго «броженія» (Mausern), или, какъ у насъ предпочтительно выражаются, «воскресенья», не только было издавна удѣломъ его собственной с.-д. программы, или, если вы такъ хотите, тактики, но что этотъ фактъ соціалъ-демократы какъ-то даже ухитрились сдѣлать предметомъ своей спеціальной гордости, наконецъ, забывая, что и въ крестьянскомъ вопросѣ въ частности наши с.-демократы «бродили», какъ ни какъ, въ направленіи своимъ противниковъ, с.-рев., а не наоборотъ... Но разложеніе заходитъ еще дальше, и мы встрѣчаемъ, наконецъ, въ одномъ и томъ же партійномъ органѣ два радикально расходящихся мнѣнія по вопросу о программномъ или тактическомъ характерѣ резолюцій, на которыхъ въ настоящее время выѣзжаетъ россійская с.-демократія... Прибавивъ, что въ журналѣ «Правда» (янв. 1906), г. Н. Валентиновъ, исходя изъ вышеупомянутой статьи г. Ленина въ «Нов. Жизни», прямо говоритъ опять: «требованіе конфискаціи всѣхъ частновладѣльческихъ земель, *конечно*, не можетъ быть ло-

зунгомъ тактическимъ, «вопросомъ поведенія», а только требованіемъ программы» (кн. II, с. 38), мы приходимъ къ заключенію, что взаимоотношенія с.-демократической программы и с.-демократической тактики или «вопросовъ поведенія» и вопросовъ принципа или убѣжденія является у с.-д. дѣломъ субъективнаго наитія и произвола!.. А вмѣстѣ съ тѣмъ, мы получили только что наглядный урокъ относительно степени «всегдашней насущной близости» крестьянскихъ интересовъ сердцу русскихъ марксистовъ, и вдобавокъ на такомъ примѣрѣ, когда они уже безспорно распинаются и ломаютъ копья за мужика...

Возвращаясь къ нашей главной мысли, нужно отмѣтить, что мертвящее вліяніе предвзятой и ложной теоріи сказывается уже въ самомъ этомъ схоластическомъ различеніи программы и тактики, программныхъ требованій и тактическихъ соображеній. Оно доказываетъ, что «ясная прямолинейность теорій» фактически мѣшаетъ людямъ съ открытыми чувствами воспринимать впечатлѣнія дѣйствительной жизни, біеніе ея пульса; что она позволяетъ имъ лишь съ трудомъ, съ внутренней борьбой, скрѣпя сердце, признавать дѣйствительность, а слѣдовательно, признавать ее только въ кривомъ и исковерканномъ видѣ; что, далѣе, лишь путемъ компромиссовъ, т. е. всегда недобровольныхъ, вынужденныхъ уступокъ, могутъ они присвоить себѣ то новое въ ней—силы, факты и отношенія — что съ теченіемъ развитія всплываетъ на поверхность жизни и—ахъ, жалкая ограниченность наша!—не могло быть точно предусмотрѣно теоріей, созданной 50, 100, 300 лѣтъ тому назадъ... И таково вліяніе теорій во всемъ: всюду своимъ мнимонаучнымъ вмѣшательствомъ, своимъ тлетворнымъ дыханіемъ она коверкаетъ и извращаетъ всѣ благіе порывы и начинанія соціалъ-демократіи.

Съ сожалѣніемъ, однако, за ложной теоріей приходится и здѣсь несомнѣнно признать ту самую роль, которая ей часто принадлежала въ исторіи идей: теоріи увлекаютъ массы не своей внутренней правдой, а своей внѣшней условной цѣнностью, и тою, прежде всего, какую онѣ имѣютъ въ глазахъ своихъ основателей, а затѣмъ получаютъ и въ глазахъ послѣдователей. Благодаря этому и могло и случиться, что въ корнѣ ошибочнымъ ученіемъ научнаго соціализма родоначальникамъ его удалось сотворить чудо объединенія рабочаго класса. Вѣра въ свое ученіе, въ его абсолютную истинность и революціонное значеніе придала имъ тотъ подъемъ, которымъ революціонизируются и проникаются массы. Въ этомъ смыслѣ сказанія о чудесахъ, на зарѣ культуры творимыхъ основателями новыхъ религій, съ цѣлью привлечь къ себѣ народъ и заставить его увѣровать въ новое откровеніе, являются сами по себѣ выраженіемъ глубокаго символа, который благополучно дожилъ до нашей эпохи. Выходитъ такъ, что какъ будто нужны показныя, фальшивыя чудеса, для того, чтобы сотворить чудо истинное, ка-

кимъ является всегда сплоченіе разрозненныхъ единицъ въ одно большое цѣлое—церковь, партію—во имя великой соціальной идеи или вѣрованія.

Этотъ фактъ мы обязаны признать во всей его силѣ, но, конечно, тѣмъ большія обязательства вытекаютъ для насъ отсюда post factum, въ смыслѣ разрушительной работы по отношенію къ ставшимъ ненужными идеологическимъ привѣскамъ здороваго общественнаго движенія. Настаетъ моментъ, когда необходимо, наконецъ, отбросить эти ложныя подпорки, только по недосмотру и недоразумѣнію еще прислоненныя къ готовому зданію, расторгнуть ту поистинѣ противоестественную связь между живымъ народнымъ движеніемъ и сковывающимъ его своими объятіями ученіемъ-трупомъ, которыя составляютъ всю сущность современной соціалъ-демократіи, опирающейся, какъ на свою базу, на марксо-энгельсовскій научный соціализмъ.

Надѣемся, что, послѣ всего предшествующаго, мы этимъ категорическимъ отрицаніемъ «научнаго соціализма» не рискуемъ, по отношенію къ соціализму вообще, оказаться въ роли той няньки, которая вмѣстѣ съ водой выбрасываетъ изъ ванны и ребенка. Мы только получаемъ такимъ путемъ возможность взглянуть на дорогое существо въ его неприкрашенномъ, а по нашему, не обезображенномъ видѣ. Скажутъ, пожалуй, далѣе, что разставаясь съ соціализмомъ научнымъ, мы тѣмъ самымъ принципіально возвращаемся къ давно пройденной ступени соціализма утопическаго. Но вѣдь эта грань между обоими — между соціализмомъ научнымъ и утопическимъ—проведена самими Марксомъ и Энгельсомъ (разсказавшимъ даже вполнѣ миѳическую исторію «развитія соціализма отъ утопіи къ наукѣ») и для насъ ни мало не обязательна. Да мы и въ самомъ дѣлѣ не знаемъ двухъ какихъ-то видовъ соціализма—для насъ существуетъ просто соціализмъ, какъ таковой. Въ принципѣ вообще довольно трудно было бы выдержать какую бы то ни было дѣйствительную грань между коммунизмомъ прошедшихъ вѣковъ и соціализмомъ XIX—XX столѣтій. Напр., то усматриваемое марксизмомъ основное различіе между обоими, будто бы современные соціалисты стараются завербовывать народныя массы, тогда какъ старые утописты пытались воздѣйствовать на отдѣльныя могущественныя личности и заинтересовывать ихъ въ проведеніи своихъ плановъ общественнаго переустройства только кажущееся, или вѣрнѣе оно основано на недоразумѣніи. Во-первыхъ, народные трибуны во всѣ вѣка обращались съ своей проповѣдью именно къ народнымъ массамъ и только одинокіе теоретики строили свои воздушные замки на шаткомъ основаніи благоволенія правителей или милліонеровъ. А съ другой стороны, когда, напр., относительно нашего времени, мы въ зомбартов-

-аемъ путеводителѣ по соціалистической литературѣ наталкиваемся на указаніе о Францѣ Мерингѣ—одномъ изъ самыхъ видныхъ и самыхъ фанатичныхъ представителей соціалъ-демократіи,—что въ своихъ руководящихъ статьяхъ онъ «въ теченіе годовъ, въ неизмѣнно повторяющихся выраженіяхъ, изъ недѣли въ недѣлю пророчитъ немедленный конецъ разложившагося буржуазнаго общества», то это до умилительности напоминаетъ намъ «утопическаго соціалиста» Фурье, который тоже изо-дня въ день, въ теченіе десятковъ лѣтъ, регулярно въ 12 часовъ поджидалъ благодѣтеля, который помогъ бы ему осчастливить гибнущее человѣчество посредствомъ немедленнаго введенія соціалистическихъ фаланстеровъ. Шарль Фурье, идеализировавшій положеніе и людей, такъ и не дождался милліонера, а Францъ Мерингъ, да и сами Марксъ съ Энгельсомъ или Лассалемъ, ложныя пророчества которыхъ Мерингъ же оправдывалъ «снѣдавшимъ ихъ революціоннымъ нетерпѣніемъ», въ такой же мѣрѣ пришпоривали историческую ситуацію, «принимая второй мѣсяцъ беременности общества за девятый», и, обращая изъ-года въ годъ все тотъ же свой кличъ къ «пролетаріямъ всѣхъ странъ», оставались лишь штабомъ безъ войска: всѣ они ошибочно представляли себѣ уровень сознательности пролетарскихъ массъ, а отсюда и степень пригодности и зрѣлости ихъ для произведенія соціальнаго переворота; но опять-таки это въ такой же мѣрѣ приложимо, хотя бы къ Томасу Мюнцеру въ XVI в., когда этотъ послѣдній рисовалъ себѣ готовность для переворота собранныхъ имъ на скорую руку толпъ пролетаріевъ и крестьянъ, которые долго въ трепетѣ держали весь современный имъ міръ нѣмецкихъ князей и поповъ... Но этотъ же духъ и до сихъ поръ продолжаетъ жить въ международномъ соціализмѣ, обнаруживаясь въ соотвѣтственныхъ резолюціяхъ, какъ, напр., принятой лондонскимъ интернаціональнымъ соціалистическимъ конгрессомъ въ 1896 г.: «Экономическое и промышленное развитіе, гласила эта резолюція, пошло съ такой быстротой, что кризисъ можетъ наступить въ сравнительно короткое время. Конгрессъ, поэтому, со всею настойчивостью подчеркиваетъ повелительную необходимость для пролетаріата всѣхъ странъ, въ качествѣ класса сознательныхъ гражданъ, изучить административную машину соотвѣтственныхъ государствъ для подготовки къ вступленію въ непосредственное завѣдываніе ихъ дѣлами въ интересахъ общаго блага». Резолюція эта была, по всей вѣроятности, навѣяна послѣднимъ энгельсовскимъ пророчествомъ о всемірномъ революціонномъ крахѣ, имѣвшемъ, по его разсчету, наступить не позже 1898 г. Но если отбросить въ ней привычный марксистскій жаргонъ насчетъ темпа экономическаго и промышленнаго развитія, имѣющаго будто бы наиболѣе рѣшающее значеніе для наступленія взрыва, а съ другой стороны, дополнить ее презумпціей объ идеалахъ, молчаливо лежащихъ въ основѣ всякаго рабочаго дви-

женія, то и окажется, что, въ сущности, она тѣсно примыкаетъ къ всемірно-исторической традиціи коммунизма...

Ибо, когда намъ говорятъ, какъ то дѣлалъ Марксъ, по поводу парижской коммуны 1871 г., что рабочій классъ *«не призванъ осуществлять какіе бы то ни было идеалы*, а только освободить элементы новаго общества, уже зародившагося въ нѣдрахъ разлагающагося буржуазнаго общества», то мы нисколько не сомнѣваемся, что авторъ подобнаго заявленія всецѣло находился во власти доктринерской предвзятости, заставлявшей его смотрѣть на вещи, такъ сказать, сверху внизъ. Мы, напротивъ, оборачиваемъ это предложеніе и говоримъ: онъ, рабочій классъ, именно призванъ осуществить идеалы, искони составлявшіе завѣтную мечту человѣчества, призванъ воплотить въ жизнь давно рисовавшіяся ему самому fix und fertigen Utopien. «Освобожденіе же изъ нѣдръ разлагающагося общества элементовъ какого-то новаго общества» можетъ звучать для насъ только чистѣйшей фантастикой, чѣмъ-то вродѣ освобожденія прекрасной царевны изъ заколдованнаго замка, причемъ даже герой-избавитель, рабочій классъ, рисуется чуть ли не въ сказочныхъ краскахъ какого-то Ивана-Царевича со всѣми его мытарствами и оборотничествомъ: ему, по Марксу, «придется пережить долгую борьбу, цѣлый рядъ историческихъ процессовъ, которые совершенно измѣнятъ обстоятельства и людей». Ну, въ самомъ же дѣлѣ, это ли не сказочное оборотничество?...

Да и что вы знаете про ту подлежащую освобожденію прекрасную незнакомку—эти «элементы новаго общества»? Бебель говоритъ: «Наша программа содержитъ общіе принципы того, что мы хотимъ, *а о большемъ не можетъ быть и рѣчи»*... Общіе принципы желаемаго—наши соціалистическіе идеалы—очень хорошо. Но если «о большемъ не можетъ быть и рѣчи» и мы перенесены, стало быть, въ область абсолютнаго агностицизма, но не сравнились ли мы—мы, возсѣдающіе въ великолѣпныхъ хоромахъ научнаго соціализма — по степени оріентировки въ этомъ мірѣ, по ясности соображенія задачъ и средствъ, путей и цѣлей съ самыми смиренными изъ смиренныхъ нашихъ братьевъ—въ утопіи? Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь «общіе принципы того, что мы хотимъ»—это то самое, «чего хочетъ», что вынашиваетъ въ своемъ мозгу tel ou tel réformateur du monde, какъ говорится въ французскомъ переводѣ «Коммунистич. Маниф.», это именно «идеи и принципы, изобрѣтенные или открытые тѣмъ или инымъ утопистомъ—исправителемъ міровыхъ отношеній»... А—«о большемъ не можетъ быть рѣчи»! Внѣ этихъ «общихъ принциповъ» мы сразу же погружаемся точно въ лѣсъ дремучій, мы оказываемся объятыми всѣми міровыми и соціальными загадками, мы видимъ раскрывающійся предъ нами, во всѣ стороны разбѣгающійся безконечный разбродъ проблематическихъ возможностей. «Мы даже не знаемъ момента, когда-быть можетъ по частямъ, парціально овладѣемъ властью и полу-

чимъ возможность провести свою программу, по крайней мѣрѣ, отчасти; ибо, въ послѣднемъ счетѣ, *можетъ существовать десять, двадцать, тридцать различныхъ путей*, на которые намъ доведется вступить, прежде чѣмъ мы достигнемъ нашей цѣли»... Но тогда почемъ вы знаете, что достигнете именно «вашей цѣли» и, вообще куда васъ все это приведетъ? Гдѣ та Аріаднина нить, которая выведетъ васъ изъ лабиринта, сквозь всѣ его лабиринтообразные ходы, съ его «10—20-30-ью» возможными выходами, но и вѣроятными безконечными блужданіями и полной безвыходностью? Почемъ вы знаете, что не заблудитесь въ лабиринтѣ и вмѣсто царства коллективизма не угодите въ пасть какого-нибудь Минотавра или во власть какого-нибудь новаго Левіаѳана? На чемъ дѣйствительно зиждется ваша увѣренность въ противномъ? Вы убѣждены, что это не случится, потому что загипнотизированы «геніальными» анализами Маркса, доказавшими, какъ дважды два, что въ силу собственнаго своего экономическаго развитія современное общество «неудержимо стремится» достигнуть высшей формы жизни и т. д. Но вотъ, напр., Гентъ показалъ, что оно «неудержимо стремится» именно въ пасть Минотавра—назадъ, къ какому-то новому виду феодализма. Но пусть ошибается и Гентъ—мы вовсе не склонны чьимъ бы то ни было механически-автоматическимъ выводамъ относительно мнимой эволюціи общества придавать большее значеніе, чѣмъ таковымъ же выводамъ «Капитала»,—но не показываетъ ли самое это расхожденіе, что на твердокаменномъ фундаментѣ необходимости, какъ бы въ насмѣшку надъ его незыблемостью, можно строить все, что угодно, и, слѣдов., невозможно строить ничего? И что же? Не очевидно ли, что уже въ лучшемъ случаѣ своего рода печальное *ignorabimus* является заключительнымъ аккордомъ научно-соціалистической мысли, перенесенной изъ своихъ «потусторонних» высотъ на почву жесткой практической дѣйствительности?..

И среди всего этого мрака соціальнаго или соціологическаго агностицизма мерцаетъ только одна свѣтлая точка человѣческаго идеала, естественнымъ и прирожденнымъ носителемъ котораго является рабочій классъ, а самое осуществленіе — высокимъ наслѣдствомъ, почетнымъ обязательствомъ, завѣщаннымъ прошлымъ грядущему...

«Тутъ окажется, что міру давно снится то, о чемъ онъ долженъ имѣть сознаніе, чтобы дѣйствительно обладать имъ; окажется, что дѣло идетъ не о великомъ идейномъ спорѣ между прошлымъ и будущимъ, а только объ осуществленіи идеи прошлаго; наконецъ, окажется, что человѣчество не предпринимаетъ никакой новой работы, а только сознательно осуществляетъ свою старую работу».

Эти нѣсколько строкъ, принадлежащія Карлу Марксу, профессоръ Масарикъ («Философскія и соціологическія основанія марксизма», с. 192) почерпнулъ еще изъ «Deutsch-Französische

Jahrbücher». И мы позволимъ себѣ выразить, что этими своими юношескими мыслями, не смотря на всю ихъ парадоксальную и даже туманно-мистическую форму, Марксъ несравненно интимнѣе соприкасался съ глубочайшими корнями всякаго соціализма, нежели впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался основателемъ новой соціалистической системы и написалъ «Капиталъ». И поэтому, насколько современный научный соціализмъ безусловно ложенъ во всемъ, что въ немъ есть «современнаго» или «научнаго», на столько же, напротивъ, онъ глубоко правдивъ и жизненъ, освобожденный отъ толстаго слоя искусственныхъ нагроможденій и непосредственно пріобщенный къ великой традиціи всемірнаго соціализма. А съ тѣмъ вмѣстѣ падаетъ и апокрифическое представленіе о современномъ пролетаріатѣ, провиденціальномъ «могильщикѣ» современной буржуазіи: этотъ пролетаріатъ оказывается такимъ же закономѣрнымъ продолжателемъ коммунистическихъ традицій трудящихся всѣхъ вѣковъ, какъ самъ современный соціализмъ продолженіемъ исторической нити коммунизма вообще. Безъ сомнѣнія, общій уровень развитія рабочаго класса, степень сознательности его въ настоящее время неизмѣримо выше умственнаго состоянія его когда бы то ни было въ прошедшіе вѣка; безъ сомнѣнія, и по степени своей организованности и сплоченности, по огромному массовому скопленію его въ современныхъ большихъ городахъ и тѣмъ условіямъ сообщенія и сношенія между собой, которыя изъ отдѣльныхъ большихъ рабочихъ отрядовъ образуютъ въ послѣднемъ счетѣ одну великую международную армію труда, наконецъ, даже по тѣмъ успѣхамъ, которые сдѣлало еще болѣе трудное объединительное движеніе—объединеніе подъ общимъ трудовымъ лозунгомъ населенія городовъ и деревень и представителей всѣхъ вообще видовъ полезнаго труда—по всѣмъ этимъ громадной революціонной важности условіямъ современный рабочій классъ оставляетъ далеко позади себя своего предшественника, пролетаріатъ всѣхъ истекшихъ столѣтій; безъ сомнѣнія, говоря словами г. Александра Ц—ва («Р. Б.», ноябрь), въ переживаемый теперь въ высшей степени важный историческій періодъ «утопическіе когда-то идеалы соціализма принимаютъ все болѣе и болѣе опредѣленныя очертанія; соціалисты теперь не кучка безпочвенныхъ мечтателей, а серьезная политическая партія, объединяющая въ своихъ рядахъ огромные кадры трудящагося населенія», — и съ этимъ фактомъ можно и должно считаться при постройкѣ соціалистической программы. Было бы однако же большимъ грѣхомъ и преувеличивать значеніе этого факта. Героической, одухотворенной единымъ общимъ чувствомъ массы пролетаріата нѣтъ, повторяемъ, и теперь, какъ не было тогда, когда онъ еще не былъ международнымъ пролетаріатомъ, а будь такой пролетаріатъ въ дѣйствительности, не было бы и необходимости даже пускать эту героическую силу въ ходъ, потому что все, чего онъ требуетъ давно, сотни лѣтъ тому на-

вадъ, сдѣлалось бы по одному мановенію этого пролетаріата. А затѣмъ и то героическое, возбуждающее на подвигъ, что въ немъ дѣйствительно имѣется, почерпнуто не изъ исторіи вчерашняго дня или изъ условій переживаемаго момента, но именно изъ вѣчнаго кладезя «утопическихъ когда-то идеаловъ соціализма», которыми «бредило» и по которымъ томилось страдающее человѣчество въ продолженіе своего многовѣковаго «хожденія по мукамъ». Но классы вообще, не экономическія категоріи какого бы то ни было порядка и вида могутъ явиться рѣшающими факторами грядущаго переворота. Этого нѣтъ и не можетъ быть уже потому, что, съ одной стороны, огромные кадры не городского населенія, вовсе или почти не захваченные въ круговоротъ капитализма, оказываются, однако, существенно-необходимыми для произведенія переворота на ряду съ городскимъ пролетаріатомъ, а съ другой стороны, не малозначительные слои городского населенія, подвергшіеся какъ бы отталкивающему дѣйствію капитала и низвергнутые имъ, въ видѣ Lumpenproletariat'a («пролетаріата отрепьевъ»), на самое дно общественной жизни, грозятъ явиться скорѣе контръ-революціоннымъ элементомъ, чѣмъ факторомъ революціи. Одно уже это слѣдствіе и аттрибутъ «механизма капиталистическаго производства» способно отнять у насъ послѣдній слѣдъ иллюзіи относительно его благодѣтельнаго подготовительнаго для соціализма дѣйствія. Но еще вопросъ, въ какой мѣрѣ дѣйствіе этого механизма, даже въ его положительной—«объединяющей, организующей и дисциплинирующей» рабочихъ—части не исчерпывается собственно-экономическими въ тѣсномъ смыслѣ слѣдствіями и, стало быть, въ какой мѣрѣ оно и тутъ не служитъ лишь отрицательной, *отводящей* отъ соціализма и его конечныхъ цѣлей службы? Вотъ почему мы и говоримъ, что рабочій классъ дастъ послѣдній бой современному буржуазному обществу не въ качествѣ пролетаріата—производнаго или придатка опредѣленной фазы развитія производственныхъ отношеній, капитализма — и не въ качествѣ свидѣтеля и наслѣдника огромныхъ завоеваній данной достигнутой ступени культуры (какъ, понятно, ни важны сами по себѣ эти завоеванія и какъ ни приближаютъ они моментъ рѣшительной побѣды)—а, принципіально, эта побѣда будетъ одержана рабочимъ, трудящимся, какъ таковымъ, который въ самомъ своемъ положеніи соціально обездоленнаго и униженнаго класса несетъ, какъ несъ во всѣ времена, интимнѣйшіе завѣты высшаго общественнаго порядка, *долженствующаго* нѣкогда наступить. Съ точки зрѣнія развиваемаго здѣсь принципа необходимость и безусловность этого долженствованія даны не внѣ, а внутри насъ, и лишь отсюда имѣютъ быть переведены во внѣшнюю дѣйствительность. Опредѣленіе тѣхъ путей и способовъ, какими «переводъ» этотъ можетъ состояться наиболѣе раціональнымъ образомъ, есть дѣло «соціалистической программы» и, слѣдовательно, выходитъ изъ предѣловъ

нашей задачи, для которой принципіально важно было обнаружить истинныя идейныя пружины освободительной борьбы пролетаріата, скрытыя отъ самой партіи—представительницы интересовъ послѣдняго. Мы поэтому съ особеннымъ удовлетвореніемъ закончимъ настоящую статью слѣдующими словами одного изъ членовъ соціалъ-демократической фракціи рейхстага (Фроме), который, забывъ всѣ запреты «учителей» относительно «идеаловъ», прямо и просто заявилъ:

«Es giebt nur eine Partei, welche ein wahrhaftes Ideal vertritt, das ist die Socialdemokratie—das Ideal der höheren socialen Gerechtigkeit, die den heutigen Zuständen der Kultur unbedingt folgen muss». (Есть только одна партія, преслѣдующая истинный идеалъ: это соціалъ-демократія; самый же идеалъ—идеалъ высшей соціальной справедливости, которая безусловно должна восторжествовать вслѣдъ за нынѣшнимъ состояніемъ культуры»)...

Разумѣется, что это утвержденіе объ «*одной* только» соціалистической партіи относится лишь къ Западной Европѣ, гдѣ соціалъ-демократія дѣйствительно *одна*.

М. Н. Лежневъ.

ГАРАСЬКА-ДИКТАТОРЪ

Разсказъ.

Познакомились мы съ Гараськой въ ту зиму, когда надъ Россіей повисла опасность японской войны. Я велъ тогда въ нѣсколькихъ селахъ нашего уѣзда вечерніе курсы для взрослыхъ, и Гараська былъ въ числѣ моихъ учениковъ. Приходилось мнѣ ѣздить. Зима стояла красивая, бодрая. Каждое утро выпадалъ свѣжій, пушистый иней. Заботливо и со вкусомъ украшалъ онъ кусты въ небесно-чистый нарядъ. Старое жнивье, обрывистая пасть оврага, лохмотья крыши избъ и сараевъ — все осыпано бисеромъ, блестками, подернуто матовой тканью воздушныхъ кружевъ. Вверху гаснетъ близкое молочно-бурое небо, а впереди стелется зимняя дорога: легкая, пѣвучая и гулкая, какъ чугунка, безъ раскатовъ, безъ выбоинъ. Пріѣхали въ село. Пара поджарыхъ заиндевѣлыхъ „киргизовъ“ дружно подвертываетъ санки къ школьному крыльцу. А тамъ просторный классъ уже полонъ бодраго оживленія. Деревенская молодежь, наивная, жадная до знаній, плотными рядами заполнила неуклюжія парты и работаетъ.

Славная, свѣтлоликая молодежь! Впослѣдствіи она смѣлымъ авангардомъ пошла въ революцію, и революція, жадная до честныхъ, беззавѣтно-правдивыхъ людей, многихъ сильныхъ сломила, здоровыхъ искалѣчила... Тогда молодежь переживала предразсвѣтное пробужденіе. Дыханіе свободы ужъ рѣяло надъ деревней, и несознанная упорная сила толкала даровитыхъ, талантливыхъ парней на путь сомнѣній и критики. Тѣ, кого народная молва назвала „студентами“, были впереди. Они ужъ не считали старую, вѣками сложившуюся правду—святой правдой. Дѣдовская мудрость въ ихъ глазахъ была хрупка и бездоказательна. „Студенты“ запоемъ читали научныя популярныя книги, ловили чуткимъ умомъ новыя идеи. Они учились, чтобы перестроить на новый заманчивый

ладъ свою жизнь, жизнь своей деревни. Таковы были ученики вечернихъ курсовъ. Но странно, кромѣ талантливой молодежи, исправно посѣщали школу и тупицы: бездарные, неразвитые. Тупицы много писали, внимательно слушали учителя. Однако, тетради ихъ были полны безсвязныхъ словъ, тайно списанныхъ у товарищей, и все, что говорилось въ классѣ, они комбинировали въ своихъ головахъ въ какой-то сумбуръ, нелѣпый и смѣшной.

Къ счастью, тупицъ было мало, и въ селѣ Лапотномъ, гдѣ занятія шли особенно удачно, такимъ „исправнымъ" тупицей считали Гараську. Гараська былъ здоровякъ, плотно сложенъ и угрюмъ. Смуглое квадратное лицо, густо обросшее черной щетинистой бородой, было кстати отмѣчено сѣрыми стоячими глазами парою маленькихъ мышиныхъ ушей. Въ немъ замѣчалось удивительное сочетаніе типовъ: монгольскаго, славянскаго и финскаго. Полу-татаринъ, полурусскій, онъ съ лица напоминалъ Пугачева, какимъ малюютъ его на лубочныхъ картинкахъ. Онъ и смѣялся мало. Его толстыя губы вытягивались рѣдко въ улыбку, развѣ когда приходилось разговаривать съ начальствомъ. За то Гараська отличался услужливостью и угодливостью къ батюшкѣ и учителю. Подать, принести, придержать, стереть съ доски— все это дѣлалъ онъ съ большой готовностью. Возможно, что всѣ эти привычки были воспитаны въ немъ военной службой, но парни ихъ не прощали. Бывало, только пристроится Гараська къ списыванію, а кто-нибудь кричитъ:

— Гараська! Вишь, мѣлу нѣтъ... бѣги попрытче!

И Гараська срывается съ парты, чтобы бѣжать за мѣломъ. Надъ Гараськой смѣялись, шутили, но онъ отмалчивался и не лѣзъ въ драку. Для меня онъ оставался загадкой. Говорили, что онъ мѣтитъ получить мѣсто объѣздчика у сосѣдняго барина и ходитъ въ школу, чтобы кое-чему подучиться; но думать, что угодливостью и списываніемъ научишься чему-нибудь, было странно и для Гараськи.

Зима проходила. Въ концѣ февраля наступила оттепель: дороги испортились, овражки наполнились предательской снѣжной кашей, лѣсъ закутался коричневой дымкой. Деревня стоитъ сѣра, мокра, неряшлива. Ѣздить приходилось съ большими трудностями. Нѣсколько разъ мы съ ямщикомъ тонули, но дружные „киргизы" по прежнему бойко подкатывали набухшія санки къ школьному крыльцу. Среди зимы въ Лапотномъ умеръ учитель. Назначили молодую, только еще со школьной скамьи, учительницу. Оживленіе въ школѣ выросло. „Студенты" стали заходить въ школу чуть ли не каждый день. За чайнымъ столомъ скромной учительской

квартиры часто шли горячіе споры, какъ на сходкахъ настоящихъ студентовъ.

Бѣлокурый богатырь Трофимъ, хохотунъ и тонкій законникъ Никаноръ, заика Василій—были постоянными гостями Марьи Васильевны. Они первые познакомились съ запрещенными книжками. Книжки открыли имъ горизонты широкой свободной жизни, указали на возможность народнаго счастья. Вокругъ нихъ группировались остальные. Когда начались военныя дѣйствія, пошла въ ходъ газета.

По почтовымъ днямъ въ классѣ всегда было людно, шумно и душно. Предметъ нашихъ занятій невольно отклонялся въ сторону политики. Какъ разъ въ это время Гараська пропалъ: онъ, видимо, понялъ всю безполезность своего усердія. Его скоро забыли. Однажды во время занятій появляется въ классѣ полицейскій... Бритый, съ закрученными черными усами, онъ сталъ по отдаль и, видимо, рисовался.

Полиція не разъ пыталась и раньше установить на курсахъ наблюдательный постъ, но мы были чутки къ нарушенію своихъ правъ. Парни всегда выпроваживали изъ класса полицію, теперь же были равнодушны. Полицейскій повертѣлся минутъ десять въ глубинѣ класса и вышелъ важнымъ размѣреннымъ шагомъ.

— Видалъ Гараську?—спросили меня послѣ урока парни.

— Приходилъ величаться... Я-ста, не я-ста, въ полицію нанялся!—сообщали они.

Приходившій въ классъ полицейскій былъ, дѣйствительно, Гараська. О немъ теперь вспомнили.

— Ха-ха-ха! По-лиція!..

— Ну и шутъ гороховый! Какъ вѣдь пузо-то выпятилъ...

— Мѣтилъ въ объѣздчики..

— Кто его возьметъ въ объѣздчики?.. Въ объѣздчикахъ какой ни какой разумъ требуется! Хоть собачье понятіе, а его надо имѣть въ башкѣ-то... Онъ возъ назьму свалить не умѣетъ. Осенью это было: наложилъ телѣгу, вывезъ подъ кручу. Лошадь подвернула подъ горку, полегче ей такъ-то, а онъ ухватился за заднюю ось и хочетъ телѣгу въ гору перевернуть: натужился, красный весь... Ефимъ Терентьичъ подходитъ:

— Что, слышь, воинъ Христовъ, аль гору свернуть надумалъ?

Завернулъ Ефимъ Терентьичъ лошадь въ другой бочекъ,—возъ самъ опрокинулся!.. Смѣху что было...

— Н-да, дурака въ объѣздчики не наймутъ.

— То-то вотъ и есть!.. А тутъ все его дѣло гончихъ собакъ маханиной кормить... Дай-подай четвертную на мѣсяцъ.

— Дуракамъ счастье.

— Велико счастье?!. Кто пойдетъ въ полицію?.. Ты пойдешь?..

— По-о-йду!.. Ну ее къ нечистому... наплюешь и на четвертную!..

— То-то!..

Послѣ этого разговора мы больше не вспоминали Гараську.

Вскорѣ, по волѣ мудраго начальства, вечерніе курсы покончили свое существованіе. Я вынужденъ былъ покинуть деревню.

Прошло полтора года. Минуло семнадцатое октября. Крестьянство нашего уѣзда встрѣтило „дни свободъ“ двояко. Одни села ринулись въ волну аграрныхъ безпорядковъ; другія мирно занялись устройствомъ общественной жизни по новому, согласно указаннымъ въ манифестѣ свободамъ. Начальство частью растерялось передъ дружнымъ натискомъ народнаго энтузіазма, частью было занято усмиреніемъ аграрниковъ. Мирныя села поэтому очень скоро стали напоминать средневѣковый Новгородъ съ его бурнымъ вѣчемъ, удальствомъ и гордой свободой. Къ числу такихъ селъ примкнуло и Лапотное.

Въ ноябрѣ ко мнѣ въ городъ пріѣхали оттуда гости: Марья Васильевна, учительница, и Трофимъ, бывшій курсистъ.

Марья Васильевна, всегда увлекающаяся дѣвушка, теперь была, какъ на пружинахъ. Она нервно бѣгала по комнатѣ, съ разбѣгу садилась на стулъ и говорила, говорила безъ умолку.

— Вы себѣ представить не можете, что у насъ тамъ дѣлается!.. Вы не поймете, нѣтъ! Надо тамъ пожить, надо войти туда.. внутрь, въ толпу, на сходъ!.. А-ахъ, Богъ мой, какъ все измѣнилось, выросло!..

Она понизила голосъ и продолжала возбужденнымъ шепотомъ:

— Сначала притихли всѣ... не поймутъ никакъ... Что-о такое? Свобода! Свобода слова!.. Вчера за эти слова въ острогъ сажали,—а сегодня они въ царскомъ манифестѣ?.. О чемъ прежде на гумнѣ да въ оврагѣ тайкомъ шушукались—теперь попъ съ амвона проповѣдуетъ!.. Ну, а потомъ какъ поняли...и-и!—Марья Васильевна взвизгнула, вскочила со стула и остановила на мнѣ радостный взглядъ, но, видя, что я менѣе ея восторженъ, надула губы:

— Нѣтъ, вы никогда... никогда не поймете... Я съ дѣтства слышала, читала! Мечтала о свободѣ!.. Но узнала свободу

только теперь! Только теперь... Знаете что? Вотъ вы учитель, но вы несчастный, жалкій учитель!

— Позвольте...

— Да! Потому, что вы не были учителемъ свободнаго народа!.. Ахъ, если бы вы могли понять!.. Какое блаженство! Какой восторгъ быть учительницей въ свободной странѣ!!. Правда, Трофимъ?

Трофимъ, молча, кивалъ волосатой головой. Могучій, свѣтлобородый красавецъ, грудастый, широкоплечій, онъ съ кротостью ручного медвѣдя слѣдилъ за дѣвушкой яснымъ невиннымъ взоромъ и, видимо, въ душѣ молился на нее, какъ на святую. Часто при видѣ Трофима въ моей памяти воскресалъ образъ богатыря-младенца „Урса" изъ „Камо грядеши" Сенкевича. Теперь сходство русскаго парня съ первовѣковымъ галломъ доходило до поразительной иллюзіи.

— Вы помните, какъ я увлекалась когда-то школой? Да?.. Не забыли?..

Дѣвушка снова вскочила со стула и застыла на мигъ въ мечтательной позѣ. Ея лучистые каріе глаза смотрѣли такъ, словно видѣли знакомую недавно пережитую картину. Густыя пряди темныхъ волосъ неслышно сползли съ головы.

Увлекая за собой шпильки и гребни, волосы мягко облегли шею дѣвушки, дѣлая ее, дѣйствительно, похожей на святую.

— Ну, да... вы помните,—вернулась она къ дѣйствительности.—Я десятка рублей не имѣла на библіотеку... Нужно было писать бумагу инспектору, инспекторъ писалъ въ земство, земство предлагало сходу, и... мужики отказывали... Те-еперь!

Марья Васильевна красивымъ жестомъ закинула на спину волосы и выхватила изъ-за корсажа мятый конвертъ.

— Смотрите! Двѣсти рублей!!

Она тряхнула конвертомъ, и десятки правильно выбитыхъ золотыхъ кружковъ высыпались на столъ съ тусклымъ нерѣшительнымъ звономъ. Дѣвушка снова заметалась по комнатѣ. Легко наклоняясь молодымъ гибкимъ тѣломъ, она подбирала шпильки.

Денегъ, дѣйствительно, было двѣсти рублей.

— Трофимъ, разскажите Ѳомѣ невѣрующему, для чего эти деньги!—крикнула учительница сквозь зубы, остановившись передъ нимъ съ полнымъ ртомъ шпилекъ.

Трофимъ разсказалъ, что деньги ассигнованы сходомъ. Половина суммы должна пойти на оружіе, половина на библіотеку. Онъ досталъ заложенную въ книжный переплетъ бумагу и подалъ мнѣ. Это былъ приговоръ схода. „1905 года, ноября 8 дня,—гласилъ приговоръ,—мы, граждане села

Лапотнаго, той же волости, N-ской губерніи и уѣзда, были собраны нашимъ старостой Степановымъ на всеобщій сходъ, гдѣ имѣли сужденіе о необходимости для насъ библіотеки и боевой дружины для ночныхъ обходовъ нашего села, на случай лихого человѣка, грабителя и лиходѣя своему же брату"... Далѣе шло постановленіе объ ассигнованіи изъ мірскихъ суммъ денегъ и именное полномочіе для производства „таковыхъ расходовъ". Полномочіе было дано Трофиму Яблокову, Марьѣ Васильевнѣ и, почему-то, мнѣ.

— Вотъ видите, — поспѣшила упрекнуть меня Марья Васильевна,—вы за два года глазъ не показали въ Лапотное, а народъ васъ помнитъ.

Она теперь стояла у печки со сложенными назадъ руками и волосами, завитыми на головѣ въ широкій раскидистый узелъ. Мое невѣріе, должно быть, показалась ей окончательно сломленнымъ: ея слова и жесты были уже болѣе спокойны и добродушны.

Я выразилъ раскаяніе, что за это время ни разу не побывалъ въ Лапотномъ и положилъ поѣхать при первой возможности.

— Ну вотъ, пріѣдете, и прямо ко мнѣ! — приглашала Марья Васильевна:—увидите, какъ я дружна съ народомъ... Каждый день въ школѣ содомъ... и что поразитъ васъ: бабы приходятъ газеты слушать... вотъ увидите...

— У насъ крестьянскій союзъ!—вдругъ перекинула она тему разговора,—сходъ былъ. Участвовали всѣ: больше тысячи человѣкъ сошлось... и старики, и парни, даже бабы!.. Вычиталъ Никаноръ изъ „Сына отечества" всѣ резолюціи. Старики кричатъ: „Согласны! Пиши приговоръ!" Написали приговоръ: „Мы, граждане села Лапотного"... Правда, хорошо звучитъ? „Граждане"...

— Съ этими гражданами у насъ исторія смѣшная вышла: съ земскаго начальника двадцать пять рублей содрали за гражданство! — засмѣялся Трофимъ. — Тутъ вскорѣ опосля манифеста было дѣло. Онъ постарому еще совался въ дѣла. Представили ему приговоръ о выборѣ новаго старосты. Написано: „граждане"... Онъ и прикати! „Каки-таки граждане?.. мужланье вы!.. Я васъ могу всѣхъ подъ арестъ засадить"... Вышли мы тутъ, ему поперекъ говоримъ: „Успокойтесь, гражданинъ, не кричите такъ громко... нынче неприкосновенность личности... А вотъ ежели угодно вашей гражданской милости провѣрить царскій манифестъ, кладите на закладъ четвертную, мы телеграмму Витте пошлемъ... спросимъ его: кто мы такіе?" Смотритъ на насъ черезъ золотые очки, хохочетъ. „Идетъ!—говоритъ. Я вашу четвертную на церковь пожертвую". Выложилъ на столъ пятьдесятъ рублей, послали

телеграмму. Къ вечеру отвѣтъ: „Воля Государя императора непреклонна. Даровалъ онъ гражданскія свободы, — стало быть, граждане". Въ этомъ родѣ отвѣтилъ. И-и!.. Что было!!.

— Что-жъ, пропили четвертную?

— Зачѣ-ѣмъ!.. Тутъ она... на „левольверы" пойдетъ.

— Теперь начальство къ вамъ не суется?

— Куда тутъ соваться? Изъ полиціи у насъ одинъ Гараська остался въ селѣ, и тотъ къ союзу крестьянскому записался.

— Да,—снова вмѣшалась Марья Васильевна,—всѣ куда-то исчезли: приставъ пропалъ и урядника съ собой утащилъ земскаго нѣтъ... попъ мо-олчи-итъ!.. Знаете? Мы старшину выбрали новаго, изъ своихъ, староста у насъ тоже молодой...

— Волостного сплавили, — добавилъ Трофимъ въ тонъ учительницѣ.

— Да, вотъ смѣшно!—подхватила та.—Ха-ха-ха!!. Онъ доносами пробавлялся. Ему жалованья убавили, чтобы ушелъ. Писарь не уходитъ. Однажды сидятъ утромъ съ женой, чай пьютъ. Подъѣзжаютъ подводы.

— Собирайся, гражданинъ, укладывайся, — говорятъ, — мы надумали тебя на собственную квартиру доставить изъ общественнаго дома.

Поблѣднѣлъ. Писариха плачетъ.

— Куда мы теперь дѣнемся? Зима на носу... у насъ двое дѣтей.

— Ничего, — говорятъ мужики, — тамъ надумаете въ городѣ, какъ быть. Мы тебѣ въ городѣ и помѣщеніе приглядѣли... А насчетъ дѣтей будь покоенъ. У Семена Доброва, что по твоей милости въ острогѣ сидитъ, четверо дѣтей-то... и то не тужитъ.

Такъ и перевезли. Никаноръ у насъ теперь писаремъ.

— Вотъ какъ,—пошутилъ я,—у васъ республика!

— Мы такъ и прозываемся: Лапотная демократическая республика! —поддержалъ Трофимъ шутку.—Порядки завели все новые: кабакъ закрыли, такъ что и духу виннаго въ селѣ нѣтъ, воровства тоже не слыхать. Строгости у насъ пошли большія. Обходы каждую ночь ходятъ... Дружина составилась изъ парней, человѣкъ сто... она патрули высылаетъ. Судиться приходятъ къ патрульнымъ! Намеднись у Гараськи-стражника обыскъ былъ, нашли изъ краденаго коечто... При старомъ-то строѣ они, подлецы, потаскивали таки. Думали, рядили: какъ съ нимъ поступить? Законовъ такихъ настоящихъ нѣтъ, прогнать его некуда: свой сельскій. Ма-ах-нули рукой!..

— Онъ все такой же?

— А то? Коло кого ему поумнѣть-то!

Гости уѣхали, взявъ съ меня слово побывать въ Лапотномъ по первому санному пути. Вскорѣ, однако, наступили событія, заставившія отложить мою поѣздку до весны.

Въ половинѣ апрѣля пара запаленныхъ ямскихъ подвозила насъ къ Лапотному. Мой спутникъ, земскій докторъ изъ села Узлейки, мѣрно раскачивался въ привычной дорожной дремотѣ. Ямщикъ усиленно хлесталъ просмоленной возжей по острымъ маклакамъ лѣнивой пристяжной, любовно поддергивалъ коренника и поминутно кричалъ:

— Эхъ вы!.. Соко-олики!

Его голосъ, высокій и звонкій, силился слиться въ одинъ тонъ съ колокольчикомъ. Покрывая на секунду холодные надоѣдливые звуки металла, онъ медленно таялъ въ весеннемъ просторѣ.

„Соколики“ равнодушной рысцой тащили плетенку по еле просохшему проселку, круто поводя вспаренными боками.

Кругомъ было хорошо, молодо. Межъ темныхъ прошлогоднихъ стеблей народились кудрявыя дымчато-зеленыя головки свѣжей растительности. Озимь, слегка желтоватая вблизи, вдаль уходитъ густымъ изумруднымъ ковромъ, а на горизонтѣ становится голубой, колеблющейся. Признакъ богатаго урожая. Струйки легкой воздушной влаги гдѣ-то родятся и, волнуясь, бѣгутъ вдаль, словно морская рябь послѣ парохода. Тонкой подвижной пленкой застилаютъ они и черныя извивы дороги, и темный массивъ ярового поля, и лѣсъ, и странно бѣлѣющія плѣшины залежавшагося по оврагамъ снѣга.

Въ далекомъ небѣ, полномъ солнца и глубокой весенней синевы, журчала непрерывная трель жаворонка. Въ этой радостной, захлебывающейся пѣснѣ маленькой птицы было такъ много веселости и задорнаго счастья, что хотѣлось смѣяться. Смѣяться, откачнувшись прочь отъ всѣхъ треволненій людского общежитія со всѣми его ужасами и ненужной жестокостью...

Впереди, надъ желтѣющей полосой недалекаго лѣска, обрисовался сѣрый профиль деревенской колокольни.

— Вотъ она и Ханская Ставка!—заговорилъ ямщикъ громкимъ, веселымъ голосомъ.

— Какъ Ставка? Надо быть Лапотному.

— Это, ваша милость, я къ тому... въ Астрахани приходилось бывать, на ватагахъ. Село тамъ есть въ степи, прозывается Ханская Ставка. Сказываютъ, Батый тамъ стоялъ,

Ханъ... разворитель Россіи. Отъ него и село такъ прозвали, ну, и въ Лапотномъ объявился ханъ: стражникъ... Онъ ихъ же сельскій, Гараськой звать, все село заполонилъ, даже инда боязно ѣздить.

— Ну, тебѣ-то чего бояться?

— Бье-етъ!.. Отъ какъ дерется!.. Собака и та боится носъ въ подворотню просунуть. Вотъ ужо пріѣдемъ, — увидишь: пустая ульца-та!.. А вѣдь свѣтло Христово воскресенье!.. Прямо сказать, заморозилъ...

Привычные къ ямщицкой повадкѣ „соколики" шли тихимъ, надоѣдливымъ шагомъ. Колокольчикъ замолкъ. За то невидимка-жаворонокъ съ большимъ жаромъ закатывался надъ нашими головами.

Ямщикъ снялъ картузъ, тряхнулъ нечесанной копной волосъ и задралъ голову кверху.

— Ишь, старается... тоже и она прославляетъ господній даръ—слободу... незамай, что тварь, съ понятіемъ птица...

Докторъ по прежнему дремалъ. Мнѣ не говорилось. Ямщикъ полюбовался на озими, потужилъ, что Святая помѣшала въ пору сѣять овсы, и погналъ передохнувшихъ лошадей. Голосъ его снова соперничалъ съ трепетнымъ визгомъ бронзы.

— Соко-олики-и! Близко!!.

Потянулись мимо зеленокорыя, тѣсно толпящіяся осины, подернутыя изумрудной дымкой одинокія березы и молодые равнодушные дубки, лѣсные скептики, берегущіе свою золотую листву для радостныхъ дней пѣвучаго мая. Я знавалъ этотъ лѣсокъ зимой, когда спалъ онъ подъ тяжелымъ нарядомъ чистыхъ кристалловъ обильнаго инея. За лѣскомъ Лапотное. Вотъ и оно. Только теперь не разсѣянными по снѣжному полю мушками развернулось село. Теперь это сѣрыя соломистыя гнѣзда, невзрачныя, растрепанныя, лишь кое-гдѣ обогнутыя кольцомъ распускающихся, но уже золотисто-цвѣтущихъ ветелъ. Мы дико скакали по безлюдной наземистой улицѣ, отдавшись въ жертву ямщицкой ухваткѣ. Навстрѣчу намъ съ одинокой облупленной колокольни плылъ томный пасхальный перезвонъ. Ямщикъ осадилъ разгорячившуюся пару около школы. Она растерянно смотрѣла на грязную площадь большими черными окнами. Мѣстами въ окнахъ острыми клиньями торчали куски разбитыхъ стеколъ. Входъ былъ закрытъ разсохшейся досчатой дверью. Подъ ногами валялись, какъ поврежденныя ребра, тонкія горбыльки отъ разбитаго палисадника. Молодая холеная липа, лишенная защиты, безнадежно склонила къ землѣ свою когда-то густую крону. Что-то здѣсь произошло?.. На зовъ нашего колокольчика не вышелъ никто. Только за угломъ метнулась

пестрая нѣмая собака, и напротивъ въ „порядкѣ“ скрипнули любопытствующія ворота.

— Вотъ такъ фу-унтъ!—проворчалъ докторъ, тяжело выходя изъ телѣжки:—совсѣмъ на кладбище помахиваетъ!..

Ямщикъ постучалъ кнутовищемъ въ дверь.

— Эй! Хто есть хрещеные?.. Отворите!..

Школа молчала.

Черезъ улицу зардѣлись кумачныя рубахи ребятъ. Несмѣло, бочкомъ, какъ зайцы, они подошли къ школѣ и притулились въ почтительномъ разстояніи отъ насъ. Я постучался въ окно, но также, какъ и ямщикъ, получилъ въ отвѣтъ „гулкое молчаніе“.

Ямщикъ крикнулъ ребятамъ:

— Эй вы, пострѣлята, гдѣ ваша учительша?

Тѣ было дрогнули, скучились, чтобы бѣжать, но любопытство побѣдило.

— Она та-амъ!

— Гдѣ тамъ?—пробасилъ недовольный докторъ.

Ребятишки снова притихли, какъ кролики.

— Вы съ энтой стороны зайдитя... отъ церкви!..—крикнулъ черезъ улицу густой бабій голосъ.

— Бѣги, Васюкъ, стукни барышнѣ въ оконце-е!—откликнулись приказаньемъ и скрипучія ворота.

— Адяти!—шепнулъ Васюкъ, и ватага, сверкнувъ кумачемъ, исчезла за уголъ.

Вскорѣ глубину нашего долготерпѣнія началъ испытывать гнусавый голосъ старой служанки Власьевны.

— Хто тамъ?—долетѣло до насъ изъ какой-то глубины.

— Отпирай, Власьевна, свои!..

— Хто-о?

— Докторъ изъ Узлейки.

— Дохтуръ?

— Да. Отпирай-ка!

— А що хто?

— Узнаешь тамъ... отопри!

— Скажи, хто?

— Учитель ночной. Помнишь?

— Ну-у?.. Ай, батюшки!.. ну-тка, подойди къ окошку, я погляжу, ты ли?

Я подошелъ къ окну. Занавѣска въ окнѣ учительской квартиры приподнялась. Тусклое треснутое стекло показало лицо Власьевны, съ воспаленными слезящимися глазами и печатью сильнаго утомленія. За эти два года Власьевна казалась постарѣвшей лѣтъ на пятнадцать.

— Родименькіе! И взаправду ты!!. Погоди маленько, я барышнѣ доложу!

Минутъ черезъ десять мы были, наконецъ, въ школѣ.

Марья Васильевна приняла насъ въ маленькой, полутемной, заставленной комнаткѣ, гдѣ раньше жилъ сторожъ. Равнодушная, сонливая, она пригласила насъ сѣсть:

— Садитесь, пожалуйста, я рада.

Дѣвушка, видимо, только съ нашимъ пріѣздомъ пріодѣлась, скрутила въ комокъ пышную косу и освѣжила лицо. Слѣды глубокаго нервнаго потрясенія были очевидны. Передъ нами сидѣла ужъ не та рѣзвая непосѣда и хлопотунья, Марья Васильевна, которая осенью пріѣзжала ко мнѣ.

Мы пытались шутить:

— Что вы, сударыня, такъ неласково встрѣчаете званыхъ гостей!..

— Ахъ, что вы? Я рада!..—А у самой голосъ тусклый, говоритъ, словно бьетъ въ деревянную доску. Глаза опухшіе, обволоклись темнымъ налетомъ.

— Власьевна, ставь самоваръ.

Власьевна стояла у притолки, подперевъ фартукомъ щеку.

— Хвораетъ она у насъ...—гнусавила старуха.—Ишь, что ластовочка подстрѣлена, сидитъ...

— А вотъ мы и полѣчимъ ее, ластовочку твою!—шутилъ докторъ.—Видно плохо берегла!..

Власьевна привычнымъ движеніемъ потянула фартукъ къ глазамъ и заплакала:

— Какое наше дѣло?.. Бабье... Мужики защиты не найдутъ, а насъ обидѣть нѣтъ ништо... О Господи-и!..

— Начала Власьевна ныть!..—раздражилась дѣвушка.

— Ну-ну-ну!.. Перестала... Ты полѣчись-ка лучше, покудова дохторъ не уѣхалъ, а я пойду...

Разговоръ перешелъ на нездоровье Марьи Васильевны. Не откладывая времени, докторъ рѣшилъ ее выслушать.

Я вышелъ. Классъ выглядѣлъ по старому, какъ и въ пору вечернихъ занятій. Не было только „молній“, кое какихъ картинъ, да въ нѣкоторыхъ окнахъ вмѣсто стекла зіяла пустота.

Мнѣ думалось: здѣсь крестьянская молодежъ черпала знанія, темная масса знакомилась съ „позоромъ русскаго оружія“... Во дни свободъ подъ этимъ закопченнымъ потолкомъ собирались сотни „гражданъ“, сотни сердецъ бились общимъ ритмомъ. Ихъ объединялъ общій кличъ: „земля и воля“. Куда все это исчезло? Народится ли вновь?.. Кто знаетъ... а пока:

„Время пролетѣло,
Слава прожита,

Вѣче онѣмѣло,
Сила отнята"...

Прошелъ въ учительскую квартиру. Стоитъ она пустая, съ облупившейся печкой. На окнахъ все еще болтаются старыя камышевыя гардины, гдѣ-то жужжитъ ранняя муха, и забытый въ углу плохонькій образокъ Николая угодника съ недоумѣніемъ хранитъ жестокую тайну. Чувствуются здѣсь слѣды большого несчастья.

— Не то погромъ, не то покойникъ,—вертится въ мысляхъ.

Рядомъ, въ кухнѣ, Власьевна сердито обтираетъ уже вскипѣвшій маленькій самоваръ.

И въ кухнѣ нѣтъ того порядка, той аккуратной чистоты, что было прежде.

— На житье наше сиротское дивуешься?—начала причитать Власьевна.—О-о-хо-хо!.. Богъ-отъ гдѣ? Господи-и!..

— Что случилось у васъ?

— Въ селѣ-то?

— Здѣсь. У Марьи Васильевны.

— Тожа, что у всѣхъ... Все село задавилъ, разбойникъ!..

— Гараська?

— Инъ хто-жа? Знамо, онъ... штобъ свернуло его, прости Господи, окаяннаго!.. Не миновалъ и Марьи-то Васильевны... Видалъ, на что похожа?..

— Что было?

— Было-то что?—Власьевна оторвалась отъ самовара, выпрямилась и остановила на мнѣ злые глаза, точно я былъ виновникомъ того, что было.

— Подь сюда! Гляди!..

Мы пошли въ пустую учительскую квартиру.

— Видишь это? вотъ это?.. Вотъ... Вот...—Старуха водила заскорузлымъ пальцемъ по отбитымъ угламъ печи.

— Все вѣдь пули! Они разбойники перестрѣлъ сдѣлали. Встали трое вонъ тамъ, за плетнемъ, и давай изъ ружьевъ палять!..

Я отвелъ гардину и сквозь лучисто продырявленныя стекла взглянулъ на плетень. До плетня было саженъ пятнадцать. За плетнемъ торчали голыя верхушки чахлаго садика, а за нимъ выше смѣялось пасхальной радостью весеннее небо, всепрощающее, мирное, широко раскинувшее свои любовныя объятья.

Власьевна продолжала тыкать пальцемъ въ огнестрѣльныя раны квартиры. Я ходилъ за ней съ смутнымъ чувствомъ боязни и скорби. Такъ бываетъ, когда водятъ васъ по жилью недавно умершаго близкаго человѣка и говорятъ:

„вотъ здѣсь покойничекъ сиживалъ за работой, здѣсь спалъ, обѣдалъ... а на этомъ мѣстѣ—преставился“...

— Разскажи,—просилъ я послѣ молчанія.

— Въ страшнѝю середу дѣло это было. Пришли мы съ барышней отъ вечерни. Самоваръ я поставила... Марья-то Васильевна за книжку ухватилась. Пошла я въ чуланъ за вареньемъ... груздочки у меня тамъ были,—весь постъ берегла,—думала, наложу тарелочку... Слышу-послышу, стучатъ. Вышла въ сѣнцы: „кто тамъ?“

—Отпирай,—слышь,—карга!

Угадала я по голосу: Гараська. Шепчутся... Казаки, стало быть. Онъ николи не выходитъ безъ казаковъ, завсегда при немъ два казака, какъ псы..

— Отпирай! Дѣло къ барышнѣ есть!..—смѣются.

— У-у-хъ!.. Кольнуло меня въ сердечушко. Были они, псы окаянные, у вечерни... Гараська этотъ всю службу на нее, касатушку, глазища свои срамные, безстыжіе пялилъ... Не къ добру-у!.. Распалилась я:

— Не пущу васъ, окаянныхъ!.. На кусочки меня искрошите... Не допущу!!.

— Ой, старуха, берегись!—кричатъ.

— На порогѣ околѣю: не допущу!..

Такъ и не пустила.

— Ну,—слышь,—такъ разсякъ... будете помнить! Ушли. Прошло эдакъ мало время. Сидимъ мы, чай пьемъ. Она, Марья-то Васильевна, не любитъ одна за столомъ сидѣть, завсегда я съ ней... Ну, да ты помнишь. Сидимъ. Тутъ вотъ столикъ стоялъ, кроватка ейная у печки. Слышимъ: дррръ окошко!.. глина отъ печки валится... Тамъ, быдто, пастухъ кнутомъ хлопнулъ... ищо-о... ищо-о!!. Ба-атюшки! это они, разбойники, пулями изъ ружьевъ стрѣляютъ. Упала я въ это вотъ мѣсто внизъ лицомъ, плачу. Барышня въ уголъ присѣла... Да такъ-то мы всю ночь... Утромъ сторожъ пришелъ, перетащили все въ сторожевскую. Авось ироды нечестивые отъ храма божія не будутъ стрѣлять; иконъ святыхъ, креста Господня постыдятся.

Власьевна подала самоваръ.

Докторъ прописалъ Марьѣ Васильевнѣ немедленный отъѣздъ. Учительница повеселѣла. Въ темныхъ глазахъ ея мелькали порой прежнія блесточки. Она, для виду, отговаривалась экзаменами, но врачебное свидѣтельство взяла съ охотой. Вскорѣ между нами было рѣшено, что Марья Васильевна поѣдетъ въ городъ сегодня же, вмѣстѣ со мной и тамъ заручится отпускнымъ билетомъ. Послѣ такого рѣшенія какъ-то легче стало на душѣ, и мы повели опять злободневный разговоръ. Тупой Гараська съ непонятной силой

приковалъ къ себѣ наши мысли и чувства. Пришелъ почтовый смотритель Филиппычъ, мой старый пріятель.

— А я,—разсказывалъ Филиппычъ о причинѣ своего прихода,—радъ очень... Давно въ Лапотномъ живыхъ людей не видно... Подъѣхалъ ямщикъ,—спрашиваю:

— Кого привезъ?

— Такихъ-то и такихъ-то.

— Рѣшилъ: „сбѣгаю". Вспомнили насъ, плѣненныхъ, въ день свѣтлаго праздника!.. А у насъ: и-и!.. Завяжи глаза, да бѣги!..

— Все Гараська?

— Онъ! Онъ, раззоритель! Приставъ всѣ дѣла на него возложилъ... Диктаторъ онъ у насъ... выше Бога и царя!.. Вы не слыхали, какъ со мной онъ поступилъ?..

Разумѣется, мы не слыхали.

— Какъ же!.. Въ газетахъ было пропечатано. Пришла ему фанаберія обыскъ у меня учинить. Пятьдесятъ шесть лѣтъ мнѣ, служебный юбилей праздновалъ—и вдругъ... на! Ворвались, кричатъ: „обыскъ!"

— Бумагу покажи, распоряженье начальства—говорю. Онъ кулакъ къ носу подноситъ, рычитъ: „вотъ бумага!.."

— Ахъ ты,—говорю,—дерзкая твоя харя! Отъ начальника округа въ чинѣ статскаго совѣтника, Ѳедора Петровича Рублева, хлѣбомъ-солью почтенъ!.. Чиновникъ я, въ чинѣ коллежскаго... Присягу два разъ принималъ! А ты кто?.. Много я наговорилъ съ раздраженья, покуда они ломали все, да шарили. Ничего не нашли,—досадно имъ стало. Кричитъ Гараська казакамъ: „Вяжи его, стараго чорта, волоки на снѣгъ!" Выволокли, по снѣгу тащатъ.. Кричу я... Слышу, народъ подходитъ.

— Что вы надъ старымъ человѣкомъ измываетесь?.. Бросили меня, кинулись разгонять. Насилу уползъ. Съ тѣхъ поръ это вотъ мѣсто... ло-омитъ!.. Мази бы какой, господинъ докторъ?!.

Въ окно, крадучись, заглянулъ солнечный лучъ. Ласково лизнулъ онъ косякъ, легъ золотой полосой на полу и, отразившись, улыбнулся намъ изъ зеркальной глади самовара. Докторъ открылъ окно.

— Душно!—пробасилъ онъ взволнованно.

Трепетный, вибрирующій стонъ колоколовъ ворвался вслѣдъ за солнцемъ. На фонѣ бодрой прохлады, солнечнаго блеска и радостнаго пѣнія металла почудился легкій близкій стонъ страдающаго человѣка... Мы долго молчали.

— Однако же не весело у васъ стало за зиму.

Марья Васильевна всколыхнулась, опрокинула голову на

спинку стула, словно хотѣла прочесть что-то вверху и хрустнула надъ головой тонкими пальцами.

— Да, недолго прожила наша республика! — заговорила она съ раздраженіемъ.

— Разскажите, господа, какъ все произошло?

— Разсказать? Да... все это поучительно... И словъ много не надо, все просто: нельзя изъ лебеды испечь сдобную булку... нельзя съ репейника сорвать махровую розу... Въ сущности, мы и не виноваты... я долго объ этомъ думала. Мы продержались дольше всѣхъ. Насъ разгромили въ январѣ. Кругомъ всѣ села ужъ были задавлены... Тамъ били, истязали, толпами гнали народъ въ тюрьму... Это уронило духъ... Старики струсили, нашли безполезнымъ сопротивляться. Пріѣхалъ исправникъ съ казаками,—сходъ всталъ на колѣни... арестовали Никифора, Семена старосту...

— А Гурьку еще! — добавилъ Филиппычъ: — Ваську, сапожника, Ваську-заику... еще кого-то?.. Да-а!.. Ѳедьку!

— Старшину отставили,—продолжала Марья Васильевна.— У меня сдѣлали обыскъ... Дружинники наши скрылись. Трофимъ вернулся на первый день; изъ него Богъ знаетъ что сдѣлали: полумертвый лежитъ въ „холодной"...

Трофимъ? Этотъ кроткій великанъ? Онъ могъ бы легкимъ толчкомъ сбить съ ногъ и Гараську, и его приспѣшниковъ... Необходимо его посмотрѣть доктору,—и мы пошли „хлопотать". Въ волостномъ правленіи сказали рѣшительно: безъ разрѣшенія станового пристава свиданья не дадутъ. Приставъ за тридцать верстъ; казалось, мы были безсильны что-нибудь сдѣлать для парня. Но практическій совѣтъ десятника Никандрыча перевернулъ все.

— Что тамъ приставъ?—шепнулъ Никандрычъ въ дверяхъ правленія,—къ Гараськѣ сходи. Онъ тѣ по-старому пріятству все оборудетъ. Волчиху знаешь? Ну, у нея они гуляютъ... сходи-ка...

Волчихина изба находилась въ одной изъ заднихъ улицъ. Строиться здѣсь стали недавно, постройки торчали рѣдко. Новенькая тесовая пятистѣнка Волчихи стояла совсѣмъ на отшибѣ, среди коноплянниковъ, безъ двора, безъ хозяйственной обстановки. У самаго входа топталась осѣдланная лошадь. Рябой облеванный казакъ, раздѣтый, безъ оружія, съ задранной на затылокъ папахой, качался возлѣ. Онъ пьянымъ дыханьемъ силился раскурить короткую трубку, поминутно сплевывалъ и рычалъ ругательства. Казакъ не обратилъ на меня вниманія. Изъ избы неслись безшабашные крики, визгъ женскихъ голосовъ и дробные, плясовые удары во что-то металлическое.

— Напрасно идешь! Не выйдетъ дѣло,—вспомнились мнѣ

слова знакомаго встрѣчнаго мужика, узнавшаго, зачѣмъ мнѣ нуженъ Гараська.

Паническій страхъ народа передъ тупымъ властнымъ звѣремъ въ образѣ человѣка безотчетно вкрадывался въ мозгъ, колыхалъ сердце.

— Не выйдетъ дѣло!—повторилъ я машинально чужую мысль и съ силой распахнулъ тяжелую, обитую дверь.

— Кто-й-та?—встрѣтилъ меня безпокойный вопросъ Волчихи.—Что надо-ть?

Я очутился въ задней избѣ Волчихиной пятистѣнки, служащей кухней. Шинкарка, принаряженная по праздничному, приготовляла какія-то закуски. Изъ „чистой" передней половины, отдѣленной отъ кухни красной разводной занавѣской, съ пьяной настойчивостью продолжалъ доноситься гамъ и звонъ. Видимо, это была единственная изба въ селѣ, гдѣ царило праздничное настроеніе.

— Мнѣ нужно видѣть стражника.

— Чьи такіе будете?

— Онъ меня знаетъ. Скажите ему.

— Ему, мотри-ка, неколи...

Я сдѣлалъ рѣшительный шагъ къ занавѣскѣ, но проворная баба предупредила мою дерзость. Съ ловкостью блудливой кошки она прошмыгнула къ своимъ гостямъ, и тѣ притихли.

— Спроси, кто!.. — уловилъ я хриплый повелительный шепотъ. Въ этой хрипотѣ мнѣ почудились старыя угодливыя нотки.

— Э-эхъ-д-размила-ашечки-и мои!..

Задорно запѣлъ хриплый голосъ, но остался одинъ, безъ подголосковъ.

— Вы, сороки чортовы! Что замолчали? Кого испугались?

— Мои ми-иленькіи-и...

Съ „сороками", однако, что-то стряслось: онѣ тщетно пытались взвизгнуть въ тонъ хрипатой пѣснѣ, но тонъ ускользалъ, горло щемило.

— У-у!.. куклы чорртовы!—заключилъ пѣсню голосъ.

Послѣ обстоятельныхъ переговоровъ съ Волчихой я былъ „принятъ".

— Га-а! Учитель ночной, гость дорогой!.. — привѣтствовалъ Гараська, протягивая черезъ столъ потную волосатую руку.—Пришелъ къ нашей милости-и! Ну, сядай, коли такъ... къ нашему шалашу!..

— Подвинься! Вы, колоды!—крикнулъ онъ на бабъ, развалившихся по лавкамъ пьяной откровенной посадкой.

Бабы шарахнулись, какъ овцы. Гараська хлопнулъ ладонью по очистившейся широкой лавкѣ.

— Честь и мѣсто!.. Садись.

Въ просторной, недавно мытой и скобленой избѣ было вонюче, душно и угарно. Ѣдучія волны табачнаго дыма, запахъ спирта и пота ударяли въ носъ, кололи легкія и били тяжелыми ударами въ виски. Гараська сидѣлъ за столомъ, въ переднемъ углу, рядомъ со стройнымъ усатымъ казакомъ-урядникомъ.

По-нероновски облокотился онъ о низкій крашеный кіотъ. Изъ-за спины, тучной, какъ у откормленной свиньи, скромно выглядывалъ застѣнчивый ликъ старичка-святого, принаряженный въ тусклую дешевую фольгу. По бокамъ кіота торчали въ видѣ эмблемы пучки ивовыхъ прутьевъ, обряженные пестрыми лоскутками цвѣтной бумаги. Сверху, надъ самой щетинистой головой стражника, висѣла зеленая лампадка, а въ ней чуть замѣтно мигалъ слабый забытый огонекъ. Порой онъ вспыхивалъ, какъ тайная угроза, какъ забытая совѣсть, и, захлебываясь въ табачномъ дымѣ, тихо угасалъ. На задней стѣнѣ избы висѣли шинели, шашки, а въ углу, по-военному, въ козлахъ, торчали штыками вверхъ винтовки.

Гараська измѣнился мало. Тучность и самоувѣренность— вотъ что пріобрѣлъ этотъ человѣкъ за время своей дѣятельности въ качествѣ „сильной и близко стоящей къ народу власти“.

Попытка моя приступить къ дѣловому разговору не удалась. Я вынужденъ былъ потрясти руку уряднику и бородатому казаку, сидѣвшему по конецъ стола.

— Этто... этт... мой учитель... учит-тель,—рекомендовалъ меня Гараська казакамъ. — Я вышши науки обучалъ.... Прравда?

Онъ больно ударилъ меня жирной ладонью по колѣнкѣ.

— Помнишь, мы воду варили?.. А?.. Парры разводили!.. Во... въ этой самой рукѣ лампочку держалъ... горречо-о! А мнѣ што?.. Держу-у... наука!

— А ты соловья баснями не корми!—прервалъ урядникъ, наполняя пахучей водкой объемистые зеленые стаканы.

— Ш-што-жъ?.. Налей—проглотимъ!.. А!.. помнишь, солену воду варили?

Бородатый казакъ съ ловкостью хищника схватилъ стаканъ и лукнулъ водку въ открытую пасть. Мы втроемъ чокнулись. Гараська объявилъ:

— Ззз... науку!..

Столъ былъ полонъ ѣдой и закусками. Въ глиняныхъ тарелкахъ валялись захватанные куски студня, колбасы, жаренаго и вареннаго мяса. На грубой залитой клеенкѣ вмѣстѣ

съ шелухой, объѣдками и окурками краснѣли пасхальныя яйца, крошились куски кулича.

Надо закусить, а брезгливое чувство сковало руки. Къ тому же, на столѣ нѣтъ ни ножей, ни вилокъ.

Гараська, замѣтивъ мое смущеніе, захотѣлъ дойти въ своемъ расположеніи до конца. Схвативъ жирный кусокъ жаренаго мяса, онъ съ ловкостью звѣря порвалъ его ногтями на куски и кучей наложилъ передо мной.

— Закуси, не жалко!

Я попытался для приличія проглотить кусокъ, но нелѣпый испугъ сдавилъ горло. Въ мысляхъ копошилось:

— «Можетъ быть, онъ также рвалъ на куски тѣло Трофима?.. Не вплелись ли въ эти жареныя волокна пушистые курчавые волосы?..»

— Ты что перхаешь?.. Аль мало выпито? Наливай, Кирсанычъ, учитель еще стукнетъ!..

Урядникъ потянулся къ бутылкѣ. Чтобы заглушить въ себѣ ужасъ, я заговорилъ:

— Вотъ въ чемъ дѣло, Герасимъ Семенычъ...

— Дѣло? Ну, на Пасху дѣловъ не дѣлаютъ!.. Такъ я говорю?.. Наливай, Кирсановъ!

Урядникъ налилъ. Я рѣшительно отказался пить, ссылаясь на всякаго рода болѣзни: меня, дѣйствительно, начало тошнить.

Гараська тупо остановилъ на мнѣ свои оловянные глаза.

Потная рука съ полнымъ стаканомъ колыхалась подъ самымъ моимъ носомъ. Водка выплескивалась, обливала меня вонью и холодными струйками.

— Не пье-ешшь?

— Не могу...

— Нѣ-тъ, выпьешшь!

— Право-жъ, не могу...

— Вы-ыпьеш-шь!!.

Положеніе обострялось. Лицо стражника тупѣло съ каждой секундой. Подъ густыми короткими усами надулись рубцы, брови наползли на переносицу. Я, было, началъ ужъ колебаться въ своемъ рѣшеніи, какъ вмѣшался урядникъ.

— Не неволь!.. Угости его лучше бабами.

Часъ отъ часу не легче.

Гараська стукнулъ стаканомъ о столъ и заревѣлъ:

— Бабы-ы!.. Ну?!.

Бабы все время толпились у занавѣски, шушукались, смѣялись. Румяныя отъ выпитаго вина и духоты, въ красныхъ платкахъ, красныхъ юбкахъ, потныя,—онѣ напомнили мнѣ мясную лавку, гдѣ парныя, только что ободранныя красныя туши такой же полуживой грудой наставлены по

угламъ. На окрикъ Гараськи бабы столпились еще плотнѣе и подвинулись къ столу.

— Играйте пѣсню!—приказалъ Гараська тономъ восточнаго повелителя и облокотился на кіотъ.

Бабы прокашлились, перешепнулись. Высокій гортанный дискантъ, по тембру напоминающій плохую трактирную скрипку, запѣлъ съ смѣющимся задоромъ:

У бари-ина Кожина-а
Вся земля-а заложина-а!..

Другія бабы должны были подхватить припѣвъ, но смолчали.

— Ну-ужъ! Полька... чаво вынесла...—уловилъ я шепотъ.

— А чаво онъ сдѣлатъ?—огрызнулась Полька назадъ и, повернувшись къ столу, добавила тономъ капризнаго ребенка.

— Онѣ не играю-утъ!..

Урядникъ осклабился и погрозилъ Полькѣ кулакомъ: Кожинъ былъ тотъ самый баринъ, у котораго казакъ охранялъ имѣніе.

Полька кокетливо сверкнула глазами, вильнула задорной полной грудью и снова взвизгнула:

Наши дѣ-вушки прекра-асны
Каза-ковъ лю-бить согласны!

Бабы покрыли куплетъ низкими трескучими голосами:

Ты гыр-га, д-ты-гыр-га,
Ты-гар-гар-гар-га-а!..

А Полькинъ голосъ ужъ вырвался изъ этого грубаго горлового припѣва и заливался:

И я дѣ-ѣвушка така-а,
Д'полюби-ила казака-а!

— Будетъ!—вдругъ выпрямился Гараська, съѣдаемый ревностью.

— Пляшите!.. Ну-у!?.

Бабы замялись, даже попятились къ занавѣскѣ.

— Пляш-ши!!. Чортовы куклы!

„Чортовы куклы“ не спѣшили выполнять приказаніе. По ихъ возбужденнымъ лицамъ блуждало смущеніе: традиціи Лапотнаго считали пляску однимъ изъ тягчайшихъ смертныхъ грѣховъ. Видимо, бабы не рѣшались раздражить небо при постороннемъ свидѣтелѣ.

— Чай, стыдно! Божью мать ща не провожали...—соскромничала Полька.

— А-а! Вы та-акъ?!. — рявкнулъ стражникъ, сдѣлавъ тщетную попытку вылѣзть изъ-за стола.

Бабы въ притворномъ испугѣ, съ визгомъ и хохотомъ, ринулись вонъ, въ заднюю избу.

Я воспользовался моментомъ и сталъ доказывать разъяренному стражнику, что бабы стыдятся меня, и онъ хорошо сдѣлаетъ, если меня отпуститъ, разрѣшивъ свиданье съ Трофимомъ.

Онъ смотрѣлъ мнѣ въ ротъ оловяннымъ взглядомъ и ничего не понималъ.

— Безъ пристава не возможно,—отвѣтилъ казачій урядникъ.

Упоминаніе о приставѣ кольнуло Гараську. Онъ воспрянулъ, взглянулъ осмысленнѣе и обидѣлся:

— Приставъ? Кирсановъ, учитель... Пётра!.. Слушайте... Приставъ—я... Кто въ Лапотномъ приставъ?.. Га?!. Я—приставъ!.. Исправникъ—кто-о?.. Я!!! Герасимъ Семеновъ... Губернато-оръ кто-о-о?

— Тебѣ чего надо?—повернулся онъ ко мнѣ съ грубымъ вопросомъ.

— Мнѣ надо видѣть Трофима Яблокова.

— Трош-шку?..—Гараська заскрежеталъ зубами и, въ пьяномъ безсиліи, опустилъ голову.

Противный, рѣжущій звукъ скрежета здоровыхъ зубовъ животнаго до боли дернулъ нервы.

— Вамъ не иначе къ приставу!—повторилъ урядникъ.

Гараська по-бычачьи мотнулъ головой и ударилъ волосатымъ кулакомъ по столу. Посуда задребезжала, на полъ посыпались крошки и объѣдки.

— Пётра! Достань бумагу...

Бородатый казакъ снялъ съ гвоздика шинель, вынулъ изъ обшлага свертокъ и кинулъ его черезъ столъ Гараськѣ.

Гараська взмахнулъ руками, чтобы поймать. Почти полная бутылка свалилась. Водка потекла.

— Чортъ съ ней... на, разверни!

Я развернулъ свертокъ. Тамъ была сальная записная книжка, рваные пакеты и сложенные листы чистой бумаги.

Стражникъ взялъ одинъ листокъ. Одеревенѣлые пальцы никакъ не могли ухватить уголокъ, чтобы раскрыть его.

Онъ протянулъ листокъ мнѣ.

— Раскрой... Покажи ему пристава!..

Бумага оказалась чистымъ бланкомъ пристава второго стана. Кромѣ печатнаго заголовка и стоящей въ концѣ страницы подписи, на бланкѣ ничего не было написано.

— Вид-ишь?!.

— А я и не зналъ!—пришелъ въ восхищенье урядникъ.— Ты, стало быть, и по правиламъ можешь орудовать?

— То-та!.. Пиши, чего тебѣ надо... на! — сунулъ онъ бланкъ въ мою сторону.

— Пиши Кирсанова подъ арестъ!!. Хо-хо!!.

Кирсановъ похлопалъ стражника по животу и потянулъ къ себѣ бутылку.

Я не заставилъ себя просить. Перо было при мнѣ, и черезъ минуту подпись пристава второго стана нашего уѣзда красовалась подъ такимъ текстомъ:

„Разрѣщается подателямъ сего: доктору (такому-то) и учителю (такому-то) имѣть свиданье съ заключеннымъ подъ стражу крестьяниномъ села Лапотного, Трофимомъ Яблоковымъ и, если понадобится, оказать ему медицинскую помощь".

Гараська взялъ въ нетвердыя руки бумагу, долго смотрѣлъ на нее, уставившись въ одну точку.

Мнѣ секунды казались вѣчностью. Въ головѣ копошилось: „а вдругъ изорветъ?.."

Но деспотъ небрежно, наотмашь, махнулъ бумагой въ мою сторону.

— На!

Черезъ минуту я быстрыми шагами удалялся отъ Волчихиной избы. Навстрѣчу струился легкій весенній вѣтерокъ, пропитанный запахомъ молодой полыни, прѣлаго навоза и влажной истомы бархатистыхъ коноплянниковъ, давно уже жаждущихъ плуга. Вслѣдъ лился прежній гомонъ и гулъ: должно быть, бабы согласились плясать.

Мы съ докторомъ предъявили бумагу. Писарь съ напускной сонливостью прочиталъ ее и крикнулъ:

— Никандрычъ! Отвори имъ холодную!..

Никандрычъ повелъ насъ къ небольшой глиняной избушкѣ, притулившейся въ углу правленскаго двора. Я давно зналъ избушку и все время считалъ ее правленской баней: до того она казалась невзрачной и малопомѣстительной. Внутри избушка была перегорожена на двѣ половины. Въ одной изъ нихъ содержался Трофимъ, другая, ради второго дня Пасхи, стояла пустая.

Изъ обѣихъ половинъ, несмотря на отсутствіе арестантовъ, разило запахомъ махорки.

Трофимъ лежалъ на полу, прикрытый дубленымъ полушубкомъ. При нашемъ появленіи онъ черезъ силу всталъ. Рослая фигура парня въ тѣсныхъ рамкахъ холодной казалась прямо-таки богатырской. И странно было слышать

стопы этого массивнаго человѣка,—странно видѣть его запертымъ на плохенькій замокъ въ избушкѣ, которую онъ могъ бы движеніемъ плеча опрокинуть и разрушить въ щепки...

Опираясь на Никандрыча, Трофимъ вышелъ. Его голубые глаза, когда-то большіе и ясные, съ больнымъ равнодушіемъ смотрѣли изъ-подъ синихъ опухшихъ вѣкъ. Лицо было покрыто рубцами и комками засохшей крови. Черезъ переносицу наискось тянулась багрово-синяя пухлая полоса—слѣдъ нагайки. Отъ курчавой льняной бороды остался лишь легкій пушекъ.

— Вотъ дохтура тебѣ, Трошка, привезли... дохтура...—твердилъ сочувственно Никандрычъ:—ишь, дохтуръ-отъ...

Трофимъ насъ не узнавалъ.

— Ахъ, негодяй!.. — сердился докторъ.—Придется осмотрѣть кости: нѣтъ ли поломовъ! Гдѣ сильнѣе болитъ?..

— О-охъ!—стоналъ избитый:—все болитъ... ужъ лучше бы до смерти...

Мы повели больного въ школу.

Деревня жадна до приключеній. Вѣсть о томъ, что къ избитому Трошкѣ „привезли“ доктора, привлекла толпу. Бабы, мужики, ребятишки суетились и старались помочь, чѣмъ можно! Мужики ругали крѣпкими словами полицію, казаковъ и всѣхъ властей. Бабы причитали, проклинали, грозили божьимъ гнѣвомъ. Родные Трофима плакали, мать и жена вопили, какъ по покойникѣ.

Куда-то исчезъ страхъ передъ всемогуществомъ власти, родилась жалость къ страдальцу, вскипѣла ненависть къ палачамъ.

— Какъ еще Господь по землѣ носитъ антихристовъ? А?!. Что дѣлаютъ!..

— Да-й-що что!.. Спасибо батюшкѣ!.. Батюшка съ крестомъ приходилъ выручать, а то бы убили на смерть...

— Это отецъ Василій?..

— Онъ. Жена-то Трошкина взмолилась ему... пришелъ...

— Ишь ты, а? И то пожалѣлъ...

— Убили бы!

— И убьютъ! Что имъ?.. Аль судъ на нихъ есть?

— Знамо, въ безсудномъ селѣ живемъ! Поди-ка, тронь эдакъ въ другомъ селѣ гдѣ!.. Та-амъ, братъ!!

— Самого тронутъ...

— Да-й-що какъ тронутъ...

— А мы что терпимъ?.. За что вотъ парня изувѣчили?.. Ну?..

— За правду!.. Отъ за что!..

— То-то вотъ и оно... Самихъ ихъ эдакъ надо!!

— Ш-ш-ш... полегче...

— Чаво?.. терпѣть, что ль?.. Сколь ни терпи, онъ все лютѣй дѣлается...

— Прикрыть ихъ, бабниковъ!.. Ищи послѣ...

— И дойдетъ...

— Гляди, гляди! Вѣдь писаренокъ, не иначе, туда побѣжалъ!..—крикнулъ съ крыльца мужикъ.

— Ахъ, анаѳема!..

— Доло-житъ!

Толпа, какъ одинъ человѣкъ, оглянулась на волостное правленіе, на убѣгавшаго къ Волчихѣ писаренка.

Это незначительное обстоятельство точно облило всѣхъ холодной струей. Говоруны примолкли, ребятишки навострились бѣжать.

Толпа замѣтно стала рѣдѣть. Люди уходили крадучись, или прикрывая свое отступленіе всеоправдывающей ложью. Одинъ шелъ жеребенка загонять, другому понадобилось въ лавочку, третьему на гумно овецъ поглядѣть.

— Вотъ они, воины-то наши! — смѣялся знакомый мужикъ.—Ну, какъ этотъ народъ не битъ?.. Словно воробьи въ сказкѣ: „постоимъ, постоимъ!..“ А какъ до дѣла, они въ кусты...

— Слабый народъ... что толковать.

— До кого ни доведись!

— А чего бояться-то? Онъ, поди, Гараська этотъ, безъ заднихъ ногъ лежитъ.

— Тамъ убоготворя-ятъ!.. Бабы вострыя!

— Ты вѣдь былъ у него: чай, поди, лыка не вяжетъ?

— Да, хмѣленъ,—согласился я.—Пожалуй, нагайкой не сможетъ взмахнуть.

— Ну, вотъ! видишь?.. А народъ растаялъ

— Тѣни его боятся!.. Что толковать!

— А бабы, видать, не робятъ?.. Льнутъ къ нему...

— Солда-атки! Чего съ ними подѣлаешь. Намеднись кумъ Миронъ своей Полькѣ вотъ какъ распи-са-алъ! Ай-да ну!! Другая бы вѣкъ помнила... а она, курва, подобрала подолъ, да опять туда!..

— Есть таки непутевы и у насъ... отказаться-бъ отъ нихъ...

— Отъ бабъ-то? Отъ бабы какъ откажешься?.. И дѣть некуда, закона на ее нѣтъ. Вотъ коли Дума законъ новый напишетъ: „всеобщее равное право, безъ различія пола“... тады можно и бабу въ Сибирь...

— Шу-утникъ!..

Докторъ осмотрѣлъ Трофима. Кости оказались цѣлы, но на всемъ тѣлѣ не оставалось живого мѣста: все исполосовали.

Натертый мазью, обвязанный, одѣтый во все чистое, Трофимъ попилъ у Марьи Васильевны чаю и немного оживился.

Никандрычъ, обезпокоенный поведеніемъ писаренка, увѣрялъ насъ, что, Боже упаси, и ему попадетъ. Поэтому мы не рѣшились долго держать арестованнаго въ школѣ.

Принесли въ холодную соломы, устроили постель, и полуживой, разбитый человѣкъ долженъ былъ опять остаться одинъ. Мы были безсильны сдѣлать что нибудь большее, такъ какъ Гараська могъ иногда „орудовать и по правиламъ".

При прощаніи Трофимъ подманилъ меня набухшей рукой и зашепталъ на ухо:

— Левольверы тамъ остались... винтовки... патроновъ сколь-то... у Вахрушиныхъ на гумнѣ зарыты... Скажи ребятамъ. Васькѣ Свиненкову скажи... Може, умру здѣсь... имъ пригодятся.

Свѣтящіеся глаза больного затуманились. Двѣ крупныхъ слезы сверкнули на опухшихъ вѣкахъ. Онъ задрожалъ.

— Оп... опять придетъ... республика... тогда ужъ навѣки удер-жится...

Докторъ поѣхалъ въ Узлейку, а мы съ Марьей Васильевной въ городъ. Насъ провожала плаксивая Власьевна, два-три смѣлыхъ мужика, быстроногіе ребята и широкій весенній закатъ, огненно-красный, радостный, многообѣщающій.

Все тотъ же звонкоголосый ямщикъ бодро покрикивалъ въ глубину свѣжаго сумрака:

— Э-эхъ, вы-ы!.. Соколики! Выноси на просторъ!

С. Аникинъ.

ПѢСНЯ ВОДОПАДА.

Съ громкой пѣсней лечу я ко дну—
Въ глубину... Въ глубину...

Бѣлой пѣны клубится пожаръ,
Разбиваетъ преграды ударъ.

Надъ оврагомъ склонилась сосна,
Будто слушаетъ пѣсню она.

Солнце нѣжно цѣлуетъ ее—
Бьется бурное сердце мое!..

По камнямъ я безумно лечу—
Я сосну золотую хочу.

По уступамъ сбѣгаю ко рву—
Я безсильные корни порву!

Жадной лаской возьму, обойму...
Я у солнца сосну отниму!

Унесу къ недоступному дну—
Въ глубину... Въ глубину!..

Г. Галина.

НА ВЫБОРАХЪ.

I.

Въ деревнѣ.

Девятнадцатаго августа 1906 года я получилъ въ Петербургѣ отъ старосты села Липовки, Самарскаго уѣзда, письмо слѣдующаго содержанія:

„Милостивый государь, Степанъ Семеновичъ! Имѣю честь сообщить вамъ, что крестьяне села Липовки на полномъ сельскомъ сходѣ, бывшемъ 13 сего августа, изъявили единогласное желаніе имѣть васъ своимъ представителемъ по выборамъ въ Государственную Думу, о чемъ и поручили мнѣ сообщить вамъ и просить васъ ко времени выборовъ прибыть въ село Липовку для участія въ выборахъ". Подпись и печать.

Это письмо меня радостно взволновало. Я долго ходилъ по комнатѣ, думалъ и даже мечталъ. Село Липовка — это мое родное село. Уже лѣтъ пятнадцать тому назадъ, какъ я его покинулъ и заѣзжалъ туда лишь изрѣдка. Голодъ, нужда и неискоренимое въ человѣчествѣ стремленіе къ знанію, свѣту вызвало меня и многихъ такихъ же изъ глухихъ деревень великой Россіи на широкій просторъ божьяго міра. Деревня рылась въ землѣ, задыхалась и пухла отъ голоду и холоду, чтобы доставить намъ, немногимъ счастливцамъ, пищу и одежду и дать намъ возможность чему-нибудь научиться. А вотъ теперь, пробудившись отъ своего рабскаго, тяжелаго сна, она требуетъ насъ обратно, чтобы мы отдали ей на служеніе свои знанія и силу...

И я мечталъ, какъ мы, вышедшіе изъ деревни, вскормленные и вспоенные ея плотью и кровью, въ благодарность за всѣ ея труды и лишенія завоюемъ ей свободу и довольство и, какъ добрые сыны, успокоимъ на старости нашу несчастную мать...

И вотъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ минувшаго года, я ѣхалъ на родину на выборы.

Черезъ три дня ѣзды останавливаюсь на станціи Безенчугъ Самаро-Златоустовской желѣзной дороги, чтобы ѣхать дальше на лошадяхъ. Черезъ пять минутъ поѣздъ запыхтѣлъ, засвистѣлъ, и облѣпленные снѣгомъ вагоны съ вонючимъ табачнымъ воздухомъ, съ безконечными разговорами о политикѣ потянулись дальше. Мой багажъ уже во власти ямщика, и я иду за нимъ, съ удовольствіемъ вдыхая свѣжій, морозный „родной" воздухъ.

Раньше, бывало, путешествуя по Россіи, въ каждой мѣстности слышишь особые, мѣстные разговоры. Неудачное предпріятіе крупнаго мѣстнаго хищника; причуды начальства; семейный скандалъ въ домѣ губернатора; цѣны на мѣстные товары; мѣстные интересы и нужды... Все мѣстное, свое. Теперь всюду разговоры на общія политическія темы. Явный признакъ, что страна начала жить общею жизнью. Всюду политика и политика. Проснувшаяся, но еще слѣпая политическая мысль русскаго народа безпомощно ползаетъ, стараясь ухватиться за что-нибудь опредѣленное, устойчивое и радостно крикнуть: „Стойте, вотъ дорога, вотъ опора!" Разговоры и обобщенія близоруки и наивны. Каждый обыватель до сихъ поръ жилъ интересами своего маленькаго мірка: земскій начальникъ, полицеймейстеръ, губернаторъ, ближайшее начальство—вотъ тѣ столпы, которые заслоняли собой весь свѣтъ. А теперь вдругъ горизонты расширились, открылась какая-то политическая даль, и прежнія мѣрки жизни стали непригодными. Но люди по-прежнему продолжаютъ мѣрять ими людскія отношенія.

— Главное зло русской жизни — земскіе начальники! Уничтожьте земскихъ начальниковъ, и сразу все измѣнится...

— Фу-у-у! Подите со своими земскими начальниками. Не въ нихъ дѣло. Нужно земство иначе устроить... И мелкую единицу—вотъ въ чемъ спасенье. А земскіе—тьфу!

— А по моему, самое главное—намъ нужно собраться съ силами и снова на японца ударить. Побѣдимъ японца, тогда Россія снова будетъ первоклассной, богатой и могущественной державой. А всѣ эти ваши земства и земскіе — одна ерунда...

И когда на конечной станціи я услышалъ иной разговоръ, то пріятно удивился. Говорилъ за стаканомъ пива полупьяный мѣстный помѣщикъ удѣльному лѣсоводу:

— А въ Обдорскѣ—тамъ лѣтомъ совсѣмъ ночи не бываетъ. А зимой сплошная ночь... Когда земля отдалится, значитъ, отъ солнца, такъ тогда солнце и не прячется за

землю. А когда земля приблизится, такъ и закрываетъ его своимъ пупомъ. Понимаешь, Николай Иванычъ, это глобусъ-то, значитъ, земной пупомъ-то и закрываетъ солнце...

„Зачѣмъ ему пришли на мысль Обдорскъ и земной пупъ?"—думаю я, проходя мимо помѣщика. И, уже садясь въ сани, догадываюсь, что и тутъ обывательская мысль питалась политическими источниками. Вѣроятно, разговоръ зашелъ о ссыльныхъ въ Обдорскъ, а потомъ воображеніе помѣщика поразило незаходящее полгода солнце и земной пупъ. Все понятно.

Звенитъ ямщицкій колокольчикъ. Мохнатыя, пузатыя лошаденки прыгаютъ по снѣгу, точно спутанныя, и отчаянно мотаютъ головами. Рѣдкія облака на небѣ сначала покраснѣли, потомъ пожелтѣли, посинѣли и, наконецъ, стали сѣрыми. Сквозь облака на землю смотрѣли веселыми, слезящимися глазами звѣзды. Тихо и морозно. Кажется, что съ неба падаютъ все новыя и новыя волны мороза, одна тяжелѣе другой. Поле сѣрое, небо сѣрое; не разберешь, гдѣ кончается поле и начинается небо. По обѣ стороны дороги вѣшки съ пучками соломы, старыми лаптями и тряпками на верхушкахъ. А навстрѣчу, покрытыя снѣжной пеленой, выплываютъ знакомыя мѣста.

Отъѣхали отъ вокзала пять верстъ, и вотъ она унылая, снѣжная пустыня,—такая же по виду, какой была и сто, и тысячу лѣтъ назадъ при Владимірѣ Святомъ. Послѣ вчерашняго снѣга за версту не различишь деревни отъ снѣжныхъ сугробовъ. Вотъ первая деревня. Подъ снѣжными шапками показались темныя кучи. Это—дома. Со всѣхъ сторонъ къ намъ бросились разноцвѣтные, мохнатые Волчки, Жучки, Валетки. Они лаютъ съ восторгомъ, съ наслажденіемъ, и не по злобѣ, а отъ радости: имъ пріятно погрѣться; ихъ сморили зимній холодъ и деревенское однообразіе. Они прыгаютъ передъ лошадиными мордами, валяются по дорогѣ и, отбѣжавъ въ сторону, начинаютъ благодушно возиться другъ съ другомъ. Дальше опять снѣжное поле, бѣлое небо и вѣшки.

Трудно выразить тѣ чувства, которыя охватываютъ душу при видѣ давно покинутыхъ родныхъ мѣстъ. Въ воображеніи проступаютъ забытые образы, въ ушахъ звучатъ прежнія слова и пѣсни, сердце волнуется давно пережитыми чувствами... Людямъ, которые всегда живутъ здѣсь, эти деревни, поля, холмы, лѣса, рѣчки успѣли уже сказать новыя слова, внушили новыя чувства. И только въ твоей душѣ они будятъ давно пережитое, давно перечувствованное.

Вотъ и на меня нахлынулъ теперь цѣлый рой воспоми-

наній изъ далекаго прошлаго. Воспоминанія эти, какъ яркія галлюцинаціи, воскресли для меня съ плотью и кровью, съ запахомъ полей и луговъ, въ сіяніи солнечныхъ дней и во мракѣ ночи, со всѣми словами и мельчайшими подробностями. Они волнуютъ меня по прежнему, и мнѣ кажется, что я снова сталъ ребенкомъ.

Вспоминается отъѣздъ въ ученье.

Съ ранняго утра отецъ хлопоталъ на дворѣ, густо смазалъ дегтемъ колеса, запрягъ Бураго въ телѣгу. Мать напекла намъ лепешекъ и яицъ. Все уложили. Зажгли свѣчу передъ иконами. Всѣ сначала сѣли, по обычаю, на лавку, потомъ встали и начали молиться. Мать кланялась и шептала молитвы. Я крестился тоже и старался угадать, какую она читаетъ молитву. Четырехлѣтняя сестра моя держала мать за подолъ, жевала лепешку и смотрѣла на меня исподлобья, не зная, плакать нужно или смѣяться. Отецъ клалъ большіе кресты медленно и точно думая о чемъ-то постороннемъ. На дворѣ пѣлъ пѣтухъ, а подъ окнами чирикали воробьи. На душѣ у меня было смутно.

Но вотъ отецъ зачастилъ маленькими крестиками подъ бородой. Значитъ молитва кончилась. Я подошелъ и поклонился матери въ ноги. Она заплакала и поцѣловала меня, но отъ слезъ не могла ничего говорить. Съ отцомъ проститься нужно было также дома. Я и ему поклонился въ ноги. Онъ тоже заплакалъ, но счелъ долгомъ сказать наставленіе:

— Учись, Бога не забывай, утромъ и вечеромъ молись, отца, мать почитай, старшихъ слушайся!—Хорошія, но безполезныя слова. Я поцѣловалъ и сестренку. Чувствуя, что творится нѣчто необычное, она заплакала; непрожеванный кусокъ лепешки вывалился у ней изо рта на полъ. Мать подняла крошку хлѣба съ полу, перекрестилась и поцѣловала ее, дѣвочкѣ утерла носъ и взяла ее на руки.

— Скорѣе,—торопилъ отецъ,—а то колеса отекутъ.

Всѣ мы вышли на дворъ. Пѣтухъ успѣлъ уже проклевать въ возу дыру и лакомился пшеницей. Въ углу подъ заборомъ тоскливо вздыхалъ поросенокъ. Голуби ворковали на крышѣ. Пахло дымомъ отъ печей. Утро вставало ясное, тихое, теплое.

Только садясь на возъ, я почувствовалъ, что покидаю много милаго, дорогого и ѣду въ неизвѣстный, чуждый міръ. И я заплакалъ горько, неудержимо. У меня сразу носъ наполнился слезами, горло сдавило и слезы потекли по щекамъ въ три ручья.

— Ладно, не на смерть ѣдешь,—сказалъ отецъ, отворяя ворота.—Ну, съ Богомъ!

Онъ вспрыгнулъ на наклеску телѣги, дернулъ возжами; колеса зачмокали отъ дегтя и покатились.

Было начало августа,—лучшее время года въ средней Россіи. Природа отдала человѣку всѣ свои плодотворныя силы, выколосила хлѣба, зарумянила яблоки, вишни, груши, вскормила и вспоила всякую мелкую и крупную птаху, телятъ, поросятъ, жеребятъ, прошла съ благотворными грозами и дождями, а теперь послѣ трудовъ собралась и сама немного отдохнуть, понѣжиться передъ холодной осенью: „дѣлайте, молъ, вы всѣ, твари мои милыя, что хотите, а я посмотрю на васъ, полюбуюсь". Улыбается и смотритъ. Всѣмъ любо и хорошо. Лѣса смѣются. По полямъ между скирдами носятся черные, жирные грачи, смотрятъ на человѣка нахально, какъ и всѣ дармоѣды. Коршунъ летаетъ въ блѣдно-синей высотѣ, распластался и нѣжится тамъ, не двигая крыльями. На землю онъ и не смотритъ, потому что сытъ по горло. Суслики около норъ возятся цѣлыми десятками: и они дождались своего семейнаго счастья. Только люди день и ночь работаютъ на поляхъ и гумнахъ.

Ѣдемъ мы шагомъ. Пятнадцать пудовъ пшеницы да насъ двое—цѣлый возъ. Навстрѣчу намъ попадаются возы съ желтой пшеницей и бѣлымъ серебристымъ овсомъ. Проѣдемъ одни возы,—вдали виднѣется новый поѣздъ. Рыдваны скрипятъ, какъ стариковскія кости передъ ненастьемъ.

Потянулся длинный томительный день. Пыльная дорога, перелѣски, скирды и копны сѣна, грачи и рѣдкіе проѣзжіе. Отецъ или разсуждаетъ самъ съ собой, или спитъ. Когда онъ спитъ, то ротъ у него раскрытъ, а мухи гудятъ во рту, какъ въ пустомъ горшкѣ. Когда кто-нибудь встрѣтится по дорогѣ, отецъ вскочитъ, зачмокаетъ, задергаетъ возжами и своротитъ Бураго вправо, выплевывая не успѣвшихъ вылетѣть изо рта мухъ.

Къ вечеру кормили Бураго въ одномъ большомъ селѣ и ночью опять тронулись въ путь.

Люблю я проѣзжать ночью лѣтомъ по селу. Все тихо. Въ домахъ спятъ сотни, тысячи усталыхъ, изломанныхъ непосильными трудами людей. Сонъ—ихъ единственная и лучшая награда за горе, слезы, обиды и болѣзни тяжелой жизни. Чувствуешь, что здѣсь въ эти часы совершается что-то таинственное, важное. Невольно понижаешь голосъ, ибо дома смотрятъ на тебя предупреждающими, темными, тяжелыми взглядами. Такъ смотритъ на шумливаго гостя старуха-нянька, только что закачавшая больного ребенка. Дремлютъ передъ окнами тяжелые рыдваны, разбросавъ по землѣ свои оглобли-ноги; привалилась къ углу дома и спитъ бочка съ водой; покачнулась на сторону и дремлетъ

дырявая погребица; даже пыльная дорога спитъ: пыль лѣниво клубится изъ-подъ колесъ и выбираетъ мѣсто, гдѣ бы снова прилечь поплотнѣе къ дорогѣ.

Но вотъ съ истеричнымъ лаемъ подкатилась подъ колеса мохнатая Жучка; она лаетъ и чихаетъ съ просонья. Въ разныхъ концахъ села отвѣчаютъ десятки, сотни другихъ собакъ. Дескать, не робѣй, кусай его, коли нужно, а мы поможемъ. И невольно гонишь поскорѣе лошадь. Скорѣе бы выѣхать, а то нарушишь святое, важное дѣло деревенскаго сна.

Село было большое, длинное. Долго мы ѣхали по улицамъ, по гумнамъ, по выгону. Наконецъ, выѣхали на широкую большую дорогу. Ночь прохладная, тихая, темная. Звѣзды горятъ въ небѣ, но не освѣщаютъ земли. Кругомъ ровное поле: взглядъ тонетъ во мракѣ. Кое-гдѣ вспыхиваютъ какіе-то огоньки и быстро гаснутъ, точно искры. Отецъ говоритъ, что это свѣтятъ своими глазами волки. Какъ змѣи, вьются въ ковылѣ пыльныя, ровныя колеи. Сколько ихъ? Четыре, шесть, десять... безъ конца. Большая дорога въ три версты шириной. Въ старину тутъ ежедневно тянулись изъ внутреннихъ губерній въ Заволжье и обратно безконечные обозы съ хлѣбомъ, рыбой и всякими товарами. Сюда выходили на промыселъ разные лихіе люди съ дубинкой, съ топоромъ, а то и просто съ кулакомъ... Много могли бы поразсказать объ этомъ безконечныя колеи. Но онѣ пугливо спрятались въ ковылѣ и ужъ почти сравнялись съ землей.

Меня клонилъ сонъ, и я заснулъ. Спалъ, кажется, недолго и вдругъ проснулся отъ тяжелаго чувства. Рядомъ съ телѣгой идетъ отецъ и шепотомъ говоритъ:

— Не спи, сынокъ! Какой-то человѣкъ съ нами идетъ. Кто его знаетъ, что онъ въ мысляхъ держитъ.

И отошелъ назадъ. Тамъ за телѣгой онъ идетъ съ кѣмъ-то другимъ. Этотъ другой, высокій, широкоплечій, съ палкой въ рукѣ. Говоритъ, что идетъ въ монастырь, но, будто, не все договариваетъ. Откуда онъ появился, — Богъ знаетъ. Пришелъ откуда-то со стороны, изъ мрака ночи, и навязался къ намъ. Отецъ идетъ съ нимъ рядомъ, но часто подходитъ ко мнѣ, подоткнетъ со всѣхъ сторонъ въ телѣгѣ сѣно, пологъ, пощупаетъ, не сплю ли я, и шепнетъ:

— Боюсь я этого странника. Видимо, лихой человѣкъ. Молись, сынокъ, читай: „Живый въ помощи“...

И опять пойдетъ къ страннику слѣдить за нимъ, чтобы онъ не напалъ на насъ внезапно.

Я читалъ псаломъ: „Живый въ помощи“... Телѣга, поскрипывая, катилась по гладкимъ колеямъ. Я вслушивался въ тишину ночи. Тамъ изрѣдка зарождались какіе-то звуки,

зарождались и умирали. Время тянулось долго, томительно.

„Не убоишися отъ страха нощнаго“, читалъ я. Но въ окружающей темнотѣ и тишинѣ было что-то угрожающее, враждебное... Кто ходитъ ночью? Злые люди, злая сила. А мы такіе слабые, боязливые; насъ всякій можетъ обидѣть.

„Падетъ отъ страны твоея тысяща и тма одесную тебѣ, къ тебѣ же не приближится“, — читалъ я дальше. Но мнѣ становилось отъ этихъ словъ еще страшнѣе. Казалось, темныя силы ночи неслышно рѣютъ вокругъ, готовыя напасть на слабаго человѣка. Начальство мрака грозно окружило насъ со всѣхъ сторонъ, неумолимое, враждебное. А Богъ не защититъ: Богу, какъ и царю, нѣтъ до насъ никакого дѣла.

— Ну, какъ странникъ ударитъ отца по головѣ палкой,— думалъ я,—и убьетъ, а меня задушитъ; сядетъ въ телѣгу и поѣдетъ на Буромъ, куда захочетъ?

И я напряженно вслушивался въ тишину ночи и всматривался въ ея темноту. Иногда отецъ со странникомъ отставали далеко. Мнѣ казалось, что странникъ уже убилъ отца. Въ ужасѣ я останавливалъ Бураго и болѣзненно вслушивался, вслушивался. Нѣтъ, идутъ, разговариваютъ. У меня отлегало отъ сердца.

Подходитъ отецъ.

— Боюсь я этого странника. Ну, какъ лихой человѣкъ. А можетъ, и не простой даже человѣкъ. Читай, сынокъ, „Да воскреснетъ Богъ“...

Я читалъ: „Да воскреснетъ Богъ“, „Отче нашъ“ и всѣ молитвы и псалмы, какими научили меня бороться противъ всѣхъ жизненныхъ напастей. Ночь была длинная, мучительная. Поскрипывала телѣга. Тишина рѣзала мой жадный, обостренный слухъ. Темнота утомляла напряженное отъ страха зрѣніе... Наконецъ, заалѣлъ востокъ. Даль прояснилась. Засвѣтились на небѣ облака, замигали сонными глазами звѣзды. Упала роса. Вмѣстѣ съ мракомъ начали исчезать и наши страхи. Стало уже настолько свѣтло, что я вижу странника. Это—русый мужикъ съ широкой бородой, добродушнымъ лицомъ и толстымъ носомъ. Одежда на немъ обвисла отъ росы, трепаная шапка прилегла къ волосамъ, холщевый мѣшокъ за спиной намокъ и потемнѣлъ. Онъ поглядѣлъ на востокъ, снялъ мокрую шапку, переложилъ палку изъ правой въ лѣвую руку, истово перекрестился и произнесъ на распѣвъ:

— Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ.

Перекрестился и отецъ. Наши страхи совсѣмъ исчезли.

— Поди, сыро тебѣ, малецъ? — обратился странникъ ко мнѣ.—Слѣзь-ка, побѣжи. Слава Богу, день насталъ.

Онъ улыбнулся широко во весь ротъ. И сразу стало видно, что это простой человѣкъ и совсѣмъ не лихой.

Взошло солнце. Мы шли вмѣстѣ еще больше часу. Наконецъ, намъ нужно сворачивать вправо, а страннику — прямо.

— Прощайте, други, Богъ съ вами!—сказалъ странникъ.

— Прощай.

— А скажи, — полюбопытствовалъ онъ у отца, — боялся ты меня?

— Боялся. Думалъ, лихой человѣкъ.

— И я тебя боялся,—сказалъ странникъ.—П все это отъ страха нощнаго. То-ли дѣло солнышко. Ну, съ Богомъ.

И странникъ зашагалъ по заростающей колеѣ въ синюю даль большой степной дороги. Издали донеслось его пѣніе: „Во всякъ день благословлю Тя и восхвалю-у“...

Вскормленный, воспитанный страхомъ, я въ страхѣ удалялся и въ новую жизнь. Страхъ, отецъ рабства, неохотно выпускалъ изъ рукъ свою жертву.

Колокольчикъ звенитъ. Кучеръ сидитъ на козлахъ, точно куча овчинъ, перетянутая веревкой. Изрѣдка онъ поднимаетъ руку, похожую на толстый обрубокъ, хлещетъ по лошадямъ кнутомъ и, видимо намѣренно, задѣваетъ при этомъ и меня. Вотъ она та самая большая дорога, по которой мы когда-то шли въ страхѣ со странникомъ. Колеи занесло снѣгомъ. Безконечною гладью, облитая луннымъ свѣтомъ, уходитъ она направо и налѣво. Скоро и Липовка.

Мое родное село, Липовка, расположено на небольшой рѣчкѣ Чагрѣ, которая течетъ только въ полую воду, а лѣтомъ превращается въ цѣпь омутовъ. Раньше Липовка была окружена большими березовыми и липовыми лѣсами. Но теперь лѣса отбѣжали отъ села версты на три и спрятались въ двухъ оврагахъ. Въ концѣ села осталась для памяти одна только старая березка, полузасохшая, кривая. Говорили, что подъ этой березкой зарытъ кладъ, что надъ ней каждую ночь падаетъ дичь въ видѣ огненнаго шара. Срубить березку боялись, ибо преданіе грозило смертью тому, кто срубитъ.

Много разной дичи жило, по мнѣнію липовцевъ, въ озерѣ, въ баняхъ, въ домахъ, въ рѣкѣ, въ лѣсу, въ землѣ и въ воздухѣ... Липовцы чувствовали себя во власти этой темной дикой силы, были окружены ею со всѣхъ сторонъ. Кромѣ мѣстной темной силы было много пришлой. Такъ, по лѣтамъ въ Липовку заходили двѣнадцать сестеръ-трясовицъ или лихоманокъ; тогда люди болѣли лихорадкой. Заходила Коровья Смерть, Моровая Язва, разные оборотни и много та-

кихъ дикихъ силъ, которыя не живутъ въ одномъ мѣстѣ, а ходятъ по всему бѣлому свѣту и вредятъ человѣку.

Это было начальство ночное. Но еще больше боялись липовцы начальства дневного, которое пріѣзжало хотя и рѣдко, но всегда приносило съ собой зло. Когда пріѣзжалъ урядникъ или, Боже упаси, земскій начальникъ, то всѣмъ становилось жутко. Десятскій, „тонкокорый“ Тимоша, прозванный такъ за свою худобу, билъ отъ страха свою жену, чтобы она поскорѣе отыскала ему знакъ, и бѣжалъ на взъѣзжую избу.

Знали липовцы, что и надъ ночнымъ, и надъ дневнымъ начальствомъ есть высшее начальство, Богъ и царь, но это ихъ совсѣмъ не радовало, не давало имъ никакихъ надеждъ. До Бога высоко, а до царя далеко. Начальства ночного липовцы боялись, а къ дневному, кромѣ страха, питали еще постоянную глухую злобу, да боялись ее высказывать.

Такъ и жили липовцы въ постоянномъ страхѣ. Страхъ былъ преобладающимъ настроеніемъ въ жизни липовцевъ. Жили они себѣ въ домахъ, похожихъ на навозныя кучи, жили, какъ грибы въ безлюдномъ мѣстѣ: выростутъ, сгніютъ, удобрятъ это же мѣсто и снова вырастаютъ, и снова гніютъ все на томъ-же мѣстѣ. Что было тамъ, далеко, за предѣлами своихъ полей, знали плохо, да и знать охоты не имѣли. Липовка представляла отдѣльное маленькое государство. Въ селѣ было все, что нужно для липовцевъ. Городъ былъ надобенъ для того, чтобы продавать тамъ хлѣбъ и получать за него деньги. А деньги эти шли куда-то въ невѣдомые края, въ руки дневного начальства. Изъ того неизвѣстнаго міра, который бралъ подати, въ наше село пришло только училище съ учителемъ, Петромъ Иванычемъ, да казенный кабакъ. Раньше кабака въ Липовкѣ не было. Пили липовцы водку, но мало. Теперь стали пить страшно много. Ежегодно липовская винная лавка выручаетъ до двѣнадцати тысячъ рублей! Если бы продать всѣ липовскіе дома и всю хозяйственную рухлядь,—вѣроятно, никто не далъ бы за все такихъ денегъ.

Въ Липовкѣ, какъ и во всякомъ государствѣ, были свои дипломаты, которыхъ у насъ звали міроѣдами, ибо они ѣли міръ, т. е. пропивали мірскія деньги, шумѣли на сходкахъ больше всѣхъ и часто во время самой горячей рабочей поры бездѣльничали и ходили пьяными. Были у насъ свои доктора: бабушки Лаврентьевна и Пискунья по женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ, а Терентій Сапуновъ—по мужскимъ. Были судьи, адвокаты, были свои инженеры, были журналисты (главнымъ образомъ, женское сословіе), были свои фабрики и заводы—кузница, овчинникъ, красильня,—было,

однимъ словомъ, все, что нужно для жителей села Липовки. И если бы исчезъ весь міръ, а осталась только Липовка, мы пожалѣли бы лишь о томъ, что вмѣстѣ съ этимъ чуждымъ міромъ погибли и тѣ изъ нашихъ, что ушли въ солдаты.

Голодъ и нужда доконали, однако, и липовцевъ. Гонимые голодомъ, они начали уходить на сторону, искать лучшей доли. Мы съ братомъ были, кажется, первыми горошинами, прорвавшими липовскій мѣшокъ и выкатившимися на волю. За нами покатились и другія горошины, покатились и затерялись въ водоворотѣ жизни. Но Липовка все стоитъ попрежнему, такая же бѣдная, жалкая деревня и ведетъ свою полуголодную, грязную жизнь.

Кучеръ завозился, обнаруживая явное желаніе обернуться ко мнѣ. Онъ замоталъ на козлахъ возжи, придержалъ лошадей, свернулъ и закурилъ цыгарку. Такъ какъ въ полъ-оборота говорить ему было трудно, то онъ совсѣмъ обернулся ко мнѣ лицомъ и положилъ въ сани, точно двѣ свиньи, замерзшіе валенки.

— А ты, какъ погляжу я на тебя, видно, не настоящій баринъ,—сказалъ онъ, затягиваясь махоркой.

— Почему видно?.

— Да ужъ такъ. Я тебя, можетъ, пять разъ кнутомъ задѣлъ, а ты—ни слова. Баринъ, тотъ бы раскричался, сталъ бы ругаться. А ты по-божески, смолчалъ... Такъ ты меня,—имени, отчества твоего не знаю,—извини. Это я по дурости моей безпокоилъ тебя кнутомъ. Понимаешь, злоба такая на сердцѣ, что, кажись бы, каждому барину харю разбилъ... Ты самъ-то изъ мужиковъ, что-ли, вышелъ?

Когда я сказалъ кучеру, кто я,—онъ пришелъ въ удивленіе и смущеніе.

— Батюшки мои! Да неужто это ты, Степанъ Семенычъ?! Вотъ бы не узналъ никогда. Значитъ, къ родителю ѣдете?

— Да, на выборы... Приглашали меня липовцы.

— Ка-акъ же, знаю, слыхалъ. Говорятъ давно про тебя всей волостью...

Кучеръ обернулся къ лошадямъ. Заиндевѣвшія лошаденки запрыгали. Колокольчикъ задребезжалъ. Мы въѣзжали въ Липовку.

На слѣдующій день съ ранняго утра нашъ домъ наполнился народомъ. Пришли родственники и знакомые поглядѣть, поговорить. Святки, всѣ свободны, да и пріятно хоть на часокъ забыть свою нужду, не видѣть голодной семьи, ожидающей перваго удара колокола, чтобы идти въ земскую

столовую. Пришелъ и пьяница Давидъ. При входѣ въ домъ, онъ поклонился до земли и пропѣлъ на мотивъ рождественскаго тропаря:

„Рождество Твое двадцать пятаго...
Деньги пропиты двадцатаго...“

— Здравствуй, Степанъ Семенычъ! Дай ручку поцѣловать, кормилецъ...

Остальные мужики укоризненно покачали головами. Давида удалили, ибо онъ болталъ всякій вздоръ и лѣзъ ко всѣмъ цѣловаться. Начались разспросы.

— Ну, какъ тамъ у васъ, въ Петербурхѣ-то?

Вопросы тягучіе, неопредѣленные, конфузливые. Собесѣдники не знали, съ чего начать спрашивать, съ какого бока приступить къ разговорамъ о томъ мірѣ владыкъ земныхъ, которые рѣшаютъ дѣла всей русской земли. Вѣроятно, сильнѣе всего хотѣлось имъ узнать о томъ, что̀ эти земные владыки замышляютъ теперь про мужиковъ, насчетъ земли, да какъ-то вопросовъ такихъ на языкъ не подвертывалось. Мой крестный, старый старикъ, вышелъ изъ этого затрудненія.

— Ну, а царя видаешь часто?

Когда я сказалъ, что царь въ Петербургѣ не живетъ, то всѣ лица опахнуло выраженіе какой-то враждебной скрытности. Всѣ замолчали. Опять тотъ-же старикъ, крестный, задалъ вопросъ:

— Не слышно тамъ, сынокъ, насчетъ милости намъ, хресьянамъ? Будетъ, что-ли, намъ какая-нибудь милость?

Всѣ подняли на меня выцвѣтшіе глаза, загрубѣвшія отъ морозовъ и зноя лица. На нихъ было написано ожиданіе—и, мнѣ казалось, ожиданіе какого-нибудь утѣшенія. „Хоть соври, да утѣшь“, казалось, говорили мнѣ выжидательные взгляды и напряженно согнутыя позы мужиковъ. Мнѣ стало жалко ихъ, жалко до боли. Въ то же время въ сердцѣ закипѣла обида, раздраженіе. Неужели эти бородатые младенцы вѣрятъ? Неужели они все еще способны довольствоваться мечтами о счастьи и ждать?..

— Никакой милости не будетъ,—отвѣтилъ я рѣзко.

Старики совсѣмъ подняли головы и разинули отъ напряженнаго недоумѣнія рты.

— Какъ же мы жить дальше будемъ?—обронилъ кто-то.

— А это ужъ какъ хотите...

Мужики пошевелились на мѣстахъ, нервно перемѣнили позы, проглотили слюну.

— Что же дѣлать намъ теперь? А такъ жить никакъ не возможно.

— Требовать надо, добиваться,—сказалъ Воятъ.— что дѣлать. Что возьмемъ сами, то и наше будетъ. А добровольно никто и ничего намъ не дастъ. Развѣ вамъ дѣлали когда-нибудь добро, если вы не волновались, не требовали?

Всѣ замолчали, припоминая прожитую жизнь.

— Вотъ недоимки скащивали,—радостно вспомнилъ до сихъ поръ молчавшій мужикъ.

— Такъ вѣдь мы ихъ все равно не заплатили бы!—съ раздраженіемъ оборвалъ его молодой рябой мужикъ.

— Не заплатили бы,—это точно. Потому нечѣмъ!—раздались голоса.

— Вотъ нонче по пять пудовъ съ десятины уродилось. Нука, уплати подати!—опять заговорилъ рябой мужикъ.—А ты,—ми-и-илость! Знаемъ мы эти милости! Развѣ ты изъ милости на овцѣ въ зиму шерсть оставляешь?! Весной эту шерсть ты съ овцы возьмешь, а на зиму оставляешь, чтобы она съ холоду не подохла. Ну, вотъ такъ и правительство съ нами поступаетъ.

— А у царя, поди, кажный годъ рожь-то хороша родится?—коварно спросилъ мой сосѣдъ, кузнецъ Левонтій.

— Ну, что зря болтать! Говори про дѣло,—благодушно журили Левонтія старики.

Заговорили о крестьянскомъ банкѣ, объ удѣльныхъ земляхъ, которыхъ такъ много въ Самарской губерніи, о новыхъ законахъ, о стражникахъ. Кузнецъ Левонтій часто прерывалъ наши разговоры ехидными вставками, въ родѣ:

— А министры, чай, захворали всѣ отъ заботъ о хресьянахъ?!

Или:

— Скоро, говорятъ, къ каждому мужику по стражнику приставятъ, чтобы не бунтовался.

Уже къ концу нашей бесѣды пришелъ еще старикъ въ рваномъ полушубкѣ, рваной шапкѣ, весь лохматый и сѣрый. Онъ поздоровался, послушалъ немного и сказалъ:

— Погляжу я на тебя, гоже ты живешь, Степанъ Семенычъ.

— А что?

— Да вотъ гляжу я на твою одежу: хорошо ты одѣтъ. Ну, и пищея, чай, хорошая и все...

— Разно живу,—сказалъ я.—Иногда—ничего себѣ, живу хорошо, а иногда и худо.

— Чай, на фатерѣ живешь тамъ?

— На квартирѣ.

— А сколько платишь?

— Пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ.

Наступило молчаніе. Что-то холодное и враждебное пахнуло въ комнатѣ.

— Въ мѣсяцъ! Э-э-э!—протянулъ съ удивленіемъ тотъ же старикъ.—Ну, а сколько, къ примѣру, этотъ пинжакъ на тебѣ со штанами стоитъ? Чай, поди, рублей семь?

— Нѣтъ, больше.

— Сколько же?

Мнѣ уже становилось тяжело отвѣчать на разспросы. Но я собрался съ духомъ и отвѣтилъ.

— Семнадцать рублей...

— Семна-а-адцать!..

Старикъ поджалъ губы. Другіе опустили головы и начали разсматривать свои корявые, согнутые пальцы съ черными ногтями. Напрасно бывалый и толковый мужикъ, Павелъ Данилычъ, доказывалъ, что всякая жизнь требуетъ своихъ расходовъ, и то, что въ деревнѣ кажется богатствомъ, въ городѣ—нищета, настроеніе было испорчено. Разговоръ не клеился. Скоро всѣ встали и начали прощаться. Тотъ же лохматый старикъ, проходя мимо моего пальто, провелъ костлявой рукой по его убогому мѣху и, покачавъ головою, сказалъ.

— Слава Богу! Хорошо ты живешь, Степанъ. Слава Богу! Ну, а мы вотъ съ папашей твоимъ худо здѣсь живемъ, ей-Богу худо.

— Будетъ тебѣ! И чего зря болтать!—раздались укоризненные голоса.

Заволновалось, заговорило все село. Каждое услышанное отъ меня слово переходило изъ устъ въ уста, преломлялось въ сознаніи цѣлыхъ сотенъ людей, пріобрѣтало особенный смыслъ и значеніе. Несмотря на то, что о моемъ пріѣздѣ на выборы все село знало уже полгода,—тѣмъ не менѣе, обсуждать это принялись только теперь. „Будетъ ли онъ отстаивать наши нужды въ Думѣ? Какой ему интересъ идти на погибель?“

До меня доходили лишь обрывки этихъ разговоровъ, но и по обрывкамъ можно было судить, что мужицкая мысль работаетъ усиленно. Предположенія были безконечны. Осколки липовскихъ вопросовъ, сомнѣній и надеждъ приносили съ собой новые посѣтители, которые уже успѣли обмѣняться мнѣніями съ другими мужиками, бывшими у меня раньше.

Только къ вечеру освободился я отъ посѣтителей и вышелъ на морозную, всю занесенную снѣгомъ улицу.

Здоровый, полный улей гудитъ непрерывно и дышетъ медовымъ ароматомъ въ свои отверстія. Но улей, тронутый гнильцой, и день, и ночь молчитъ. Около его летковъ пол-

заютъ хилыя, грустныя пчелы; хищники свободно входятъ и выходятъ въ летки, изъ которыхъ несется тяжелый запахъ разложенія, смерти.

Вотъ такое же впечатлѣніе улья, тронутаго гнильцой, производитъ и голодное село. Ни пѣсенъ, ни говора, ни смѣха. Точно нѣтъ тутъ ни парней, ни дѣвокъ, ни рѣзвыхъ мальчишекъ; даже пьяные не поютъ по улицамъ своихъ безобразныхъ пѣсенъ. Выпивъ на голодный желудокъ, они валятся гдѣ-нибудь подъ заборъ и приходятъ домой съ обмороженными носами, ушами и пальцами. Изрѣдка послышится чей-то голосъ, похожій на стонъ, раздастся унылое ржанье голодной лошади или мычанье тощей коровы. Даже собаки потеряли охоту лаять; онѣ только жалобно скулятъ при видѣ прохожихъ, поджимаютъ облѣзлый хвостъ и шевелятъ шерстью на костистой спинѣ. Рѣдкіе огни тускло мигаютъ въ маленькихъ окнахъ. Зажигаютъ лампы не всѣ,—не на что купить керосину. Чистъ морозный воздухъ, но изрѣдка въ немъ проносится струя запаха какой-то зловонной гнили изъ послѣдней избы; отъ этого запаха сразу дѣлается тошно. И долго еще, даже по выходѣ изъ села, этотъ запахъ сверлитъ въ носу и возбуждаетъ тошноту...

Ѣли въ нашей деревнѣ всегда плохо и голодали часто. Голодали всѣ и въ нашей семьѣ. Отецъ по зимамъ нанимался куда-нибудь въ работники или ѣздилъ по окрестнымъ селамъ, чинилъ за гроши бочки, кадушки. Мы же съ матерью оставались дома и грѣли пустые желудки на горячей печи. Сбирать милостыню мы стыдились. Да, впрочемъ, если бы стали просить милостыню тѣ, кому хотѣлось ѣсть, то всѣ стали бы просить другъ у друга. Но мать однажды не вытерпѣла, послала старшую сестру въ сосѣднее село за милостыней. Помню, какъ она плакала, не хотѣла идти. Я сидѣлъ на печи и тоже заплакалъ. Въ первый разъ я понялъ своимъ маленькимъ умомъ всю тяжесть бѣдности и всѣ муки голоднаго стыда. Однако, сестра пошла. Возвратилась она по задворкамъ поздно ночью съ замерзшими сосульками на щекахъ отъ соплей и слезъ. Принесла она три куска мерзлаго хлѣба. Мы его съѣли и легли на печи съ матерью. Она разсказала намъ сказку, въ которой всѣмъ хорошимъ людямъ было хорошо, а дурнымъ худо. И я въ первый разъ въ жизни задался вопросомъ: отчего намъ такъ худо и голодно? Что мы сдѣлали дурного?

Эти мучительныя воспоминанія подгоняли меня. Я ходилъ по темному селу, здороваясь съ каждымъ знакомымъ мѣстомъ и попадая въ сугробы. Каждый домъ, каждый переулокъ, каждая погребица говорили мнѣ старыя слова о вѣковомъ

униженіи, голодѣ и невѣжествѣ деревни, о ея безправіи и безысходныхъ страданіяхъ.

Какъ яркая противоположность, въ моемъ воображеніи рисовался Петербургъ съ его громадными домами, магазинами, театрами. За зеркальными стеклами, облитые электрическими огнями, лежатъ роскошные туалеты, золото, бриллiанты, дорогія вина, картины, статуэтки, изображающія голыхъ женщинъ въ сладострастныхъ позахъ... И вотъ этой культурой гордятся люди! Культурой, которой живутъ три—пять милліоновъ людей, а сто двадцать милліоновъ ѣдятъ хлѣбъ съ землей, живутъ въ вонючихъ избахъ и дохнутъ отъ болѣзней, какъ скотъ въ падежъ.

Такъ жить нельзя. Но...

Фабрики и заводы громыхаютъ своими машинами; мужики пашутъ землю; чиновники пишутъ бумаги; солдаты стрѣляютъ, въ кого имъ прикажутъ,—въ мужчинъ, женщинъ и дѣтей... А Петербургъ сидитъ и приказываетъ всѣмъ ста тридцати милліонамъ. И эти милліоны отдаютъ ему свои послѣднія крохи, льютъ для него потъ и кровь. Потъ и кровь превращаются въ золото, а Петербургъ беретъ это золото полными горстями, швыряетъ его безумно, топчетъ ногами, какъ отжирѣвшій конь топчетъ въ грязь свѣжее душистое сѣно.

А, между тѣмъ, вѣдь онъ слабъ и безсиленъ, этотъ страшный, громадный, сверкающій огнями городъ-повелитель! Онъ безпомощенъ, какъ ребенокъ!

Если завтра мужики изъ сосѣднихъ селъ не привезутъ ему хлѣба, масла и овощей, если прислуга откажется исполнять тамъ свои грязныя работы; если рабочіе на фабрикахъ и заводахъ перестанутъ выдѣлывать для него разныя вещи, а солдаты не будутъ стрѣлять, въ кого имъ прикажутъ,—то завтра же отъ голодной боли заноетъ брюхо гордаго, сильнаго Петербурга, и изъ повелителя онъ превратится въ жалкое существо, которое будетъ лизать руки у мужиковъ, солдатъ и рабочихъ, чтобы они его накормили и защитили... Гдѣ же конецъ этому безумію людей, покоряющихся безсильному и безсердечно-жестокому ребенку?!

Прочный фундаментъ построилъ ты для своей власти, Петербургъ, изъ людского невѣжества и страха. Но растрескался этотъ фундаментъ, и твоей власти грозитъ великое паденіе.

На слѣдующій день село оживилось. Назначенъ сельскій сходъ для выбора десятидворныхъ представителей въ волость по выборамъ въ Думу. Раннимъ утромъ передъ сходомъ ко мнѣ зашелъ мой бывшій товарищъ по школѣ, Аѳанасій

Чекинъ. Онъ повѣдалъ мнѣ тѣ думы, которыми жило и волновалось село вчерашній день и прошедшую ночь.

— Много разныхъ разговоровъ идетъ по селу, Степанъ Семенычъ. Все про тебя, да про Думу говорятъ. Старики боятся. „Первую Думу, говорятъ, разогнали. Пошлемъ мы его, а онъ тоже правительству перечить будетъ; намъ никакой земли и не дадутъ"... Такъ ты старикамъ всѣхъ словъ не говори. Скажи имъ по ихнимъ понятіямъ про землю, про удѣлъ... Ты ужъ знаешь, какъ... Это старики такъ говорятъ, самые темные. Другіе же, большинство, насчетъ другого сомнѣваются. „Зачѣмъ, говорятъ, ему нужно голову свою въ пасть волку совать? Вѣдь ужъ коли въ Думу идти, такъ надо до смерти за народное дѣло стоять". И еще говорятъ: „Если онъ изъ такихъ, изъ соціалистовъ, такъ почему же онъ на волѣ ходитъ, а не въ тюрьмѣ сидитъ? Боимся, не отъ правительства ли онъ подосланъ. Можетъ быть, теперь онъ одно говоритъ, а въ Думѣ-то на сторону правительства перекачнется. Вотъ чего пуще всего боимся"...

Тяжело было мнѣ выслушивать о себѣ эти мужицкія сомнѣнія. Главное — свои люди, тѣ, которые знаютъ съ дѣтства меня и которыхъ я знаю съ дѣтства. Правда, впослѣдствіи я узналъ, что сомнѣнія, — „какъ бы онъ на сторону правительства не перекачнулся" — возбуждались вездѣ и относительно всѣхъ видныхъ кандидатовъ въ Думу. Всюду такимъ людямъ говорилось: „Если ты на сторону правительства откачнешься, а за наши нужды не постоишь,—не возвращайся обратно... Не обезсудь, тебѣ ужъ не жить больше на свѣтѣ"... Какъ ни плохо знаютъ въ нашихъ мѣстахъ о работѣ первой Думы, но слыхали, что „были тамъ такіе мужики, ерогинцы, должно быть, изъ села Ерогина, кои тоже на правительственную сторону перекачнулись..."

Часовъ въ двѣнадцать за мной пришелъ десятникъ, съ бляхой за пазухой и съ палкой въ рукѣ. Я пошелъ на сходъ. Ради такого важнаго случая поплелся со мной и старикъ-отецъ.

Было морозно и свѣтло на улицѣ. Снѣгъ блестѣлъ такъ, что глазамъ было больно. Небо было синее, чистое, и только далекій горизонтъ кудрявился бѣлыми облаками. Галки съ крикомъ перелетали съ одной крыши на другую, жались къ бѣлымъ, освѣщеннымъ стѣнамъ церкви, чтобы погрѣть зазябшее, исхудалое тѣло. Изъ столовой съ чашками и ложками, съ кусками хлѣба за пазухой, расползались по селу старые старики, бабы и дѣти. Со всѣхъ концовъ по улицѣ задумчивой походкой стягивались мужики на всхожую избу, гдѣ собралась уже большая толпа. Тутъ же вертѣлись мальчишки и собаки. Даже коровы и лохматые телята вышли

со двора и, прочищая языкомъ ноздри и помахивая испачканными навозомъ хвостами, съ изумленіемъ пялили на толпу свои выпуклые глаза. И они чувствовали, что сегодня село занято важнымъ вопросомъ, отъ разрѣшенія котораго зависитъ, можетъ быть, и ихъ коровье благополучіе.

Всхожая изба набита людьми. Сидѣли на лавкахъ, на печи, стояли вплотную посрединѣ. Въ переднемъ углу за столомъ сидѣлъ староста, коренастый мужикъ съ большой бородой, и сельскій писарь. Съ палатей свѣшивался цѣлый рядъ дѣтскихъ головокъ съ блестящими отъ любопытства глазами. На меня испытующе смотрѣли сотни сѣрыхъ, выцвѣтшихъ глазъ, круглыхъ, точно у испуганныхъ совъ. На мое привѣтствіе всѣ отвѣтили сдержанно-вопросительно. Сидящіе около старосты потѣснились и уступили намъ съ отцомъ на лавкѣ мѣсто. Староста доложилъ сходу дѣло. Намѣчено семнадцать представителей отъ села Липовки на волостной сходъ по выборамъ въ Думу. Въ числѣ этихъ десятидворныхъ былъ и я. Староста выразилъ надежду, что я пройду въ Думу и буду отстаивать крестьянскіе интересы. Приговоръ составленъ. Нужно его подписать.

— Принимаете, что-ли, старики?

— Принимаемъ! Знамо, принимаемъ!—раздались нерѣшительные возгласы.

— Кто грамотный, выходи, подписывайся,—предложилъ староста.

Толпа мужиковъ качнулась, завозилась. Всѣ начали оглядываться другъ на друга.

— Ты, что ли, Петруха, начинай.

— Да вотъ, чай, Матвѣй...

— Тарасъ! Эй, Тарасъ! Онъ у насъ первый писака. Иди сюда, Тарасъ.

— Да нѣтъ, что мнѣ... Пишите другъ за дружкой, какъ стоимъ.

Изъ толпы съ рѣшительнымъ видомъ протискался маленькаго росту мужикъ, Савелій, бросилъ рукавицы на полъ, засучилъ рукава и протянулъ къ писарю за перомъ корявую руку.

— Давай, што-ли, перо-то...

— Погоди, Савелій,—отстранилъ я его.—Дай слово сказать.

— Брось, Савка, постой!—закричали на него отовсюду:—Слышь, хочетъ слово сказать.

Савелій остался у стола въ ожиданіи и съ засученнымъ рукавомъ.

Мною охватило волненіе, точно школьника на экзаменѣ.

— Слышалъ я, старики, что со времени моего пріѣзда

въ селѣ пошли разные разговоры. Нѣкоторые сомнѣваются во мнѣ, боятся, какъ бы я, попавши въ Думу, не забылъ о мужицкихъ интересахъ...

— По глупости болтаютъ!.. Темнота наша!.. Не мы говоримъ—горе наше говоритъ!..—раздались голоса изъ толпы.

— А всетаки мнѣ хочется поговорить съ вами обо всемъ на чистоту...

— Правда! Ну, вотъ спасибо тебѣ. Оно такъ-то лучше завсегда.

Опять настала выжидательная тишина. Прямѣе всѣхъ смотрѣло на меня недоумѣвающее Савельево лицо. Лицо у Савелья отличается одной особенностью: на немъ всегда скрыта добрая улыбка, будто видишь улыбающагося человѣка за кисейной занавѣской. Занавѣской для его улыбки служатъ густыя брови, клочки бороды, рѣдкіе усы и пупочкой носъ. Улыбка прячется за нихъ и видна ясно только черезъ сѣрые влажные глаза.

При взглядѣ на Савельеву улыбку я какъ-то сразу успокоился и началъ говорить. Я говорилъ, что мой единственный интересъ въ Думѣ—отдать на служеніе народу свои знанія и силы. Мои политическія убѣжденія сложились не въ довольствѣ и роскоши, а въ бѣдности, въ тяжелой жизненной борьбѣ. Бѣдность—хорошій учитель, и завѣтовъ этого учителя я не забуду до могилы.

— Кромѣ того,—закончилъ я,—я уѣду отъ васъ, а вотъ здѣсь останется мой отецъ. Могу-ли я опозорить измѣной народу его старую голову?..

Должно быть, сказанное мною было убѣдительно. Собраніе радостно встрепенулось, зашумѣло, заговорило.

— Нѣтъ, что и говорить, рази можно! Ты ужъ не сердись, Степанъ Семенычъ! Если кто и произнесъ такія слова, такъ по глупости! Ужъ больно затравили насъ,—другъ друга боимся.

Мужики на перебой потянулись теперь подписывать приговоръ. Корявыя руки плохо слушались своихъ хозяевъ. Перо брызгало, дѣлало кляксы. Изъ толпы сыпались добродушныя шутки надъ „писаками“. А листъ покрывался ужасными каракулями, точно по нему долго ходили грязными ногами безтолковыя куры.

Вечеромъ поднялся страшный буранъ. И безъ того слабое, заброшенное въ степяхъ село, во время бурана оно кажется еще болѣе слабымъ и несчастнымъ. Всѣ забились въ грязныя избы и со страхомъ прислушиваются къ вою бури и къ звону церковнаго колокола. Можетъ быть, на поляхъ теперь плутаютъ по снѣжному морю люди и замерзаютъ въ одинокомъ и безсильномъ отчаяніи. Удары коло-

кола рѣдкіе, безнадежно тоскливые. Кажется, что колокольные звуки сами сознаютъ свою слабость передъ всесильной бурей; зародившись наверху, они бросаются съ колокольни внизъ и со страхомъ торопятся скрыться гдѣ-нибудь поблизости. А буря шумитъ и гремитъ въ полѣ, падаетъ на село снѣжной лавиной и ходитъ по улицамъ съ побѣднымъ воемъ и свистомъ.

Несмотря на буранъ, вечеромъ состоялось собраніе. Мужики входили въ избу, точно масляничныя снѣжныя бабы, отряхали снѣгъ съ тулуповъ, шапокъ, бородъ, отчего у двери образовался толстый снѣжный пластъ, который соскоблили скребкомъ.

Съ напряженнымъ вниманіемъ слушали всѣ мое сообщеніе о дѣятельности первой Думы, прерывая изрѣдка восклицаніями:

— Вишь ты! А вѣдь намъ здѣсь совсѣмъ не такъ разсказывали. Съ толку сбивали. Въ „Сельскомъ Вѣстникѣ" писали, что депутаты совсѣмъ и земли-то мужикамъ не требовали.

Буря стучалась въ стѣны, выла надъ потолкомъ, била снѣгомъ въ окна. Иногда колоколъ испуганно, торопливо звучалъ совсѣмъ близко, точно подъ самыми окнами. Всѣ невольно вздрагивали, оглядывались назадъ. Потомъ колокольный звонъ улеталъ куда-то далеко и слышался, точно стонъ замерзающаго человѣка.

Когда зашла рѣчь о землѣ, о мужицкихъ нуждахъ, то всѣ начали говорить вразъ, не слушая другъ друга, махали руками, и на исхудалыхъ, корявыхъ лицахъ проступило выраженіе мучительной боли и злобнаго отчаянія. Такъ кричатъ и стонутъ больные; стонутъ не потому, что хотятъ, чтобы ихъ услышали, а просто потому, что крикъ, стоны и ругательства заглушаютъ боль. Около меня махалъ руками рыжій мужикъ съ толстой бородой и выкрикивалъ:

— Имъ гоже такъ говорить. На словахъ-то у нихъ все Христосъ да царь. А гдѣ у нихъ Христосъ въ дѣлахъ?! Всѣхъ насъ бьютъ да тѣснятъ; слова сказать не даютъ, въ тюрьму тащатъ... Слышно, и разстрѣливаютъ... И про царя они напрасно говорятъ. Имъ при царѣ тепло живется, ну вотъ они и кричатъ много про царя. Если они къ царю привержены, такъ гдѣ же манифестъ-то царскій о свободахъ, куда они его дѣвали? Въ нужное мѣсто бросили! Эхъ, вы, христопродавцы! Все туману въ деревню пускаютъ, чтобы мы другъ друга не видѣли. Будетъ ужъ, понимаемъ, что значитъ—за вѣру, царя и отечество! Это значитъ—не шевелись, молчи и издыхай...

Другіе тоже выкрикивали смѣлыя слова. То и дѣло слы-

шалось: „Министры! Царь! Мы видимъ! Ровно пеленка съ глазъ упала! Только бы намъ знать обо всемъ доподлинно! Ты намъ, Семенычъ, газету присылай... Книжку, газету, газету! Газету хорошую, гдѣ правда пишется!“

Подъ этотъ шумъ и гамъ мнѣ вспомнилось, что когда прошлымъ лѣтомъ ѣхалъ я изъ Севастополя въ Москву со скорымъ поѣздомъ,—вдоль полотна желѣзной дороги то съ той, то съ другой стороны появлялись мужики, бабы, парни, дѣвки, дѣти, махали руками и что-то кричали. А что кричатъ, никакъ не поймешь. Поѣздъ мчится быстро, и вмѣстѣ съ грохотомъ колесъ въ окно врывается одно только настойчивое, молящее:

— А-а-а! Га-а-а!

Если не глядѣть въ окошко, то кажется, что отъ самаго Севастополя кто-то бѣжитъ за поѣздомъ, не отставая, и черезъ каждую минуту выкрикиваетъ:

— А-а-а! Га-а-а!

И только въ полдень на другой день, подъѣзжая къ какой-то станціи, я разобралъ, что выкрикиваютъ вдоль желѣзной дороги:

— Газету! Газету!

Десять лѣтъ ѣзжу я по Россіи съ сѣвера на югъ и съ запада на востокъ, а этотъ крикъ слышу въ первый разъ. Казалось, вся русская деревня собралась къ полотну желѣзной дороги, машетъ отчаянно руками и кричитъ:

— Газету, газету!

Это было въ началѣ іюля, когда Петербургъ уже копалъ могилу первому народному представительству. Чуяло народное сердце измѣну и нервно, настойчиво кричало:

— Дайте намъ знать о томъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ. Какой-же помощи ждете вы отъ насъ, если мы не знаемъ, что вы сдѣлали и что хотите дѣлать? Газету, газету, правдивую газету!

Недалеко отъ станціи стоялъ, махалъ руками парень лѣтъ семнадцати и, точно загипнотизированный, повторялъ одно и то же слово, которое онъ выкрикиваетъ около желѣзной дороги, вѣроятно, уже цѣлый мѣсяцъ.

— Газету, газету!

Изъ окна передняго вагона упалъ бѣлый газетный листъ и развернулся у самыхъ колесъ вагона. Я успѣлъ прочитать заглавіе: „Московскія Вѣдомости“.

Извольте, вотъ вамъ правдивая газета!

Парень схватилъ газетный листъ и побѣжалъ къ сосѣднему перелѣску. Тамъ жали рожь мужики и бабы. Они обступили парня съ газетой и стали слушать...

Поѣздъ остановился на минуту и снова съ грохотомъ и

свистомъ помчался дальше. Я въ волненіи ходилъ по вагону. А въ окнахъ опять звенѣлъ настойчивый крикъ:

— Газету, газету!

Когда собраніе нѣсколько успокоилось, нѣкоторые изъ грамотныхъ мужиковъ завели разговоръ о соціализаціи земли.

— Теперь многіе совѣтуютъ, чтобы землю нельзя было покупать и продавать. Кто хочетъ трудиться на ней—трудись; не хочешь—другому уступай! Ну, какъ это по твоему, Семенычъ? Хорошо, ай нѣтъ?

— По моему, хорошо, не знаю, какъ по вашему.

— Да вѣдь и по нашему выходитъ тоже не худо. Только мы все думаемъ, нѣтъ ли тутъ намъ, мужикамъ, какого обману? Вонъ земскій, такъ тотъ говоритъ, что это намъ во вредъ будетъ. Теперь, говоритъ, ты самъ себѣ хозяинъ, а тогда тебя каждый съ твоего мѣста согнать можетъ...

Когда всѣ уяснили себѣ, въ чемъ заключается соціализація земли, то одобрили.

— Это бы очень хорошо! Куда лучше...

Только одинъ мужикъ, Сорокинъ, упрямо отказывался высказать свое мнѣніе. Онъ твердилъ одно:

— Не выйдетъ это дѣло никогда. Какъ было, такъ и будетъ. Нечего и толковать...

Однако, въ обсужденіи вопроса, сколько можетъ обработать своими силами одинъ работникъ съ женой, тотъ же Сорокинъ принялъ самое горячее участіе.

— Да вѣдь по десяти десятинъ на человѣка, надо быть, обработаемъ,—сказалъ онъ.

При этомъ его закорузлые пальцы зашевелились, глаза прищурились, точно онъ смотрѣлъ въ далекое поле на десять десятинъ черной, влажной своей земли; ноздри его расширились, будто уже обоняли запахъ ея весеннихъ испареній. Но другіе мужики съ нимъ не согласились. Рѣшили, что по пяти десятинъ на работника за глаза достаточно. Сорокинъ уныло опустилъ свою лохматую голову въ землю.

Поздней ночью разошлось собраніе. Уходили всѣ съ какими-то просвѣтленными лицами.

— Спасибо тебѣ, Степанъ Семенычъ. Ужъ вотъ какъ ты насъ этимъ разговоромъ ублаготворилъ, что лучше всякаго угощенья. Кабы намъ почаще такіе разговоры! Эхъ, темнота наша, темнота!

При выходѣ изъ дома, въ сѣняхъ, мнѣ сунулъ въ руку серебряный рубль тотъ самый молодой мужикъ, который все озлоблялся на правительство.

— Купи мнѣ книгъ,—прошепталъ онъ.

— Какихъ же тебѣ книгъ?

Мужикъ замялся, подумалъ и сказалъ:

— Не знаю. Тебѣ виднѣе. Только купи такихъ, гдѣ бы вся наша жизнь къ чорту отрицалась. Правительство, леригія—надоѣло все... Такъ вотъ, какъ это по новому устроить?.. Такихъ книжекъ купи.

Неохотно расползались мы по домамъ, подъ вой бури и унылые звуки колокола. На улицахъ лежали громадные сугробы снѣгу. Нѣкоторые дома уже попрятались въ волнахъ безконечнаго снѣжнаго моря.

— — — —

Двѣнадцатаго января въ селѣ Студенцахъ былъ волостной сходъ для выбора уполномоченныхъ. Мы выѣхали туда раннимъ утромъ. Было морозно и свѣтло. Недавняя мятель покрыла поля толстыми волнами снѣгу, закидала овраги, залѣпила лѣсныя опушки. Морозный поземокъ съ сердитымъ шипѣньемъ ползаетъ и перетягиваетъ дорогу поясами изъ мелкаго снѣжнаго песку. Узкая, еще дѣвственно-чистая дорога устало вьется между снѣжными волнами безъ надежды дойти до ближайшаго села. Если приходится свернуть съ дороги при встрѣчѣ, то лошади вязнутъ по брюхо и долго барахтаются въ снѣгу, пока опять не выберутся на узкій путь.

Село Студенцы расположено на глинистыхъ буграхъ по сухимъ оврагамъ рѣки Безенчуга. Съ каждой весной, съ каждымъ проливнымъ дождемъ глинистые овраги все обваливаются, ширятся и подбираются ближе къ домамъ. Дома пятятся отъ нихъ со страхомъ, толпятся на валобинахъ холмовъ, точно стадо овецъ передъ волками, и всѣми своими глазами смотрятъ въ разинутыя глиняныя пасти. Глиняные рвы подползаютъ къ домамъ медленно, увѣренные въ томъ, что жертвы отъ нихъ дальше никуда не уйдутъ. Кромѣ того, овраги пустили отъ себя въ глубь села новыя вѣтки; эти вѣтки расползаются по улицамъ, пересѣкаютъ ихъ, точно западни, и дѣлаютъ непроходимыми.

Что-то безконечно грустное въ этой безпомощности большого села передъ глинистыми рвами, въ безропотной покорности цѣлыхъ милліоновъ людей передъ всѣми стихіями: засухи, бураны, пожары, саранча, обваливающіеся рвы, наконецъ, самая правительственная власть, которая тоже, какъ безграничная, беззаконная стихія со своими генералъ-губернаторами, стражниками и казаками бушуетъ на русскихъ поляхъ, а десятки милліоновъ людей въ страхѣ толпятся передъ ними, какъ стада безтолковыхъ животныхъ. За то и самъ народъ мститъ своимъ притѣснителямъ тоже, какъ буй-

ная стихія. Воистину, Россія еще не вышла изъ области стихійныхъ отношеній.

Медленно на тощихъ клячахъ подъѣзжалъ къ волостному правленію изъ сосѣднихъ селъ народъ. Волостное зданіе кругомъ обставлено сугробами, и только у дверей въ снѣгахъ прорытъ подъѣздной путь.

Къ часу собраніе было объявлено открытымъ. Собралось девяносто пять человѣкъ. Приготовили баллотировочный ящикъ и накрыли его какой-то тряпкой. Волостной писарь прочиталъ отъ губернатора бумагу съ извѣстными „разъясненіями“ сената и удалился.

— Ну, старики, сговоритесь, кого желаете уполномочить отъ нашей волости,—предложилъ старшина.

— Да вѣдь кого намъ: вотъ Степана Семеныча пошлемъ. Онъ знаетъ дѣло и наши нужды застоитъ,—раздались голоса.

— Согласны ли, старики, послать Кондурушкина?—спросилъ старшина.

— Согласны, согласны!

— А другого кого же?

— Другого Семенова.

— Согласны ли, старики, другого Семенова?

— Согласны.

— Ну, теперь будемъ баллотировать.

— Чего тамъ баллотировать. Пустое дѣло. И такъ гоже, безъ шаровъ. Это—господская затѣя, шары... Мы по совѣсти посылаемъ, отъ души,—слышались голоса.

— Никакъ нельзя, старики,—сказалъ я.—Надо баллотировать шарами. Иначе наши выборы будутъ сочтены незаконными.

— Ну, тогда инъ ладно. Шары покатаемъ, потѣшимъ начальство.

Минутъ черезъ пять меня позвали въ собраніе, чтобы произвести при мнѣ подсчетъ шаровъ. Оказалось—85 избирательныхъ и 10 неизбирательныхъ. А. И. Семеновъ получилъ 75 направо и 20 налѣво. Больше кандидатовъ не выставляли, и сходъ былъ закрытъ.

Я попросилъ слова и сказалъ о томъ, что если мы посылаемъ депутатовъ, то на этомъ наше дѣло не кончилось. Мы должны и здѣсь на мѣстахъ работать такъ же, какъ и они тамъ, въ Думѣ. Для этого мы должны объединяться и обсуждать, какъ можно помочь дѣлу. Безъ народной же поддержки значеніе депутатовъ ничтожно. Правительство не желаетъ удовлетворить народныя нужды и будетъ бороться съ народомъ до послѣдней крайности. И нужно, чтобы депутаты чувствовали за собой крѣпкую опору въ лицѣ тѣхъ, кто ихъ выбралъ, чтобы они свободно и смѣло могли бо-

роться съ правительствомъ и бросить ему въ лицо народное негодованіе...

Сухія, волосатыя лица, воспаленные глаза, открытые отъ напряженнаго вниманія рты. Глаза многихъ блестятъ слезами, лица дрожатъ негодованіемъ. Я чувствую, что спазмы давятъ мнѣ горло, и бросаю говорить. Нѣсколько мгновеній собраніе ждало, не скажу ли я еще чего-нибудь, потомъ зашумѣло.

— Поддержимъ, какъ сумѣемъ! Да и ты насъ не оставляй, коли въ Думѣ будешь... Чтобы мы знали, какъ тамъ дѣло идетъ. Тогда, можетъ, и придумаемъ, что намъ дѣлать.

Подходитъ ко мнѣ сгорбленный старикъ, весь пепельно-сѣрый: сѣрое лицо, сѣрая борода и сѣрый, отъ древности, овчинный полушубокъ. Онъ разогнулся, поднялъ на меня слезящіеся съ красными жилками глаза, взялъ костлявыми пальцами меня за руки и, видимо волнуясь, сказалъ:

— Все не вѣрю я, сынокъ. Болтаютъ теперь, что быдто самъ царь не хочетъ намъ землю и волю давать. Быдто и царь вмѣстѣ съ министрами да помѣщиками. Такъ ты, будешь въ Думѣ, скажи ему лично, царю-то, что вотъ, молъ, какъ народъ хресьянскій живетъ, вотъ какъ бѣдствуетъ. Смерть— лучше...

Старикъ заплакалъ; голова его затряслась отъ волненія.

— И ужъ если послѣ этого то же будетъ,—продолжалъ старикъ,—если и послѣ того облегченья намъ не будетъ, тогда... Тогда ты напиши намъ, сынокъ. Самъ-то я помру скоро, только я внукамъ своимъ закажу, заклятье положу на нихъ, чтобы никому не вѣрили, никому, кромѣ Бога...

— Я же не депутатъ еще, дѣдушка.

— Тебя выберутъ, это вѣрно говорю, выберутъ.

— Потомъ, царь депутатовъ не принимаетъ и не выслушиваетъ. Вонъ, въ прошломъ году даже предсѣдателя самой Государственной Думы не принялъ. А предсѣдатель-то вотъ и хотѣлъ про народныя нужды разсказать...

— Не принялъ, говоришь?—удивленно спросилъ старикъ.

Это извѣстіе, видимо, его поразило. Онъ не нашелъ, что сказать, и, опустивъ голову, привалился сгорбленной спиной къ горячей печкѣ.

Черезъ часъ я уже ѣхалъ въ сосѣднее село Ольгино. Надъ снѣжнымъ полемъ спускался тусклый зимній вечеръ. Тощая, мохнатая, пятнистая лошаденка, похожая на корову, бѣжитъ только до тѣхъ поръ, пока кучеръ подхлестываетъ ее кнутомъ. Когда же онъ перестаетъ хлестать, лошадь сразу останавливается и оглядывается вопросительно назадъ. Наконецъ, кучеру надоѣло хлестать. Ему хочется поговорить

Посвистывая и почмокивая на лошадь, чтобы та не забыла совершенно о сѣдокахъ, онъ обернулся ко мнѣ.

— Скажи, пожалуйста, Степанъ Семенычъ, когда это къ намъ въ Расею свобода придетъ? А?

— Свобода ни откуда придти не можетъ,—отвѣчаю я.— Свободную жизнь создаютъ себѣ сами люди.

Кучеръ помолчалъ, видимо что-то обдумывая. Потомъ лукаво улыбнулся и сказалъ:

— Теперь, выходитъ такъ, что правительство насъ уму-разуму учитъ..

— Какъ такъ?

— Да очень просто. Спасибо ему, правительству-то. Видитъ оно, что мужикъ не совсѣмъ въ разумъ вошелъ, битъ, значитъ, мало. Ну, и послало къ намъ стражниковъ да казаковъ. И стали они надъ нами измываться... Били они насъ, били—и вѣдь, что-ты, привели въ разумъ! Теперь даже старые старики и тѣ образумились. „Э-э-э, говорятъ. Такъ-то вы объ насъ заботитесь. Ну, ладно, и мы объ васъ позаботимся". Только, думаю я,—замѣтилъ онъ грустно,—мы-то такъ ужъ и сдохнемъ въ голодѣ да въ грязи. Вотъ развѣ наши дѣти получше жить будутъ... Большая ихняя сила. Не скоро ее сломишь. Весь міръ неправдой живетъ. Какъ ты ее, правду-то, скоро разыщешь.

Кучеръ снова принялся хлестать лошадь. Поѣхали рысью.

— Вотъ въ Натальинѣ у графа Орлова-Давыдова на землѣ озера есть,—началъ онъ послѣ долгаго молчанія.—Пойдутъ мужики рыбу ловить, а казаки ихъ забираютъ да плетями бьютъ. „Какъ это такъ, вашбродь", говорятъ управляющему, „почему насъ забираете, за что бьете? Вода-то, она Богомъ для всѣхъ дана".—„Вода, говоритъ, ваша, а рыба наша". Вотъ ты и поди. Неправда на землѣ...

Вотъ и Ольгино. Широкая прямая улица, а въ обѣ стороны видна тусклая степь. Сани остановились передъ замерзшими, освѣщенными окнами. Это домъ Демидова, моего школьнаго товарища.

Я не буду описывать моихъ путешествій по селамъ и деревнямъ, встрѣчъ и разговоровъ съ мужиками, учителями, попами, купцами. Я потороплюсь увести читателя въ городъ, гдѣ разыгрались послѣднія два дѣйствія предвыборной драмы.

При переѣздахъ изъ села въ село, при разговорахъ и встрѣчахъ мнѣ часто приходила на память легенда о Фригійскомъ царѣ Мидасѣ, у котораго были ослиныя уши. Онъ никому не показывался, и весь народъ считалъ его бо-

гомъ, строилъ ему храмы и приносилъ жертвы. Когда Мидасъ совсѣмъ обросъ волосами, то къ нему рѣшились, наконецъ, позвать цырюльника. Цырюльникъ, къ своему удивленію, увидѣлъ, что тотъ богъ, которому всѣ поклоняются, имѣетъ ослиныя уши. Но цырюльнику было сказано, что если онъ хоть кому нибудь сообщитъ о томъ, что видѣлъ, то будетъ вздернутъ на висѣлицу!

Долго мучился бѣдный цырюльникъ, не спалъ, не ѣлъ, все думалъ, какъ бы избавиться отъ страшной тайны и открыть народу глаза. Будучи, наконецъ, не въ силахъ бороться съ собой, онъ пошелъ въ поле, вырылъ тамъ ямку и съ наслажденіемъ нѣсколько разъ повторилъ роковыя слова:

— У правителя Мидаса ослиныя уши!..

И ушелъ съ поля облегченнымъ.

Пришла весна. На томъ мѣстѣ, гдѣ цырюльникъ повѣдалъ землѣ свою тайну, выросла былинка. Къ осени былинка засохла. Когда подулъ осенній вѣтеръ, былинка закачалась и, качаясь, начала говорить:

— У правителя Мидаса ослиныя уши!..

И весь народъ узналъ, что у Мидаса ослиныя уши, пересталъ ему поклоняться и считать богомъ.

Эта замѣчательная легенда преслѣдуетъ мое воображеніе. „У правителя Мидаса ослиныя уши!"—поетъ снѣжная русская равнина. Въ лукавой улыбкѣ кучера, которая свѣтитъ сквозь заиндевѣвшую бороду, я тоже читаю эти роковыя слова. Намѣренно-глупое лицо мужика безъ словъ выдаетъ, что весь русскій народъ узналъ секретъ цырюльника и видитъ ясно ослиныя уши Мидаса русской жизни, его абсолютнаго правительства.

Встрепенулось съ гнѣвомъ и страхомъ русское правительство. Кто сообщилъ темному русскому народу про его ослиныя уши?! Куда скрылся негодяй цырюльникъ?!

И вотъ, въ дикой злобѣ, оно ищетъ своими скорострѣльными судами по всей русской землѣ предателя-цырюльника, казнитъ сотни людей, въ надеждѣ, что между ними попадется и коварный цырюльникъ.

А снѣжная русская равнина со смѣхомъ поетъ всякому: „У правителя Мидаса ослиныя уши!"..

А пятнадцать лѣтъ назадъ она совсѣмъ еще объ этомъ не знала.

С. Кондурушкинъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Первый митингъ.

(Изъ записной книжки).

I.

... Шесть пріятелей были сильно заинтригованы тѣмъ, что собирается имъ сообщить Мэйполъ, онъ же «Боченокъ»; они собрались раньше назначеннаго срока, какъ было условлено, у Джимм. И такъ какъ Мэйполъ не приходилъ, то каждый старался заняться, чѣмъ могъ. Круглоголовый Блоаръ, или «Джинджеръ» (Рыжикъ), сосредоточенно нахмуривъ брови, собирался строить желѣзную дорогу. Онъ расчистилъ мѣсто на полу и методически соединялъ отдѣльныя рельсы. Длинноногій, черноволосый Херстъ развалился на диванѣ и весь ушелъ въ чтеніе ярко размалеваннаго юмористическаго журнала «Бездна остроумія». А въ другомъ углу дивана все вниманіе краснощекаго, вихрастаго Спранта захватилъ нумеръ юмористическаго журнала «Пакъ». До журналовъ этихъ англійскіе мальчики такъ же падки, какъ болѣе молодое поколѣніе до ужасныхъ туземныхъ конфектъ, носящихъ выразительное названіе— шотландскіе камни. Въ обоихъ журналахъ изъ недѣли въ недѣлю дѣйствуютъ одни и тѣ же лица, съ которыми случаются разныя приключенія. Въ «Пакъ» это, прежде всего, изобрѣтатель профессоръ Радіумъ, съ густыми бакенбардами, обгорающими каждый разъ при неудачныхъ опытахъ. Радіумъ имѣетъ замѣчательныя идеи, но въ его планахъ всегда что-нибудь не предусмотрѣно. Вотъ почему всѣ изобрѣтенія кончаются очень плачевно для профессора. Затѣмъ, на страницахъ «Пака» систематически выступаютъ: компанія проказливыхъ уличныхъ мальчишекъ «Кэйзи Коортъ», молодые люди Ньюливэдъ и необыкновенно хитрый попугай Полли. Дѣянія всѣхъ этихъ героевъ грубоваты; остроумныя «инструкціи» состоятъ, прежде всего, въ громадной дозѣ увѣсистыхъ затрещинъ; но за то скабрезный элементъ совершенно отсутствуетъ. На него нѣтъ даже намека.

Шустрый, подвижной, какъ ртуть, и рябенькій, какъ воробьиное яйцо, ирландецъ Макъ-Мэйнусъ, или «Мэкки», углубился въ

чтеніе одного изъ тѣхъ альбомовъ, которые такъ охотно подносятъ англичанки дѣтямъ своихъ пріятелей. Альбомъ назывался «Мои взгляды» и имѣлъ цѣлью, какъ вся система воспитанія въ Англіи, пробудить индивидуальность въ мальчикахъ. Иногда Мэкки отрывался отъ альбома и задавалъ вопросъ, касающійся похожденій обычныхъ героевъ на страницахъ юмористическихъ журналовъ.

— Что дѣлаетъ старый Радъ (Радіумъ?)

— Чудитъ!—лаконически отвѣчалъ Херстъ.

Жанъ и Джими играли въ «лорды». Мальчики подняли свои большіе отложные воротнички, отогнули жилеты, достали съ вѣшалки цилиндръ и котелокъ и взяли въ зубы палочки, вмѣсто сигаръ. Жанъ назывался лордомъ «Фидестикъ» (т. е. «Глупцовъ»), а Джими—лордъ Пимпернель.

— Каково ваше мнѣніе о школьномъ биллѣ? — спрашивалъ лордъ Пимпернель.

— У меня, знаете, голова мягкая,—растягивалъ слова лордъ Фидестикъ. — Думать мнѣ вредно. Епископъ мнѣ сказалъ, что билль—ерунда все. Я вотъ на счетъ лошадей... Представьте,—оживился вдругъ лордъ,—такой лошади никто не видалъ.—Мальчики пытаются говорить серьезно, но не выдерживаютъ роли и хохочутъ. Оба они—иностранцы. Жанъ—французъ. Джими — русскій. Собственно говоря, зовутъ его Яша, но такъ какъ англичане не могутъ выговорить это имя, то оно было замѣнено равнозначущимъ «Джими». Что же касается фамиліи, то въ школѣ мальчики съ перваго же момента передѣлали ее въ Skotch Whisky, и она превратилась въ кличку.

Всѣ шесть мальчиковъ въ возрастѣ отъ 10 — 11 лѣтъ и всѣ учатся въ одной и той же старинной школѣ St. Paul's, насчитывающей въ числѣ своихъ бывшихъ воспитанниковъ много великихъ людей, прославившихъ Англію въ разные вѣка. Въ спискѣ этомъ значится геніальный поэтъ и безстрашный борецъ за гражданскую свободу Мильтонъ. Всѣ мальчики учатся въ одномъ подготовительномъ отдѣленіи, въ Colet Court, составляющее первые четыре класса St. Paul's; но не въ однѣхъ и тѣхъ же «формахъ». Въ большихъ англійскихъ Public Schools, т. е. гимназіяхъ, каждый классъ дѣлится на три «формы». Предметы, преподаваемые въ ней, мальчикъ со средними способностями можетъ усвоить въ одинъ «термъ», т. е. въ треть учебнаго года. Каждый термъ, послѣ письменныхъ работъ, мальчики переводятся въ старшую форму. Такимъ образомъ, если мальчикъ проболѣлъ мѣсяцъ,—отсталъ отъ класса, неудовлетворительно выполнилъ письменныя работы на экзаменахъ и остался, то онъ теряетъ не годъ, какъ у насъ, а только три мѣсяца.

Всѣ шесть мальчиковъ не только учатся въ той же школѣ, традиціями которой очень гордятся, но и живутъ всѣ въ Вудстокъ-Паркѣ, въ одномъ изъ лондонскихъ кварталовъ, имѣющемъ свою

собственную физіономію. Въ Вудстокъ-Паркъ, далеко на западный берегъ лондонскаго океана кирпичныхъ домовъ, забрались тѣ, которымъ не приходится регулярно каждый день въ опредѣленный часъ отправляться въ Сити, въ контору или въ банкъ. Вудстокъ-Паркъ представляетъ рядъ улицъ, обстроенныхъ красивыми кирпичными домами, обвитыми плющемъ. Улицы эти не похожи на безконечные закопченные корридоры, которые такъ подавляютъ иностранцевъ въ Лондонѣ. Населеніе, состоящее изъ актеровъ, художниковъ, писателей, пытается наложить и на дома свою собственную индивидуальность. На протяженіи цѣлыхъ улицъ, здѣсь нѣтъ ни одной лавки, ни одного кабака или «Мюзикъ-холла». Это придаетъ Вудстокъ-Парку совсѣмъ деревенскій характеръ. Сюда не заглядываютъ странствующіе уличные религіозные проповѣдники. Армія Спасенія не является съ гикомъ и барабаннымъ боемъ «обстрѣливать діавола»; «капитаны» ея не требуютъ отъ населенія Вудстокъ-Парка, чтобы оно немедленно сдѣлало выборъ между огнемъ вѣчныхъ мукъ и блаженствомъ пребыванія въ раю. Общественные инстинкты у мальчиковъ развиты сильно. Всѣ пріятели, живущіе въ Вудстокъ-Паркѣ и учащіеся въ Colet Court, отправляются туда непремѣнно вмѣстѣ. Они собираются къ условленному поѣзду электрической дороги и стараются занять непремѣнно отдѣльный вагонъ. Одно и то же увлеченіе, какъ эпидемія кори, охватываетъ всѣхъ мальчиковъ. Сперва они увлекались моделями машинъ. Тогда всѣ возились съ рельсами, игрушечными шатунами, котлами, зубчатыми колесами. Въ Лондонѣ есть спеціальные магазины, гдѣ можно имѣть отдѣльныя части моделей, изъ которыхъ мальчики потомъ составляютъ различныя машины. И въ эти магазины относился каждый пенни. Конечно, все стараніе мальчиковъ было направлено на то, чтобы устроить такую машину, которая работала бы. Вотъ почему въ этотъ періодъ они постоянно возились съ метиловымъ спиртомъ. И это продолжалось до тѣхъ поръ, покуда въ рукахъ Мэкки взорвался крошечный котелъ, а Рыжикъ обжегъ себѣ все лицо спиртомъ. Тогда на смѣну явилась электрическая манія. Мальчики таскали въ карманахъ электрическіе звонки, лампочки, маленькія сухія батареи и пр. Устроили даже своего рода электрическую сигнализацію при встрѣчѣ другъ съ другомъ. Увлеченія у мальчиковъ были одни и тѣ же; если ихъ раздѣляло что-нибудь во взглядахъ, то только отношеніе къ Оксфорду и Кэмбриджу въ «Боѣ голубыхъ», т. е. въ рѣчныхъ гонкахъ, происходящихъ каждую весну на Темзѣ между студентами старинныхъ университетовъ. «Рыжикъ» и Мэкки были за Оксфордъ и передъ гонками носили темноголубые банты, цвѣтъ университета. Остальные стояли за Кэмбриджъ и отдавали поэтому предпочтеніе свѣтлоголубымъ цвѣтамъ.

Недѣли за три до того, какъ собрались всѣ шесть мальчиковъ, одинъ изъ школьныхъ товарищей ихъ, изъ другого квартала,

явился въ классъ съ предложеніемъ, которое произвело сенсацію. Дѣло шло о поступленіи въ «Лигу не курящихъ». Маленькій агитаторъ подбивалъ товарищей записаться въ Лигу и дать «торжественное обѣщаніе», что до 21 года не будутъ дотрагиваться до табака. Отъ Лиги всѣмъ сочленамъ выдавался значекъ для ношенія на груди и «дипломъ». У мальчиковъ изъ Вудстокъ-Парка проснулось соревнованіе. Имъ тоже захотѣлось имѣть свое собственное «общество»; но никакъ не могли придумать, на чемъ бы остановиться. Наконецъ, Мэйполъ, который считался авторитетомъ въ вопросахъ политики, такъ какъ отецъ его былъ членъ парламента,—заявилъ, что у него есть планъ и предложилъ пріятелямъ собраться на митингъ.

II.

Мэкки перелистывалъ альбомъ Джими. Тамъ значились такіе вопросы: «Чѣмъ вы хотѣли бы быть?» «Что вы считаете счастьемъ?» «Какія несправедливости вы желали бы устранить изъ жизни?» «Какой вашъ любимый герой въ книгахъ?» «Кто вашъ любимый поэтъ?» и пр. На всѣ эти вопросы Джими добросовѣстно далъ отвѣтъ, какъ только пріятельница преподнесла ему альбомъ. Отвѣты порой могли бы вызвать улыбку своею неожиданностью и смѣсью серьезности съ дѣтской наивностью. Джими писалъ, что желаетъ быть «путешественникомъ», что «счастьемъ» считаетъ «править автомобилемъ» и что желалъ бы уничтожить «бѣдность и смертную казнь». Любимымъ своимъ героемъ въ книгахъ онъ призналъ Жана Белэна *).

— Ну, нѣтъ. Мой герой — Улфъ-Тонъ,—авторитетно заявилъ Мэкки. Какъ ирландецъ, онъ высоко чтилъ революціонеровъ, прославившихся во время возстанія 1798 г. Въ школу разъ онъ явился съ такой пѣсенкой:

„God save our tabby cat,
Feed him on bacon and fat,
God save our cat".

(Боже, храни нашего рябого кота. Корми его саломъ и ветчиной. Боже, храни нашего кота). Это была пародія на національный гимнъ:

„God save our gracious King,
Long live our noble King,
God save the King".

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на континентѣ изъ-за этого подняли бы политическое дѣло, несмотря на то, что «преступнику» шелъ

*) Изъ очень популярной книги де-Брея — „Aventures d'un petit Parisien".

только десятый годъ. Во всякомъ случаѣ, его прогнали бы изъ гимназіи за lèse majesté. Когда директоръ или, какъ мальчики любовно называли его, «Сэми» услыхалъ пѣсенку, онъ сказалъ: «Не говорите глупостей, Мэкъ-Мэйнусъ» и объяснилъ ему, почему пародія неумѣстна. Этимъ дѣло и кончилось.

— Почему курица перелетаетъ *черезъ* рѣку, а не *сквозь* стѣну?—оторвался Спрантъ отъ журнала, въ которомъ только что вычиталъ этотъ вопросъ.

— Потому что она увидала на улицѣ равнаго себѣ по уму Спранта,—сразу отвѣтилъ Мэкки,—и хочетъ скорѣе присоединиться къ нему.

Мэкки просмотрѣлъ альбомъ и искалъ, чѣмъ бы заняться.

— Scotch Whisky, что это за странная буква, похожая на Р, которое стало на голову и задрало ногу кверху?—спросилъ онъ, указавъ на заголовокъ русской газеты.

— Это «мягкій знакъ»,—отвѣтилъ Джими.

— Какъ? «смэкъ'изъ нэкъ» (smake his neck, т. е. «тресни его по шеѣ»).

Мэкки отличается способностью быстро находить созвучія и увѣряетъ, что русскій языкъ очень похожъ на англійскій, но только слова имѣютъ другое значеніе.

— Scotch Whisky, какъ сказать по-русски: «I love you?»—любопытствуетъ Мэкки.

— Я люблю васъ.

— *Іелло блу бассъ* (Yellow blue bass, т. е. «желто-синій омнибусъ»). Это совсѣмъ по-англійски. А какъ будетъ «How are you?»

— Какъ ваше здоровье?

— *Уошъ изъ драй* (Wash' is dray, т. е. «бѣлье высохло»).

Можетъ показаться, что у Мэкки вены налиты не кровью, а ртутью. Онъ изобразилъ пріятелямъ «русскую букву *тресни его по шеѣ*», т. е. сталъ на голову и дрыгнулъ одной ногой, затѣмъ прошелся колесомъ и предложилъ Жану и Джими поиграть въ «лягушки» (чехарду). Потомъ онъ взялъ альбомъ и попытался тоже дать отвѣты на всѣ поставленные вопросы. Онъ написалъ: «Хочу быть морякомъ» и остановился. Въ этихъ словахъ онъ вылился весь. У Мэкки предки со стороны матери съ незапамятныхъ временъ шли во флотъ, военный и торговый. Тутъ были адмиралы, капитаны купеческихъ кораблей, лейтенанты. Съ ранняго дѣтства мальчикъ слышалъ въ семьѣ разсказы про бури, кораблекрушенія и сказочные острова въ Тихомъ океанѣ. Съ шести лѣтъ онъ сталъ смотрѣть на карту, какъ на самую интересную картинку, и хорошо для своихъ лѣтъ изучилъ ее. И когда на урокѣ географіи преподаватель задавалъ вопросъ: «Крейсеръ «Безстрашный» отправленъ изъ Соутгэмптона въ кругосвѣтное плаваніе черезъ Магелановъ проливъ и вокругъ Мыса Доброй

Надежды съ инструкціями посѣтить всѣ попутные англійскіе порты; куда зайдетъ корабль?»—то никто изъ мальчугановъ не давалъ такихъ точныхъ и подробныхъ отвѣтовъ, какъ Мэкки. Богатое воображеніе маленькаго кельта рисовало ему яркія картины каждаго мѣста.

— Любопытно, какое общество предложитъ намъ составить Мэйполъ,—сказалъ Блоаръ, ползая на колѣняхъ по полу, гдѣ онъ разложилъ рельсы, поставилъ сигналы, завелъ паровозъ и пустилъ его. Рельсы, очевидно, лежали не совсѣмъ ровно, потому что локомотивъ постоянно терпѣлъ крушеніе и валился на бокъ, какъ будто на казенной русской линіи; колеса не переставали вертѣться, что придавало локомотиву видъ жука, проворно перебирающаго ножками.

— Составилъ литературное общество,—предложилъ Херстъ, не поднимая головы изъ нумера «Бездна остроумія», захватившаго все вниманіе мальчика. Предложеніе явилось, должно быть, по ассоціаціи. «Сонный Люкасъ», съ которымъ еженедѣльно случались какія-нибудь необычайныя приключенія на страницахъ «Бездны Остроумія», видѣлъ на этотъ разъ во снѣ, что его сдѣлали редакторомъ сатирическаго журнала. Но мальчики, не знавшіе ничего про эту ассоціацію идей, были поражены. Предложеніе ошеломило ихъ своею неожиданностью.

— Литературное общество? Чтобы читать стихи вслухъ?—переспросилъ Спрантъ.

— Нѣтъ, чтобы описывать разныя вещи,—развивалъ свою мысль Херстъ.

— Пусть Рыжикъ опишетъ, какъ онъ чиститъ своего «банни» (кролика),—смѣшливо предложилъ Мэкки, намекая на извѣстный всѣмъ пріятелямъ инцидентъ.—Кроликъ этотъ былъ купленъ сообща мѣсяцевъ шесть тому назадъ и торжественно водворенъ у Блоара. Первые два дня мальчикъ усердствовалъ и все чистилъ клѣтку и чашку плѣнника. Затѣмъ разлинеилъ бумагу и тщательно составилъ подробное menu для кролика: «Понедѣльникъ. Утромъ: горсточка овса, два капустныхъ листика. Днемъ: горсточка овсянки, нѣсколько вываренныхъ чайныхъ листьевъ», и пр. Но кроликъ попался на рѣдкость прожорливый и поразительно грязный. Скоро онъ надоѣлъ Блоару и тогда пошли поиски, кому бы можно было сбыть «банни».

— Нѣтъ, ужъ лучше пусть Мэкки составитъ клубъ любезнаго обращенія съ дѣвочками,—огрызнулся Блоаръ.—Раздался хохотъ, и Мэкки покраснѣлъ. Блоаръ намекалъ на одинъ эпизодъ, который въ свое время сильно разсмѣшилъ весь Colet Court. На самомъ концѣ лужка, отведеннаго для игръ, у высокой стѣны стояла гимнастика. Разъ мальчики, въ томъ числѣ Мэкки, взобрались по веревкамъ до самой верхней балки, а затѣмъ усѣлись на нее верхомъ. Съ вершины они могли переглянуть черезъ стѣну. Тамъ

мальчики увидали другой лужокъ, на которомъ нѣсколько дѣвочекъ, въ возрастѣ отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ, играли въ крикетъ. За стѣной оказалась частная женская школа. Мальчики были шокированы тѣмъ, что дѣвочки занимаются «мужскимъ спортомъ».

— Странно,—замѣтилъ Мэкки,—Дѣвочки и крикетъ! Что онѣ смыслятъ въ этой игрѣ?—То было не желаніе оскорбить, но просто мысль, высказанная вслухъ. Но дѣвочки обидѣлись.

— Много понимаютъ мальчишки!—крикнула одна изъ дѣвочекъ, съ распущенными по плечамъ золотистыми волосами.—Грубіяны!

— Это изъ тѣхъ, что вѣчно дерутся!—возразила другая дѣвочка.

— Деремся, но не царапаемся,—отпарировалъ Мэкки.

— Щипаться тоже не умѣемъ,—прибавилъ Спрантъ.

— И за волосы другъ друга не тянемъ. У насъ—честный англійскій боксъ.

— Кошки!

Дѣвочки были задѣты за живое.

— Изъ чего сдѣланъ характеръ у мальчишекъ?—спросила съ убійственнымъ сарказмомъ въ голосѣ дѣвочка съ распущенными волосами.—И тутъ же пропѣла речитативомъ дѣтскую пѣсенку, что характеръ мальчиковъ составленъ изъ—

„Собачьихъ хвостовъ,
Крыльевъ жуковъ
И гадостей всѣхъ".

— У-у-у! дурынды! Кошки короткохвостыя! Долговолосыя обезьяны! Трусихи! Доносчицы!—затянули обидѣвшіеся мальчики съ верхней балки.

— Буяны! Головастики! Раздавленныя мухи!—отвѣчали дѣвочки. «Раздавленныя мухи»,—кличка, намекавшая на парадный костюмъ воспитанниковъ англійскихъ среднихъ школъ, на коротенькую черную курточку, похожую на фракъ съ отрѣзанными фалдочками.

— Вотъ вамъ носъ за это!—крикнули мальчики и изобразили изъ пальцевъ обѣихъ рукъ длиннѣйшіе носы. Два мальчика стояли внизу у гимнастики. Они не видали дѣвочекъ, но тоже сочли необходимымъ поддержать товарищей и поэтому тоже сложили «носы».

— Это что такое!—раздался знакомый, густой басъ.—Мальчики, слѣзьте!

Дѣти такъ увлеклись, что не замѣтили, какъ подошелъ «Сэми».

— Идемте за мной,—продолжалъ директоръ.—У себя въ кабинетѣ Сэми спокойно объяснилъ мальчикамъ, что такъ вести себя по отношенію къ лэди стыдно для джентельмэна. Онъ долженъ всегда помнить правило: «ladies first», первое мѣсто женщинѣ. Съ тѣхъ

поръ, какъ Англія живетъ сознательной жизнью, это правило неукоснительно врѣзано въ сознаніи каждаго истиннаго джентельмэна. Въ рекреаціонной залѣ на стѣнѣ, рядомъ съ портретомъ великаго Мильтона, учившагося когда-то въ этой же школѣ, виситъ портретъ другого воспитанника Colet Court, мичмана Келли. Во время гибели корабля «Роялъ Джорджъ», продержавшагося послѣ пробоины 15 минутъ, Келли помогъ спасти всѣхъ женщинъ, а самъ остался на палубѣ и, съ остальными мужчинами, утонулъ.

— Сэръ, да развѣ за стѣной леди! — замѣтилъ Мэкки.—Это дѣвчонки. Если бы онѣ только могли достать насъ, то, навѣрное, выцарапали бы намъ глаза. Зачѣмъ только дѣвчонки существуютъ?

Легкая улыбка скользнула по губамъ Сэми. Лѣтъ черезъ пять эта первородная вражда половъ должна была смѣниться у мальчиковъ другимъ чувствомъ.

— Кто изъ васъ сильнѣе? Вы или дѣвочки?—спросилъ Сэми.

— Конечно, мы,—отвѣтили мальчики.

— Вы увѣрены въ этомъ?

— Разумѣется.

— А если такъ, то какъ же вы дразнили ихъ, зная, что вы сильнѣе? Тотъ, кто держится вызывающе по отношенію къ болѣе слабымъ—не джентельмэнъ, а «bully» (забіяка). Ступайте.

Такъ кончился инцидентъ съ сидѣніемъ на перекладинѣ гимнастики.

III.

Пришелъ еще одинъ мальчикъ, старый пріятель Джими, но не товарищъ его по школѣ.

— Мой другъ Джони,—отрекомендовалъ его Джими.

Джони—прачкинъ сынъ. Сестра его Джесси служитъ горничной у матери Джими. Читатели представятъ себѣ тутъ дикаго, смотрящаго исподлобья мальчика, плохо одѣтаго, запуганнаго и какъ разъ не угадаютъ. Джони—красивый, сильный, пропорціонально сложенный мальчикъ съ прямо глядящими выразительными глазами. Одѣтъ онъ хорошо и чисто. Онъ на четыре года старше Джими и въ этомъ году кончаетъ городское училище. Онъ хорошо грамотенъ и даже немножко играетъ на піанино. «Прачкинъ сынъ и братъ горничной и вдругъ музыкантъ!»—воскликнутъ сторонники теоріи о кухаркиномъ сынѣ и о томъ, что всякій сверчокъ долженъ знать свой шестокъ! Держится Джони независимо, спокойно, какъ равный.

Джими познакомился съ Джони четыре года тому назадъ, когда тотъ принесъ разъ въ пятницу на плечахъ громадную корзину съ бѣльемъ. Джими крикнулъ тогда: «тамъ мальчикъ» и сейчасъ же помчался въ кухню знакомиться съ нимъ. Съ тѣхъ поръ у мальчиковъ большая дружба, хотя въ характерахъ ихъ много особенно-

стей, заложенныхъ и націей, и возрастомъ, и сферой. Джони, напримѣръ, увѣренъ въ своихъ движеніяхъ, смѣлъ и съ пяти лѣтъ всюду ходитъ по улицѣ одинъ. До тѣхъ поръ, покуда Джими поступилъ въ Colet Court, мальчика не выпускали за порогъ, такъ какъ трепетали, что его вотъ, вотъ переѣдутъ. И теперь еще, впрочемъ, когда Джими опоздаетъ на пять минутъ изъ школы, а на улицѣ мальчишки поднимутъ шумъ, завидѣвъ солдата, мать мчится безъ души съ верхняго этажа въ нижній, такъ какъ убѣждена, что навѣрно случилось несчастье съ ея мальчикомъ. До тѣхъ поръ, покуда Джони поступилъ въ школу, которая выравняла его и внушила смѣлость,—отецъ на улицѣ держалъ его всегда за руку, вѣроятно, изъ опасенія, что вотъ-вотъ подуетъ вѣтеръ и унесетъ мальчика прямо подъ колеса трамвая или автомобиля.

Джони—настоящій бычекъ, съ широкой, крѣпкой грудью и такими же плечами. Щеки у него круглыя, какъ яблони. Джими—вытянулся, какъ хворостинка, лицо у него нервное и тонкое. Только школа, «футболъ», крикетъ и гимнастика навели на щеки румянецъ. Школа же научила его владѣть нервами. А то прежде, когда онъ бывалъ возбужденъ, въ голосѣ его, какъ у всѣхъ нервныхъ дѣтей, сейчасъ же чувствовалась дрожь. Джони же, кажется, не знаетъ даже, что такое нервы и что такое слезы. Джими гораздо моложе Джони и неизмѣримо больше развитъ. Когда Джими было только шесть лѣтъ, онъ много читалъ уже и разсказывалъ Джони про охоты на львовъ, про моржей и про индѣйцевъ, хотя былъ нѣсколько не твердъ въ географіи. Такъ, онъ все не могъ уяснить себѣ тогда: находится ли Петербургъ въ Россіи, или, наоборотъ, Россія въ Петербургѣ. Въ головѣ Джими въ то время происходило нѣчто подобное, какъ у старыхъ итальянскихъ художниковъ XIII и XIV вѣковъ. Они, конечно, были очень хорошіе наблюдатели, но никакъ не могли справиться съ перспективой. Отъ этого у нихъ всегда въ картинахъ люди на первомъ планѣ и деревья и стада вдали—вырисованы съ одинаковой отчетливостью и одинаковой величины. Джими въ то время тоже не справился еще съ перспективой, хотя уже зачитывался «Aventures d'un petit Parisien». Приключенія маленькаго Жана изъ этой книжки Джими выучилъ почти наизусть, хотя, въ силу отсутствія географической перспективы, въ душѣ тогда полагалъ, что Африка, у береговъ которой герой потерпѣлъ крушеніе, лежитъ гдѣ-нибудь подъ Лондономъ. За то, если бы прикинуть ту мѣрку человѣческой цѣнности, о которой говоритъ Самюэль Лэнгъ въ своей интересной и глубоко англійской книгѣ «Problems of the Future», то подъ нее безусловно подошелъ бы Джони, а Джими остался бы за флагомъ.

«Человѣкъ никогда не знаетъ, чего онъ стоитъ,—говоритъ Лэнгъ,—покуда не помѣрился со своими ближними въ честной работѣ. Я знавалъ много людей, которые сами себя считали crême de la crême, избранными существами и которые, вслѣдствіе этого,

глядѣли свысока на «пошляковъ» и «бездарностей». А между тѣмъ, эти высшія существа не стоили двадцати шиллинговъ въ недѣлю. Они умѣли править лошадьми, но не настолько, чтобы быть кучерами. Они умѣли стрѣлять, но не знали природы хотя бы настолько, чтобы служить лѣснымъ сторожемъ. Отнимите у такихъ людей все то, что даетъ имъ титулъ и богатства, перенесите ихъ въ Сидней или Мельбурнъ и оставьте ихъ на улицѣ безъ денегъ. Чѣмъ они будутъ зарабатывать средства къ жизни? Быть можетъ, станутъ лакеями въ плохомъ ресторанѣ. Можно ли сравнивать ихъ съ такими людьми, которые сознаютъ свою дѣйствительную независимость, т. е. знаютъ, что куда судьба ихъ не забросить, ихъ мускулы и умъ имѣютъ всюду одинаковую цѣнность»?

— Ну что?—спросилъ Джими своего пріятеля, когда представилъ его.

— Ѣдемъ.

— Когда?

— Со слѣдующимъ пароходомъ.

Въ судьбѣ Джони должна скоро произойти большая перемѣна.

Первыя воспоминанія Джони про то, какъ онъ въ красномъ фригійскомъ колпачкѣ, вмѣстѣ съ другими дѣтьми въ такихъ же колпачкахъ, принималъ участіе въ громадной демонстраціи. Джони помнитъ майское солнце, молодую лопушистую зелень на каштанахъ, громадную толпу стройно марширующихъ людей, развѣвающіяся знамена и десятки оркестровъ. Трубили трубы, пищали дудки, трещали барабаны... За знаменами катились фургоны, убранные зеленью и краснымъ кумачемъ. Въ фургонахъ сидѣли дѣти въ фригійскихъ колпачкахъ. Джони смотрѣлъ все на своего отца, который шелъ рядомъ съ фургономъ и, вмѣстѣ со столяромъ мистеромъ Дефильдомъ, несъ громадную яркую хоругвь съ надписью: «Врозь—погибнемъ, вмѣстѣ—побѣдимъ»! Въ паркѣ стояли разряженные джентльмэны и нарядныя лэди и смотрѣли на процессію. Помнитъ еще Джони, что въ тотъ день отецъ его говорилъ, что манифестація удалась, какъ никогда.

— Это и хорошо!—отвѣтилъ мистеръ Дефильдъ. — Теперь министерство пойметъ, что британскій работникъ проснулся уже.

Воспоминанія о майскихъ демонстраціяхъ да еще о поѣздкахъ въ началѣ августа каждаго года, въ день Bank-holiday на берегъ моря въ Клактонъ являются у Джони яркими лентами, вплетенными въ сѣрую ткань повседневной жизни, когда мальчикъ слышалъ только о рессорахъ, экипажныхъ ручкахъ, каретныхъ подножкахъ и винтахъ съ никкелевыми головками. Отецъ Джони съ ранней молодости готовитъ части кареты на громадной фабрикѣ, снабжающей вотъ уже два вѣка экипажами всю элегантную Англію. Дѣдушка Джони работалъ на той же фабрикѣ. Что же касается прадѣда, то самое существованіе его было облечено туманомъ. Отецъ Джони зналъ только, что у него былъ дѣдушка и гдѣ-то работалъ.

Смутныя семейныя преданія прибавляли, что дѣдушка въ молодости служилъ въ солдатахъ въ Индіи, носилъ красную куртку и клѣтчатую юбку. Основываясь на этомъ, мистеръ Фьюстеръ, отецъ Джони, заключалъ, что его предки, должно быть, явились изъ Шотландіи.

Двѣсти лѣтъ работала громадная фабрика. Два вѣка цѣлыя поколѣнія людей ладили изо дня въ день всю жизнь рессоры, замки, колеса, подножки для каретъ, въ которыхъ будутъ ѣздить другіе. Но вотъ громадной фабрикѣ былъ нанесенъ страшный ударъ: изобрѣли автомобиль. Кареты стали выходить изъ моды. Фабрика пошатнулась. Сперва она сократила число «рукъ»: вмѣсто двухъ тысячъ работниковъ она стала держать только тысячу, потомъ восемьсотъ, пятьсотъ. Затѣмъ на работѣ остались только старые, опытные и искусные работники. Но, наконецъ, передъ самымъ Рождествомъ дирекція заявила и имъ, что съ новаго года останутся только 100 человѣкъ, при томъ на уменьшенномъ жалованіи. Тяжело въ 55 лѣтъ искать новый заработокъ; но отецъ Джони—англичанинъ. Онъ списался со старыми друзьями. И вотъ пришло письмо отъ одного изъ нихъ. Въ портѣ Елизаветы, въ Южной Африкѣ, возникла громадная каретная фабрика, которая будетъ снабжать экипажами всѣ колоніи. Тамъ понадобились хорошіе, опытные работники. Мистеръ Фьюстеръ, отецъ Джони, поговорилъ сперва съ женой, затѣмъ собралъ на совѣтъ всѣхъ дочерей, мужей ихъ и «молодыхъ людей», т. е. жениховъ и, обсудивъ все, принялъ такое рѣшеніе: слѣдуетъ переселиться всѣмъ въ портъ Елизаветы. Для мистера Фьюстера эмиграція «на край свѣта» представлялась чѣмъ-то очень простымъ. Онъ все взвѣсилъ, все предусмотрѣлъ и зналъ, что его ждетъ. Вѣсть про переселеніе привела въ восторгъ Джони. Для него эмиграція означала прежде всего плаванье, затѣмъ рядъ приключеній, въ которыхъ первое мѣсто отводилось львамъ и бэчуанамъ. Джони теперь можетъ думать только про охоту, про жизнь на золотыхъ пріискахъ, про большіе лѣса и безграничныя степи. Сила, находящаяся въ потенціалѣ, готова проявиться въ новой обстановкѣ, допускающей размахъ. Самъ того не сознавая, Джони ѣдетъ въ далекую колонію съ великой миссіей. Созидая собственное счастье, онъ пересадитъ въ Южной Африкѣ ростокъ отъ крѣпкаго дерева. На далекой окраинѣ возникаетъ свободное, сильное, энергичное и молодое общество, которое явиться преемникомъ старой Англіи...

— Такъ вы уѣзжаете со слѣдующимъ пароходомъ?—переспросилъ Джими.—Портъ Елизаветы—не далеко отъ того мѣста, гдѣ потерпѣли крушеніе Жанъ, Викторъ, Фортюнэ и лѣнтяй Ландри.

Джими вспомнилъ маленькихъ героевъ изъ любимой книжки «Aventures d'un petit Parisien», содержаніе которой разсказалъ своему пріятелю Джони.

IV.

Явился, наконецъ, «докладчикъ», маленькій, круглый, какъ шаръ, Мэйполъ, фамилія котораго совершенно не соотвѣтствовала внѣшности (Maypole—долговязъ). Мэйполъ съ необыкновенно дѣловитымъ видомъ держалъ подъ мышкой пачку какихъ-то брошюрокъ, перевязанныхъ веревочкой.

— Трижды ура за нашего «Боченка»,—крикнулъ Мэкки!

— Boys—вотъ загадка: почему Мэйполъ не поэтъ?—спросилъ Блоаръ.

На загадку никто не отвѣтилъ.

— Потому что онъ не Long fellow (долговязый), — отвѣтилъ Блоаръ.

— Глупо, Джинджеръ!—крикнулъ Мэкки.

— Ну, Хэрстъ, оставь въ покоѣ *Соннаго Люкаса*. Пусть спитъ! Бросай журналъ. Будемъ слушать, — предложилъ Спрантъ. Но въ это время зазвонилъ гонгъ, призывавшій мальчиковъ къ чаю. Началось усиленное поглощеніе кусковъ хлѣба съ масломъ и кэковъ, на какое только способенъ громадный аппетитъ здоровыхъ мальчиковъ, не знающихъ переутомленія, и у которыхъ желудокъ работаетъ, какъ у страуса.

— «Еще корочку, прежде чѣмъ лопну», какъ сказалъ мальчикъ, выпившій восемнадцать чашекъ чая,—пропѣлъ речитативомъ Мэкки.

— Разъ мальчика, съѣвшаго 12 ломтей хлѣба съ масломъ и десять кэковъ, спрашиваютъ: почему вы не ѣдите больше?

— Я могу ѣсть,—жалобно извѣстилъ мальчикъ, — но не могу больше глотать.

Раздался хохотъ.

— Рыжикъ, еще хлѣба съ масломъ,—угощалъ Джими.

— Mercy, Scotch Whisky, — произнесъ Блоаръ на англійскій ладъ французское слово (*Mercy*—значитъ «пощада»).

— О, да, пощада нужна послѣ основательной ѣды.

— Мэйполъ, какъ будетъ по-нѣмецки «спасибо»? — спросилъ Мэкки.

— Danke schön.

— Какъ, *Dankey shaves you* (т. е. оселъ тебя брѣетъ)?—Мальчики захохотали.

Когда съ чаемъ было покончено, начался митингъ.

— Нужно избрать предсѣдателя,—дѣловито предложилъ Мэйполъ.

— Да пусть Мэйполъ и будетъ!—раздались голоса.

— Отецъ разсказывалъ,—сообщилъ своему сосѣду Джими,—къ

БИБЛІОТЕКА

нимъ домой, когда онъ былъ мальчикомъ, приходилъ учитель. То было въ Россіи.

— Зачѣмъ?—удивился сосѣдъ.

— Чтобы посмотрѣть, не собираются ли другіе мальчики и не читаютъ ли разныя книжки. Дадъ (отецъ) разсказывалъ, учитель рылся всюду.

— Вотъ чудеса! Представь себѣ, нашъ «Скинни» пришелъ бы къ намъ домой, чтобы рыться въ книжкахъ!

Предположеніе показалось до такой степени нелѣпымъ, что мальчики расхохотались.

— Отецъ разсказывалъ,—началъ Рыжикъ,—когда онъ былъ студентомъ въ Кэмбриджѣ, къ нимъ разъ забрелъ въ залъ, гдѣ собрались студенты, пьяный «бобби». Чтобы научить его, что въ помѣщеніе англичанина полиція не должна входить безъ постановленія суда, студенты надѣли «бобби» юбку, старый чепецъ и въ такомъ видѣ спустили его на простыняхъ изъ верхняго этажа на улицу.

— А почему отецъ мальчика не прогонитъ у васъ учителя, который приходитъ рыться въ книгахъ?—полюбопытствовалъ Спрантъ.

— Дадъ говоритъ, что мальчика тогда прогнали бы изъ школы.

— Не хотѣлъ бы я учиться въ Россіи!

— А правда, Скотчъ Унски, что у васъ полиція сажаетъ въ тюрьму школьниковъ?

— А правда, что въ Россіи за политическія преступленія отправляютъ въ ссылку двѣнадцати-лѣтнихъ мальчиковъ?

— Правда, что полиція пытаетъ? — Мальчики повторяли, конечно, вопросы, которые слышали постоянно дома.

— Да, правда.

— Rotten government! (гнилая форма правленія)!—авторитетно отрѣзалъ Рыжикъ. Предсѣдатель призвалъ «джентельмэновъ» къ порядку.

— Господа, — началъ дѣловито предсѣдатель, — я хочу вамъ предложить проектъ одного общества. Не найдете ли возможнымъ устроить отдѣлъ «національнаго общества предупрежденія жестокости съ дѣтьми»?

— Именно то общество, которое намъ больше всего нужно!— вскочилъ Джими.—У насъ существуетъ въ школѣ fagging; маленькіе мальчики и новички попадаютъ на посылки къ старшимъ и болѣе сильнымъ мальчикамъ. Я недавно читалъ про fagging въ Гарро *). Тамъ есть «фэги» тройнаго вида: «ночные», «дневные» и «застольные». «Ночной» фэгъ обязанъ явиться на колокольчикъ старшаго воспитанника послѣ того, какъ приготовленіе уроковъ вечеромъ кончилось. «Дневной» фэгъ служитъ на посылкахъ днемъ. Онъ бѣгаетъ въ лавочку для своего «хозяина», на почту. Шестая

*) Одна изъ двухъ самыхъ аристократическихъ школъ въ Англіи.

форма (старшій классъ) завтракаетъ у себя въ комнатахъ. И фэги накрываютъ столъ, кипятятъ чайники, убираютъ и моютъ посуду. Если фэгъ плохо служитъ, «хозяинъ» его сѣчетъ. Въ «Windsor Magazine» бывшій фэгъ разсказываетъ, что онъ плохо служилъ, и хозяинъ его изъ шестой формы рѣшилъ высѣчь его. Фэгъ напихалъ въ штаны носовые платки и чулки, чтобы не больно было; но набилъ слишкомъ много, такъ что «хозяинъ» замѣтилъ и побилъ еще сильнѣе. Boys,—продолжалъ Джими,—стуча, какъ настоящій ораторъ, кулачкомъ по ладони. — У насъ въ Colet Court и въ St. Paul's нѣтъ «застольныхъ» фэговъ, нѣтъ сѣченій; но фэги у насъ есть. Мы, мальчики, младшихъ классовъ должны протестовать противъ этого. Составимъ общество борьбы. Мы—въ свободной странѣ, и мальчики старшаго класса не имѣютъ права отправлять насъ на посылки. Въ журналѣ говорятъ, что лордамъ, которые учатся въ Гарро и въ Итонѣ, необходимо выучиться подчиненію. Вотъ почему полезно, чтобы они были фэгами, когда поступаютъ въ школу. Можетъ быть, лорду полезно, когда его высѣкутъ; но мы—не лорды. Мы не хотимъ фэговъ!

— Трижды ура за Скотчъ-Уиски!—крикнулъ Рыжикъ.—Не хотимъ фэговъ.

— Ораторъ не выслушалъ до конца мое предложеніе, вотъ почему у него составилось ошибочное представленіе, — дѣловито началъ предсѣдатель.—Я прочту вамъ одну брошюрку, и вы поймете мою мысль. — Мэйполъ досталъ маленькій листокъ, на которомъ изображены были три «рагамафинса», т. е. типичные лондонскіе уличные мальчики, оборванные, съ старческими лицами. «Вотъ три мальчика,—значилось въ текстѣ подъ картинкой,—которымъ приходится очень круто, когда проходитъ лѣто и наступаетъ зима со всѣми страданіями. У мальчиковъ этихъ нѣтъ дома. Имъ приходится выпрашивать кусокъ хлѣба. Отъ нѣкоторыхъ дверей ихъ прогоняютъ. Спятъ они, гдѣ приходится. Они никогда не знали, что такое счастье, но за то имъ хорошо извѣстны холодъ и голодъ. Вы сами никогда не испытывали, что такое настоящій голодъ; вы не дрожали отъ холода ночью, подъ аркой моста или въ пустой корзинѣ, у стѣнъ Ковентгарденскаго рынка. Вы не знаете, что значитъ быть безъ друзей, когда каждый прогоняетъ васъ, какъ надоѣдливое насѣкомое. Вамъ не грозятъ полисмэномъ или тюрьмой. Вотъ почему вы счастливы.

«Но эти три мальчика могли бы быть такъ же счастливы, какъ и вы, если бы имѣли свой родной уголъ, жили бы среди друзей и были бы любимы. Все это возможно осуществить. Необходимо только добрымъ людямъ сгрудиться вмѣстѣ. Все еще—мальчикъ. Сами вы не въ силахъ помочь; но вы можете присоединиться къ обществу, которое можетъ сдѣлать многое. Это общество имѣетъ отдѣленія, члены которыхъ—маленькіе мальчики».

Наступило молчаніе.

— Бѣдности не должно быть,—началъ, наконецъ, Джими,—но милостыней помочь нельзя. Если всѣхъ «рагамафинсъ» будутъ собирать полисмэны и запирать куда-нибудь, то они не сдѣлаются счастливѣе. «Рагамафинсъ» захотятъ лучше ночевать подъ мостомъ, чѣмъ въ комнатѣ, которую запретъ на ключъ «бобби».

— Общество, о которомъ говорится въ листкѣ, совсѣмъ не думаетъ запирать «рагамафинсъ»,—снисходительно началъ Мэйполъ.— Оно желаетъ превратить всѣхъ уличныхъ дѣтей въ настоящихъ англичанъ. Въ 14 лѣтъ мальчикамъ, если они хотятъ, помогаютъ переселиться въ Канаду. Тамъ даютъ землю. Потомъ мальчики, если захотятъ, могутъ стать «каубоями» (пастухами на большихъ фермахъ).

«Каубой» — идеалъ счастья для англійскаго мальчика въ возрастѣ отъ 8—12 лѣтъ, какъ «пріискатель» для мальчиковъ болѣе старшаго возраста. «Каубой» въ воображеніи маленькаго англичанина рисуется такимъ, какимъ онъ изображенъ въ «книжкахъ съ приключеніями», любимомъ чтеніи его. «Каубой»—въ широкополой шляпѣ, въ красной блузѣ, съ небрежно завязаннымъ платкомъ, вмѣсто галстуха, съ револьверомъ за поясомъ, въ высокихъ сапогахъ съ большими шпорами, съ винтовкой за плечами, мчится на конѣ по безграничной степи, свободный, какъ вѣтеръ. Среди австралійскихъ и ново-зеландскихъ «каубоевъ» можно встрѣтить людей съ порядочнымъ и даже очень хорошимъ образованіемъ, принадлежащихъ къ зажиточнымъ, а иногда и титулованнымъ англійскимъ семьямъ. Иные изъ этихъ молодыхъ людей отправлены въ пустыню, чтобы о нихъ забыли. Это въ томъ случаѣ, если семья желаетъ избавиться отъ буйнаго отпрыска, опозорившаго себя участіемъ въ громкомъ скандалѣ. Иные молодые люди отправились по доброй волѣ, изъ любви къ просторной жизни. Это иногда младшіе сыновья, которымъ самимъ нужно пробить себѣ дорогу. Они служатъ года три-четыре «каубоями», изучаютъ хорошо дѣло и потомъ сами становятся владѣльцами ранчей, т. е. скотопромышленниками и овцеводами.

Вотъ почему перспектива, нарисованная Мэйполомъ, именно, что «рагамафинсъ» могутъ стать «каубоями»—ослѣпила даже скептика Джими. Принципіально вопросъ былъ рѣшенъ, оставались только соображенія тактическаго свойства.

— Что мы можемъ сдѣлать?—спросилъ Херстъ.

— А вотъ что,—отвѣтилъ Мэйполъ.—Мы хотѣли присоединиться къ «Лигѣ жалости»; въ ней могутъ участвовать мальчики не старше пятнадцати лѣтъ. Мы составимъ «отдѣленіе» Лиги. Для того, чтобы пріютить бездомныхъ дѣтей и чтобы помочь имъ переправиться въ Канаду или поступить на службу, — нужны деньги. Изъ пенсовъ составляются шиллинги, а изъ шиллинговъ — фунты. Мы будемъ собирать эти пенсы.

— Какимъ образомъ?—полюбопытствовалъ Мэкки.—Развѣ попросить Рыжика, чтобы онъ показывалъ своего кролика?

— А тамъ увидимъ. Намъ пришлютъ такія карты, на которыхъ мы будемъ отмѣчать каждый собранный пенни. Итакъ, вы согласны?

— Да, да, согласны! — крикнули всѣ. И «отдѣленіе» образовалось. Митингъ этотъ—

„Первый младенческій крикъ въ человѣкѣ родившейся мысли,
Слово потребъ вопіющихъ, потребъ безконечнаго духа".

Это—первое пробужденіе въ маленькихъ англичанахъ гражданскаго чувства и первое сознаніе, что всякій вопросъ долженъ быть разрѣшенъ грудно, путемъ соглашенія свободныхъ людей. Во второмъ отдѣленіи школы, въ St. Paul's, куда мальчики переходятъ въ возрастѣ 14 лѣтъ, отвѣтъ на пробудившееся гражданское самосознаніе участники описаннаго митинга найдутъ въ «парламентѣ». Это—своеобразное учрежденіе, имѣющееся при каждой большой англійской «public-school» (гимназія, по нашему). Мальчики раздѣляются тамъ на консерваторовъ и радикаловъ, выбираютъ «министровъ» и спикеровъ. Въ «парламентѣ» критикуютъ дѣятельность британскаго правительства и вносятся билли, которые тщательно обсуждаются. Въ школѣ есть консерваторы; но это не шайки молодыхъ хулигановъ, которыми пользуются старые хулиганы въ жандармскихъ мундирахъ и въ штатскихъ сюртукахъ. Это—не добровольные шпіоны, не громилы, избивающіе на улицахъ женщинъ, какъ дѣлаютъ, напр., гимназисты-«союзники» въ Одессѣ. Это, прежде всего, маленькіе *джентельмэны*, умѣющіе уважать чужую личность и чужое мнѣніе. Англійскіе мальчики не вмѣшиваются въ текущую политическую жизнь внѣ стѣнъ школы не потому, что они болѣе «дисциплинированы», чѣмъ наши гимназисты, а въ силу полной увѣренности, что политическая машина построена правильно и работаетъ хорошо. Въ Англіи не происходитъ ужасовъ, заставляющихъ камни вопіять, не то что биться негодованіемъ сердца подростковъ. Мальчики здѣсь знаютъ, что «время терпитъ» и можно съ спокойной совѣстью ждать и готовиться къ будущей дѣятельности. Въ англійской школѣ преподаватели и директоры пользуются авторитетомъ; но это потому, что они дѣйствительно *воспитатели*, а не полицейскіе агенты. Въ Англіи нѣтъ преподавателей, ошибшихся вѣдомствомъ, какъ у насъ: имъ слѣдовало бы быть надзирателями въ арестантскихъ ротахъ, а они надѣли вицъ-мундиры вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Англійскіе воспитатели пользуются моральнымъ авторитетомъ потому, что не берутъ на себя позорной роли насажденія въ школѣ взглядовъ, угодныхъ начальству. Дѣйствительность не опровергаетъ словъ англійскаго учителя на каждомъ шагу. Когда онъ внушаетъ мальчикамъ основныя правила законности: «всѣ люди равны передъ закономъ; всѣ считаются не виновными, покуда судъ присяжныхъ не признаетъ преступленія; всѣ суды открыты; никто не можетъ быть судьею въ собственномъ дѣлѣ»; когда учитель внушаетъ это, ученикъ не мо-

жетъ задать вопросъ: «почему же, въ такомъ случаѣ, правительственный агентъ, печатающій тайныя воззванія съ призывомъ къ убійствамъ, получаетъ награды, а бывшій депутатъ, раздающій книжки, не угодныя начальству, въ которыхъ, однако, нѣтъ ничего революціоннаго, отправляется въ тюрьму на два года? Почему существуютъ ссылки и даже казни безъ суда равныхъ, т. е. единственно законнаго суда? И наши охранники и жандармы въ вицъ-мундирахъ вѣдомства народнаго просвѣщенія жалуются еще на «одичаніе» школы!

Sh.

---

* * *

Въ огнѣ зари бушуетъ море...
Порыва грознаго полна,
На окровавленномъ просторѣ
Встаетъ и падаетъ волна.

И, точно реквіемъ суровый,
Звучатъ раскаты бури злой...
И день встаетъ, какъ призракъ новый,
Окутанный багровой мглой!

Н. Шрейтеръ.

КЪ ТИХОМУ ПРИСТАНИЩУ *).

I.

Мы подошли къ монастырскимъ воротамъ. Гурей перекрестился и поклонился въ землю... Гультикъ, глядя на него, сдѣлалъ то же.

Надъ воротами былъ нарисованъ, сидящій въ какомъ-то старинномъ креслѣ, Христосъ... Надъ головою Христа были изображены дѣтскія головки съ крыльями, а по бокамъ справа и слѣва—святые угодники...

Надъ аркой воротъ, по бѣлому фону черными славянскими буквами, была надпись: „Приходящаго ко мнѣ не иждену вонъ“...

Около воротъ, на табуреткѣ сидѣлъ „старецъ“... Передъ нимъ стоялъ столикъ, а на столикѣ икона и оловянное блюдце, на которое богомольцы клали, кто сколько могъ...

Старецъ былъ одѣтъ въ крытый „казинетомъ“ полушубокъ, а на головѣ у него былъ высокій теплый клобукъ съ наушниками. Старецъ дремалъ... можно было подумать, что онъ умеръ, и что это не человѣкъ, а какое-то чучело, изображающее человѣческую фигуру.

Гурей досталъ засаленный, похожій на кисетъ, кожаный „кошель“, развязалъ тесемку, порылся и, доставъ монету, перекрестился и брякнулъ ею по блюдцу... Старецъ очнулся... Онъ посмотрѣлъ на насъ мутными, точно налитыми водой изъ грязной колеи глазами и хрипло прошамкалъ:

— Спаси Христосъ...

Помолчавъ немного и видя, что мы не отходимъ, онъ задалъ вопросъ:

— Помолиться, рабы Божіи...

— Да, отецъ,—отвѣтилъ Гурей,—къ преподобному...

---

*) Настоящіе очерки стоятъ въ прямой связи съ появившимися ранѣе очерками подъ тѣмъ же заглавіемъ (см. „Р. Б.“ 1905 г., № 11—12). Ред.

— Доброе дѣло... Чьи сами-то?..

— Дальніе...

— Пѣши?..

— Да ужъ извѣстно, не на лошадяхъ,—усмѣхнувшись, отвѣтилъ Гурей.—На своей парѣ, отецъ... Гдѣ намъ! Мы забыли, какъ лошадь-то въ оглобли вводить...

— Доброе дѣло,—опять повторилъ старецъ.—Пѣшкомъ-то складнѣе... преподобный любитъ такихъ-то... гости это у него... Да, потрудились... помолитесь... зачтется...

— Куда-жъ намъ теперь, отецъ... то ись насчетъ ночлега... приткнуться-то гдѣ бы?..

— А на странню!.. На странню идите... тамотко задаромъ... Ну, а коли есть усердіе заплатить—въ гостиницу. Таматко чистота... По дешевому тарифу можно... по десять монетъ съ человѣка...

— Ну, гдѣ ужъ намъ платить!—воскликнулъ Гурей:—чудишь, отецъ... Мы ужъ на странню... не велики, чай, господа...

— Ну, такъ, такъ, такъ... Спаси Христосъ... идите съ Господомъ... Ступайте, вонъ въ ворота. Пройдете монастыремъ, увидите таматко другія ворота. Пройдете ихъ, спуститесь подъ горку,—таматко и страння... увидите...

Сказавъ это, старецъ завернулся въ шубу и принялъ прежнюю позу, показывая этимъ, что больше разговаривать не намѣренъ...

II.

„Страння“, куда пришли мы, по совѣту старца, была маленькая, подвальная, загаженная, полутемная каморка... Всю эту каморку, налѣво отъ входной двери, занимали покатыя нары, а направо, около сырой липкой стѣны, былъ узкій проходъ съ одного конца камеры до другого. Ни скамеекъ, ни стола не было. Уголъ большой вымазанной известкой печки выходилъ въ странню, согрѣвая ее. Топка находилась за стѣной, гдѣ-то въ другомъ помѣщеніи.

На стѣнѣ печки, почти подъ потолкомъ, по бѣлому фону, было нацарапано углемъ: „берегите сумки“, а пониже, карандашемъ, различнаго рода изреченія довольно игриваго содержанія и такъ называемыя „памятки“, напримѣръ: „22-го марта былъ здѣся и ночевалъ Витя Колобашкинъ. Отъ роду ему 24 года, 5 мѣсяцевъ, 4 дня. Изъ духовныхъ. Занятіе: „выхожу одинъ я на дорогу“.—Или: „Друзьямъ поклонъ!!! Петька Мухинъ“...

Сквозь два небольшихъ оконца, съ замерзшими стеклами,

тускло и скупо проникалъ на странню какой-то сѣрый свѣтъ и, вмѣстѣ съ тяжелымъ прокислымъ запахомъ никогда не провѣтриваемаго и каждую ночь набитаго людьми помѣщенія, придавалъ послѣднему отвратительный видъ.

Народу, когда мы пришли, было мало: только три человѣка. Всѣ, за неимѣніемъ другого мѣста, расположились на нарахъ. Молодой, худощавый парень съ охапкой черныхъ перепутанныхъ волосъ на головѣ и съ распухшей щекой, лежалъ на боку, лицомъ къ двери, и стоналъ. У него, какъ оказалось, нарывалъ „флюсъ"... Злобными, большими глазами онъ слѣдилъ за нами, оглядывая то одного, то другого... Нашъ приходъ, очевидно, былъ ему не по вкусу. Остальные двое сидѣли рядышкомъ, другъ передъ другомъ, поджавъ калачикомъ, по-турецки, ноги, и играли въ шашки.

Одинъ изъ нихъ былъ корявый мужикъ, косматый, широкоплечій, небольшого роста, съ необыкновенно толстымъ носомъ; ему не сидѣлось спокойно, какъ его партнеру, пожилому, длиннобородому, застывшему въ позѣ вниманія, человѣку; онъ все какъ-то ерзалъ по нарамъ и не зналъ, казалось, что дѣлать со своими руками: то упиралъ ими „въ боки", то засучивалъ рукава, какъ кучеръ, то принимался скрести косматую голову.

При нашемъ приходѣ онъ обернулся, посмотрѣлъ и крикнулъ, скаля бѣлые, какъ у хорошей собаки, зубы:

— А-а-а, милости просимъ, когда ѣсть бросимъ!.. Съ теплыхъ морей, что ли?..

Мы промолчали.

— Зазнались, аль забогатѣли? — продолжалъ онъ и вдругъ, громко захохотавъ, схватилъ съ доски шашку, дунулъ на нее и закричалъ:—Фукъ! Чтобы она ѣла да по сторонамъ не глядѣла!..

— Ахъ, дери тя деромъ и съ хозяиномъ воромъ!—произнесъ серьезный человѣкъ:—какъ это я опростоволосился, оказія... тьфу, ты!—И онъ сердито добавилъ:—Будетъ тебѣ ржать-то... ходи, что ли, чо-е-е-ртъ!.. Только и умѣешь фукать...

— А ты гляди въ оба... На то и селедка, чтобы ее кушать... Погоди я те прилажу къ дѣлу—чисти!..

Мы сняли наши сумки и, подложивъ ихъ подъ головы, легли на нарахъ къ одной сторонкѣ въ уголкѣ отдохнуть.

— Что-жъ намъ теперь дѣлать?—немного помолчавъ, заговорилъ Гурей.—Въ храмъ сходить надо, къ мощамъ приложиться... Что-жъ это—завалились, аки боровье... неловко!.

— Поѣсть бы,—какъ-то уныло произнесъ Гультикъ,—

вопче... кишка кишкѣ шишъ кажетъ. А какъ здѣся вопче... насчетъ того... кормятъ странниковъ-то?..

— Кормятъ!—съ ироніей отозвался корявый игравшій въ шашки мужикъ,—для нашего брата особое угощеніе: впередъ братія жретъ, а потомъ ужъ мы кушаемъ. Кормятъ хо-о-о-рошо! все, голова, съ рыбой... Накрошутъ рыбы-то во щи аль тамъ въ супъ—ложка стоитъ!.. Самъ бы ѣлъ да деньги нужны!..

— Нѣтъ... взаправду... окромя шутокъ... — опять уныло вымолвилъ Гультикъ,—какъ тутъ?..

— Ну вотъ, не вѣритъ... Чудородъ Иванычъ, тебѣ говорятъ, значитъ—вѣрно... Иди скорѣе, а то опоздаешь!—И, помолчавъ немного, онъ обернулся, посмотрѣлъ на Гультика и серьезно сказалъ:—Да что ты, братъ, дуракъ аль изъ деревни?.. Какіе тутъ харчи?.. Ха!.. здѣсь, другъ, вотъ чего не дадутъ, гляди сюда...

— А какъ же по протчимъ-то мѣстамъ приходилось мнѣ... вопче, покормятъ, глядишь, щецъ плесканутъ...

— Мало чего по другимъ мѣстамъ... Здѣсь этого порядку нѣту! Въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ... Ночевать вотъ, ночуй три ночи... Да ужъ и ночлегъ,—продолжалъ онъ,—ужо увидите... повернуться негдѣ... не продохнешь!..

— Бери-ка,—перебилъ его серьезный человѣкъ,—тебѣ ѣсть...

— Гдѣ?..

— Два!

— Трехъ да въ дамки!—воскликнулъ корявый, взглянувъ на доску.—Ахъ, мать твою Богъ любилъ, проворонилъ вѣдь игру-то съ разговоромъ! Ну, теперь твоя игра,—продолжалъ онъ, взявъ одну шашку и глядя, какъ серьезный человѣкъ, съ чуть замѣтной улыбкой на тонкихъ губахъ, вмѣсто этой одной „съѣлъ“ у него трехъ и прошелъ въ дамки.

— Здорово! — опять воскликнулъ корявый, — ишь ты!.. На еще ѣшь,—и вдругъ, какъ давеча, онъ громко „заржалъ“ и крикнулъ:—Что, братъ, попала... нагуляла много...

— А ну те къ чорту!—сказалъ серьезный, отодвигая доску,—не буду больше... надоѣло!..

Онъ спустился съ наръ и началъ ходить, заложивъ руки за спину, взадъ и впередъ, по узкому проходу. Корявый свернулъ покурить и легъ навзничь, подложивъ подъ голову свою сумку.

На страннѣ стало тихо и противно...

III.

— Эхъ,—воскликнулъ неожиданно корявый,—кабы мнѣ милліонъ денегъ...

— Гм!—усмѣхнулся, пріостановившись, серьезный,—немного... Н-да!.. А на кой онѣ тебѣ песъ нужны-то?..

— На кой... чудачина! ѣлъ, пилъ бы, чего душа хочетъ... Купилъ бы себѣ земли,—мечтательно продолжалъ онъ, лежа навзничь и глядя на низкій, темно-сѣрый, точно собирающійся вотъ-вотъ упасть и придавить насъ потолокъ.—Построилъ бы домъ... обгородился бы... собакъ завелъ бы, здо-о-о-ровенныхъ бы... Въ домѣ у меня, въ горницахъ, чистота была бы... мягкіе диваны... кресла... на окнахъ занавѣски, по стѣнамъ картины въ золотыхъ рамкахъ,—зеркала, полъ навощеный... катайся по немъ, аки по льду... гоже!..

— На что ужъ лучше,—опять усмѣхнувшись, сказалъ серьезный,—у тебя языкъ-то не лопата... Ну, а самъ-то ты чѣмъ бы занимался? Дѣлалъ-то что̀ бы день-то деньской... Неужели только бы жралъ...

— Что дѣлалъ-то?! Мало ли дѣловъ?.. Извѣстно, дрова не сталъ бы колоть, аль тамъ подъ вилы навозъ нарывать... Всталъ бы утречкомъ, скажемъ, часиковъ въ десять... торопиться-то все одно некуда... сичасъ это прислугу: „умываться... живо...“ Ну, умылся бы... съ мыломъ... причесался бы... Прислуга меня сичасъ одѣвать... сапоги гамбургскіе, начищены, аки зеркала... глядись въ нихъ... Ну, одѣлся бы... помолился бы Богу... пошелъ бы изъ спальни вонъ въ другую горницу въ залу—закусывать... а ужъ таматко все для меня изготовлено: „Пажалте, Митрійитричъ!“.. Самоваръ это горьма горитъ... за самоваромъ жена, аль тамъ экономка, что-ли, все едино, гладкая, румяная, въ распашонкѣ меня ждетъ... Закуска на столѣ... водочка.. то, се... сичасъ это я сажусь... перво на перво изъ графинчика въ стакашикъ серебряный буль, буль, буль... цопъ... закушу... опять, немного погодя, буль, буль, буль... цопъ, закушу... гоже!..

— Тьфу,—плюнулъ со злостью больной зубами,—надоѣлъ. Болтаетъ... и безъ того скверно... съ утра съ самаго, какъ валдайскій колокольчикъ—та, та, та! Та, та, та!.. Тьфу...

— А ты, землякъ, не серчай... Что-жъ намъ: у тебя зубы болятъ, а мы, диви, виноваты... молчать должны?—Онъ замолчалъ, сдѣлалъ покурить и снова заговорилъ.

— На чемъ я остановился-то? Да!.. Ну, ладно. Сичасъ это послѣ выпивки чайку съ лимончикомъ... Очень я съ лимончикомъ любитель... Кислитъ это, и въ родѣ какъ ароматъ...

съ похмѣлья когда пьешь—сердце прыгаетъ... Ну, попью чайку... что дѣлать?.. Пойду на улицу, погуляю... пройдусь... для маціёну... разомнусь... опять приду домой... сичасъ это, глядишь, завтракъ поспѣлъ... котлетки... свинина жареная... пироги съ кашей... чего душа желаетъ... а то—блины пшенишные съ коровьимъ масломъ... Охъ, гоже горяченькіе-то: положишь его, а отъ него духъ... возьмешь это въ ротъ—душа съ тѣломъ разстается, истинный Господь... безъ мыла лѣзетъ...

— А! да ну тебя къ кобылѣ подъ хвостъ, лѣшманъ!—сердито сказалъ серьезный и, забравшись на нары, тоже легъ,—молчи!.. Блины!—передразнилъ онъ его:—га!.. ѣдали мы ихъ съ тобой въ святъ день до обѣда... Ты кто такой?.. Хресьянинъ... аль кто?..

— Я?—переспросилъ корявый.—Я православный хресьянинъ... хрещеный... а тебѣ на что?

— Да такъ... чудно!.. Что-жъ это ты отъ дому-то отбѣгаешь... мужикъ здоровый... все, чай, у тебя, какъ и водится, землишка... то... се... аль пропилъ все?..

— Бросилъ я все!—немного помолчавъ и подумавъ, серьезно отвѣтилъ корявый,—ну ее... одна ломка... горбатъ будешь, а богатъ не будешь... ворочай сдуру-то... никого не удивишь... А главная причина,—опять помолчавъ, заговорилъ онъ,—по дому у меня промежду семьи раскорячка произошла... нельзя жить стало... плюнулъ взялъ... махнулъ рукой... провались ты совсѣмъ проваломъ...

— Что-жъ у тебя такое вышло?

Корявый молчалъ. На страннѣ опять сдѣлалось тихо, противно, жутко...

— Жена у меня съ помошникомъ писаря спуталась!—сердито и совсѣмъ, будто, другимъ голосомъ сказалъ корявый.

— Н-н-у-у,—протянулъ серьезный,—неужели взаправду?.. ахъ ты... во-о-о-тъ... какъ же это она?..

— Какъ, какъ!.. Ужъ они знаютъ какъ... не даромъ пословица молвится: не вѣрь коню въ полѣ, а женѣ въ домѣ... Я тебѣ вотъ разскажу какъ... очень даже просто.

Онъ повернулся на бокъ, лицомъ къ серьезному и, помолчавъ немного, что-то думая, заговорилъ.

IV.

— Женили меня, другъ ты мой, какъ тебѣ сказать, не соврать, году эдакъ на девятнадцатомъ... раненько... И неохота мнѣ признаться было, да главная причина, никакъ

нельзя: отецъ померъ. Ѣхалъ изъ Москвы пьяный, замерзъ въ дровнишкахъ... привезла лошадь ко двору... вытащили его изъ дровней, а онъ, какъ сосулька... не гнется... втащили въ избу... думали: ототремъ... ну да, ототрешь... готовъ!.. Остались мы втроемъ. Мать, женщина ужъ не молодая, болящая, сырая, я, да сестра, дѣвка вѣкоушка, злая презлая, а на работу лѣнивая. Плохо, вижу, мое дѣло... Стала приставать ко мнѣ мать... „Жениться тебѣ, Митрій, надо...“ Вижу самъ: не миновать... Ладно!—говорю. Ну, кой-какъ справили свадьбу... двухъ бычковъ продали... сѣна угольникъ... Сталъ жить съ женой... Сначала и ничего: бабенка изъ себя картинка, характеру тихаго, съ матерью ласковая... съ золовкой то же самое... Къ работѣ ловкая, старательная, аккуратная... вижу: жить можно. Эхъ, думаю, дуракъ я былъ,жениться не хотѣлъ: то ли дѣло... любота!..

— Да ужъ что говорить! — усмѣхнулся серьезный.

— Ну, прожили этакъ съ годъ, заболѣла мать, повалялась недѣльки двѣ. Свезъ въ больницу, тамъ и померла. — Остались мы трое... золовка за старшую... И пошла, другъ ты мой, промежъ ихъ каждый день война... Царица небесная, закрывай глаза, да бѣги вонъ. Я промежду ихъ, аки сукинъ сынъ, верчусь... Ни та не слушаетъ меня, ни другая... Не знаю, что дѣлать... одурѣлъ, вѣришь Богу: по ночамъ начали лаяться!.. Ночью спокою не стало... сцѣпятся въ потемкахъ-то... одна съ печки, другая съ полу... Святыхъ стыдно!!

Онъ махнулъ рукой и сдѣлалъ новую папироску.

— А ты бы, чудородъ Иванычъ, унялъ ихъ,—замѣтилъ серьезный,—эдакимъ бы вотъ макарцемъ... за повойникъ.

Корявый какъ-то безнадежно махнулъ рукой.

— Было... пробовалъ... да и не радъ... чуть дотронусь,— заблажитъ благушей, на улицу выскочитъ: „Караулъ!.. убилъ!“ А почитай, насупротивъ моей хаты волость... постоянно народъ... Страмота... А золовка подъелдыживаетъ: „Что, унялъ? Что, унялъ?! Послушаетъ она тебя какъ же!.. Нѣтъ, батюшка, не на таковскую напалъ...“ И начнетъ прибирать, и начнетъ... Наказанье Господне!..

— Сталъ я, другъ ты мой, водочкой зашибаться... А пьяный я, прямо скажу, азіятъ... зубами съѣмъ. Ну, жена увидитъ, что я иду, сичасъ это, не будь дура, шмыгъ въ контору...

— Гм!—усмѣхнулся опять серьезный и мотнулъ головой.

— Повадилась, вижу, моя бабенка въ контору бѣгать... Что, думаю, за оказія. А золовка разъ по утру и шепни мнѣ: „Поглядывай за женой-то.“ А что такое? „Что, что... дуракъ ты... принесетъ она тебѣ въ подолѣ“... Ну, что-жъ, говорю, чай, она мнѣ жена... А она, аки змѣя: „Твой думаешь... какъ же... писаренковъ, вотчъ ей“...

— Ахъ, язва!—произнесъ серьезный,—н-ну-съ!

— Ну, началъ я, признаться, выслѣживать да ревновать.. Все мнѣ, понимаешь, представляется, какъ это онъ ее будто сцопалъ въ охапку, цѣлуетъ, а она ему, будто, говоритъ шепотомъ: „тише ты... пусти, мужъ бы не засталъ... успѣешь“....

Онъ замолчалъ и лицо его, какъ будто, потемнѣло...

— Н-ну-съ! — опять произнесъ серьезный.

— Поймалъ-таки, засталъ... — тихо сказалъ корявый и замолчалъ.

— Поймалъ?! — радостно переспросилъ серьезный, — н-ну-съ! Какъ же ты, а?..

— Ка-а-къ,—протянулъ корявый,—исписалъ всеё... глазъ вышибъ... вытекъ онъ у ней... волосья на головѣ съ мясомъ дралъ... до живого мѣста доставалъ... палецъ на рукѣ, почитай! напрочь отъѣлъ... Ни чорта... не пикнетъ...

— Озлилась...—сказалъ серьезный.—Жилъ этакъ же вотъ одинъ мужикъ... Скребакъ его звали... прозванье такое... Ну, вотъ у него жена тоже не плоше твоей, зачалъ онъ ее разъ учить... лупилъ, лупилъ, лупилъ, лупилъ... слова ужъ сказать не можетъ, такъ хоть рукой-то по полу скребъ, скребъ— дескать: скребокъ, да и скребокъ... Вотъ они, какія бабы-то!— неожиданно закончилъ онъ и спросилъ:—Ну, а писаришка-то что же?

— Да что-жъ? Нешто онъ виноватъ? Ему что? Слизнулъ, да и наплевать!..

— Знамо,—согласился серьезный,—н-ну-съ!

— Ну и ничего... меня и обвинили: зачѣмъ билъ.

— Жаловалась?!—воскликнулъ серьезный.

— Да ужъ что толковать, всего было!..—повторилъ корявый и, немного помолчавъ, весело воскликнулъ:—А ну-ка-съ, землякъ, запру еще, а?!.

V.

Къ вечеру на странню набилось столько людей, что буквально стало негдѣ повернуться.

Молодой послушникъ съ длинными, похожими на сосульки, волосами пришелъ откуда-то и принесъ съ собой маленькую жестяную лампочку.

— Вы бы, рабы Божьи, поменьше курили,—сердито сказалъ онъ, вѣшая лампочку на стѣну.—Ну, что это? Срамота, тьфу! Не продохнешь!..

Онъ вышелъ, сердито хлопнувъ дверью.

— Уходи, долговолосый дьяволъ!—сказалъ кто-то вслѣдъ ему.—Дармоѣды!..

Вскорѣ на странней сдѣлалось до того жарко и душно, что трудно стало дышать, и лампочка на стѣнѣ почти гасла, окруженная смраднымъ туманомъ.

Люди лежали и сидѣли на нарахъ вплотную. Въ проходѣ тоже было занято.

Большинство было раздѣто: въ однѣхъ рубашкахъ. Верхняя одежда, грязная, вонючая, а также и обувь: лапти, мокрые, тяжелые, старые валенки, какіе-то „ботики"—все это помѣщалось въ головахъ и ревниво оберегалось.

Со всѣхъ сторонъ неслись разговоры, смѣхъ и ругательства, ругательства безъ конца...

Обернувшись къ стѣнѣ и плотно заткнувъ уши, чтобы не слыхать этого удручающаго шума, я забылся и уснулъ...

Сколько спалъ, не знаю. Проснулся отъ страшнаго сна... Мнѣ приснилось, что я поднялся на воздушномъ шарѣ высоко, высоко и затѣмъ стремительно лечу внизъ въ страшную, темную, зіяющую бездну...

Я проснулся... Спать больше не было никакой возможности; невыносимая тоска сосала сердце...

На странней было почти совсѣмъ темно, душно и страшно... Храпъ несся со всѣхъ сторонъ... Иные скрипѣли во снѣ зубами, иные что-то мычали или же скребли ногтями тѣло, которое нещадно ѣли клопы и какія-то отвратительно-бѣлыя, огромныя „блондинки"...

Лампочка, висѣвшая на стѣнѣ, была снята на полъ въ проходъ, гдѣ около нея сидѣли два какихъ-то человѣка и, разговаривая, „чинились", т. е. „клали" заплаты на свои одѣянія...

Отъ нечего дѣлать и невольно, я сталъ прислушиваться къ ихъ разговору...

— Ну, а потомъ-то ты куда-жъ?..

—А потомъ, рабъ Божій,—отвѣтилъ тотъ, кого спрашивали, тоненькимъ и слегка дрожащимъ голосомъ, — а потомъ я во дьячки поступилъ... хлопоталъ, хлопоталъ... дери ихъ чортъ! Прошеній однихъ сколько подавалъ, тратился келейникамъ давалъ... консисторія будь, она проклята, сколько слопала...

— Одинъ преосвященный,—продолжалъ онъ, немного помолчавъ,—о. Антонидъ... изъ хохловъ онъ... чортъ его задери, какую со мной разъ штуку отмочилъ! Подалъ я, рабъ Божій, прошеніе.. пронюхалъ: мѣстишко освободилось, приходъ хорошій... Ну, сталъ „солить" тому, другому... дождался: явиться тогда-то къ преосвященному... Слава тебѣ Господи, думаю, авось и я колосъ въ полѣ... Ну, прихожу... Сюрту-

чишка это на мнѣ, сапоженки ваксой начищены, рукавчики бѣленькіе, сорочечка... бѣднота, ну, всетаки: „буду ѣсть мякину, а форсъ не кину“... Диви—не видать, что голъ, какъ Елисѣева плѣшь... Ну, хорошо. Показалъ мнѣ келейникъ, куда идти, вошелъ я... трясется, слышу, у меня все нутро... Гляжу, рабъ Божій, сидитъ въ креслѣ самъ... рыло, какъ у сома, усами шевелитъ... здоровенный, гладкій... Ну, я это сейчасъ, какъ меня учили, бултыхъ ему въ ноги, земной поклонъ отдалъ... Вскочилъ, ручки горсточкой... согнулся, на цыпочкахъ, прости Господи, къ нему подъ благословеніе...

Разсказчикъ помолчалъ, высморкался и громко сплюнулъ на полъ.

— Ну-съ,—продолжалъ онъ,—глядитъ владыко на меня... глядѣлъ, глядѣлъ и говоритъ: „Ты кто?“ Такой то-съ, отвѣчаю, владыко.

„Нѣтъ—говоритъ, ты не Осининъ, а ты Дубининъ... дуракъ ты“... Вылупилъ я на него, рабъ Божій, бѣльмы, думаю: „Царица небесная! Что такое?..“ А онъ опять: „Чего ты растанцевался-то передо мной... Дуракъ ты!.. Кто здѣся хозяинъ-то, а?..“ Гляжу я на него, думаю: кто у насъ дуракъ-то, ты аль я? — Простите, говорю, владыко святый, не понимаю вашего вопроса... — „Не понимаешь, говоритъ, оселъ, а-а-а, не понимаешь! Ну, и выходитъ, что ты дуракъ!.. Вонъ, говоритъ, кто хозяинъ-то... гляди“...—показалъ перстомъ въ уголъ, а тамъ, гляжу, икона, Николай чудотворецъ, виситъ. „Вотъ, говоритъ, кто хозяинъ, ему сперва долженъ былъ поклониться, а потомъ ужъ мнѣ... Ступай вонъ... Какой ты дьячекъ, ты пастухъ“.—Я было: владыко, помилуйте, простите неопытность, сробѣлъ... А онъ опять: „Вонъ!“ Ну, что-жъ дѣлать — заплакалъ, да пошелъ...

— Отъ чужихъ воротъ не стыдно и заплакамши пойти,— сказалъ слушатель... И добавилъ:—Давай, курнемъ... верти... на бумагу-то!..

VI.

Они закурили, а я отодвинулся отъ стѣнки и посмотрѣлъ на нихъ. Лампочка слабымъ трепетнымъ свѣтомъ освѣщала ихъ лица. Одинъ былъ старикъ лѣтъ 60-ти, съ бѣлой клинообразною бородою, плѣшивый, съ нависшими бровями; другой (въ немъ я сразу отгадалъ разказчика) пожилой, худощавый, съ жиденькой бороденкой и нервнымъ лицомъ... На носу, длинномъ и тонкомъ, какъ у Гоголя, надѣты были очки съ большими стеклами въ мѣдной оправѣ... Волоса были длинные и висѣли сосульками до плечъ.

Покуривъ, они снова, молча, принялись за починку...

— Ну, а потомъ-то ты какъ, отецъ, извернулся?—спросилъ черезъ нѣкоторое время плѣшивый.

— Дали мѣстишко,—отвѣтилъ худощавый,—да только, рабъ Божій, и мѣсто! Рублей 50 въ годъ доходу...

— Какъ же жилъ-то?

— Жилъ ничего... Я, рабъ Божій, всѣмъ бралъ, ну, мнѣ и хватало... Покосишка давался, коровенку приладилъ изъ молока... поросенка купилъ... и еще, рабъ Божій, вошелъ я промежъ бабъ въ славу: на картахъ гадать... отбою не было... Верстъ за двадцать стали ходить... Врешь, бывало, что ни попало—все ладно! Иной разъ и угадаешь... разучилъ я ихъ здорово: знаю, что она и думаетъ-то... Сама разскажетъ мнѣ все, я же ей эти слова потомъ и пересказываю... И дуры же, Господи... иной разъ даже жалко станетъ... Ну, понятное дѣло, мнѣ за это мзда.

— Бабенку себѣ тоже приладилъ... водкой торговала, бобылка... Бабенка неважная, косая... ну, да мнѣ наплевать, не за стекло ставить... Мнѣ, главная причина, водочка... Весь барышъ въ меня вливала... Чуть замѣтитъ—сдѣлался я сурьезнымъ, сейчасъ раздобудется, накатитъ меня, я и отмякну, а ей дурѣ и любо...

— Гм!—кашлянулъ старикъ:—это ты обмозговалъ не худо. Человѣкъ ты, отецъ, того... вижу, хорошій, а карманъ у тебя жуликъ...

— Съ попомъ мы дру-у-у-жно жили,—выслушавъ старика, заговорилъ худощавый,—попъ вдовый былъ: съ женой-то только три недѣли прожилъ, померла... Ну, дѣло извѣстное, не святъ мужъ,—мазиху себѣ завелъ... кухарченка... р-р-рожа, грязная—страсть... троихъ дѣтей прижилъ... Соберутся, бывало, гости, а она, дьяволъ, нарядится, выйдетъ, сядетъ съ ребенкомъ на рукахъ, кормить начнетъ... съ гостями въ разговоръ... „Что насъ позабыли?.. Мы завсягды рады“... Чисто тебѣ попадья... Ну, ему совѣстно... самъ посуди...

— Н-н-да!—согласился старикъ и, помолчавъ, сказалъ:—Неладно это сдѣлано, второй разъ имъ жениться нельзя... Грѣха отъ этого много изъ-за бабъ, изъ-за сукиныхъ дочерей, святые угодники въ соблазнъ впадали... Ну, такъ, значитъ, и поладилъ ты съ попомъ-то?..—перемѣнивъ рѣчь, спросилъ онъ.

— О-о-а, не говори!.. Прямо дыхнуть безъ меня не могъ... Любилъ... Ужъ и почудили мы съ нимъ... Я звонить мастеръ, а онъ, батя мой, любитель былъ хорошаго звону... Вотъ я, бывало, заберусь на колокольню пораньше... Сижу,

пока не выйдетъ попъ, сторожъ Сидорычъ въ большой благовѣститъ... Вотъ, гляжу, выходитъ батя изъ калитки...

Разсказчикъ вскочилъ, отставилъ лѣвую ногу немного въ сторону, руку лѣвую сдѣлалъ калачикомъ, правую поднялъ кверху и торопливо, волнуясь, продолжалъ:

— Сейчасъ я это въ маленькіе ударю порѣже: „попъ идетъ, попъ идетъ"... Потомъ эдакъ сразу въ балелейный, въ караульный, въ маленькіе, во всѣ: „попадью съ собой ведетъ, попадью съ собой ведетъ"... А Сидорычъ въ большой подлаживаетъ: „по-о-о-пъ идетъ, по-о-о-пъ идетъ!"... Сильно выходило!.. Батя идетъ, ухмыляется... Я опять: „къ намъ идете? Ваши гости! Къ намъ идете? Ваши гости!" Потомъ эдакъ во всѣ подъ пляску: „будемъ, будемъ, не забудемъ! будемъ, будемъ, не забудемъ!!" Хо-о-рошо!..

— А то,—еще больше воодушевляясь и нервничая, продолжалъ разсказчикъ,—на Пасхѣ разъ... Пасха стояла поздняя, теплая, сухая... Церковь у насъ на пригоркѣ, передъ ней полянка, насупротивъ домъ поповскій... Вотъ я урѣзалъ муху зда-а-а-ровую, да на колокольню... началъ раздѣлывать!.. Гляжу, мой батя выходитъ изъ калитки въ подрясникѣ бѣломъ, безъ шляпы... подобралъ полы... „Эхъ-ма! плясовую"!.. Понимаешь, эдакимъ макарцемъ: „а-а-ахъ, барыня, барыня! сударыня, барыня! чего тебѣ хочется!"... Гляжу, мой попъ такъ ходуномъ и ходитъ... посмотритъ на колокольню, махнетъ рукой, а я: „а-а-ахъ ты, сукинъ сынъ камаринскай мужикъ! О-о-онъ не хочетъ своей барынѣ служить!" Да опять во всѣ съ перезвонцемъ: „А-а-ахъ, барыня барыня! Сударыня-барыня"!.. Ловко...

— Ловко!—согласился старикъ.—Гм! Ну, а гдѣ-же теперича этотъ твой попъ находится?

— Померъ.

— Отъ вина, знать?..

— Отъ вина... да...—отвѣтилъ нехотя худощавый и потомъ вдругъ отрывисто произнесъ:—Удавился!..

— О-о-о!.. неужели взаправду?.. Какъ же это?..

— Удавился,—повторилъ худощавый,—понятное дѣло, изъ-за дьявола, изъ-за бабы... ну, и водка тоже... Повѣсился передъ окнами на рябинѣ, ночью, подъ праздникъ Воздвиженія Честнаго Животворящаго Креста Господня... Утромъ пошелъ я за ключами, а онъ виситъ въ одной бѣлой рубашкѣ безъ штановъ... Волосы длинные, растрепались... языкъ прикусилъ... вѣтеръ былъ... качается мой батя потихоньку, то однимъ бокомъ повернется, то другимъ... ноги голыя... Н-да, рабъ Божій,— закончилъ онъ съ грустью,—пропалъ ни за понюшку табаку... а какой человѣкъ-то былъ!..

— Да оно и все-то такъ, — сказалъ старикъ, — законъ

естества: хорошему вѣкъ не дологъ; соловей мѣсяцъ поетъ, а ворона круглый годъ каркаетъ. Ну, что-жъ апосля этого ты сталъ дѣлать?

— Въ конторщики поступилъ, на двадцать на пять цѣлковыхъ жалованья—харчи готовые... квартира...

— О-о-о! — удивленно воскликнулъ старикъ, — на двадцать на пять!.. Вотъ тебѣ, небось, житьишко-то настало?.. Попалъ, какъ мышь въ крупу.

— Ну, рабъ Божій, не скажи тоже,—отвѣтилъ худощавый,—народъ ужъ тамъ былъ, ахъ, бѣдовый... Да и самъ князь: старикъ лѣтъ этакъ подъ 60, такая-то сволота, прямо — повѣсить мало!.. Княгиня тоже... Управляющій Иванъ Карлычъ... дуракъ былъ... Бывало, кричитъ мнѣ: „гляди на меня... какъ я дѣлаю, такъ и ты"... Князь его палкой жучилъ,—любилъ князь драться. Крѣпостное право помнилъ... Утромъ встанетъ, пойдетъ по имѣнію шататься и ужъ до тѣхъ поръ не успокоится, пока кого-нибудь палкой не ахнетъ... Разъ пошелъ я, рабъ Божій, съ ружьишкомъ за утками на рѣку. Вотъ, иду назадъ въ гору къ имѣнію... а какъ въ имѣніе въѣзжать, князь заставу устроилъ: два столба каменныхъ, шламбай и сторожъ постоянно... Гляжу, сидитъ сторожъ около столба, дремлетъ, а князь, гляжу, съ палкой, по канавѣ къ нему крадется, какъ подъ тетерева... Крался, крался, а сторожъ-то, должно, учуялъ: возьми да и оглянись... какъ стреканетъ подъ гору...

— Чудакъ былъ... А хозяйствомъ самъ занимался... машины это разныя,—сѣялки, вѣялки... Контора... въ конторѣ я да еще двое... Книги .. „входящая" и „сходящая", „рабочій дневникъ", „обзоръ имѣнія"... А толку, рабъ Божій, никакого... Дуракъ былъ и уши холодныя... грабили его кругомъ... Княгиня—та больше съ докторами... постоянно докторъ при ней... гладкихъ все выбирала, поздоровше... Князь до дѣвокъ охотникъ былъ, а она до докторовъ...

— Ты кончилъ, что ли?..

— Готово.

— Ну, и у меня готово... Лампочку то повѣсить-можно. Спать пора надо...

Онъ всталъ, повѣсилъ лампочку, предварительно убавя въ ней огня, и отошелъ на свое мѣсто.

— Ну, а въ имѣньи-то въ этомъ много-ль ты прожилъ?— услыхалъ я въ полутьмѣ вопросъ старика.

— Да, года два жилъ... Потомъ убёгъ... спутался, понимаешь, съ горничной, а она возьми да того... и припухни... Княгинѣ сказали... „Послушайте, говоритъ, голубчикъ... надо вамъ жениться"... Ну, думаю, гдѣ ужъ мнѣ, къ чортовой

матери, жениться... утекать надо... Собрался ночью... пѣшечкомъ... айда!.. Ванькой звали...

— Ну, а потомъ куда же?—спросилъ опять любопытный старикъ.

— А потомъ, потомъ, — видимо разсердившись, сказалъ худощавый,—а потомъ, вишь вотъ, тутъ съ тобой вшей парю... Спи... надоѣло!..

— И то уснуть,—сказалъ старикъ и, помолчавъ, вздохнувши добавилъ:

— Эко духотень-то... батюшки-свѣты!.. хуть топоръ вѣшай...

VII.

Рано утромъ, еще задолго „до свѣту", часовъ, должно быть, съ четырехъ, странняя стала просыпаться. Я былъ радъ этому, такѣ какъ безсонная ночь съ печальными думами о невеселой безалаберной жизни, подъ стоны и скрежетъ зубовный, сильно развинтила мнѣ нервы.

Люди сидѣли на нарахъ полуодѣтые, страшные, зѣвали, ругались, скребли изъѣденное насѣкомыми тѣло, курили и переругивались...

Гурей и Гультикъ тоже проснулись и сидѣли рядомъ со мною, разминая руками заскорузлые портянки.

Гурей со сна былъ серьезенъ. Онъ сопѣлъ носомъ, „точно возъ сѣна везъ", и молчалъ. Гультикъ часто и громко зѣвалъ, почесывался и то и дѣло повторялъ: „Господи, Мать Пресвятая Богородица! Господи, Мать Пресвятая Богородица!"...

Я тоже молчалъ... Я глядѣлъ на всѣхъ этихъ „пасынковъ жизни" и думалъ о себѣ и о нихъ:

— Хорошо ли то, что я хочу сдѣлать? Найду ли я здѣсь дѣйствительно „тихое пристанище", котораго такъ долго и тщетно ищетъ измотавшееся сердце?...

На странню вскорѣ пришелъ вчерашній послушникъ... Онъ только что, должно быть, всталъ съ постели и былъ какой-то мятый, противный, растрепанный и злой.

— Тьфу ты!—плюнулъ онъ,—вотъ безобразіе-то... говорилъ: не курите!.. Эхъ вы, необузданные!.. Сряжайтесь скорѣе,—продолжалъ онъ,—сейчасъ огонь гасить буду... Идите въ церковь... чего вы... давно отблаговѣстили... спать сюда пришли?... Сряжайтесь, сряжайтесь!..

Онъ снялъ со стѣны лампочку и, держа ее высоко въ правой рукѣ, повторилъ опять:

— Сряжайтесь! Сряжайтесь! Мнѣ некогда дожидаться... Иди, молись... чего тутъ...

— А ты, братъ, какъ тебя, не знаю, величать-то, Прохватій, что ли, полегше,—сказалъ вдругъ среди общаго молчанія чей-то голосъ съ полу изъ-подъ наръ.—Ты не очень надвигай-то... видали мы и не такого дерьма... много васъ. Всякой чортъ Иванъ Иванычъ!.. Молись, коли тебѣ охота... на то ты и гриву отростилъ, а ужъ мы молились... Такъ-то... иди-ка съ Богомъ... намъ не до молитвы... это тебѣ съ сытымъ-то брюхомъ хорошо молиться...

Послушникъ окончательно взбѣсился.

— Молчи! — закричалъ онъ, — выставлю на морозъ... Сво-о-о-лочь! Сказано: идите! Мнѣ изъ-за васъ непріятность... Мнѣ убираться надо... ужо придете... Вонъ!.. нну!..

— Дьяволъ... собака! — какъ-то равнодушно произнесъ тотъ же голосъ изъ-подъ наръ.—Начальство тоже... черти проклятые... тьфу...

Послушникъ промолчалъ. Видно было только, какъ рука, державшая лампочку, нервно тряслась. Онъ злобно насупился и кусалъ зубами уголъ губъ.

Мы торопливо стали „сряжаться". Послушникъ всталъ около двери и, когда почти всѣ „срядились", отворилъ ее и крикнулъ.

— Нну!..

Мы гуськомъ, другъ за другомъ, торопливо, съ сумками за плечами или въ рукахъ, какъ послушное баранье стадо, стали выходить, сначала въ полутемныя длинныя, съ кирпичнымъ поломъ, сѣни, а изъ сѣней на улицу, гдѣ насъ сейчасъ же встрѣтилъ, обнялъ и началъ горячо цѣловать лютый морозъ...

VIII.

Ворота монастыря были еще заперты. Отперта была только калитка, и около этой калитки стояла темная фигура монаха-сторожа. Онъ пропустилъ насъ. Спотыкаясь о какой-то высокій порогъ, толкая другъ друга, мы проходили подъ арку воротъ, гдѣ глухо, въ совершенной темнотѣ, раздавались наши шаги... За стѣной было тихо. Порывы жгучаго вѣтра не врывались сюда, и морозъ, какъ будто, здѣсь былъ легче... Здѣсь была тишина, какая-то особенная, странная, таинственная, пугающая... Смутно виднѣлись въ полутьмѣ монастырскія постройки—церкви... высокая колокольня... Въ одной изъ церквей шла служба, въ окнахъ свѣтились огни... Наша рваная партія „поднеѳольныхъ" богомольцевъ направилась туда...

Въ церкви было тепло... Мы размѣстились въ „притворѣ",

около двери. По сторонамъ, направо и налѣво, около скамеекъ, стояли темныя, дремлющія фигуры монаховъ. Впереди, тускло и скупо, мерцали передъ иконостасомъ свѣчи... Кое-гдѣ, около „мѣстныхъ“ иконъ, чуть-чуть мигали лампочки красными и синими огоньками, смотря по тому, какого цвѣта были стаканчики съ налитымъ въ нихъ масломъ...

Я сталъ слушать... Пѣли на оба клироса „столбовскимъ“ напѣвомъ. Гнусавые, дрожащіе, старческіе и молодые голоса, какъ говорится, „драли“ какъ попало, и каждый, казалось, хотѣлъ показать свой голосъ особо отъ другихъ.

Служба шла утомительно-долго. Служили утреню. Нѣсколько разъ „канонархъ“, высокій, похожій на согнутый „перочинный“ ножикъ, молодой долговолосый послушникъ ходилъ съ книгой въ рукахъ съ клироса на клиросъ, громко, на всю церковь, выкрикивая тонкимъ голосомъ: „Услышитъ тя Господь въ день печали, защититъ тя имя Бога Іаковля“, и т. п. И сейчасъ же повторяли за нимъ на клиросѣ. Перекличка эта длилась довольно долго...

Когда кончилась служба, и мы вышли изъ церкви, уже разсвѣло... Вѣтеръ утихъ, но морозъ стоялъ лютый, и послѣ тепла какъ-то сразу далъ почувствовать себя.

Гурей и Гультикъ встали вмѣстѣ съ другими нищими около дверей просить подаяніе у выходившихъ изъ церкви богомольцевъ, а я отошелъ къ какой-то маленькой часовнѣ, у дверей которой на табуреткѣ сидѣлъ, небольшого роста, старичекъ-монахъ и глядѣлъ на выходившихъ изъ церкви людей...

Увидя меня, онъ какъ-то необыкновенно ласково улыбнулся и задушевно сказалъ:

— Водицы испить, родной, а? Поди, испей, испей... для здоровья она пользительна...

Онъ поднялся съ табуретки и вошелъ въ часовню. Вслѣдъ за нимъ вошелъ туда и я.

Посреди часовни былъ колодезь, закрытый досками, съ однимъ только небольшимъ квадратнымъ отверстіемъ посрединѣ, откуда черпали воду. На доскахъ около этого отверстія стояла большая чаша, лежалъ ковшикъ и неизбѣжное оловянное блюдце, такъ называемое „Подай Господи“...

Часовня была каменная, съ каменнымъ поломъ, и въ ней было страшно холодно... холоднѣе, чѣмъ на улицѣ...

Лики святыхъ угодниковъ, во главѣ съ Христомъ и Божіей Матерью, были такъ унылы и глядѣли такими жалобными глазами, точно хотѣли сказать: „Ахъ, какъ намъ здѣсь холодно! Ахъ, какъ холодно!“

Старичекъ-монахъ зачерпнулъ ковшикомъ воды и, улыбаясь, подалъ мнѣ.

— Испей, родной!..

Я взялъ, хотя мнѣ, конечно, было не до питья на морозѣ холодной, какъ ледъ, и чистой, какъ „слеза", воды... Сдѣлавъ два - три глотка, я поставилъ ковшикъ на доски...

— Пей, пей,—сказалъ старикъ.

— Нѣтъ, отецъ, уволь... холодно,—сказалъ я.

— А ты думаешь, отъ этого вредъ здоровью!.. Ахъ, рабъ Божій, ахъ, рабъ Божій,—какъ-то смѣшно взволновавшись, говорилъ онъ,—да нешто это можно... да нешто это можно... святая она... цѣлебная...

— Куда-жъ ты?—почти закричалъ онъ, видя, что я направляюсь къ выходу,—помолись... приложись къ иконамъ-то... Что ты это?.. Грѣхъ! Пожертвуй отъ трудовъ своихъ преподобному на свѣчку... Что ты, аль татаринъ?..

Я ничего не отвѣтилъ и, молча, вышелъ изъ часовни...

IX.

Гурей съ Гультикомъ собрали семь монетокъ и были очень довольны...

— И больше бы попало,—говорилъ Гурей,—подаютъ благодѣтели гоже, да главная причина: ужъ оченно нашего-то брата много... туча, истинный Господь!..

— Какъ же теперича,—занылъ Гультикъ, съежившись отъ мороза, какъ снигирь,—вопче... чайку бы... хоша до обѣдни грѣхъ, а вопче... того...

— Захотѣлось!—усмѣхнувшись, досказалъ Гурей и продолжалъ:—Въ кубовую пойдемте, рабы Божьи, здѣсь есть... для нашего брата устроена... Пойдемъ за народомъ-то...

Кубовая, куда мы пришли вслѣдъ за другими нищими, была длинная, узкая комната, съ низкимъ потолкомъ, скупо освѣщенная двумя выходившими на дворъ окнами и биткомъ набитая оборваннымъ голоднымъ людомъ...

Два молодыхъ послушника выдавали кипятокъ и слѣдили за порядкомъ... Свои обязанности они выполняли, нельзя сказать, чтобы по „братски": съ ихъ языковъ то и дѣло срывались словечки совсѣмъ нецензурнаго свойства, и „послушаніе" это, повидимому, страшно надоѣло и тяготило ихъ...

Посуда, монастырскіе чайники и чашки были такъ омерзительно-грязны, что противно было смотрѣть на нихъ... За кипятокъ взималось двѣ копѣйки...

Кое-какъ съ трудомъ, найдя мѣсто, мы усѣлись за гряз-

ный, загаженный столъ... Гурей раздобылъ за копѣйку чайникъ и одну на всѣхъ троихъ большую полосатую, съ отбитой ручкой, чашку.

— Какъ-нибудь обойдемся,—сказалъ онъ, засыпая въ чайникъ щепотку чаю,—не все съ квасомъ, порой и съ водой... изъ одной попьемъ. Ишь, народу-то Богъ послалъ, всѣ пить-ѣсть хотятъ, не одни мы...

Онъ ушелъ за кипяткомъ и, возвратясь, сказалъ:

— Ну, рабы Божьи, и народъ здѣся... Нн-да!.. Охъ, грѣхи тяжкіе... облаяли меня... а за что? Ужли воды-то жалко? Небось, не задаромъ... эхъ-хе, хе... нн-да!..

Мы принялись за чай. Гурей разливалъ. Первую чашку, держа ее обѣими руками, выпилъ онъ,—вторую—я, третью Гультикъ. Вынутые изъ сумокъ кусочки хлѣба, размоченные въ чаю и крѣпко посоленные, шли на закуску.

Выпивъ свою чашку и дожидаясь слѣдующей очереди, я сталъ глядѣть по сторонамъ. Сердце у меня сжалось.

Въ кубовой стоялъ сплошной, общій несмолкаемый гулъ человѣческихъ голосовъ, въ которомъ какъ-то неловко и съ трудомъ пробивались отдѣльныя фразы, вырываясь, точно ракеты, и снова утопая въ общемъ говорѣ.

Всѣ столы, стоявшіе поперекъ кубовой, были заняты... Чай пили не всѣ: многіе сидѣли, глядя на счастливцевъ, которые пили, и дожидаясь „остатковъ", т. е. совершенно спитаго-никуда негоднаго чая. Въ ихъ взглядахъ было что-то „звѣриное", тупое, страшное...

Становилось жарко... Тяжелый, кислый запахъ грязной одежды и пота смѣшивался съ тѣмъ особеннымъ противнымъ „монастырскимъ" запахомъ, который знакомъ всякому, кто живалъ по монастырямъ...

X.

Выпивъ еще одну чашку чая, я объявилъ своимъ, что у меня болитъ голова, и я пойду побродить по монастырю...

— Иди со Христомъ,—сказалъ Гурей,—походи... на морозѣ-то авось пройдетъ... Не диво и угорѣть...

Я вышелъ. На улицѣ было тихо, морозно, ясно... Подъ утро погода разгулялась... утихъ вѣтеръ... Солнце взошло огромнымъ яркимъ шаромъ съ какими-то зловѣщими (къ морозу) столбами по сторонамъ. Высоко въ воздухѣ, мелькая крыльями, кружилась, спасаясь отъ сѣраго большого ястреба, стая бѣлыхъ породистыхъ голубей. Голуби мелькали, какъ снѣжинки, дѣлая круги и забирая все выше и выше... Ястребъ былъ подъ ними и съ настойчивостью, достойной

лучшаго дѣла, тоже дѣлалъ круги, стараясь взлетѣть выше голубей и тогда сверху упасть на добычу. Это ему не удавалось, и онъ, наконецъ, бросилъ преслѣдованіе и скрылся въ воздушной дали. Голуби кувыркаясь, какъ камни, полетѣли внизъ за стѣну на монастырскій дворъ...

За воротами, въ монастырѣ было тихо и пустынно... Изрѣдка черезъ площадь торопливо проходилъ монахъ, шлепая по голенищамъ полами подрясника, какъ тетеревъ крыльями... Иногда попадался богомолецъ вродѣ меня, со скучающимъ видомъ, обозрѣвавшій достопримѣчательности монастыря... Въ общемъ все было печально, тоскливо и непріятно...

Побродивъ кое-гдѣ, осмотрѣвъ книжную лавочку, съ выставленными на окнахъ книжками, исключительно „божественнаго" содержанія, съ видами монастыря, я подошелъ къ часовнѣ, въ которой послѣ утрени пилъ воду.

Старичекъ-монахъ былъ на своемъ посту. Онъ сидѣлъ на табуреткѣ, и какъ-то смѣшно прищуря лѣвый глазъ, глядѣлъ на меня въ то время, какъ я подходилъ къ часовнѣ...

— Ты что-жъ ходишь-то, рабъ Божій,—спросилъ онъ, признавши меня,—точно потерялъ что, аль какъ неприкаянный... Ты шелъ бы чайку попилъ... Аль до обѣдни-то не пьешь? Говѣешь, а?.. Доброе дѣло!.. Да ты постой,—опять какъ и давеча, почти закричалъ онъ, видя, что я намѣреваюсь идти дальше,—куда ты бѣжишь-то?.. Экой безпокойный какой... успѣешь... поговори что-нибудь... Чей ты?.. Дальній, а?

Я удовлетворилъ его любопытство и хотѣлъ было идти, но онъ опять удержалъ меня.

— Помолиться пришелъ?—сказалъ онъ.—Что-жъ, хорошее дѣло, поживи у насъ... а то и совсѣмъ оставайся,—вдругъ неожиданно и какъ разъ попавъ на мои мысли, закончилъ старикъ.

— Какъ совсѣмъ?—спросилъ я.

— Да такъ... жить, въ число братіи... Ты грамотный? Изъ духовныхъ, что-ли?..

— А примутъ ли?..—опять спросилъ я.

— Примутъ... ты проси... ты игумена проси... не отставай отъ него... не отставай, рабъ Божій!—Онъ вскочилъ съ табуретки и до того воодушевился, что началъ махать руками сверху внизъ и громко кричалъ:—проси, проси, проси!

— А гдѣ мнѣ его найти?—спросилъ я.

— А ты вотъ какъ сдѣлай,—успокоившись и усѣвшись снова на тубаретку, почему-то шепотомъ и оглянувшись по сторонамъ, заговорилъ старичекъ.—Ты, вотъ, какъ отойдетъ поздняя, зазвонятъ обѣдать, пойдетъ братія въ трапезную и игуменъ пойдетъ... вонъ по энтой тропочкѣ,—показалъ онъ рукой,—промежъ кустовъ-то, видишь?.. Ты его тутатко и

лови... А то,—спохватившись продолжалъ онъ,—еще лучше: лови ты его, какъ онъ изъ трапезной пойдетъ назадъ къ себѣ въ покои... Тутатко и лови его... Поѣвши-то человѣкъ мягче бываетъ, добрѣе... Да онъ у насъ не сердитый, ты не бойся... Скажи: такъ и такъ,—желаю, молъ, потрудиться преподобному, поработать... остаться, молъ... Тебя какъ зваться-то? Семеномъ, говоришь?.. Ну такъ вотъ, братъ Семенъ, ты такъ и сдѣлай, какъ я говорю... оставайся! У насъ хо-о-о-рошо!.. Душу спасешь... А на міру-то тьфу! Грѣхъ одинъ!.. И мнѣ то за тебя Богъ можетъ грѣховъ сбавить за то, что посовѣтовалъ, вишь, тебѣ... Все одно, какъ жида въ крещеную вѣру ввелъ... Такъ-то-ся!..

Онъ потихоньку засмѣялся и похлопалъ рука объ руку.

— Я вотъ тоже извозчикъ былъ,—заговорилъ онъ опять.— Въ Москвѣ ѣздилъ... запряжка кака была, лошадь! Лихачу не уступалъ... А вотъ теперича, вишь Господь-то какъ сдѣлалъ... удостоилъ и меня грѣшнаго... Можетъ, на старости лѣтъ и ангельскій чинъ приму... А ты, братъ Семенъ,—опять перебилъ онъ свою рѣчь,—ужо какъ съ игуменомъ-то стакаешься, приходи сюда... Я тебя обожду здѣся... пойдемъ ко мнѣ чай пить... Я одинъ живу въ огородѣ, въ сторожкѣ... Теперь,—взглянувъ кверху на солнце, прибавилъ онъ:—скоро, чай, и ударятъ.

— Иди, иди... иди, раба Божья,—закричалъ онъ вдругъ и замахалъ рукой,—иди, испей водицы... помолись...

Я оглянулся... Къ часовнѣ подходила баба съ ребенкомъ въ рукахъ. Ребенокъ какъ то жалобно и слабо кричалъ у ней, точно мяукалъ...

— Иди, раба Божья, иди, иди!—манилъ ее старикъ, хотя отлично видѣлъ, что баба идетъ именно въ часовню.—Что это у тебя, а?..—спросилъ онъ, когда она подошла и поклонилась,—скулитъ-то за пазухой... ребенокъ, а?..

— Бо-о-о-льнешенекъ!—точно обрадовавшись чему-то, заговорила баба,—третью, батюшка, недѣлю бьюсь съ нимъ... Оретъ и оретъ, словно за душу прицѣпленный... И притка его знаетъ, что у него за боль завязалась... Пришла вотъ къ преподобному,—не поможетъ ли, молъ... Наказанье Господне!..

— А ты не ропщи... ты, баба дура, не ропщи,—заговорилъ монахъ,—ты вѣдь кто?.. Дура ты!.. Необузданная... ты пойми: кто виноватъ-то, а? Онъ, что ли, тебя нашелъ-то, а?.. Небось, не дѣти насъ нашли-то, а мы дѣтей... Такъ-то вотъ, баба... дура ты! Не ропщи, говорю... молись преподобному...

— Да и то молюсь, отецъ,—оробѣвъ, произнесла баба.

— Молюсь! — передразнилъ ее монахъ. — Какъ ты молишься-то, по-каковски?.. Сама поклоны передъ святыми иконами кладешь, а думаешь, какъ бы хлѣбы не пересидѣ-

лись въ печкѣ... Нешто это молитва, а?.. „Молюсь!“ — опять передразнилъ онъ ее и вдругъ строго, какимъ-то особеннымъ голосомъ, нахмурившись и сдѣлавшись очень потѣшнымъ, сказалъ:—Иди за мной! Я ему водицы дамъ испить... иди! иди!

Баба заторопилась и пошла въ часовню.

— Такъ ты, братъ Семенъ, такъ и сдѣлай, какъ я училъ,— сказалъ, обращаясь ко мнѣ, монахъ,—не робѣй... ужо заходи чайку испить... я подожду...

— Ладно,—отвѣтилъ я и пошелъ отъ него прочь, опять въ кубовую.

XI.

Гурей съ Гультикомъ отпили чай и сидѣли, дожидаясь меня. Я передалъ имъ свою бесѣду съ монахомъ,

— А мы то какъ же,—выслушавъ меня, сказалъ Гурей.— Рабъ Божій,—какъ-то жалобно взмолился онъ,—ужъ ты насъ не покинь, не оставь... и мы съ тобой... куда иголка, туда и нитка... Наше дѣло безъ тебя—бя... темные мы, говорить съ эдакимъ лицомъ не умѣемъ... ты грамотный, ты знаешь... не покинь, сдѣлай милость... Всѣ вмѣстѣ и пойдемъ... авось Господь дастъ, все по хорошему будетъ...

Въ монастырѣ „ударили“ къ обѣднѣ. Мы взяли свои сумочки и вышли изъ кубовой...

— Въ церковь, что ли?—сказалъ Гурей:—Аль такъ потрепаться покеда, а?..

— Успѣемъ въ церковь-то... вопче... рано, — отвѣтилъ Гультикъ,—хоша,—продолжалъ онъ точно сквозь слезы,— грѣхъ болтаться зря-то... ну, да вопче... того...

— „Вопче, вопче“,—передразнилъ его Гурей,—и не поймешь, что ты за человѣкъ такой? Битъ, надо быть, бывалъ шибко, оттого ты и есть такой... Гляжу я на тебя, рабъ Божій, и дивлюсь: мы плохи, ну, а ты чище насъ...

Между тѣмъ, изъ гостиницы потянулись въ монастырь, на звонъ, богомольцы... Среди нихъ преобладали бабы, любительницы посѣщать мужскіе монастыри, питающія къ монахамъ особенное расположеніе...

Пройдя воротами, большинство богомольцевъ свертывали налѣво къ небольшому домику, гдѣ была просфорная, и, запасшись просфорами, шли дальше вглубь монастыря, къ главному собору, гдѣ лежали мощи и гдѣ началась уже служба...

Къ собору, по площади, со всѣхъ сторонъ торопливо шли похожіе на вороновъ монахи... „Манатейные“ несли полы своихъ мантій, какъ бабы подолы юбокъ, боясь замочить или

измарать ихъ въ грязи. Молодые послушники, тщательно расчесавъ волосы, надѣвъ немножко на бекрень свои „ермолки", перетянувшись по таліи ремнями, видимо рисуясь своимъ положеніемъ, прогуливались по липовой аллеѣ, нахально заглядывая въ лица молодыхъ бабенокъ и дѣвокъ. Маленькій оборванный парнишка велъ за руку спотыкавшагося на ходу древняго, страшно худого, слѣпого старика... Прошелъ къ собору высокій, широкоплечій солдатъ-кавалеристъ, позвякивая шпорами, въ новой съ иголочки шинели, вѣроятно пріѣхавшій къ роднымъ на побывку. Онъ косилъ глаза направо и налѣво, очевидно думая, что на него смотрятъ и любуются, и прошелъ къ собору. За нимъ, хихикая, вертя хвостами, какъ трясучки, сѣменя ногами—„чикъ, брикъ, чикъ, брикъ"—прошли какія-то двѣ „мамзели"... Нѣсколько бабъ, очевидно дальнихъ, въ бѣлыхъ балахонахъ, въ лаптяхъ, съ котомками за плечами и палками въ рукахъ, твердой поступью, ни на кого не глядя, нахмурившись, со строгими лицами, прошли туда же.

Затрезвонили „къ началу".

Трезвонилъ мастеръ своего дѣла, артистъ, какъ я послѣ узналъ, слѣпой монахъ о. Степанъ... Колокола у него точно разговаривали... Сначала маленькіе начинали болтать что-то веселое; къ нимъ осторожно, точно боясь помѣшать, присоединялись большіе и, наконецъ, вступалъ и глушилъ бесѣду своимъ ужаснымъ басомъ „самъ" набольшій...

Соборъ былъ большой, темный... Направо отъ входныхъ дверей, въ какой-то нишѣ, похожей на пещеру, находились подъ спудомъ мощи... Здѣсь стояли огромные подсвѣчники, и на нихъ горѣло множество свѣчей... Старый монахъ, точно застывшій въ своей позѣ, стоялъ сбоку, смотрѣлъ, какъ прикладываются къ мощамъ, и слѣдилъ за порядкомъ. Бабы, какъ одурѣвшія овцы, съ выпученными, точно испуганными глазами, напирая другъ на дружку, лѣзли къ мощамъ съ такой настойчивостью и нетерпѣніемъ, какъ будто боялись, что ихъ не допустятъ приложиться...

Гурей купилъ за двѣ копѣйки тоненькую свѣчку и, шепнувъ мнѣ: „пойдемъ, рабъ Божій, приложимся",—полѣзъ вмѣстѣ съ другими къ мощамъ. За нимъ, фыркая носомъ и утирая его рукавомъ, тронулся Гультикъ, а за Гультикомъ я.

На верхней сторонѣ высокой, въ формѣ длиннаго ящика, гробницѣ, былъ изображенъ святой угодникъ въ томъ видѣ, какъ обыкновенно кладутся мертвецы, т. е. со сложенными на груди руками. Гробница была покрыта богатымъ покровомъ... Прикладывались къ „ручкамъ" и клали, кто сколько могъ, на тутъ же стоявшее, неизбѣжное „подай Господи"...

Молоденькій послушникъ, почти мальчикъ, тоненькимъ

голоскомъ на лѣвомъ клиросѣ „отбарабанилъ“ часы... Пришелъ игуменъ и, пройдя по всему собору, всталъ на свое огороженное мѣсто противъ праваго клироса.

Маленькаго роста, рыжебородый, толстенькій о. дьяконъ выбѣжалъ на амвонъ, поклонился игумену, обернулся къ царскимъ дверямъ и вдругъ, какъ-то неожиданно, сразу, высочайшимъ теноромъ закричалъ:

— Благослови, владыко!

Изъ алтаря сейчасъ же откликнулся ему на это хриплымъ, бормочущимъ басомъ іерей:

— Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ...

— Аминь!—точно сорвавшись откуда-то, завопилъ на правомъ клиросѣ, на разные голоса, „Ликъ“...

— Миромъ Господу помолимся! — закричалъ опять дьяконъ, и литургія началась.

XII.

По окончаніи обѣдни монахи, во главѣ съ игуменомъ, направились въ трапезную... Нѣкоторые богомольцы побогаче заказали около мощей молебны, а большинство направилось вонъ изъ монастыря, и вскорѣ на площадкѣ противъ собора сдѣлалось безлюдно и тихо...

— Куда-жъ теперича, рабъ Божій,—шепотомъ спросилъ Гурей,—гдѣ его преподобія дожидаться-то, а?..

Я повелъ товарищей на ту тропку, по которой долженъ былъ, какъ говорилъ мнѣ давеча у часовни монахъ, проходить изъ трапезной въ свои „покои“ игуменъ...

Тщательно расчищенная и разметенная дорожка, обсаженная по сторонамъ густо разросшимися, подстриженными вверху кустами, на которыхъ лежалъ толстый слой мягкаго и бѣлаго снѣга, вела отъ игуменскихъ покоевъ, раздѣляясь на двѣ половины—одна къ собору, другая къ трапезной...

Мы стали на дорожкѣ изъ трапезной, шагахъ въ пятнадцати отъ крыльца игуменскихъ покоевъ, а впереди насъ, съ той стороны, откуда долженъ былъ идти игуменъ, т. е. отъ трапезной, по дорожкѣ, ходилъ взадъ и впередъ какой-то молодой человѣкъ, въ пальто, въ шляпѣ, съ брюками на выпускъ, тоже, повидимому, кого-то поджидавшій... Не доходя до насъ шаговъ пяти, онъ каждый разъ какъ-то презрительно морщился, дѣлая на лицѣ гримасу, и, круто повернувшись, неслышно ступая резиновыми старыми калошами, заложивъ руки за спину, шелъ обратно...

— А что ты, рабъ Божій, думаешь, — шепнулъ мнѣ

Гурей,—надо быть, этотъ франтъ игумена поджидаетъ неплошь насъ. Ужли тоже проситься хочетъ, а?.. Ишь ты,—продолжалъ онъ,—баринъ, въ шляпѣ, и портки выпустилъ... въ калошахъ...

— Гляди, гляди, — съ какимъ-то ужасомъ въ голосѣ вдругъ перебилъ онъ свои слова,—идетъ!.. Игуменъ идетъ... Господи, Царица Небесная!.. Николай чудотворецъ, батюшка, угодникъ Божій!.. Ма-а-а-тушка, заступница!..

Дѣйствительно, игуменъ вышелъ изъ трапезной и, грузно ступая тяжелыми и большими сапогами, направился, переваливаясь на ходу, какъ зажирѣвшій селезень, по дорожкѣ въ нашу сторону...

Молодой человѣкъ въ шляпѣ остановился и сталъ ждать его... Игуменъ подходилъ... Молодой человѣкъ, не допустя его до себя шага на три, вдругъ какъ-то сразу бросился ему въ ноги... Игуменъ отшатнулся и остановился... Молодой человѣкъ вскочилъ, сдѣлалъ руки горсточкой и, согнувшись, протянулъ ихъ къ игумену, громко сказавъ:

— Благослови, владыко святый!..

Игуменъ размашисто „осѣнилъ" его крестнымъ знаменіемъ и привычнымъ жестомъ сунулъ ему къ губамъ свою руку... Молодой человѣкъ „приложился" къ ней и сталъ что-то потихоньку говорить... Игуменъ, улыбаясь, слушалъ... Молодой человѣкъ говорилъ долго, съ какимъ-то особеннымъ жаромъ выразительно жестикулируя руками... Выслушавъ его, игуменъ громко, съ удареніями на о, сказалъ.

— Хорошо... хорошо... ладно... Оставайся... приходи буде ужо ко мнѣ...

Сказавъ это, онъ направился къ намъ. Молодой человѣкъ, какъ-то подскакивая на ходу и заглядывая ему въ лицо, не отставая, шелъ за нимъ и продолжалъ говорить что-то. Игуменъ, грузно переваливаясь, двигался, глядя на насъ издали прищуренными глазами... Это былъ, средняго роста, кряжистый, съ огромной, совершенно бѣлой бородой, круглолицый, румяный, очень красивый старикъ...

Когда онъ поровнялся съ нами, мы поклонились ему. Благословивъ насъ всѣхъ троихъ и сунувъ каждому къ губамъ свою пухлую, бѣлую, мягкую руку, онъ, ласково улыбаясь и глядя небольшими глазами изъ-подъ нависшихъ совершенно бѣлыхъ бровей, привѣтливо произнесъ:

— Вы что, робятушки, а?.. Что скажете хорошенькаго?.. Откеда?.. Дальніе?.. Помолиться?.. Спаси Христосъ... одобряю... Ну, что скажете, а?..

Я сталъ говорить, чувствуя въ то же время, что мнѣ совѣстно, неловко, и досадно на самого себя... Но дѣлать было

уже нечего, толчокъ былъ данъ, и санки быстро катились подъ гору...

Игуменъ слушалъ молча, улыбаясь и окидывая насъ глазами... Когда я кончилъ, онъ засмѣялся и сказалъ, кивнувъ головой въ сторону, гдѣ стоялъ молодой человѣкъ въ шляпѣ...

— Вотъ и баринъ просится... хо, хо, хо!.. Что это вы нонѣ?.. Говоритъ: въ семинаріи учился... ученый, слышь... отецъ, быдто, протопопъ въ соборѣ... Въ какомъ, слышь, ты баилъ, городѣ-то?—обратился онъ къ покраснѣвшему молодому человѣку въ шляпѣ.

Изгибаясь, съ улыбочкой на тонкихъ губахъ, молодой человѣкъ поспѣшно отвѣтилъ.

— Во... вишь ты, кака птица,—обращаясь ко мнѣ, опять заговорилъ игуменъ,—ученый... въ шляпѣ... хо, хо, хо!.. Что ты это,—опять обратился онъ къ молодому человѣку,—зимой-то да въ шляпѣ?.. Чудно!.. Чай, холодно?.. Безъ портокъ, а въ шляпѣ... хо, хо, хо!.. Ахъ, робята, робята, чудаки вы, правотка... Возьми ихъ въ монастырь... мутовку облизать... Чудно! А ты,—обратился онъ снова ко мнѣ,—что-жъ шляпу-то не надѣлъ, а?.. Хо, хо, хо!.. за одно бы... Ты по рылу-то, видать — не хресьянинъ... изъ кутейниковъ, что ли, а?.. Ученый?..

Я поспѣшилъ сказать ему, „изъ какихъ“ я. Выслушавъ, онъ воскликнулъ:

— О-о-о! А я думалъ, ты не нашъ... съ лица-то ты не похожъ... Что-жъ, остаться хочешь, а?.. А грамотный ты? Пѣть не умѣешь ли?.. Пѣвчими-то я разбился... По церковному-то можешь-ли читать?.. А пачпортъ-то при тебѣ есть ли?.. Небось,—продолжалъ онъ, все такъ же радушно улыбаясь,—водочку, чай, больше молока любишь... табачишка, чай... на бабъ, чай, пялишься... а?..—И, видя, что я молчу, продолжалъ, какъ-бы желая ободрить меня:

— Ну ладно, ничего... всѣ грѣшны, всѣ во плоти... святые угодники и тѣ грѣшили... врагъ-то силенъ... Ну, такъ какъ же,—перемѣнилъ онъ рѣчь,—быть-то?.. Пожалуй, оставайся, живи... работай, коли пѣть не умѣешь... Вотъ вмѣстѣ съ господиномъ-то,—обернулся онъ снова къ молодому человѣку,—въ одной кельѣ и жить станете... Охотнѣй вамъ.. а тамотко видать будетъ... Ступайте покеда къ рухальному къ о. Ксенофонту... пачпорта отдадите, одежу вамъ дадутъ... Съ одежей то ко мнѣ идите благословляться...

— Ну, а вы, робятушки, что?—обратился онъ къ Гурею и Гультику,—аль тоже въ монахи захотѣли?.. Хо, хо, хо!.. Чудите вы!.. Да мнѣ, если бы васъ всѣхъ брать-то, стариковъ-то, да на зиму-то—надо бы пять такихъ монастырей

имѣть, да и то мѣстовъ не хватило бы... отбою отъ васъ нѣтъ... Ну, что скажете?

Гурей поклонился ему въ ноги и, поднявшись, произнесъ:

— Не оставь!..

— Не оставь!—какъ эхо, повторилъ Гультикъ.

— Да куда-жъ мнѣ васъ?—сказалъ игуменъ.—Въ лапшу, что ли, крошить... не годитесь, стары... хо, хо, хо!.. не ужуешь... Мастеровые?.. Мастерства какого не знаете ли?..

— Нѣтъ, батюшка,—виновато произнесъ Гурей.

— Ну, что-жъ вы умѣете дѣлать?..

— Да что заставишь...

— Хо, хо, хо!—засмѣялся на его отвѣтъ веселый и, очевидно, плотно пообѣдавшій игуменъ,—ну, полѣзай, вонъ, на крестъ... позолоти... хо, хо, хо! Чудите вы, робята... Въ монахи захотѣли... гм!.. Словно это блинъ проглотить... чикъ, брикъ, да и клѣтка... А вы вотъ что,—сдѣлавшись серьезнымъ, продолжалъ онъ,—такъ ужъ и быть, народъ вы, вижу, смирный, идите къ нарядчику къ о. Ильѣ, скажите—игуменъ, молъ, прислалъ... можетъ, онъ васъ въ рабочіе приметъ. Рублевка въ мѣсяцъ, харчи, одежа, квартера... все отъ обители, все готовое... Поживите коли, увидимъ... можетъ, и въ число братіи зачтемъ... глядя по человѣку... Народъ вы не молодой, темный, сиподеры... Каки вы монахи, мѣсто занимать только, хлѣбъ ѣсть... Такъ-то вотъ... Идите со Христомъ!

Гурей съ Гультикомъ опять повалились ему въ ноги. Онъ благословилъ ихъ, сунулъ каждому къ губамъ руку и, обернувшись къ молодому человѣку, сказалъ:

— Много-ль за шляпу-то далъ? Тоже, небось, деньги плочены?.. Хо, хо, хо! холодно, чай, говорю?..

Молодой человѣкъ покраснѣлъ и потупился...

— У насъ вѣдь тутатко,—продолжалъ игуменъ,—народъ всё простой, хресьяне... Я самъ мужикъ сѣрый... шляпы-то къ намъ не идутъ. У насъ работа, а ты вонъ, вишь, въ калошахъ... Ты думаешь, у насъ здѣсь: обѣдъ да полдни, только и помни... Нѣтъ, братъ, у насъ ручки-то будутъ, какъ терки... А ты, чай, отъ роду топора въ руки не бралъ...

Молодой человѣкъ пробормоталъ что-то невнятное и потоптался на мѣстѣ... Ему, очевидно, было очень неловко и совѣстно передъ нами... Игуменъ это замѣтилъ...

— Ну, а ты,—ласково сказалъ онъ, — не обижайся, не дѣвка красна... такъ это я... Идите съ Богомъ къ ружальному, къ о. Ксенофонту,—серьезно добавилъ онъ и торопливо пошелъ, переваливаясь съ боку на бокъ въ свои покои, похожій сзади на толстую женщину.

XIV.

Минуты двѣ мы стояли, молча глядя другъ на друга, точно удивившись чему-то, не зная, что дѣлать... Наконецъ, Гурей сказалъ, какъ-то особенно растягивая слова и, видимо, разогорченный словами игумена.

— Н-н-н-да-съ! въ рабочіе-съ... цѣлковый въ мѣсяцъ, харчи, баитъ, наши... ѣшь—не хочу... одежа... Гей! стары вы, говоритъ... Н-н-н-да-съ!.. Дѣло наше съ тобой, Гультикъ, выходитъ того-съ... бя-я-я!.. Пойдешь въ рабочіе-то?..

— Я... вопче,—заволновался и занылъ Гультикъ, — не знаю... хоша... пожить можно... время того... холодное... вопче... ходить-то... того...

— Ужъ видно, наше счастье такое,—продолжалъ Гурей,— гдѣ намъ. Вотъ тебя взялъ, — обратился онъ ко мнѣ, и въ голосѣ его былъ нескрываемый укоръ и досада. Что бы тебѣ о насъ-то заикнуться... небось, нѣтъ...

— Небось, слышалъ,—сказалъ я,—не годитесь, стары...

— А работать не стары, за цѣлковый-то?.. Знаю: худо ли имъ за рупь-то. Все, чай, на рупь-то наработаю... а харчи-то для нихъ все одно, что плюнуть,—артельское дѣло... Работу-то я гдѣ хошь найду... ворочай съ дуру-то!.. Я не работы ищу... я объ душѣ хлопочу, не спасу ли, молъ... а онъ на-ка... отростилъ пузо-то... Работай самъ, нечѣмъ другихъ-то потчивать... ишь ты, знаемъ мы... нѣтъ, шалишь, не пообѣдаешь... Гм!.. ловко!..

— Пойдемъ, рабъ Божій,—какъ-то сердито и не глядя на меня, обратился онъ къ Гультику, стоявшему съ опущенной головой, какъ старая, сморенная на работѣ кляча...

— Куда же вы?—спросилъ я.

— А куда Богъ велитъ!.. Бѣлый свѣтъ на волю данъ... Здѣсь не взяли, въ другомъ мѣстѣ возьмутъ... Авось Господь-то не безъ милости, найдемъ... Прощай, рабъ Божій, не взыщи съ меня, коли когда что лишнее сболтнулъ... не со зла болталъ... такъ... языкъ мой, врагъ мой... Прощай!..

— Прощай,—отвѣтилъ я съ грустью,—прощайте! Можетъ быть, увидимся...

— Знамо,—уныло произнесъ Гурей,—гора съ горой не сойдется, а человѣкъ съ человѣкомъ могутъ сойтись завси... Прощай!—еще разъ сказалъ онъ,—живи тутъ... спасайся... Бога помни... а ужъ мы!—Онъ не договорилъ, махнулъ рукой и быстро пошелъ прочь отъ меня по направленію къ собору...

Понуривъ голову, необыкновенно жалкій, поплелся за

нимъ Гультикъ, и оба они, пройдя аллейку, свернули направо и скрылись за кустами...

Съ тѣхъ поръ я уже ихъ не видалъ больше...

XV.

Пока мы разговаривали, молодой человѣкъ въ шляпѣ отошелъ немного въ сторону и съ презрѣніемъ, какъ мнѣ казалось, поглядывая на насъ, нетерпѣливо ждалъ.

Увидя, наконецъ, что Гурей съ Гультикомъ ушли, онъ сморщился и нехотя сквозь зубы процѣдилъ:

— Н-н-у, пойдемте, что-ли, къ рухальному...

— А гдѣ мы его найдемъ?—спросилъ я.

— Гдѣ-нибудь найдемъ,—отвѣтилъ онъ и пошелъ аллейкой по тому же направленію, куда пошли мои спутники...

Пройдя немного, онъ вдругъ обернулся ко мнѣ, пріостановился и сказалъ, щуря на меня небольшіе непріятные глаза.

— Знаете, что: я не люблю болтать... Намъ придется жить вмѣстѣ въ одной кельѣ... Я васъ заранѣе прошу: не лѣзьте ко мнѣ... Другое дѣло, если бы вы изъ духовныхъ были... Всетаки свой бы, а то... Ну, однимъ словомъ, между мной и вами нѣтъ ничего общаго... Да и вообще я... — онъ не договорилъ и тронулся дальше.

Я не нашелся отвѣтить ему. Слова его были до того неожиданно-глупы, что я просто, какъ говорится, разинулъ отъ удивленія ротъ и молча шелъ за нимъ, съ любопытствомъ глядя на его сутуловатую, качающуюся и подскакивающую на ходу, нескладную фигуру...

Пройдя немного, онъ вдругъ снова обернулся и, снова съ тѣмъ же презрѣніемъ въ голосѣ, сказалъ:

— Долженъ васъ предупредить, что я не пью и не курю.

— Хорошее дѣло,—отвѣтилъ я, на этотъ разъ уже со злостью глядя на него, — а я такъ вотъ и пью, и курю, и въ карты играю...

— Гм!—промычалъ онъ и, пожавъ узенькими плечами, пошелъ дальше. Я тоже тронулся за нимъ, опять съ интересомъ глядя на его плоскую, какъ доска, спину, тонкія, подгибавшіяся на ходу ноги, длинную журавлиную шею...

Путь нашъ лежалъ мимо часовни, гдѣ я пилъ по утрамъ воду. Добродушный монахъ и на этотъ разъ былъ на своемъ посту, и онъ еще издали призналъ меня и закричалъ:

— Ну, что, братъ Семенъ, чѣмъ Господь обрадовалъ?.. Просился? Взялъ?

— Взялъ,—сказалъ я.

— Слава тебѣ, Боже, слава тебѣ, Боже, слава тебѣ, Боже,—три раза повторилъ старикъ, искренно обрадованный, и три раза перекрестился на соборъ. — Куда-жъ ты теперь?

— Къ рухальному,—отвѣтилъ я.

— А-а-а, за одежей!.. А этотъ съ тобой, баринъ-то, кто же?—показалъ онъ пальцемъ на молодого человѣка въ шляпѣ.

— Тоже поступаетъ,—отвѣтилъ я.

— Слава тебѣ, Господи, слава тебѣ, Господи!—опять радостно произнесъ старикъ,—„приходящаго ко мнѣ не иждену вонъ"... Спаси Христосъ... Заходи ужо, чайку попьемъ, кишки пополощемъ, потолкуемъ... Заходи! Спроси отца Игнатья, всякій укажетъ, гдѣ живу...

— А къ рухальному-то гдѣ идти?—спросилъ я:—гдѣ его келья-то?..

— А во... вонъ тамъ, гляди,—видишь, бѣлый домъ... Зайдите за уголъ, вонъ съ той стороны первое крыльцо налѣво... Наверхъ лѣстница...

XV.

Рухальный жилъ во второмъ этажѣ мрачнаго съ виду, похожаго на какой-то фабричный корпусъ дома.

Деревянная, неопрятная лѣстница вела снизу, изъ сырыхъ, съ отвратительнымъ запахомъ, сѣней, наверхъ.

Мы взобрались по лѣстницѣ на площадку, гдѣ лежали дрова, какіе-то кувшины, стоялъ въ плошкѣ деготь, вѣроятно, для смазки сапогъ, метла, и, отворивъ обитую рогожкой дверь, очутились въ полутемномъ корридорѣ.

Въ корридорѣ было тихо. Два небольшихъ окна въ стѣнѣ направо съ зелеными стеклами скупо освѣщали его. Все было сѣро, неопрятно, тоскливо...

По угламъ висѣла паутина, на полу было сорно, стоялъ куль съ угольями, валялись какіе-то старые, засохшіе обмызганные вѣники, тряпки, растоптанные уголья, огромная вязанка дубовыхъ мелко переколотыхъ дровъ...

Корридоръ былъ небольшой... Въ немъ было только четыре двери, ведущія въ кельи, гдѣ жили монахи.

Въ промежуткахъ между дверями были печи... Отсюда производилась топка,—на двѣ кельи по одной печкѣ... Подъ потолкомъ, посрединѣ, висѣла загаженная лампочка, съ закоптѣлымъ стекломъ.

Тяжелый запахъ, такой же, какъ и внизу, царилъ въ этомъ мрачномъ корридорѣ.

Мы остановились около двери, не зная, что дѣлать... Молодой человѣкъ вопросительно посмотрѣлъ на меня... Я промолчалъ. Онъ отошелъ къ окну и сѣлъ на подоконникъ...

Было тихо. Гдѣ-то глухо и рѣдко пробили часы. Что-то упало. Огромная дымчатая съ длиннымъ хвостомъ крыса вдругъ вывернулась откуда-то и побѣжала по корридору на другой конецъ...

Молодой человѣкъ досталъ изъ бокового кармана пальто какую-то небольшую черную книжечку и, подумавъ, началъ что-то торопливо записывать въ нее.

Отъ нечего дѣлать, украдкой я сталъ наблюдать за нимъ...

Возрастъ его опредѣлить было трудно. Лицо его и вся фигура показывали, что онъ таки пожилъ на своемъ вѣку. Лицо было испитое, желтовато-сѣраго цвѣта, шея длинная съ сильно выпяченнымъ кадыкомъ. Шляпу онъ снялъ, положивъ ее рядомъ съ собой на подоконникъ, и я увидалъ его голову „рѣдькой вверхъ", на которой росли жидкіе, зачесанные назадъ волосы. Лобъ былъ низкій, узенькій; тусклые небольшіе глаза, точно наполненные водой стеклянные шарики, глядѣли безсмысленно и тупо.

Пальтишко на немъ было плохенькое, не соотвѣтствовавшее времени года, „рыночное", съ большими уродливыми пуговицами по бортамъ... На ногахъ были стоптанныя резиновыя калоши и полосатыя обтрепанныя снизу брюки...

Онъ сидѣлъ на подоконникѣ, что-то записывая. Несмотря на то, что въ корридорѣ было не холодно, его тощее лицо, длинный носъ, руки съ длинными тонкими пальцами какъ-то посинѣли и имѣли непріятный и жалкій видъ...

По всему видно было, что этотъ человѣкъ страшно нуждается, но старается скрыть нужду, какъ страусъ прячетъ голову подъ крыло, не замѣчая, что эти попытки выдаютъ его...

— Что-жъ намъ дѣлать?—спросилъ я, не видя конца тягостному молчанію.—Молодой человѣкъ ничего не отвѣтилъ, но въ это время за дверью по лѣстницѣ послышались шаги; дверь, визжа блокомъ, отворилась, и въ корридоръ вошелъ высокій, худощавый молодой послушникъ съ большимъ наполненнымъ водою кувшиномъ...

„Любила я,
Страдала я,
А онъ, подлецъ,
Сгубилъ меня!" —

пѣлъ онъ, ставя на полъ въ углу кувшинъ и не обращая на насъ ни малѣйшаго вниманія.

„Надѣну черно платье,
Въ монашенки пойду!"—

продолжалъ онъ и вдругъ, поднявъ голову и взглянувъ на насъ мутными, точно у пьянаго, глазами, спросилъ:

— Вамъ кого, рабы Божьи?..

— Да вотъ,—отвѣтилъ я,—къ рухальному пришли, да не знаемъ, гдѣ онъ...

— А онъ, небось, кривой чортъ, спитъ безъ заднихъ ногъ!—радостно воскликнулъ послушникъ: — Пьетъ онъ у насъ здорово, — продолжалъ онъ,—монаха (четверть) въ день!.. Вотъ и ноньче не былъ за трапезой... Хватилъ здѣсь, у себя, налакался—и спать... Постойте-ка, я его раскачаю...

Онъ подошелъ къ первой двери, постучалъ и закричалъ, нагнувшись, въ замочную дырочку:

— Молитвами святыхъ отецъ нашихъ, Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!

Отвѣта не послѣдовало.

Онъ снова застучалъ и снова крикнулъ: „Молитвами святыхъ Отецъ нашихъ" и т. д.

— Да ну... аминь!—раздался за дверью хриплый и сердитый голосъ:—какого рожна надо?.. Уснуть не даютъ!..

Щелкнулъ замокъ, и въ полуотворившуюся дверь высунулась въ корридоръ фигура рухальнаго, о. Ксенофонта.

Послушникъ говорилъ правду: отецъ Ксенофонтъ, очевидно, спалъ и спалъ давно: лицо его опухло, сѣдые сосульками волоса растрепались, бороденка спуталась комкомъ, единственный лѣвый глазъ съ огромнымъ подъ нимъ мѣшкомъ заплылъ и чуть-чуть глядѣлъ на свѣтъ божій... Долгая, изъ бѣлаго холста „бабья" рубаха была развязана на вороту, и изъ-подъ нея виднѣлась покрытая волосами грудь съ висѣвшей на шнуркѣ небольшой позолоченной иконкой... На ногахъ у о. Ксенофонта не было ничего: онѣ были босы...

— Ну, какого тебѣ рожна надыть? — набросился онъ на послушника. — Дуракъ длинный!.. Эна вытянулся, какъ глистъ, а ума ни фиги не нажилъ... Дубина протяженно-сложенная!..

— Да вотъ къ тебѣ пришли, — отвѣтилъ послушникъ, указавъ на насъ,—игуменъ прислалъ... Чего ты лаешься-то, песъ старый... На цѣпь тебя посадить, лаялъ бы отъ нечего дѣлать... Хоть бы при дѣлѣ, а то возьми-ка глаза въ зубы, погляди на себя: зажирѣлъ, какъ у богатаго мужика меринъ...

— Ну, ну, молчи, протяженно-сложенная дубина!.. Вы что?—закричалъ онъ насъ: — чего надо? Не во-время шляетесь...

Я объяснилъ ему, въ чемъ дѣло.

— А дери васъ чортъ и съ игуменомъ-то съ дуракомъ вмѣстѣ... Монахи! Въ монахи захотѣли!.. Какіе вы къ шутовой, прости Господи, матери, монахи... Жили бы на волѣ, бѣгали бы за дѣвками, пьянствовали бы... Монахи! — опять презрительно повторилъ онъ.—Гм! кашу пришли жрать, дармоѣдничать... никуда, видно, больше-то не годитесь.

Онъ помолчалъ немного, пожевалъ губами и воскликнулъ, обращаясь къ послушнику, стоявшему тутъ же и съ улыбкой на тонкихъ губахъ взиравшему и на насъ, сконфуженныхъ этимъ пріемомъ, и на растрепаннаго съ похмѣлья о. Ксенофонта.—Ну, скажи на милость: и не дуракъ ли у насъ игуменъ? На что глядя, беретъ всякую, прости Господи, сволоту?.. Народу и то набито, до Москвы не перевѣшаешь, а онъ еще подсыпаетъ... Куда я васъ дѣну-то? — опять обернулся онъ къ намъ.—Каку вамъ одежу?.. У меня и подрясниковъ нѣтъ, и сапогъ нѣтъ... А, чтобъ васъ ободрало! надоѣли, какъ собаки!.. Обождите... некогда мнѣ, — добавилъ онъ помягче и, хлопнувъ дверью, скрылся къ себѣ въ келью...

Послушникъ захохоталъ. Молодой человѣкъ стоялъ, опустивъ голову, съ краской въ лицѣ, и кусалъ губы... Я тоже растерялся—и не зналъ, что дѣлать: уходить, или дожидаться...

— А вы не робѣйте,—все еще смѣясь, очевидно понимая наше смущеніе и желая ободрить насъ, сказалъ послушникъ,—наплевать, что онъ оретъ... Онъ ничего,—пооретъ, такой же будетъ... вы на это не взирайте... онъ у насъ постоянно такой, - ни за что облаетъ... Человѣкъ онъ хорошій, простецъ... Не бойтесь... Той собаки не бойтесь, которая лаетъ, а той бойтесь, которая потихоньку кусаетъ... Погодите, сейчасъ выйдетъ...

Мы стали ждать... Послушникъ набралъ изъ вязанки охапку дровъ, снесъ ее къ печкѣ, швырнулъ на полъ, такъ что только гулъ пошелъ по всему корридору, всталъ на колѣни, отворилъ дверку и, напѣвая:

Лучше пьяному напиться,
Чѣмъ тверезвому ходить,
Лучше вовсе не жениться,
Чѣмъ корявую любить!—

началъ швырять ихъ въ печку...

— А вы дальніе? — спросилъ онъ, покончивъ это дѣло

и закуривъ вынутый изъ отдушины печки, очевидно, заранѣе приготовленный и спрятанный тамъ крючекъ махорки.— А я такъ вотъ тверской... Тверской губерніи,—продолжалъ онъ, виля, что мы молчимъ,—третій вотъ годъ здѣсь околачиваюсь... Да что!..—Онъ махнулъ рукой. — Плохо!.. Коли своихъ нѣтъ—водочки не попробуешь.. На табачишко, вотъ, и то негдѣ взять... Ну, у кого деньги есть, тому знамо хорошо... У насъ ту.ъ просто: водка своя, торгуютъ... А то бабы носятъ... Насчетъ бабъ тоже просто... Купилъ ей половинку,—каждую субботу полъ мыть ходить будетъ... У насъ тутъ „старецъ" есть,—съ ироніей продолжалъ онъ,— нарядчикъ о. Илья, такъ у того трое дѣтей, а самъ въ ангельскомъ чинѣ... Не вѣрите?.. Сейчасъ провалиться, не вру. Чисто, понимаешь, мужъ съ женой: она къ нему, онъ къ ней... Насчетъ этого просто... Я, вотъ, по многимъ монастырямъ жилъ, а супротивъ здѣшняго по простотѣ нѣту... Народъ здѣсь простецъ, мужики сѣрые, малограмотный народъ... У насъ тутъ дьяконъ есть одинъ, такъ онъ евангеліе по складамъ читаетъ... Гдѣ надо голосомъ выше забирать, онъ на низъ спуститъ, а гдѣ надо ниже—оретъ во всю пасть. И смѣхъ, и грѣхъ... Вотъ пѣвчимъ здѣсь хорошо: пѣвчихъ самъ любитъ... Каждое воскресенье апосля поздней по банкѣ имъ подноситъ, чаемъ съ баранками поитъ... Имъ хорошо! И одежа у нихъ чище,—все имъ... А нашему брату того-съ... не поддуетъ... На работѣ замаютъ...

— Я вотъ все уйти собираюсь,—продолжалъ онъ, разгоняя рукой дымъ.—Вотъ весны дождаться,—махну къ Троицѣ... не попаду ли... Тамъ вотъ житье: деньга, понимаешь, завси, харчи, одежа... народъ постоянно, дѣвочки... не такая сволочь, какъ здѣсь,—смотрѣть тошно... — Онъ прищелкнулъ языкомъ,—груздочки!.. Вы изъ какого монастыря?—перемѣнивъ рѣчь, спросилъ онъ.

Я хотѣлъ отвѣтить, да не успѣлъ: дверь въ келью о. Ксенофонта вдругъ съ шумомъ распахнулась, ударившись объ стѣну, и самъ онъ выскочилъ въ корридоръ, точно какое-нибудь четвероногое, вырвавшееся изъ клѣтки. Онъ предсталъ предъ нами, одѣтый въ полную форму, т. е. въ клобукѣ, въ мантіи и т. д.

— Опять натухлилъ, лѣшай, махорищей-то, — крикнулъ онъ на послушника и добавилъ:—смотри, станешь ужо трубу закрывать, угару не напусти по намеднишному... Уморишь, протяженно-сложенная дубина!..

— Н-н-ну вы, монахи!.. Дери васъ деромъ... пойдемте, — обратился онъ къ намъ.—Ишь васъ носитъ... дармоѣды... Нешто порядочные люди пойдутъ сюда, жить... Эхъ вы, голь да перетыка!.. Н-н-уу, трогай!..

Онъ заперъ дверь въ свою келью, ключъ положилъ въ карманъ, похлопалъ рукой по этому карману нѣсколько разъ, очевидно, съ цѣлью удостовѣриться, попалъ ли онъ туда, не провалился ли, молъ, грѣшнымъ дѣломъ,—и тогда уже отворивъ дверь на площадку, пропустилъ насъ впередъ и сталъ спускаться по лѣстницѣ внизъ, въ сѣни, ступая огромными валенками, продѣтыми въ такія же огромныя калоши или „коты"—заразъ черезъ двѣ ступеньки. Ступени скрипѣли подъ нимъ, точно плакали, выговаривая жалобно тоненькими голосками: „ай, батюшки, больно! ай, батюшки, больно!"..

Я украдкой взглянулъ на молодого человѣка. Онъ поймалъ мой взглядъ, покраснѣлъ и, быстро отвернувшись, заторопился за о. Ксенофонтомъ.

Я тронулся за ними...

XVI.

Спустившись съ крыльца, о. Ксенофонтъ, ничего не говоря, сердитый даже съ затылка, повелъ насъ черезъ монастырскую площадь къ виднѣвшемуся издали бѣлому же „корпусу", формой похожему на тотъ, изъ котораго мы вышли, только гораздо больше въ длину и какъ будто повыше...

Не особенно большая, судя по зданію, дверь, открытая настежь и издали чернымъ пятномъ виднѣвшаяся на бѣломъ фонѣ стѣны, вела въ сѣни, еще больше загаженныя и протухшія, чѣмъ сѣни того „корпуса", который мы только что покинули.

Сѣни были узкія, сквозныя, съ лѣстницей посрединѣ, ведущей наверхъ, и съ двумя дверями въ стѣнахъ, направо и налѣво, ведущими, какъ оказалось, въ корридоры, гдѣ были кельи, и жила „братія"...

Полъ въ сѣняхъ былъ кирпичный, обледенѣлый и вонючій... На него, очевидно, лили, на скорую руку, всякую гадость и нерѣдко, пожалуй, исправляли естественныя надобности...

О. Ксенофонтъ поскользнулся въ своихъ кожаныхъ „котахъ", чуть было не упалъ и, схватившись за скобку двери, плюнулъ и, выругавшись матерно, сказалъ:

— Дьяволы... мѣста другого не найдутъ!.. Лодыри, дармоѣды!..

Онъ съ сердцемъ рванулъ пристывшую къ почернѣвшимъ отъ времени косякамъ дверь, отворилъ ее и, пропустивъ насъ впередъ, со словами: „ну, вы, монахи вшивые!" вошелъ самъ...

Корридоръ, въ которомъ мы очутились, былъ узкій, съ высокимъ потолкомъ, длинный, полутемный, освѣщаемый однимъ только окномъ, бѣлѣвшимъ на противоположномъ концѣ.

О. Ксенофонтъ, весь черный и какъ-то странно подходившій своей фигурой и одеждой къ этому страшному, безмолвному, точно тюремному, корридору, повелъ насъ вглубь его къ виднѣвшемуся вдали окну...

Пройдя его весь, онъ остановился у послѣдней двери налѣво, досталъ изъ кармана огромный старинный ключъ, вставилъ его въ скважину замка и обѣими руками, высунувъ на лѣвую сторону рта кончикъ языка, повернулъ направо... Раздалось громкое на весь корридоръ: дрынгъ!.. Онъ повернулъ еще... и дверь отворилась...

Вслѣдъ за о. Ксенофонтомъ мы вошли въ большую, со сводами, полутемную, заваленную и завѣшанную разной одеждой комнату—„рухальную"...

По стѣнамъ и на вѣшалкахъ висѣли и валялись по полу грудой подрясники, полушубки, колпаки, ряски, клобуки, сапоги холодные, теплые, опорки, холстина, обрѣзки кожи, подошвы, стельки, ремни...

Все это добро было не прибрано, запылено, висѣло и валялось, безъ малѣйшаго слѣда какого-либо порядка...

Всего было много и, очевидно, поэтому не береглось, въ надеждѣ, что еще будетъ столько же; а можетъ быть, просто благодаря лѣни о. Ксенофонта.

Тяжелый запахъ гнили и прѣли царилъ въ комнатѣ... Подоконники заплѣсневѣли... По угламъ видна была сырость стекла за желѣзными рѣшетками замерзли... Словомъ, всюду безпорядокъ, неряшливость, нерадѣніе, грязь...

О. Ксенофонтъ оглядѣлъ насъ своимъ вертящимся глазомъ съ ногъ до головы, измѣряя нашъ ростъ, и, порывшись въ сваленной на полу кучѣ старыхъ (новые висѣли на вѣшалкахъ) подрясниковъ, выбралъ, точно на смѣхъ, два теплыхъ, засаленныхъ, словно покрытыхъ лакомъ, съ отвратительнымъ запахомъ постнаго масла, и, подавая ихъ намъ, сказалъ:

— Нука-сь, рабы Божьи, примѣряйте... Небось, въ пору будутъ?..

Мы сняли свое верхнее платье и надѣли подрясники... Они оказались въ пору, но до того были противны, что я не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Ты бы, отецъ, получше далъ.

— Ну-у-у!—воскликнулъ онъ:—по барину и говядина, не дерьму и черепокъ... не въ гости къ тещѣ ѣхать... сойдетъ! Все одно вѣдь долго не наживете... гдѣ вамъ!.. Только вотъ

что, робята, коли вы свою одежу пропьете, то выгоню изъ монастыря голышемъ и этихъ вотъ не дамъ, подыхайте на морозѣ... Я ученъ отъ вашего брата, знаю...

— Ну,—продолжалъ онъ, взглянувъ намъ на ноги,—сапогъ вамъ не надо,—свои хороши... Вонъ у барина-то,—кивнулъ онъ на молодого человѣка,—съ калошами... Ремни вотъ подпоясываться нате... колпаки вотъ... эва какіе... те-е-е-плые!.. Примѣрьте-ка, въ пору ли?..

— Въ пору,—ехидно улыбаясь, глядя на насъ, опять продолжалъ онъ,—ну, вотъ и одѣлъ я васъ—дешево и сердито, за первый сортъ... заправскіе иноки... спасайся только теперь... молись... Сымайте подрясники-то, ступайте къ игумену... Онъ вамъ благословитъ ихъ... За бѣльемъ къ прачешнику сходите... Чаю, сахару игуменъ дастъ... У келейника Володьки самоваръ возьмете, спичекъ тамъ, лампочку, кувшинку,—воду таскать... Онъ вамъ и келью укажетъ, гдѣ жить... Ну, съ Богомъ!..

Мы сняли подрясники, одѣлись снова въ свое платье и, забравъ полученное, молча, не сказавъ ничего о. Ксенофонту, избѣгая смотрѣть на него, вышли въ коридоръ..

— Ска-а-а-тина!.. Мужикъ! — проворчалъ молодой человѣкъ и, обернувшись ко мнѣ, сказалъ:

— Ну, что-жъ теперь, а?..

— Да что-жъ,—отвѣтилъ я,—пойдемте къ игумену...

— Тьфу!—вдругъ какъ-то неожиданно-злобно плюнулъ онъ въ стѣну,—вотъ люди!—И быстро пошелъ вдоль по коридору къ выходной двери...

Неся на лѣвой рукѣ подрясникъ, а въ правой держа колпакъ, тронулся вслѣдъ за нимъ я, чувствуя, какъ у меня въ головѣ точно кто постукиваетъ молоточками и съ насмѣшкой выговариваетъ:

„Тихое пристанище! Тихое пристанище!..“

XVII.

Сойдя съ крыльца, мы направились въ „покои“ игумена по той же самой дорожкѣ, по которой давеча шли отъ него къ рухальному... На этотъ разъ, проходя мимо часовни съ колодцемъ святой воды, я не безъ удовольствія увидалъ, что дежуритъ, сидя на скамейкѣ, не болтливый о. Игнатій. а другой какой-то длинный, суровый съ виду, закутанный въ тулупъ монахъ...

Покои о. игумена находились тоже во второмъ этажѣ, какъ и у рухальнаго; разница была только въ томъ, что здѣсь все было чисто, прибрано, вымыто, выскоблено...

Довольно широкая съ ковромъ лѣстница вела наверхъ, на площадку, гдѣ было двѣ двери,—направо и налѣво. Правая дверь вела въ покои игумена, а налѣво (какъ я узналъ послѣ)—въ „покои", предназначенные для пріѣзда высокихъ особъ, напримѣръ—владыки, благодѣтеля стараго генерала, пріѣзжавшаго нерѣдко изъ Москвы (и, какъ я тоже послѣ узналъ, во время своихъ пріѣздовъ, спаивавшаго всю обитель) и т. п. На этой двери была пришпилена булавкой бумажка съ надписью: „заперто"...

Мы осторожно, боясь производить шумъ, чего-то робѣя, отворили дверь направо и очутились въ небольшой, свѣтлой, съ бѣлыми стѣнами и поломъ, устланнымъ цыновками, комнаткѣ-передней, гдѣ за столомъ, покрытымъ черной блестящей клеенкой, сидѣлъ на стулѣ молодой послушникъ-келейникъ и разглядывалъ картинки въ журналѣ „Вокругъ Свѣта"...

Одѣтъ онъ былъ франтовато. На немъ былъ изъ хорошей матеріи подрясникъ, опоясанный по таліи широкимъ, блестящимъ ремнемъ... На груди, отъ шеи и почти до пояса, по борту подрясника, болталась тоненькая блестящая цѣпочка, скрывавшаяся близь ремня за пазуху, гдѣ, вѣроятно, находились часы... На ногахъ у него были сильно начищенные ваксой блестящіе и слегка поскрипывавшіе „благороднымъ скрипомъ", по выраженію сапожниковъ, легкіе „гамбургскіе" сапоги...

Лицо у него было бѣлое, круглое, съ небольшимъ носомъ и глазами теленка, съ синими мѣшками внизу. Волоса на головѣ были тщательно напомажены, расчесаны и кокетливо „уложены" на правое и лѣвое плечо... Изъ кармана подрясника торчалъ кончикъ бѣлаго платка, и когда онъ выгащилъ его и стряхнулъ, то по комнатѣ распространился запахъ духовъ, отъ которыхъ, полагаю, могла бы разболѣться голова...

— Вамъ что?—грубо, вздернувъ кверху голову, какъ лошадь, которую неожиданно тянули снизу по мордѣ, спросилъ онъ.

Мы объяснили цѣль нашего прихода...

— А-а-а!—съ нескрываемымъ презрѣніемъ протянулъ онъ, окидывая насъ глазами и, снова усѣвшись за столъ, принялся за разглядываніе картинокъ. Немного помолчавъ, онъ проворчалъ сквозь зубы:

— Подождите... игуменъ, чай, кушаетъ...

Мы молча стояли, стѣсняясь присѣсть.

Въ комнаткѣ было тихо. Келейникъ шуршалъ перевертываемыми страницами... Маленькіе, съ одной мѣдной гирькой, часы торопливо чикали на стѣнѣ, точно выговаривали:

„убѣжимъ, убѣжимъ! убѣжимъ, убѣжимъ!“... Посаженный въ деревянную клѣтку подъ потолкомъ, краснозобый, толстый, отъѣвшійся снигирь перескакивалъ съ одной жердочки на другую и изрѣдка меланхолично посвистывалъ.

Ждать пришлось довольно таки долго... Келейникъ сидѣлъ къ намъ задомъ и перелистывалъ книгу съ такимъ видомъ, какъ будто бы онъ совершенно отстранялъ отъ себя самую идею нашего существованія...

Что-то отвратительное, упрямое и тупое было во всей его фигурѣ. Рождалось желаніе „дать“ ему хорошаго „разà“ по затылку и, вытащивъ изъ чистенькой каморки, запречь куда-нибудь на работу—на навозъ, подъ вилы...

— Владиміръ!—раздался вдругъ изъ „покоевъ“ знакомый намъ голосъ о. игумена,—примай спосуду...

Келейникъ, точно его кто-то неожиданно стегнулъ сзади кнутомъ, вскочилъ, встряхнулся и бросился, какъ полоумный, къ двери...

Немного погодя, онъ вышелъ, неся за ручки блестящій никкелевый самоваръ и полушепотомъ, оттягивая какъ-то чудно губы и глядя на наши ноги, прошипѣлъ:

— Ступайте... натопчите тамъ... Ты,—грубо обратился онъ къ молодому человѣку,—сыми, дуракъ, калоши-то... не на скотный дворъ пришелъ...

Молодой человѣкъ, молча, снялъ калоши, поставилъ ихъ у порога и, обернувшись къ монаху съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и трясущимися губами, сказалъ:

— А мнѣ кажется, что именно на скотный... И одну свинью я уже вижу...

— Ну, ну, не разговаривай много-то,—опять такъ же грубо сказалъ послушникъ,—много васъ, злая рота!.. Чисти за вами!..

Онъ отворилъ дверь „въ покои“, и мы, стараясь ступать потише, по разостланному узенькому коврику, вошли въ дверь...

XVIII.

Игуменъ сидѣлъ въ старинномъ, высокомъ съ лирообразной спинкой креслѣ, около заставленнаго цвѣтами окна и, привѣтливо улыбаясь, глядѣлъ на насъ...

Комната была большая, свѣтлая, раздѣленная поперекъ переборкой, за которой, какъ это было видно, въ небольшую узенькую съ ситцевой драпировкой дверь, находилась его спальня...

Въ переднемъ углу висѣли въ дорогихъ ризахъ образа. Передъ ними теплились три подвѣшенныя съ потолка на

цѣпочкахъ лампадки, въ видѣ позолоченныхъ голубковъ съ распущенными „парящими“ крылышками... Стаканчики на спинкахъ этихъ голубковъ, въ которые вливалось масло, были разнаго цвѣта: одинъ красный, другой вишневый, третій голубой... Внизу, за аналойчикомъ, покрытымъ вязаной бѣлой салфеткой, на которомъ лежали книги, стояло большое распятіе, и на этомъ распятіи висѣли красивыя, дорогія четки...

По стѣнамъ висѣли портреты бородатыхъ съ серьезными лицами старцевъ въ клобукахъ и мантіяхъ и нѣсколько фотографическихъ карточекъ...

Направо отъ двери стоялъ большой кожаный диванъ, по бокамъ котораго росли изъ кадокъ, обвитыхъ зеленымъ вьющимся мохомъ,—огромный фикусъ, съ покрытыми пылью листьями, и такая же, раскинувшая по сторонамъ свои лапчатыя листья, латанія. Передъ диваномъ стоялъ столъ, покрытый темно-красной скатертью съ „цацами“, похожей на бабью „шаль“; на столѣ стояла лампа съ зеленымъ колпакомъ, лежала раскрытая шашечница и валялся номеръ „Московскихъ Вѣдомостей“...

Весь полъ былъ устланъ дешевенькими цвѣтными узенькими ковриками... Подъ потолкомъ висѣла клѣтка, въ которой сидѣла полосатая канарейка и трещала такъ громко, точно обрадовавшись нашему приходу, что просто звенѣло въ ушахъ...

Пріятный запахъ „роснаго“ ладона наполнялъ комнату, напоминая о тихомъ и мирномъ житіи во всякомъ благочестіи и чистотѣ ея обитателя.

— Ну... а... пришли?..—произнесъ игуменъ, привѣтливо улыбаясь.—Получили?.. Хорошее дѣло!.. Я вотъ сейчасъ, того... благословлю...

Онъ оперся было объ ручки кресла, съ цѣлью подняться, но раздумалъ или просто полѣнился, не желая разстаться съ удобнымъ насиженнымъ мѣстомъ, опять усмѣхнулся и, не переставая улыбаться, спросилъ у молодого человѣка:

— Такъ ты баилъ: отецъ-то у тебя, ишь, протопопъ соборный, а? А ты-то вотъ какъ же это, а? Аль завертѣлся?..

— Я, владыко святый,—началъ было молодой человѣкъ, подавшись впередъ и вытянувъ длинную съ кадыкомъ шею, но игуменъ перебилъ его, сказавъ:

— Ты, рабъ Божій, меня владыкой не величай... Какой я владыко, да еще святой... грѣхъ это... какой я святой?.. Единъ Господь святъ... Я не владыко, я строитель... ты меня по просту зови „отецъ“, а я тебя буду звать „братъ“,—вотъ и все, и споемся такъ-то...

Онъ досталъ изъ кармана черепаховую съ серебрянымъ

ободкомъ табакерку и, стукнувъ по ней пальцами, прежде чѣмъ открыть, съ наслажденіемъ, морщась и немного наклонивъ на бокъ голову, понюхалъ сначала въ одну ноздрю, потомъ въ другую.

— Вишь, какой я святой, — сказалъ онъ: — табачишко нюхаю... такъ-то... Да это ничего... А ты помни: „ѣшь рыбу, да не ѣшь рыбака"... Есть вѣдь много, съ виду-то святъ мужъ, а въ душѣ-то того-съ... Ложкой-то кормитъ, а черепкомъ глазъ колетъ... Чай, самъ знаешь, какъ сказано-то: не суди... возлюби ближняго, какъ самого себя... Вотъ какъ Господь-то велитъ... Такъ-то!.. Такъ и живите: не ругайтесь, не деритесь, чего вамъ дѣлить-то?.. Нечего! все готово: харчи, одежа, обувь, келья... Живи!.. Чаю я вотъ вамъ дамъ, самоваръ... пей!.. Въ церковь ходите... люблю я это... Ты,— онъ опять обратился къ молодому человѣку,—на лѣвый становись... привыкай... можетъ, я тебя канонархомъ сдѣлаю... А ты,—обратился онъ ко мнѣ,—какъ хочешь... пѣть ты, баилъ, не умѣешь... Ну, ты такъ ходи,.. слушай Божье слово... молись, спасайся... на работу ходить будешь... нарядчикъ укажетъ... безъ дѣла сидѣть не будешь... нѣ-ѣ-тъ!

— Поживите, поживите, рабы Божьи,—продолжалъ онъ,— можетъ, и приживетесь... Ну, а не понравится,—ваше дѣло... съ Богомъ, не неволю... убытковъ отъ васъ нѣту... Я васъ кормлю, вы мнѣ работаете задаромъ... Такъ-то!.. А можетъ, Господь васъ, почемъ знать, укрѣпитъ... Пачпорта-то ваши гдѣ?.. Принесли?.. Давайте-ка, все одно... пущай они у меня...

Мы отдали ему наши на бродячемъ жаргонѣ „глаза", и онъ, повертѣвъ ихъ въ рукахъ, положилъ на окно.

— А вы въ монастыряхъ-то живали?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.

— А ты?—спросилъ онъ у молодого человѣка.

— Жилъ,—отвѣтилъ тотъ, какъ-то нехотя.

— Гдѣ?

— У Николы на Угрѣши... годъ прожилъ...

— Что-жъ, ушелъ?..

Молодой человѣкъ не отвѣтилъ. Игуменъ пристально посмотрѣлъ на него и, поднявшись съ мѣста, сказалъ:

— Не понравилось, знать?.. А можетъ, водочка?.. Вы ужъ, рабы Божьи, того... поменѣ пейте, коли пьете!.. Нельзя!... Я вѣдь на васъ наглядѣлся, знаю... все знаю,—самъ молодъ былъ... водочка самое, то ись, наистрашнѣйшее зло... въ ней все: и блудъ, и сквернословіе, и ненависть, и убійство, и зависть... самъ дьяволъ въ ней... Отъ водки да отъ женскаго полу паки огня бѣгайте... соблазнъ, душѣ пагуба... такъ-то! Ну,—продолжалъ онъ, помолчавъ и побарабанивъ пальцами

объ ручку кресла,—давайте теперича помолимся... становитесь вотъ здѣся, передъ иконами-то...

Мы стали на указанное мѣсто. Игуменъ подошелъ къ аналойчику, взялъ какую-то книжку, вѣроятно „требникъ", долго искалъ въ ней что-то и, наконецъ, найдя, перекрестился и началъ, спотыкаясь, съ трудомъ, читать что-то такое, чего никакъ нельзя было понять... Читалъ онъ такимъ образомъ довольно долго и, повидимому, съ удовольствіемъ слушалъ самъ себя...

Молодой человѣкъ во время этого чтенія нѣсколько разъ со вздохами „бултыхался" въ землю. Я, перекинувъ на лѣвую руку подрясникъ и надѣвъ на кулакъ „колпакъ", стоялъ, ничего не понимая, какъ-то одурѣвъ, думая Богъ знаетъ какія неподходящія къ мѣсту, несуразныя и ненужныя думы.

Покончивъ съ чтеніемъ, игуменъ обернулся къ намъ, заставилъ насъ встать на колѣна, почиталъ что-то надъ нами, перекрестилъ, сунулъ каждому изъ насъ въ губы для поцѣлуя свою пухлую руку, съ запахомъ нюхательнаго табаку, потомъ перекрестилъ наши вонючіе, сальные подрясники и колпаки и сказалъ:

— Ну, вотъ... спаси Христосъ! Носите... живите... Встаньте!..

Мы поднялись и стояли передъ нимъ смущенные, не зная, что сказать и что сдѣлать.

— Теперича я вамъ жалованье выдамъ, — заговорилъ, снова улыбаясь, игуменъ и, сходивъ за перегородку, вынесъ оттуда двѣ четверки чаю и два небольшихъ пакета съ сахаромъ,—нате-ка вамъ!

Молодой человѣкъ, очевидно знавшій порядки, принявъ то и другое, поклонился ему въ ноги... Игуменъ опять благословилъ его и снова сунулъ по привычкѣ къ губамъ для поцѣлуя руку.

Сдѣлавъ это, игуменъ посмотрѣлъ на меня и, видя, что я стою, сказалъ:

— А ты что-жъ... не хошь кланяться-то, а? А ты, рабъ Божій, гордыню-то бросай... смиряйся... Въ обители первое дѣло смиренье... все долженъ съ кротостью, со смиреньемъ сносить, всякую обиду... все!.. Ну, Господь съ тобой... Для перваго разу, безъ привычки-то тебѣ, знамо, чудно... поживешь, попривыкнешь, узнаешь... Ничего, рабъ Божій, не подѣлаешь... Знаешь, — улыбаясь, добавилъ онъ, — въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не суйся... такъ-то вотъ... н-н-да!..

— Владиміръ! — вдругъ громко крикнулъ онъ, — подь сюда!..

Въ комнату на этотъ зовъ влетѣлъ со всѣхъ ногъ келейникъ и замеръ въ подобострастной лакейской позѣ у порога...

— Ты того, — обратился къ нему игуменъ, — выдай-ка-сь вотъ имъ самоваръ, чашки, спички... все, что требуется... Да сведи, укажи имъ келью, гдѣ жить... отведи ихъ въ тае, гдѣ покойникъ, царство небесное, стрижъ жилъ... Ладно имъ будетъ... Лампу выдать не забудь, фотагену... укажи, куда за бѣльемъ сходить, за матрасниками... все укажи...

— Слушаю-съ! — отвѣтилъ келейникъ.

— Ну, такъ-то вотъ... живите... Господь съ вами... а теперь пока ступайте... Онъ вамъ укажетъ... Коли что, дѣло какое, аль обида, вы ко мнѣ приходите... Ну, Христосъ съ вами!..

Онъ еще разъ благословилъ насъ, и мы вслѣдъ за келейникомъ покинули его „покои"!..

XIX.

Келейникъ далъ намъ старый, загаженный, не чищенный, покрытый мѣстами зеленью самоваръ, большой, глиняный, крашеный, съ длиннымъ горломъ кувшинъ, коробокъ спичекъ, жестяную небольшую лампочку, бутылку керосину и, нагрузивъ все это на насъ, повелъ на „квартиру"...

Снова поплелись мы за нимъ, какъ нищіе слѣпые за поводыремъ, черезъ всю площадь, куда-то къ святымъ воротамъ, возбуждая своимъ видомъ любопытство въ попадавшихся навстрѣчу послушникахъ и монахахъ...

Келейникъ, должно быть на смѣхъ, испытывая наше терпѣніе, шелъ не торопясь, развалистой походкой, шевеля бедрами, какъ баба, и поскрипывая своими легкими „гамбурскими" на низкихъ коблукахъ сапогами...

Подойдя къ святымъ воротамъ, онъ остановился и долго бесѣдовалъ съ какимъ-то толстымъ, одѣтымъ въ сѣрую поддевку, попавшимся навстрѣчу знакомымъ человѣкомъ, совершенно позабывъ про насъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ конца этой бесѣды.

Наконецъ, онъ кончилъ и молча, не обращая на насъ ни малѣйшаго вниманія, направился отъ святыхъ воротъ налѣво за уголъ какой-то чудной, старинной башни, съ флюгеромъ наверху, вертѣвшимся со скрипомъ то въ одну сторону, то въ другую, и, обогнувъ ее, подвелъ насъ къ крыльцу небольшого двухъэтажнаго зданія...

Здѣсь онъ остановился, взглянулъ искоса мелькомъ на насъ и на свои сапоги, досталъ изъ кармана ключъ, привѣ-

шенный на веревочку, и, помахивая имъ и что-то насвистывая, вошелъ въ сѣни.

Сѣни были съ такой же лѣстницей наверхъ и съ той же грязью и вонью, какъ и тѣ, гдѣ жилъ о. Ксенофонтъ и гдѣ находилась „рухальная"...

Келейникъ отворилъ дверь направо, и мы очутились въ точно такомъ же, только гораздо болѣе вонючемъ коридорѣ...

Здѣсь точно такъ же было четыре кельи, двѣ печи, одно грязное окно.

Келейникъ всунулъ приготовленный заранѣе ключъ въ скважину замка первой отъ краю двери и, отворивъ ее, пропустилъ насъ и вошелъ самъ.

— Ну, вотъ вамъ квартира, — насмѣшливо произнесъ онъ, — спасайтесь! Коли что понадобится, приходите... За бѣльемъ къ прачешнику сходите... дадутъ тамъ... Счастливо оставаться!..

Онъ повернулся и вышелъ, сильно хлопнувъ дверью...

Мы остались вдвоемъ, стоя около двери, и, съ нѣкоторымъ ужасомъ и болью въ сердцѣ, обозрѣвали эту „квартиру"...

Она имѣла форму разрѣзанной вдоль толстой трубы или какого-то туннеля, аршинъ шесть въ длину и аршина четыре въ ширину...

Полукруглый сводчатый потолокъ, толстыя каменныя желто-грязныя стѣны, маленькое за желѣзной рѣшеткой окно, длинная въ ростъ человѣка, узенькая, съ „возглавіемъ" около двери, лежанка, грязный полъ, передъ окномъ маленькій крашеный сѣрой краской столъ, табуретка, козелки для кроватей съ лежащими на нихъ въ безпорядкѣ голыми досками, слѣдъ давленныхъ пальцами клоповъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли кровати, запыленная икона въ углу, противный запахъ, похожій на запахъ „тронувшейся" рыбы или мертваго тѣла, и что-то еще невидимое, самое страшное, невыразимое словами,—чувствовалось въ этомъ каменномъ мѣшкѣ, нагоняя на душу своимъ невидимымъ, страшнымъ присутствіемъ какой-то безотчетный, леденящій душу ужасъ...

— Ну, — произнесъ послѣ продолжительнаго молчанія молодой человѣкъ,—надо разбираться, какъ намъ тутъ съ вами? Тѣснота... тьфу!

Онъ плюнулъ и, съ сердцемъ бросивъ на лежанку подрясникъ, колпакъ, чай, пакеты съ сахаромъ, прошелъ впередъ и сѣлъ на табуретку.

Я послѣдовалъ его примѣру, т. е. тоже свалилъ принесенныя вещи на ту же лежанку и присѣлъ на козел-

БИБЛІОТЕКА

кахъ, положительно не зная, что дѣлать, чувствуя какую-то смертную тоску, боязнь, какую-то на кого-то обиду, желаніе плакать, жалость къ самому себѣ, къ прошлой жизни, ко всему тому далекому милому, которое прошло, кануло въ вѣчность, забылось, замазалось житейской грязью...

— Гробъ, гробъ, гробъ!—рѣдко, отчетливо стучало у меня въ головѣ.—Конецъ, конецъ! Всему конецъ! Всему конецъ!

. . . . . .

— Я схожу за своими вещами,—посидѣвъ немного, сказалъ молодой человѣкъ,—онѣ у меня въ гостиницѣ у монаха.—А вы,—продолжалъ онъ, поднимаясь,—разставьте покамѣстъ постели... Моя вотъ будетъ здѣсь,—показалъ онъ налѣво къ стѣнѣ,—а ваша здѣсь,—показалъ онъ напротивъ.—Матрасъ и подушку мнѣ не надо... Я такъ буду спать... на доскахъ... Подушку тоже изъ досокъ сколочу... Ну, а вы какъ хотите... Приду—чай пить будемъ... уголья въ корридорѣ... труба тоже тамъ... за водой вотъ сходить надо... Да самоваръ бы немножко потереть... ужъ очень онъ грязенъ... Вы потрите-ка его... Небось, умѣете, а?..

Я промолчалъ. Онъ пристально посмотрѣлъ на меня своими мутными глазами, ожидая отвѣта, и, не дождавшись, сказалъ:

— Ну, я пойду... я скоро!—И вышелъ изъ кельи, плотно притворивъ за собою дверь.

С. Подъячевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Среди крестьянъ.

I.

Мнѣ хотѣлось бы подѣлиться съ читателями своими воспоминаніями о работѣ среди крестьянъ. Въ моемъ разсказѣ читатель не найдетъ никакихъ обобщеній и выводовъ; я передаю только факты, только то, что я видѣла и слышала и въ чемъ сама принимала непосредственное участіе. Факты эти, быть можетъ, уже потеряли свѣжесть новизны, поблѣднѣли передъ широкимъ размахомъ той революціонной волны, которая послѣ того пронеслась по Россіи, но мнѣ думается, что они всетаки сохраняютъ извѣстную историческую цѣнность, какъ показатели настроенія крестьянскихъ массъ на одной изъ подготовительныхъ ступенекъ русской революціи.

Не задаюсь я и цѣлью дать въ моемъ очеркѣ цѣльную, законченную картину.

Я работала среди крестьянъ въ двухъ губерніяхъ, въ разное время, съ двумя перерывами, довольно продолжительными, работала всего два съ половиною мѣсяца, и за это время передо мной прошла полоса такой сложной жизни, столько она дала новыхъ и сильныхъ впечатлѣній, что нарисовать ея картину двумя-тремя штрихами было бы подъ силу только выдающемуся художнику. Мнѣ приходится поневолѣ выбрать только нѣкоторые факты, наиболѣе важные и яркіе, и постараться передать ихъ такъ, какъ они проходили передъ моими глазами, какъ я ихъ воспринимала; дѣлать изъ нихъ выводы, оцѣнивать ихъ—предоставляю читателю.

Работать среди крестьянъ меня давно тянуло, но выполнить свою мечту мнѣ удалось сравнительно недавно и совершенно случайно. Партійная организація, въ которой я работала, переживала третій провалъ. Были разгромлены: типографія, складъ литературы, комитетъ, союзъ пропагандистовъ, агитаторская сходка. Тщетно пытаясь возстановить организацію, я устала и рѣшила куда-нибудь уѣхать. Въ это время изъ глухой провинціи пріѣхалъ человѣкъ

за пропагандистомъ; я обрадовалась и тотчасъ же поѣхала съ нимъ.

Маленькій уѣздный городокъ, куда мы пріѣхали, до тѣхъ поръ всѣми покинутый и забытый, сталъ просыпаться. Первые, сравнительно незначительные, громы революціи прокатились и надъ нимъ: дѣло было вскорѣ послѣ 9 января 1905 г... Около мѣсяца, пока наладилась работа какъ слѣдуетъ, я пробыла здѣсь безвыѣздно, а когда все было сдѣлано и организація была поставлена, я уѣхала обратно, посѣщая городъ аккуратно каждую субботу.

Но вотъ, въ маѣ мѣсяцѣ, въ окрестныхъ деревняхъ, расположенныхъ вокругъ этого городка, стали вспыхивать одна за другой забастовки. Не прошло и недѣли, какъ весь почти уѣздъ былъ охваченъ ими точно эпидеміей. Вспыхивали онѣ и проводились зачастую совершенно самостоятельно, не только не подъ руководствомъ сознательныхъ людей въ моментъ забастовки, но даже и совсѣмъ безъ посторонней агитаціи. Возникали онѣ совершенно стихійно на почвѣ мѣстныхъ нуждъ и такъ же стихійно распространялись дальше. Я рѣшила использовать благопріятный моментъ и окончательно переселилась въ этотъ городокъ.

Бросилась я работать безъ всякаго заранѣе опредѣленнаго плана, такъ какъ за руководствомъ и не къ кому, и некогда было обращаться, твердо вѣря, что жизнь—лучшій и самый опытный учитель. Первымъ долгомъ по пріѣздѣ я достала географическую карту, изучила окрестности, намѣтила села, куда слѣдовало немедленно проникнуть, собрала свѣдѣнія, кому какая принадлежитъ деревня, сколько народонаселенія въ ней, каково его экономическое положеніе, каковы отношенія къ помѣщику и т. д. Что же касается выработки плана организаціи, то этотъ вопросъ я, пока, оставила на послѣ, желая приспособить его къ окружающей дѣйствительности и создать его, такъ сказать, подъ диктовку мѣстныхъ условій. Самой ближайшей задачей я поставила себѣ проникнуть въ среду крестьянъ и если не охватить всецѣло стихійное движеніе, то, по крайней мѣрѣ, по силѣ возможности влить туда сознательную струю, заложить фундаментъ для будущаго. Но не всегда намѣренія воплощаются въ дѣйствительность. Первое препятствіе я встрѣтила въ отсутствіи работниковъ, второе—въ отсутствіи литературы. Падать духомъ не приходилось. Нужно было во чтобы то ни стало создать возможность осуществить свою цѣль, и вотъ на общемъ собраніи кружка рѣшено было поступить такъ: одну недѣлю исключительно печатать только листки и воззванія, а другую распространять ихъ по деревнямъ. Въ городѣ долженъ былъ существовать центръ, куда бы могли съѣзжаться свои люди за справками и литературой и откуда должны были расходиться по селамъ агитаторы и развозить литературу.

Первый пунктъ программы былъ тщательно выполненъ. Всю недѣлю, дни и ночи, всѣ, кто только былъ въ организаціи—были

заняты печатаньемъ. Содержаніе листковъ мы старались приспособить къ мѣстнымъ нуждамъ крестьянъ, при чемъ почти для каждой деревни были свои особые листки. Общихъ вопросовъ мы почти не касались, а если и приходилось коснуться ихъ, то только мелькомъ, вскользь, поскольку это было необходимо. По воскресеньямъ и четвергамъ въ городѣ происходили огромные базары. Крестьяне цѣлыми тысячами съѣзжались изъ окружающихъ селъ, и я рѣшила воспользоваться ими для своихъ цѣлей. Переодѣвшись крестьянкой, съ корзинкой, набитой прокламаціями, въ рукахъ подъ видомъ горничной я отправлялась на базаръ и, шмыгая тамъ взадъ и впередъ, разсовывала прокламаціи по возамъ, карманамъ, корзинамъ. Затѣмъ ночью, вдвоемъ съ товарищемъ, мы отправлялись въ деревню, раскидывали листки по дворамъ, полямъ, дорогамъ,— словомъ, всюду, гдѣ только могли проходить или проѣзжать люди. Очень часто приходилось мнѣ разъѣзжать по желѣзной дорогѣ, и вотъ, забравшись въ четвертый классъ, среди крестьянъ, я вступала съ ними въ разговоры и постепенно переводила эти разговоры въ агитацію. Ѣздила я въ крестьянскомъ платьѣ, съ узломъ прокламацій подъ мышкой; разъ пришлось мнѣ почти всю ночь пролежать въ полѣ въ канавѣ, подложивъ подъ голову прокламаціи.

Помню одну такую сценку: я вошла въ вагонъ и, какъ подобаетъ крестьянской дѣвушкѣ, скромно пріютилась у окна на скамейкѣ. Обращались со мной страшно безцеремонно, грубо; когда я неловко высовывалась въ окно, ругались.

Противъ меня на скамейкѣ сидѣлъ молодой еще крестьянинъ, съ длинной русой бородой, съ добродушнымъ открытымъ лицомъ. Мы разговорились. Онъ мнѣ говорилъ «ты», подшучивалъ надо мной. Разговоръ становился серьезнѣе и вскорѣ между нами завязался споръ. Центральнымъ вопросомъ для всей Россіи въ то время являлась война, и стоило только свести разговоръ на эту почву, какъ вы легко овладѣвали вниманіемъ крестьянина. Коснулись и мы этого вопроса. Вначалѣ крестьянинъ съ явнымъ презрѣніемъ относился ко всему тому, что говоритъ ему маленькая крестьянская дѣвушка, но послѣ нѣсколькихъ моихъ удачныхъ репликъ перемѣнилъ тонъ. Незамѣтно для самого себя онъ перешелъ со мной на «вы», постепенно сталъ внимательнѣй относиться къ моимъ словамъ, меньше возражалъ и только больше слушалъ. Вокругъ насъ столпилась кучка народу. Слышались возгласы:—«Бачъ, що то якъ воно въ городи побувало,»—я сказала имъ, что я служу въ городѣ «за горничную».

— А ты-жъ дивчыно зъ видкиль це идешь,—неожиданно спросилъ меня кто-то. Я стала разсказывать, но вдругъ забыла названіе одного села, черезъ которое я должна была переходить, запуталась и окончательно сбилась.

Вдругъ лицо крестьянина, съ которымъ я спорила вначалѣ,

расплылось въ улыбку, онъ даже приподнялся на своей скамейкѣ и съ какою-то затаенною радостью проговорилъ:

— Эге-ге-ге! Я хоть такы темный, але такы и я смыкаю.

Я разсмѣялась.

— Что же вы «смыкаете», дядько?

— Дарма що темный, але такы смыкаю,—повторилъ онъ точно про себя.

И сколько я его ни упрашивала, чтобы онъ мнѣ сказалъ, что-же онъ «смыкаетъ», онъ ни за что не соглашался, и только уже на станціи, гдѣ онъ сходилъ, онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и взялъ съ меня слово, что я непремѣнно пріѣду къ нему въ гости на баштанъ. Далъ мнѣ адресъ.

Въ другой разъ, тоже въ вагонѣ, учитель какой-то деревни сталъ нанимать меня въ кухарки. Я было согласилась. Мнѣ казалось, что, служа у него кухаркой, я легко завяжу связи съ деревней и когда все будетъ сдѣлано — уйду. Но деревня оказалась слишкомъ далеко отъ нашего центра, а у меня денегъ было всего-то полтинникъ. Я отказалась.

Вообще агитацію мы рѣшили расширить до возможно широкихъ размѣровъ. Гдѣ бы намъ ни пришлось встрѣтиться съ крестьяниномъ или рабочимъ, въ полѣ, въ лѣсу, въ лодкѣ, на дорогѣ,—словомъ, всюду, мы обязаны были пускать въ ходъ все свое краснорѣчіе.

Вообще крестьянство въ массѣ для меня было темной загадкой, сфинксомъ, передъ которымъ мнѣ приходилось подолгу и глубоко задумываться. Жутко мнѣ было вначалѣ, страшно мучилъ вопросъ: поймутъ ли меня крестьяне, повѣрятъ-ли? Вѣдь имъ столько лгали на протяженіи всей ихъ исторіи, они такъ извѣрились въ людяхъ, столько наслоилось на нихъ тяжести и гнета! Какъ добиться ихъ довѣрія? Все это было для меня темно и не ясно, и только сама непосредственная конкретная дѣйствительность могла разрѣшить мои сомнѣнія. Вотъ почему меня такъ страшно радовалъ каждый малѣйшій успѣхъ работы среди крестьянъ, придавалъ столько энергіи и бодрости.

Въ общемъ отъ перваго періода моей работы среди крестьянъ у меня осталось немного яркихъ воспоминаній, такъ какъ мнѣ въ этотъ періодъ моей работы не удалось создать чего-то цѣлаго, законченнаго. Не удалось потому, что условія работы были слишкомъ тяжелы, а еще потому, что какъ разъ наканунѣ самой интересной части нашей работы меня арестовали.

Итакъ, агитація у насъ шла во всю. Быстро возникали связи по селамъ, а когда въ нашихъ рукахъ насчитывалось около двадцати деревень, явилась необходимость связать ихъ въ одно цѣлое. Рѣшено было организовать агитаторскіе кружки по селамъ, затѣмъ уѣздные комитеты и губернскій комитетъ. Рѣшили мы также издавать свою газету, отъ группы; въ перемежку съ вопросами мѣст-

ными, въ ней должны были разбираться и принципіальныя по вопросамъ программы и тактики. Назвали мы ее просто: «Деревенская Газета». Выпущено было 5 номеровъ. Распространялась газета очень шибко, и нѣкоторые номера приходилось выпускать двумя и тремя изданіями. На крестьянъ, которые никогда не слыхали живого слова, она производила сильное впечатлѣніе. Дорожили они ею чрезвычайно. Прятали подъ образами, съ замираніемъ сердца слушали чтеніе ея и съ восторгомъ передавали другъ другу о прочитанномъ. Пріѣзжая на базаръ, они рыскали по всему городу, отыскивая редакцію «Деревенской газеты», предлагали деньги, чтобы выписать ее на годъ.

Однажды я поѣхала въ ближайшую деревню, гдѣ мы должны были основать первый уѣздный комитетъ. Насъ было человѣкъ двѣнадцать. Собрались мы днемъ, въ лѣсу надъ рѣчкой.

Переговорили обо всѣхъ дѣлахъ, и я должна была уже уѣзжать, какъ вдругъ по лѣсу раздались шаги и по тропинкѣ, мимо насъ, прошло нѣсколько крестьянскихъ дѣвушекъ и парень. Мы подозвали парня и стали разспрашивать, откуда онъ, какъ у нихъ въ деревнѣ: тихо или бунтуютъ.

— Забастовка,—таинственно проговорилъ парень, и лицо его вдругъ вспыхнуло, глаза зажглись. Лицо молодое, блѣдное, нервное. Мы стали разспрашивать, по какому поводу вспыхнула забастовка, какія требованія предъявлены и какъ думаютъ дальше поступать. Парень на все отвѣчалъ охотно. Видно было, что онъ весь ушелъ въ забастовку, только о ней и думалъ и жилъ ею.

— А люди у васъ хорошіе?—спросила я,—сумѣютъ ли провести забастовку, какъ слѣдуетъ?

— Хлопци хо-о-роши!—отвѣчалъ съ азартомъ парень, поднимая высоко кулакъ. Я разговорилась съ нимъ.

Сначала я стала говорить объ ихъ отношеніяхъ къ помѣщику, о разницѣ ихъ положенія, нарисовала картинку жизни панской и крестьянской, затѣмъ перешла къ болѣе общему, показала невозможность жить лучше при данномъ положеніи вещей и необходимость перестройки всей жизни, всего существующаго общественнаго строя. Парень слушалъ, затаивъ дыханіе. Сначала онъ не поднималъ на меня глазъ, смотрѣлъ куда-то въ бокъ, но постепенно глаза его, помимо его воли, все чаще и чаще взглядывали мнѣ въ лицо и, наконецъ, неподвижно остановились на мнѣ, огромные, синіе, полные неподдѣльнаго восторга и довѣрія. Лицо его отъ времени до времени нервно передергивалось, иногда онъ переступалъ съ ноги на ногу и дѣлалъ рукой какой-то неопредѣленный быстрый жестъ. Въ серединѣ рѣчи, когда я ему говорила о томъ, какъ мужика обираютъ въ нѣсколько рукъ, какъ помыкаютъ имъ и какъ издѣваются надъ нимъ, онъ вдругъ не выдержалъ и вскричалъ:

— Це правда, це правда!—И мнѣ показалось что это закричала

сама душа его. Когда я, для болѣе яркой иллюстраціи, нарисовала передъ нимъ фигуру его помѣщика со всѣми внѣшними его деталями, парень вдругъ быстро опустился на землю, нервнымъ жестомъ развязалъ узелокъ и вытянулъ оттуда пару новенькихъ ботинокъ. Очевидно, онъ только что купилъ ихъ на ярмаркѣ. Выстро разувъ лапти, онъ пытался натянуть ботинки на свои грязныя, разбухшія ноги, но они не лѣзли, и ему пришлось обратно уложить ихъ въ узелокъ. Все это онъ продѣлалъ машинально, самъ не отдавая себѣ отчета зачѣмъ, такъ же машинально завязалъ узелъ и поднялся съ земли. Когда я кончила, онъ долгое время стоялъ неподвижно, что-то разбирая и провѣряя въ умѣ.

— Вы грамотный?—спросила я его. Парень кивнулъ головой.

— Такъ вотъ, на те вамъ эти листки и, когда пріѣдете домой, дайте ихъ и вашимъ товарищамъ прочесть. Я вынула пачку прокламацій, нѣсколько номеровъ «Деревенской газеты» и передала ихъ парню. Тотъ жадно схватилъ ихъ.

— Заразъ, прыйду до дому, пиду до школы, склычу усе село и усимъ прочытаю.

— Добре, а якъ кто спытавъ, де вы взялы, скажить що Богъ давъ,—кто-то сказалъ ему.

— Ни, я скажу що найшовъ на дорози,—отвѣчалъ онъ лукаво.

Мы простились, и парень ушелъ. Не прошло и пяти минутъ, какъ вдругъ изъ-за деревьевъ опять показалась его фигура; быстро подбѣжавъ къ намъ, парень схватилъ меня за руку.

— Слухайте, ходимъ до мене! Я жыву у лиси, у мене тилькы стара маты, зовуть мене Петро. Я дамъ вамъ надежныхъ, хо-о-орошихъ товарышивъ, розкажыть и имъ усе, це що вы мени казалы, нехай воны тоже почують. Хочете я склычу усе село!—говорилъ Петро, взволнованный. У меня сильнѣй забилось сердце. Ужъ больно хотѣлось выступить передъ всей деревней, но было поздно, а я въ этотъ вечеръ обязана была быть въ городѣ. Я ему объяснила это.

— Вы соберите ихъ всѣхъ на воскресенье, и если не я, то кто-нибудь изъ товарищей непремѣнно придетъ,—предложила я. Петро обѣщалъ, простился и ушелъ. Но черезъ нѣсколько минутъ онъ опять вернулся, опять точно также таинственно сталъ звать къ себѣ, обѣщая доставить «на-а-дежныхъ», «х-о-о-о-рошихъ» товарищей. Я вторично объяснила ему причину, по которой не могу исполнить сегодня его просьбу; онъ ушелъ, а черезъ минуту снова вернулся все съ тѣмъ же восторженнымъ лицомъ и съ мольбой въ глазахъ. Онъ возвращался пять или шесть разъ. Ужъ больно хотѣлось ему пріобщить все свое село къ тому, что онъ только одинъ услыхалъ и понялъ. Я долгое время находилась подъ вліяніемъ этой встрѣчи, и теперь всякій разъ, при воспоминаніи о томъ времени, передо мной выростаетъ, какъ живое, лицо Петро, блѣдное, молодое, красивое, съ большими довѣрчивыми глазами.

Петро оказался потомъ славнымъ агитаторомъ, хотя и безсознательнымъ. Свою встрѣчу съ какими-то людьми въ лѣсу и все то, что онъ слышалъ отъ этихъ людей, онъ широко распространилъ по округѣ. Въ одной деревнѣ, быть можетъ, подъ вліяніемъ его разсказовъ, двое парней рѣшили и у себя провести забастовку. Для этого они рѣшили, что и имъ нужно запастись такими же «письмами», какія были у Петра, и раздать ихъ крестьянамъ. Но гдѣ ихъ было взять? Оба они были безграмотны, но, не падая духомъ, достали книжки и, съ помощью какого-то солдата, въ двѣ недѣли выучились писать. Затѣмъ раздобыли бумаги, порѣзали на длинныя полоски и въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ экземпляровъ выпустили рукописныя прокламаціи слѣдующаго содержанія:

«Люде! Не ходить на работу, а кто выйде, то зъ того пара выйде!» Листки эти ночью были разбросаны по дворамъ, а сами они раннимъ утромъ стали на мосту, черезъ который неминуемо нужно было переходить всякому, и не пустили никого на работу. Троихъ дѣвушекъ чуть было не утопили въ рѣкѣ.

Въ другой деревнѣ двое братьевъ прибѣгли еще къ болѣе оригинальному способу агитаціи. Одинъ изъ нихъ былъ очень богатый, другой—бѣднякъ. Богатый рѣшилъ разыграть роль капиталиста и съ этой цѣлью открылъ у себя шапочную мастерскую, набралъ туда массу рабочихъ, въ томъ числѣ и своего брата, и комедія стала разыгрываться. Сначала капиталистъ немного либеральничалъ, такъ что вошелъ въ довѣріе къ рабочимъ, младшій же братъ, бѣднякъ, велъ усиленную агитацію. И вотъ когда рабочіе увидали, что со стороны капиталиста какъ будто нечего опасаться большого сопротивленія, то, горячо подбиваемые агитаторомъ, рѣшили объявить капиталисту забастовку и выработали требованія. Солидарность среди рабочихъ была поразительная. Когда забастовка была объявлена, капиталистъ круто повернулъ назадъ. Чѣмъ больше налегалъ капиталистъ, тѣмъ озлобленнѣе становились рабочіе. Въ деревнѣ былъ сахарный заводъ и цѣлый уголокъ, застроенный магазинами, аптекой, постоялыми домами. Былъ, конечно, и приставъ и урядникъ. И вотъ, обыкновенно передъ вечеромъ, когда народъ посвободнѣе, агитаторъ собиралъ своихъ забастовщиковъ передъ домомъ капиталиста; послѣдній выходилъ тоже на улицу, сбѣгалась толпа народу, приходила и деревенская администрація, и вотъ передъ всей собравшейся толпой между братьями завязывалась отчаянная полемика. Агитаторъ обвинялъ брата въ хищничествѣ, въ кровожадности, настаивалъ на удовлетвореніи требованій; словомъ, изъ устъ его лились страстныя обличительныя рѣчи, направленныя уже не только противъ своего брата. Толпа все это слушала и поучалась. Капиталистъ тоже съ успѣхомъ разыгрывалъ свою роль, грозилъ призвать казаковъ, арестовать бунтарей и т. д. До того хорошо братья разыграли комедію, что на пятый день забастовки рабочіе ворвались въ домъ капиталиста и чуть было не

убили его. Тотъ вынужденъ былъ бѣжать и не казать больше носа во свояси. За то рабочіе торжествовали.

Однажды, рано утромъ я съ однимъ изъ товарищей отправилась въ деревню, гдѣ насъ должны были поджидать крестьянскіе агитаторы. Я ихъ еще не видала, но мнѣ передавали о нихъ, въ особенности объ одномъ, какъ о выдающемся парнѣ. Я, по обыкновенію, шла въ крестьянскомъ костюмѣ и несла наши «харчи», состоящіе изъ хлѣба, чеснока и соли, а товарищъ несъ большой узелъ съ литературой и моимъ городскимъ платьемъ, ибо я собиралась въ деревню на нѣсколько дней. Была половина мая. Солнце жгло немилосердно. Едва мы вышли за городъ и очутились на жаркомъ каменномъ шоссе, какъ вдругъ позади насъ послышался стукъ колесъ, и, поровнявшись съ нами, простая мужицкая телѣга остановилась и съ нея спрыгнуло трое еврейскихъ парней. Расплатившись съ возницей, парни въ упоръ подошли къ намъ, и одинъ изъ нихъ, очевидно предводитель, схватилъ товарища за грудь, потрясъ изо-всей силы и глухимъ пьянымъ голосомъ захрипѣлъ:

— Куда ведешь «шиксу»?—Товарищъ мой былъ еврей, мѣстный житель, и его всѣ знали. Я остолбенѣла. Двое другихъ подбѣжали ко мнѣ и стали по бокамъ. Я боялась, что товарищъ не сдержитъ себя и вступитъ въ рукопашную,что было бы хуже всего. У насъ не было ни револьвера, ни ножа, а предводитель былъ гигантъ-дѣтина. Въ одну минуту онъ могъ бы расправиться съ товарищемъ, а со мной и подавно. Какъ только предводитель занесъ надъ товарищемъ руку, я бросилась между ними и спросила довольно спокойнымъ тономъ:

— Що вы за люды и кто васъ пославъ?

Предводитель нагло заглянулъ мнѣ въ лицо и сказалъ:

— Пославъ насъ стражникъ, сказалъ, чтобы завернуть васъ въ полицію.

Дѣло дрянь. У насъ полно прокламацій, я на нелегальномъ положеніи. Оглянулась по сторонамъ, бѣжать некуда.

— Ну що-жъ, то и ведить насъ у полицію, а быться ничого,— заявила я. Предводитель немного удивился.

— Ты скажы, кто ты такая?—спросилъ онъ, опуская руку на мое плечо. Я поняла, что онъ солгалъ. Очевидно, дѣло это было затѣяно имъ по своей личной инціативѣ.

— Я иду на работу,—стала я разсказывать,—а воны тоже идуть туды за коваля, отъ мы и пишлы разомъ, бо одній боязко...

— Брешешь,—вдругъ перебилъ меня предводитель,—вы идете...

Посыпалась страшная площадная ругань, и мнѣ показалось, что меня со всѣхъ сторонъ закидываютъ комами какой то отвратительной грязи. Я ясно, поняла, что передъ нами стоятъ чистокровные хулиганы. Они требовали, чтобы мы непремѣнно отправились сейчасъ съ ними въ полицію, иначе они изобьютъ насъ и силой потащутъ. И, дѣйствительно, они нѣсколько разъ порывались

бить товарища, но я всякій разъ мѣшала. Тогда предводитель выхватилъ изъ кармана ножъ и, бросаясь на меня, дико заоралъ:

— Хочешь, уложу на мисци.—Товарищъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, но я оставалась наружно спокойна. Я не вѣрила ему. Ужъ слишкомъ онъ былъ гадливымъ, ничтожнымъ, чтобы совершить убійство. Одинъ изъ хулигановъ, маленькаго роста, со слюнявыми, вывороченными губами, полу-идіотъ, оказался лучше ихъ всѣхъ. Онъ взялся хлопотать за меня передъ предводителемъ, прося, чтобы тотъ завернулъ только товарища обратно, а меня отпустилъ. Видя на своей сторонѣ нѣкоторое сочувствіе, я постаралась воспользоваться имъ и, закрывъ лицо фартукомъ, сдѣлала видъ, что плачу. Слюнявый хулиганъ участливо заговорилъ:

— Дивчыно, не плачь! Тобы ничого не зроблять. Возьмуть тебе у полицію, спытають, зъ видкыля ты и отправять тебе по этапу до дому.

Я его въ душѣ, конечно, очень поблагодарила за участіе, сдѣлала видъ, что перестала плакать, и открыла лицо. Товарищъ, между тѣмъ, пытался деньгами откупиться отъ хулигана. Тотъ сначала согласился, взялъ у насъ всѣ деньги—ихъ было 60 коп., а потомъ раздумалъ и потребовалъ или еще рубль, или идти въ полицію. Денегъ у насъ больше не было, значитъ приходилось идти въ участокъ. Сознаніе, что по волѣ троихъ негодяевъ я должна предаваться въ руки полиціи, что должно рушиться все дѣло, поднимало во мнѣ чувство обиды и злобы. Почему у меня не было револьвера! Вѣдь покажи только кончикъ дула этимъ развратнымъ трусамъ, и они моментально исчезнутъ. Весь нашъ споръ сопровождался отчаянной руганью со стороны хулигановъ; надо мной они издѣвались во всю.

Наконецъ, мы рѣшили идти въ полицію. Въ это время по шоссе проѣзжала цѣлая вереница подводъ съ хлѣбомъ, и у меня блеснула на одно мгновеніе слѣдующая мысль: броситься къ нимъ и попросить защиты у крестьянъ, сказавъ, что меня бьютъ евреи! Но это было бы ужасно. Этимъ я могла бы навлечь погромъ въ мѣстечкѣ. Положеніе было безвыходное. Единственно, что мы отстояли, это не идти съ ними рядомъ, а на извѣстномъ разстояніи позади ихъ. Такъ и сдѣлали. Къ счастью, мы проходили мимо густой высокой ржи, и вотъ, выхвативъ литературу изъ узла, мы быстро обѣ пачки швырнули въ рожь. Густая рожь поглотила ихъ и скрыла всякіе слѣды. Мы облегченно вздохнули. Подойдя уже къ самому городу, хулиганъ вдругъ предложилъ немного передохнуть и велѣлъ намъ сѣсть на пригоркѣ подъ деревомъ. Начался опять прежній разговоръ. Они рѣшили, что товарищъ-еврей укралъ русскую дѣвушку и теперь удираетъ изъ дому, чтобы креститься. Въ это свое предположеніе, они внесли столько цинизма, пошлости, что не было никакихъ силъ больше слушать. Я вскочила на ноги и на русскомъ языкѣ закричала:

— Замолчите, я не крестьянская дѣвушка! Я вамъ покажу, какъ глумиться надъ человѣкомъ! Ведите насъ сію минуту въ полицію, мы съ вами тамъ разсчитаемся.—Хулиганы опѣшили. Но, не желая сразу сдаться, предложили, хотя и неувѣренно, слѣдовать за ними. Между тѣмъ, поднятый нами шумъ привлекъ вниманіе нѣкоторыхъ евреевъ, изо всѣхъ дверей повысыпали люди, обступили насъ и стали распрашивать, въ чемъ дѣло. Звенящимъ голосомъ я стала говорить. Что говорила я, трудно передать. Я сама не сознавала этого. Помню только что я кричала: «Какъ вамъ не стыдно, евреи, что у васъ выростаютъ такіе сыны! Это не люди, это зараза, съ которой вы должны бороться и которую обязаны уничтожить!»

— Это не мой сынъ, это не мой сынъ,—послышалось со всѣхъ сторонъ.—Это извѣстный босякъ, воръ, развратникъ! Его отецъ живетъ вонъ тамъ, идите къ нему!—жалко стушевался герой-предводитель. Затерся въ толпѣ, а остальные двое явно измѣнили ему и перешли на сторону толпы. Тогда еврейка, съ чулкомъ въ рукахъ, приказала разступиться толпѣ и съ важныхъ жестомъ показала мнѣ дорогу.—Вы свободны, можете идти.—Но идти я уже не хотѣла. Слишкомъ были напряжены нервы, необходимо было отдохнуть.

Вернувшись домой, я стала раздумывать, что теперь дѣлать? Въ ту деревню необходимо пойти. Необходимо и литературу добыть изъ ржи. Къ моему счастью, ко мнѣ подъѣхалъ товарищъ, который отправлялся въ деревню на нѣсколько дней и пріѣхалъ за литературой. Это было какъ разъ кстати. Разсказавъ ему, въ чемъ дѣло, я сѣла съ нимъ въ телѣжку, и мы поѣхали. Съ большимъ трудомъ разыскали брошенныя въ рожь пачки, сѣли и поѣхали дальше. Пріѣзжаемъ къ рѣчкѣ. Рѣшаемъ не ѣхать по мосту, а просто вбродъ. Спрашиваемъ крестьянъ, можно ли переѣхать рѣку вбродъ?

Отвѣчаютъ—можно! Поѣхали. Я сняла ботинки и босикомъ хотѣла перейти рѣчку, ибо дно виднѣлось очень не глубоко. Но вскорѣ вода стала подниматься все выше и выше, идти было немыслимо, и я сѣла въ телѣгу. Впечатлѣніе утренняго происшествія еще не изгладилось, настроеніе было возбужденное, хотѣлось чего-либо болѣе сильнаго, чтобы заглушить его. Вдругъ посрединѣ рѣки вода прибыла по самыя ступеньки, затѣмъ покрыла ихъ, набралась въ телѣгу. Я съ трепетомъ слѣдила: что же будетъ дальше? До какихъ поръ вода подымется.

— Спасайте литературу,—закричалъ товарищъ. Я быстро схватила обѣ пачки и высоко подняла ихъ надъ головой. Вотъ первая волна перекатилась черезъ верхъ телѣжки, затѣмъ черезъ спину лошади... Товарищъ поблѣднѣлъ, испугался за лошадь. Собственная!

Вдругъ я вижу, что на поверхность воды со дна телѣги поднялись мои ботинки и чинно, рядкомъ поплыли вдоль рѣки.

Мы стояли по поясъ въ водѣ. Я хохотала, какъ безумная, товарищъ былъ сосредоточенный, суровый. Но вотъ надъ водой остались торчать только лошадиныя уши, а телѣга какъ-то быстро стала погружаться въ илъ. Товарищъ изо всѣхъ силъ дернулъ возжи, лошадь дернула оглобли, и мы вдругъ выскочили на мелкое отлогое мѣсто. Оказалось, мы попали въ яму. Выѣхавъ на берегъ, мы долго сушились.. Разостлали по травѣ всѣ свои пожитки, прокламаціи, выжали отъ воды хлѣбъ, пропитанный насквозь солью, съ аппетитомъ поѣли — и не знали, что предпринять. Ѣхать дальше не было возможности, ибо вода ручьями лилась съ платья, башмаковъ, платка и пальто. Надо было хоть немножко пообсохнуть. Только когда солнце почти совсѣмъ сѣло, мы, наполовину сухіе, рѣшили двигаться дальше. Часовъ въ девять вечера пріѣхали мы къ желанной деревнѣ. Я по уговору должна была подождать у околицы на кладбищѣ, а товарищъ долженъ былъ привести крестьянъ. Сѣла я на могилку... Босая, въ мокромъ платьѣ. Стала пробирать дрожь. Въ сторонкѣ на кладбищѣ стояла мертвецкая. Мнѣ почему-то стало страшно глядѣть въ ту сторону. Кладбище было старое, заброшенное. Деревня стала потихоньку замолкать...

— А ну какъ повылазятъ ко мнѣ мертвецы?—подумала я.— Ну что-жъ, очень пріятно, сейчасъ произнесу потрясающую рѣчь, подбодряла я себя, а самой таки изрядно было жутко. Стали ползать по ногамъ разные жучки, пауки, непріятно застрекотали кузнечики, воздухъ наполнился тысячами звуковъ. А шаговъ не слышалось.—Почему они не идутъ?—мучительно думала я.

Въ это время кто-то закашлялъ подлѣ кладбища. Я насторожилась, но опять все смолкло. Вѣроятно, было уже около одиннадцати. Я стала на колѣни, обвернула ноги подоломъ платья, скрестила руки и приняла видъ молящейся.

Вдругъ душу раздирающій крикъ разсѣкъ воздухъ и смолкъ.

Въ мгновеніе ока я вскочила, какъ безумная, на ноги.

Крикъ раздался надъ самой моей головой. Холодный потъ облилъ меня съ головы до ногъ. Крикъ повторился снова, но уже не такъ страшно, а главное, я поняла, что это кричитъ кошка. Я успокоилась и опять опустилась на траву.

Но вотъ, наконецъ, послышались шаги, и раздался условный зовъ. Я пошла на голоса. Тамъ было человѣкъ пять, но самаго-то главнаго не оказалось.

— Всѣ здѣсь?—спросила я товарища.

— А развѣ Иванъ не приходилъ къ вамъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ не приходилъ.

— Мы его послали къ вамъ. Гдѣ же онъ?—Одинъ изъ товарищей вызвался разыскать его, а мы оправились въ поле, въ условленное мѣсто. Часа полтора мы ждали Ивана, но онъ такъ и не явился къ намъ. Принялись рѣшать вопросъ, гдѣ я переночую.

Я предложила залѣзть въ рожь или идти на кладбище, но крестьяне запротестовали. Въ концѣ концовъ, повели меня къ одному изъ присутствующихъ, богатому еврею, у котораго я должна была переночевать, подъ видомъ богомолки, въ кухнѣ, такъ какъ родители его не должны были даже подозрѣвать ничего.

Тихо разговаривая, отправились мы черезъ всю деревню, какъ вдругъ видимъ на выгонѣ, повернувшись лицомъ къ небу, лежитъ чья то фигура.

— Иванъ, Иванъ,—заговорило нѣсколько голосовъ сразу. Фигура моментально вскочила; въ темнотѣ нельзя было разглядѣть ни его лица, ни волосъ, ни глазъ. Видно былы только, что человѣкъ былъ высокаго роста, тонкій и молодой. Вернулись мы обратно на прежнее мѣсто, разсѣлись, и я стала говорить.

Иванъ уже читалъ нѣкоторые листки, читалъ нашу газету, и съ тѣхъ поръ былъ точно въ чаду. Бросилъ ходить на работу, пересталъ посѣщать вечерныци, искалъ уединенія и только иногда прибѣгалъ на мельницу, къ сыну этого самаго богатаго еврея, ища у него отвѣта на нѣкоторые мучившіе его вопросы.

Иванъ попросилъ, чтобы я ему разсказала сразу обо всемъ. Онъ хочетъ все, все узнать. Я объяснила, что сразу невозможно всего разсказать, что намъ придется часто встрѣчаться и толковать, а главное, нужно побольше читать. Иванъ со вздохомъ согласился. Наступила глубокая тишина. Поле молчало, изрѣдка только тихонько зашевелится рожь, заскрипитъ гдѣ-то по дорогѣ запоздавшая телѣга или долетитъ изъ деревни глухой лай собакъ. Я говорила въ теченіе добраго часа. Горло стало пересыхать, говорить стало труднѣе.

— Иванъ, все поняли?—спросила я.

— Усе, усе,—затаенно сдержанно проговорилъ Иванъ.—Тилькы ось одного я не розумію

— Ну, чего?—спросила я, ожидая какого-нибудь серьезнаго вопроса. Иванъ помолчалъ, а потомъ сказалъ:

— Ни, не буду пытать, кажить дальше.—Я запротестовала.

— Нѣтъ, нѣтъ, если вы чего не понимаете, спросите, а то я дальше ни за что не стану разсказывать.—Иванъ сдался.

— Та я хотивъ спытать васъ, чы мужчына, чы вы женщына?

Всего, всего я ожидала услышать, только не это. Нужно было призвать всѣ свои силы на помощь, чтобы не расхохотаться.

— Женщина,—отвѣчала я серьезно.

— Ни,—недовѣрчиво мотнулъ головой Иванъ. Мнѣ стало досадно.

— Ну ладно, это не важно. Слушайте дальше,—и я стала разсказывать дальше. Мнѣ хотѣлось испытать Ивана, провѣрить насколько онъ понимаетъ все, что ему говорю, и насколько онъ умѣетъ самъ разбираться въ данныхъ вопросахъ. Поэтому, не говоря ему еще, какой теоріи я сторонница, я нарисовала передъ нимъ цѣ

программы по аграрному вопросу: С.-Р. и С.-Д. Когда я спросила, которая ему больше нравится, онъ сразу отвѣтилъ:

— Извѣсно та, якъ вы ото кажыте, щобъ одибрать землю усю та виддать ии усему обчеству, бо инакче це-жъ буде якъ та билка у колеси. Якъ-то кажуть: «За що купыбъ, за те и продавъ».

Почти на разсвѣтѣ мы разошлись по домамъ, рѣшивъ завтра въ семь часовъ встрѣтиться за деревней, въ полѣ. Иванъ долженъ былъ везти муку съ мельницы въ тотъ городокъ, гдѣ я жила, и такимъ образомъ онъ меня завезетъ домой. Но какъ было намъ узнать другъ друга? Темнота была страшная, такъ что лицъ мы совсѣмъ не видали, а подводъ должно ѣхать много. Для того, чтобы не ошибиться, Иванъ долженъ былъ ѣхать первымъ, я же должна идти по дорогѣ и, когда подвода поровняется со мной, должна сказать.

— Хлопче, пидвезы мене.—Онъ долженъ мнѣ отвѣтить:

— Сидай, дивчыно, пидвезу.—Попрощались и разошлись.

Уложили меня въ кухнѣ на какомъ-то старинномъ диванѣ съ массой клоповъ. Чуть стало свѣтать, хозяйка дома, добродушная, толстая еврейка, быстро вошла въ кухню и принялась меня изо всѣхъ силъ тормошить.

— Ганно, Ганно, вставай, коровы прыйшлы, де цеберъ, помый, треба имъ вынесты.—Я вскочила на ноги и, съ удивленіемъ протирая глаза, спросила:

— Якый цеберъ, що вы говорыте, я не розумію!

— Якъ якый цеберъ,—не унималась еврейка,—той що коровамъ дають пыть,—и пошла въ сѣни. Я догнала ее по дорогѣ и еще разъ спросила:

— Якый цеберъ, чого вамъ треба?—Тутъ только еврейка поняла свою ошибку и добродушно разсмѣялась:

— Ну ну, дивчыно, я думала, що це моя служанка Ганна спитъ, иды, иды, лягай спать.—Я тоже разсмѣялась, пошла легла, такъ какъ еще было рано. Наконецъ, совсѣмъ разсвѣло. Въ кухнѣ начала возиться около печки настоящая Ганна, а я лежала съ закрытыми глазами, притворяясь спящей. Вдругъ въ кухню ввалилась цѣлая толпа крестьянскихъ дѣвушекъ. Онѣ шли на «буряки» и по дорогѣ завернули къ Ганнѣ.

— Дывиця, дивчата, яка чудна людына у насъ ночуе,—говорила имъ шепотомъ Ганна. Дѣвушки обступили меня кругомъ, тихонько преговариваясь между собой.

— Тай справди чудна! Дывы, Параско, якъ чудно у ней пошыта сорочка, зовсимъ не такъ, якъ у насъ.

— Мабуть здалека!

— Тю, що воно за людына!

— Мабудь страннычка, або зарикъ дала!

— А ну, Степаныдо, штовхны ии пидъ бикъ та розбудимо,—

предложила одна изъ нихъ. Я обмерла. А что если и въ самомъ дѣлѣ Степанида вздумаетъ привести въ исполненіе совѣтъ подруги...

Но въ это время въ кухню вошла дочь хозяйки, посвященная въ тайну, безцеремонно разогнала дѣвокъ и тѣмъ спасла меня.

Деревенской дѣвушкѣ не полагается долго спать, поэтому и мнѣ давно пришла пора встать. Я встала и усердно покрестилась на образа. Ганна и хозяйка дома не спускали съ меня глазъ, слѣдили за каждымъ моимъ движеніемъ, а время тянулось, какъ на зло, страшно долго. Наконецъ, солнце встало, дочь хозяйки вывела меня къ условленному мѣсту, оставила одну, а сама ушла. Я сѣла на краю дороги въ ожиданіи Ивана. Мимо меня проходило много народу, всѣ съ удивленіемъ оглядывали меня съ ногъ до головы. Вотъ идетъ человѣкъ шесть косарей, предводительствуемые, очевидно, приказчикомъ, человѣкомъ въ высокихъ сапогахъ и съ красной, пьяной рожей. Поровнялись со мной, онъ и говоритъ:

— Дивчыно, ходимъ зъ намы въ городъ швандаця!—Я не поняла.

— Ни, вона ще дуже молода, вона не способна,—замѣтилъ другой и толпа прошла дальше. Но вотъ по дорогѣ послышался стукъ колесъ, показалась вереница подводъ, нагруженныхъ мукой, я хватаю узелокъ, мчусь къ передней подводѣ, и о ужасъ! Впереди ѣдетъ какой-то старикъ. Я останавливаюсь, пропускаю эту подводу, жду другую. Другая тоже не Ивана; наконецъ, ѣдетъ третья. И если-бы у насъ не было заранѣе никакого условленнаго пароля, я-бы узнала Ивана. Еще издали, только завидя меня, онъ началъ улыбаться, въ волненіи кусалъ губы, смущенно дергалъ возжи. Не дожидась, пока я его позову, онъ еще издали крикнулъ:—Дивчыно, сидай я тебе пидвезу.

Я съ трудомъ вскарабкалась на возъ, сѣла рядомъ съ Иваномъ. Лошади тронули, и мы поѣхали.

— Ну, разсказуйте ище,—заговорилъ Иванъ.—Усе, усе кажиты! Сегодня говорить о чемъ-бы то ни было болѣе серьезномъ я абсолютно не могла, а потому я ему стала разсказывать о тюрьмахъ, о казняхъ, обрисовывала нѣкоторыхъ выдающихся героевъ, говорила о пыткахъ, о жизни революціонеровъ и т. д. И я видѣла, что каждое мое слово глубоко западало въ душу Ивана. Лицо его, красивое, молодое, часто передергивалось отъ душевной боли, а глаза, глубокіе, чистые, иногда вспыхивали лихорадочнымъ огнемъ. Вдругъ Иванъ задумался.

— То то-жъ треба, въ незнаеме село, до незнаемихъ людей прыйты у ночи.—Раздумывалъ онъ вслухъ.—Ничого, хоть вы и страдаете, хоть и важко вамъ жывеця, але мы пиддержымъ васъ у всимъ,—пылко вскричалъ онъ, свѣтло посмотрѣвъ мнѣ въ глаза. Я засмѣялась, а Иванъ продолжалъ:

— А знаете, чого я васъ учора спытавъ, чы вы мужчына, чы вы женщына.

— А почему?—съ любопытствомъ спросила я.

— Та то-жъ такъ говорыть, то треба гимназію скинчыть!—сказалъ онъ задумчиво, взялъ свой кнутъ, спустилъ его съ телѣги и длиннымъ ремешкомъ принялся срѣзать верхушки травы, росшей по сторонамъ дороги.

— А развѣ дѣвушки не учатся въ гимназіяхъ,—возразила я. Въ краткихъ чертахъ я разсказала ему, какія въ Россіи существуютъ гимназіи, университеты, чему и какъ тамъ учатся. Иванъ слушалъ молча, очевидно думая тяжелую думу.

— А у насъ дивкы...—сказалъ, наконецъ, грустно Иванъ...

— Знаете, Таня,—продолжалъ онъ,—якъ я якый день не почытаю прокламацію, то такъ паче я не йвъ, або Богу не молывся. И свитъ мени не мылый, и жыть не хочеця. Учора пишовъ я на весилья. Народу багато зибралось, хотивъ бы усихъ ихъ стягты до купы, та розсказать имъ усе, що я чувствую, та що жъ колы я не знаю, якъ его почать, якъ его казать. Та такъ стало погано на серци, такъ важко, що ледви и до дому доплився. Куды не глянешь, та скризь горе одно. Тамъ хлиба нема, тамъ дитей нужда заидае; тамъ чоловикъ пье безъ просвиту, у того панъ дочку взявъ, тай покынувъ на смихъ усему селу. Якъ подумаю усе це, серце земечеця, утикъ бы, куды очи дывляця. Скажыть, чы давно ще це буде, чы скоро насъ вызволять зъ цего пекла, чы ему коньця й краю немае?—Голосъ Ивана дрожалъ, глаза горѣли.

— Вы пытаете чы довго? Чы вызволять васъ? Хиба можна кого изъ видкиль вызволыть, якъ винъ самъ не схоче? Чого-жъ вы сами мовчыте, чого-жъ добровильно пидставляете голову пидъ ярмо?—Иванъ взволнованно провелъ рукой по лицу. Видно было, что слова мои рѣзали его по самому сердцу и что онъ не знаетъ, какъ ему справиться со своимъ чувствомъ. Всю дальнѣйшую дорогу Иванъ почти одинъ говорилъ, я слушала, и по мѣрѣ того какъ онъ раскрывалъ передо мной свои взгляды, мнѣ становилось ясно, что это одна изъ тѣхъ широкихъ, самостоятельныхъ натуръ, которыя не укладываются ни въ какія опредѣленныя рамки, которыя неизбѣжно должны погибнуть, такъ какъ примириться съ окружающей жизнью они никогда не смогутъ.

Черезъ нѣсколько дней у меня съ Иваномъ было новое свиданіе.

Грустный, задумчивый, вошелъ онъ ко мнѣ въ комнату, крѣпко сжалъ мою руку и настойчиво сказалъ.

— Дайте мнѣ револьверъ.

— Зачѣмъ вамъ,—спросила я.

— Старшину нашего уложу. Якъ-бы вы зналы якый винъ проклятый человикъ, якъ винъ мучыть усихъ людей. Я и поришывъ. Пиду въ каторгу, але за ридне село, за ридныхъ людей не жалко и душу виддать.

— Бросьте эту мысль, Иванъ,—сказала я.—Развѣ вы облегчите

жизнь людямъ тѣмъ, что уберете старшину, развѣ человѣческое горе ограничивается только вашимъ селомъ?

Еле удалось убѣдить Ивана въ безцѣльности задуманнаго имъ поступка. Вдругъ онъ вынулъ изъ кармана конвертъ со вложеннымъ въ него листомъ бумаги. Я взяла бумагу и прочла:

„Ой, ты, батюшка Царь-отецъ!
Не веди насъ, какъ овецъ.
А дай ты намъ ученье
И народное просвѣщенье.
А то какія-жъ мы твои дѣти
Коль голодны, не одѣты.
Не будемъ тебѣ налоги платить,
Твою царскую службу служить.
Какъ возьмемъ оружіе крѣпко,
То станетъ начальство рѣдко.
Теперь пришли тѣ годы,
Что народу до свободы".

Это стихотвореніе написалъ самъ Иванъ; мы его потомъ помѣстили въ одномъ изъ номеровъ нашей газеты.

— А знаете, Таня,—сказалъ Иванъ.—Я вчера всѣмъ дѣвкамъ окна побилъ.

— Зачѣмъ?—спросила я удивленно.

— Такъ, отъ тоскы.

Иванъ черезъ нѣсколько времени сталъ энергичнымъ, отважнымъ агитаторомъ. Всюду завязывалъ связи, выписалъ газету, легальную, и каждый вечеръ читалъ ее всему селу, освѣщая факты по своему.

Мы стали подготовлять первый нашъ крестьянскій съѣздъ. Среди этихъ приготовленій я была арестована, въ дорогѣ, въ вагонѣ.

Когда Иванъ узналъ о моемъ арестѣ, онъ написалъ царю письмо, въ которомъ требовалъ, что бы немедленно освободили всѣхъ изъ тюремъ и дали народу свободу.

Такъ закончился первый періодъ моей работы среди крестьянъ.

II.

Послѣ манифеста 17-го октября меня освободили изъ тюрьмы, а въ концѣ ноября я опять уѣхала въ деревню. Послѣ 17-го октября работа среди крестьянъ приняла нѣсколько иной характеръ, болѣе широкій и открытый. По опыту прежнихъ дней опять центральнымъ пунктомъ былъ избранъ одинъ изъ уѣздныхъ городковъ, гдѣ тоже уже существовала небольшая партійная (с.-р.) группа. Поздно вечеромъ я пріѣхала въ назначенный городъ и отыскала явочную квартиру. На другой день я познакомилась со своими новыми товарищами, преимущественно рабочими, а на завтра рѣшено было приступить къ работѣ. Къ вечеру, къ моей

великой радости, пріѣхалъ еще одинъ товарищъ; для нашей организаціи это было большимъ облегченіемъ. Весь уѣздъ мы раздѣлили пополамъ. Я взялась объѣхать одну сторону, товарищъ Алексѣй— другую. Каждый изъ насъ взялъ себѣ по проводнику изъ мѣстныхъ жителей, и чуть свѣтъ мы отправились въ дорогу. Наканунѣ нашего отъѣзда весь вечеръ мы обсуждали программу, съ которой мы должны были идти въ крестьянство, и остановились, приблизительно, на слѣдующемъ. Мнѣ казалось, что для того, что бы привлечь на свою сторону симпатіи крестьянъ, необходимо было поставить передъ нимъ авторитетъ, имъ знакомый. Отношенія ихъ къ партіи я не знала; поэтому мнѣ казалось рискованнымъ сразу выступить отъ имени партіи с.-р., и я назвала себя членомъ «московскаго крестьянскаго союза».

Этотъ союзъ, думалось мнѣ, имѣлъ больше значенія для крестьянъ, былъ имъ ближе и роднѣе, чѣмъ какая-то партія, о которой они никогда не слыхали, а если и слыхали, что существуютъ «соціалисты», то въ самомъ извращенномъ смыслѣ. Впослѣдствіи мои опасенія оказались не имѣющими основанія: для тѣхъ крестьянъ, которые абсолютно ничего не вѣдали, было въ сущности безразлично: сказать ли членъ московскаго крестьянскаго союза, или членъ партіи с.-р. Какъ первое, такъ и второе было имъ совершенно одинаково непонятно. Для тѣхъ же крестьянъ, которые были хотя мало-мальски затронуты движеніемъ, для тѣхъ не были страшны никакія слова. Итакъ, первый пунктъ въ нашей программѣ касался исключительно крестьянскаго союза. Слѣдовало подробное объясненіе.

Второй важный пунктъ — это разъясненіе манифеста 17-го октября. Третій пунктъ—отношеніе крестьянъ къ Государственной Думѣ, разъясненіе значенія учредительнаго собранія, необходимости его созванія, необходимости бойкота Государственной Думы. Четвертый пунктъ былъ посвященъ аграрному вопросу, пятый— рабочему, остальные пункты дополняли программу-минимумъ.

Осень.... Сѣрое небо, сѣрая природа, сѣрыя лица.... Мелкій дождь третьи сутки идетъ безпрерывно. Земля раскисла, кой-гдѣ образовались небольшія лужи воды... Иногда, съ трудомъ пробившись сквозь густыя тучи, выглянетъ блѣдное солнце, смущенно улыбнется поблекшей природѣ и снова спрячется, какъ бы стыдясь своей собственной улыбки. Природа умирала медленной, естественной смертью, и никакія жаркіе лучи солнца не могли вдунуть въ нее душу, не могли возродить ее снова.

На простой мужицкой телѣгѣ мы, вдвоемъ съ товарищемъ, ѣдемъ въ ближайшій хуторъ, гдѣ только что кончилась забастовка и гдѣ, поэтому, стояла рота казаковъ. Телѣга то подпрыгиваетъ вверхъ, то накренится на правый, то на лѣвый бокъ, въ глазахъ прыгаютъ деревья, избы. Вѣтеръ немилосердно треплетъ платье и

платокъ, сильно поднялъ вверхъ одинъ конецъ его и распростеръ въ воздухѣ, точно крыло какой-то невиданной огромной птицы.

Разговаривать нельзя, ибо рискуешь каждую минуту откусить языкъ.

Но на душѣ праздникъ.—«Неужели», думала я,—«я могу свободно пріѣхать въ деревню, свободно созвать сходъ и совершенно свободно говорить на немъ, о чемъ захочу.» Я вспомнила свою прежнюю работу, всѣ предосторожности, страшную конспирацію, и мнѣ прямо-таки не вѣрилось, что все это отошло уже въ область преданій.

— А куда идете?—спросилъ везшій насъ мужичекъ.

— До людей,—смѣясь, отвѣчала я.

— А зачимъ,—не унимался мужичекъ.

— Балакать...

— Ну, Боже поможы, Боже поможы,—сказалъ онъ оживленно, задергавъ возжами.

Въ нашемъ городкѣ въ пору свободъ были митинги, и на нихъ прославился въ качествѣ оратора одинъ изъ товарищей, мѣщанинъ-каменщикъ.

Всѣ крестьяне его знали въ уѣздѣ; имя его было для нихъ дорого. Это и понятно. Въ первый разъ въ жизни они услыхали правдивое слово, да еще такъ открыто, такъ свободно. Больше всего имъ нравилась именно смѣлость оратора, который, не стѣсняясь присутствіемъ администраціи, всего состава земской управы, тутъ же передъ всѣми уличалъ все начальство, всѣхъ мѣстныхъ дѣятелей, не щадя ни кого. Крестьяне дружно хохотали и выносили оратора на рукахъ. Но митинги могла посѣщать только незначительная часть крестьянъ, а именно тѣ, которые бывали въ городѣ или на ярмаркѣ, или на работѣ.

При въѣздѣ въ деревню мы отпустили возницу, а сами пошли пѣшкомъ. Рѣшили зайти къ первому попавшемуся мужичку.

Навстрѣчу идетъ мужиченко, чуть ли не въ лохмотьяхъ, съ большой не отесанной палкой, въ нахлобученной шапкѣ.

— Дядько, а дядько,—окликнули мы его.—Де тутъ у васъ живе найбиднійшый мужыкъ?—Мужичекъ искоса глянулъ на насъ, а потомъ отвѣчалъ:

— Мы тутъ, слава Богу, уси бидни. Поравненіе въ правахъ у насъ. Идить у яку хочете хату, скризь найдете кучу дитей, та огрызокъ хлиба.

Мы такъ и сдѣлали, постучались въ первую попавшуюся дверь. Но на стукъ никто не отозвался, тогда мы просто отворили дверь и вошли въ маленькую, непривѣтливую крестьянскую избушку.

— Боже поможы,—громко поздоровались мы, и на наше привѣтствіе съ печки послышался отвѣтъ:

— Спасыби, будьте здорови. А що вы за люде?—Вслѣдъ за этими словами съ печки на лежанку спустилась женщина лѣтъ

около 40, въ грязной рубахѣ, съ подвязанной щекой. Очипокъ сползъ на затылокъ, обнаруживая прядь спутанныхъ рыжихъ волосъ на лбу.

— А де вашъ хозяинъ, титко?

— Заразъ поклычу,—отвѣчала титка, спускаясь на полъ; взяла большой платокъ и направилась къ двери.

— Скажите вашему мужу, чтобы созвалъ къ вамъ побольше людей, мы потолкуемъ здѣсь кое о чемъ.—Женщина одобрительно кивнула головой и скрылась. Я раздѣлась и спокойно расположилась, какъ дома, въ полной увѣренности, что нахожусь въ безопасности. Вошелъ хозяинъ хаты, высокій, худой, какъ щепка, рыжій мужикъ, при видѣ «барышни» вытянулся въ струнку у порога и снялъ шапку. Мнѣ стало непріятно. Я подошла къ нему и протянула руку. Онъ смущенно подалъ мнѣ свою, не сгибая ее и не смѣя пожать моей руки.

— Подите на село и созовите сюда какъ можно больше людей, я пріѣхала поговорить съ вами о вашихъ нуждахъ, о вашемъ житьѣ-бытьѣ.

Хозяинъ мгновенно оживился, схватилъ шапку и моментально исчезъ. Не прошло и четверти часа, какъ изба была биткомъ набита. Крестьяне столпились плотной кучей, съ удивленіемъ оглядывая насъ съ ногъ до головы. Я стала говорить. Сначала разсказала имъ о существованіи крестьянскаго союза, объ его цѣли; потомъ заговорила о манифестѣ, о Государственной Думѣ, объ учредительномъ собраніи. Сначала крестьяне слушали внимательно, не проронивъ ни звука, но постепенно изъ толпы послышались восклицанія, стали задавать вопросы, цѣльность рѣчи была нарушена, и мнѣ пришлось оборвать ее почти на половинѣ. За то между крестьянами завязался отчаянный споръ. Перескакивая съ вопроса на вопросъ, они ни на чемъ не могли остановиться, выставляемое кѣмъ-либо положеніе тутъ же и защищалось, и разбивалось. Еле удалось мнѣ овладѣть ихъ вниманіемъ и опять направить разговоръ по болѣе систематическому пути. Противъ аграрной программы мало кто возражалъ.

Когда я говорила о Государственной Думѣ, поясняла порядокъ избранія депутатовъ въ нее, крестьяне засмѣялись.

— Бачь, яки добри, одно ярмо скынуть, а друге надинуть.

— Отъ, акъ пошлють у Государственну Думу, нашего Дмытра Ивановыча, винъ поковтае не тильки насъ, а и депутативъ усихъ,— сказалъ кто-то съ ироніей.

— Не бійсь, не поковтае, подавыця якимъ небудь «вельможнымъ», або и «яснымъ вельможнымъ»,—возразилъ кто-то.

— Ото! Хиба ты не бачывъ яке у него брюхо! Бездонне!

— Та ну-те, стышьтеся,—остановилъ ихъ кто-то. Нехай воны доскажуть до кинця. А то почалы верзты таке що й купы не держыця.

Я продолжала говорить дальше, заговорила о налогахъ, высчи-

тала, сколько правительство получаетъ дохода отъ нихъ, кто ихъ преимущественно платитъ и какой ущербъ будетъ государству отъ неуплаты налоговъ.

— Ось пидождить, люде!—вдругъ раздался голосъ по направленію отъ дверей. Всѣ оглянулись. Около дверей, прислонившись къ косяку, стоялъ высокій, съ черной бородой мужикъ. Онъ держался особнякомъ, ни разу не вступалъ въ разговоръ и въ упоръ глядѣлъ на меня, ловя каждое мое слово

— Въ чемъ дѣло?—спросила я. Было что-то непріятное, рѣзкое въ его упорномъ взглядѣ, въ его ровномъ, спокойномъ голосѣ.

— Огъ вы кажыте, що-бъ не платыть податей, налогивъ и все таке. А на яки жь гроши царь буде содержуваця? Тай ще и землю, кажете, треба одибрать.

— А вотъ какъ соберутъ учредительное собраніе, тогда и порѣшатъ все: и коли порѣшатъ что нужно, то и деньги найдутся для содержанія царя.

Крестьянинъ, казалось, задалъ этотъ вопросъ съ задней мыслью, потому что на мой отвѣтъ онъ только ухмыльнулся себѣ въ бороду, взялъ шапку, повернулся и ушелъ. Крестьяне недружелюбно проводили его глазами.

— Хто его поклыкавъ!

— Та це звисный черносотенецъ,—успакиивающе сказалъ кто-то.

Этотъ непріятный эпизодъ, однако, не разстроилъ нашего собранія. Когда я кончила, крестьяне заговорили.

— Ни, барышня, вы одъ насъ не пойдете. Переночуйте у насъ, а завтра склычемо сходъ, та разскажить вы оце усе на сходи, щобъ уси чулы це, що вы говорите.

— Та чого дожыдаця завтра! Ходимъ заразъ у зборню, склычемъ село и воны тутъ и разскажуть.

— Нѣтъ, я не могу сегодня остаться, я должна идти дальше,— отвѣчала я. Крестьяне съ блестящими глазами обступили меня, попросили, чтобы я имъ по пунктамъ написала программу крестьянскаго союза, и взяли слово, что на обратномъ пути я къ нимъ заѣду на сходъ. Солнце уже садилось, нужно было къ вечеру поспѣть еще въ другую деревню. Кстати она была всего лишь въ нѣсколькихъ верстахъ. Простившись дружески съ крестьянами, взволнованная не меньше ихъ, я ушла изъ деревни въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ крестьянъ. Едва мы вышли за околицу, какъ одинъ изъ нихъ подошелъ ко мнѣ и вполголоса спросилъ:

— А бонбы у васъ есть?

Я остолбенѣла.

— Откуда вы знаете о бомбахъ, газеты читаете? Говорите съ кѣмъ нибудь? И зачѣмъ вамъ бомба?

— Эхъ, барышня! Мы тоже люды. Газетъ я не чытаю, а якъ пойду въ городъ, то и наслухаюсь усего. Я такъ разсуждаю. Отъ у насъ князь нашъ. Скилькы народу винъ загубывъ, скилькы нужды

наробывъ. Ходымо и голи, и боси, а все по его выни. Такъ отъ винъ часто произжа у своеи карети по цій дорози, то якъ-бы такъ въ него бонбу. Чортъ его беры, души не пожаливъ бы.

— А якый толкъ отъ того бувъ-бы. Хиба вамъ за це земли далы, чы полегчелы яке! Ще-бъ гирше... Треба хату валыть зъ четырехъ угливъ, а посли уже розбирать на щепкы.

— Ни, барышня, намъ туды не дорога. Нехай соби у Петербурзи бьютця, якъ хотять, а мы будемъ быть тутъ дома у себе пидъ руками.—Парня нельзя было сломить.

Пришли мы въ слѣдующую деревню поздно вечеромъ, вошли къ мужику-портному. Мужикъ сидѣлъ за машинкой, около мальчикъ-подмастерье. На «полу» ютилась вся его семья. Жена, молодая еще женщина, но сильно изнуренная, лѣтъ восьми мальчикъ въ жару и сыпи, въ грязныхъ лохмотьяхъ; двухлѣтній полу-идіотъ съ кривыми ногами и большой головой; жена брата, молоденькая женщина съ годовалой дочкой: мужа убили на Дальнемъ Востокѣ. Старикъ дѣдъ, весь сгорбленный, кашляющій и стонущій каждую минуту. Блѣдный свѣтъ лампадки тускло освѣщалъ этотъ уголъ нищеты, отъ котораго вѣяло страшной тоской и отчаяньемъ. Изба была хоть и большая, но сильно грязная.

При нашемъ появленіи никто не двинулся съ мѣста. Словно ничего особеннаго не произошло. Даже на наше привѣтствіе хозяинъ отвѣчалъ равнодушно, спокойнымъ голосомъ, не поднимая головы отъ работы.

— Эй, Мыхайло,—громко заговорилъ нашъ провожатый.—Бигай на село, склыкай людей! Ось прыихалы люды, воны тутъ таке розскажуть, чого ты и зъ роду не чувъ!

Мыхайло съ любопытствомъ поднялъ голову.

— А що-жъ воны казаты муть!

— Звисно що! Розскажуть, якъ намъ жевеця, яка наша нужда, що мы должни робыть, якъ должни добываця соби щасця та свободы.—Михайло быстро всталъ, торопливо принялся укладывать работу, проговоривъ между сборами:

— Эй, стара, бигай на той кутокъ, а я пиду до Грыцька клыкать. Та не забудь поклыкать старосту и пысаря.—Утомленная и голодная, я опустилась на лавку, предварительно раздѣвшись. Жена брата спустила на землю дочку, накинула платокъ, взяла миску и скрылась въ сѣняхъ, а затѣмъ вернулась съ миской капусты и солеными огурцами. Все это она поставила на столъ, положила двѣ ложки и двѣ огромныя паляныци. Пока собирался народъ, я съ аппетитомъ ѣла. Народу все прибывало и прибывало. Всѣ лавки, лежанки, печка,—все было занято. Лампа отъ недостатка кислорода стала тухнуть, тогда одинъ изъ крестьянъ положилъ сверху на стекло пятакъ, оставляя для воздуха только небольшую щель. Я начала говорить по порядку, но передъ тѣмъ, какъ начать, я попросила крестьянъ не перебивать меня, пока я не кончу со-

всѣмъ. Потомъ пусть задаютъ вопросы. Крестьяне согласились. Этотъ вечеръ почему-то глубоко запечатлѣлся у меня въ памяти. Крестьяне стояли плотной стѣной, плечо къ плечу, голова къ головѣ, десятки глазъ, блестящихъ, горящихъ лихорадочнымъ огнемъ, устремились на меня, пронизывая меня насквозь. Молодыя, возбужденныя лица съ затаеннымъ дыханіемъ слушали, жадно ловя каждое мое слово, каждый мой жестъ. Старики, сосредоточенные, молчаливые, низко опустивъ обнаженныя головы, сидѣли по сторонамъ, точно на молитвѣ или на какомъ-нибудь религіозномъ обрядѣ. Были и женщины. Послѣднія пользовались привилегіей, ибо сидѣли рядомъ со мной на скамейкѣ. Время отъ времени въ толпѣ проносился сдержанный вздохъ, затѣмъ опять наступало гробовое молчаніе. Когда я коснулась пункта объ отмѣнѣ смертной казни, нарисовала картину Шлиссельбургской крѣпости, Петропавловки, разсказала, поскольку лѣтъ тамъ томятся люди, сколько борцовъ ушло и погибло въ каторгѣ, въ тюрьмахъ...—въ толпѣ раздались рыданья...

Часа три я говорила. Устала. Крестьяне стали расходиться, многіе подходили, жали руку, благодарили, обѣщали помнить во всю жизнь все, что я говорила. Но вдругъ изъ толпы вынырнулъ откуда-то студентъ, подошелъ къ столу съ цѣлью разбить меня. Въ первую минуту я подумала, что это с.-д., и приготовилась къ жестокому спору. Но студентъ заговорилъ о земствахъ, о необыкновенной пользѣ ихъ, пересчитывая заслуги нѣкоторыхъ дѣятелей, вспомянулъ и земскій съѣздъ во времена Святополка-Мирскаго. Завязался споръ.

Въ душѣ мнѣ было ужасно досадно, я боялась, что этотъ споръ ни къ селу, ни къ городу внесетъ путаницу въ понятія крестьянъ. Они не успѣли ознакомиться съ однимъ, какъ имъ уже подсовываютъ другое. Но опасенія мои были напрасны. Я возликовала, когда староста, у котораго я ночевала, сказалъ мнѣ, между прочимъ:

— А той, бачъ якъ зъ витру зводыть! Скубентъ-то. Земство, земство! Цаца велыка. Якъ бы-жъ то мы сыдилы въ земстви, а то кто тамъ крутыть диламы. Ясновельможный, вельможный и просто князь! Хиба у него голова болитымо за мужыкомъ. Чулы, князь союзъ тутъ заклада проты насъ?

— Якый союзъ?

— А якъ-же-жъ! Напысавъ усимъ въ окрузи помищыкамъ, щобъ складалысь отъ каждой десятины по 25 к., та на ци гроши выпысать казакивъ.

— Ага, ничого, молодець! Я пошлю объ цимъ у газету. Кто предсѣдатель цего союза?

— Цей союзъ въ тыхомолку, мы досталы одынъ лыстъ. Предсѣдатель звисно князь.

— Мы сидѣли въ чайной, пили чай; насъ угощалъ староста.

Между тѣмъ, крестьяне тихо о чемъ-то спорили. Наконецъ, одинъ изъ нихъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Вотъ, барышня, многіе не соглашаются относительно амнистіи. Говорятъ, можетъ кого и нужно было посадить въ тюрьму. Напримѣръ, убійцъ Александра II...

— Ну и чего ты голову морочишь!—перебилъ его староста. Староста вообще былъ душой общества. Несмотря на то, что у него было 20 десятинъ земли, почетный, для деревни, чинъ, масса знакомыхъ и родныхъ среди сельской буржуазіи, онъ всецѣло былъ преданъ народу, и теперь горячѣе всѣхъ отозвался.

— Не бійсь,—говорилъ онъ.—Ци люды не обманутъ, бачишъ за намы стоять, безъ корысты.

— Та хиба я що кажу,—оправдывался писарь.—Це ось други, бо народъ темный, не понимае! Дума, а може яка небудь засада! Хто его зна.

— Тю, показылысь! Яка-жъ тутъ може будь засада. Эй, хто тамъ Хома невирный. Кому тамъ муха у носи заграла? Може пидешъ до прыстава правды шукаты, або до нашего пана?

Я еще разъ припялась объяснять крестьянамъ значеніе амнистіи. Говорила, что эти люди всѣ посажены за то, что хотѣли добра народу, что они говорили народу то, что говорю я теперь, и что если-бы у насъ не было манифеста, то и меня сейчасъ бы посадили тоже въ тюрьму. Затѣмъ говорила, что теперь скоро начнутся выборы въ Государственную Думу, значитъ важно, чтобы народъ выбиралъ именно этихъ людей, а для этого ихъ необходимо освободить изъ тюрьмы, чтобы они могли придти къ народу, чтобы народъ ихъ зналъ.

Другой спорный вопросъ возникъ изъ-за всеобщаго избирательнаго права. Имъ казалось невозможнымъ пустить женщинъ въ Думу.

— Що-жъ баба зможе зробытъ? Вона темна, необразована.

— Ад-же-жъ и вы темни, необразовани, але пидешъ и треба щобъ ишлы въ Думу. Не треба кинчать университету для того, щобъ умить разсказаты, що у чоловика болыть и въ чимъ его нужда. Такъ и жинка. Жиноче горе никому такъ дотепне не звисно, якъ ій самій. То нехай вона сама и каже за его. Ось я женщына, а хиба вы не выбралы бы мене?—Крестьяне искренно захохотали.

— То то-жъ вы! Отъ сказалы. Вы велыкограмотни, а вона що.

— Що! моя баба заткне за поясъ богацкихъ. Такъ тоби якъ почне балакать, не треба тоби и велыкограмотнихъ,—сказалъ староста.

— Нѣтъ, я не согласенъ. Нельзя-ли безъ этого пункта, или написать просто всеобщее избирательное право, но только для мужчинъ,—настаивалъ писарь.

— Бачъ якій хытрый, усе для нихъ, а баби ничого,—огрызнулись женщины.

— Цыцъ, ничого не разуміешь, то мовчы лучше.

Вопросъ такъ и остался спорнымъ. Рѣшили окончательно выяснить его на предстоящемъ крестьянскомъ съѣздѣ.

Староста повелъ насъ къ себѣ на ночлегъ, а крестьяне кучками отправились по домамъ.

— Хома, а кумъ Хома,—говорилъ одинъ изъ нихъ.—А я усе ще думаю: чы воно добре, чы воно не добре.

— Насчетъ чого?

— Та насчетъ прыговора. Ось мы составымъ прыговоръ, одишлемъ въ московськый союзъ, та що-бъ мы чого соби не наклыкали.

— Що таке!—восклицалъ другой.—Люды имъ кажуть святу правду, душу за нихъ покладають, а воны розвелы тутъ: «Може воно такъ, а може не такъ.» Эхъ вы! Гиршъ не буде якъ е. Дывы яка знатна рать иде! Скилькы заробывъ цего лита, колы думаешь зубы на полыцю покласты!

— А де ты шапку куповавъ, мабудь у самому Петербурзи, бо вона чогось дуже чудна; облизла, якъ у исправныка голова. Вона мабудь тоже изъ арыстокративъ.

— Та цуръ тоби, годи, годи, отъ роспустывъ языкъ.

И шли дальше молча, но чрезъ минуту дьяволъ искушенія опять не давалъ имъ покою.

— Чому воны до насъ чоловика не прыслалы, отой «союзъ», а то прыслалы женщыну. Що вона зможе!

— Хто его зна! Може воно добре, а може воно не добре!

Молчаніе. Слышно только тяжелое сопѣніе и постукиваніе палкой о мерзлую землю,

— Тай справди, чомъ-же не чоловикъ.

— Женщына! Що баба зможе!

Алексѣева.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Господинъ и госпожа Молохъ.

Романъ *Марселя Прево.*

Переводъ съ французскаго **С. Б.**

II.

Звуки трубъ и бой барабана заставили умолкнуть толпу, собравшуюся изъ Ротберга, Альтендорфа, Литцендорфа, Штейнаха и со всѣхъ окрестныхъ деревень, долинъ и горъ, чтобы присутствовать на открытіи временнаго памятника Бисмарку, воздвигнутаго въ Фазаньемъ паркѣ. Барабанная дробь и трубы возвѣстили прибытіе высшихъ сановниковъ.

Было половина третьяго. Свѣжее утро смѣнилось внезапно наступившимъ зноемъ, благодаря вѣтру, дувшему цѣлое утро изъ горныхъ ущелій. Воздухъ дрожалъ въ солнечномъ свѣтѣ, какъ въ самую жаркую пору лѣта. Флаги неподвижно висѣли на древкахъ. Среди почтительнаго молчанія придворные экипажи приближались къ толпѣ.

Я наблюдалъ изъ будуара Гомбо, куда удалился, чтобы не смѣшиваться съ толпой. Экипажи прослѣдовали вдоль линіи зрителей. Я былъ одинъ, такъ какъ Грита предпочла общество супруговъ Молохъ. Грита была еще въ томъ возрастѣ, когда солнечный жаръ, пыль, шумъ и толкотня доставляютъ развлеченіе. Думаю, ей хотѣлось еще поближе видѣть своего друга Макса, командовавшаго отрядомъ въ офицерскомъ мундирѣ.

Въ первой придворной каретѣ, голубой съ бѣлымъ, ѣхалъ принцъ Отто, въ мундирѣ полковника уланскаго полка: принцъ номинально командовалъ полкомъ, стоявшимъ на французской границѣ. Возлѣ него сидѣлъ длинный и тощій старецъ, въ формѣ капитана ландвера, директоръ прусскаго клуба въ Штейнахѣ, представлявшій на праздникѣ германскую имперію и прусскаго короля.

Въ слѣдующемъ экипажѣ, легкой викторіи, красиво запряженной двумя бѣлыми лошадьми, ѣхала принцесса Эльза съ фонъ-Больбергъ. Толпа шумно привѣтствовала ее. Затѣмъ слѣдовало ландо съ важно раскинувшимся графомъ Марбахомъ. Въ лицѣ и въ движеніяхъ его все же было выраженіе тревоги: должно быть, пушечные выстрѣлы въ теченіе всего утра растревожили его нервы. За нимъ двигались высшіе сановники государства, духовникъ, министръ полиціи, баронъ Дронтгеймъ съ своей толстой супругой, въ платьѣ изъ черной тафты, и со маленькой сестрой Фрикой, въ сѣроватомъ муслинѣ; министръ общественныхъ дорогъ и лѣсовъ, директоръ почтъ, дворцовый архитекторъ и, наконецъ, менѣе знатные вельможи со своими женами. Нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ были красивы. Толпа, при видѣ ихъ, дѣлала замѣчанія и упоминала имя принца. Въ особенности сильный говоръ вызвало появленіе фрейленъ Фрики, что, казалось, доставляло удовольствіе этой хорошенькой безстыдницѣ. Въ послѣднемъ экипажѣ красовался г. Граусъ, собственной персоной, въ полномъ парадѣ, во фракѣ почти придворнаго покроя, въ рубашкѣ съ манишкой въ видѣ жабо на груди, съ двойной гирляндой орденовъ на лѣвомъ отворотѣ фрака. Эта торжественность должна была свидѣтельствовать, что г. Граусъ предсѣдатель комитета по постановкѣ памятника.

Всѣ эти экипажи высадили свою пеструю публику передъ почетной эстрадой. Чиновники, сановники и дамы расположились вокругъ царившаго надъ ними сидѣнія принца... У эстрады кучера поворачивали лошадей и направлялись къ сараямъ.

Толпа, встрѣчавшая вначалѣ всѣхъ громкими кликами, теперь любовалась молча. Почтительная и послушная, она своими безчисленными красными и потными лицами тѣснилась на пространствѣ передъ памятникомъ и эстрадой сановниковъ и трибуной для ораторовъ. Подъ легкими полотняными костюмами женщинъ угадывались могучія формы; мужчины одѣты были въ свою скучную черную воскресную ливрею. Только нѣкоторыя семьи горцевъ, спустившіяся съ высотъ Ренштига, нарушали банальность этой толпы красной вышивкой на юбкахъ у женщинъ, голубыми кафтанами мужчинъ, кружевной наколкой или большой фетровой шляпой. Солдаты на этомъ сборищѣ исполняли обязанности полиціи довольно грубо. Какой-то мальчишка, имѣвшій дерзость вскарабкаться на дерево, чтобы лучше видѣть, былъ такъ энергично схваченъ и жестоко избитъ двумя молодцами въ мундирахъ, что какъ только его выпустили, онъ съ окровавленнымъ лицомъ— весь въ слезахъ, бросился, какъ заяцъ, бѣжать въ лѣсъ, от-

казавшись отъ удовольствія видѣть открытіе памятника Бисмарку и излѣчившись отъ всякаго любопытства.

Когда весь оффиціальный персоналъ размѣстился и наступила тишина, обрѣзали веревки у покрывала, окутывавшаго статую. Среди оглушительнаго взрыва возгласовъ, оркестръ грянулъ сразу „Wacht am Rhein", и покрывало упало къ ея ногамъ. Всѣ головы обнажились, всѣ взоры устремились на высокую фигуру въ каскѣ: германскій титанъ опирался своей тяжелой рукой на прямой мечъ и рядомъ съ нимъ—догъ, съ злыми глазами и оскаленными зубами. Отрядъ, подъ командой принца Макса, очаровательнаго въ своемъ офицерскомъ мундирѣ, взялъ на караулъ. Принцесса, стоявшая рядомъ съ принцемъ, апплодировала.

Спрятанный за занавѣсками будуара, я сидѣлъ и усовѣщевалъ себя.

„Почему я страдаю? Я ощущаю нѣчто похожее на боль, причиненную потерей близкаго существа, чѣмъ-то непоправимымъ, какъ смерть. Да, тутъ, конечно, возмущеніе, гнѣвъ противъ свершившейся судьбы. Но все же разберемся. Вполнѣ естественно, что этотъ нѣмецкій народъ празднуетъ свое пріобщеніе къ славѣ, богатству и власти. Совершенно понятно, что они отливаютъ изъ бронзы изображеніе созидателей своего счастья, понятенъ и взрывъ энтузіазма, когда толпѣ показываютъ эти изображенія, среди соперничества народовъ, въ памятный день выигранной битвы... Будемъ тверды! Взглянемъ въ глаза дѣйствительности. Я не могу устранить ни фактъ существованія Бисмарка, ни то, что онъ создалъ единую Германію, ни то, что, благодаря ему, я родился во Франціи, униженной и раздробленной".

Послѣ „Wacht am Rhein", оркестръ заигралъ по программѣ длинную „*Побѣдную симфонію*", сочиненную г. Бауманомъ дирижеромъ придворной капеллы. Какъ и вся новѣйшая нѣмецкая музыка, она была въ итальянскомъ вкусѣ, съ оттѣнкомъ вагнеризма. Пока она бушевала, я все не могъ оторвать глаза отъ бронзированнаго гиганта, тяжело опирающагося на плоскій мечъ, остріемъ вонзившійся въ скалу... Онъ олицетворялъ для меня судьбу.

Что такое судьба народовъ? Почва ли, ихъ воздухъ, ихъ небо, климатъ? То, что въ людяхъ создается подъ вліяніемъ извѣстной территоріи, такъ же ли неизмѣнно, какъ и въ животныхъ и растеніяхъ? Или, наоборотъ, судьба создается усиліями каждаго отдѣльно, соединяясь въ одно цѣлое въ пространствѣ и времени? Это есть все вмѣстѣ, и еще что-то.

Судьба это—процессъ, не предвидѣнный, не поддающійся заранѣе учету, подчиняющій себѣ въ концѣ концовъ событія. И этотъ процессъ сегодня представлялся мнѣ въ видѣ чуда-ребенка, рождающагося порою среди того или другого народа,—тѣмъ, что Карлейль называетъ героемъ, а Ничше—сверхъ-человѣкомъ. Судьба, это—Жанна д'Аркъ; Вильгельмъ завоеватель; Бонапартъ. Судьба, это—Бисмаркъ. Всѣ теоріи происхожденіи героевъ ничто противъ блестящаго факта: если бы не было Бонапарта и Бисмарка въ новѣйшей исторіи, эта исторія была бы совершенно иная: она ни въ чемъ не походила бы на то, что совершили въ ней эти сверхъчеловѣки. Обыкновенно исторія есть слѣдствіе безконечно ничтожныхъ усилій, гдѣ каждая личность (даже и тѣ, что находятся у власти) представляетъ лишь одну изъ составныхъ частей. Но въ извѣстный періодъ рождаются люди, концентрирующіе въ себѣ силу, способную объединить, расположить всѣ другія стихійныя силы націи. Они, конечно, измѣняютъ судьбу народовъ и міра. Или, вѣрнѣе, эти люди и представляютъ олицетвореніе судьбы.

Въ неподвижномъ воздухѣ, безъ малѣйшаго дуновенія вѣтра, яркое солнце, какъ въ какой-то фантасмагоріи, освѣщало передъ окномъ, гдѣ я стоялъ, потную, шумную толпу, красную, разряженную эстраду, ротберговскихъ солдатъ, съ опущеннымъ оружіемъ, съ темными лицами и суровымъ видомъ. Среди музыкантовъ длинный капельмейстеръ съ курчавыми сѣдыми волосами неудержимо метался изъ стороны въ сторону надъ исполненіемъ собственной пьесы... Я смутно видѣлъ все это. Ясно я различалъ только титана изъ фальшивой бронзы, съ тяжелымъ мечомъ, вертикально воткнутымъ въ скалу, и съ ужаснымъ догомъ съ оскаленными клыками и злыми глазами подлѣ него. Солнце блестѣло въ новой бронзовой окраскѣ статуи. Запахъ пыли и живого человѣческаго тѣла проникалъ съ площади и смѣшивался въ будуарѣ Гомбо съ сыростью стѣнъ, съ нѣжной затхлостью человѣческаго праха. Я чувствовалъ себя опьяненнымъ и сбитымъ съ толку.

Я смотрѣлъ на бронзоваго титана, на это олицетвореніе рока, и думалъ, какова была бы судьба міра, если бы эта страшная фигура не появлялась вовсе? Безконечная побѣдная симфонія, между тѣмъ, продолжалась...

1815 годъ...

Въ то время, какъ союзныя войска во второй разъ вступали во Францію, въ провинціи Бранденбургъ, въ маленькомъ мѣстечкѣ Шенгаузенѣ родился сынъ у бѣднаго дво-

рянина... Теперь лысая въ каскѣ голова когда-то у бойкаго ребенка покрыта была свѣтлыми кудрями. Крестьяне любовались имъ, когда, бывало, верхомъ онъ мчался бѣшенымъ галопомъ по отцовской землѣ. Шли годы, и вотъ маленькій дворянчикъ уже студентъ въ Геттингенѣ. Хотя въ головѣ бродила уже мечта объ единствѣ Германіи, все же онъ не могъ сойтись съ *Burschenschaft*'омъ, обществомъ студентовъ, поклявшимся сдѣлать Германію единой и свободной. Эти студенты — раціоналисты, слишкомъ говоруны, слишкомъ евреи. Въ аристократической корпораціи, съ другими мелкими дворянчиками, партикуляристами, онъ сойдется гораздо лучше.

Оттуда онъ вышелъ вспыльчивымъ бретеромъ, всегда въ сопровожденіи чудовищнаго дога, имѣя въ прошломъ двадцать восемь дуэлей, оставившихъ на его лицѣ одинъ только единственный шрамъ. Физическая сила и ѣдкія остроты дѣлали его страшнымъ, но доктринерство романтической и традиціонной школы его связывало. Ненадолго онъ дѣлается чиновникомъ, но вскорѣ заботы объ обремененномъ долгами отцовскомъ имѣніи возвращаютъ его къ землѣ, и въ теченіе десяти лѣтъ онъ живетъ дворяниномъ-земледѣльцемъ. Какая полная жизнь! Онъ искренно интересуется ночными заморозками, болѣзнью скота, дурными дорогами, измельчаніемъ овецъ, гибелью ягнятъ, неурожаемъ соломы, кормомъ, картофелемъ, навозомъ. „Одна свекловица меня больше волнуетъ, чѣмъ вся политика", заявляетъ онъ. Но этотъ страстный землевладѣлецъ, этотъ ярый охотникъ въ то же время и усердный читатель. Цѣлыя вороха печатной бумаги,—все книги по нѣмецкой и англійской исторіи,—завалили Книпгофъ, его усадьбу. Сосѣдніе помѣщики не могли понять, почему этотъ мелкопомѣстный дворянинъ, рыскающій за оленями и пьющій, какъ они, находитъ развлеченіе въ чтеніи? Бисмаркъ читатель!.. Онъ не лишенъ сентиментальности: онъ нѣженъ съ сестрой, съ женой... Въ 1849 году онъ былъ избранъ прусскимъ депутатомъ отъ Ратенова. Какъ только онъ заговорилъ, придворная камарилья тотчасъ же поняла, что обрѣла въ немъ оратора и главу.

Но онъ все еще не похожъ на вотъ этого огромнаго кирасира. Онъ строенъ, кудрявъ и съ бородой, среди бритыхъ дворянъ. На загорѣломъ, темномъ лицѣ сверкаютъ большіе, довольно красивые сѣрые глаза. Его краснорѣчіе мрачно, какъ небо во время грозы, но вдругъ сверкнетъ молнія и раздастся громовой ударъ... По его словамъ, „народъ это—оселъ въ львиной шкурѣ, рычащій на площадяхъ". Онъ отрицаетъ, что общественное мнѣніе есть выраженіе народной воли... Одинъ только монархъ въ себѣ самомъ от-

ражаетъ чудеснымъ образомъ божественную волю народовъ. Парламентъ это—скопище сумасшедшихъ: стыдъ и презрѣніе англійской системѣ! Конечно, монархами порою руководятъ женщины, честолюбцы, царедворцы и мечтатели. Но верховная королевская власть, тѣмъ не менѣе, есть выраженіе законной воли дворянства.

Отрывистымъ ударомъ смычка усердный капельмейстеръ привлекъ и сосредоточилъ вниманіе своихъ музыкантовъ. Трубачи надулись, флейтисты стали выводить пронзительныя ноты, огромный барабанъ добросовѣстно подражалъ пушкѣ. Я понимаю, что вмѣстѣ съ политическимъ изображеніемъ Бисмарка, Бауманъ желалъ представить Бисмарка-воина. Какимъ соединеніемъ инструментовъ, какой комбинаціей гармоніи могъ бы ты, трудолюбивый собиратель звуковъ, изобразить этотъ яко бы любовный союзъ лукавства и силы, отличавшій твоего героя отъ всѣхъ другихъ человѣческихъ существъ? Къ чорту твои дудки и смѣшной трескъ ослиной кожи! Дай мнѣ представить себѣ, каковы были мысли, роившіяся подъ этимъ огромнымъ лбомъ, когда онъ принялъ, *безъ всякой къ тому необходимости*, кровавое рѣшеніе; этотъ титанъ жаждалъ войнъ! Мы знаемъ, онъ былъ увѣренъ, что нѣкоторыя великія этническія перестройки прочно скрѣпляются только кровью. Въ 1848 году отъ него зависѣло объединить Германію безъ пролитія крови. Франкфуртскій сеймъ предлагалъ это прусскому королю. Бисмаркъ воспротивился наперекоръ желанію всѣхъ, наперекоръ желанію двора, а главное—придворныхъ дамъ. То была трагическая эпоха; порою этотъ усердный слуга смерти, раздраженный противорѣчіями, чтобы дать выходъ своему гнѣву послѣ бурныхъ преній, вырывалъ ключомъ замки изъ дверей...

Такъ какъ онъ умѣлъ хотѣть сильнѣе другихъ, то торжествовала всегда его воля. Въ теченіе шести лѣтъ три войны! Три раза, чтобы начать войну, одинъ и тотъ же пріемъ: прежде, чѣмъ разбить врага, обмануть его. Коварная дипломатія неизбѣжно ведетъ къ кровопролитію... Впослѣдствіи, на покоѣ, за кружкой пива, онъ самъ цинично сознавался, что такова его манера дѣйствовать. Прежде, чѣмъ одержать побѣду надъ врагомъ на полѣ сраженія, онъ ищетъ удовлетворенія зловѣщимъ образомъ унизить его. Впрочемъ, въ этой игрѣ онъ умѣлъ ставить и свою жизнь на карту.

Можно ли представить себѣ болѣе трагическое изображеніе рока, рождающаго въ мукахъ грядущее, какъ это: вотъ огромный бѣлый кирасиръ, уже тринадцать часовъ не

слѣзающій съ лошади, съ распухшими отъ сѣдла ногами, остановился на восточной сторонѣ поля битвы. Его рыжая кобыла, съ опущенными вдоль шеи поводьями, пощипываетъ зеленые всходы у Садовой, влажные отъ крови. Близится вечеръ. Исходъ битвы еще не опредѣлился, но, повидимому, Пруссія теряетъ позицію. Бѣлый кирасиръ заряжаетъ свой пистолетъ и закуриваетъ сигару. Взоръ устремленъ вдаль, онъ медленно куритъ, ибо продолжительность своей жизни поставилъ въ зависимость отъ длины сигары... Возможно ли тѣснѣе связать себя съ судьбой?.. Вотъ послѣднія вспышки сигары; крики австрійцевъ возвѣщаютъ побѣду, Бисмаркъ взводитъ курокъ... Вдругъ, за облакомъ пыли, поднятымъ побѣдителями, грянулъ пушечный выстрѣлъ. Это пушка кронпринца. „Ударъ Козерога“ выручилъ еще разъ. Бисмаркъ опустилъ свой пистолетъ, бросилъ окурокъ сигары и, подобравъ поводья и пришпоривъ свою рыжую кобылу пустился вскачь съ облегченнымъ сердцемъ.

Кто-то очень вѣрно сказалъ: нѣмцы любятъ распространяться, т. е., они любятъ говорить длинными фразами, терпѣливо выслушиваютъ длинныя рѣчи; длинныя церемоніи ихъ не утомляютъ. Побѣдная симфонія длилась добрыхъ полчаса. Правда, послѣдніе аккорды ея прозвучали уже при полномъ невниманіи слушателей. Интересъ пробудился снова, когда господинъ Граусъ взошелъ на ступеньки ораторской трибуны... Рѣчь его, однако, была довольно пошлая. На тысячу ладовъ повторялъ онъ въ ней, что величіе Германской имперіи есть созданіе этого великаго мужа изъ бронзированнаго гипса, стоящаго рядомъ съ догомъ; что Германская имперія вѣчна, что она—воплощеніе справедливости и силы, и что роль всей Германіи, достойной славнаго имени героя, сводится къ тому, чтобы поддерживать Имперію, жертвовать за нее жизнью. Съ безтактностью, омрачавшей чело принца Отто, онъ упиралъ на важность сооруженія памятника одному изъ основателей Имперіи на территоріи, сохранившей свою свободу только благодаря его великодушію. Все это произнесено было самодовольнымъ тономъ, пересыпано учеными терминами, высокопарными неологизмами, исковерканными и перепутанными поэтическими и философскими цитатами, всѣмъ тѣмъ, что нѣмецкій педантизмъ вбиваетъ на скорую руку въ головы своихъ учениковъ въ своихъ начальныхъ школахъ. Апплодировали мало. Въ Ротбергѣ Граусу больше завидовали, чѣмъ любили его; соціалъ-демократы изъ Литцендорфа считали его шпіономъ на жалованьи отъ Берлина.

Его смѣнилъ директоръ прусскаго клуба въ Штейнахѣ. Длинный и худой субъектъ въ очкахъ, онъ пространно изложилъ главнѣйшія событія изъ жизни Бисмарка. Я удивился, до чего исторія въ устахъ дурака можетъ стать безцвѣтной. Въ болтовнѣ клубнаго директора титанъ съежился до объема бюрократа-удачника. Его трагическая карьера свелась къ послужному списку.

„Въ такомъ-то году его величество императоръ Вильгельмъ I назначилъ Бисмарка во франкфуртскій сеймъ. Такъ онъ сидѣлъ на второмъ мѣстѣ послѣ австрійскаго депутата. Въ такомъ то году онъ былъ министромъ... Въ такомъ-то канцлеромъ... Въ такомъ-то получилъ орденъ Большого Орла“...

Такъ говорилъ прусскій подпрефектъ, среди почтительнаго вниманія вспотѣвшей толпы и зѣвавшаго отъ скуки двора. Было ясно, что для этого ограниченнаго ума Садова и Седанъ съ ихъ послѣдствіями не имѣютъ болѣе высокой цѣли, какъ освѣтить исключительно счастливую карьеру чиновника, далеко опередившаго другихъ въ чинахъ и орденахъ.

Въ моментъ окончанія его рѣчи, когда онъ призывалъ всѣхъ чиновниковъ въ настоящемъ и въ будущемъ слѣдовать примѣру Бисмарка, на безоблачномъ голубомъ небосклонѣ показались первыя тучки, и легкій порывъ вѣтра заколыхалъ флаги и знамена.

Оркестръ заигралъ маршъ; поднялся принцъ Отто. Воцарилась такая глубокая тишина, что слышно было, какъ бьется полотно флаговъ о древки. Онъ говорилъ съ эстрады и, вѣроятно, чтобы отмѣтить разницу между собой и другими ораторами, былъ очень кратокъ. Его сухой, сильный голосъ производилъ впечатлѣніе.

„Граждане Ротберга,—сказалъ онъ,—мы хотѣли объединить здѣсь три событія: годовщину побѣды изъ побѣдъ: открытіе памятника одному изъ величайшихъ нѣмцевъ, когда либо видѣнныхъ въ мірѣ, и зачисленіе въ полкъ рекрутовъ текущаго года.

„Молодые солдаты, взгляните на стоящихъ рядомъ съ вами храбрыхъ ветерановъ, рожденныхъ на вашей же землѣ. Они были сподвижниками великихъ людей: Мольтке, Вильгельма, Бисмарка. Они несли свой трудъ и свою кровь на славу родины, и многіе изъ ихъ братьевъ пали въ славномъ бою.

„Чтите этихъ ветерановъ, клянитесь подражать имъ! Настали трудныя времена; больше вниманія къ нимъ, ибо съ основанія имперіи не было періода времени болѣе неустойчиваго и опаснаго. Мы, нѣмцы, любимъ миръ, но не боимся

войны, ибо съ нами Богъ... Сомкнитесь же плотнымъ кольцомъ вокругъ вашего государя и вашего императора"!

На этотъ разъ энтузіазмъ былъ единодушнымъ и горячимъ. Оглушительные крики: „*Hoch!*" „Да здравствуетъ императоръ"! „Да здравствуетъ его высочество"! поднялись къ небесамъ, мало по малу подернувшимся туманомъ, пропускавшимъ лишь слабый разсѣянный свѣтъ. Я взглянулъ на принцессу: она апплодировала до того, что, казалось, изорветъ перчатки. Ее обуяла германская лихорадка: она апплодировала нелюбимому мужу потому только, что онъ произнесъ нѣмецкую рѣчь... Я испытывалъ къ ней злобу, смѣшанную страннымъ образомъ съ физическимъ влеченіемъ. И неясное до сихъ поръ для меня рѣшеніе сразу созрѣло во мнѣ.

Какъ разъ въ этотъ моментъ Эльза взглянула на мое окно, точно почувствовала мои мысли и глаза, устремленные на нее. Я замѣтилъ, что она наклонилась къ принцу и шепнула ему на ухо нѣсколько словъ. Послѣ минутнаго раздумья принцъ, повидимому, выразилъ согласіе. M-elle Больбергъ также встала; обѣ спустились съ эстрады особымъ ходомъ, позади креселъ сановниковъ.

Въ это время начались военные маневры. Маіоръ покинулъ эстраду и слѣдилъ за командованіемъ принца Макса. *Правой! Лѣвой!*... Какъ правильно маршируютъ эти горцы Тюрингіи, переряженные солдатами! Механическая точность прусскихъ разводовъ будетъ всегда поражать француза. Во Франціи всегда найдутся реформаторы, увѣренные, что побѣда возможна только при подражаніи такому параду. Я самъ не могъ оторвать глазъ. И напрасно я убѣждалъ себя, что вѣдь это только обрядность: она тревожила меня, какъ опасная дѣйствительность.

Вдругъ дверь позади меня отворилась: запахъ смѣшанныхъ духовъ обдалъ меня нѣжнымъ ароматомъ. Я обернулся и увидѣлъ принцессу. Глазами она дала мнѣ понять, что она не одна. И, дѣйствительно, костлявый силуэтъ и кислое лицо фрейленъ фонъ-Больбергъ показались за ея спиной.

— Ахъ, господинъ Дюберъ,—воскликнула принцесса съ притворнымъ удивленіемъ,—я совсѣмъ забыла, что вы здѣсь.. простите, что нарушила ваше одиночество... На эстрадѣ ужасно жарко и мнѣ стало дурно. Невольно я вспомнила объ этомъ убѣжищѣ, гдѣ больше прохлады и меньше пыли.

Больбергъ угрюмо смотрѣла въ потолокъ. „Какой позоръ слышать такую грубую и беззастѣнчивую ложь изъ устъ принцессы!" казалось, говорила она всей своей фигурой.

Съ поспѣшностью вѣрноподданнаго я вскочилъ, чтобы удалиться.

— Нѣтъ, ради Бога, останьтесь!—живо возразила принцесса.—Я буду въ отчаяніи, что выгнала васъ отсюда, г. Дюберъ... Я отдохну нѣсколько минутъ въ этомъ креслѣ... Вотъ здѣсь... Какъ только я почувствую себя лучше, я тотчасъ же вернусь на эстраду... Но васъ, Больбергъ,—обратилась она къ потомку Оттомара Великаго, созерцавшей въ это время многочисленное отраженіе своей костлявой особы въ зеркалахъ будуара,—васъ я не хочу лишать возможности любоваться церемоніей съ отведеннаго вамъ мѣста... тѣмъ болѣе, что здѣсь немного сыро для вашего ревматизма.

— Я въ распоряженіи вашего высочества,— сухо отвѣтила фрейлина.

— Идите, идите, Больбергъ... Успокойте принца... скажите ему, что я неннного отдохну и тотчасъ же вернусь. Идите!.

Фрейлейнъ фонъ-Больбергъ сдѣлала полуоборотъ съ точностью и граціей стараго унтеръ-офицера Едва только она затворила за собой дверь, какъ принцесса вскочила съ своего кресла и, подойдя ко мнѣ, подставила щеку.

— Поцѣлуйте меня, мой подданный!..

Она сняла подушки съ одного изъ креселъ, бросила ихъ къ моимъ ногамъ и усѣлась на нихъ.

— То, что я дѣлаю, безумно,—сказала она.—Къ счастью, народъ любитъ меня и легко мирится съ моими фантазіями, но принцъ, навѣрно, будетъ бранить меня вечеромъ, потому что его обычные шпіоны донесутъ ему, что мы остались вдвоемъ. Ради васъ я компрометтирую себя. Неужели вы не чувствуете гордости, что компрометтируете владѣтельную принцессу?

Я увѣрялъ ее, что переполненъ этимъ чувствомъ. Про себя же думалъ, зачѣмъ она заставляетъ меня говорить объ этомъ?

— Сегодня я довольна,—продолжала она.—Меня шумно встрѣчали. Даже жители Штейнаха, пруссаки, и тѣ смотрятъ на меня, отчасти какъ на свою повелительницу. Нашъ праздникъ восхитителенъ... Замѣтили вы живописные костюмы горцевъ?.. Къ сожалѣнію, собирается гроза. Я бы хотѣла, чтобы она не помѣшала кончить...

„Чуждая душа! думалъ я, заимствуя выраженіе у принца Эрнста... Вотъ она уже и забыла, какое оскорбленіе для меня заключается въ томъ, что она называетъ *нашимъ* праздникомъ. И между тѣмъ она любитъ меня“.

Шумъ радостныхъ кликовъ привлекъ насъ къ окну. Скрытые за рѣшетчатыми ставнями, мы увидали окончаніе военной церемоніи. Послѣ маршей, поворотовъ, схожденій, равненій, принцъ Максъ провелъ свой отрядъ церемоніальнымъ маршемъ передъ статуей титана съ догомъ. Быстро и гра-

ціозно перебѣгалъ онъ на другой конецъ своей линіи, выравнивалъ ее и снова возвращался на свой начальническій постъ. Его дѣтскій, не установившійся голосъ, пріученный уже къ командованію, приводилъ въ движеніе этихъ живыхъ автоматовъ. И таково ужъ обаяніе воинскихъ пріемовъ, что этотъ ребенокъ съ философской душой, казалось, любуется самъ собою въ своей роли ученика-героя.

— Какъ хорошъ мой сынъ!—воскликнула съ гордостью принцесса...—Въ подходящій моментъ онъ будетъ такимъ же воиномъ, какъ и его предки.

Она говорила это для самой себя... Еще лишній разъ я получилъ оскорбительное подтвержденіе, что въ ея жизни я—только аксессуаръ, правда, аксессуаръ, способный въ извѣстныя минуты овладѣть первымъ мѣстомъ, уничтожить всѣ соціальныя и супружескія преграды, но все же аксессуаръ.

Между тѣмъ, она отошла отъ окна, опять сѣла на полинявшее кресло и сказала:

— Подите ко мнѣ.

Я повиновался.

— Сейчасъ будетъ говорить этотъ дуракъ Марбахъ,—продолжала она.—Онъ возмутитъ васъ своими словами. Не слушайте его; забудьте все, кромѣ меня.

Я былъ ей благодаренъ за это милое предложеніе, и опустился на подушки у ея ногъ: такимъ образомъ мы помѣнялись мѣстами. Она опустилась въ кресло и предоставила въ мое распоряженіе сначала свою бѣлую руку съ выпуклыми ногтями, а затѣмъ свой бюстъ и лицо... Благодаря этой царственной снисходительности, начало рѣчи Марбаха для меня пропало. Я былъ взволнованъ и счастливъ въ одно и то же время. Никогда еще необходимость чувствовать Эльзу своей соучастницей не возбуждала меня до такой степени. Какое то ребяческое желаніе мщенія обостряло эту необходимость,—желаніе взять что нибудь у того, кто столько взялъ у моихъ, украсть у вора. Воздухъ, мало по мало насыщавшійся разслабляющимъ электричествомъ, затхлость дома, переполненнаго любовными похожденіями красивой актрисы, какое-то юношеское безразсудство, наконецъ,—все это заставило насъ броситься почти публично въ объятія другъ къ другу, и все точно сговорилось, чтобы разнѣжить насъ до конца.

— Говорите, говорите, что вы меня любите,—шептала Эльза.

И я, какъ мнѣ казалось, безъ всякаго усилія мысли и голоса, повторялъ эти короткія, но такія огромныя слова, что кажутся пустыми, если не вмѣщаютъ въ себѣ всего.

— Будемъ благоразумны,—сказала, наконецъ, Эльза прерывающимся голосомъ.—Больбергъ можетъ войти каждую минуту, если принцъ пошлетъ ее за мной. Сядьте на стулъ возлѣ меня, какъ слѣдуетъ.

Въ спокойствіи, наступающемъ вслѣдъ за страстными, неполными ласками, въ спокойствіи, когда мускулы неподвижны, нервы ослабѣли и устали,—близко одинъ къ другому, съ переплетенными пальцами рукъ слушали мы графа Марбаха, часто прерываемаго апплодисментами и возгласами *Hoch*!.. У графа былъ громкій голосъ, и онъ отчеканивалъ свои фразы, какъ слова военной команды. Отъ насъ не ускользнуло ни одно слово.

— Какъ ни велика эта Германія, — говорилъ онъ,— но вы, молодые солдаты, если придется защищать ее оружіемъ, помните, что она все же мала въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ должна быть и чѣмъ будетъ, благодаря вамъ. Черезъ извѣстное время, не далекое между прочимъ, создастся такая картина: подъ сѣнью германскаго флага соберется восемьдесятъ шесть милліоновъ нѣмцевъ, и они будутъ господствовать надъ территоріей, населенной сто тридцатью милліонами европейцевъ. На этой обширной территоріи одни только нѣмцы будутъ имѣть политическія права, только они будутъ служить въ арміи и во флотѣ, однимъ только нѣмцамъ будетъ принадлежать право пріобрѣтать землю. Какъ въ средніе вѣка, они будутъ народомъ господъ, допускающимъ, чтобы только низшія работы исполнялись народами, подчиненными ихъ власти...

Эта необыкновенная рѣчь, казавшаяся мнѣ лишенной всякаго здраваго смысла, интересовала меня по впечатлѣнію, производимому ею на Эльзу. Видно было, что она сочувствовала этой пестрой, внимательно слушавшей толпѣ. Когда при послѣдней фразѣ, разсчитанной вызвать образъ средневѣковой имперіи, возстановленной въ интересахъ Германіи, раздался громъ апплодисментовъ, она вырвала у меня свою руку и, приблизившись къ окну, также начала хлопать. Это было инстинктивное движеніе, и черезъ минуту ей стало за него стыдно. Она избѣгала встрѣтиться со мной глазами, и руки наши больше не соединялись.

Я, въ свою очередь, подошелъ къ окну. Рѣчь Марбаха, дѣйствительно, заинтересовала меня.

Онъ продолжалъ все болѣе грубымъ и наглымъ тономъ:

— Молодые солдаты, эту надежду, живущую въ насъ, въ каждомъ нѣмецкомъ сердцѣ, эту огромную надежду, возбужденную вотъ этимъ героемъ, княземъ Бисмаркомъ, быть можетъ, будутъ осмѣивать или разрушать нѣкоторые негодяи... Да! позоръ нашего времени, что нѣмцы смѣютъ воз-

ставать противъ Германіи и говорить: „Мы хотимъ видѣть ее слабой"! Этихъ негодяевъ немного, но они есть; почти въ каждомъ городѣ ихъ можно насчитать по нѣсколько. Во имя призрачныхъ идей свободы и братства, идей, ненавистныхъ Бисмарку, презиравшему Францію, они проповѣдуютъ паденіе силы во имя торжества мысли... Дурные граждане, враги, проклинаемые родиной, императоромъ и нашимъ возлюбленнымъ принцемъ! Убѣжденъ, что среди васъ нѣтъ ни одного подобнаго; но увы! знаю, что они имѣются въ государствѣ, и даже въ Ротбергѣ. Даже сегодня, въ день патріотическаго праздника, мы имѣли несчастье видѣть, что нѣмецъ, сынъ Ротберга, давшаго отечеству императора, въ дерзкихъ выраженіяхъ заявилъ, что онъ протестуетъ противъ постановки этого памятника.

Толпа выразила презрѣніе этому гражданину.

— Онъ расклеилъ свои объявленія по стѣнамъ города, а жители не сорвали ихъ и не изгнали нахала! Великодушіе нашего дорогого государя даетъ право этому врагу родины жить на нашей землѣ: и нашъ государь правъ, потому что человѣкъ этотъ—несомнѣнно, безумецъ!.. Но вашъ долгъ, молодые солдаты, съ ужасомъ отвернуться отъ такого человѣка, позора этой страны и этой минуты... Презирайте его! Заклеймите его! Подобные граждане не достойны быть учителями нѣмцевъ. Да будетъ имъ стыдно! Слава князю Бисмарку, великому образцу истиннаго нѣмца!

Шумъ апплодисментовъ, смѣшанный съ глухимъ рокотомъ толпы, встрѣтилъ заключительныя слова рѣчи. Но въ эту минуту произошло нѣчто, поистинѣ необыкновенное, до такой степени неожиданное, что только оцѣпенѣніе, охватившее всѣхъ, сдѣлало его возможнымъ.

Подъ канатъ, ограждавшій центръ площади отъ натиска толпы, быстро проскользнулъ маленькій старичекъ, съ бѣлыми развивающимися волосами вокругъ обезьяньяго лица, въ черномъ широкомъ сюртукѣ на распашку и въ бѣломъ жилетѣ. Онъ миновалъ пустое пространство между толпой и трибуной и взошелъ на возвышеніе... Все произошло такъ быстро, что никто и не думалъ помѣшать ему. Къ тому же принцъ Максъ, командовавшій отрядомъ, стоялъ спокойно, и когда маіоръ графъ Марбахъ, по ступенькамъ парадной эстрады, взошелъ и усѣлся на свое мѣсто, онъ увидѣлъ уже на трибунѣ самого доктора Циммермана, заговорившаго своимъ внятнымъ голосомъ, жестомъ руки заставивъ толпу умолкнуть:

— Меня оскорбили, приписали дѣйствія и намѣренія, совершенно мнѣ чуждыя... Если мнѣ запретятъ защитить

себя, то всѣ узнаютъ, что мысль находится въ рабствѣ на территоріи Ротберга.

— Долой, долой!—зарычалъ маіоръ съ своего мѣста на эстрадѣ.

Онъ готовъ былъ броситься впередъ, но принцъ схватилъ его за руку и заставилъ сѣсть.

— Я буду кратокъ,—продолжалъ Молохъ.—То, что я хотѣлъ разъяснить въ своей лекціи, я резюмирую въ нѣсколькихъ словахъ. И позволю себѣ напомнить моимъ согражданамъ-слушателямъ, что въ этой войнѣ съ Франціей, въ этомъ дѣлѣ рукъ Бисмарка, я также принималъ участіе. Я получилъ французскую пулю въ шестое ребро справа. Предыдущій ораторъ, этотъ храбрый воитель, никогда не былъ раненъ, если не считать поврежденія разума, причиненнаго ему безобидной петардой какого-то негра.

Раздался общій смѣхъ. Маіоръ, пруссакъ и дворянинъ, былъ не популяренъ въ Ротбергѣ.

— Я, быть можетъ,—продолжалъ маленькій человѣкъ,—имѣю нѣкоторое право говорить о праздникѣ, заплативъ за него своей кровью... Итакъ, войнѣ, гдѣ восторжествовали умъ, воля и терпѣніе нѣмцевъ, одинъ человѣкъ помѣшалъ быть прекрасной, какъ можетъ быть прекрасна смерть.

— Кто онъ? кто?—закричала толпа.

Несмотря на свой разладъ съ принцемъ, докторъ Циммерманъ у многихъ сохранилъ престижъ знаменитаго европейскаго ученаго, и большинство ротбергцевъ не переставало имъ гордиться. Другіе смотрѣли на него, просто какъ на оригинала, или чудака. Въ результатѣ казалось, что толпа въ эту минуту скорѣе потѣшается, чѣмъ злобствуетъ. Только нѣкоторые, возбужденные, кричали: „долой! долой!“ Большинство же слушателей забавлялись тѣмъ, что повторяли, не переставая: „Кто онъ? кто?“

Впереди всѣхъ я замѣтилъ свою сестру Гриту, страшно веселую. Она дѣлала кабалистическіе знаки принцу Максу, тщетно стараясь разсмѣшить его въ строю... Рядомъ съ ней, въ платьѣ изъ темнокрасной тафты, стояла г-жа Циммерманъ, держась руками въ шелковыхъ перчаткахъ за веревку и устремивъ восторженные глаза на своего героя.

— Кто же онъ?—кричала толпа.

Когда шумъ нѣсколько стихъ, Молохъ, указавъ пальцемъ на бронзированнаго титана съ догомъ, закричалъ:

— Вотъ онъ!..

На этотъ разъ непріязненные возгласы покрыли остальные. Маіоръ на эстрадѣ подскочилъ; и я замѣтилъ, какъ поблѣднѣло лицо докторши.

Но громкій и пронзительный голосъ маленькаго сѣдо-

власаго ученаго вновь заставилъ всѣхъ умолкнуть и возбудилъ любопытство.

— Повторяю вамъ, что онъ омрачилъ передъ лицомъ исторіи славу объединенной Германіи. Нѣмцы-слушатели! для васъ безполезны крики: „Мы всегда правы, исторія не сможетъ обвинить насъ". Исторія пишется не одними только нѣмцами. Всемірная совѣсть диктуетъ свои приговоры. А всемірная совѣсть, признавая энергію, мужество и умъ нашей Германіи, скажетъ про него: „Свои успѣхи онъ почерпалъ въ хитрости и лжи; онъ обезчестилъ ихъ своею жестокостью. Й его преступленіе тѣмъ болѣе велико, что все, что сдѣлано, могло быть достигнуто безъ хитрости, безъ лжи и безъ жестокости".

Толпа заволновалась. Но слышались отдѣльные голоса:

— Слушайте! Слушайте!

— Да, слушайте меня!—продолжалъ Молохъ. — Сегодня праздникъ ветерановъ, и я имѣю право говорить! Развѣ самъ я не ветеранъ?..

— Браво!—одобрила толпа.

— Я сказалъ вамъ, что дѣянія этого человѣка могли быть совершены безъ жестокости. Я докажу это. Въ 1848 году на франкфуртскомъ сеймѣ депутація предложила Фридриху Вильгельму IV, прусскому королю, императорскую корону. Король былъ склоненъ принять ее. Кто помѣшалъ этому? Господинъ Бисмаркъ. Предложенная руками разночинцевъ, императорская корона, казалось, ничего не стоила. „Я не хочу.—сказалъ Бисмаркъ,—возлагать на плечи моего государя горностаевую мантію на красной подкладкѣ". Когда двадцать лѣтъ спустя онъ возложилъ ее на плечи Вильгельма I, горностай все же былъ на красной подкладкѣ: кровь двухъ народовъ окрасила ее.

По толпѣ пронесся ропотъ, но оратора не прерывали. Принцъ Отто невозмутимо слушалъ.

— Бисмаркъ презиралъ красный цвѣтъ свободы, но красный цвѣтъ крови онъ любилъ. Онъ любилъ одинаково: и систему хитрости и лжи, и систему жестокости. Да! жестокости!—яростно воскликнулъ Молохъ въ отвѣтъ на протестъ толпы.—И этого я ему не прощу. Лукавствомъ и жестокостью онъ осквернилъ великое дѣло нашего объединенія. Ни одна война не предпринималась имъ безъ предварительнаго обмана: онъ лгалъ въ войнѣ за Шлезвигъ, лгалъ въ войнѣ съ Австріей, лгалъ въ войнѣ съ Франціей... Но война съ Франціей была въ особенности ужасна, да, ужасна! Она—пятно на нѣмецкой націи! И напрасно покрываете вы памятниками этого человѣка всю Германію, вы не помѣшаете исторіи записать, да она и записала уже, всѣ

гнусныя рѣчи, произнесенныя имъ по ту сторону Вогезовъ. Въ Базейлѣ онъ, вдыхая пропитанный дымомъ пожара воздухъ, заявилъ, что опаленый французъ пахнетъ поджаренымъ лукомъ. Въ Турѣ, послѣ попытки защищаться, былъ поднятъ бѣлый флагъ: генералъ Фохтъ-Ретцъ прекратилъ бомбардировку; Бисмаркъ обругалъ его. Всюду онъ возмущался косностью военачальниковъ разстрѣливать вольныхъ стрѣлковъ. Онъ рекомендовалъ причинять какъ можно больше вреда гражданскому населенію, говоря, что это приведетъ ихъ къ миру... „Никакой пощады французамъ, даже солдатамъ регулярныхъ войскъ, ибо, поскоблите француза, вы найдете тюркоса!..“ Подъ Парижемъ безоружные бѣдняки на разстояніи ружейнаго выстрѣла выкапывали изъ-подъ снѣга нѣсколько забытыхъ картофелинъ. Бисмаркъ приказалъ убить ихъ. Это онъ рѣшилъ бомбардировать Парижъ: къ чему нужна была это бомбардировка?.. Онъ осуждалъ нерѣшительность, съ какою пруссаки убивали плѣнныхъ. „Наши солдаты стрѣляютъ только въ случаѣ надобности, сказалъ онъ, но дѣлаютъ это безъ всякаго удовольствія“. Въ Коммерси одинъ крестьянинъ закололъ вилами солдата, и жена этого крестьянина пришла просить помиловать мужа. Бисмаркъ выслушалъ ее, провелъ медленно рукою по своей шеѣ и сказалъ: „Милая женщина, будьте спокойны; вашего мужа повѣсятъ“.

Молохъ на минуту остановился, чтобы перевести духъ и опредѣлить, какой эффектъ произвели его слова. Очевидно, они возбудили въ толпѣ какое-то безпокойство. Никто не протестовалъ болѣе. Стали шушукаться. На эстрадѣ начались тайные переговоры. Маіоръ совѣщался съ принцемъ.

— Вотъ мой упрекъ этому желѣзному человѣку,—невозмутимо продолжалъ Молохъ:—онъ запятналъ исторію Германіи. Вотъ почему я негодую, когда слышу, какъ нѣкоторые дураки ставятъ его въ примѣръ молодому поколѣнію нѣмцевъ. Плохи начальники, рекомендующіе подражать ему! Подобныя рѣчи возстановили весь міръ противъ Германіи, и рано или поздно она расплатится за нихъ. Я же, во имя нѣмецкой и общечеловѣческой идеи, протестую противъ того, что только что было высказано на мой счетъ человѣкомъ, лишеннымъ какого бы то ни было права судить меня. Плохъ тотъ гражданинъ, кто, по малодушію или изъ самохвальства, измѣняетъ истинѣ.

Манера, энергія, торжественность, съ какою Молохъ говорилъ, возрастала съ каждой фразой. Я увидѣлъ, что маіоръ Марбахъ быстро спустился по ступенькамъ эстрады. Молохъ также замѣтилъ его, и, пока противникъ перебѣгалъ свобод-

ное пространство между эстрадой и трибуной, онъ крикнулъ ему въ лицо:

— Бисмаркъ умеръ и навсегда! Остерегайтесь лжебисмарковъ, расплодившихся въ Имперіи. Смотрите, вотъ одинъ изъ нихъ!—докончилъ онъ, указывая на маіора.

Блѣдный отъ бѣшенства, Марбахъ остановился.

— Сержантъ Кюлеръ!—скомандовалъ онъ.—Четырехъ людей сюда, чтобы выгнать этого сумасшедшаго!

Четыре солдата вмѣстѣ съ сержантомъ подошли къ трибунѣ и въ нерѣшительности остановились.

— Сумасшедшаго!—повторилъ Молохъ, угрожающе потрясая своими коротенькими ручками.— Мой мозгъ стоитъ сотни такихъ, какъ вашъ, несчастный *minus habens*! Достаточно взглянуть на ваши косые глаза, на грушевидную голову, на тупость вашего личнаго угла, асиметрію ушей и всего обезьяньяго тѣла, чтобы получить увѣренность, что я стою лицомъ къ лицу съ дегенератомъ.

— Стащите его съ трибуны!—крикнулъ маіоръ.—Да поднимитесь же, Кюлеръ!

Сержантъ Кюлеръ, грузный тюрингенецъ съ рыжей бородой, взобрался на ступеньки. Прежде, чѣмъ онъ дотронулся до Молоха, профессоръ положилъ ему на плечо руку и произнесъ:

— Товарищъ, остановись! Ты опозоришь себя, если вытолкнешь ветерана великой войны. Я схожу самъ: дай мнѣ пройти!

Сержантъ посторонился, насколько позволяла его грудь. Молохъ спустился съ трибуны и остановился противъ маіора:

— Сила безсмысленна!—сказалъ онъ.—Изъ своей лабораторіи на часовомъ стеклѣ я могу взять ее въ достаточномъ количествѣ, чтобы сразу уничтожить всю силу, направляемую твоей рукой противъ меня, *homunculus*. Но къ чему? Неумолимая сила обстоятельствъ сама расправится съ тобой и съ тебѣ подобными. Запомни мое предсказаніе: ты хотѣлъ убить Идею, Идея убьетъ тебя!

И съ этими словами докторъ Циммерманъ съ обнаженной головой, съ развѣвающимися волосами и съ цилиндромъ въ рукѣ прошелъ по свободному пространству, образовавшемуся вокругъ трибуны. Напрасно жена звала его: „Эйтель, Эйтель!“ Онъ былъ возбужденъ до такой степени, что ничего не видѣлъ и не слышалъ. Онъ шелъ прямо въ толпу, разступавшуюся при его приближеніи. Онъ жестикулировалъ и повторялъ:

— Тѣхъ, кто хочетъ убить Идею, Идея убьетъ!..

Съ нашего наблюдательнаго пункта мы съ принцессой видѣли, какъ онъ направился къ сараямъ, гдѣ стояли при-

дворные экипажи. Охраны не было, и онъ свободно вошелъ туда. Нѣсколько человѣкъ слѣдовали за нимъ на разстояніи, но движеніе принца привлекло вниманіе толпы къ эстрадѣ. Воцарилось глубокое молчаніе, такъ какъ поняли, что государь хочетъ говорить.

— Сограждане! — началъ онъ, — вы слышали рѣчь зловреднаго человѣка. Я нарочно позволилъ ему говорить, чтобы доказать, что слово свободно въ моихъ владѣніяхъ, а также и для того, чтобы показать врагамъ отечества, что ихъ крики не встрѣчаютъ отзвука въ Ротбергѣ... Праздникъ, собравшій насъ здѣсь, отъ этого сталъ еще болѣе величественнымъ. На торжествѣ Бисмарка сегодня были даже шуты. Дорогіе сограждане! слейте свои голоса воедино, чтобы пропѣть священную пѣснь нѣмецкой родины: „*Wacht am Rhein*".

Эти слова, произнесенныя внятнымъ, твердымъ по военному, голосомъ, произвели сильное впечатлѣніе. Апплодисменты, крики прекратились только при первыхъ звукахъ національнаго гимна. Тогда головы обнажились; и даже всѣ, сидѣвшіе на эстрадѣ, встали съ своихъ мѣстъ. Низкіе голоса мужчинъ и высокія женщинъ слились съ оркестромъ. Въ этомъ было дѣйствительно что-то величественное, и я это понялъ: ибо съ достоинствомъ выражаемая любовь къ отечеству не оскорбляетъ иностранца. Даже голосъ Эльзы, склонившейся къ окну, не шокировалъ меня, когда она вполголоса напѣвала слова гимна:

„Звучитъ призывъ, какъ громовой раскатъ. Какъ грохотъ оружія, какъ шумъ волнъ. Къ Рейну, къ нѣмецкому Рейну! Кто хочетъ быть стражемъ рѣки?..."

При послѣднихъ звукахъ принцъ и сановники встали.

Отрядъ пѣхоты подъ командою Макса двинулся впередъ и оттѣснилъ толпу. Въ образовавшемся свободномъ пространствѣ одинъ за однимъ стали появляться придворные экипажи, всѣ, кромѣ экипажа принцессы.

— Мы пойдемъ вмѣстѣ пѣшкомъ по горной тропинкѣ, спускающейся къ Литцендорфу, — шепнула мнѣ на ухо Эльза.— Своему экипажу я приказала ждать у скамьи философа.

Въ ту минуту, когда она произносила эти слова, глаза мои сразу уловили два факта: я увидѣлъ, какъ маіоръ сѣлъ въ свою викторію и въ тотъ же моментъ позади экипажа вспыхнуло бѣлое пламя, вдругъ раздался оглушительный, страшный взрывъ, окружившій густымъ дымомъ какую то массу, оказавшуюся коляской. Толпа съ криками бросилась бѣжать, лошади остальныхъ экипажей встали на дыбы и съ трудомъ были удержаны кучерами. Лошади маіора унесли его викторію вмѣстѣ съ нимъ безъ кучера

къ павильону, обогнули его и направились къ горной тропинкѣ по направленію къ Литцендорфу.

— Скорѣе въ ту сторону,—сказала Эльза,—тамъ мы все увидимъ!..

Тамъ была гардеробная Гомбо, съ окномъ, выходившимъ на долину. Я послѣдовалъ за принцессой. Экипажъ маіора съ приподнятымъ наполовину верхомъ спускался бѣшеннымъ галопомъ, рискуя каждую минуту опрокинуться.

Запыхавшіеся солдаты напрасно старались догнать его.

— Боже! Онъ погибнетъ,—шептала Эльза.

Она отодвинулась и закрыла лицо руками...

Одна изъ лошадей упала, другая повалилась на нее. Коляска повернулась по дугѣ и стала поперекъ дороги. Лошади, запутавшіяся въ постромкахъ, отчаянно бились, но вдругъ успокоились, образовавъ лишь груду тѣлъ и ногъ, наполовину увязшихъ въ передкѣ экипажа. Въ это время солдаты уже подбѣжали и столпились вокругъ.

— Что случилось? — проговорила Эльза, не рѣшаясь взглянуть.

— Опускаютъ верхъ,—отвѣтилъ я, слѣдя глазами за происходившимъ...—Вытаскиваютъ маіора. Онъ недвижимъ.

— Боже! Неужели умеръ?

Она подошла къ окну и бросила взглядъ, выражавшій ужасъ и любопытство.

Толпа бѣжала или, вѣрнѣе, валила теперь шумнымъ потокомъ къ мѣсту происшествія.

Солдаты уложили безчувственное тѣло маіора на носилки и подняли его на косогоръ, другіе грубо расталкивали любопытныхъ. Подняли и лошадей, при чемъ одна оказалась хромой. Освидѣтельствовали поврежденія въ коляскѣ; осмотрѣли кузовъ, черный отъ порохового дыма и разстрескавшійся по направленію кверху.

Принцесса была сильно взволнована.

— Покушеніе въ Ротбергѣ! Анархистское покушеніе!.. Кто могъ совершить его?

При этихъ словахъ, какъ бы сказанныхъ про себя, наши взоры встрѣтились, и въ ту же минуту мы прочли мысли другъ друга.

— Онъ? Вы думаете, онъ, не правда ли? — произнесла Эльза.

Но я моментально отбросилъ эту мысль.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Это не онъ... Это невозможно! Я знаю доктора Циммермана, это—достойнѣйшій и миролюбивѣйшій человѣкъ.

— Это онъ! онъ! Я въ этомъ убѣждена,—настаивала принцесса.—Онъ одинъ можетъ произвести взрывъ такой силы...

Онъ только что угрожалъ маіору... Говорилъ, что убьетъ его... О, Луи!.. Неужели вамъ не страшно за вашу Эльзу при мысли, что такой человѣкъ живетъ на нашей территоріи?.. Онъ, можетъ быть, взорветъ и замокъ.

Она такъ нѣжно прижалась ко мнѣ, что я чуть не отвѣтилъ: „такъ не вернемся туда!" Но она высвободилась.

— Уходите отсюда, мой другъ. Принцъ не уѣхалъ еще изъ Тиргартена въ моментъ покушенія. Онъ пошлетъ меня искать. Не надо, чтобы насъ застали вмѣстѣ. Выходите первый, прошу васъ... И постарайтесь, чтобы васъ никто не замѣтилъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ я.—Черезъ какую же дверь?

— Черезъ театральныя кулисы. Идите за мной.

Мы прошли тѣмъ же корридоромъ, что и утромъ, забывъ на этотъ разъ о темныхъ углахъ. Одна изъ дверей выходила въ маленькую густолиственную рощицу, сырую даже въ этотъ лѣтній день. Ключъ былъ въ замкѣ. Но намъ стоило нѣкотораго труда отпереть его: замокъ и петли совершенно заржавѣли, дерево все расхлябалось.

— Вы въ заповѣдной части Тиргартена,—сказала мнѣ Эльза,—и легко найдете дорогу домой.

— А вы, принцесса, куда?

— Я поищу Больбергъ наверху въ будуарѣ. Она не приминула отправиться на поиски за мной. Я скажу, что отъ испуга со мной сдѣлался легкій обморокъ, и у меня не хватило силъ спуститься внизъ... Ну, придумаю что-нибудь...

Наши губы робко, машинально встрѣтились. И доказательствомъ разсѣянности Эльзы послужили слова, сказанныя ею, какъ только поцѣлуй далъ возможность заговорить:

— А замѣтили вы, что послѣ угрозы Марбаху докторъ Циммерманъ направился къ сараямъ, гдѣ стояли экипажи?

— Но у него же не было съ собою взрывчатыхъ веществъ!..

— Онъ сказалъ маіору, что на часовомъ стеклышкѣ можетъ принести столько силы, чтобы заставить валетѣть на воздухъ дворецъ... Однако идутъ, меня ищутъ... Бѣгите!..

Она живо вытолкнула меня и заперла дверь. „Такъ, подумалъ я, Гомбо выталкивала своего псаря, когда посреди бесѣды съ этимъ субъектомъ неожиданно появлялся принцъ"... Потомъ мысли мои обратились къ покушенію на маіора и къ доктору Циммерману.

„Эльза права; все свидѣтельствуетъ противъ бѣднаго Молоха. Тѣмъ не менѣе, я готовъ поклясться, что онъ тутъ не при чемъ".

Скрытая въ травѣ тропинка, мѣстами перегороженная дико разросшимися вѣтвями деревьевъ, шла вокругъ театра

и вывела меня на липовую эспланаду. Толпа здѣсь была еще многочисленна. Она оборвала канатъ и сгрудилась теперь у подножія фазаньяго павильона. Я догадался, что маіора перенесли сюда.

— Онъ здѣсь?—спросилъ я Ганса, глядѣвшаго на павильонъ своими большими наивными глазами, точно силою взора онъ надѣялся проникнуть внутрь.

Мальчикъ вздрогнулъ.

— Да... Его только что принесли,—пробормоталъ онъ.

Это движеніе донеслось до тонкаго слуха Эльзы.

Толпа почтительно разступилась передо мной при словѣ: *„Hofdienst“*, что я не преминулъ произнести, какъ магическій Сезамъ. Я безъ затрудненія вошелъ въ павильонъ и поднялся по лѣстницѣ.

Большинство чиновниковъ въ вестибюлѣ и на лѣстницѣ были очень взволнованы. То, что я схватилъ налету, подтверждало предположеніе принцессы о виновникѣ покушенія.

— Ни у кого другого здѣсь нѣтъ динамита.

— Это безумный поступокъ сумасшедшаго, безобиднаго въ спокойномъ состояніи, но выведеннаго изъ себя противорѣчіями.

— Его арестуютъ.

— Да, упрячутъ въ тюрьму.

Я дошелъ до спальни Гомбо. Я не встрѣтилъ тамъ ни принцессы, ни Больбергъ. Мнѣ сказали, что принцесса не могла вынести вида безжизненнаго тѣла и уѣхала во дворецъ.

Маіоръ лежалъ на кровати безъ мундира, съ разстегнутой рубашкой. Придворный врачъ выслушивалъ его. Вокругъ стояли принцъ Отто, принцъ Максъ, управляющій дворцомъ... Пахло ароматической солью и уксусомъ. Когда я переступилъ порогъ, докторъ выпрямился и произнесъ:

— Абсолютно никакихъ поврежденій. Простой обморокъ; вѣроятно, отъ испуга.

— Не сказались ли послѣдствія отъ страданій, испытанныхъ имъ на императорской службѣ отъ мины въ походѣ противъ герреро?—спросилъ управляющій дворцомъ.

— Да. И тогда онъ испыталъ то, что на нашемъ медицинскомъ языкѣ называется шокомъ, т. е. неизгладимое нервное потрясеніе... Но, позвольте! Онъ приходитъ въ себя.

Дѣйствительно, маіоръ съ трудомъ поднялъ голову съ подушки. Онъ полуоткрылъ глаза и пробормоталъ:

— Не стрѣляйте!.. Не стрѣляйте! Я хочу... хочу...—И снова безсильно упалъ. Въ эту минуту я глядѣлъ на принца Макса. Онъ не сводилъ глазъ съ лица графа Марбаха и былъ очень блѣденъ. При видѣ движенія больного, волна крови залила

его щеки и взглядъ вспыхнулъ знакомой мнѣ ненавистью, уже не разъ сверкавшей въ его глазахъ.

— Господа,—сказалъ докторъ,—необходимо оставить меня одного съ больнымъ, если его высочество не встрѣтитъ въ этомъ неудобства. Возбужденные нервы нуждаются въ полномъ покоѣ.

— Мы повинуемся, Клингенталь,—отвѣчалъ принцъ.— Выйдемъ, господа!

Какъ разъ въ эту минуту явился министръ полиціи. Воцарилось глубокое молчаніе.

— Ну?—спросилъ принцъ.—Говорите, Дронтгеймъ.

— Ваше высочество, преступникъ арестованъ въ ту минуту, когда онъ подходилъ къ своей виллѣ...

— Онъ сознался?

— Нисколько. Онъ притворился даже, что не знаетъ о покушеніи.

— Какая наглость!

— Онъ говоритъ, слышалъ взрывъ, но думалъ, что начали зажигать бенгальскіе огни.

— Среди бѣлаго дня!

— Или пушечный выстрѣлъ.

— Въ фазаньемъ паркѣ нѣтъ пушекъ.

— Это я поставилъ ему на видъ. Онъ, впрочемъ, заявилъ, что обвинять его въ анархистскомъ покушеніи—полная безсмыслица, что вся его жизнь противорѣчитъ этому.

Принцъ задумался.

— Въ концѣ концовъ, быть можетъ, этотъ презрѣнный не болѣе, какъ сумасшедшій?

— Не думаю, ваше высочество,—отвѣтилъ министръ полиціи.—Его отвѣты полны здраваго смысла и даже хитрости. По моему, онъ прикидывается чудакомъ.

— Просилъ онъ позволенія повидать меня?

— Нѣтъ, ваше высочество. Онъ просилъ свиданія со своей женой. Я думаю, слѣдуетъ отказать, и если ваше высочество не имѣетъ ничего противъ, то я посажу его въ секретную.

Принцъ еще разъ на минуту задумался. Съ кровати Гомбо графъ застоналъ и проговорилъ нѣсколько безсвязныхъ слоговъ.

— Выйдемъ, господа!

Всѣ послѣдовали за принцемъ. Когда Максъ поравнялся со мной, мнѣ показалось, что онъ хочетъ что-то сказать. Но онъ скрылъ свой взглядъ и молча прошелъ мимо.

На улицѣ толпа громко привѣтствовала принца Отто. Ротберговцы были увѣрены, что покушеніе готовилось на

ихъ возлюбленнаго монарха, и онъ избѣгъ смерти. Ему оказали горячій пріемъ.

Министръ полиціи очень любезно предложилъ мнѣ мѣсто въ своемъ экипажѣ, чтобы доѣхать до курорта. Я предпочелъ смѣшаться съ толпой, взволнованно, на тысячу ладовъ обсуждавшей событіе. Вообще всѣ выражали желаніе линчевать бѣднаго Молоха. Женщины въ особенности давали волю своему гнѣву; и даже нѣжныя уста молодыхъ дѣвушекъ испускали крики о смерти. Я догналъ саксонскаго негоціанта съ бѣлокурой женой, своихъ спутниковъ отъ Штейнаха до Ротберга мѣсяцъ тому назадъ.

— Какое дѣло!—сказалъ мнѣ мужъ...—Вотъ будетъ у насъ, Гретель, воспоминаніе! Присутствовать при анархистскомъ покушеніи?

— Надо бы взорвать этого негодяя его собственнымъ динамитомъ,—замѣтила Гретель,—чтобы для примѣра разорвало его въ куски. Значитъ, на свѣтѣ не найти покоя, если среди праздника какая-нибудь бомба можетъ васъ уничтожить. Знаете, сударь: мой мужъ едва избѣгнулъ смерти.

— Какъ,—вскричалъ я,—васъ задѣло?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ негоціантъ.—Я былъ сбоку у экипажа принца Отто; Гретель же искала коляску принцессы Эльзы. Представьте, сударь, если бы взорвало коляску принца Отто, я погибъ бы тогда въ возрастѣ сорока шести лѣтъ отъ роду. Къ счастью, презрѣнный ошибся экипажемъ. А отъ коляски маіора я былъ очень далеко и даже ничего не видѣлъ.

Разговаривая такимъ образомъ, мы вышли изъ Тиргартена, миновали Роту и по берегу направились къ курорту. Солдатскій пикетъ пересѣкъ намъ дорогу. Всѣ полки были наготовѣ, безъ сомнѣнія для того, чтобы внушить безопасность добрымъ гражданамъ и устрашить дурныхъ. Небо надъ горами затянулось тучами, и замокъ вырисовывался желтымъ пятномъ на темномъ фонѣ.

У въѣзда въ курортъ я увидѣлъ Грауса, по прежнему во фракѣ, разглагольствовавшаго среди толпы...

— Полиція наложила печати на его квартиру и лабораторію. Унести ничего не удастся. Надо примѣнить законъ... А! господинъ Дюберъ,—воскликнулъ онъ, замѣтивъ меня...—Позвольте кое-что сообщить вамъ.

Онъ отвелъ меня въ сторону, какъ бы для совѣщанія.

— Произошло нѣчто очень серьезное, г. Дюберъ... Докторъ былъ арестованъ, когда возвращался къ себѣ на виллу со своей женой и съ вашей молоденькой сестрой...

— И что же?

— Доктора увели, не объяснивъ въ чемъ дѣло. Докторша

и молодая барышня вернулись на виллу. Потомъ явились для наложенія печатей на помѣщеніе г. Циммермана, а докторша ушла къ вашей сестрѣ.

— И хорошо сдѣлала.

— Я ничего не говорю противъ; но только теперь толпа собралась тамъ подъ окномъ и настроена очень недоброжелательно.

Я оставилъ Грауса и бѣгомъ бросился на виллу. Человѣкъ тридцать, столпившихся подъ окномъ Гриты, орали:

— Долой Циммермана! Смерть убійцѣ!

Я подошелъ къ нимъ.

— Господа,—сказалъ я,—предполагаемый виновникъ подъ замкомъ. Въ этомъ домѣ остались только двѣ беззащитныхъ женщины; одна француженка четырнадцати лѣтъ—моя сестра. Обращаюсь къ вашей благовоспитанности и очень прошу удалиться отсюда.

Этотъ маленькій спичъ произвелъ свое дѣйствіе. Послѣ нѣкотораго колебанія манифестанты отхлынули и пропустили меня ко входу въ домъ. Я быстро вбѣжалъ по лѣстницѣ и, назвавъ себя, постучался въ комнату Гриты. Она сама отворила мнѣ, красная и взволнованная. Г-жа Молохъ сидѣла неподвижная, нѣсколько блѣднѣе обыкновеннаго.

— Ахъ, наконецъ, ты!—вскричала Грита.—Давно пора. Я думала, что эти люди изорвутъ насъ.

— Ты добрая дѣвочка,—сказалъ я, цѣлуя ее,—не бойся ничего, ни малѣйшей опасности нѣтъ.

— Я не боялась,—отвѣтила Грита.

— Г. Дюберъ правъ,—сказала съ горечью г-жа Молохъ,—эти пьяницы удовлетворятся воемъ... Но мой мужъ въ тюрьмѣ!

Между тѣмъ, передъ виллой собралась новая толпа манифестантовъ, пришедшихъ изъ деревни Ротбергъ. Крики удвоились: небольшой булыжникъ полетѣлъ въ сосѣднее окно. Я выглянулъ на улицу: Граусъ бѣжалъ, держа въ рукахъ бумагу. Онъ взобрался на скамью передъ виллой и крикнулъ:

— Вотъ телеграмма нашего обожаемаго принца всѣмъ главамъ государствъ; онъ благосклонно разрѣшилъ огласить ее:

„Спасенный чудеснымъ образомъ отъ опасности, угрожающей нынѣ всѣмъ государямъ, я возношу благодареніе Всевышнему, отвратившему послѣдствія страшнаго покушенія.

Отто, принцъ Ротбергъ“.

Взрывъ восторга былъ оглушительный. Но толпа любитъ больше позорить, чѣмъ прославлять. Когда Граусъ спустился со скамейки, крики: „смерть Циммерману, смерть убійцѣ!“ раздались съ новою силою.

— Пройдите обѣ въ мою комнату,—сказалъ я г-жѣ Молохъ и Гритѣ.—Тамъ вы будете въ безопасности и не услышите больше этихъ криковъ.

Г-жа Молохъ согласилась, а Грита предпочла остаться со мной и слѣдить за все увеличивавшейся и кричавшей толпой: „Смерть! смерть!" Вся маленькая площадь была залита теперь людьми. Среди нихъ были не только неизвѣстные пьяницы; сюртуки, шелковыя шляпы перемѣшивались съ дамскими туалетами. Въ дополненіе съ покатыхъ береговъ Роты явилась цѣлая стая гусей, привлеченныхъ, по обыкновенію, шумомъ людскихъ голосовъ. Съ вытянутыми шеями, разинутыми клювами, поднятыми крыльями, они образовали арьергардъ за арміей горлановъ и громче всѣхъ, своими рѣзкими голосами, казалось мнѣ, кричали:

— Смерть Циммерману!

ЧАСТЬ III.

I.

„Дорогая Герта!

„Къ несчастью, у меня нѣтъ причинъ для болѣе веселаго письма, чѣмъ я писала вамъ въ послѣдній разъ. Дѣло все въ томъ же положеніи. Мой мужъ, по прежнему, въ ротбергской тюрьмѣ: десять дней онъ подъ замкомъ, и за все это время я не имѣю съ нимъ никакихъ сношеній. Какъ вы, вѣроятно, читали въ газетахъ, онъ отказался отъ защитника. На судебномъ допросѣ онъ отвѣтилъ, что если ротберговскимъ властямъ нравится играть комедію, то ему вовсе не нравится исполнять въ ней роль.

„Вамъ извѣстно, дорогой другъ, что сила души доктора непобѣдима. Даже въ пустякахъ домашняго обихода я испытала это, его никогда нельзя заставить измѣнить разъ принятое рѣшеніе (Такъ я никогда не могла добиться, чтобы онъ отказался въ іюлѣ отъ земляники, хотя она вызываетъ у него крапивницу). У Эйтеля будетъ защитникъ по назначенію, и, конечно, этотъ защитникъ не добьется отъ него ни слова. Нашимъ врагамъ дозволены всякія беззаконія по отношенію къ намъ. Можете представить себѣ мои душевныя тревоги. Менѣе мужественная и болѣе чувствительная, чѣмъ Эйтель, я содрогаюсь при мысли объ исходѣ этого дѣла.

„Я была у судебнаго слѣдователя, видѣла министра полиціи: они приняли меня съ такимъ таинственнымъ видомъ, говорили со мной съ такими умолчаніями, поднимая очи горѣ, ссылаясь на опасность, грозящую обществу, что я должна была отступить, не добившись отъ нихъ ни малѣйшаго отвѣта на поставленный мною вопросъ: какъ возможно допустить, чтобы мой мужъ, убѣжденный поклонникъ разума, справедливости и доброты, могъ совершить такой безумный неслыханно-жестокій поступокъ? Они качали головами, снова говорили объ опасности для общества,—и снова ничего опредѣленнаго. Изъ туманныхъ комментаріевъ министра я, кажется, однако, поняла, что они смотрятъ на доктора, какъ на сумасшедшаго. Они считаютъ безумной химерой моральные и quasi-религіозные выводы изъ его монистической доктрины! Наши незабвенныя послѣобѣденныя бесѣды въ Іенѣ, посвященныя прославленію тайнъ и красотъ природы, они хотятъ обратить въ какіе-то спиритическіе или анархическіе сеансы! Не правда ли, все это заставило бы васъ, Франца, Михеля, Альберта и всѣхъ нашихъ друзей хохотать, если бы обстоятельства не были слишкомъ грустны для смѣха...

„Я не только не смѣюсь, но съ трудомъ удерживаюсь отъ слезъ. Я представляю себѣ, какъ мой Эйтель сидитъ одинъ, въ огромной комнатѣ съ каменными стѣнами, и навѣрно сырой. Онъ сколько угодно можетъ писать мнѣ, что чувствуетъ себя хорошо въ обстановкѣ, исключительно удобной для работы и размышленій, но я знаю, что онъ пишетъ это только для моего успокоенія. Кто приготовитъ ему постель такъ, какъ онъ привыкъ? Увы! Ночью никто не позаботится о томъ, чтобы у него не раскрывались ноги, такъ какъ даже во снѣ онъ очень безпокоенъ. А пища? Онъ забываетъ о ней, или, не останавливаясь, ѣстъ какое-нибудь блюдо до тѣхъ поръ, пока не уничтожитъ его все, а самъ въ это время рѣшаетъ важныя міровыя задачи, ни на минуту не покидающія его умъ! Одна только мысль, что этимъ онъ самъ отягчаетъ свои страданія, у меня самой отнимаетъ сонъ и аппетитъ. Если злодѣи, заточившіе его вопреки всякой справедливости, погубятъ его въ концѣ концовъ, то, о! дорогая Герта, они сразятъ не только его одного!

„Но не время на обвиненія отвѣчать обвиненіями. Надо дѣйствовать. Ваша агитація въ Іенѣ принесла наибольшіе результаты: она вызвала протестъ всего сословія профессоровъ и письмо декана къ имперскому канцлеру. Въ Мюнхенѣ ходитъ теперь подписной листъ, по иниціативѣ профессора Макса Бишера, извѣстнаго физика; я ему писала тогда же, какъ и вамъ. Я съ удовольствіемъ увидѣла среди подписавшихся имя Бенедикта Колера; вы знаете, что это

одинъ изъ самыхъ ярыхъ противниковъ философскихъ идей моего мужа, и они жестоко бранились другъ съ другомъ. Но вся профессорская корпорація, въ лицѣ своихъ знаменитѣйшихъ представителей, почувствовала себя оскорбленной.

„Вы спрашиваете меня, дорогая Герта, какъ настроено здѣсь общественное мнѣніе по отношенію къ этому дѣлу. Узнайте сначала, среди какихъ политическихъ условій мы живемъ. Маленькое княжество насчитываетъ приблизительно семь тысячъ жителей, изъ нихъ тысяча восемьсотъ въ Ротбергѣ, три тысячи въ Литцендорфѣ, сосѣднемъ селеніи, гдѣ находятся керамиковыя фабрики. Тысяча двѣсти остальныхъ разсыпаны въ горныхъ деревушкахъ. Ротбергъ, гдѣ расположенъ дворецъ и тюрьма, живетъ, главнымъ образомъ, доходами отъ двора и пріѣзжихъ и естественно расположенъ къ лести. Литцендорфъ, рабочій центръ, либераленъ. На другой же день послѣ покушенія соціалъ-демократы изъ Литцендорфа прислали делегацію къ принцу, съ просьбой освободить доктора, арестованнаго безъ всякихъ основаній. Въ Ротбергѣ, наоборотъ, толпа требовала смерти Эйтеля и даже моей. Владѣлецъ курорта выгналъ меня изъ своей виллы, и я нашла убѣжище только у сапожника Финка въ Ротбергъ-дорфѣ, прекраснаго человѣка, демократа, сына ремесленника, продолжавшаго дѣло отца Эйтеля въ томъ же самомъ домѣ.

„Нынѣ, благодаря волненію среди ученаго міра, статьямъ въ либеральной прессѣ, и, въ особенности, думаю, извѣстіямъ, что имперское правительство, подъ предлогомъ подкрѣпленія партіи порядка, разсчитываетъ воспользоваться случаемъ, чтобы замѣнить мѣстный гарнизонъ прусскимъ полкомъ, произошелъ замѣтный поворотъ даже въ самомъ Ротбергѣ. Не слышно больше ни одного слова, ни одного проклятія противъ меня ни въ курортѣ, ни въ деревнѣ. Думаю, что у меня нѣтъ болѣе непримиримаго врага, какъ Граусъ, мой бывшій хозяинъ... И въ сущности, какъ я ему благодарна за его грубость, что онъ выгналъ меня изъ своей виллы, и этимъ далъ возможность поселиться въ домѣ, гдѣ докторъ провелъ свое дѣтство. Въ моемъ настоящемъ несчастьи для меня служитъ утѣшеніемъ представлять себѣ развитіе этого чуднаго ума, этой живой чувствительности, среди окружающихъ меня теперь образовъ и вещей. И я увѣрена, когда вы сами пріѣдете сюда въ составѣ студенческой делегаціи изъ Іены съ Францемъ, Альбертомъ и Михелемъ, у васъ сердце переполнится волненіемъ при видѣ этого жилища, гдѣ вспыхнуло и загорѣлось первое пламя нашей интеллектуальной звѣзды.

„Таково, дорогая, добрая Герта, положеніе вещей. Оно

не блестяще, какъ видите, но авторитетное осужденіе, высказанное университетскимъ и ученымъ міромъ всей Германіи этому беззаконію, укрѣпляетъ меня. Я, по мѣрѣ силъ, не перестану протестовать и говорить. Мой слабый голосъ не умолкнетъ; моя слабая рука не устанетъ писать. Даже сегодня я надѣюсь вырвать у принца приказъ объ освобожденіи. Одинъ изъ нашихъ друзей, очень милый молодой французъ, исполняющій обязанность наставника при наслѣдномъ принцѣ, просилъ объ этомъ снисхожденіи черезъ принцессу и надѣется добиться его исполненія. Сегодня онъ ужинаетъ во дворцѣ. Если бы онъ принесъ обѣщанную радость!

„Дорогая Герта! Мое желаніе, чтобы вы и наши друзья поскорѣе пріѣхали сюда и ободрили и помогли мнѣ здѣсь въ моей задачѣ. Не медлите! Мы впятеромъ составимъ настоящую маленькую кампанію и увлечемъ за собою толпу. Жму руки Альберту, Францу и Михелю. Шлю горячій привѣтъ и живѣйшую благодарность профессорамъ и студентамъ, принявшимъ участіе въ агитаціи въ пользу моего мужа. Васъ, дорогая Герта, цѣлую, такъ же какъ и прекрасную фрау Риппертъ, вашу хозяйку.

Цецилія Циммерманъ“.

Въ тотъ день, когда написано было это письмо (опубликованное впослѣдствіи въ одномъ либеральномъ органѣ и восхитившее всѣхъ своимъ нѣжнымъ и достойнымъ въ то же время тономъ), мы съ Гритой, дѣйствительно, должны были ужинать въ замкѣ. Какъ и всегда, мы вмѣстѣ были въ тотъ день на прогулкѣ въ горахъ, и шли рядомъ, большею частью молча, пытаясь, однако, рѣдкими фразами скрыть другъ отъ друга нашу тревогу. День былъ жаркій, хотя пасмурный. Когда мы къ вечеру возвращались въ курортъ, Грита сказала мнѣ:

— Не находишь ли ты, Волкъ, что съ тѣхъ поръ, какъ арестовали Молоха, Ротбергъ совсѣмъ не тотъ? Молохъ вѣдь не былъ замѣтенъ, его совсѣмъ даже не было видно, а между тѣмъ все здѣсь стало грустно со дня Седана, даже погода.

„Грита права, думалъ я. Латинскій поэтъ придумалъ очень остроумную безсмыслицу: „и вещи плачутъ“... Онѣ, дѣйствительно, грустны или веселы, смотря по времени. Другой поэтъ-психологъ очень вѣрно подмѣтилъ, что эта грусть или радость вещей есть простое отраженіе нашего сердечнаго настроенія, розоваго или сѣраго... Старый, маленькій, довольно комичный ученый былъ вырванъ изъ своей лабо-

раторіи и брошенъ въ тюрьму. Ничтожное событіе! Но предполагаемая несправедливость лежитъ тѣмъ не менѣе у всѣхъ на совѣсти. Вокругъ кристалла, брошеннаго въ насыщенный соленой растворъ, тотчасъ же образуются и группируются другіе кристаллы; точно такъ же и грусть, смутно бродящая въ нашемъ мозгу, становится конкретной и сливается въ меланхолическій кристаллъ нашей души вокругъ первоначальной грусти. Да, Ротбергъ измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ Молохъ въ тюрьмѣ: пангерманцы выражаются менѣе высокимъ слогомъ; соціалисты надоѣдливо изображаютъ мучениковъ; принцъ нервничаетъ, такъ какъ кошка-имперія, наскучивъ играть съ мышью-Ротбергомъ, хочетъ на этотъ разъ сожрать ее совсѣмъ: долой собственныя марки и свой гарнизонъ! Маіоръ оправился отъ послѣдствій взрыва, но сталъ еще раздражительнѣе и несноснѣе. Мой ученикъ сдѣлался мрачнымъ и скрытнымъ. Чувствую, что онъ что то отъ меня скрываетъ, но не могу догадаться, что... Дружба Гриты съ нимъ, очевидно, остыла, но она не объясняетъ мнѣ мотивовъ этого охлажденія. По отношенію ко мнѣ она испытываетъ тревогу. Она дѣлаетъ робкіе намеки на то, что возможно, что мнѣ придется отказаться отъ мѣста воспитателя принца и поступить въ промышленный банкъ по протекціи ея подруги, m-elle Гранже. Что касается Эльзы...

„Ахъ! Эльза одна только не поддалась грустному стеченію обстоятельствъ со времени ареста Молоха! Она вовсе не думаетъ о Молохѣ! Она живетъ въ своей мечтѣ. А мечта эта—бѣгство принцессы съ учителемъ на край свѣта...“

„Итакъ, я дошелъ до предѣла связи, когда женщина порабощаетъ мужчину, и мужчина, волей-неволей, повинуется ей. Разсудокъ мой протестуетъ противъ этой глупости, а между тѣмъ, я эту глупость сдѣлаю: увезу принцессу. Я буду обладать женщиной, хотя могъ бы удовольствоваться нѣжной дружбой: меня не влечетъ къ ней страстное желаніе, заставляющее преодолѣвать всѣ препятствія.“

Пока я размышлялъ такимъ образомъ, Грита, слѣдившая за мной, сказала (мы стояли у порога нашей виллы):

— Волкъ, ты думаешь о чемъ-то докучномъ, но мнѣ сказать не можешь.

— Не мѣшай мнѣ думать, о чемъ я хочу! — отвѣтилъ я, раздосадованный ея проницательностью.

— Хорошо, хорошо, - возразила она.—Я не хочу быть нескромной.

Она дулась на меня до ужина. Но около половины восьмого, одѣтая въ свое вышитое кисейное платье, сшитое, по ея картинному и сжатому выраженію, австро-венгерскимъ посольствомъ, она вошла въ мою комнату хотя съ натяну-

тымъ видомъ, но съ выдававшимъ ее взглядомъ довольства.

— Прости, если надоѣдаю тебѣ... но у меня нѣтъ горничной, чтобы сказать, все ли у меня въ порядкѣ?

Я взглянулъ на нее: цѣломудренное декольтэ, правильной формы руки, плечи, потерявшія уже угловатыя линіи подростка, полусформировавшаяся талія, какое то обаяніе распускающагося цвѣтка, вѣявшее отъ всей фигуры, представляло въ общемъ непреодолимую прелесть. „О, божественная юность! думалъ я. Кто тотъ счатливецъ, что придетъ и сорветъ этотъ цвѣтокъ, будетъ вдыхать его и унесетъ съ собой. Никому не достанется болѣе прекраснаго аромата, болѣе свѣжихъ лепестковъ... Вотъ счастье, стоющее жизни: такого счастья я знать не буду. Всю свою жизнь я буду вдыхать цвѣтокъ, на половину уже увядшій...“

— Ну? — сказала Грита, медленно поворачиваясь кругомъ и обнаруживая гибкость своей таліи, изящный затылокъ, съ волосами, не такими прекрасными, какъ у принцессы, но имѣвшими двадцать пять лѣтъ меньше: и это было замѣтно.

Я всталъ, слегка обнялъ ее сзади за талію протянутыми впередъ руками и поцѣловалъ молодые волосы, выбившіеся изъ подъ прически.

— Тебѣ пятнадцать лѣтъ, милая сестренка,—сказалъ я.— Не сомнѣвайся, что ты будешь настоящей маленькой царицей сегодняшняго вечера.

Она вся вспыхнула отъ удовольствія и, наклонившись къ моему уху, произнесла:

— Ты тоже очень красивъ въ своей рубашкѣ съ жабо, въ придворномъ фракѣ и въ черныхъ шелковыхъ панталонахъ. Видишь,—мы только буржуа, но умѣемъ лучше одѣваться, чѣмъ всѣ эти маріонетки, хотя бы онѣ и были при дворѣ.

Однако, полчаса спустя Грита мнѣ призналась, что сцена, гдѣ играли эти княжескія маріонетки, не лишена величія. Залъ гвардейскій, залъ государственный, залъ рыцарей, залъ портретный, вся это анфилада огромныхъ парадныхъ комнатъ, съ рѣдкой тяжелой мебелью, разставленной вдоль стѣнъ, украшенныхъ посредственными, но подлинными картинами, почтительныя позы лакеевъ, почти сплошь пожилыхъ и важныхъ, произвели на нее впечатлѣніе. Всѣ высокопарныя слова о равенствѣ никогда не помѣшаютъ исторіи быть вещью реальной: нѣкоторыя жилища и семьи являются передъ нами глубоко историческими. Разбогатѣвшій банкиръ, американскій милліардеръ тщетно будутъ выставлять свою роскошь: они не сумѣютъ сдѣлать такъ

чтобы роскошныя вещи, ихъ окружающія, были точнымъ продолженіемъ ихъ самихъ: онѣ будутъ только къ нимъ прилажены, тогда какъ въ старинномъ помѣстьи, гдѣ споконъ вѣковъ живетъ одна и та же знаменитая семья, личность, будь она посредственна, продолжается, дѣлается значительнѣй отъ прошлаго, отражая его въ настоящемъ. И тотъ, кто не замѣчаетъ этого, лишенъ историческаго чутья или ослѣпленъ глупымъ буржуазнымъ тщеславіемъ.

Въ салонѣ принцессы во вкусѣ Имперіи, всѣ, стоя, ждали приглашенія къ ужину. Принцесса взяла за руку мою юную сестру и представила ее сначала г-жѣ Дронтгеймъ, женѣ министра полиціи, тяжеловѣсной дамѣ съ отвисшимъ подбородкомъ, большимъ животомъ и высокой грудью, гдѣ, какъ на мягкой подушкѣ, покоилось колье изъ огромныхъ жемчужинъ; потомъ хорошенькой, тоненькой, шаловливой смуглянкѣ, сестрѣ того-же министра, Фредерикѣ, или, выражаясь болѣе фамильярно, Фрикѣ; наконецъ, фрейлейнъ, фонъ-Больбергъ въ декольтэ, хотя и строгомъ, но тѣмъ не менѣе весьма неприличномъ: до такой степени то, что оно обнажало, было явно создано для того, чтобы оставаться прикрытымъ.

Въ ту минуту, какъ я раскланивался съ принцемъ, онъ стоялъ въ амбразурѣ окна и разговаривалъ съ министромъ и съ маіоромъ. Выраженіе ихъ лицъ, даже если бы я и не уловилъ издали словъ: „канцлеръ“, „гарнизонъ“, „соціализмъ“, показало бы мнѣ, что они говорятъ о ротбергской политикѣ. Не желая быть помѣхой, я подошелъ къ своему ученику. Максъ, пожавъ мнѣ руку, поспѣшилъ засвидѣтельствовать почтеніе своей подругѣ Гритѣ. Министръ двора, баронъ Липавскій, сдерживавшій веселость на своемъ бритомъ монашескомъ лицѣ, сказалъ мнѣ вполголоса:

— Любезный докторъ, для васъ мы сегодня перевернули весь этикетъ. Вы будете сидѣть по лѣвую руку принцессы, на правахъ иностранца; это уваженіе къ вашей прекрасной родинѣ. Мы становимся большими франкофилами въ Ротбергѣ...

И отведя меня въ сторону, подъ предлогомъ разобрать подпись подъ огромнымъ изображеніемъ лейпцигской битвы, закоптившей цѣлый простѣнокъ, онъ сказалъ:

— Замѣтили вы разстройство нашихъ великихъ дипломатовъ?.. Сегодня получилась шифрованная телеграмма отъ канцлера. Я догадываюсь, что она предлагаетъ нашимъ правителямъ озаботиться пріисканіемъ постояннаго помѣщенія для полка прусской пѣхоты, частью въ Литцендорфѣ, частью въ Ротбергѣ; нашъ мѣстный гарнизонъ переводится въ Эльзасъ-Лотарингію. Графъ Марбахъ свергнутъ. Министръ цѣлый день

ломаетъ голову надъ догадкой, какъ поступилъ бы Талейранъ въ подобномъ положеніи. Принцъ же, подъ вліяніемъ злобы противъ Пруссіи, думаю, чувствуетъ себя готовымъ стать соціалистомъ. И удивляюсь, почему смѣлому Циммерману нельзя было бы бросить свою сырую солому и явиться поужинать съ нами... Но торопитесь предложить руку супругѣ министра полиціи. А если будете отпускать шуточки на французскій ладъ, то говорите громче: милая дама туга на ухо.

Дверь салона широко отворилась, и старикъ, съ лицомъ посланника, всѣми остатками своего почтительнаго голоса возвѣстилъ, что кушать подано.

Подъ взорами дамъ въ длинныхъ корсажахъ и тюникахъ, античныхъ особъ въ парикахъ, мимо написанныхъ и нарисованныхъ принцемъ Конрадомъ (другомъ Вильгельма I) лошадей, торжественной вереницей прошли мы три залы, прежде чѣмъ достигли столовой, обширной, продолговатой комнаты, украшенной исключительно рогами оленей, убитыхъ многими поколѣніями ротбергскихъ принцевъ. Марбахъ скорчилъ гримасу, замѣтивъ, что меня посадили по лѣвую руку принцессы. Министра помѣстили направо. Въ видѣ компенсаціи, маіоръ попалъ налѣво отъ Фрики, фаворитки принца. Налѣво отъ меня сидѣлъ графъ Липавскій. Потомку Оттомара Великаго отвели мѣсто направо отъ министра, въ свою очередь сидѣвшаго по правую руку принца. Гриту помѣстили между маіоромъ и принцемъ Максомъ.

Начало трапезы было довольно мрачно. Лакеи молча прислуживали; столъ, сверкавшій серебряной и хрустальной посудой, подъ электрическимъ свѣтомъ лампъ, казался совсѣмъ маленькимъ въ огромной залѣ, украшенной оленьими рогами, и это одно уже говорило, что мы не составляемъ картины для этой рамки. Въ то время, какъ министръ объяснялъ принцессѣ Эльзѣ процедуру уголовнаго суда по поводу близкаго разбора дѣла бѣднаго Молоха, Липавскій говорилъ мнѣ своимъ беззвучнымъ голосомъ настолько невнятно, что понять его могъ только его близкій сосѣдъ.

— Нравится вамъ характеръ украшенія этой залы?— спросилъ онъ.—Если бы я не былъ старымъ холостякомъ, меня бы это пугало. Оно мнѣ напоминаетъ одно стихотвореніе Скалигера о мужьяхъ:

Heu crescunt miseris cornua quanta domi *)!

И Ротбергъ-Штейнахи всегда пользовались рогами для

*) Горе! Растутъ у несчастныхъ рога въ своемъ собственномъ домѣ.

украшенія. Они всѣ были охотники... и не избѣгали послѣдствій. Можно подумать, что именно для нихъ вашъ національный поэтъ сочинилъ балладу на оленью охоту:

Or, tandis que le sang ruisselle,
Celle
Qu'epousa le prince Alexis
Six,
Sur le front ridé du Burgrave,
Grave,
Pauvre cerf des rameaux aussi *)...

— Ваша ученость изумляетъ мое невѣжество, графъ,— отвѣтилъ я, избѣгая прямого выраженія мнѣнія о супружескихъ неудачахъ Ротбергъ-Штейнаховъ.

Липавскій, дѣйствительно, былъ образованъ, но очень не скроменъ. Онъ не преминулъ намекнуть мнѣ на расположеніе ко мнѣ моей повелительницы. Какъ разъ въ эту минуту я почувствовалъ на своей ногѣ въ бальномъ башмакѣ съ серебряной пряжкой давленіе ноги изрядной величины... Моя повелительница устроила себѣ развлеченіе подъ разговоръ министра о засѣданіи суда въ Литцендорфѣ. Я старался сохранить спокойствіе, но вдругъ глаза мои встрѣтились съ выразительными глазами Гриты, искавшими моего взгляда. И я покраснѣлъ, точно ясный взоръ этого ребенка могъ проникнуть сквозь доску стола.

— Прусскій пѣхотный полкъ въ Ротбергѣ! — вскричалъ принцъ,—никогда! Никакихъ пруссаковъ, никого, кромѣ ротбергцевъ!.. Скорѣе я самъ поѣду въ Берлинъ къ императору.

— Можно устроить казармы за городомъ между Литцендорфомъ и замкомъ,—замѣтилъ маіоръ, вытирая усы.

— Я этого не желаю! Не хочу, чтобы здѣсь былъ военный начальникъ съ властью больше моей: вѣдь командиръ полка будетъ располагать большей силой, нежели я... Ахъ, какъ бы я хотѣлъ знать, какой это врагъ моего дома постарался представить въ Берлинѣ этотъ глупый инцидентъ съ Циммерманомъ, какъ важную анархистскую манифестацію, угрожающую безопасности княжества и требующей репрессіи.

Графъ Липавскій воспользовался тѣмъ, что метръ д'отель наливалъ намъ штейнбергеръ, и, наклонившись ко мнѣ, шепнулъ:

*) Въ то самое время, какъ льется кровь звѣря,—та, которую взялъ себѣ въ супруги принцъ Алексѣй Шестой, возложила на сморщенное чело серьезнаго бургграфа не менѣе вѣтвистые рога, чѣмъ твои, о! бѣдный олень!..

— Нашъ возлюбленный повелитель забылъ, что онъ самъ въ одной телеграммѣ, весьма, впрочемъ, краткой, такъ истолковалъ приключеніе въ день Седана.

Такъ какъ я не выразилъ согласія, то онъ перемѣнилъ предметъ разговора.

— Считаете ли вы доктора Циммермана виновнымъ, въ самомъ дѣлѣ?

— Ни минуты,—отвѣчалъ я, осторожно стараясь высвободить свою ногу изъ подъ туфли принцессы.

— Ну, и я также.. Во всемъ этомъ дѣлѣ, по моему, какъ говорятъ у васъ во Франціи, надо искать женщину. Маіоръ не только грубый дворянинъ, онъ, какъ и всякій добрый бранденбуржецъ, еще и наглый волокита. Какой-нибудь недовольный супругъ всунулъ петарду въ кузовъ его коляски...

Принцесса обернулась ко мнѣ и пресѣкла нашъ разговоръ.

— Я получила прошеніе отъ фрау Циммерманъ, — сказала она.—Она проситъ разрѣшить ей свиданіе съ мужемъ въ тюрьмѣ. Мнѣ это кажется вполнѣ возможнымъ. Къ тому же, и вы хотите этого,—значитъ вопросъ ясенъ... Довольны вы, что сидите у меня по лѣвую руку?

Послѣднія слова, произнесенныя очень тихо, не означали: „испытываете ли вы радость отъ близости ко мнѣ“, а „гордитесь ли вы, что сидите на почетномъ мѣстѣ?“ Я подтвердилъ, что горжусь, но подумалъ: „Черезъ мѣсяцъ, когда мы будемъ представлять изъ себя безвѣстную чету, кочующую по Европѣ, неужели и тогда меня будутъ заставлять гордиться, что я сижу рядомъ съ своей сообщницей?“ И мое плебейское сердце возмутилось.

Я взглянулъ на Гриту. Она, казалось, совсѣмъ освоилась съ придворными нравами и оживленно разговаривала со своимъ сосѣдомъ, принцемъ Максомъ. Можно было подумать даже, что она его журитъ за что-то. Максъ опустилъ голову. Одинъ разъ я замѣтилъ, что онъ что-то живо отвѣтилъ Гритѣ, и съ этого момента сестра стала молчалива и надулась. Супруга министра полиціи не произносила ни слова, замурованная въ своей глухотѣ и съ рѣшительностью ничего не пропустить изъ ужина, очень вкуснаго, между прочимъ. Фонъ-Больбергъ осадила министра генеалогіей ея рода и сообщала ему, какъ одинъ изъ потомковъ Оттомара въ концѣ VIII-го вѣка выѣхалъ въ Штетинъ.

— Его звали Энгельгардтъ,—говорила она проникновеннымъ тономъ.—Его портретъ вы найдете въ Готеборгѣ, въ замкѣ. Портретъ весьма любопытный...

Министръ движеніемъ головы выражалъ согласіе и, отвѣдывая мороженое, имѣлъ видъ человѣка, твердо рѣшив-

шаго никогда не переплывать морей ради созерцанія портрета предка фрейлейнъ фонъ-Больбергъ въ Готеборгѣ.

Между тѣмъ, пары ужина и винъ разгорячили присутствовавшихъ. Кромѣ г-жи Дронтгеймъ, всѣ заговорили очень громко. Нога принцессы стала смѣлѣе и въ страстной гимнастикѣ обвилась вокругъ моей ноги какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ графъ Липавскій заговорилъ съ маіоромъ о маркахъ Ротберга. Принцъ Отто обратился прямо ко мнѣ:

— Что вы думаете, г. докторъ, о происходящей теперь международной конференціи?

— Ваше высочество,—отвѣтилъ я,—здѣсь я читаю только нѣмецкія газеты. Мнѣ кажется, онѣ не удовлетворены.

— Народы трусятъ передъ могущественнымъ государствомъ,—возразилъ принцъ.—Они умѣютъ только или пресмыкаться передъ нимъ, когда чувствуютъ себя одинокими и слишкомъ слабыми, чтобы стать выше его, или соединяться въ банды, какъ волки, какъ только думаютъ, что въ силахъ напасть на него.... Я лично считаю большою честью для Германіи, что она въ этотъ моментъ возбуждаетъ подозрѣніе всей Европы; даже союзники ей измѣнили. О націяхъ можно сказать то же, что Шиллеръ сказалъ о людяхъ: „Сильный только сильнѣе, когда одинокъ".

Нога Эльзы любовно прижалась къ моей, какъ бы для того, чтобы загладить нѣчто оскорбительное, что могъ причинить мнѣ шовинизмъ принца.

— Для Германіи начинаются самые славные годы,—произнесъ маіоръ голосомъ разсерженнаго капрала.—Возблагодаримъ всемогущаго Бога за то, что народы ненавидятъ насъ! Если бы намъ не угрожало никакое столкновеніе, то мы рисковали бы уснуть въ роскоши, среди преуспѣянія искусствъ и торговли. Германія измѣнила бы своей миссіи—руководить Европой. Европа напоминаетъ ей объ этомъ.

— *Tu, regere imperio populos, Germane, memento* *),—заключилъ принцъ, подымаясь изъ за-стола.

— *Principem habemus adornatum* *),—шепнулъ мнѣ въ ухо Липавскій, когда я направлялся къ могучей рукѣ супруги министра, удивляясь пристрастію нѣмцевъ къ латыни.

Послѣ интимныхъ трапезъ, какъ эта, принцъ Отто имѣлъ буржуазную привычку уводить своихъ гостей-мужчинъ въ курильную, рядомъ съ своимъ кабинетомъ. Это комната такъ же просто меблирована, какъ и кабинетъ. Единственная раз-

*) Помни, германецъ, всегда надъ народами царствовать властно.
**) И нашъ принцъ изукрашенъ.

ница: библіотечные шкафы не изъ свѣтлаго дуба, а изъ краснаго дерева. Удобныя кожаныя кресла, въ англійскомъ вкусѣ, располагаютъ къ чтенію, размышленію или къ дремотѣ. Когда мы собрались всѣ, кромѣ Макса, оставшагося съ дамами, принцъ Отто подошелъ и, собственноручно выбравъ сигару, подалъ ее мнѣ. Графъ Марбахъ поблѣднѣлъ отъ ревности.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами нѣсколько минутъ, г. Дюберъ,—сказалъ принцъ.—Не откажитесь пройти въ мой кабинетъ.

Я повиновался. Въ курильной, къ великому ихъ удивленію, остались Липавскій, маіоръ и министръ полиціи.

Очутившись наединѣ, мы усѣлись по обѣимъ сторонамъ камина, и принцъ, съ притворной непринужденностью, прерывая свою рѣчь густыми клубами дыма, заговорилъ:

— Такъ вотъ. Вамъ извѣстно, г. Дюберъ, что я васъ уважаю. Вы думаете, какъ французъ, я—какъ нѣмецъ, это очень естественно... и прибавлю: французы культурные и работающіе, подобные вамъ, весьма выгодно представляютъ Францію въ иностранныхъ государствахъ. Полагаю, вы не жалуетесь на обращеніе съ вами здѣсь? Я требую всегда наибольшей почтительности къ вамъ...

— Вашему высочеству повинуются вполнѣ въ этомъ отношеніи,—отвѣтилъ я.

— Я хочу говорить съ вами, какъ... съ другомъ, и откровенно просить вашего содѣйствія... Это дѣло Циммермана становится смѣшнымъ. Министръ полиціи (далеко не геній) въ общемъ не установилъ ничего опредѣленнаго противъ доктора, кромѣ случайнаго совпаденія подозрѣній. Кажется, теперь уже доказано, что въ день праздника Седана Циммерманъ вышелъ изъ дому, имѣя съ собой, какъ всегда, ящикъ для гербарія. По предложенію маленькаго Ганса, молочнаго брата принца Макса, онъ временно оставилъ его въ сараѣ фазаньяго парка. Гансъ это подтвердилъ. Циммерманъ пришелъ за нимъ, когда его прогнали съ трибуны. Надо предполагать, что въ коробкѣ у него былъ спрятанъ цецилитъ (названіе изобрѣтеннаго имъ взрывчатаго вещества), что въ порывѣ гнѣва онъ вложилъ петарду въ кузовъ коляски... Замѣтьте, снарядъ не былъ найденъ, хотя нашли осколокъ, повидимому, дно мѣдной трубки отъ ракеты, и какой-то цинковый валикъ. Но утромъ въ тотъ день какъ разъ пробовали двѣ ракеты для предполагавшагося фейерверка. Однако взрывъ снаряда совершенно не походилъ на взрывъ ракеты.—Думаютъ, что докторъ Циммерманъ воспользовался взрывчатымъ веществомъ, извѣстнымъ только ему,—вѣроятно, цецилитомъ,—и что это вещество способно

дѣйствовать въ ничтожнѣйшемъ количествѣ. Онъ самъ въ своей рѣчи упоминалъ о часовомъ стеклышкѣ... Вотъ на чемъ строится обвиненіе. Что вы думаете объ этомъ?

— Я знаю, ваше высочество, что бывали случаи, когда обвиняли невинныхъ по ничтожнымъ подозрѣніямъ.

— А вы думаете, что докторъ не виновенъ?.. Такъ пусть онъ защищается, старый чортъ! Слѣдователь не можетъ вытянуть изъ него ни слова, а самъ онъ отказывается отъ защитника! Мы вынуждены судить его на основаніи подозрѣній... Сатирическіе журналы Мюнхена и Берлина, между тѣмъ, всячески высмѣиваютъ нашу ротбергскую петарду... Видѣли вы послѣдній номеръ „Simplicissimus'a"? Я представленъ съ огромной саблей въ рукѣ въ погонѣ за ребятами, стрѣляющими пистонами. Съ другой стороны, „Vorwärts" сплетничаетъ, что это я со своимъ министромъ полиціи подстроилъ покушеніе. Эта несносная Циммерманъ, казавшаяся самой безобидной старухой въ мірѣ, пока ея мужъ былъ съ ней, точно взбѣсилась съ тѣхъ поръ, какъ его упрятали въ тюрьму. Она наводняетъ своими писаніями всѣ нѣмецкія газеты, она взбунтовала такъ называемыхъ интеллигентовъ: одинъ протестъ посланъ въ Мюнхенъ, другой въ Дрезденъ, и каждый газетчикъ, получающій не больше пфенига за строчку, осмѣливается кричать на весь міръ, что я палачъ, а Ротбергъ хуже Россіи. Берлинъ пользуется этимъ, чтобы попробовать отнять у меня свободы, незыблемыя въ теченіе трехъ царствующихъ поколѣній... Наконецъ, говорятъ о депутаціи студентовъ, учениковъ Циммермана, изъ Іены: нѣсколько кутилъ со шрамами на лицахъ ѣдутъ сюда въ полномъ составѣ, съ ихъ штуками и пѣснями, къ великому смущенію пріѣзжихъ гостей курорта, и намѣреваются протестовать противъ заключенія въ тюрьму ихъ учителя... А! Будь проклятъ тотъ день, когда этотъ старый безумецъ вступилъ на мою территорію! Я выказалъ ему тысячу деликатностей. Онъ грубѣйшимъ образомъ отвернулся отъ меня. Онъ поносилъ Имперію въ день празднества передъ всѣмъ моимъ дворомъ; я ограничился только тѣмъ, что прогналъ его съ трибуны. Возможно, въ концѣ концовъ, что онъ подстроилъ маіору эту мальчишескую шутку, весьма опасную и едва не стоившую жизни намѣченной жертвѣ... Я послушался голоса общества и велѣлъ арестовать его: ему очень хорошо въ тюрьмѣ; она далеко не похожа на ужасную темницу, какъ думаютъ ученые мужи... И вотъ изъ-за него меня высмѣиваютъ, на меня клевещутъ. Но довольно съ меня. Виновенъ онъ или не виновенъ, онъ заплатитъ за причиненную мнѣ непріятность...

Принцъ всталъ и, гнѣвно швырнувъ сигару въ широкій

каминъ, сталъ шагать взадъ и впередъ по комнатѣ. Я также поднялся, рѣшивъ, впрочемъ, не произносить ни слова, если онъ не задастъ мнѣ вопроса. Но я восхищался сцѣпленіемъ событій и оправдавшимся предсказаніемъ Молоха, что идея, однимъ своимъ могуществомъ идеи, перейдетъ въ наступленіе противъ тѣхъ, что хотятъ убить ее.

— Что скажете вы объ этомъ?—спросилъ меня, наконецъ, принцъ, останавливаясь противъ меня.

— Жду вашихъ приказаній ваше высочество.

Онъ пожалъ плечами.

— Моихъ приказаній! Моихъ приказаній! У меня нѣтъ для васъ приказаній... въ этомъ смыслѣ, по крайней мѣрѣ. Я обращаюсь къ вамъ не какъ къ наставнику моего сына, а какъ къ джентельмэну... Г-жа Циммерманъ желаетъ свиданія съ мужемъ? Хорошо, я согласенъ. Но съ условіемъ: сначала вы повидаетесь съ этимъ старымъ безумцемъ; вы представите ему всѣ затрудненія, несправедливо причиняемыя мнѣ его отказомъ защищаться, сваливая на насъ всю тяжесть этого процесса. Если у него есть достовѣрныя данныя для установленія своей невиновности, почему онъ ихъ не представитъ? Человѣческое правосудіе, наконецъ, создаетъ между подсудимымъ и судьей молчаливый договоръ: судья обязанъ быть безпристрастнымъ, но подсудимый долженъ стараться освѣтить эту безпристрастность. Неужели Циммерманъ думаетъ, что я хочу осудить невиннаго?

— Ваше высочество,—отвѣчалъ я послѣ короткаго раздумья,—прежде всего очень признателенъ вамъ за облегченіе строгости ареста, по моей просьбѣ объ этомъ. Завтраже повидаюсь съ узникомъ. Конечно, я приду къ нему, какъ другъ... Мнѣ не за чѣмъ вмѣшиваться въ разслѣдованіе дѣла. Но я передамъ ему ваши благія намѣренія... и что онъ разрѣшитъ мнѣ передать изъ нашего разговора, я сообщу вамъ.

Лицо принца прояснилось.

— Отлично, отлично... вотъ этого именно я и жду отъ васъ... Благодарю! Я увѣренъ, что вы искусно выйдете изъ труднаго положенія.

Онъ протянулъ мнѣ руку и крѣпко пожалъ мою. Я видѣлъ, что онъ былъ взволнованъ. „Въ сущности, онъ порядочный человѣкъ, хотя и наряжается тигромъ“, думалъ я.

Въ дверь постучали. Вошелъ, согнувшись вдвое, старый лакей.

— Ея высочество владѣтельная принцесса доводитъ до свѣдѣнія его высочества, что она на терасѣ съ высокочтимыми дамами и проситъ господъ присоединиться къ нимъ.

— Идемъ! Идемъ!—сказалъ принцъ.—Будемъ любезны.

Нельзя забывать прекрасный полъ... Еще сигару, г. Дюберъ? Не желаете? Хорошо, идемте со мной.

Онъ фамильярно взялъ меня за плечо и въ такомъ видѣ ввелъ меня въ курильню. Такая любезность вызвала явную ревность маіора и министра полиціи. Мнѣ показалось, что даже Липавскій былъ нѣсколько оскорбленъ, потому-что, пока мы спускались въ садъ, онъ улучилъ минуту и шепнулъ мнѣ на ухо:

— Чортъ возьми! Вы въ фаворѣ!.. О! вы избрали вѣрный путь, ловкій французъ!.. Только начавъ съ покоренія женскихъ сердецъ, ваши предки подчинили себѣ Европу.

Терраса, гдѣ ждали насъ „высокочтимыя дамы", представляла широкое пространство, усыпанное пескомъ и безъ всякой зелени, кромѣ кадокъ съ апельсиновыми деревьями. Она расположена была въ концѣ замка и примыкала непосредственно къ парку. Терраса отвѣсно возвышалась въ кольцѣ, образуемомъ Ротой. Къ ней можно было пройти стеклянной галлереей черезъ зимній садъ, или черезъ бильярдную. Когда мы пришли туда, было уже совершенно темно: нѣсколько рѣдкихъ звѣздъ мерцало сквозь густыя, неподвижныя облака. Электрическіе шары, подвѣшанные на апельсинныхъ деревьяхъ, освѣщали дачные стулья дамъ; на небольшомъ разстояніи свѣтъ ихъ уже исчезалъ, точно поглощенный необъятнымъ окружающимъ мракомъ. Наше появленіе было встрѣчено обычными шутками насчетъ любви мужчинъ отдѣляться отъ дамъ и невозможности женщинамъ обходиться безъ нихъ... Принцесса вскорѣ отвела меня въ сторону.

— Пойдемте со мной,—сказала она.—Посмотримъ, каковъ обрывъ темною ночью. Это очень страшно.

И, увлекая меня, прибавила:

— Вы знаете, здѣсь такой обычай... Всѣ разсѣиваются. Принцъ завладѣлъ этой язвой, Фрикой, и они направились въ паркъ.

Тонкій силуэтъ Фрики, какъ бы охранявшій внушительную фигуру принца Отто, дѣйствительно, терялся въ полумракѣ террасы... Вокругъ садоваго стола, гдѣ разставлены были прохладительные напитки и стаканы, остались только г-жа Дронтгеймъ, въ полудремотѣ переваривавшая пищу, маіоръ и министръ полиціи, оживленно спорившіе, и снова помирившіеся Максъ и Грита, болтавшіе съ графомъ Липавскимъ.

Не заботясь о возможности быть замѣченной, Эльза увела меня къ парапету террасы по направленію, совершенно противоположному тому, куда исчезли принцъ и Фрика. Здѣсь было такъ темно, что мы не могли даже разглядѣть

другъ друга. Какимъ-то облакомъ представлялся мнѣ бѣлый туалетъ принцессы и шарфъ, окутывавшій ея плечи.

Она положила свою руку на мою, и я почувствовалъ лихорадочный трепетъ ея пальцевъ.

— Эта ночь возбуждаетъ меня,—сказала она.—О, мой другъ, я уже не имѣла силъ дольше оставаться безъ васъ. За ужиномъ я хоть видѣла васъ, хоть прикасалась къ вамъ... Но съ той минуты, какъ вы скрылись съ принцемъ, я не жила больше. Потому-то я и послала за вами.

Я нѣжно сжалъ ея длинную, горячую руку и прошепталъ:

— Благодарю.

Откровенно говоря, это уединеніе вдвоемъ, почти на глазахъ у другихъ, было мнѣ непріятно. Я не могъ не замѣтить, что моя близость съ Эльзой не была уже ни для кого тайной: вѣроятно, ее считали еще преступнѣе, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ... Я могъ судить объ этомъ не только по дерзкимъ намекамъ Липавскаго, но также по иронически преувеличенной вѣжливости слугъ и ихъ перешептыванію при моемъ появленіи, по уваженію ко мнѣ со стороны Грауса и чиновниковъ, по все растущей ненависти ко мнѣ маіора, ненависти, смѣшанной съ презрѣніемъ. Мнѣ казалось даже, что я читаю недоброжелательное любопытство въ глазахъ обывателей. Все это возбуждало и злило меня. Кромѣ того, въ моихъ отношеніяхъ съ Эльзой не было больше смутнаго очарованія новизны. Интрига, начатая безъ всякаго участія сердца, при увѣренности, что это не болѣе какъ мимолетное, дорожное приключеніе, какое всякій путешественникъ начинаетъ и не оканчиваетъ, я долженъ былъ признать, что эта интрига превратилась въ договоръ, въ рѣшительный актъ моей жизни! И не безъ досады я убѣдился, что страстный и почти невинный флиртъ, какъ въ павильонѣ Гомбо въ день Седана, вполнѣ удовлетворилъ бы мое желаніе, тогда какъ чрезмѣрный успѣхъ моего ухаживанія меня безпокоитъ.

— Какъ вы молчаливы, мой другъ,—прошептала Эльза.—Вѣроятно, этотъ просторъ, открывшійся передъ нами, производитъ на васъ впечатлѣніе?.. Не находите ли вы, что здѣсь хотѣлось бы мечтать всю ночь, рука въ руку, въ полномъ безмолвіи.

— Да,—отвѣтилъ я.

Такъ какъ она испытываетъ такое желаніе, думалъ я, то она сама воздержится и меня избавитъ отъ разговора. Но женщины, увы! не заботятся о послѣдовательности. Заплативъ дань молчанію этимъ славословіемъ, она уже не переставала говорить.

— За ужиномъ я была счастлива. Вы сидѣли рядомъ со мной, совсѣмъ близко отъ меня, какъ я этого хотѣла; я сказала Липавскому, чтобы онъ посадилъ васъ по лѣвую руку отъ меня. Онъ хитрый: онъ нашелъ оправданіе нарушенію этикета въ старинномъ обычаѣ Литцендорфа, извѣстномъ подъ названіемъ привилегіи путешественника-иностранца. Путешественникъ, будь то простой земледѣлецъ, могъ одинъ разъ въ годъ ужинать рядомъ съ принцемъ. И въ то время, какъ лакеи подавали намъ кушанья на старинной и великолѣпной серебряной посудѣ временъ Людвига-Ульриха, я оглядывала залъ оленьихъ роговъ, обои, портреты, и думала, что это историческое жилище принадлежитъ мнѣ, что я въ немъ царствую, связана съ нимъ своимъ положеніемъ и всею славною исторіей Ротберга и Германіи... И я была счастлива при мысли, что все это, за что столько женщинъ отдали бы свою жизнь, я собираюсь бросить ради васъ, пожертвовать всѣмъ для любви.

Въ любовномъ разговорѣ ничто такъ не затрудняетъ, какъ несоотвѣтствіе тона между собесѣдниками. А Эльза сегодня настроилась на такой высокій діапазонъ, куда я съ трудомъ могъ подняться. Тема, уносившая ее къ небесамъ, волненіе отъ готовности, по ея словамъ, принести все въ жертву своей любви,—эта тема породила неизбѣжный контрастъ: она свела меня на землю и внушила мрачныя мысли и на ряду съ ними состояніе досады и гнѣва. Необходимо было, чтобы она это замѣтила.

— Можно подумать,—сказала она,—что вы не понимаете моей радости, или сердитесь на мое признаніе?..

— Простите меня,—возразилъ я.—Я опредѣляю величину задуманной вами жертвы... и колеблюсь принять ее... вотъ и все.

— А!—сказала она, оставивъ мою руку.—Въ такомъ случаѣ, вы не любите меня.

Но тотчасъ же снова схватила мою руку и поднесла ее къ своимъ губамъ.

— Въ свою очередь, простите меня. Ваши сомнѣнія—плодъ смущенія благороднаго сердца... Но вы должны отбросить его изъ-за любви ко мнѣ. Я отъ всего отказываюсь ради васъ: отъ семьи, положенія, отъ части своего состоянія, а также и отъ уваженія всего свѣта. Надо вознаградить меня за это, сдѣлавшись моимъ вѣрнымъ подданнымъ. И если вы дѣйствительно мой вѣрноподданный, то драгоцѣннѣйшей своей обязанностью станете считать повиноваться своей повелительницѣ и слѣдовать ея доброй волѣ. Вспомните исторію Маріи-Елены, матери принца Эрнеста. Она любила простого незамѣтнаго офицера, она встрѣчала его

каждый день въ паркѣ, въ гротѣ Маріи-Елены... Офицеръ ушелъ на войну. Однажды она почувствовала, что ей тяжело не видѣть его, и написала ему, чтобы онъ пріѣхалъ. Онъ не задумался, дезертировалъ, былъ пойманъ и разстрѣлянъ... Вотъ это любовь!.. Но Гретцъ фонъ Билейнъ не былъ легкомысленнымъ французомъ...

Въ эту минуту изъ темной чащи зелени снизу обрыва донесся до насъ чистый, довольно красивый голосъ, напѣвавшій слова пѣсни Гейне:

Что бы значило такое,
Что душа моя грустна?
Въ головѣ моей все бродитъ
Сказка старая одна *)...

То пѣла Фрика. Ея нѣмецкая чувствительность, взбудораженная, вѣроятно, душной грозовой ночью и, быть можетъ, штейнбергеромъ, доставляла удовольствіе принцу Отто, вызывая звуками этой знаменитой пѣсни видъ береговъ, гдѣ растетъ тучный виноградъ Штейнберга. Принцъ слушалъ куплетъ, оборвавшійся внезапно взрывомъ раскатистаго смѣха.

— Онъ цѣлуетъ ее,—сказала Эльза.—Когда-то сердце мое сжималось при подобныхъ сценахъ, происходившихъ вокругъ меня. Теперь же это почти доставляетъ мнѣ удовольствіе. Это отгоняетъ отъ меня всякое смущеніе. Я не могу жить безъ любви, а любовь принца не для меня. И я ухожу...

Наступила такая глубокая тишина, что слышны были удары шаровъ на билліардѣ съ веранды, гдѣ играли сановники... Меня охватила безконечная грусть. У меня явилось ощущеніе, точно я вязну въ пескѣ, погружаюсь мало по малу въ безысходную неволю... „Кончено, думалъ я... напрасно я борюсь... пусть будетъ, какъ она хочетъ... Но почему мнѣ такъ грустно?"

Я припоминалъ бесѣды на этой самой террасѣ, еще не такъ давно, въ такія же ночи, когда я весь трепеталъ отъ близости этой самой женщины, сидѣвшей и теперь возлѣ меня и приносившей мнѣ реальную жертву. Тогда я жаждалъ ея продолговатыхъ рукъ, ея таліи, волосъ, глазъ, губъ... А теперь, когда она готова отдаться мнѣ вся и на всю жизнь, я со страхомъ признаю, что тѣ ничтожныя ласки удовлетворили бы меня, и что отъ нея я не желалъ ничего больше. И я чувствовалъ въ то же время, что никогда не осмѣлюсь высказать ей это и пойду съ нею рядомъ въ бездну сенти-

*) Перев. П. И. Вейнберга.

ментальныхъ недоразумѣній и скуки, въ болѣе глубокую и мрачную пропасть, чѣмъ разстилалась у нашихъ ногъ.

Какъ разъ эту минуту моихъ грустныхъ размышленій она выбрала для того, чтобы шепнуть:

— Обнимите меня.

Я повиновался: вѣдь она моя повелительница? Къ тому же мужчины, думаю, обладаютъ какой-то добротой, сентиментальной жалостью, совершенно не свойственной женщинамъ, когда онѣ не влюблены. Я поцѣловалъ волосы и глаза Эльзы и почувствовалъ, что моя нѣжность къ ней не заглохла. Кошмаръ близкаго рѣшенія только парализовалъ ее... Какъ только мы разъединились, она вновь заговорила прерывающимся голосомъ:

— Я считаю дни, отдѣляющіе меня отъ моего освобожденія... У насъ 12 сентября: черезъ шесть дней, вы мнѣ говорили, ваша очаровательная сестра покидаетъ васъ? На другой день я уѣзжаю въ Карлсбадъ, въ сопровожденіи одной только Больбергъ. Это будетъ 19 сентября. 20-го я отошлю ее куда-нибудь подъ какимъ-нибудь предлогомъ; черезъ полчаса послѣ ея ухода, я отправлюсь въ Никлау, въ Галицію, гдѣ у меня есть собственный маленькій домикъ, завѣщанный мнѣ статсъ-дамой фонъ-Никлау, воспитывавшей меня въ Эрленбургѣ... Вы испросите отпускъ у принца и поѣдете за мной. 23-го мы будемъ вмѣстѣ, у меня, въ моемъ собственномъ жилищѣ, съ моими людьми, поляками, австрійскими подданными, повинующимися своей госпожѣ, какъ собаки, и готовыми лизать ея бьющую руку. Меньше, чѣмъ черезъ двѣ недѣли, мы будемъ принадлежать другъ другу.

Голосъ ея сталъ тверже. Она говорила теперь тихо и рѣшительно, какъ бы отдавая мнѣ приказанія.

— А принцъ?..—прошепталъ я.

— Я оставлю ему письмо и оно объяснитъ ему мое поведеніе. Такъ какъ я должна была инкогнито поселиться въ Карлсбадѣ въ нанятомъ вами для меня помѣщеніи подъ именемъ „графини Гриппштейнъ", то у принца будетъ время подумать, какое дать подходящее объясненіе моему отсутствію. Этимъ я ему, безъ сомнѣнія, облегчу найти основательный поводъ для развода.

— А Максъ?

Она вздохнула, но не обнаружила сильнаго волненія.

— Я оставлю также письмо и Максу... и, зная его сердце, твердо надѣюсь, что онъ не осудитъ меня. Да и будетъ ли у него время страдать отъ моего отъѣзда? Ужъ и теперь онъ не принадлежитъ мнѣ: онъ въ рукахъ маіора и принца. Къ тому же, я не первая изъ женщинъ, даже не первая изъ

принцессъ, убѣгающая отъ супружеской жизни... Чѣмъ дальше я захожу, тѣмъ все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что дѣйствую по Божьему предначертанію; мною руководитъ, возбуждаетъ меня незнакомая мнѣ доселѣ ясность мысли и энергія.

Темное небо дрогнуло отъ отдаленной молніи. Я удивлялся, какъ легко женщины заставляютъ Бога играть роль вдохновителя и соучастника въ своихъ любовныхъ комбинаціяхъ.

„Нѣтъ, думалъ я, никогда не повѣрю, чтобы божественное провидѣніе вмѣшивалось въ подобныя дѣла. Болѣе вѣроятно, что имѣется спеціальный демонъ, приспособленный приводить въ исполненіе намѣренія женщинъ, ищущихъ приключеній. Хотя бы эта довольно лѣнивая блондинка, внѣ своего хозяйства весьма плохая организаторша, вдругъ выказываетъ волю, рѣшимость, смышленность и несокрушимую силу!“. И я почувствовалъ изнеможеніе, пораженіе мужчины желаніемъ женщины, могучимъ, какъ судьба. Она также сознавала свою силу, потому что диктовала мнѣ будущее, не совѣтуясь больше со мной.

— Итакъ, отнынѣ, — заключила она,—вы совсѣмъ мой. Никлау далекъ отъ всѣхъ городовъ, болѣе чѣмъ въ тридцати километрахъ отъ Ольбитца, съ десятью тысячами жителей. Мы вполнѣ будемъ принадлежать другъ другу на всю жизнь.

Дѣтскій голосъ вблизи избавилъ меня отъ необходимости выразить, сколь чаруетъ меня нарисованная ею картина. Голосъ тихо спросилъ:

— Вы здѣсь, мама?

— Не двигайтесь,—шепнула мнѣ принцесса и прибавила громко:—иди сюда, Максъ... Мы на краю террасы... вотъ здѣсь..

Мальчикъ бросился къ матери и поцѣловалъ ее.

— Я весь вечеръ не сдѣлалъ ни одной ошибки въ разговорѣ по-французски съ m-elle Дюберъ,—сказалъ онъ.—Она не могла поймать ни одного промаха, и теперь проиграла пари.

Онъ просунулъ свою руку подъ руку матери и нѣжно прижался своей щекой къ шарфу, наполовину закрывавшему ея полуоткрытыя плечи.

— А гдѣ Грита?—спросилъ я, чтобы сказать что-нибудь.

— Графъ Липавскій даетъ ей урокъ бильярдной игры.

Мы медленно втроемъ направились къ освѣщенному мѣсту террасы.

— Мама,—сказалъ Максъ, по прежнему опираясь на руку матери,—у меня есть идея. M-elle Дюберъ должна остаться

здѣсь и окончить свое образованіе вмѣстѣ со мною. Такимъ образомъ, она не будетъ разлучаться со своимъ братомъ, а успѣетъ, я увѣренъ, столько же, какъ и во Франціи...

— Попроси ее,—сказала Эльза.

— О, для меня она не согласится... Но если бы г. докторъ предложилъ ей... Мамочка, вѣдь г. докторъ сдѣлаетъ все, что вы захотите.

Подойдя къ стеклянной галлереѣ, мы увидѣли Фрику съ растрепанной прической, тянувшую черезъ соломенку холодный лимонадъ... За столомъ жена министра крѣпко спала, опустивъ свой отвисшій подбородокъ на вздымавшуюся грудь Въ сторонѣ сидѣли, разговаривая, принцъ, маіоръ и Дронтгеймъ. Изъ галлереи видно было, какъ Грита стояла на цыпочкахъ на одной ногѣ противъ бильярда, въ позѣ генія на бастильской колоннѣ. Она держала кій за кончикъ и по указаніямъ Липавскаго пыталась сдѣлать трудный ударъ. Кончикъ ея розоваго языка торчалъ между губъ.

— До завтра, – сказала мнѣ принцесса, прикасаясь своими пальцами къ моей рукѣ.

Принцъ, замѣтивъ меня, подошелъ ко мнѣ.

— Я разсчитываю на васъ въ томъ, о чемъ мы говорили, не правда ли, г. докторъ?

Я поклонился. Мнѣ ужасно хотѣлось расхохотаться, при видѣ, какъ министръ полиціи, пользуясь тѣмъ, что всѣ были заняты, старался разбудить свою жену, пощипывая ея открытую толстую шею. Дама пробудилась внезапно отъ глубокаго сна и вскочила, испугавшись, что сидитъ передъ своими повелителями, когда они стоятъ на ногахъ.

Какъ всегда, царственная чета ушла въ свои аппартаменты, не простившись, и, только когда они исчезли, гофмейстеръ приказалъ черезъ лакеевъ подать экипажи. Я пожалъ руки чиновникамъ, поцѣловалъ толстые пальцы г-жи Дронтгеймъ и тонкіе—Фрики.

Порывъ вѣтра пронесся по террасѣ. Ежеминутно вспыхивали молніи за стѣною горъ, и въ эти моменты кружево сосновыхъ вѣтвей на одно мгновеніе вырисовывалось на освѣщенномъ электричествомъ небѣ.

Максъ подошелъ проститься съ Гритой, закутавшейся въ свой плащъ. Она отвѣтила ему, какъ мнѣ показалось, черезчуръ холодно... Я просилъ Грауса прислать за нами во дворецъ экипажъ лишь въ томъ случаѣ, если погода совершенно испортится. Предусмотрительный хозяинъ отеля прислалъ намъ свое лучшее ландо, и хорошо сдѣлалъ, потому что, едва мы выѣхали изъ подъ сводовъ дворца, какъ крупныя капли дождя застучали по окнамъ кареты. Грита

прижалась ко мнѣ. Мы оба молчали и оба догадывались, что въ эту минуту находимся подъ впечатлѣніемъ своихъ скрытыхъ другъ отъ друга тайнъ. Когда карета доѣхала до первыхъ домовъ курорта, сестра высвободилась изъ моихъ объятій.

— Правда, Луи, ты никогда не оставишь меня?

Ея рѣсницы смочили мое лицо. Я крѣпко обнялъ ее.

— Конечно, моя дорогая, клянусь тебѣ!

— Вѣдь у меня никого нѣтъ на свѣтѣ, кромѣ тебя, — прибавила она.

Карета остановилась передъ подъѣздомъ нашей виллы; надо было выходить, Грита надвинула снова свой плащъ на самые глаза, чтобы кучеръ не замѣтилъ ея слезъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

* * *

Душа моя сгораетъ на огнѣ...
Она полна несбыточными снами,
Но ихъ не разсказать ни пѣсней, ни словами!
Они, какъ всполохи въ небесной глубинѣ,
Встаютъ и падаютъ блестящею стѣной,
Ведутъ волшебною лазурною дорогой...
И кажется душѣ—она увидитъ Бога
И не вернется въ міръ земной!
Давно прошедшею, ненужной и случайной
Тогда передо мной проходитъ жизнь моя,
Какъ будто я стою за гранью бытія
Съ непостижимою волнующею тайной.

Г. Галина.

— Какъ это вы такъ неловко... обратилась къ ней портниха, первый разъ за все время.—Впрочемъ, не смущайтесь: она все равно не замѣтитъ.

Пруденсъ молча отвернулась и углубилась въ „Morning Post".

Немного погодя горничная черезъ полуотворенную дверь обратилась къ ней со словами: „Мистрисъ Дартъ проситъ васъ".

Она увидѣла передъ собой оригиналъ знакомаго портрета, раскрашенный такъ, какъ не раскраситъ ни одинъ живописецъ. Цвѣтъ лица состоялъ главнымъ образомъ изъ бѣлой и розовой красокъ въ различныхъ сочетаніяхъ, и мягкое выраженіе его нѣсколько нарушалось стальнымъ блескомъ глазъ. Она полулежала на козеткѣ и протянутая ея рука—оригиналъ алебастроваго прессъ-папье—находилась въ распоряженіи молодой женщины, вооруженной инструментами „Института красоты".

Пруденсъ почувствовала что-то въ родѣ страха. Никогда еще, ни во снѣ, ни на яву, она не воображала, что существуетъ такой сложный и разнообразный культъ человѣческаго тѣла. При видѣ всѣхъ этихъ изящныхъ приборовъ, она невольна вспоминала о египетскихъ гребняхъ и золотыхъ браслетахъ, которые она видѣла подъ стекломъ въ музеѣ. Ихъ неизвѣстныя носительницы врядъ ли больше заботились о своей красотѣ, чѣмъ это дѣлается теперь. Пруденсъ почувствовала жалость. Прелестные глаза, сверкавшіе мужествомъ и рѣшимостью, могли бы подойти даже безстрашному капитану погибающаго корабля. Теперь же...

— Здравствуйте, миссъ Меріонъ. Я надѣюсь, что вы поможете мнѣ въ моихъ письменныхъ занятіяхъ. Я уже наказана за то, что предавалась имъ слишкомъ много: боюсь, что у меня писчій спазмъ,—и она нѣжно поглядѣла на свою руку, которая была больна чѣмъ угодно, только не недостаткомъ отдѣлки, при помощи указанныхъ выше инструментовъ.

Впрочемъ, мысль показалась нелѣпой даже ей самой. Она сдержано засмѣялась, нѣсколько разъ стараясь остановиться и принимаясь смѣяться опять.

Пруденсъ улыбалась.

— Я слышала, что вы умѣете писать на машинкѣ и все такое.

— Позвольте спросить, кто меня такъ хорошо аттестовалъ?

— О, это большой вашъ другъ, но я обѣщала не называть его имени.

Имена Гертруды Голль, тетушки Идомъ и Мери Лонъ,

вихремъ пронеслись въ головѣ дѣвушки. Нѣтъ, не можетъ быть. Вѣдь первая ничего не знаетъ объ ея бѣдственномъ положеніи и поискахъ работы. Вторая витаетъ совсѣмъ въ иныхъ сферахъ. Третья же, конечно, написала бы объ этомъ ей первой.

— Позвольте просить васъ передать этому... лицу, что я считаю себя много обязанной ему. И еще болѣе, если вы найдете мою работу удовлетворительной.

— Въ этомъ я не сомнѣваюсь.

Пруденсъ была не въ силахъ отвѣтить. Весь ея напускной героизмъ улетучился при мысли, что нужда осталась позади, и она чувствовала себя слабой, какъ ребенокъ. Перемѣна была слишкомъ внезапна. Она какъ будто вошла въ тихую гавань послѣ жестокаго шторма. Бѣдняжка, измученная и униженная, она такъ же нуждалась въ покоѣ, какъ другой нуждается въ буряхъ. Работа—вотъ ея покой, ея отдыхъ, а что было еще вчера, еще часъ тому назадъ!

— Какъ же насчетъ условій, миссъ Меріонъ?

— Если можно, не теперь. Вы назначите условія, когда испытаете меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, условія теперь же. Хотите... фунтъ стерлинговъ въ недѣлю?

Пруденсъ была наказана. Ей легко дали бы полтора фунта, сумѣй она взяться за дѣло. Особы въ родѣ мистрисъ Дартъ, въ невинности своей души, весьма смутно представляютъ себѣ минимумъ потребностей бѣднаго человѣка.

— Благодарю васъ, этого совершенно достаточно.

— О, не говорите. Вы не знаете еще, что васъ ждетъ, и какъ трудна будетъ ваша работа. Я хочу, чтобы вы разрѣзывали всѣ мои книги и писали собственноручно мои письма. Потомъ вы будете просматривать газеты и отмѣчать синимъ карандашемъ все интересное. Въ газетахъ слишкомъ много написано: голова разболится, если читать все сплошь. Да и въ книгахъ тоже. А знаете ли вы что-нибудь о всякихъ вопросахъ?

— О вопросахъ?

— Да, ну знаете, то, о чемъ всегда говорятъ за обѣдомъ умные люди.

— Я увѣрена, что сумѣю это постичь.

— И я увѣрена. Но постойте, было еще что-то. Я записала все, чтобы не забыть. Но гдѣ же эта записка?.. Паркеръ!—Ушла! Этакая безтолковая!

Появилась горничная.

— Господинъ архидіаконъ, сударыня, желаетъ васъ видѣть. Онъ въ гостиной.

— А, хорошо! Сейчасъ. До завтра, миссъ Меріонъ, въ десять часовъ.

Черезъ минуту дѣвушка уже вышла на свѣжій воздухъ. Она направилась домой черезъ паркъ. На каждомъ шагу попадалась меньшая братія изъ ближнихъ деревень, заходившая сюда съ рынка, чтобы хоть однимъ глазкомъ взглянуть, какъ проводятъ время господа. Эти люди казались не менѣе счастливыми, чѣмъ въ тѣ минуты, когда, преклонивъ колѣни, они смущаютъ своихъ священниковъ, поучающихъ ихъ терпѣть и работать. Созерцая своихъ богатыхъ и счастливыхъ собратьевъ, они были такъ довольны, что, казалось, не нуждались ни въ чемъ болѣе. „Собратья“ же едва удостаивали своихъ поклонниковъ презрительнымъ взглядомъ.

Послѣ всего, что она пережила, это зрѣлище было для дѣвушки новымъ откровеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что если есть дѣйствительно избранныя существа, которымъ нѣтъ надобности думать о хлѣбѣ насущномъ—этой главной заботѣ человѣческой жизни? Несмотря на американское евангеліе, ей казалось теперь, что счастливъ лишь тотъ, кто родился въ сорочкѣ.

XXIII.

Да, жестокъ былъ штормъ! Какъ привлекательна казалась спокойная гавань, которой она, наконецъ, достигла. Счастье повалило сразу. Работа у мистрисъ Дартъ была легка и оставляла много времени для другихъ занятій, которыя Пруденсъ нашла, благодаря рекомендаціи курсовъ стенографіи.

Лаура очень интересовалась ея дѣлами и особенно всѣмъ, что касалось Мистрисъ Дартъ.

— Мнѣ хочется узнать побольше объ этой женщинѣ. Какого цвѣта у нея глаза?

Пруденсъ подробно описала ей наружность мистрисъ Дартъ, упомянула объ ея богатствѣ и даже отчасти обрисовала ея характеръ. Лаура одобрительно кивнула головой.

— Мнѣ нравится этотъ типъ,—сказала она.—Повидимому, она многаго хочетъ и многаго достигнетъ.

— Да, она симпатична, — отвѣтила Пруденсъ, — только люди этой породы страдаютъ какой-то маніей передвиженія. Они не могутъ жить безъ автомобиля, не могутъ сидѣть на одномъ мѣстѣ. Они все ищутъ куда бы поѣхать, и непремѣнно туда, гдѣ они еще не были. Маленькій будуаръ мистрисъ Дартъ, гдѣ она сидитъ по утрамъ, это своего рода

Клангамская станція, откуда она разъѣзжаетъ во всѣ стороны и куда непремѣнно заѣзжаетъ по пути.

— Какъ весело, должно быть!

— Но какихъ денегъ все это стоитъ, подумайте только, Лаура. Ахъ, эти проклятыя деньги!

— Что-жъ изъ этого? А всетаки она мила и изящна!

— Онѣ всѣ милыя. Я иногда думаю, что онѣ останутся такими же милыми, такими же изящными даже въ день страшнаго суда... Постойте, не прерывайте меня.—Она ухитряется побывать на трехъ раутахъ въ одинъ вечеръ и чего только не передѣлаетъ она за день. Если бы видѣли, сколько народу ждетъ ея пробужденія, чтобы, послѣ ванны, заняться ея туалетомъ.

— А мужъ?

— Онъ въ Индіи, вернется весной.

— Теперь я знаю, кто вы и что такое господствующая каста. Вотъ какъ правятъ настоящія королевы. Отвѣтственные министры, хоть и стоятъ на авансценѣ, но ничего не значатъ передъ тѣми, кто скрывается за кулисами. О, Пруденсъ, вы не секретарь, вы камергеръ, по меньшей мѣрѣ.

— Камергеръ, такъ камергеръ, мнѣ все равно, я знаю только, что теперь я счастлива.

— И вы пришли поблагодарить вашего исцѣлителя и друга? Должно быть, вамъ хочется пѣть отъ радости?

— Я уже пѣла.

— Почему бы не повторить?

— Нѣтъ, нѣтъ, это слишкомъ волнуетъ. Я хочу быть спокойной.

— Этого не трудно достигнуть. Я хочу пожить такъ, какъ живетъ высокородная мистрисъ Дебингтонъ Дартъ. Я хочу все перечувствовать. Мнѣ не нужно быть особенно счастливой, увѣряю васъ, но я люблю все знать. Вѣдь мы, женщины, любопытны.

— Чего же вамъ еще? Развѣ вы недостаточно счастливы теперь? Имѣть работу и быть свободной — чего же больше желать?

— Мнѣ надобно говорить: „сударь“ хозяину магазина только ради того, чтобы получать отъ него приказанія исполнить какой-нибудь заказъ, мистрисъ Дартъ. Я хотѣла бы знать, что чувствуешь когда тебя называютъ „сударыня“. Развѣ это не высшая мѣра уваженія?

— Со стороны горничныхъ и прочихъ „царедворцевъ“?

— Да, но царедворцевъ по своему выбору. Однако, будетъ. Вы, кажется, начинаете сердиться.

— А всетаки если мистрисъ Дартъ понадобится работа

по моей спеціальности, вы непремѣнно порекомендуйте меня.

— Нельзя быть такой корыстной, Лаура.

— Нельзя быть такой наивной, Пруденсъ. О, вамъ еще многому надо поучиться.

— Жизнь и то учитъ меня, и, кажется, я учусь терпѣливо.

— Милая дѣвочка! „Блаженни кротцыи, яко...

— Это не хорошо съ вашей стороны, Лаура.

— Что-жъ дѣлать! Моя религія совсѣмъ иная: повѣрьте, я буду не хуже ихъ всѣхъ, если только мнѣ удастся добиться своего.

— Религія борьбы за успѣхъ?

— Такъ что же?

— Ровно ничего, кромѣ того, что это не то... не то...

— Что исполнять свой долгъ въ жизни? Вѣдь это вы хотѣли сказать? Напрасно вы думаете, что я не понимаю ничего этого,—заговорила Лаура, вдругъ мѣняя тонъ разговора и пронизывая собесѣдницу суровымъ взглядомъ.

— Наша жизнь—игра, въ сравненіи съ жизнью простыхъ рабочихъ дѣвушекъ. Мы имъ чужія; онѣ разорвутъ насъ на куски, если счастье окажется на ихъ сторонѣ. Пойдите посмотрите на этихъ труженицъ на фабрикахъ: вотъ кто дѣйствительно работаетъ въ потѣ лица. Онѣ дерутся изъ-за куска хлѣба, а пьяныя—онѣ положительно страшны. Я видѣла ихъ однажды,—и съ меня достаточно. Въ сравненіи съ ними мы аристократки. И я боюсь заглядывать внизъ.

— А мнѣ никуда не хочется заглядывать,—устало произнесла Пруденсъ.—Пусть это дѣлаютъ другіе за меня.

— Вашъ прекрасный принцъ, очевидно, американецъ. Но не забывайте, что эмансипація женщинъ не единственная его страсть. Онъ достаточно занятъ собой и своей карьерой. Просто его забавляетъ выручать изъ бѣды маленькихъ изящныхъ куколокъ и доставлять имъ всѣ удобства кукольныхъ домиковъ. Однажды, войдя въ дѣтскую, этотъ американецъ былъ пораженъ, увидѣвъ, въ какія умныя игры тамъ играютъ. Но онъ увидѣлъ въ то же время, что придется измѣнить всю систему, потому что дѣти шалятъ,—и онъ настроилъ школъ. Тамъ и до сихъ поръ еще продолжаютъ играть.

Пруденсъ молчала, не зная, что сказать. Можетъ быть, зачатки героическаго терпѣнія и таились въ ней, но теперь ей хотѣлось одного: спокойно грѣться на солнцѣ.

— Слушайте, Лаура. Когда я приходила къ вамъ послѣдній разъ повѣдать горести, разрывавшія мое сердце, я дѣлала это не потому, что не могла справиться одна, а просто потому, что считала въ нихъ виноватымъ кого-то третьяго, кто упорно не даетъ мнѣ выбиться наверхъ. Мнѣ

казалось, что всѣ удары судьбы обрушиваются только на меня. Кто бы ни былъ этотъ третій, я чувствовала себя передъ нимъ, какъ загнанная мышь. Я не могла осилить его. Теперь же я знаю, что все это не такъ ужъ плохо, и знаю это благодаря вамъ. Вы вдохнули въ меня мужество, дали мнѣ обрѣсти великое сокровище, познаніе того, что всѣ наши тяготы,—лишь порожденіе человѣческой глупости. Не надо забывать, что Богъ, какъ искусный треннеръ, вооружилъ человѣка для борьбы съ врагами. Зачѣмъ? Чтобы завоевать Олимпъ.

— А развѣ не проще было бы Богу сказать людямъ: „не бойтесь ничего, тревоги и заботы миѳъ, глупыя сказки. Живите себѣ безмятежно, а я буду печься о васъ". Ну, все равно, теперь вы стали умнѣе. Бросьте вы это и только повторяйте за мной: „я достигну своего, Лаура, я достигну своего".

— Да, Лаура, я надѣюсь, достигнуть.

— Нѣтъ, нѣтъ, не „надѣюсь", а „увѣрена"!

— Да, я увѣрена, увѣрена! Аминь!

— Милая птичка! Вотъ гдѣ вашъ кусочекъ сахару. Теперь вы знаете секретъ, и если-бы цѣлительная книга не принадлежала мнѣ, вы смѣло могли бы бросить ее въ море.

— Въ субботу я хочу пойти погулять въ Ричмондскій паркъ. Можетъ быть, пойдемъ вмѣстѣ?

Лаура выставила изъ подъ платья ногу въ изящномъ башмакѣ, критически поглядѣла на него и спрятала опять.

— Далеко ходить—сапоги сносить. Жаль, что нельзя ходить по воздуху. Нѣтъ, ужъ идите одна и потомъ разскажите мнѣ. Должно быть, будетъ весело.

XXIV.

Нагулявшись досыта въ паркѣ, Пруденсъ вышла оттуда черезъ Шиннъ Гэтъ и направилась прямо домой. День уже угасалъ, когда она переходила Гаммерсмитскій мостъ. Она устала и проголодалась, имѣя, впрочемъ, въ перспективѣ, вкусный ужинъ. На этотъ разъ она была въ одиночествѣ: даже Спэгъ не сопровождалъ ее. Утромъ она передала ему приглашеніе и получила согласіе, но затѣмъ онъ убѣжалъ, увлекшись собакой бродячихъ акробатовъ, что, впрочемъ, свойственно его собачьей натурѣ.

Говоря по правдѣ, ей бы хотѣлось имѣть подлѣ близкаго человѣка. Но Гертруда уѣхала изъ Лондона, Мери Ленъ не вернется больше. О Сентъ-Гольміерахъ она и не ставила вопроса, ибо одинаково старалась избѣгать обоихъ, а Ред.

жинальда почти ненавидѣла. Если бы не Лаура, она была бы совершенно одинока, какъ въ тѣ дни, когда счастье еще не повернулось къ ней, дни, о которыхъ она не могла вспомнить безъ содроганія.

Она миновала мостъ и, повернувъ за уголъ Биффнъ-Сквера, остановилась немного отдохнуть. Узенькая, посыпанная пескомъ аллея была совершенно пуста. Дѣвушка перегнулась черезъ ограду, чтобы бросить послѣдній взглядъ на рѣку, прежде чѣмъ войти въ городъ. Зимнее солнце близилось къ закату, и мостъ, теперь возвышавшійся близь нея, вырисовывался всей своей массой на вечернемъ небѣ. Надъ рѣкой висѣла полоса вечерняго тумана, сквозь которой блестѣли постепенно потухавшіе лучи заходящаго солнца. Вся рѣка была окутана дымкой и казалась вылитой изъ свинца. Нѣсколько красивыхъ парусныхъ судовъ виднѣлись на горизонтѣ, не говоря уже о массѣ шлюпокъ, кольцомъ окружавшихъ мысъ. Въ полосѣ солнечнаго свѣта мысъ казался чернымъ пятномъ на фонѣ пасмурно-голубой воды. Вдали виднѣлся запоздавшій пароходикъ пригороднаго сообщенія, быстро приближавшійся къ тому мѣсту, гдѣ стояла дѣвушка. Скоро уже можно было различить женскую фигуру, въ костюмѣ простой работницы, ясно выдѣлявшуюся среди остальныхъ пассажировъ. Пароходикъ подошелъ къ берегу и высадилъ пассажировъ. Женщина вышла вмѣстѣ со всѣми, подбирая слегка подмокшій при высадкѣ подолъ платья.

— Сара!—вскричала Пруденсъ.

— Вотъ не думала встрѣтить васъ, миссъ.

Ихъ близкое знакомство не позволяло остановиться на этомъ.

— Тутъ недалеко мой клубъ. Пойдемте туда пить чай.

Клубъ Сары! Вотъ такъ неожиданность. Впрочемъ, она всегда чѣмъ-нибудь да удивитъ,—подумала Пруденсъ, но конечно, не сказала вслухъ.

— А вотъ это нашъ старшина,—сказала Сара, указывая на сгорбленнаго человѣка, быстро сходившаго съ парохода со шлюпочными веслами на плечѣ.—Докторъ—мой другъ.

— Мое почтеніе!—Въ самомъ дѣлѣ, приходите къ намъ пить чай,—сказалъ докторъ и прошелъ дальше.

— Раскажите мнѣ, Сара, что это за клубъ,—иначе я не пойду. Не будьте скрытной хоть на этотъ разъ.

— Что вы, миссъ, чего мнѣ скрывать-то? Господинъ докторъ каждую субботу водитъ насъ гулять—всѣхъ вообще работниковъ, и женщинъ, и парней. Онъ заботится о нашемъ здоровьи. Мы отправляемся въ Ричмондъ, гуляемъ, завтракаемъ гдѣ-нибудь—безъ этого тоже нельзя,—и къ вечеру возвращаемся. Вотъ и все.

Сара сдала Пруденсъ на попеченіе какому-то молодому человѣку, съ приказаніемъ позаботиться о ней. Они направились прямо въ клубъ, гдѣ тридцать—сорокъ человѣкъ молодежи, и мужчинъ, и женщинъ, уже поджидали ихъ въ комнатѣ, приспособленной для чаепитія.

Привѣтливая молодая женщина, съ серебрянымъ значкомъ старшины клуба на груди, встрѣтила Пруденсъ при входѣ и тотчасъ же отрекомендовала ее пожилому господину, рядомъ съ которымъ стояла его дочь. То, что семейство—отецъ и дочь—было вмѣстѣ, объяснялось простой случайностью: оба были членами этого клуба. Отцу вовсе не было нужды присматривать за своей дочерью; дѣвушка казалась совершенно способной сама позаботиться о себѣ. Нѣсколько молодыхъ людей, стоявшихъ тутъ же, разговаривали съ ними; судя по виду, это были гости, вѣроятно учителя.

Не успѣла Пруденсъ осмотрѣться, какъ отворилась дверь, и вошелъ Джорджъ Леонардъ, въ числѣ другихъ, только что прибывшихъ.

Онъ поклонился дѣвушкѣ привѣтливо, но почтительно.

— Къ сожалѣнію, вы едва ли помните меня. Но вѣроятно, Сара—она скоро придетъ—напомнитъ вамъ, кто я такой. Съ моей же стороны было бы непростительно забыть моего перваго подписчика.

У Пруденсъ было гораздо больше основаній узнать его, чѣмъ онъ могъ это думать. Воспоминаніе объ ихъ послѣдней встрѣчѣ въ Пентонвилѣ быстро пронеслось у нея въ головѣ и заставило ее немного смутиться. Что, если онъ узналъ ее тогда?

— Что, какъ идутъ дѣла „Желѣзнаго Клейма?"—спросила она.

— Благодарю васъ, мы чувствуемъ себя великолѣпно, доходъ и издержки распредѣляются какъ нельзя лучше, и въ настоящій моментъ мы ведемъ дѣло уже съ прибылью. Навѣрное, вы это и разсчитывали услышать, вѣдь вы знаете нашу привычку хвастать.

— Знаете, я никогда не ожидала увидѣть васъ. Даже встрѣча съ Сарой была сюрпризомъ. Это вышло чисто случайно. Я стояла и смотрѣла на рѣку, какъ вдругъ...

— ...А я зашелъ по дѣлу, я здѣсь помогаю нашему доктору.

— Ужасно странный клубъ. Объясните, какія его цѣли?

— Это идея доктора. Конечно, вы знаете доктора? Вѣдь его всѣ знаютъ.

— Къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ я—не всѣ.

— Въ улицѣ Гарлей его имя неизвѣстно, но въ этихъ краяхъ онъ столь же извѣстенъ, какъ любая знаменитость

всѣхъ улицъ Гарлей, вмѣстѣ взятыхъ. Онъ умѣетъ оживлять людей. Его хорошо знаютъ въ университетскомъ мірѣ.

Дѣвушка смѣшалась.—Теперь я знаю, это тотъ самый знаменитый философъ, который...

— Да, да, великій человѣкъ. Чего только онъ не издаетъ, чего только не дѣлаетъ. Но я думаю, что высшая заслуга его, самая благородная въ томъ, что онъ основалъ этотъ клубъ—клубъ женщинъ-работницъ.

— Что же, въ такомъ случаѣ, здѣсь дѣлаютъ мужчины?

— О, мы и здѣсь можемъ на что-нибудь пригодиться: когда дѣвушки хотятъ танцовать—мы ихъ кавалеры; затѣвается какая-нибудь игра—насъ берутъ въ партнеры. Впрочемъ, во всѣхъ играхъ первенствуетъ Сара, въ такія минуты я горжусь ею. Куда намъ до нея, мы вѣдь только снисходимъ до этихъ забавъ, а она вкладываетъ въ нихъ всю свою душу. Большинство изъ насъ члены Большого Рабочаго клуба, такъ же, какъ и докторъ.

— Да, этотъ клубъ—его дѣтище,—продолжалъ Леонардъ, немного помолчавъ.—День и ночь онъ заботится о его преуспѣяніи. Попробуйте только назвать при немъ кого-нибудь изъ посѣтителей „снобомъ"—и онъ растерзаетъ васъ, какъ терріеръ, которому сказали: „крыса". Посмотрите на нашихъ дѣвушекъ и парней; въ ихъ отношеніяхъ вы увидите такую утонченную вѣжливость, такое взаимное почтеніе, до которыхъ далеко было даже самой Мистрисъ Грэнди, я глубоко убѣжденъ въ этомъ. Да, нашъ докторъ молодецъ на всѣ руки. Жизненныя проблемы онъ рѣшаетъ на ходу. Въ свои восемьдесятъ лѣтъ онъ гребетъ, какъ восемнадцати-лѣтній юноша. Ѣстъ онъ, какъ какой-нибудь отшельникъ. Счастье онъ понимаетъ весьма просто: „я люблю всѣхъ и вѣрю, что всѣ любятъ меня"—вотъ старинное правило, которое онъ повторяетъ.

— Теперь и я могу причислить себя къ этимъ „всѣмъ". Я уже люблю его.

— Къ сожалѣнію, вамъ не обойтись безъ соперниковъ. Здѣсь всѣ боготворятъ его—точно такъ же, какъ и любятъ другъ друга. Не будь послѣдняго, первое сдѣлало бы нашъ клубъ ареной междоусобицъ. Но ничего подобнаго нѣтъ. Онъ нашъ патріархъ и мудрецъ, всѣ слушаются одной его улыбки. Къ нему идутъ со всѣми затрудненіями. Не будь его, любая изъ нашихъ работницъ вчетверо больше чувствовала бы себя рабой—и на фабрикѣ, и дома, и въ сношеніяхъ со своими хозяевами-обманщиками, и въ рѣдкія минуты отдыха. Онъ поддерживаетъ ихъ, онъ вызываетъ румянецъ радости на ихъ щеки.

Леонардъ помолчалъ и прибавилъ:

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь прервать меня, когда вамъ надоѣстъ слушать. Иначе я безъ конца буду говорить объ этомъ удивительномъ старикѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, продолжайте.

— Я глубоко убѣжденъ, что онъ не дѣлаетъ никакого различія между людьми, да и вообще между живыми существами. Онъ любитъ весь міръ. Зачастую вы можете увидѣть его съ толпой оборванныхъ грязныхъ мальчишекъ, ухватившихся кто за его руки, кто за фалды сюртука. Онъ ходитъ съ ними въ городскіе сады и разсказываетъ имъ о цвѣтахъ. Они зовутъ его дѣдушкой, слѣдовательно, любятъ и уважаютъ его. Они готовы драться изъ-за того, чтобы быть поближе къ нему, и дѣлали бы это, если бы онъ не укрощалъ ихъ одной своей улыбкой. Да, впрочемъ, вотъ онъ и самъ. Одинъ его видъ говоритъ сильнѣй, чѣмъ всѣ мои слова.

Докторъ подошелъ, во главѣ цѣлой толпы спутниковъ. Онъ усталъ, проголодался, но сіялъ здоровьемъ и былъ въ отличномъ расположеніи духа. Юношескій румянецъ игралъ на щекахъ. Глаза сверкали умомъ и добротой.

Женщины столпились вокругъ него, такъ что ему пришлось проталкиваться къ своему мѣсту. Ни у кого не было и мысли услужить ему, какъ старику, онъ былъ для нихъ просто старшій товарищъ. Когда, наконецъ, онъ сѣлъ на свое мѣсто, началось чаепитіе, похожее больше на какой-то праздникъ любви, такъ громко и непринужденно всѣ болтали. Громадныя чайныя чашки напоминали древнія урны. Взглядъ доктора не пропускалъ никого; онъ зналъ исторію каждаго, какъ свои пять пальцевъ. Онъ привѣтливо поздоровался съ Пруденсъ, которая, какъ гостья, сидѣла рядомъ съ нимъ.

Онъ слышалъ кое-что объ ея путешествіи съ Мери Ленъ и о пьесѣ, въ которой онѣ играли, и теперь говорилъ съ своей сосѣдкой на эту тему.

Сара сидѣла по другую его сторону и сіяла отраженіемъ его лучей. Очевидно, онъ зналъ ее хорошо. Онъ перекидывался съ ней шутками, хвалилъ ее, какъ лучшаго гребца, и показалъ ей серебряный стаканчикъ, стоявшій на почетномъ мѣстѣ, который можетъ быть ея призомъ.

Когда чаепитіе было окончено, комнату очистили для танцевъ. Въ промежуткахъ между танцами пѣли хоромъ. Затѣмъ наступила пора расходиться по домамъ, и всѣ начали прощаться. Влюбленныя парочки, впрочемъ, отправлялись вмѣстѣ, откладывая прощаніе на конецъ пути.

Когда Сара смотрѣла на этихъ послѣднихъ, ея взглядъ блестѣлъ отнюдь не сочувствіемъ.

— Я прихожу сюда, только чтобы грести, и знать не хочу ничего, кромѣ этого,—обратилась она къ Пруденсъ, желая

видѣть въ ней такую же спортсмэнку. — Вотъ только кто проводитъ васъ до дому? Хотѣла бы я знать, какъ это вы пойдете одна такую даль.

— Большое спасибо вамъ, Сара. Мистеръ Леонардъ обѣщалъ проводить меня до трамвая.

— Гмъ!..—промычала Сара и вышла съ видомъ Діаны, разсерженной отступничествомъ нимфы.

XXV.

Пруденсъ шла молча, волнуясь и думая только о томъ, какъ бы не выдать себя. Она никакъ не могла отдѣлаться отъ воспоминанія о томъ вечерѣ, когда онъ провожалъ ее въ первый разъ. Она нервно перебирала концы своего боа, выдергивая изъ нихъ по перышку и мысленно повторяя: „Узналъ?“ „Не узналъ?“

— Я нашла работу, — сказала она, подъ вліяніемъ внезапнаго вдохновенія, и, сказавъ, пожалѣла, что не можетъ очутиться на днѣ морскомъ.

Врядъ ли онъ могъ знать ея положеніе, а если и зналъ, то какое ему дѣло до нея?

— Конечно, я радуюсь этому, хотя, долженъ сказать, я былъ бы еще болѣе радъ, если бы ваши дѣла обстояли хуже. Вся суть въ томъ, что тогда я имѣлъ бы право предложить вамъ приходить ко мнѣ и помогать мнѣ въ моей работѣ.

— Я буду очень рада. У меня и теперь достаточно свободнаго времени. Я работаю у одной дамы, которая очень хорошо платитъ мнѣ за тѣ недолгіе часы, которые я у нея провожу.

— Конечно, она и не подозрѣваетъ, что вы подписчица „Желѣзнаго Клейма“.

— Еще бы.

— Мнѣ бы хотѣлось имѣть помощника, который водилъ бы мою публику — я говорю о членахъ нашего клуба — по музеямъ, по картиннымъ галлереямъ и по всѣмъ заманчивымъ мѣстамъ, куда можно попадать безплатно.

— Къ сожалѣнію, заманчиваго на свѣтѣ не такъ ужъ много,—сказала Пруденсъ, припомнивъ свой недавній опытъ.— Случалось ли вамъ видѣть, какъ живетъ работница?

— Я думаю, что да.

— Какая ужасная, какая безобразная жизнь!

— Это зависитъ отъ точки зрѣнія, смѣю васъ увѣрить.

— Да развѣ могутъ здѣсь быть двѣ точки зрѣнія? Отхватывать концы по семи верстъ по грязнымъ, унылымъ улицамъ, чтобы въ субботу имѣть возможность купить къ чаю

булку, да и то, если побѣдишь въ борьбѣ. О, какъ все это безотрадно! Вы хотите показать имъ хорошія стороны жизни? Гдѣ вы ихъ видите, позвольте спросить?

— Не знаю, но для меня эта среда—волшебное царство. Еще больше смысла, даже можно сказать святости, она должна имѣть въ глазахъ того, кому посчастливилось вырваться изъ тѣхъ грязныхъ кварталовъ, гдѣ эти люди обитаютъ.

— Хотѣла бы я смотрѣть на это вашими глазами!

— Позвольте, вамъ никогда не случалось попасть на рынокъ въ субботу, когда тамъ толпится этотъ людъ? Вѣдь это для нихъ цѣлый міръ—эти фокусники, пѣвцы балладъ, даже яркій свѣтъ керосиновыхъ фонарей, освѣщающихъ площадь.

— Я лично вижу очень мало забавнаго въ такихъ сценахъ.

— Точно такъ же, какъ и я. Но для нихъ эти своеобразныя зрѣлища огромное развлеченіе. Подумайте, какъ это серьезно, почти драматично: вѣдь ради удовольствія повеселиться въ субботу, пообѣдать гдѣ-нибудь въ ресторанчикѣ, половина этихъ людей живетъ впроголодь цѣлую недѣлю. Какой бездѣлицей удовлетворяется этотъ народъ, какъ мало ему нужно, чтобы быть счастливымъ. Одинъ сытный обѣдъ и одинъ свободный вечеръ въ недѣлю. И они веселы, какъ жители горъ, съ которыми у нихъ еще то общее, что и тѣ, и другіе живутъ въ разстояніи какого-нибудь шага отъ пропасти.

— Я думала, мы говоримъ о хорошихъ сторонахъ жизни.

— Случалось ли вамъ видѣть увеселительные сады въ Клеркенвелѣ, утопающіе въ дыму цѣлаго лѣса фабричныхъ трубъ? Мнѣ случалось. Я видѣлъ такой садикъ, гдѣ они гуляютъ, обѣдаютъ и развлекаются по мѣрѣ возможности. Какъ-то я случайно зашелъ туда—входъ расположенъ между двумя пакгаузами—и у меня было такое чувство, точно я ворвался безъ позволенія: такимъ чужимъ показался мнѣ весь этотъ людъ.

— Ахъ, какъ все это сѣро, пошло, грязно. Мало ли такихъ садовъ, и не въ одномъ только Лондонѣ.

— Боже мой, да развѣ въ этомъ суть? Что же можно дѣлать, кромѣ этого? А дѣлать что-нибудь надо, иначе не стоитъ жить. Постарайтесь найти смыслъ въ этомъ, и когда-нибудь достигнете большаго.

— Я не хочу ничего этого знать, ни этихъ людей, ни мѣстъ, гдѣ они веселятся.

Въ негодованіи, какъ и во всѣхъ другихъ чувствахъ, есть своя поэзія. Пруденсъ была глубоко возмущена. Не-

смотря на все, что она перечувствовала за то время, пока была безъ работы, скорѣе даже благодаря этому, она ненавидѣла всякое прикосновеніе нищеты и грязи. То, что, въ борьбѣ изъ-за хлѣба, она даже радовалась своимъ страданіямъ и презирала себя за слабость, вполнѣ совмѣщалось съ желаніемъ стоять особнякомъ въ этой голодной толпѣ. Ея мысль шла и дальше. Прежнее ея чувство—чувство своего права на лучшую долю, окрѣпшее подъ вліяніемъ Лауры, приняло новую форму жажды земныхъ благъ. И болѣе, чѣмъ когда-нибудь, она была склонна считать все непріятное лишь случайнымъ, нелѣпымъ придаткомъ человѣческой жизни. Такимъ образомъ, вѣнцомъ ея желаній была изящная гостиная, роскошно обставленная и полная гостей.

— Но вы не можете ихъ не знать, нравится это вамъ или нѣтъ. Пожалуйста, только не обращайте вниманія на мой доктринерскій тонъ. Это одинъ изъ моихъ недостатковъ, а ихъ у меня очень много, въ чемъ вы не замедлите убѣдиться. Когда вамъ покажется, что пора меня осадить, сдѣлайте только знакъ.

— Не въ этомъ дѣло. Я хотѣла только сказать, что я слишкомъ насмотрѣлась на эту сторону жизни, и не могу не желать перемѣны.

— Какой?

— Я хочу яснаго неба, чистыхъ улицъ, хорошихъ людей.

— Откуда же возьмутся хорошіе люди при нашихъ порядкахъ?..

— Кто же поддерживаетъ эти порядки, хотѣла бы я знать?

— Тѣ, кто стоитъ на верху. Впрочемъ, нѣтъ, я не вполнѣ точно выразился. Скорѣе это вина тѣхъ, кто только выбивается наверхъ, кто не можетъ устоять противъ искушенія возвыситься на счетъ своихъ ближнихъ. Какъ вы думаете?

— Я думаю, что эта цѣль достойна борьбы за нее.

— А я такъ предпочитаю свою квартирку въ Айль-Догѣ. Это тоже интересное мѣсто. Есть что посмотрѣть: мачты кораблей, пришедшихъ съ вѣстями изъ самыхъ далекихъ странъ свѣта, большая пристань, гдѣ жизнь кипитъ и днемъ, и ночью, окрестные дома, биткомъ набитые народомъ... О чемъ хлопочутъ эти люди, что занимаетъ ихъ мысли, куда они идутъ?

— Не знаю, куда идутъ, но на мой взглядъ слишкомъ часто заходятъ по дорогѣ въ пивную.

— Не такъ часто, какъ вы думаете. Но долженъ сознаться, что этотъ соблазнъ для нихъ великъ. Вотъ тутъ-то и начинается красота, которою вы такъ дорожите. Съ этими людьми можно сдѣлать все, что угодно, и многое можно сдѣ-

лать для нихъ. Мы слишкомъ много говоримъ объ ужасномъ, но не замѣчаемъ того, что его можно устранить. Вы всегда можете облегчить чѣмъ-нибудь ихъ жребій, если только сумѣете взяться. Напримѣръ: законнѣйшее желаніе каждаго жить въ достаткѣ, желаніе, пожалуй, не менѣе сильное, чѣмъ имѣть джинъ и табакъ—вотъ и позаботьтесь о нихъ съ этой стороны. Мы погибаемъ отъ неправильнаго распредѣленія богатства; аристократія давно уже безнадежна въ этомъ отношеніи, среднее сословіе, пожалуй, еще хуже. Вся наша надежда на народъ, на новый англійскій народъ. Его мы призовемъ къ яркому свѣту соціализма.

— А остальные?

— Спасайте ихъ отъ самихъ себя, отъ пошлости, глупости и тщеславія. Заставьте ихъ почувствовать, что только мудрость и любовь могутъ дать міру безграничныя богатства, которыя должны быть и будутъ достояніемъ всѣхъ. Пусть богачи кричатъ, что ихъ грабятъ, не обращайте на это вниманія. Вопросъ слишкомъ серьезенъ, историческій ходъ событій не ждетъ. Каждый долженъ добиваться своего, но всѣ должны идти рядомъ, плечо къ плечу, богатый и бѣднякъ, какъ шли бы мы всѣ на призывъ: „отечество въ опасности". Теперешній порядокъ вещей противенъ природѣ. Такъ не можетъ продолжаться...

Онъ замолчалъ. Потомъ весело засмѣялся.

— Простите, я часто не знаю удержу, когда начну говорить. Но дѣло въ томъ, что у каждаго мужчины есть страстишка къ спичамъ, въ каждомъ разговорѣ онъ ищетъ предлога, чтобы открыть фонтанъ своего краснорѣчія. Конечно, это говоритъ не въ мою пользу, и мнѣ остается только взывать къ вашей добротѣ.

Они дошли до станціи. Леонардъ взялся за ручку двери трамвая и продолжалъ:

— Я увѣренъ, что вы сумѣете помочь мнѣ, если только попробуете. Хотите, въ видѣ опыта, пойдемъ въ слѣдующую субботу въ какой-нибудь музей?

— Если вы только думаете, что я могу быть полезной...

— Я въ этомъ увѣренъ. И, наконецъ, въ худшемъ случаѣ вы увидите лишній разъ ваши любимыя картины.

— Мои любимыя... это картины изъ серіи рождественскихъ.

— Ахъ, вѣдь это въ одномъ изъ частныхъ музеевъ. Я разумѣлъ другія, тѣ, что въ Трафальгаръ-Скверѣ.

— То, что нравится всѣмъ, въ сущности ничье.

— А вы дѣйствительно увѣрены въ томъ, что картины, которыя вы такъ стремитесь увидѣть, нравятся вамъ больше

всѣхъ остальныхъ? Но, какъ бы то ни было, приходите посмотрѣть на *мои*...

Она еще колебалась. Трамвай тронулся какъ разъ въ ту минуту, когда онъ говорилъ: „Такъ въ субботу, въ два часа, въ вестибюлѣ Національной Галлереи?“

Надо было что-нибудь отвѣтить. Отвѣтить „нѣтъ“ было всего короче, но тѣмъ не менѣе, она отвѣтила: „хорошо“. Развѣ можно противорѣчить такимъ людямъ?

Какъ только трамвай тронулся, показались въ виду два запоздавшіе пассажира. Они пустились въ догонку за нимъ и, не смотря на протестъ кондуктора, успѣли вскочить на площадку. Это были Сара и... какой-то мужчина. Положимъ, съ точки зрѣнія Сары, ея спутникъ удовлетворялъ всѣмъ условіямъ, ибо былъ въ лѣтахъ и казался весьма солиднымъ, но все же онъ принадлежалъ къ тому полу, отъ котораго она всегда открещивалась. Сюрпризамъ Сары положительно не будетъ конца! Она не замѣтила Пруденсъ, а дѣвушка, въ свою очередь, приняла мѣры, чтобы не столкнуться съ ней при выходѣ.

XXVI.

Сердце Пруденсъ сильно билось. Первый разъ въ жизни она гуляла въ обществѣ взрослаго мужчины. До сихъ поръ ея кавалеры были не старше старшихъ воспитанниковъ Итонской школы. Онъ ждалъ ее въ назначенномъ мѣстѣ и, очевидно, былъ въ другомъ настроеніи. Онъ казался такимъ же серьезнымъ, какъ и его пресловутые герои Айль-Догса. Она чувствовала, что онъ все больше и больше завладѣваетъ ея вниманіемъ. Повидимому, его характеръ такъ же богатъ оттѣнками, какъ море.

— Я хожу сюда по меньшей мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ,—сказалъ онъ.—То, что я здѣсь вижу, проясняетъ мои мысли, и я лучше понимаю красоту міра.

Пруденсъ подумала, какъ бы хорошо было имѣть такую галлерею у себя дома, но удержалась и не сказала этого вслухъ въ первую минуту, а потомъ всетаки сказала именно потому, что ей было непріятно чувствовать себя трусихой.

— Повѣрьте, если бы ваше желаніе исполнилось, вы бы и не заглядывали въ свою галлерею. Вѣдь главное, что дорого въ каждой частной коллекціи, это то, что ее можно показывать другимъ.

— А всетаки очень пріятно сознавать, что все это мое.

— Неужели вы находите удовольствіе въ чувствѣ собственника? Къ чему оно? На прошлой недѣлѣ я осматри-

валъ такую частную галлерею въ имѣніи одного изъ моихъ друзей. Онъ просилъ меня привести кое-кого изъ моей сѣрой публики, и, повѣрьте, ихъ визитъ доставилъ больше удовольствія хозяину, чѣмъ имъ самимъ.

Какъ только они взошли на лѣстницу, Леонардъ остановился.

— Станьте здѣсь и смотрите. Право, стоитъ. Этотъ музей—точно шкатулка, наполненная драгоцѣнностями. Вы, конечно, любите дѣтей? Вотъ вамъ Франчіа, взгляните на этихъ дѣтей: какъ живыя! А это маленькій сатиръ Тиціана. Видите, даже въ самой позѣ его—онъ стоитъ на цыпочкахъ, какъ будто тянется къ чему-то—видно упоеніе красотой жизни. Потомъ мы осмотримъ ихъ по порядку. Когда вы въ слѣдующій разъ придете сюда одна, не забудьте вотъ эту группу красивыхъ мальчиковъ, дерущихся изъ-за розъ. Три такихъ картины въ одной галлереѣ! Ничего подобнаго вы не найдете больше нигдѣ.

Дѣвушка остановилась и присѣла на стулъ въ первой большой комнатѣ.

— Давайте, начнемъ смотрѣть всѣ картины, съ самаго начала,—сказала она.—Не находите ли вы, что это лучшее, что мы можемъ сдѣлать.

Цѣлое море оттѣнковъ открывалось взору. Ея взглядъ быстро скользилъ по комнатѣ, схватывая пока только общій видъ и не замѣчая деталей. Матовый свѣтъ, лившійся въ окна, нѣсколько смягчалъ пестроту картины. Все казалось идеально гармоничнымъ. Диссонансовъ не было.

Леонардъ наблюдалъ за ней, пока она восторженно созерцала, полузакрывъ глаза.

Потомъ они обошли всѣ комнаты, уже не представлявшія такого захватывающаго интереса по сюжетамъ картинъ. Впрочемъ, сюжетъ въ искусствѣ значитъ такъ же мало, какъ поступокъ въ жизни. Важна мысль, хотя бы зачатки ея. Только она и имѣетъ цѣну.

„Золотые часы на крыльяхъ ангела“—эта строфа разскажетъ намъ лучше всего объ ихъ прогулкѣ. Вся тяжесть жизни исчезла подъ вліяніемъ охватившаго ихъ чувства красоты. Въ первый разъ дѣвушка всѣмъ существомъ познала, какое счастье жить

Слишкомъ скоро, какъ имъ казалось, они вернулись подъ портикъ и смотрѣли внизъ на Трафальгаръ-Скверъ, блестѣвшій въ лучахъ зимняго солнца. Всѣ заботы отлетѣли прочь, они были счастливы.

— Сегодняшній день нашъ. Вы уже видѣли мою галлерею, теперь пойдемъ посмотримъ мою библіотеку. Но лучше прежде погуляемъ немного, что вы скажете на это?

Они пересѣкли Чэрингъ-Кроссъ-Скверъ, дошли до угла Гаймаркета и затѣмъ вернулись обратно. Пруденсъ шла, какъ во снѣ. Уличный шумъ звучалъ въ ея ушахъ, какъ колыбельная пѣсня.

Огромные отели, полные въ эти часы, конторы эмигрантовъ, соблазняющія своихъ кліентовъ обѣщаніями будущихъ благъ, даже большія географическія карты, висѣвшія въ ихъ окнахъ,—все это наводило на мысль о чемъ-то безграничномъ. Ей казалось, что она видитъ передъ собой не только Лондонъ, но и все, что лежитъ за нимъ.

Онъ поймалъ ея растерянный взглядъ и, вѣроятно, угадалъ, что испытаніе слишкомъ тяжело для нея. Поэтому онъ взялъ путь прямо къ Британскому музею. Дойдя до Нью-Оксфордъ-Стрита онъ почувствовалъ, или, вѣрнѣе, притворился, что чувствуетъ голодъ и вернулъ ее изъ области грезъ къ дѣйствительности, предложивъ зайти позавтракать въ одинъ изъ хорошо извѣстныхъ ресторановъ.

Сцены изъ „1001 ночи“ въ туманномъ Лондонѣ! Развѣ совмѣстимы съ ними такія прозаичныя вещи, какъ чашка кофе въ залѣ ресторана? Но не будемъ смѣяться надъ ней. Вѣдь это первая ея прогулка, первый ресторанъ. Пресыщенные удовольствіями люди, имѣющіе возможность тратить огромныя деньги на роскошные обѣды, могли бы позавидовать тому новому чувству, которымъ она была полна. Вся окружающая суматоха, снующіе взадъ и впередъ изящно одѣтые посѣтители, ученаго вида женщины, проходившія въ читальню, все это исчезло. Дѣвушка унеслась на коврѣ-самолетѣ въ далекую прекрасную страну.

Вскорѣ, однако, ея вниманіе было привлечено сдержанными звуками спорящихъ голосовъ, раздававшихся изъ сосѣдней комнаты и врядъ ли слышныхъ дальше того мѣста, гдѣ сидѣли она и Леонардъ.

Тамъ буфетчикъ, чистокровный бриттъ, отстаивалъ свое неотъемлемое право третировать лакея-иностранца, какъ существо зависимое. Пруденсъ первый разъ видѣла такое проявленіе національнаго спорта и поэтому возмутилась до глубины души.

— На этотъ разъ не удалось стянуть,—говорилъ буфетчикъ,—не повезло.

Съ того мѣста, гдѣ сидѣла Пруденсъ, буфетчика не было видно, но лакея она видѣла въ профиль, спокойнаго, неподвижнаго, вполнѣ владѣвшаго собой. Это былъ юноша очень приличнаго вида, несмотря даже на свой фракъ, казавшійся смѣшнымъ при дневномъ свѣтѣ. Онъ подавалъ буфетчику пенни, котораго не хватало въ представленномъ имъ счетѣ.

БИБЛІОТЕКА

— Простите, сударь, упала на полъ.

— А сколько вы пенни крадете въ недѣлю этимъ способомъ?—спросилъ буфетчикъ съ видомъ побѣдителя.

Лакей покраснѣлъ, но ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его лицѣ. Стараясь сохранить спокойствіе, онъ отвѣчалъ еще тономъ ниже:

— Простите, сударь, просто случайность.

— Можете взять себѣ этотъ пенни, а вотъ вамъ и другой, въ придачу. Въ нашей скромной странѣ это называется подаркомъ.

Лакей, очевидно, колебался между двумя желаніями: ему хотѣлось задушить своего мучителя и не хотѣлось скандала. Въ концѣ концовъ, благоразуміе взяло верхъ.

— Благодарю васъ, сударь,—сказалъ онъ.

— А вотъ вамъ еще предупрежденіе въ придачу къ подарку. На будущее время такія „случайныя" находки уже не будутъ поступать въ вашу пользу. Въ нашей странѣ этого не любятъ.

Лакей отвѣтилъ молчаніемъ.

Невозможно спорить съ такими людьми. Буфетчикъ замѣтно смягчился, отчасти, конечно, потому, что остался очень доволенъ своимъ остроуміемъ.

— Должно быть, вамъ не приходилось получать на чай въ вашемъ фестерландѣ.—И буфетчикъ громко расхохотался.

Окружающіе послѣдовали его примѣру.

Лакей улыбался тоже и, чтобы замаскировать свое смущеніе, принялся усердно смахивать со стола крошки хлѣба. За этимъ столомъ сидѣли двое: мужчина и дама.

— А какъ вамъ нравятся англичане,—спросилъ мужчина.

— Не могу сказать, я еще мало жилъ здѣсь,—уклончиво отвѣчалъ лакей.

— Постарайтесь скорѣе узнать насъ,—продолжалъ посѣтитель.—Въ первый же разъ, какъ будете свободны, съѣздите въ Портсмутъ. Сколько тамъ кораблей! Какъ разъ теперь тамъ вашъ германскій флотъ, пришелъ посмотрѣть на насъ, какъ на друзей. И гостиницъ въ Портсмутѣ много. Пускаютъ туда и друзей, и враговъ.

— Да, когда будете тамъ, не забудьте посмотрѣть на солдатъ конной гвардіи,—послышался женскій голосъ.

Звукъ этого голоса заставилъ Пруденсъ вздрогнуть и и поскорѣе провѣрить себя, взглянувъ въ зеркало, висѣвшее напротивъ. Да, она увидѣла отраженіе сидѣвшихъ въ сосѣдней комнатѣ: миссъ Евы Сентъ-Гольміеръ и ея брата Реджинальда.

Она едва успѣла закрыть лицо газетой, какъ они прошли мимо нея къ выходу. Лакей, опять идеально корректный,

проводилъ ихъ и пошелъ къ другому посѣтителю, оставшись одинъ со своими думами.

— Самоувѣренность и наглость—вотъ что, къ сожалѣнію, больше всего дѣйствуетъ на толпу,—сказалъ Леонардъ.—Кто знаетъ, можетъ быть, этотъ лакей принадлежитъ къ одной изъ тѣхъ почтенныхъ швейцарскихъ фамилій, которые содержатъ лучшіе отели въ Бернѣ и другихъ большихъ городахъ. Можетъ быть, помѣняйся они ролями съ этимъ хамомъ-буфетчикомъ, этотъ юноша не далъ бы ему чистить даже свои сапоги. Богатые швейцарцы часто посылаютъ своихъ сыновей служить за границей, чтобы дать имъ возможность изучить языкъ, нравы и обычаи чужихъ странъ. Когда мы научимся...

— Не забывайте, что „папа былъ изъ благородныхъ". Вѣдь такъ, кажется, выражалась миссъ Ева на вечеринкѣ у Сары?

XXVII.

На площадкѣ подлѣ музея они застали цѣлую ораву оборванныхъ дѣтей, въ смущеніи стоявшихъ передъ полисмэномъ.

— И тутъ дѣти,—сказалъ Леонардъ,—но только, вмѣсто итальянцевъ былого, современные маленькіе англичане. Тутъ меньше красоты, но все равно, посмотримъ на нихъ. Дѣти всегда забавны.

— Подождите,—обратился блюститель закона къ мальчику, который казался королемъ всего этого царства лилипутовъ, ибо былъ чуть-чуть повыше ростомъ, чѣмъ остальные.—Сколько васъ сегодня?

— Вотъ я, мой младшій братъ, вотъ этотъ, да еще...

— Стой, а вотъ эти три дѣвочки?

— Этихъ я не знаю, это не нашей компаніи.

— Радъ слышать. Дѣвочки могутъ пройти. А теперь говори: зачѣмъ тебѣ съ твоей компаніей идти въ музей?

— Мы хотимъ посмотрѣть картины.

— Здѣсь нѣтъ картинъ, вы не туда попали. Вотъ видишь, вамъ совершенно не зачѣмъ идти въ музей. И то на прошлой недѣлѣ вы уже начали было искать птичьихъ гнѣздъ среди мумій.

— Мы больше не будемъ,—робко сказалъ маленькій преступникъ и повѣсилъ голову, очевидно удивляясь, какъ подъ такой маленькой каскеткой, какъ у полисмэна, могло таиться столько прозорливости.

— Ладно, дѣвочки могутъ идти. А тебѣ съ твоей компаніей совѣтую просто побѣгать вокругъ парка, это полезнѣе.

Ему не пришлось даже подкрѣплять своихъ словъ выразительнымъ жестомъ. Безъ всякаго ропота и выраженій протеста дѣти повернулись и, отойдя нѣсколько шаговъ, пустились бѣгомъ.

— Лондонскій мальчишка, — сказалъ Леанордъ,—превосходный сырой матеріалъ для обработки, если только умѣючи взяться за него. Онъ близкій другъ лондонскихъ воробьевъ и не менѣе предпріимчивъ. Однако, пойдемъ за этими дѣвочками. Очень любопытно.

Навстрѣчу имъ попался старикъ, съ цѣлой группой спутниковъ. Они узнали въ немъ доктора и обмѣнялись съ нимъ поклонами. Три дѣвочки стояли съ безпомощнымъ видомъ въ большомъ залѣ, потомъ, повернувъ направо—въ сторону меньшаго сопротивленія – вошли въ комнату древнихъ манускриптовъ. Поглядѣвъ нѣсколько времени на старый латинскій молитвенникъ, старшая повернулась и хотѣла идти.

— И я хочу посмотрѣть,—прошептала младшая, хватаясь за ея платье.

Старшая вернулась, взяла ее на руки, приподняла, поднесла лицомъ къ стеклу и опять поставила на полъ. Потомъ продѣлала то же самое съ другой. Обѣ казались вполнѣ удовлетворенными.

— Здѣсь многое стоитъ посмотрѣть,—сказалъ Леонардъ.—Такъ не будемъ же терять времени.

Опять часы бѣжали. Египетъ, Греція, Ассирія проходили передъ ними. Какъ съ небесъ, они смотрѣли всѣ эти сокровища, отражавшія безпокойную, воинственную жизнь.

— Теперь вы поймете, почему я могу только жалѣть того человѣка, котораго судьба наградила такой частной коллекціей,—снова заговорилъ Леонардъ:—конечно, его деньги получили достойное примѣненіе, но всетаки что значитъ его галлерея, стоющая какихъ-нибудь полтораста тысячъ фунтовъ, въ сравненіи съ моей. Стоимость моей галлереи не меньше, чѣмъ полтора милліона, и каждый разъ, какъ я прихожу сюда, мнѣ кажется, что она возрастаетъ. Она моя, хоть я и владѣю ею наравнѣ со всѣми. Я не отдамъ моихъ Бахуса и Аріадну за всю его коллекцію. Чувство собственника,—послѣднее дѣло. Всѣ эти вещи—мои, въ такой же полной мѣрѣ, какъ если бы я выигралъ ихъ въ лотерею, или унаслѣдовалъ отъ какого-нибудь предка-пирата временъ Елизаветы.—Онъ замолчалъ и посмотрѣлъ на дѣвушку.—Я сказалъ бы еще больше, но вы, кажется, не слушаете меня.

— Отчего вы это думаете?

— Вѣдь вы мнѣ ничего не возражаете.

— Что же я могу возразить? Я думаю тоже...

Ему пришлось долго ждать отвѣта. Наконецъ, она докончила:

— Что это мои картины, такъ же, какъ и ваши. —Это было именно то, чего ему хотѣлось.

— Нѣтъ, говорите ужъ лучше прямо „наши",—сказалъ онъ.

— Согласна. Въ такихъ вещахъ, какъ и тогда, когда любуешься природой, глаза—это тотъ же документъ на право собственности.

— Бѣдный мой пріятель, коллекціонеръ! Вѣдь у него нѣтъ и Ванъ-Дейка, а у насъ имѣется даже Жанъ Арнольфини. Вѣдь такихъ картинъ у насъ никто не писалъ. Какимъ образомъ могло держаться наше отечество безъ этой отрасли, однимъ лишь механизмомъ директоровъ, секретарей, съ одной стороны, и мелкихъ тружениковъ—съ другой, я рѣшительно не знаю.

— А меня такъ это и не заботитъ.

— Вполнѣ естественно. Совершенно достаточно сознавать, что мы владѣемъ фризами Скопаса, лошадиной головой Фидія, ваяніями Праксителя, маіоликами Пезаро...

— Пощадите!

— Хорошо, но все же я долженъ прибавить сюда еще Портландскую Вазу, хоть вообще хвастовство не въ моихъ правилахъ. Что же касается драгоцѣнныхъ камней...

— Одна изъ моихъ подругъ добываетъ себѣ средства къ жизни этимъ ремесломъ,—перебила Пруденсъ.—Конечно, вы ее знаете. Ее зовутъ Лаура Бельтонъ, помните... у Сары?

— Да помню. Мнѣ ни разу не приходилось говорить съ ней, но исторію ея я знаю, и знаю, какъ вы, конечно, догадываетесь, изъ монологовъ той же Сары.

— Она такой молодецъ, такъ бодро смотритъ на жизнь.

— Не знаю, почему, но такіе люди меня раздражаютъ.

— Ею нельзя не восхищаться, — сказала Пруденсъ рѣшительно.

— Пусть такъ. Но въ данномъ случаѣ, вы, своимъ отступленіемъ въ сторону, выбили меня изъ колеи. О чемъ, бишь, я говорилъ?.. Ахъ да! вспомнилъ... Положительно достойна привилегіи великая идея отдать во всеобщую собственность эти прекрасныя вещи!

Долго еще они бродили по музею, не замѣчая, какъ летитъ время, и только наступившая темнота заставила ихъ вспомнить, что пора по домамъ.

Какимъ чуднымъ казался Пруденсъ весь этотъ день и какъ ново было для нея впечатлѣніе отъ этой богемы, новой лондонской демократіи. Избранные люди, мужчины и

женщины, свободные, какъ птицы, такъ же хлопотливо свивающіе гнѣзда и, какъ птицы, парящія въ облакахъ, когда гнѣздо устроено, они олицетворяли собой богему нашихъ дней, не имѣющую ничего общаго со старой богемой питейныхъ домовъ, богемой падшихъ женщинъ, по уши погрязшей въ тинѣ пороковъ. Это богема природы, искусства, свободы, хорошихъ мыслей, великихъ дѣлъ. Сколько людей теперь стремится къ этому необходимому душевному равновѣсію и ради него безропотно переноситъ всѣ лишенія гдѣ-нибудь за прилавкомъ магазина или на рабочей скамьѣ. Всякаго, становящагося въ ряды этой рати Господней, можно назвать борцомъ за наступленіе лучшихъ дней. Въ этихъ рядахъ стоитъ и Гертруда, съ ея конькомъ правильнаго употребленія богатствъ, и Мери Ленъ, съ ея отвращеніемъ къ деньгамъ и святой нищетой. Ослѣпительный день для бѣдной дѣвушки, впервые познавшей величіе новыхъ идеаловъ. Безжизненная идея классовыхъ различій, въ которой она воспитывалась, окончательно завяла при пытливомъ изслѣдованіи. И это принесло ей радость. Не найдетъ ли она въ своемъ странномъ товарищѣ, въ этомъ сильномъ человѣкѣ—такимъ, по крайней мѣрѣ онъ ей казался—добраго друга и истиннаго духовнаго руководителя въ ея одинокой жизни?

Да, такъ и будетъ въ концѣ концовъ. Начало положилъ этотъ чудный день.

XXVIII.

Леонардъ исчезъ, отправившись въ одно изъ своихъ таинственныхъ путешествій и не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, но „Желѣзное Клеймо“ вышло въ опредѣленный день. Этотъ комаръ журнализма былъ теперь еще смѣлѣе и его неуклонное стремленіе къ своей цѣли—изображать грязную сторону жизни какого-нибудь одного маленькаго уголка—доставило ему огромную популярность въ странѣ. Оно расходилось въ тысячахъ экземпляровъ; его цитировали въ парламентѣ, въ прессѣ, на каѳедрѣ и иногда даже упоминали о немъ въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ земного шара.

Пруденсъ опять осталась одна, но она теперь жила настоящей жизнью, если только жизнь измѣряется интенсивностью чувствъ.

Она неутомимо посѣщала чтенія, лекціи, университетскіе рефераты. Отъ словъ кого-нибудь изъ знаменитыхъ людей Реджентъ Стрита ея сердце билось такъ же часто, какъ и въ

былое время на Лондонскомъ мосту, но теперь оно билось восторгомъ и надеждой.

Поразительное знаменье времени эти университеты для учащихся бѣдняковъ, которые хотятъ пробиться къ свѣту. Всѣ студенты горѣли новымъ желаніемъ: желаніемъ быть чѣмъ-нибудь, что-нибудь дѣлать, презирали злую судьбу, которая оставила ихъ на жизненномъ пиру безъ серебрянной ложки, и надѣялись просвѣтиться свѣтомъ Данте, Мольера, Шекспира. Они готовы были послѣ трудового дня сдѣлать нѣсколько миль пѣшкомъ, лишь бы попасть въ классъ. Чтеніе дешевыхъ газетъ было первымъ толчкомъ, пробудившимъ въ нихъ жажду знанія. Каждый день они прочитывали газету отъ доски до доски. Газетная болтовня о происшествіяхъ, о мѣстахъ, о людяхъ, живыхъ и умершихъ, была для нихъ лишь первымъ этапомъ. Это изученіе мелочей приводило только къ желанію большаго, въ окончательномъ результатѣ.

Странный и загадочный видъ представляетъ такая аудиторія, полная оживленныхъ, вопрошающихъ лицъ, горящихъ, вдумчивыхъ глазъ, передъ которыми проходитъ исторія человѣчества, заполненная могучими образами прошлаго. Отмаршировать нѣсколько миль и столько же обратно, зачастую даже безъ надежды найти дома чашку чаю съ хлѣбомъ—это чего-нибудь да стоитъ! Великая радость—облекать въ прекрасныя формы этотъ сырой матеріалъ!

Эта сторона жизни тоже не ускользнула отъ вниманія „Желѣзнаго Клейма“.

„Самое популярное у насъ учрежденіе — это школы для рабочихъ, ищущихъ образованія не только для ремесла, но и для жизни“.

„Мы можемъ ожидать въ одинъ прекрасный день—и этотъ день наступитъ скоро — получить большой сюрпризъ, сюрпризъ не только для Англіи, но и для всего міра“.

„Это пророчество, или, вѣрнѣе, загадка. Предлагаемъ читателю отгадать, въ чемъ будетъ заключаться этотъ сюрпризъ“.

„Британскій рабочій идетъ въ школу. Это не даромъ. Это приведетъ къ... Но лучше пока помолчимъ, разгадка придетъ въ свое время“.

Многихъ изъ этихъ людей можно было встрѣтить разъ въ недѣлю, вечеромъ, въ одномъ соціалистическомъ клубѣ, извѣстномъ посвященнымъ подъ названіемъ „кружка“. Пруденсъ регулярно ходила сюда развлекаться — споры бывали очень интересны—и разъ пришла вмѣстѣ съ Лаурой. Лаура,

какъ всегда, была на высотѣ положенія, какъ по части туалета, такъ и по манерѣ держать себя. Такъ, по крайней мѣрѣ, она думала. Но на этотъ разъ она ошиблась. Ея изящный туалетъ подвергся жестокой критикѣ со стороны членовъ. „Кружокъ“ выработалъ свой типъ дѣвушки. Неизбѣжной частью ея костюма должна была быть простая блузка: когда-то ярко красная, теперь же полинявшая—отъ стирки, какъ говорили одни, или оттого, что полиняли убѣжденія, прибавляли другіе.

Для того и существовалъ этотъ кружокъ, чтобы блузки поскорѣе опять окрасились въ красный цвѣтъ...

Сегодня одинъ изъ членовъ—представитель молодой партіи кружка, долженъ былъ изложить свою политику постепеннаго приготовленія демократіи ко дню ея побѣды. Другіе должны были ему возражать. Лаура пришла послушать дебаты просто изъ любопытства, которое у нея распространилось рѣшительно на все. Пруденсъ едва поспѣвала отвѣчать на ея вопросы. Всѣ были глубоко равнодушны къ тому, что митингъ происходилъ въ старомъ залѣ плюхонькой гостиницы; но на двухъ дѣвушекъ зала произвела сильное впечатлѣніе, особенно на Пруденсъ, съ ея ненавистью къ реализму, подъ которымъ она, какъ большинство птенцовъ, разумѣла вообще все непріятное, и съ ея жаждой идеала и любовью ко всему романическому.

Маленькое общество адептовъ, мужчинъ и женщинъ, было собрано отовсюду: изъ модныхъ магазиновъ и конторъ газетъ, изъ-за прилавковъ и каѳедръ, изъ прислуги всѣхъ сортовъ. Группа учредителей, по праву давности, сидѣла впереди, противъ каѳедры лектора; остальные, по степени своего положенія и времени пребыванія въ кружкѣ, частью расположились на скамейкахъ, частью толпились въ дверяхъ. Въ числѣ публики было нѣсколько чиновниковъ, которые могли бы съ полнымъ правомъ сказать о себѣ, что ихъ десница, писавшая въ теченіе дня циркуляры, не знаетъ, что дѣлаетъ по вечерамъ ихъ шуйца, перелистывающая соціалистическіе манифесты.

Лекторъ поднялся на каѳедру. Онъ защищалъ новое теченіе англійскаго соціализма, его высокія цѣли, его глубоко жизненные методы, его громкіе лозунги, которые разрушатъ старыя стѣны общественныхъ предразсудковъ однимъ соединеннымъ усиліемъ всего англійскаго народа.

— Вы оставили старую пропаганду страсти и чувства и перешли къ экономикѣ,—говорилъ онъ.—Все ваше существованіе превратилось въ какой-то вопросительный знакъ. Псаломъ, по которому вы живете, взятъ изъ Синей Книги. Васъ заботятъ: система освѣщенія, воздухъ, санитарныя условія—

вещи, конечно, прекрасныя и необходимыя, — но далеко не приближающія насъ къ спасенію. Никогда не умолкаетъ крикъ о помощи, раздающійся днемъ и ночью изъ глубокихъ ямъ, вырытыхъ нашей соціальной системой. Вы пропускаете его мимо ушей, ибо глубоко запрятались въ свои норы. Выходите на свѣтъ Божій, вспомните старыя идеи, старые пути. Зажгите старый огонь, дайте дорогу благороднымъ, чистымъ порывамъ вашихъ сердецъ.

Когда онъ сѣлъ, раздались апплодисменты. Больше всего апплодировали женщины. Это было понятно: не столько то, что говорилъ лекторъ, сколько то, какъ онъ говорилъ, должно было вызывать сочувствіе женщинъ. За него были: молодость, спокойная увѣренность въ себѣ и лоскъ человѣка, литературно образованнаго.

Наступило для аудиторіи время вопросовъ. Они посыпались отовсюду, нетерпѣливые, часто язвительные. Это былъ какой-то взрывъ. Всѣ его мысли подвергались контролю, какъ въ книгѣ судебъ.

— Если я вѣрно понялъ, то лекторъ сказалъ... Какъ можно согласовать эту мысль съ... Скажетъ ли онъ намъ опредѣленно, что онъ разумѣетъ подъ словами...

Здѣсь была побѣда, или смерть. Нельзя было сдаваться на капитуляцію.

Лаура и Пруденсъ были въ восторгѣ. Всѣ ихъ симпатіи были на его сторонѣ. Обыкновенно онъ легко побѣждалъ своихъ оппонентовъ, и когда, въ спорѣ, забывая свою сдержанность, поддавался чувству гнѣва, то становился еще привлекательнѣе. Это былъ поединокъ ума, гдѣ каждый труизмъ давалъ оружіе въ руки противнику и каждое общее мѣсто было проваломъ.

Послѣ этой пытки вопросовъ, начались рѣчи. Группа членовъ-учредителей видимо рѣшила не сдаваться безъ борьбы. Одинъ за другимъ они нападали на лектора, не оставляя безъ возраженій ни одной фразы его рѣчи.

Въ сильномъ возбужденіи Пруденсъ поднялась было, чтобы защищать его, но нервы ея не выдержали такого испытанія. Языкъ не повиновался ей. Нѣсколько секундъ она простояла передъ вопросительными взорами всей аудиторіи и потомъ сѣла опять. Не сдѣлай она этого, силы покинули бы ее. Комната подернулась туманомъ и поплыла передъ ея глазами. Въ это время она почувствовала чье-то прикосновеніе. Кто-то совалъ ей въ руки флаконъ со спиртомъ.

Когда туманъ разсѣялся, она разглядѣла своего благодѣтеля. Это была женщина, тоже поднявшаяся было, желая говорить, но пропустившая свою очередь, чтобы имѣть возможность сдѣлать доброе дѣло.

— Благодарю васъ,—пробормотала Пруденсъ.— Надѣюсь я не слишкомъ привлекла на себя вниманіе.

— Это у васъ страхъ новичка-актера. Ничего, онъ пройдетъ.

Черезъ минуту милосердая самарянка опять получила слово и поднялась по знаку предсѣдателя. Она, очевидно, была рождена для трибуны. Ея рѣчь была и замѣчательно логична, и преисполнена чисто женской музыкальности интонацій; каждая мысль была строго закончена.

— Въ чемъ же заключается секретъ? — спросила Пруденсъ, когда ея сосѣдка усѣлась опять на свое мѣсто.

— Это нашъ общій женскій секретъ — самообладаніе, зоркій надзоръ за собой. Развѣ мы не учимся съ самаго момента рожденія подавлять страхъ, сомнѣніе, скорбь, пылая гнѣвомъ, оставаться спокойными?

— Да, мужчины этого не умѣютъ.

— Гдѣ имъ! По настоящему, слабый полъ не мы, а они.

Слѣдующій ораторъ былъ выдвинутъ партіей большинства. Это былъ человѣкъ съ орлинымъ носомъ, похожій на древняго римлянина; диссонансомъ являлось лишь стеклышко въ глазу, да фракъ, вмѣсто римской тоги. Это былъ одинъ извѣстный журналистъ и замѣчательный ораторъ. Только что онъ собрался разбить по пунктамъ рѣчь перваго оратора, но тутъ явилась неожиданная помѣха.

Какой-то сѣдобородый патріархъ, лѣтъ восьмидесяти, поднялся, желая тоже возражать и совершенно игнорируя то обстоятельство, что слово дано не ему.

Римлянинъ безпомощно посмотрѣлъ на предсѣтателя и съ сердитымъ видомъ сѣлъ на свое мѣсто.

— Вы должны подождать, — обратился предсѣдатель къ выскочкѣ. — Васъ выслушаютъ, когда придетъ ваша очередь.

— Я ветеранъ соціализма,—произнесъ бѣлобородый призракъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на предсѣдателя, ни на римлянина, ни на аудиторію. Если то, что онъ собирался сказать, было не монологомъ, то оставалось заключить, что онъ говоритъ со своей бородой.

Онъ имѣлъ видъ выходца съ того свѣта, но исторію его можно было угадать по тѣмъ немногимъ словамъ, которыя онъ успѣлъ произнести. Это былъ одинъ изъ старыхъ чартистовъ, вернувшійся въ міръ новыхъ доктринъ, новыхъ цѣлей, новыхъ людей.

— Я отдаю себя въ ваше распоряженіе, сударь, — обратился римлянинъ къ предсѣдателю, бросая сквозь стеклышко презрительный взглядъ на старика.

— Я былъ знаменоносцемъ и получилъ ударъ по головѣ

концомъ сломаннаго древка, — продолжалъ призракъ. — Это было у Вестминстерскаго моста. Вотъ и слѣдъ, посмотрите, если не вѣрите мнѣ,—и онъ указалъ костлявымъ пальцемъ на свою голову, гдѣ, между серебряными волосами, дѣйствительно виднѣлся шрамъ.—Тогда было время соціализма. А теперь?!

Римлянинъ усмѣхнулся и скрестилъ руки.

— И замѣтьте, вѣдь это пустой желудокъ свалилъ меня, а отнюдь не непріятель. Въ другое время я бы справился съ нимъ. Ни куска хлѣба, ни глотка супу за цѣлый день!

— Продолжайте!—послышались голоса. — Аудиторія хотѣла слушать. Предсѣдатель тоскливо улыбнулся, но вмѣшаться не рискнулъ.

— Что же двигало нами, вѣдь мы были люди? Мы алкали и жаждали соціализма. Были дни, когда наши делегаты ходили по всей странѣ, и это имъ не стоило ни гроша. Вездѣ ихъ принимали, какъ друзей. Спать приходилось въ темномъ углу комнаты бѣднаго коттеджа, прямо на полу. Половикъ служилъ одѣяломъ. Да, были дни. Сталъ ли соціализмъ лучше теперь, когда перешелъ въ богатыя комнаты? Я жалъ руку Роберту Оуэну въ свое время. Вотъ былъ человѣкъ!..

Предсѣдатель сдѣлалъ послѣднюю, отчаянную попытку: „Могу я замѣтить оратору, что вопросъ, который онъ поднялъ, къ дѣлу не относится?“

— Я не ставлю никакихъ вопросовъ,—свирѣпо отвѣчалъ призракъ.—Аудиторія хоромъ кричала: „Оставьте, пусть говоритъ!“

— Вы молодцы, товарищи, что и говорить,—продолжалъ старикъ, обращаясь къ переднимъ скамьямъ. — Вы далеко пойдете! Вы можете читать даже французскія книги и говорить по ученому. Все это такъ, но сумѣете ли вы постоять за ваши кровные интересы? Готовы ли вы бороться за нихъ? Почитайте-ка газеты, сколько нашего брата-рабочихъ возятъ въ больницы. Я читалъ сегодня „Таймсъ“; десятки изувѣченныхъ на работѣ: „Джонъ Самуилъ, котельщикъ, сломалъ ключицу; Бутлеръ, Джемсъ, рабочій, повредилъ руку“, — совсѣмъ, какъ послѣ битвы!—„Стуртъ, сапожникъ,—сотрясеніе мозга, безъ надежды на выздоровленіе“.

— Вопросъ...—началъ было предсѣдатель, съ тоской взглядывая на часы.

— Я подхожу къ нему. Знаете ли вы, почему вы можете спокойно сидѣть здѣсь и толковать о разныхъ вопросахъ?— Потому, что мы поработали въ свое время. Мы были побѣждены, но мы и побѣдили. Способны вы понять это, товарищи? Старый герцогъ не давалъ намъ пощады. Пушки на

всѣхъ мостахъ, солдаты позади, но насъ это не пугало... А почему не пугало? Потому что соціализмъ не былъ тогда еще этой — какъ вы ее называете — доктриной. Это была религія, къ ней относились съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ ходили въ церковь. Это была духовная пища, это была та же молитва Господня, хоть и пѣли ее на мотивъ „Марсельезы". Свобода, равенство, братство и... и права человѣка. Вы должны вернуться назадъ, къ тому времени всѣми помыслами своими, если хотите развернуть надъ землей знамя соціализма.

Онъ замолчалъ и, не прибавивъ больше ни слова, вышелъ, какъ призракъ. Толпа разступилась передъ нимъ, какъ будто затѣмъ, чтобы облегчить ему путь въ царство тѣней. Послѣднее, что услышали отъ него, былъ сухой кашель, когда уличный туманъ попалъ ему въ горло.

XXIX.

— Люціанъ! Люціанъ!—раздавались крики со всѣхъ концовъ комнаты.

Новая фигура поднялась со скамьи членовъ учредителей. Это былъ высокій человѣкъ скромнаго вида. Природа, казалось, списала его съ картины Веласкеца, сохранивъ и неопредѣленныя очертанія тѣла, и блѣдный оттѣнокъ волосъ и глазъ. Все въ немъ было сѣро и, какъ можно догадываться, такой же сѣрой была его душа.

Его приняли такъ радостно, какъ будто онъ пришелъ съ хорошими вѣстями. Всѣ засмѣялись, какъ только онъ всталъ и прежде, чѣмъ онъ успѣлъ что-нибудь сказать. Продолжали смѣяться, когда онъ открылъ ротъ. Вся аудиторія была въ какомъ-то экстазѣ и нетерпѣливо ожидала его словъ.

Они не ошиблись въ разсчетѣ. Въ спорѣ изъ него сыпались молніи, какъ изъ грозовой тучи. Онъ отличался ироническимъ остроуміемъ, остроуміемъ сомнѣнія, критицизмомъ, легко разбивалъ чужіе доводы и все это дѣлалъ съ пріятной улыбкой. Казалось, онъ бралъ за шиворотъ своихъ оппонентовъ одного за другимъ и простымъ усиліемъ мысли бросалъ ихъ на полъ. Онъ съ нѣжностью говорилъ о только что ушедшемъ старомъ соціалистѣ, но слегка подсмѣивался надъ нимъ, какъ надъ человѣкомъ, проспавшимъ слишкомъ долго. „Религія?" — спрашивалъ онъ. — „Какая религія?". Энтузіазмъ... какой энтузіазмъ? Старикъ это призракъ умершаго и погребеннаго романтизма и идеализма, явившійся къ намъ изъ заоблачныхъ странъ. Романтизмъ — величайшая

ересь, ее нужно изгнать навсегда и изъ искусства, и изъ жизни.

Сначала Пруденсъ возмутилась до глубины души. Все, что она привыкла лелѣять съ дѣтства, какъ жизненный бальзамъ, все это безпощадно высмѣивалось этимъ человѣкомъ.

Рыцарство устарѣло. Идеализмъ—пустое слово; пора его замѣнить серьезнымъ изученіемъ естественныхъ наукъ, ибо только ими держатся человѣческія отношенія.

Пруденсъ готова была плакать. Ее насильно вернули въ холодную, мрачную страну, откуда, какъ ей казалось, она вырвалась навсегда. Положительно, эта теорія человѣческихъ отношеній создана тѣмъ, у кого чего-то не хватаетъ, точь въ точь, какъ если бы человѣкъ, лишенный рта, началъ говорить о вкусной пищѣ или лишенный носа—писать поэмы о благоуханіи прекрасныхъ цвѣтовъ.

То, что Леонардъ говорилъ въ музеѣ, пробудило въ ней новыя мысли, новыя надежды, и теперь все это разбивалось одной діалектикой неизвѣстнаго ей оратора. Жестокость сверкала въ его глазахъ, повидимому, онъ находилъ удовольствіе повергать въ прахъ... не людей, а идеалы. Но чѣмъ другимъ, если не идеалами она могла жить теперь, послѣ всего, что съ ней было, послѣ отчаянной борьбы изъ-за куска хлѣба, борьбы, которая предстоитъ ей и въ будущемъ.

Однако его блестящее остроуміе постепенно захватило ее. Какое ей дѣло до того, правду онъ говоритъ, или нѣтъ, разъ онъ говоритъ такъ увлекательно? Она стала смѣяться вмѣстѣ съ другими, не переставая въ то же время ненавидѣть его.

Когда онѣ съ Лаурой вышли изъ комнаты, то увидѣли Леонарда, который ждалъ ихъ у дверей.

Лаура узнала его, такъ же, какъ и онъ ее, хотя встрѣча съ ея стороны была горячѣе. Онъ привѣтливо поздоровался съ Пруденсъ.

— Я наблюдалъ за вами обѣими все время, хоть вы и не смотрѣли въ мою сторону,—сказалъ онъ.—Я все надѣялся, что вы посмотрите на меня, и только, услышавъ крики: „Люціанъ“, сдался и уступилъ ему мѣсто.

— Мы могли бы очистить вамъ мѣстечко возлѣ насъ,—сказала Пруденсъ.

— Все равно, я не могъ бы протолкаться къ вамъ. Слишкомъ уже много набилось народу.

— Я начала уже думать, что вы уѣхали куда-нибудь отдыхать.—сказала Пруденсъ.

— Нѣтъ, я не могъ забросить своихъ пріятелей такъ надолго.

— А какъ вамъ нравится этотъ господинъ. Я говорю о мистерѣ Люціанѣ. Что вы думаете о немъ?—сказала Лаура.

— Сначала пусть выскажутся дамы.

— Если только онѣ успѣли составить себѣ какое-нибудь опредѣленное мнѣніе. А если нѣтъ?.. Лучше всего, въ видѣ компромисса, послушаемъ, что говорятъ о немъ въ толпѣ.

— Хорошая мысль.

Выходящая толпа, естественно, говорила, только объ одномъ: о послѣднемъ ораторѣ. Многіе голоса звучали восторженно, точно обладатели ихъ вышли изъ заколдованнаго лѣса.

— Пришлось пропустить или трамвай, или Люціана. Хорошо, что я рѣшилъ пропустить трамвай.

— Да, этотъ бородатый старецъ нагналъ не меня изрядную тоску, и только Люціанъ развеселилъ меня немножко.

— Люціанъ хоть кого насмѣшитъ. Я, положительно, не могу удержаться отъ смѣха, когда слушаю его.

— Да онъ пребольно лягается, этотъ Люціанъ. Логика и самообладаніе изумительныя. Искры парадоксовъ такъ и сверкаютъ въ каждой фразѣ. Не думаете ли вы, что онъ призванъ спасти насъ, что онъ вѣрно понялъ суть дѣла?

— Какъ знать! Возможно...

— Этотъ человѣкъ типичный продуктъ нашего времени. Вѣдь недостаточно сказать, нужно еще умѣть заставить себя выслушать. О, тугоухая публика, какъ трудно завладѣть твоимъ вниманіемъ! Сколько великихъ людей умерло въ неизвѣстности!

— По моему, Люціанъ черезчуръ деспотиченъ. Онъ напоминаетъ мнѣ того корейскаго короля, который, въ пылу гнѣва, приказалъ „немедленно уничтожить всѣ національные пороки“.

— Это хорошій недостатокъ; тотъ, у кого его нѣтъ, похожъ на коробку фруктовыхъ консервовъ: сладко, но безвкусно.

Голоса замерли вдали.—Довольно съ насъ публики,—сказалъ Леонардъ.—Поговоримъ теперь сами.

— Начинайте, Пруденсъ,—сказала Лаура.—Я посмотрю. Я пропустила конецъ. „Продуктъ нашего времени“—вотъ на чемъ я остановилась.

— Чѣмъ же другимъ онъ можетъ быть?—сказала Пру-

денсъ, собравшись съ духомъ.—Современная система, естественно, выражается въ рѣчахъ современнаго талантливаго человѣка и выражается хорошо.

— Съ этимъ я не согласенъ,—возразилъ Леонардъ.—Въ данномъ случаѣ мнѣ даже казалось, что современная система забиваетъ талантъ. Впрочемъ, что говорить, всетаки онъ честный демократъ.

— Демократъ, испорченный гостиными,—сказала Пруденсъ.

— Любитъ популярничать,—прибавила Лаура.

— А вниманіе публики? Нельзя не дорожить имъ. Что-жъ будешь дѣлать? - возразилъ Леонардъ.—Это просто свойство кельтической расы. Конечно, большая храбрость совмѣщать служеніе дѣлу и своимъ интересамъ. Это то, что французы называютъ *crânerie*. Вспоминается старый Генрихъ Четвертый, положившій, какъ будто случайно, хлыстъ на столъ, когда къ нему вошла депутація отъ парламента.

— Вотъ что?—засмѣялась Лаура.—Начинаю думать, что я сама наполовину кельтъ. Спасибо за комплиментъ.

По мнѣнію Пруденсъ Люціанъ былъ замѣчательно остроуменъ, когда разбиралъ по косточкамъ бѣлобородаго старика-идеалиста.

— Вѣрно, ну, да тотъ и стоилъ того,—сказала Лаура.

Леонардъ.—Идеалистъ! Романтикъ! На это я вамъ скажу: если вы не идеалистъ и не романтикъ, то лучше не пускайтесь въ литературу и никогда не говорите передъ публикой. Да развѣ и самъ Люціанъ не идеалистъ въ своемъ родѣ?

Лаура.—А вы думаете, онъ самъ не знаетъ этого? Но, пока людямъ нужно шутовство, что же ему стѣсняться? Это не въ натурѣ человѣка.

Леонардъ.—Совершенно справедливо, мы всѣ этимъ грѣшимъ. Немножко шутовства у него есть, если хотите, но всетаки его мазь исцѣляетъ усталыя руки.

Пруденсъ —Но приготовляетъ мазь не онъ, а аптекарь.

Леонардъ.—Да, но въ аптеку они не ходятъ, а Люціанъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, все же много дѣлаетъ для народа.

Лаура.—Не находите ли вы, что вѣрнѣйшее средство прослыть геніальнымъ—это просто говорить то, что думаешь?

Леонардъ.—Да, но только это должно быть именно то, что вы думаете, а отнюдь не то, что вы хотите показать, что думаете. Когда человѣкъ говоритъ самъ съ собой, онъ никогда не говоритъ эпиграммами: „великіе люди разговариваютъ между собой", сказалъ Милле, когда ураганъ клонилъ къ землѣ деревья. „Я не знаю, о чемъ они говорятъ, но думаю, что не пускаются на каламбуры".

Лаура.—Люціанъ совершенно не заслуживаетъ такого обвиненія.

Леонардъ.—Я и не виню его. Впрочемъ, вы правы, заступаясь за него, вѣдь онъ ваша креатура.

Лаура.—Моя?

Леонардъ.—Да и ваша, какъ представительницы вашего пола. Нашъ вѣкъ—вѣкъ женщинъ. Ихъ спросомъ управляется предложеніе во всѣхъ родахъ искусства. Онѣ главные потребители произведеній поэзіи, живописи, музыки. Архидіаконъ церкви св. Іоанна—дамскій проповѣдникъ, Люціанъ—дамскій политико-экономъ, модный лекторъ Мейфэра—дамскій философъ.

— Ну, намъ здѣсь поворачивать,—сказала Лаура, подавая руку Леонарду.—Въ другой разъ поговоримъ еще, а теперь прощайте.

Черезъ минуту дѣвушки уже потеряли его изъ виду.

— Всетаки это лучше, чѣмъ зарываться въ свою нору, сказала Лаура, прощаясь съ Пруденсъ.—По крайней мѣрѣ, чувствуешь себя живымъ человѣкомъ. Мнѣ онъ нравится.

— Который изъ двухъ.

— Оба.

XXX.

„Я вернулась въ городъ, дорогая Пруденсъ, и прошу васъ зайти ко мнѣ сегодня вечеромъ, хотя бы только для того, чтобы показать, что вы не сердитесь за мое долгое молчаніе. Вы должны придти изъ великодушія, чтобы дать мнѣ случай оправдаться передъ вами. Я слышала, что у васъ есть собака; приходите съ нею.

«И, если можете, узнайте, въ какой мѣрѣ можетъ быть мнѣ полезна та служанка, которая была у васъ. Теперь у меня есть прислуга, которая и стряпаетъ обѣдъ, и убираетъ комнаты, но, къ сожалѣнію, она иностранка и плохо справляется одна.

P. S. Ваша можетъ придти въ любой вечеръ, хоть сегодня же. Всего хорошаго.—Гертруда“.

На письмѣ былъ штемпель Грайсъ-Инна. Едва успѣвъ прочитать его, Пруденсъ написала Сарѣ, прося ее придти, чтобы узнать о новомъ мѣстѣ.

На нее пахнуло чѣмъ-то далекимъ, полузабытымъ. Итакъ, она опять встрѣтится со своей старой подругой, послѣ долгой разлуки, если не считать ихъ мимолетной встрѣчи въ Сити. Когда Пруденсъ вернулась изъ своего путешествія по провинціи, Гертруды въ городѣ не было, а въ „Желѣзномъ Клеймѣ“ появились какіе-то темные намеки на „новый куль-

Въ „уѣздномъ“ городѣ.

(*Изъ Англіи*).

I.

Объ Англіи на русскомъ языкѣ теперь имѣется большая литература. Переведены давно уже лучшія научныя, беллетристическія и поэтическія произведенія. Нѣкоторые англійскіе историки, философы, публицисты и поэты извѣстны лучше нашей публикѣ, чѣмъ на родинѣ. Стоитъ назвать только Бокля, Льюиса, Спенсера и Байрона. До извѣстной степени то же самое можно сказать о Диккенсѣ. Конечно, каждый англичанинъ состоитъ «въ подозрѣніи знанія» произведеній одного изъ величайшихъ беллетристовъ XIX вѣка. Въ дѣйствительности же большая публика знакома съ однимъ или двумя романами Диккенса, прочитанными въ дѣтствѣ да съ нѣсколькими цитатами, ставшими ходячей мелкой монетой и сдаваемыми ежедневно газетными публицистами, какъ показатель накопленнаго ими литературнаго капитала. Таково, напр., испуганное восклицаніе Бёмля въ *Оливерѣ Твистѣ*: «He wants more» (онъ хочетъ еще), остроты младшаго Уэллэра (*Пикквики*) и пр.

Существуетъ у насъ литература, посвященная различнымъ отдѣльнымъ вопросамъ экономической, политической и соціальной жизни Англіи. Переведенъ, наконецъ, цѣлый рядъ очень хорошихъ книгъ, задающихся цѣлью дать общую картину жизни народа. Тутъ и Тэнъ, и Луи-Бланъ, и Бутми, и Леклеркъ. И что же въ результатѣ? Растворился ли весь этотъ громадный и богатый матеріалъ въ массѣ большой публики (о народѣ нечего уже и говорить)? Въ лучшемъ случаѣ, средній обыватель у насъ знаетъ кое-что по отдѣльнымъ вопросамъ экономической и политической жизни Англіи: о парламентѣ, коопераціяхъ, университетскихъ поселеніяхъ, трэдъ-юніонахъ. Иногда онъ имѣетъ представленіе (и крайне одностороннее) объ Австраліи или Новой Зеландіи («Счастливые острова»). Вообще же, судя по всему, представленіе большой публики объ Англіи, несмотря на богатый матеріалъ, очень

смутное. Оно можетъ быть все формулировано извѣстными стихами Хомякова:

„Какъ свѣтло вѣнецъ науки
Блещетъ надъ твоей главой,
Какъ высоки пѣсенъ звуки,
Міру брошенныхъ тобой!
Вся облита блескомъ злата,
Мыслью вся озарена,
Ты счастлива, ты богата,
Ты роскошна, ты сильна".

Если представитель большой публики принадлежитъ къ почитателямъ «Новаго Времени» или «Свѣта», то его представленіе объ Англіи можно сжать въ два слова: «Коварный Альбіонъ». Но это между прочимъ.

Какъ живутъ въ Англіи рядовые, мирные обыватели, въ глухой провинціи, далеко отъ водоворота политическихъ страстей? Какъ сложилась ихъ будничная, повседневная жизнь? Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ «Русскомъ Богатствѣ» была описана «Англійская губернія», т. е. центральный городъ графства. Попытаюсь теперь дать абрисъ глухого «уѣзднаго» городка. Мнѣ представляется сейчасъ же раскинутый, утопающій весною и осенью въ грязи степной уѣздный городъ А—я. По обѣимъ сторонамъ улицы, изъ которыхъ вымощена, да и то плохо, только одна— жалкіе, нелѣпые, безвкусные дома. При одномъ только взглядѣ на нихъ охватываетъ тоска. Въ городѣ около 20-ти тысячъ жителей; но они сами не знаютъ, зачѣмъ они живутъ и чѣмъ скрашена ихъ жизнь? Городъ извѣстенъ своей некультурностью и дикостью. Мѣстные остряки, покушающіеся на знаніе исторіи, прозвали А—ію Караколпакіей. Такъ какъ провинціальное остроуміе у насъ вертится вокругъ неприличнаго, то А—ія имѣетъ еще другое прозвище, состоящее изъ сочетанія двухъ словъ, французскаго и русскаго, глубоко національнаго и абсолютно нецензурнаго. Караколпаки, кажется, никогда не жили тамъ, гдѣ теперь А., но во времена скиѳовъ, навѣрное, тутъ людямъ жилось умнѣе, интереснѣе и разнообразнѣе. Жизнь той части населенія города, которая могла бы устроиться лучше, исчерпывалась картами, пьянствомъ, дебошами и грубымъ развратомъ, вонючимъ и грязнымъ, какъ тѣ лужи на улицахъ, въ которыхъ валялись свиньи. Безсмысленная жестокость, полное неуваженіе къ чужой личности, поразительное невѣжество! Люди, считавшіе себя интеллигентными, ругались мерзкой бранью даже въ присутствіи своихъ женъ. Во всемъ городѣ получалась одна книжка толстаго журнала, шесть нумеровъ «Нивы» и двѣ газеты. Въ лавкѣ можно было достать шампанское самой лучшей марки, но во всемъ городѣ не было книжнаго магазина. При клубѣ имѣлась библіотека, но невѣроятно жалкая, съ истрепанными, разрозненными томами, съ романами, поля которыхъ

испещрены неприличными замѣчаніями и нецензурными пасквилями на дочерей и женъ обывателей. Въ клубѣ этомъ пьянствовали, играли въ карты и били другъ друга по лицу. Зажиточные люди жили въ грязи, не стыдились своего поразительнаго невѣжества. Иногда злой рокъ заносилъ въ А—ію бродячую труппу актеровъ. Господа офицеры тогда смотрѣли на всѣхъ молодыхъ актрисъ, какъ на свою добычу. Въ А—іи было и городское самоуправленіе, и земство; но большею частью его заполняли какіе-то господа каменнаго вѣка, хотя и одѣтые въ черные сюртуки и мундиры. Люди, считавшіе себя общественными дѣятелями, не умѣли выражаться литературно, не въ силахъ были поддерживать какой бы то ни было разговоръ, если дѣло шло не о картахъ, не о физіологическихъ особенностяхъ женщинъ, не о пьянствѣ и не о каверзахъ. Видный общественный дѣятель, который теперь предводительствуетъ тамъ союзомъ русскихъ людей, предлагалъ разъ «устроить публичную менструацію» (т. е. демонстрацію), если не «прогонятъ» врача, который не пришелся ко двору городу. Жизнь была тяжелая, угарная, липкая, скучная, прѣсная. На придачу надъ всѣмъ висѣла власть начальства, какъ злобная, дикая, разрушительная и не чуждая логики сила. Безъ начальства невозможно было повернуться. Оно всюду окружило обывательскую жизнь рогатками. А за этими рогатками виднѣлись другія, еще болѣе страшныя—губернскія власти. Обывателю онѣ казались сонмомъ кровожадныхъ чудищъ, съ свирѣпымъ и безсмысленнымъ въ своей жестокости Вицли-Пуцли-губернаторомъ во главѣ. Всѣ, имѣвшіе какое-нибудь право быть причисленными къ сонмищу начальства, занимались грубымъ, открытымъ грабежомъ смиреннаго обывателя и мужика. Въ городскомъ банкѣ воровали открыто. Всѣмъ было извѣстно, какъ берутся тамъ деньги. Полиція, «присутствіе»—всѣ грабили, совершенно не конспирируя. Митя Карамазовъ задаетъ щекотливый вопросъ Петру Ильичу, чиновнику молодому, способному и честному:

— Хотѣлъ я спросить тебя кстати: кралъ ты когда что въ своей жизни аль нѣтъ?

— Это что за вопросъ?

— Нѣтъ, я такъ. Видишь, изъ кармана у кого-нибудь, чужое? Я не про казну говорю, казну всѣ дерутъ и ты, конечно, тоже».

Мы въ Россіи къ этому такъ привыкли, что, только поживши за границей, начинаемъ ужасаться тѣмъ, что происходило на нашихъ глазахъ. Въ провинціи мы ежеминутно сталкиваемся съ форменными ворами, въ эполетахъ и въ вицъ-мундирахъ. Обыватель не только принималъ такихъ воровъ, но считалъ даже за честь знаться съ ними. Провинціальное начальство по отношенію къ народу представляло какую-то грандіозную грабиловку, форменную шайку въ родѣ той, къ которой попалъ Жиль Блазъ; но только тутъ роли перемѣнились. У Лесажа воры прятались въ под-

земельи, а мирные обыватели жили открыто. У насъ въ провинціи—мирные обыватели прятались, а воры жили открыто и получали въ награду на шею не веревку, какъ товарищи «seigneur Rolando», а Анны. Такъ было «до конституціи». Теперь въ «Караколпакіи», которую я описывалъ выше, горшія времена, чѣмъ были въ годы набѣговъ ордынцевъ. Городъ превращенъ въ своего рода Уганду или Дагомею до пришествія европейцевъ, когда по капризу властелина воздвигались тамъ висѣлицы и устраивалась рѣзня народовъ. Невозможное осуществилось. Проекты, составленные когда то Щедринымъ, проводятся въ жизни. Провалову, Кривосудову и Хватайкѣ (герой капнистовской *Ябеды*) нужно было запрещать какихъ-нибудь сто двадцать лѣтъ тому назадъ подписываться въ прошеніи «рабъ». Ему нужно было втолковывать, что если его высѣкутъ, то это унизитъ его, какъ дворянина. Теперь внуки Хватайки съ аппломбомъ говорятъ о себѣ, какъ объ исключительномъ классѣ, и требуютъ себѣ власти надъ народомъ. Когда-то щедриновскій Петръ Толстолобовъ только мечталъ о «децентрализаціи» и «вооруженіи власти». «Децентрализацію» онъ понималъ такъ: «чтобы, значитъ, вездѣ, по всему лицу земли... по зубамъ, чтобы бить свободно было». Теперь проектъ расширенъ и осуществленъ въ жизни. Повелители 50-ти русскихъ Угандъ и Дагомей могутъ теперь свободно не только бить, но вѣшать, разстрѣливать, жечь города и *пытать* *). Когда-то корнетъ Толстолобовъ вожделѣлъ только на бумагѣ—«Уѣзды раздѣлить на округа (по четыре на уѣздъ), и въ каждомъ округѣ учредить изъ благонадежныхъ и знающихъ обстоятельства помѣщиковъ особливую коммиссію подъ наименованіемъ: «коммиссія для изслѣдованія благонадежности; членамъ сихъ коммиссій предоставить: а) опредѣлять степень благонадежности обывателей; б) дѣлать обыски, выемки и облавы и, вообще, испытывать; в) удалять вредныхъ и

*) Въ англійскихъ газетахъ „Tribune" и „Justice", затѣмъ во французской газетѣ „L'Humanité" появились точно формулированныя объявленія, которыя въ Англіи вызвали взрывъ страшнаго негодованія. Въ газетахъ этихъ говорится про пытки политическихъ заключенныхъ въ Ригѣ, Варшавѣ и въ Одессѣ. Въ особенности категоричны и обстоятельны обвиненія, приведенныя въ „Justice". Корреспондентъ этой газеты описываетъ застѣнокъ въ Ригѣ, называетъ пострадавшихъ, говоритъ о выбиваніи зубовъ, втыканіи иглъ подъ ногти, вырываніи волосъ и сжиманіи при помощи клещей *testes*. Пытаемыхъ, по оловамъ „Justice", бьютъ резиновыми жгутами, носящими названія: „Божья милость", „Божья благодать" и проч. „L'Humanité" говоритъ о пыткѣ, которой подверглась въ Варшавѣ молодая дѣвушка Роткопфъ. Всѣ эти факты произвели на англичанъ потрясающее впечатлѣніе. „Неужели это правда?—слышатся вопросы.—Если это ложь, то почему ее не опровергаютъ? Если правда, то почему центральное правительство не отдаетъ немедленно подъ судъ организаторовъ застѣнковъ? Не можетъ же быть, чтобы правительство, объявившее войну Турціи за истязанія болгаръ, само планомѣрно ввело бы у себя такіе же ужасы". Впереди рядъ большихъ митинговъ.

неблагонадежныхъ людей, преимущественно избирая для поселенія мѣста необитаемыя и ближайшія къ Ледовитому океану». Теперь «власть вооружена» и можетъ сдѣлать не только это.

Изъ «Караколпакіи» мнѣ пишутъ о подвигахъ мѣстнаго властелина. И мнѣ кажется, что я читаю письмо не изъ Россіи, а докладъ Бертона, Спика или Стэнли о дѣлахъ въ центральной Африкѣ. Тотъ общественный дѣятель, который когда то призывалъ «устроить публичную менструацію», теперь—предсѣдатель мѣстныхъ «союзниковъ». Откуда только онъ набралъ свою шайку? По какимъ острогамъ, кабакамъ и балкамъ сидѣли прежде эти люди, которые теперь держатъ въ страхѣ провинціальный городъ. Это—та же опричина, только со значкомъ, вмѣсто собачьей головы и съ резиновымъ жгутомъ, вмѣсто метлы.

И, при чтеніи письма пріятеля, меня занималъ безпрерывно вопросъ: и какъ они живутъ въ «Караколпакіи» при такихъ ужасныхъ условіяхъ? Какъ городъ не разбѣжался еще, подобно тому, какъ уходили, два вѣка тому назадъ, колонисты «Дикаго поля», когда разносился слухъ о появленіи орды изъ Крыма. Обусловливается ли это тѣмъ, что двѣсти лѣтъ тому назадъ было куда убѣгать и гдѣ прятаться, тогда какъ теперь всюду бродитъ новая опричина со значками и жгутами?

Когда-то большіе города представляли безусловную защиту. Теперь бѣженецъ изъ Караколпакіи подвергается попасть изъ кулька въ рогожку, если изъ А. убѣжитъ въ Каульбарсію.

Самое страшное—нелѣпость и безсмысленность для центральной власти всей этой опричины, превратившей нѣкоторые наши провинціальные города, какъ, напримѣръ, Одессу, въ настоящій адъ. У баскаковъ, дравшихъ земщину на правежѣ, все же былъ опредѣленный планъ: выколачиваніе «выхода» (т. е. дани) для хана. Соловьевъ свидѣтельствуетъ, что съ первыхъ же лѣтъ татары, въ собственныхъ интересахъ, перестали раззорять русскія деревни и города, подчинившіеся ордѣ. Какая цѣль преслѣдуется при раззореніи собственной страны теперь? Какой смыслъ даже для деспотіи ломать всякій престижъ суда, уничтожать представленіе о справедливости, натравлять на мирное населеніе разбойничьи шайки?

Мнѣ хочется теперь хоть въ самыхъ общихъ чертахъ набросать картину англійскаго глухого города, какъ антитезу русскаго.

II.

Предварительно два слова о моемъ пріятелѣ, мэрѣ крошечнаго, очень стариннаго городка Шафтсбери, въ графствѣ Дорсетъ. Городокъ, что уже большая рѣдкость въ Англіи, лежитъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ желѣзной дороги. Обусловливается это тѣмъ,

что древніе бриты, заложившіе городокъ еще въ IV вѣкѣ до Р. Х., выстроили его, съ стратегической цѣлью, на самомъ гребнѣ горы. Съ понятіемъ *мэръ* глухого, крошечнаго городка ассоціируется у читателя, вѣроятно, представленіе о городскомъ головѣ Куцынѣ въ чеховскомъ разсказѣ «Левъ и солнце» или о грубомъ, полуграмотномъ купцѣ, умѣющемъ только брать изъ общественнаго банка деньги подъ росписки кучера и свояченицы. И читатель будетъ совершенно не правъ. Мой пріятель—«джентельмэнъ», въ лучшемъ смыслѣ этого слова, отлично образованный, мѣстный «сквайръ» и врачъ. Врачебной практикой онъ занимается, главнымъ образомъ, изъ любви къ дѣлу, такъ какъ въ матеріальномъ отношеніи онъ совершенно обезпеченъ. Года три тому назадъ пріятель былъ избранъ муниципальнымъ совѣтникомъ города, а въ этомъ году—мэромъ. Какъ предсѣдатель муниципальнаго совѣта, мэръ въ то же время и магистратъ, т. е. мировой судья. Англійскимъ муниципальнымъ совѣтникамъ нечего считаться съ волею представителя центральной власти въ графствѣ, т. е. съ лордомъ-намѣстникомъ, постъ котораго исключительно декоративнаго характера. Каждый англійскій городъ—самостоятельная, самоуправляющаяся единица. Не только лордъ-намѣстникъ, но даже премьеръ не имѣетъ права вмѣшиваться въ муниципальныя дѣла. Мэръ не нуждается въ утвержденіи начальства. Крошечный Шафтсбери фактически такая же муниципальная республика, какъ и въ VIII вѣкѣ, когда Альфредъ Великій выстроилъ вмѣсто языческаго храма бенедиктинскій монастырь. Теперь отъ аббатства остались только стѣны, такъ какъ самое зданіе разрушено во времена Кромвеля.

Гаррисъ,—такъ зовутъ мэра,—по взглядамъ радикалъ. Какъ это часто встрѣчается въ Англіи,—радикализмъ передается по традиціи въ семьѣ.

До Шафтсбери отъ Лондона—верстъ 200. Кончился душный, грязный, закопченный городъ, представляющій цѣлый океанъ каменныхъ домовъ. Океанъ этотъ съ каждымъ годомъ все больше и больше выступаетъ изъ береговъ и заливаетъ поля кирпичными волнами новыхъ улицъ. Оффиціально Лондонъ является федеративнымъ союзомъ 29 самостоятельныхъ муниципалитетовъ съ центральнымъ парламентомъ—County Council, т. е. совѣтомъ лондонскаго графства. Въ дѣйствительности теперь трудно опредѣлить, гдѣ кончается федеральный союзъ и начинаются другіе города, тоже самостоятельные, какъ Ричмондъ, Кингстонъ, Теддингтонъ и др. Этотъ прогрессивный разливъ океана каменныхъ домовъ грозитъ превратить Лондонъ въ приморскій городъ: однѣ улицы его когда нибудь доползутъ до Нѣмецкаго моря, а другія—до Па-де-Калэ. Съ этой перспективой борется теперь, такъ называемая, Garden City Association, имѣющая цѣлью создать въ Англіи новый типъ городовъ, окруженныхъ садами. Проектъ былъ выработанъ въ началѣ двадцатаго вѣка. Каждый домъ идеальнаго го-

рода долженъ имѣть свой участокъ земли, не меньше, чѣмъ въ $^1/_{10}$ акра. Городъ долженъ быть окруженъ своими собственными огородами, полями и садами, чтобы жители имѣли постоянный подвозъ свѣжей провизіи. Въ идеальномъ городѣ фабрики не должны отравлять воздухъ дымомъ, а рѣку—отбросами. Затѣмъ городъ будущаго, конечно, долженъ отличаться удобствомъ сообщенія, хорошей канализаціей, дешевымъ освѣщеніемъ. Населеніе владѣетъ городомъ на кооперативныхъ началахъ, поэтому «незаработанное приращеніе» т. е. прогрессивно увеличивающаяся часть ренты идетъ не лэндлорду, а въ городскую казну. Такимъ образомъ, городскіе налоги по мѣрѣ роста населенія будутъ не увеличиваться, какъ теперь, а уменьшаться. Удобство Garden City, по мнѣнію составителей проекта, заключается еще въ томъ, что фермеръ будетъ имѣть постоянно обезпеченный рынокъ; вслѣдствіе обилія мелкихъ земельныхъ участковъ явится большая возможность для примѣненія труда; сельскіе работники получатъ всѣ удобства городской жизни. Таковы основныя черты первоначальнаго плана *). До появленія проекта въ Англіи дѣлали частныя попытки созданія идеальныхъ въ гигіеническомъ и санитарномъ отношеніи городковъ. Таковъ Port Sunlight, выстроенный на рѣкѣ Мерсей братьями Ливеръ, богатыми мыловарами; таковъ Bournville, выстроенный подъ Бирмингэмомъ квакеромъ Кэдбюри, извѣстнымъ шоколаднымъ фабрикантомъ. Душою Garden City Association явился Эбинезеръ Говардъ, книга котораго «To-Morrow» произвела въ свое время сильное впечатлѣніе. По иниціативѣ Говарда образовалось, наконецъ, общество съ капиталомъ въ 300.000 ф. ст. Года два тому назадъ оно купило близь Летчворта участокъ земли въ 3818 акровъ и приступило къ постройкѣ перваго кооперативнаго идеальнаго города. Въ настоящій моментъ дѣло обстоитъ такъ. Проведены вода и газъ, проложенъ дренажъ и построена временная желѣзнодорожная станція. Городъ распланированъ такъ, что фабрики стоятъ совершенно обособленно, при линіи желѣзной дороги. Выстроено больше 300 домовъ—особнячковъ, окруженныхъ садами. Всѣ эти дома разобраны уже. Въ городѣ имѣются уже лавки, почта, телеграфъ, телефонъ и два банка **). На послѣдней лондонской выставкѣ кооператоровъ можно было видѣть модели домовъ въ первомъ идеальномъ городѣ, поражавшіе своимъ изяществомъ, удобствомъ и дешевизной. Городъ разсчитанъ, главнымъ образомъ, на населеніе, живущее трудами рукъ своихъ: на работниковъ, клэрковъ и пр. Домикъ въ 5 комнатъ, хорошенькій, какъ игрушка, окруженный садикомъ, идетъ за 9—11 шил. въ недѣлю. Квартирная плата погашаетъ, въ концѣ концовъ, стоимость дома, и квартиранты становятся собственниками его.

---

*) Daily Mail Jear Book, 1905, p. 109.
**) См. Hazell's Annual, 1907, p. 188.

Лондонъ по положенію своему очень нездоровый городъ: дожди, гуманы «Лондиніума» (древнее названіе города) и губительные восточные вѣтры, приносящіе съ собою бронхиты и простуды всякаго рода, извѣстны были еще Тациту. Затѣмъ на небольшой сравнительно площади скучены шесть милліоновъ человѣкъ. Все, повидимому, обѣщаетъ высокую смертность; но энергичное, талантливое, свободное населеніе побороло неблагопріятный климатъ и болѣзни, порожденныя скученностью. При помощи отличной канализаціи, парковъ, луговъ для игръ, удобныхъ и комфортабельныхъ жилищъ, дешевой и здоровой пищи, дешевизны теплаго платья (послѣдствіе свободной торговли) англичане добились того, что въ нездоровомъ Лондонѣ коэффиціентъ смертности теперь отъ 13—16 на тысячу (въ зависимости отъ богатства квартала), тогда какъ въ благодатномъ Неаполѣ—29, а въ Москвѣ—далеко за тридцать. На послѣднемъ съѣздѣ британской ассоціаціи докладчикъ по секціи гигіены высказалъ увѣренность, что въ идеальныхъ городахъ смертность упадетъ до 11 и даже до 10 на тысячу. Идеальные города имѣютъ еще одну важную цѣль: охранять здоровье младенцевъ. По вычисленію Виктора Фишера *) смертность младенцевъ въ богатыхъ лондонскихъ семьяхъ составляетъ 8%, а въ бѣдныхъ—40%. Въ маленькихъ городахъ, населенныхъ зажиточными людьми, процентъ смертности еще ниже 8:

Въ Уимблдонѣ	7,2%
„ Бромлей	6,7
„ Гилдфордѣ	6,5

Рядомъ же въ городкахъ съ рабочимъ населеніемъ смертность гораздо выше:

Въ Мэкерфильдѣ	20,3%
„ Берслэмѣ	20,5%
„ Фарнуортѣ	22,8%

Такимъ образомъ, въ рабочемъ Фарнуортѣ ежегодно на 1000 младенцевъ умираетъ на 163 больше, чѣмъ въ зажиточномъ Гилфордѣ. Шелли когда то обращался къ англійскимъ работникамъ со стихами:

„The seed ye sow another reaps,
The wealth ye find another keeps;
The robes ye weave another wears;
The arms ye forge another bears".

(т. е. «Сѣмена, засѣваемыя вами, пожинаетъ другой; богатства, находимыя вами,—забираетъ себѣ другой; платье, которое вы ткете, носитъ другой; оружіемъ, выковываемымъ вами, пользуется другой»). Младенцы бѣдняковъ могутъ жаловаться также, что жизнь у нихъ отнимаютъ дѣти богатыхъ. Только радикальное переустройство общества на новыхъ началахъ можетъ устранить то явленіе,

*) The Babies. Tribute to the Modern Moloch, London, 1907, p. 3.

которомъ говорится въ стихахъ Шелли; но право на жизнь можетъ быть гарантировано, до извѣстной степени, всѣмъ младенцамъ въ идеальномъ городѣ. Garden City доставляетъ всему населенію возможность получать дешевое и хорошее молоко. Насколько это важно, можно видѣть по примѣру двухъ сосѣднихъ лондонскихъ округовъ Батерси и Ламбетъ. Семь лѣтъ тому назадъ смертность дѣтей въ обоихъ округахъ была одинакова. Затѣмъ муниципалитетъ Батерси завелъ собственныя молочныя фермы и лавки съ стерилизованнымъ молокомъ. И вотъ смертность младенцевъ въ Батерси понизилась на 50%.

III.

Изъ окна вагона видны убѣгающія поля, покрытыя зеленью, несмотря на февраль. Мы въ самомъ сердцѣ земледѣльческаго раіона Англіи, на равнинахъ подъ городомъ Солсбри, уходящихъ на сѣверъ, гдѣ находится одинъ изъ самыхъ поразительныхъ памятниковъ каменнаго вѣка—Стонэнджъ. Это — циклопическая постройка, состоящая изъ громадныхъ каменныхъ глыбъ, поставленныхъ на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, и изъ такихъ же плитъ, лежащихъ на нихъ. Вся постройка образуетъ кругъ, въ центрѣ котораго лежитъ въ наклонномъ положеніи, подъ угломъ градусовъ въ 45, каменная плита сажени въ три. Это «Монаховъ каблукъ» (Friar's Hell), какъ его называютъ здѣсь. Въ аллеѣ изъ каменныхъ столбовъ, ведущихъ къ кругу, находится высокій, плоскій камень—«алтарь»,—подобный тому, на которомъ друиды, по словамъ Юлія Цезаря, приносили человѣческія жертвы. Археологъ д-ръ Тернхэмъ замѣтилъ, что если стать на алтарь и смотрѣть черезъ наклоненный камень «Монаховъ каблукъ», то можно видѣть восходъ солнца въ Ивановъ день (22 іюня). Этотъ день, какъ извѣстно, считался священнымъ у друидовъ, а также и у славянъ. Теперь Стонэнджъ остался каменной шелухой умершей давнымъ давно вѣры. Будетъ время, когда къ этому этапу человѣческой мысли прибавятся каменные обломки другихъ культовъ, волновавшихъ человѣчество и приносившихъ ему то радость, то величайшія несчастья. Въ дикой и невропатической поэмѣ, «Les Messes Noires», написанной, однако, съ большой силой, поэтъ Роланъ Бреванъ (Brévannes) предвидитъ смѣну установленнаго культа — другимъ, сатанинскимъ.

„Tu peux t'enorgueillir, Satan,
Ton pouvoir est immense,
Ton royaume s'étend
Du sein de cette glèbe où germe la semence
Jusqu'aux replis du coeur humain,
Où poussent passions et vices.
Tu seras seul maître demain“ *).

*) Roland Brévannes, „Les Messes Noires“, deuxième tableau, scène III

(т. е. «Ты можешь гордиться, сатана. Власть твоя безгранична. Царство твое простирается отъ снопа, въ которомъ зрѣетъ зерно, до закоулковъ человѣческаго сердца, гдѣ растутъ страсти и пороки. Завтра ты станешь единственнымъ властелиномъ»). Новый культъ, когда онъ явится, будетъ, однако, не поклоненіемъ сатанѣ, т. е. насилію. Довольно человѣчество имѣло его при прежнихъ культахъ! «Homo homini *Deus* est»,—такова вѣра, основанная на глубокомъ уваженіи къ чужой человѣческой личности. Новый культъ установитъ гармонію между тѣломъ и духомъ, нарушенную со времени гибели эллинскаго міра. Онъ опять освятитъ страсти. Въ этомъ отношеніи, авторъ «Les Messes Noires», пожалуй, правъ; но то будетъ культъ жизнерадостный, здоровый, разумный, добрый, а не мрачный, паталогическій, истеричный и жестокій, формулированный въ упомянутой поэмѣ стихомъ:

„Il n'est plus qu'une loi: Votre Lubricité"!

Я позволю себѣ не переводить этого восклицанія сатаны въ поэмѣ Бревана.

А изъ окна вагона по прежнему видны убѣгающія зеленыя поля, раздѣленныя рядами голыхъ деревьевъ и изрѣзанныя во всѣхъ направленіяхъ проволочными загородками. Можно подумать, что въ Англію прибило бурей нѣсколько свифтовскихъ великановъ, которымъ пришла охота сшить свои зеленыя одѣяла проволокой и покрыть ими равнину и холмы, а чтобы одѣяло не пузырилось вѣтромъ, его приткнули къ землѣ рядомъ палокъ...

Сонная станція Семли. Отсюда до Шафсбери нужно ѣхать на лошадяхъ. Меня встрѣчаетъ краснощекій, широкоплечій пріятель, выѣхавшій на станцію въ кабріолетѣ. По деревенскому положенію онъ въ гетрахъ изъ желтой кожи и въ красномъ жилетѣ съ золотыми пуговицами. Мы начинаемъ взбираться на гору, на которой двадцать три вѣка тому назадъ заложенъ городъ. Кругомъ идеальная тишина, особенно поразительная послѣ Лондона. Мирно и сонно стоятъ отдѣльныя фермы, обвитыя плющемъ. Совершенно не вѣрится, что здѣсь—арена цѣлаго ряда аграрныхъ возстаній. Здѣсь набирались крестьяне, съ которыми Кетъ Кожевникъ (Kett the Tanner) привелъ въ ужасъ всю помѣщичью Англію. Въ началѣ XIX вѣка тутъ происходили безпрерывные аграрные безпорядки. Сельскіе работники собирались по ночамъ на тайные митинги, помѣщики получали подметныя письма, наполненныя угрозами. Горизонты часто освѣщались пожарами: то горѣли подожженныя неизвѣстной рукой скирды, дома и амбары. Возмущеніе было подавлено. Вождей выслѣдили, арестовали и судили. Нѣкоторые поплатились жизнію, другіе—изгнаніемъ въ Австралію. Но что же нашли, когда все успокоилось?—говоритъ Гарніеръ.—Только то, что бѣдняки ненавидятъ богатыхъ, и что правительство не подозрѣваетъ всей серьезности кризиса. Прошло четырнадцать лѣтъ послѣ подавленія аграр-

ныхъ безпорядковъ. Правительство ничего не сдѣлало для народа *), и безпорядки вспыхнули съ новой силой. Правительству поданъ былъ цѣлый рядъ петицій, въ которыхъ доказывалась настоятельная необходимость радикальныхъ реформъ. Опять запылали скирды и риги въ графствахъ Кентъ, Сосексъ, Серрей и Дорсетъ... Въ сто лицѣ и въ провинціальныхъ городахъ на стѣнахъ появились прокламаціи, налѣпленныя неизвѣстной рукой. Содержаніе ихъ было всегда одно и тоже: «Къ оружію! Свобода или смерть!» Такая же литература подбрасывалась на ярмаркахъ и рычкахъ» **). Какъ давно все это было, и какъ сильно измѣнилась жизнь въ Англіи за 75 лѣтъ! Сословная, помѣщичья Англія, породившая столько страданій и несчастій—умерла. Народъ вырвалъ свою волю изъ рукъ помѣщиковъ. Теперь всѣ усилія направлены на то, чтобы вырвать также всю землю. Англичане долго приспособляются, прежде чѣмъ ухватятся и потянутъ. За то, разъ схватившись, не выпустятъ изъ рукъ. Чѣмъ больше сопротивленіе, тѣмъ въ большую ярость приходятъ тянущіе. Въ Англіи это извѣстно, и нужно отдать справедливость англійскимъ консерваторамъ: они всегда умѣютъ понять наступленіе того момента, послѣ котораго не отдавать становится не выгодно и опасно. Такъ было съ волей, то же самое будетъ съ землей.

Надвигалась ночь, сырая, туманная. Съ трудомъ можно было различить деревья, убѣгающія по откосу горы куда то въ темноту, какъ будто спасаясь отъ грустнаго настроенія, принесеннаго этой холодной, безпроглядной ночью. Незнакомыя пустынныя мѣста, ночью сразу, такъ сказать, снимаютъ съ воображенія барьеры, накопленные опытомъ. Фантазія безъ удержу вырывается со стремительностью горнаго озера, прорвавшаго сковывавшую его дамбу. Для фантазіи нѣтъ тогда границъ... А мы все ползли въ гору по великолѣпно устроенной дорогѣ. Вотъ, наконецъ, замелькали въ туманѣ огоньки города. Показались неясные силуэты домовъ. Лошадь пошла быстрѣе, и черезъ нѣсколько минутъ мы остановились у дома мэра. Гаррисы живутъ въ Шафсбери много вѣковъ. Ихъ домъ, во всякомъ случаѣ половина его, насчитываетъ уже четыре вѣка. Вторая половина—современная. Въ старинной части дома можно видѣть почернѣвшія, массивныя дубовыя лѣстницы, громадные камины, съ украшеніями изъ кованной красной мѣди, тяжелую, основательную и удобную мебель изъ краснаго дерева, затѣмъ различныя реликвіи. Здѣсь нѣтъ холодныхъ, не уютныхъ, скучныхъ, «парадныхъ» комнатъ, отпирающихся только для важныхъ гостей, въ родѣ архіерея или губернатора. Семья гостепріимна и держитъ наготовѣ всегда двѣ-три комнаты для пріѣзжающихъ пріятелей; но англи-

*) Это было еще до перваго билля о реформахъ, когда вся власть находилась въ рукахъ помѣщиковъ.

**) „Russele M. Garnier", Annalls of the British Peasantry, London, 1895: p. p. 273—274.

чане, прежде всего, думаютъ о томъ, чтобы самимъ устроиться удобно и уютно и совершенно не понимаютъ поэтому запертыхъ, холодныхъ и скучныхъ «парадныхъ» залъ. Старинная мебель поставлена не для того, чтобы нагонять тоску своею чопорностью, а чтобы удобнѣе располагаться возлѣ пылающаго камина. Мальчикъ лѣтъ девяти, съ красными щеками и веселыми глазами, которые можно видѣть только у англійскихъ дѣтей, не забитыхъ заточеніемъ въ арестантскихъ ротахъ, которымъ имя русская гимназія,—вызвался показать мнѣ отведенную комнату. Мы поднялись во второй этажъ, прошли корридоръ и вошли въ своего рода маленькую портретную галлерею, съ громадной кроватью и пылающимъ каминомъ. Подъ нѣкоторыми портретами на стѣнѣ висѣли старинныя шпаги, алебарды, какія то дубины и топоры, должно быть, австралійскихъ дикарей. Замѣтивъ, что я разсматриваю портреты, мальчикъ вызвался быть моимъ гидомъ. Въ старинномъ домѣ были традиціи, которыми гордились. Вотъ портретъ основателя дома — Фрэнсиса Реджинальда Гарриса, спутника адмирала Дрэка, знаменитаго моряка и корсара временъ Елизаветы. Изъ потемнѣвшей рамы глядѣлъ человѣкъ въ шишакѣ, въ латахъ, съ подстриженной клиномъ бородой. Френсисъ Гаррисъ былъ сначала шкиперомъ каботажнаго судна, но «узкое море казалось тюрьмой для духа, рожденнаго для широкихъ подвиговъ». Гаррисъ поступилъ помощникомъ къ Дрэку и былъ въ плаваніи на кораблѣ «Лебедь». На этой крошечной посудинѣ въ 50 тоннъ, на которой теперь не рѣшились бы удалиться отъ берега больше, чѣмъ на пять миль, Дрэкъ бороздилъ океанъ у береговъ «Испанскаго континента», какъ называли тогда Америку, приставалъ къ берегу и свершалъ отчаянныя экспедиціи въ глубь страны, къ испанскимъ городамъ. Вотъ алебарда, взятая при штурмѣ Nombre de Dios; вотъ эта шпага вырвана изъ рукъ испанскаго командора при штурмѣ Порто Белло. Но корсары не только грабили. Они дѣлали великія географическія открытія. И мальчикъ съ гордостью разсказалъ мнѣ, какъ предокъ его съ вершины высокаго дерева на Панамскомъ перешейкѣ видѣлъ два океана, Атлантическій и совершенно неизвѣстный тогда— Тихій океанъ, въ который черезъ два года послѣ того вошелъ черезъ Магелановъ проливъ на кораблѣ «Пеликанъ» въ 100 тоннъ. Традиціи говорятъ мальчику о гордомъ, смѣломъ и *свободномъ* предкѣ. Этотъ никогда не ползалъ на брюхѣ предъ прочими, не именовалъ себя рабомъ; ему не нужно было доказывать, что его сѣчь нельзя... Въ борьбѣ съ испанцами онъ былъ безпощаденъ; но то былъ только ударъ стали противъ стали. Гаррисъ участвовалъ въ разгромѣ великой армады, но ни онъ, ни Дрэкъ никогда не громили собственныхъ согражданъ. Это дѣлаютъ наши сухопутные адмиралы и полководцы, прославившіеся бездарностью, тупостью и трусостью подъ Мукденомъ. «Маленькій корсаръ», какъ прозвали Дрэка, скончался на кораблѣ у береговъ Вестъ-Индіи

Тѣло знаменитаго мореплавателя опустили на дно океана. По словамъ старинной баллады начала XVII вѣка:

«The waves became his winding-sheet; the waters were his tomb;
But for his fame, the ocean eca was not sufficient room»

(т. е. «Волны стали его саваномъ, а воды — могилой; что же касается славы его, то даже въ океанѣ не было достаточно мѣста для нея»).

Послѣ смерти Дрэка, Гаррисъ разстался съ моремъ и поселился въ Шафтсбери. Онъ выстроилъ тотъ домъ, въ которомъ потомки моряка живутъ до сихъ поръ. Рядомъ съ товарищемъ Дрэка со стѣны сурово глядѣлъ портретъ человѣка, съ длинными до плечъ волосами, съ громаднымъ шрамомъ поперекъ лица, съ выбитымъ глазомъ, закрытымъ повязкой, въ колетѣ изъ желтой кожи. Это—Альджеронъ Гаррисъ, одинъ изъ латниковъ Кромвелля, деревенскій сквайръ, присоединившійся къ парламентскимъ войскамъ, когда король измѣнилъ народу. Шрамъ и выбитый глазъ—послѣдствіе боя при Морстонъ-Мурѣ. А дальше портретъ внука его Перси Гарриса, одного изъ 320 политическихъ противниковъ стараго режима, повѣшенныхъ во время «кроваваго судилища» при Яковѣ II. Король и выполнитель его воли Джефрисъ желали терроромъ сдѣлать такъ, чтобы населеніе забыло про вольности, добытыя гражданской войной и снова приняло бы самовластіе. Джефрисъ послалъ въ изгнаніе 840 человѣкъ, а на эшафотъ—320. На окраинахъ королевства агенты Джефриса вооружали бродягъ, кабацкую рвань, воровъ и натравляли ихъ на людей, желавшихъ всю власть для парламента. Это называлось «протестомъ патріотовъ». *Кровавое судилище*, или Bloody Assize, до сихъ поръ поминается въ Англіи, какъ самая дикая форма безправія и произвола. Любой изъ тѣхъ полководцевъ, которые смерчемъ проносились не по непріятельской, а по собственной странѣ, разстрѣливая изъ пушекъ русскіе города и деревни, — превзошли Джефриса. Что, въ самомъ дѣлѣ, какихъ-то 320 казненныхъ и 840 сосланныхъ, тогда какъ у насъ жертвы считаются тысячами. Въ сравненіи съ Меллеромъ-Закомельскимъ, Ренненкампфомъ, противъ котораго выставляются такія тяжелыя обвиненія въ книгѣ Куропаткина или Каульбарсомъ, судья Джефрисъ — добродушный человѣкъ. Нужно прибавить еще, что Джефрисъ только казнилъ: онъ не вводилъ пытку, не устанавливалъ застѣнковъ. Резиновые жгуты для перебиванія реберъ, щипцы для сжиманія testes, зажимные винты для ногтей—изобрѣтеніе нашихъ собственныхъ Джефрисовъ. Удалось ли при помощи «кроваваго судилища» терроризировать страну? Каждый мальчикъ въ Англіи знаетъ, какая непріятность приключилась съ Яковымъ II, и какъ Джефрисъ, переодѣвшись матросомъ, хотѣлъ бѣжать, но былъ узнанъ и посаженъ въ Тоуэръ, чтобы спасти судью отъ народа.

Старый домъ былъ не только выстроенъ прочно. Въ немъ жили также традиціи про людей съ гордымъ духомъ, съ сильнымъ характеромъ и съ желѣзной волей, не умѣющей совершенно гнуться предъ кѣмъ бы то не было. Дорожа своей свободой, они цѣнили чужую свободу.

IV.

Шафтесбери—городокъ съ двумя съ чѣмъ-то тысячами жителей, лежащій въ самомъ центрѣ земледѣльческаго раіона. По аналогіи читателю представляется, вѣроятно, уѣздный городъ «съ сказочнымъ существованіемъ», въ родѣ того, какой описывалъ Глѣбъ Успенскій (напр., «Наблюденія Михаила Ивановича» или «Неизлѣчимый»*); народъ, въ которомъ къ звѣринымъ нравамъ присоединяется еще лютая нищета.

— Какъ же вы живете то?—спрашиваетъ авторъ.

— Да Богъ ее знаетъ какъ!—отвѣчали мнѣ.

— Да какъ же именно?

— Да такъ вотъ именно, что кое-какъ...

— Толчешься будто вокругъ пустого мѣста,—объяснялъ болѣе обстоятельно понимавшій дѣло житель:—ну, ан-но, будто и пропитываемся, въ родѣ какъ пропитаніе.

— Покуда Богъ грѣхамъ терпитъ, то и живы!—объяснилъ другой, болѣе скромно глядѣвшій на дѣло обыватель...

«Словомъ, существованіе этого люда было, безъ всякаго преувеличенія, сказачное, фантастическое. «Какъ Богъ пошлетъ» и «коли пошлетъ Богъ!»—вотъ что они по сущей справедливости могли бы объяснить въ разгадку этого существованія».

Шафтсбери—чистенькая, хорошенькая игрушка, настоящій городокъ въ табакеркѣ. По откосу горы сползаютъ узкія, мощеныя, освѣщенныя газомъ улицы, обстроенныя старинными, чистенькими домами, съ острыми, красными черепичными крышами. Съ вершины холма, гдѣ стоитъ на каменномъ станкѣ разбитая севастопольская пушка, видна еще другая улица, идущая значительно ниже. Она вся состоитъ изъ домиковъ-коробочекъ, въ 3—4 комнаты. Тамъ живутъ ремесленники, а дальше — тянутся фермы. Нигдѣ ни одной фабричной трубы. Въ городкѣ и окрестностяхъ осталось только то населеніе, которое такъ или иначе живетъ отъ земли; остальное перекочевало или въ большіе центры (главнымъ образомъ, въ Лондонъ) или за океанъ, въ Канаду, на вольныя земли. И тамъ, на периферіяхъ великой имперіи, возникаютъ новыя демократіи, мощныя, энергичныя и свободолюбивыя. Шафтсбери, какъ я сказалъ уже, представляетъ, какъ и всѣ англійскіе

*) Напр., разсказъ солдата про то, какъ онъ и Матвѣевъ стегали черезсѣдельникомъ Лукерью (Соч. Г. И. Успенскаго, т. I, стр. 326).

города, самостоятельную, самоуправляющуюся единицу. На улицахъ нельзя совершенно встрѣтить «мундирныхъ» людей. Здѣсь нѣтъ ни солдатъ, ни правительственныхъ чиновниковъ. Англичанинъ рождается, живетъ и умираетъ, не находя иногда на всемъ протяженіи своего земного пути никакой надобности въ встрѣчѣ съ представителями администраціи, если не считать «регистратора», т. е. клэрка, отмѣчающаго рожденіе, вступленіе въ бракъ и смерть. Контора «регистратора» даже въ Лондонѣ помѣщается въ частной квартирѣ. Нужно представить себѣ самую обыкновенную скромную англійскую гостиную, безъ всякихъ признаковъ, что это «присутствіе»: ни символовъ въ видѣ зерцала, ни портретовъ «особъ» на стѣнѣ, ни пришпиленныхъ къ обоямъ росписаній, ни заплеваннаго пола, ни неизбѣжныхъ столовъ, залитыхъ чернилами, ни дежурныхъ городовыхъ и приставовъ, ни грубыхъ, наглыхъ «письмоводителей», которыхъ расшевелить можно только взяткой. За письменнымъ столомъ, въ креслѣ, сидитъ «регистраторъ», одѣтый, какъ и всѣ, а не въ ливрею съ дурацкими пуговицами и кусками позументовъ на плечахъ. Регистраторъ отмѣчаетъ въ книгѣ всѣхъ родившихся. Не нужны ни свидѣтели, ни документы, ни паспорта. Отецъ ребенка приходитъ и заявляетъ, что у него родилось тогда то дитя такого то пола, названное такъ то. И регистраторъ отмѣчаетъ все это. Ему не интересно знать ни національности, ни вѣры отца. Заявленіе, что ребенокъ рожденъ въ законномъ бракѣ принимается отъ отца на слово. Вся процедура регистраціи рожденія производится въ три-четыре минуты. «Какъ же безъ документовъ? — спроситъ читатель, привыкшій къ русскимъ правиламъ.—А если человѣкъ обманетъ?»

— Зачѣмъ?—спроситъ англичанинъ.—Какая надобность въ такомъ обманѣ, если нѣтъ ни привилегированныхъ сословій, ни господствующей національности. Родители, если хотятъ, могутъ потомъ окрестить ребенка, обратить его въ іудейство, магометанство или буддизмъ. Это ихъ частное дѣло, которымъ государство совершенно не интересуется. Ребенокъ долженъ быть записанъ у регистратора,—вотъ единственное требованіе, предъявляемое родителямъ. При поступленіи въ школу не требуются никакіе документы. Отецъ только подписываетъ печатный бланкъ, что опредѣляетъ въ училище своего сына такого-то, столькихъ то лѣтъ. Опять заявленіе отца принимается на слово. Тотъ же регистраторъ отмѣчаетъ, что такіе то вступили въ бракъ. Опять не нужны совершенно документы. Необходимъ только *одинъ* свидѣтель, который торжественно заявилъ бы, что знаетъ вступающихъ въ бракъ, какъ людей, не связанныхъ брачными узами *). Церемонія совершается въ

*) Если показанія были не вѣрны, то потомъ отвѣчаетъ свидѣтель. Его привлекаютъ къ суду за ложную присягу, что грозитъ очень суровымъ наказаніемъ.

5—10 минутъ. Если вступающіе въ бракъ люди вѣрующіе, они потомъ могутъ отправиться въ церковь, мечеть, синагогу или въ храмъ какой-нибудь новой вѣры. Это опять-таки частное дѣло, не касающееся государства. Регистраторъ не спрашиваетъ, какой вѣры вступающіе въ бракъ. Регистраторъ же отмѣчаетъ смерть и выдаетъ свидѣтельство на разрѣшеніе хоронить; но тутъ требуется удостовѣреніе врача о причинѣ смерти. Вотъ весь циклъ жизни, при чемъ ни разу не представляется надобности ни въ «документѣ», ни въ знакомствѣ съ представителями администраціи. Англичанинъ путешествуетъ по всему свѣту и, если не ѣдетъ въ Россію или въ Турцію,—паспортъ ему совершенно не надобенъ.

Такъ обстоитъ дѣло въ Лондонѣ, а тѣмъ болѣе въ маленькомъ Шафтсбери. Въ «Municipal Year book», гдѣ указаны представители власти во всѣхъ англійскихъ городахъ, подъ рубрикой Шафтсбери приводятся слѣдующіе «chief officials»: городской клэркъ (т. е. регистраторъ), землемѣръ и онъ же санитарный инспекторъ, городской врачъ и казначей. Вы видите, что на «чиновничьемъ Олимпѣ» въ англійскомъ «уѣздномъ» городѣ просторно. А полиція? Первымъ дѣломъ на другой день моего пріѣзда я пожелалъ осмотрѣть ее. Со мной отправилась свояченица мэра, гостившая также у него. Мы запаслись визитной карточкой нашего хозяина. «Участокъ» помѣщается въ крошечномъ чистенькомъ домикѣ изъ краснаго кирпича, обвитомъ плющемъ. О томъ, что это полиція, говоритъ только объявленіе о вербовкѣ, съ изображеніемъ солдатъ и матросовъ, помѣщаемое въ Англіи на дверяхъ каждаго участка. Вся полиція состоитъ изъ трехъ полисмэновъ и одного «инспектора». Одинъ «бобби» въ полномъ парадѣ, застегнутый на всѣ пуговицы, въ бѣлыхъ шерстяныхъ перчаткахъ ходилъ по улицамъ; другой, въ форменной курткѣ, но въ жокейской шапочкѣ старательно ваксилъ сапоги, очевидно готовясь на дежурство. Третій спалъ, такъ какъ караулилъ ночью. Явился «инспекторъ», т. е., по нашему, приставъ, въ форменной фуражкѣ, но въ штатскомъ пальто.

— Русскій туристъ, гостящій у мэра, желаетъ сравнить города его родины съ англійскимъ провинціальнымъ городомъ,—отрекомендовала меня спутница.

Полиціи, повидимому, не много работы въ Шафтсбери. Тюрьмы здѣсь нѣтъ, а при полиціи имѣются только три камеры, всѣ пустыя. Онѣ были тщательно выбѣлены, на постеляхъ лежали свернутые соломенные матрацы, простыни и одѣяла. Недоставало только заключенныхъ.

— Послѣдній случай былъ пять мѣсяцевъ тому назадъ,—объяснилъ инспекторъ,—во время муниципальныхъ выборовъ. Перси Блоаръ подрался съ Патрикомъ О'Мара и подбилъ ему глазъ. Оба сильно выпили. Мы посадили Блоара въ камеру, но на другой день магистратъ нашелъ, что дѣло можно прекратить. О'Мара

сказалъ, что и теперь считаетъ Блоара своимъ другомъ, а Блоаръ выразилъ сожалѣніе по поводу подбитаго глаза. При мнѣ, — конфиденціально продолжалъ инспекторъ,—преступленія въ Шафтсбери почти совершенно исчезли. Здѣшніе граждане въ лицѣ полиціи имѣютъ вѣрныхъ служителей.

Я едва сдержалъ улыбку: мнѣ вспомнилась сцена изъ *Ревизора*. Русскій полицеймейстеръ тоже похвастался бы передъ иностранцемъ, но выразился бы иначе, въ родѣ, напримѣръ, Сквозника Дмухановскаго: «Въ другихъ городахъ, осмѣлюсь доложить вамъ, градоправители и чиновники больше заботятся о своей, то-есть, пользѣ, а здѣсь, можно сказать, нѣтъ другого помышленія, кромѣ того, чтобы благочиніемъ и бдительностью заслужить вниманіе *начальства*». Англійскій инспекторъ служитъ *гражданамъ*, русскій—*начальству*, противъ гражданъ. Въ этомъ вся разница.

Желая показать намъ всѣ достопримѣчательности, инспекторъ вытащилъ коробку съ валикомъ, краской и форменной бумагой для отпечатковъ пальцевъ. Но такъ какъ практиковаться приходилось не часто, то, повидимому, инспекторъ имѣлъ нѣсколько смутное представленіе о процедурѣ.

Полиція находится подъ контролемъ только муниципалитета и мэра. Центральная власть не имѣетъ никакого отношенія къ инспектору. Вечеромъ, желая выяснить одинъ пунктъ, крайне щекотливый для русской полиціи, я задалъ пріятелю вопросъ, беретъ ли здѣшняя полиція взятки?

— Если какой-нибудь обыватель устраиваетъ вечеръ, и бобби при разъѣздѣ сзываетъ кареты, ему иногда даютъ шиллингъ,—отвѣтилъ мэръ.

— Нѣтъ, это будетъ «tip» (на чай), а я спрашиваю о взяткѣ.

— То-есть вы спрашиваете, получаетъ ли полисмэнъ деньги за свершеніе противозаконныхъ дѣяній?

— Ну, да!

— Нѣтъ, въ Англіи это невозможно. Дѣятельность полиціи точно опредѣлена. Въ этихъ предѣлахъ полиція не можетъ брать денегъ, потому что все равно дѣло выяснится на другой же день у магистрата. Такъ какъ это обстоятельство хорошо извѣстно, то никто не предложитъ полицейскому взятки.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Англіи нѣтъ богатыхъ оброчныхъ статей нашей полиціи: нѣтъ паспортной системы, легализированной проституціи и «домовъ» непризнанныхъ сектъ *), «черты осѣдлости», представляющей для нашихъ охранителей порядка своего рода клондейкскіе пріиски. Нѣтъ возможности облагать данью трактиры и домовладѣльцевъ (подъ угрозой «составить протоколъ»). Такъ какъ въ Англіи существуетъ независимый и открытый судъ, а не

*) Нужно вспомнить, какую массу денегъ платятъ полиціи за право существованія, напр., скопцы.

недостойная пародія, какъ у насъ, то англійская полиція не можетъ вступать въ союзъ съ крупными ворами и покровительствовать имъ, какъ происходитъ это у насъ на югѣ. И въ Шафтсбери полисмэнъ живетъ на 25 шиллинговъ жалованья въ недѣлю, а инспекторъ—на 2 фунта въ недѣлю (80 руб. въ мѣсяцъ). У насъ, въ Одессѣ, напримѣръ, всѣ квартальные надзиратели получаютъ 50 руб. жалованья въ мѣсяцъ; но до такой степени умѣютъ экономничать, что не только держатъ лошадей и проживаютъ по 6000 руб. въ годъ, но покупаютъ имѣнія и дома. Въ короткій періодъ свободъ, когда одесская печать освободилась на нѣсколько дней отъ цензуры, въ одной изъ мѣстныхъ газетъ были приведены любопытныя данныя, показывающія, какіе изумительные результаты даетъ «экономія». Въ Одессѣ нѣтъ пристава, который въ 3 — 4 года не сберегъ бы большого состоянія и не купилъ бы имѣнія изъ 75 рублеваго жалованія. Одесса не представляетъ исключенія. Такіе люди пойдутъ рѣшительно на все, чтобы спасти порядокъ, при которомъ имъ живется такъ хорошо.

V.

Послѣ осмотра полиціи, я отправился въ Workhouse, въ рабочій домъ. Времена Диккенса отошли уже въ область преданій. Рабочій домъ въ Шафтсбери не совсѣмъ напоминаетъ workhouse, описанный въ романѣ *Оливеръ Твистъ*. Подъѣздъ, обвитый плющомъ, передняя, устланная матами, отсутствіе мундирныхъ людей, чистота,—все это отличаетъ рабочій домъ отъ того «дома ужаса», о которомъ мечтали въ XVIII вѣкѣ сквайры, ограбившіе крестьянъ и превратившіе ихъ въ нищихъ. Workhouse имѣетъ четыре отдѣленія: для стариковъ, старухъ, дѣтей, наконецъ, ночлежка для бродягъ или «casual ward». Старики и старухи помѣщаются въ длинныхъ палатахъ, въ каждой изъ которыхъ около 12—14 желѣзныхъ постелей, съ матрацами, простынями и одѣялами. Простыни мѣняются разъ въ недѣлю. Полъ чисто вымытъ. Въ большомъ каминѣ пылаетъ огонь. Стѣны оклеены чистенькими обоями. Старики и старухи одѣты чисто. Нѣкоторые лежали въ постели, другіе сидѣли съ трубочкой или съ чашкой чая у камина. Глубокая ненависть, которую питаютъ англійскіе работники къ рабочему дому, обусловливается не скудостью питанья, не неудовлетворительной обстановкой, не плохой одеждой. Пища въ рабочемъ домѣ удовлетворительна *), помѣщеніе теплое, а одежда — прилична. Нена-

*) На завтракъ, напр., находящіеся въ рабочемъ домѣ получаютъ шесть унцевъ бѣлаго хлѣба, $^1/_2$ унца масла и плиту чая; на обѣдъ—четыре унца говядины, 8 унцевъ картофеля, 4 унца хлѣба; на ужинъ—5 унцевъ хлѣба, $^1/_2$ унца масла и 1 плиту чая. Это по воскресеньямъ. По будиямъ говядина разнообразится бараниной, поджаренымъ саломъ и

висть, растущая съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ увеличенія самосознанія,—справедливое негодованіе честнаго, свободнаго человѣка, отдавшаго всѣ силы обществу и принужденнаго на старости лѣтъ пользоваться *филантропіей*. Гордость англичанина глубоко оскорблена тѣмъ, что въ рабочемъ домѣ онъ—*пауперъ*, лишенный гражданскихъ правъ. И самый сытный обѣдъ, самый яркій огонь въ каминѣ, самая чистая постель не могутъ заставить англійскаго работника забыть про то, что онъ свободный человѣкъ. Вотъ почему онъ противъ самыхъ идеальныхъ рабочихъ домовъ и требуетъ государственнаго пенсіона для престарѣлыхъ. Рабочіе дома поддерживаются на счетъ городскихъ налоговъ. Такимъ образомъ, каждый старый работникъ, въ сущности, требуетъ только ту долю налоговъ, которую самъ платилъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Я не говорю уже о той прибавочной цѣнности, которая выкачана изъ него за долгій періодъ трудовой жизни.

Грустное и щемящее впечатлѣніе производятъ всѣ эти старики и старухи, сгорбленные годами и трудомъ, съ дрожащими ногами, съ потухшими глазами. Какой ужасъ, что даже въ наиболѣе благоустроенномъ обществѣ удѣломъ самыхъ трудолюбивыхъ членовъ его является только рабочій домъ! Общество даетъ старымъ работникамъ ничтожную крупицу богатствъ, созданныхъ ихъ же руками и считаетъ себя благодѣтелемъ!.. Дѣтское отдѣленіе представляетъ, прежде всего, воспитательный домъ. Въ Англіи воспитательныхъ домовъ нѣтъ, такъ какъ Mrs Grundy, по гипереміи лицемѣрія полагаетъ, что такія учрежденія поощряютъ незаконныя рожденія. Подкинутыхъ дѣтей отправляютъ въ рабочій домъ. Затѣмъ тамъ же находятся дѣти, оставшіяся безъ призора. Дѣти помѣщаются въ дортуарахъ, съ 8 — 10 постелями. Я засталъ только нянекъ съ грудными младенцами, да двухъ мальчиковъ, запуганныхъ, какъ зайчата, прижавшихся другъ къ другу въ одной постели. Мнѣ объяснили, что это дѣти, подобранныя рано утромъ на большой дорогѣ, гдѣ ихъ покинули родители бродяги. Дѣтей еще не выкупали и не дали платья; вотъ почему они лежатъ въ постели. Остальные мальчики и дѣвочки, живущіе въ рабочемъ домѣ, отправились въ школу. Я видѣлъ башмаки и платье, припасенное для дѣтей. Рабочій домъ теперь не одѣваетъ дѣтей въ форменное платье, щадя ихъ молодое самолюбіе. Воспитанники рабочаго дома, послѣ окончанія школы, опредѣляются куда-нибудь на фабрику или на заводъ. Предпріимчивые мальчики эмигрируютъ въ Канаду,

---

мяснымъ пуддингомъ. Для маленькихъ дѣтей другая діэта. На завтракъ: 4 унца хлѣба, 1/4 унца масла, 1/2 пинты молока. На обѣдъ: 2 унца говядины, 4 унца пуддинга или риса, 6 унцевъ картофеля или другихъ овощей. На ужинъ: 4 унца хлѣба, 1/4 унца мясного сала съ жиромъ (dripping), 1/2 пинты молока. Грудныя дѣти получаютъ кварту молока въ день и унцъ сахара. Въ возрастѣ отъ семи мѣсяцевъ, къ этой діэтѣ прибавляется молочная кашка съ масломъ.

гдѣ на фабрикахъ большой спросъ на работниковъ. Поработавъ нѣсколько лѣтъ и пріучившись къ земледѣлію, предпріимчивые юноши берутъ даровой участокъ земли въ 120 акровъ. Мальчики съ темпераментомъ искателей приключеній, который такъ свойственъ англичанамъ, поступаютъ во флотъ.

Мы, наконецъ, подошли къ четвертому, самому мрачному отдѣленію рабочаго дома—къ ночлежкѣ для бродягъ, или casual ward. Это отдѣленіе имѣетъ свою собственную исторію, тѣсно сплетенную съ аграрнымъ вопросомъ. Рессель Гарніеръ говоритъ, что исторію англійскаго крестьянина можно раздѣлить на четыре періода, когда съ нимъ обращались, какъ: 1) съ рабомъ, 2) съ нищимъ, 3) съ пауперомъ на общественномъ призрѣніи и 4) какъ съ работникомъ. Когда помѣщики ограбили крестьянина и отняли у него землю, у «ходжа» осталась только большая дорога, чтобы просить милостыню у прохожихъ. Королевская власть издала самые суровые законы противъ нищихъ. Генрихъ VIII велѣлъ карать не только нищихъ, но и сердобольныхъ людей, помогающихъ имъ, и издалъ законъ, въ силу котораго на подавшаго милостыню накладывался штрафъ размѣромъ въ десять разъ больше ея. Суровые законы превратили нищихъ въ разбойниковъ. «Въ 1593 г. по всѣмъ дорогамъ бродили вооруженные бродяги, требовавшіе угрозами себѣ пріютъ (ихъ тогда называли «sornars»). Помѣщики должны были вооружать отряды для охраны своихъ владѣній». Черезъ сто лѣтъ, въ 1698 г., современникъ отмѣчаетъ, что по большимъ дорогамъ кочуютъ не меньше 200.000 бродягъ съ женами и дѣтьми. «Люди эти,—продолжаетъ современникъ,—не признаютъ никакихъ законовъ, ни божескихъ, ни человѣческихъ. Никто не знаетъ, гдѣ крещены эти бродяги и гдѣ умираютъ; но всѣмъ вѣдомы ихъ насилія всякаго рода. Въ урожайные годы они благоденствуютъ; бродяги являются незванные на свадьбы, крестины и похороны: здѣсь они напиваются, ругаются и всячески оскорбляютъ хозяевъ, не знающихъ, какъ избавиться отъ непрошенныхъ гостей» *). Чтобы взять бродягъ подъ контроль, правительство ввело налоги въ пользу бѣдныхъ и устроило первые рабочіе дома съ ночлежками. Я не буду излагать здѣсь исторію того, какъ пытались бороться съ бродяжествомъ не при помощи улучшенія матеріальнаго положенія народа, а суровыми мѣрами и «домами ужаса». Обо всемъ этомъ мнѣ приходилось уже писать. Чтобы показать, какая колоссальная перемѣна произошла въ Англіи съ тѣхъ поръ, какъ массы призваны къ общественной жизни рядомъ великихъ реформъ,—я возьму факты, относящіеся къ концу сороковыхъ годовъ XIX вѣка, и сопоставлю ихъ съ данными самаго послѣдняго времени. Въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи, ставшемъ теперь библіографической рѣдкостью,

---

*) Annals of the British Peasantry, p. 212.

Mayhew даетъ слѣдующія цифры относительно числа бродягъ въ Англіи въ 1848 г.

Въ рабочихъ домахъ.	15547
Въ амбарахъ и палаткахъ (согласно переписи).	20348
Въ пріютахъ для нищихъ въ шести большихъ городахъ.	4813
Въ 3820 остальныхъ почтовыхъ городахъ и мѣстечкахъ.	76400
	115108

Въ теченіе года (1848) въ ночлежкахъ при лондонскихъ рабочихъ домахъ пребывало 310.058 бродягъ *). «Профессіональный бродяга,—разсказываетъ тотъ же изслѣдователь,—оставляетъ Лондонъ ежегодно въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая, когда въ ночлежкахъ при рабочихъ домахъ даютъ убѣжище только на одну ночь. Бродяги трогаются въ путь партіями, которыя запасаются тщательными свѣдѣніями о томъ, въ какихъ приходахъ лучше всего обращаются съ нищими. Партія сдѣлаетъ иногда крюкъ въ нѣсколько миль, чтобы завернуть въ городокъ съ хорошимъ рабочимъ домомъ или посѣтить какой-нибудь помѣщичій домъ, гдѣ нищихъ кормятъ. Я видалъ мальчиковъ-бродягъ, которые на память знали всѣ рабочіе дома отъ Лондона до Ньюкэстеля, составляющаго обыкновенно конечный пунктъ странствованій. Нѣкоторые бродяги добираются, впрочемъ, до Эдинбурга» **). Значительная часть бродягъ состояла изъ молодыхъ людей. «Наполовину—бродяги юноши, въ возрастѣ отъ 12—20 лѣтъ,—говоритъ тотъ же Mayhew. Больше всего въ возрастѣ семнадцати лѣтъ. Мальчики эти убѣжали отъ родителей и хозяевъ, чтобы вести бродячую, независимую жизнь. Многіе изъ нихъ отличаются своею смышленностью, а нѣкоторые—даже не безъ образованія... Бродяжество, повидимому, доставляетъ имъ величайшее наслажденіе. Въ Лондонѣ они добываютъ средства къ жизни, какъ носильщики на рынкахъ или у пароходовъ. Нѣкоторые изъ нихъ копаются въ грязи, на берегу Темзы послѣ отлива, выискивая куски желѣза, бутылки, желѣзныя коробки и пр. Почти всѣ эти молодые люди побывали въ тюрьмахъ, иные больше разъ, чѣмъ сколько имъ лѣтъ... Въ ночлежкахъ молодые бродяги чувствуютъ себя, какъ дома. Они очень любятъ развлеченія всякаго рода. Въ ночлежкахъ обсуждаются достоинства различныхъ актеровъ. Молодые бродяги выбираютъ тогда предсѣдателя, и пренія принимаютъ правильный характеръ. Одни изъ юношей про-

*) Ib., p. 400. При любопытномъ словарѣ англійскаго уличнаго языка (The slang Dictionary, Chatto and Windus, London, 1874) приложена одна изъ „картъ", составленныхъ лондонскими бродягами. На картѣ обозначены дома, гдѣ хорошо кормятъ, и тѣ, гдѣ держатъ злыхъ собакъ.

**) «H. Mayhew, London Labour and the London Poor, vol. III, p. 397.

износятъ забавныя комическія рѣчи; другіе, вмѣсто этого, предлагаютъ спѣть пѣсню или комическіе куплеты о тюрьмѣ и рабочемъ домѣ. Молодые бродяги берутъ всегда псевдонимъ, при чемъ непремѣнно громкій: Джонъ Рессель, Робертъ Пиль, Ричардъ Кобдэнъ *). Въ ночлежку молодые бродяги являются большими партіями, человѣкъ въ 20—30, вооруженные дубинками, запрятанными въ панталоны. Этимъ оружіемъ избиваются бродяги, не принадлежащіе къ ихъ шайкѣ. Бываютъ партіи бродягъ человѣкъ въ 100, при чемъ каждому меньше двадцати лѣтъ. Въ ночлежку такая шайка является партіями человѣкъ въ двадцать пять». На большихъ дорогахъ тогда было много женщинъ-бродяжекъ, въ возрастѣ отъ 15 лѣтъ. Бродяги приходили въ ночлежки парами. Пространствовавъ все лѣто, молодые бродяги возвращались глубокой осенью въ Лондонъ, гдѣ находили ночлегъ въ пріютахъ для бездомныхъ. Молодые бродяги,—продолжаетъ Mayhew,—составляютъ тотъ резервъ, изъ котораго постоянно вербуются кадры преступниковъ. Скоро тюрьма перестаетъ пугать мальчика. По словамъ «Poor-law Report on Vagrancy» на 1848 г.,—молодыхъ преступниковъ въ Лондонѣ 16.086 **).

Неизбѣжнымъ элементомъ большой дороги и ночлежки являлись тогда также ирландцы, бродившіе цѣлыми семьями. Мало того, въ ночлежку приходили семьи, состоявшія изъ нѣсколькихъ поколѣній: бродяжили вмѣстѣ бабушка, дѣдъ, отецъ, мать и дѣти. То были бѣженцы, спасавшіеся отъ великаго голода и отъ ирландскихъ помѣщиковъ. Въ 1848 г. ирландцы составляли $^3/_4$ всего бродячаго населенія ночлежки. Ирландцы бродяги въ сравненіи съ англичанами поражали своей кротостью и своимъ добродушіемъ. Въ 1848 г. среди бродягъ ирландцевъ не было ни одного, изобличеннаго въ какомъ-нибудь преступленіи. Эти бродяги поражали своею грязью и лохмотьями даже англійскихъ собратьевъ. Многіе разносили съ собою болѣзни, привезенныя изъ Ирландіи, между прочимъ, голодный тифъ, о которомъ англичане знаютъ теперь только по сообщеніямъ изъ Россіи. Какія большія перемѣны произошли въ Англіи за 60 лѣтъ! Исчезли безслѣдно шайки молодыхъ бродягъ, ирландцы, побирающіеся цѣлыми семьями, каторжные корабли, отвозящіе въ Австралію ссыльныхъ, изъ которыхъ половина погибла въ пути... Населеніе за это время увеличилось на 14 милліоновъ.

1851 г.	27.745.949
1901 г.	41.976.827

Но число бродягъ, какъ мы увидимъ, сильно уменьшилось. Въ

*) То же самое можно сказать о русскихъ бродягъ. Въ нашей партіи въ 1887 г., кромѣ неизбѣжныхъ „Сохатыхъ», „Щербатыхъ“ и „Ивановъ Кольцовъ—не найти концовъ“, были еще Потемкины, Румянцевы, Шуваловы и Суворовы.

**) London Labour and the London Poor, vol III, p. p. 366—374.

лондонскихъ паркахъ, на площадяхъ, гдѣ стоятъ скамьи и на набережной Викторіи мы можемъ видѣть печальныя фигуры бродягъ (tramps), въ лохмотьяхъ, въ разбитыхъ башмакахъ, съ длинными нечесанными волосами и всклокоченной бородой. Обломки цилиндра, остатки чернаго сюртука, связаннаго веревочкой—все это придаетъ особый трагизмъ фигурѣ бродяги. На улицахъ самаго богатаго города въ Европѣ, среди сильнаго, энергичнаго, всегда спѣшащаго по дѣлу населенія, эти грустныя, слоняющіяся безъ дѣла, вялыя фигуры бродягъ кажутся представителями совершенно другой планеты, случайно заблудившимися существами. А между тѣмъ многіе бродяги родились на улицѣ и, вѣроятно, на ней умрутъ. Сколько-нибудь внимательное изученіе лондонскихъ профессіональныхъ бродягъ покажетъ, что это не столько безработные, сколько люди, не приспособленные ни къ какой работѣ (англійская терминологія различаетъ *unemployed* отъ *unemployable*), обломки человѣчества, прирожденные слабоумные и слабовольные или алкоголики.

Въ іюлѣ 1904 г. назначена была парламентомъ спеціальная коммиссія для изученія вопроса о бродяжествѣ, которая въ февралѣ 1906 г. представила свой обстоятельный отчетъ, отпечатанный въ видѣ синей книги *). Отчетъ начинается въ высшей степени интереснымъ историческимъ очеркомъ бродяжества въ Англіи; затѣмъ онъ констатируетъ, что до 1900 года число бродягъ постепенно падало. Въ томъ году всѣхъ бродягъ въ Англіи было 5579. Но однимъ изъ неизмѣнныхъ послѣдствій всякой войны является увеличеніе бродяжества: отставные раненые солдаты не могутъ приспособиться ни къ какому дѣлу. И вотъ послѣ южно-африканской авантюры число бродягъ замѣтно возрастаетъ: въ 1901 г.—6795; въ 1902 г.—7840; въ 1903 г.—8266; въ 1904 г.—8519 и въ 1905 г.—9768. Женщинъ и дѣтей среди бродягъ очень мало. Въ 1905 г. изъ 9768 бродягъ мужчинъ было 8693, женщинъ—887, а дѣтей—188. Въ тюрьмахъ бродяги составляютъ теперь $^1/_6$ подневольнаго населенія. Отчетъ раздѣляетъ бродягъ на четыре категоріи: 1) bona-fide рабочіе, ищущіе заработка; ихъ очень немного; 2) случайные работники, не желающіе или не могущіе работать постоянно и систематически; обыкновенно они работаютъ не больше двухъ дней въ недѣлю; 3) профессіональные бродяги, увѣряющіе, что ищутъ работу, но отказывающіеся отъ нея, если ее предлагаютъ, и 4) старики, калѣки и не могущіе работать въ силу различныхъ причинъ (напр., слабоумные). Отчетъ рекомендуетъ оказывать всякое содѣйствіе бродячему населенію первой категоріи.

*) Vagrancy Committee's Report, Cd. 2852.

VI.

Ночлежка при рабочемъ домѣ въ Шафтсбери (casual ward)—типичная, такъ какъ подобныя ей можно встрѣтить въ каждомъ англійскомъ городкѣ. Разсчитана она не на мѣстныхъ, а на пришлыхъ бродягъ. Состоитъ она изъ двухъ казармъ (одна для мужчинъ, другая для женщинъ), съ нарами, вмѣсто постелей. Нары раздѣлены перегородками въ одну доску, образующими родъ длинныхъ ящиковъ. Такимъ образомъ, каждый ночлежникъ имѣетъ свой собственный ящикъ, въ которомъ лежатъ два шерстяныхъ одѣяла. Для женщинъ, являющихся съ дѣтьми, имѣется особая комната, съ постелями вмѣсто наръ. Въ лондонскихъ ночлежкахъ каждый ночлежникъ долженъ, прежде всего, принять ванну. Къ сожалѣнію, дѣлается это не столько въ видахъ общественной гигіены, сколько для отучиванія бродягъ отъ ночлежекъ. Ванна обыкновенно холодная. Можно представить себѣ, что чувствуетъ промокшій подъ осеннимъ дождемъ, прозябшій безработный, которому велятъ лѣзть въ холодную воду. Въ провинціальныя ночлежки бродяга допускается безъ предварительнаго купанія. Ночлежники—нежелательные гости въ casual ward. Почему-то предполагается, что если «ночлежка» не будетъ отпугивать, то явится слишкомъ много желающихъ. Бродягѣ даютъ вечеромъ «ужинъ», состоящій изъ пинты овсяной кашицы съ 8 унцами хлѣба, а утромъ—опять ту же кашицу. Ужинъ и завтракъ нужно отработать. Въ лондонскихъ рабочихъ домахъ ночлежники должны потомъ дробить три часа камни или нащипать опредѣленное количество пакли. Затраченный мускульный трудъ, конечно, стоитъ гораздо больше, чѣмъ кашица, кусокъ хлѣба и мѣсто на нарахъ. Ночлежникъ, отказавшійся выполнить заданный ему урокъ, можетъ попасть по приговору магистрата въ тюрьму. Тяжелый безсмысленный трудъ, а самое главное, суровое обращеніе, какъ съ арестантомъ, дѣлаютъ то, что англійскій работникъ, очутившійся вслѣдствіе полной безработицы на улицѣ, предпочитаетъ лучше умереть съ голода, чѣмъ идти въ casual ward. Тамъ чувствуютъ себя, какъ дома, только профессіональные бродяги. По случаю зимы, въ ночлежкѣ при рабочемъ домѣ въ Шафтсбери было просторно. Профессіональные бродяги въ это время находятся въ Лондонѣ или въ большихъ городахъ, какъ Ливерпуль. Передвиженіе начинается только весною. Завѣдующій рабочимъ домомъ объяснилъ мнѣ, что сегодня ночевали только двое, но выполнили свой урокъ и пошли дальше. «Урокъ» состоялъ въ томъ, чтобы вертѣть три часа чугунное колесо отъ помпы, при помощи которой рабочій домъ снабжается водой. Такъ какъ въ Шафтсбери есть водопроводъ, то, повидимому, помпу спеціально устроили, чтобы задать работу ночлежникамъ. Я попробовалъ повертѣть колесо и

нашелъ, что это—очень нелегкая работа. Моя спутница внесла въ книгу для посѣтителей, что нашла все въ отличномъ порядкѣ. Какъ англичанка, она прибавила, однако, что въ ночлежкѣ слѣдуетъ прорубить новое окно и, такимъ образомъ, увеличить притокъ свѣжаго воздуха. Я воздержался отъ записи. Въ самомъ дѣлѣ, что бы я могъ сказать? Что я считаю ужаснымъ тотъ порядокъ (идеальный, однако, въ сравненіи съ континентальнымъ), при которомъ люди въ богатой и населенной странѣ бродятъ, какъ медвѣди-шатуны, безъ своей берлоги для ночлега? Не то ли, что брать у человѣка три часа усиленнаго мускульнаго труда за кусокъ хлѣба и чашку кашицы — есть грабежъ? Все это было бы, конечно, безполезно писать.

Изъ рабочаго дома мы отправились въ «литературный клубъ». Начиная съ 1850 г., парламентъ издалъ цѣлый рядъ законовъ относительно устройства общественныхъ библіотекъ въ Англіи. (Public Libraries Acts). Послѣдній изъ нихъ изданъ въ 1892 г. Въ силу него городскіе совѣты имѣютъ право собирать особый налогъ въ размѣрѣ 1 пенни на фунтъ квартирной платы въ пользу безплатныхъ библіотекъ. Это означаетъ, что каждый квартиронаниматель, платящій въ годъ, предположимъ, 40 ф. (400 руб.), вноситъ «библіотечный налогъ» въ размѣрѣ 3 ш. 6 п. (1 р. 70 к.) Въ нѣкоторыхъ городахъ, напр., въ Брайтонѣ, Бирмингэмѣ, Аштонѣ-на-Лайнѣ, Кингстонѣ-на-Темзѣ, Ливерпулѣ, Ньюкэстелѣ-на-Тайнѣ, Ольдхэмѣ и др., по общему рѣшенію квартиронанимателей, библіотечный налогъ повышенъ. Въ результатѣ—цѣлый рядъ великолѣпныхъ безплатныхъ, общественныхъ библіотекъ даже въ маленькихъ городахъ. Нѣкоторые провинціальные города, не говоря уже о Лондонѣ, затратили на библіотеки большія суммы: Бирмингемъ—111.469 ф. ст. (т. е. болѣе милліона руб.), Бродфордъ—123.021 ф. ст., Ливерпуль—270.471 ф. ст., Престонъ—126 997 ф. ст. и пр. *). Библіотеки эти выписываютъ книги и журналы, не соображаясь, конечно, съ какимъ-либо предписаннымъ направленіемъ. Центральная власть не можетъ ни прямо, ни черезъ посредство своихъ агентовъ вмѣшаться въ дѣла библіотеки. Это касается *только* муниципалитетовъ. Администрація, тѣмъ болѣе, не можетъ устранить или не утвердить нежелательныхъ ей библіотекарей, какъ это практикуется, напр., у насъ. Изъ общественныхъ библіотекъ книги выдаются не только безплатно, но и безъ всякаго залога. По тому ли, что уровень элементарной честности въ Англіи выше, чѣмъ на континентѣ, или потому, что люди вообще честнѣе, чѣмъ предполагаютъ полицейскія государства,—но только книги въ общественныхъ библіотекахъ, хотя и выданныя безъ залога, не пропадаютъ. Случается, что популярная книга зачитывается до дыръ и

*) Любопытныя данныя помѣщены въ Municipal Year Book, 1906, p. p. 554—556.

до выпаденія листовъ; но читатели не вырываютъ понравившихся имъ картинокъ; поля не испещряются глупыми и скабрезными замѣчаніями. Общественныя библіотеки держатъ на полкахъ дорогія справочныя изданія, которыми можетъ свободно пользоваться каждый. Эти изданія, находящіяся, фактически, подъ контролемъ только добросовѣстности посѣтителей, тоже не пропадаютъ.

Шафтсбери такой крошечный городъ, что онъ еще не воспользовался до сихъ поръ Public Libraries Acts. Объясняется это, въ значительной степени, тѣмъ, что сквайры изъ окрестностей имѣютъ въ своихъ домахъ собственныя библіотеки, какъ вообще сколько-нибудь состоятельные англичане. Но ремесленники и мелкіе фермеры изъ всей округи составили «литературный клубъ» и организовали въ Шафтсбери библіотеку, изъ которой забираютъ книги и газеты, когда являются въ городъ на рынокъ. Просматривая каталогъ «клуба», я могъ убѣдиться, что за пятьдесятъ лѣтъ произошли громадныя перемѣны въ литературныхъ вкусахъ англійскихъ ремесленниковъ и мелкихъ фермеровъ. Судя по замѣчательному изслѣдованію Mayhew, въ то время въ деревняхъ читали только «литературу висѣлицъ», Gallows Literature. Тогда смертныя казни въ Англіи бывали часты и производились открыто. То было любимое зрѣлище подонковъ большого города. «Огромная толпа, возбужденная до чрезвычайной степени и разгоряченная любопытствомъ, еще за нѣсколько часовъ до совершенія казни, наводняетъ пространство, окружающее мѣсто, гдѣ будетъ сооруженъ эшафотъ,—писалъ въ 1861 г. изъ Англіи Луи-Бланъ.—При входѣ въ кассу театра всегда образуется «хвостъ», когда назначена интересная пьеса. Но какъ провести время до появленія палача, что соотвѣтствуетъ поднятію занавѣса въ театрѣ? Спать? Нельзя; не потому, что приходится спать подъ открытомъ небомъ, а потому что ожиданіе большого удовольствія прогоняетъ сонъ. Поэтому время проводится въ питьѣ, въ пѣніи, въ перебранкахъ и шуткахъ. Женщины тоже здѣсь присутствуютъ въ значительномъ количествѣ. Вѣшанье, имѣющее цѣлью устрашать преступниковъ примѣромъ, сдѣлалось спектаклемъ, который какъ будто нарочно назначенъ для практики всѣхъ воровъ, мошенниковъ и плутовъ столицы... Но вотъ наступила минута. Воцарилось молчаніе. Какую мину сдѣлаетъ человѣкъ, когда ему надѣнутъ на шею веревку? Съ какимъ видомъ здоровый, сильный человѣкъ въ одинъ мигъ переступаетъ порогъ неизвѣстнаго? Въ послѣдній разъ палачъ неловко сдѣлалъ свое дѣло и потому сердито потянулъ свою жертву за ноги, чтобы окончательно его задушить. Толпа любопытствуетъ, какъ палачъ теперь обдѣлаетъ свое дѣло. Вотъ идетъ человѣкъ, который убиваетъ, и человѣкъ, котораго убьютъ. Одинъ исполняетъ свою должность, другой несетъ свою участь... Если осужденный, что иногда бываетъ, идетъ съ поднятой головой, гордо, твердо, не шатаясь, то изъ этого для зрителей вытекаетъ та мораль, что и

разбойникъ можетъ быть храбрымъ, столько же храбрымъ, какъ и солдатъ, и что казнь есть своего рода сраженіе. Если же, напротивъ, осужденный, котораго я предполагаю совершившимъ страшное преступленіе, напр., убійство, не можетъ идти, а его уже почти мертваго тащатъ на смерть; если его колѣни дрожатъ и ноги подгибаются; если его блѣдный лобъ выражаетъ весь ужасъ его души; если его потухшій взглядъ молитъ о помилованіи, — тогда мораль наказанія состоитъ въ томъ, что оно или ожесточаетъ сердца, дѣлая ихъ холодными къ зрѣлищу ужасныхъ мученій, или трогаетъ ихъ и переноситъ жалость съ убитаго на убійцу: результатъ, въ томъ и другомъ случаѣ, плачевный» *)... Тѣ, которые не могли видѣть «захватывающую пьесу», т. е. смертную казнь,—читали съ жадностью описанія ея. Существовала тогда особая лубочная литература, посвященная послѣднимъ днямъ приговоренныхъ къ смерти: особые листки съ грубыми картинками назывались обыкновенно «Горестныя жалобы», «Послѣдняя рѣчь, исповѣдь и казнь» и пр. Нѣкоторые листки, по словамъ Mayhew, имѣли тиражъ въ $2^1/_2$ милліона. «Бѣдные сельскіе работники въ складчину покупали листокъ и свѣчку, чтобы читать при ней описаніе казни». Обыкновенно, листокъ начинался стихами, будто бы, составленными осужденнымъ передъ казнью. Изъ упомянутой выше книги Mayhew я приведу здѣсь нѣсколько образчиковъ наиболѣе распространенной «литературы висѣлицъ», которой зачитывались пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ ремесленники, мелкіе фермеры и сельскіе работники. Вотъ переводъ стиховъ.

«Скоро я долженъ оставить суетный міръ. Друзья мои, не огорчайтесь; не оплакивайте моей судьбы, хотя она ужасна, потому что смерть ждетъ каждаго убійцу.

«Теперь я томлюсь въ мрачной камерѣ. Я присужденъ къ смерти за убійство. Быть можетъ, кто пожалѣетъ меня, когда прочтетъ, что несчастье толкнуло меня на преступленіе.

«Мои друзья и родной очагъ были мнѣ дороги; каждому англичанину дороги деревья и цвѣты, растущіе тамъ, гдѣ прошло золотое дѣтство.

«Нѣкогда и я былъ счастливъ. Все это минуло. Наступили неудачи, нахлынули печали. Друзья улыбались мнѣ, покуда я былъ богатъ, и отвернулись въ несчастьи.

«Эшафотъ ждетъ меня, потому что я убилъ тебя, Джерми **). Я убилъ также твоего сына,—твою радость и надежду, а жену и служанку – ранилъ.

«Отсюда я слышу, какъ всѣ восклицаютъ: «о, Рашъ, зачѣмъ

---

*) *Louis Blanc*, Lettres sur l'Angleterre.

**) Баллада приписывается нѣкоему Рашу, убившему семью Джерми въ началѣ сороковыхъ годовъ.

ты убилъ Джерми. Зачѣмъ ты покончилъ также съ дорогимъ мальчикомъ, который не причинилъ тебѣ никакого вреда.

«Если бы Джерми былъ хоть немного добрѣе со мною и если бы не вмѣшалось несчастье, я никогда не послалъ бы роковыхъ пуль, уложившихъ Джерми и сына его.

«На судѣ я защищался самъ; у меня не было ученаго адвоката. Я упорно отрицалъ вину и старался сбить свидѣтелей, въ надеждѣ спасти свою горькую жизнь.

«Но напрасно сбивалъ я свидѣтелей. Господь рѣшилъ, что я долженъ умереть. Дѣвушка Элиза Честней, которую я ранилъ, оправилась и дала показанія.

«Увы! Удѣломъ мнѣ будетъ эшафотъ. Скоро тѣло мое будетъ гнить въ могилѣ. Прости меня, Боже, потому что здѣсь на землѣ нѣтъ прощенія для убійцы, для несчастнаго Раша» *).

Баллада о Рашѣ до конца шестидесятыхъ годовъ составляла любимое чтеніе мелкихъ фермеровъ, ремесленниковъ и пр., о чемъ свидѣтельствуетъ тиражъ въ $2^1/_2$ милліона экземпляровъ. Женщины въ деревняхъ жадно читали въ особенности тѣ баллады, къ которымъ приложены были письма осужденныхъ къ своимъ возлюбленнымъ. Начинались письма, обыкновенно, такъ: «изъ глубины камеры для осужденныхъ на казнь». «Дорогая Нелли! Не пугайся письма, полученнаго отъ человѣка, осужденнаго на смерть за убійство. Изъ моей ужасной камеры я пишу къ той, которую такъ сильно любилъ. Повѣрь, Нелли, я простилъ всѣмъ врагамъ и не уношу никакой злобы. О, дорогая Нелли, остерегайся поддаться вліянію страстей и водки. Пусть моя плачевная судьба тебѣ служитъ предостереженіемъ.» «Литература висѣлицъ» не ограничивалась этимъ. Народныя пѣсни, сложенныя въ тѣ времена, когда въ Англіи были іомены, обрабатывавшіе свою собственную землю,— давнымъ давно забыты. Старинныя искусственныя пѣсни, въ родѣ «Посланія страстнаго пастушка къ своей возлюбленной», написаннаго, кажется, Марло, можно найти только въ соотвѣтственныхъ сборникахъ. Прекрасныя, удивительно трогательныя анонимныя баллады, продававшіяся офенями (pedlars) на ярмаркахъ въ XVI и XVII в. в., иногда еще попадаются въ хрестоматіяхъ, но напѣвъ ихъ совершенно утерянъ (Баллады про Дѣтей въ лѣсу, про Робина Гуда, Короля Джона и Кентерберійскаго аббата, про Дочь нищаго изъ Бетналъ-Гринъ и пр.). Въ глубинѣ Ирландіи и кое-гдѣ въ Шотландіи можно еще слышать народныя пѣсни, но очень рѣдко. Уэльсъ имѣетъ свои пѣсни, но о нихъ не могу ничего сказать, такъ какъ онѣ сложены на архаическомъ языкѣ кимвровъ. Теперь *всѣ* тѣ пѣсни, которыя распѣваютъ и насвистываютъ, какъ рабочіе, такъ и клэрки, горничныя, прачки, продавщицы, солдаты, — сложены въ «мюзикъ-холлахъ» большихъ

*) London Labour and the London Poor, vol. I; p. 261.

городовъ. Тутъ пѣсни комическія, сентиментальныя, патріотически-воинственныя; на *всѣхъ ихъ*, какъ свинцовая гиря, лежитъ тяжелая печать поразительной бездарности. Но все же эти пѣсни изъ «мюзикъ-холловъ» лучше тѣхъ, которыя массы распѣвали пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Тѣ пѣсни тоже вдохновлялись висѣлицей. Вотъ, напримѣръ, страшно популярная въ пятидесятыхъ годахъ пѣсня про казнь Мэри Мэй. Начинается она такъ. «Воетъ жалобно погребальный колоколъ, возвѣщающій, что я должна умереть на высокой висѣлицѣ за убійство родного брата. Корысти ради я замыслила это черное дѣло. О, подумайте объ ужасной участи несчастной Мэри Мэй». Послѣ каждаго куплета, которыхъ очень много, повторяется припѣвъ:

„Behold the fate of Mary May,
Who did for gain her brother slay“

(т. е. «Вотъ судьба Мэри Мэй, которая корысти ради убила брата»).

Какъ сильно измѣнились литературные вкусы за пятьдесятъ—шестьдесятъ лѣтъ! Въ «литературномъ клубѣ» въ Шафтсбери я нашелъ, конечно, неизбѣжные романы Маріи Корелли «Душа Лилитъ», «Горе Сатаны», «Свѣтская власть», «Варрава» и др., которыми зачитываются дочери фермеровъ и лавочниковъ. Нашелъ я также уголовные романы Конана Дойла съ англійскимъ Лекокомъ—Шерлокомъ Хольмсомъ. Но на ряду съ этимъ каталогъ «литературнаго клуба» заключалъ цѣлый рядъ превосходныхъ книгъ по политической экономіи, соціологіи, исторіи, а въ особенности—по аграрному вопросу. «Клубъ» собралъ богатую памфлетную литературу, касающуюся «tenant's right» (т. е. вознагражденія фермеровъ за всѣ сдѣланныя улучшенія на землѣ), «незаработаннаго приращенія», націонализаціи земли, положенія сельскихъ работниковъ, свободной торговли и протекціонизма. Весь этотъ матеріалъ былъ отлично сгруппированъ и внесенъ въ каталогъ такъ, что сразу можно было найти всю литературу по данному вопросу. И это въ библіотекѣ крошечнаго городка, устроенной собственными средствами! Мелкіе фермеры и сельскіе работники теперь заняты великимъ вопросомъ о возвращеніи земли народу. Собственно говоря, въ Шафтсбери я пріѣхалъ, въ значительной степени, для изученія на мѣстѣ того же вопроса; но такъ какъ моя статья разрослась, то я отложу свой матеріалъ до слѣдующей книжки.

VII.

Дѣти шумной и веселой толпой окружили моего пріятеля, когда мы всѣ собрались вечеромъ. Дѣтская жизнь возможна только въ свободной странѣ, гдѣ личность каждаго гражданина обезпечена. Только при такихъ условіяхъ создается здоровая, нормальная

атмосфера. Дѣти растутъ тогда счастливыя, веселыя, здоровыя. У нихъ есть время подготовиться къ общественной жизни. Имъ не для чего брать на свои слабыя плечи великое бремя: общественная машина работаетъ правильно, возмутительный произволъ невозможенъ. Въ странѣ не творятся дикія насилія, которыя превращаютъ дѣтей въ маленькихъ стариковъ. Свободная страна не знаетъ такого порядка, при которомъ сатрапъ можетъ отправить за политическія преступленія не только въ ссылку, но и на казнь дѣтей. (Въ прошломъ году одесскій генералъ-губернаторъ Карангозовъ отправилъ въ ссылку *двѣнадцати-лѣтнюю* дѣвочку Любу Беккеръ). Каждый отецъ въ свободной странѣ можетъ знать, что выйдетъ изъ его дѣтей: законъ, созданный имъ же, охраняетъ гражданина. Дѣти его не будутъ отданы Минотаврамъ въ образѣ или кровавыхъ генераловъ, опозорившихъ себя трусостью и бездарностью на полѣ битвы, или шаекъ профессіональныхъ убійцъ, пользующихся спеціальнымъ покровительствомъ властей. Больше всего я завидую англичанамъ, когда вижу здѣсь веселыхъ, счастливыхъ, здоровыхъ и жизнерадостныхъ дѣтей и подростковъ. Самое сильное впечатлѣніе на англичанъ, посѣтившихъ Россію, производитъ тотъ фактъ, что у насъ нѣтъ теперь дѣтства. Вотъ, напр., наблюденія dr. Хагбергъ-Райта, директора London Library, недавно возвратившагося изъ Россіи *). Авторъ принадлежитъ къ числу немногихъ англичанъ, знающихъ русскій языкъ. «Дѣтская жизнь въ Россіи почти совершенно неизвѣстна,—говоритъ онъ.—Во всякомъ случаѣ, прекращается въ 12—13 лѣтъ. А въ 14 лѣтъ—мальчикъ уже своего рода совершеннолѣтній». Во всякомъ случаѣ, онъ становится, по мнѣнію россійскихъ Минотавровъ, дѣеспособнымъ отбыть «натуральную тюремную повинность», лежащую на каждомъ сознательномъ русскомъ гражданинѣ. Это—относительно дѣтства. Что же касается юности, то у насъ она уже давно «стала сказкой миновавшихъ дней»... Дѣти моего пріятеля шумятъ; весело разсказываютъ про то, что дѣлали или читали днемъ и, наконецъ, пристаютъ къ отцу, чтобы онъ «показался во всей славѣ», какъ шутливо выразился старшій мальчикъ. И вотъ, чтобы забавить дѣтей, пріятель надѣваетъ «клейноды» своей власти: красный плащъ, обшитый мѣхомъ, треуголку, золотую цѣпь и беретъ въ руки серебряную дубинку. «Клейноды» передаются отъ мэра къ мэру, изъ столѣтія въ столѣтіе; дубинкѣ—700 лѣтъ, цѣпи—пятьсотъ лѣтъ. Все это надѣвается только одинъ разъ, при избраніи (мэры выбираются на годъ). Надпись на дубинкѣ гласитъ о вольностяхъ, добытыхъ корпораціей въ XII вѣкѣ. О тѣхъ же вольностяхъ говоритъ надпись на звеньяхъ золотой цѣпи. Какими несчастными въ сравненіи съ этимъ кажутся наши «мэры», которыхъ представитель центральной власти можетъ не утвердить, смѣстить или даже отправить въ

*) „A Ramble in Russia". The National Review, March, 1907.

ссылку. А между тѣмъ, «мэръ»—вѣдь представитель культурнаго центра, избранный согражданами! И мнѣ невольно припоминаются строки изъ самаго блестящаго русскаго политическаго памфлета, написаннаго шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. «Россіи нужны не проповѣди (довольно она слышала ихъ!), не молитвы (довольно она твердила ихъ!), а.... *) права и законы, сообразные.... съ здравымъ смысломъ и справедливостью.... А вмѣсто этого она представляетъ собою ужасное зрѣлище страны, гдѣ.... нѣтъ не только никакихъ гарантій для личности, чести и собственности, но нѣтъ даже и полицейскаго порядка, а есть только огромныя корпораціи разныхъ служебныхъ воровъ и грабителей» **). Много десятковъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти жгучія строки; но, къ великому несчастью для Россіи, онѣ еще больше носятъ характеръ современности, чѣмъ въ моментъ своего появленія.

Діонео.

Синдикаты и стачки государственныхъ служащихъ во Франціи.

Одной изъ самыхъ интересныхъ сторонъ современнаго синдикальнаго движенія является какъ съ практической, такъ и съ теоретической точки зрѣнія участіе въ немъ государственныхъ служащихъ,—понимая этотъ терминъ въ самомъ широкомъ его смыслѣ, т. е. начиная съ рабочихъ, эксплуатируемыхъ хозяиномъ-государствомъ на правительственныхъ заводахъ, фабрикахъ и разныхъ предпріятіяхъ, и кончая собственно чиновниками, участвующими въ бюрократической дѣятельности современнаго классового государства на различныхъ ступеняхъ служебной іерархіи.

По мѣрѣ того, какъ растетъ и развивается синдикальное движеніе, проникая въ самые отдаленные уголки современной экономической жизни, противъ него выдвигаются все новые и новые враги, ему ставятся все новыя и новыя препятствія. Разумѣется, въ концѣ концовъ могучее историческое теченіе синдикализма торжествуетъ надъ одними, устраняетъ съ своего пути другія. Но борьба организованныхъ силъ труда противъ организованныхъ же силъ гнета и эксплуатаціи не прекращается ни на минуту, заполняя міръ шумомъ и грохотомъ столкновеній и заставляя прислу-

---

*) . . . . . обозначены пропущенныя мною слова.

**) Письмо В. Г. Бѣлинскаго къ Гоголю. Изданіе 1899 г., стр. 5.

шиваться къ нимъ самыхъ безучастныхъ свидѣтелей этой соціальной войны. Въ недавней статьѣ о «Французскомъ синдикализмѣ» *) я далъ краткій историческій очеркъ и нарисовалъ въ общихъ чертахъ картину современнаго синдикальнаго движенія во Франціи, отъ времени до времени знакомя читателей съ положеніемъ дѣлъ и въ другихъ странахъ и подчеркивая, путемъ этихъ «параллелей и контрастовъ», наиболѣе яркую и задающую тонъ всему французскому синдикализму разновидность его: синдикализмъ революціонный. Въ настоящей статьѣ я попробую, тоже главнымъ образомъ на основаніи французскаго матеріала, коснуться синдикальнаго движенія въ мірѣ государственныхъ служащихъ, среди которыхъ революціонный синдикализмъ долженъ находить все болѣе и болѣе благопріятную почву въ силу нѣкоторыхъ особенностей ихъ положенія.

Вопросъ объ участіи чиновныхъ и не чиновныхъ наемниковъ государства-хозяина въ синдикальныхъ организаціяхъ, а въ случаѣ надобности и въ соціальныхъ конфликтахъ съ нимъ, — частныхъ и общихъ корпоративныхъ стачкахъ,—разумѣется, не представляетъ собою ничего спеціально французскаго. Онъ поднимается во всѣхъ странахъ и лишь обостряется въ разные моменты то здѣсь, то тамъ. Но во Франціи онъ принимаетъ особенно яркія и поучительныя и въ смыслѣ практическомъ, и въ смыслѣ теоретическомъ формы, порою дающія толчокъ и подражательный импульсъ обѣимъ борющимся сторонамъ и въ другихъ государствахъ. Причемъ опять таки Третья республика снабжаетъ заграницу и жизненными пріемами соціальной борьбы, и ихъ идейнымъ обоснованіемъ. Напомню лишь, не входя въ подробности (объ этомъ придется говорить ниже), что на территоріи Третьей республики вырабатывалась энергичнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, мысль о всеобщей стачкѣ, опирающейся на стачку концентрированныхъ капиталистическихъ предпріятій, или принадлежащихъ государству, или тѣсно связанныхъ съ нимъ финансовыми и такъ называемыми «національными» интересами, напр., желѣзныхъ дорогъ, казенныхъ или работающихъ на казну заводовъ, арсеналовъ, портовъ и т. п. Эта мысль была подхвачена въ большей или меньшей степени рабочими и другихъ національностей и, начиная съ 90-хъ годовъ прошлаго вѣка, стала пробивать значительныя бреши въ догматическомъ утвержденіи чересчуръ правовѣрныхъ марксистовъ, что «всеобщая стачка есть всеобщая нелѣпость» *).

Но точно также изъ Франціи же пошла гулять по свѣту, точнѣе среди правительственныхъ и буржуазно-политиканствующихъ сферъ, мысль о необходимости отказывать лицамъ, занятымъ въ

*) „Русское Богатство", 1906, декабрьская книжка, стр. 22—63.

**) См. мое предисловіе къ переводу брошюры Этьена Бюиссона „Всеобщая стачка" (изд. „Общественной пользы", Спб., 1906).

государственныхъ или родственныхъ съ ними предпріятіяхъ, не только въ правѣ на стачку, но и въ правѣ на синдикальную организацію. Еще въ 1886 г. консервативный республиканецъ, сенаторъ Марсель Бартъ, внесъ (не прошедшій, впрочемъ) законопроектъ, согласно которому какія бы то ни было ассоціаціи, составленныя желѣзнодорожными, арсенальными и т. п. рабочими или служащими, должны были быть въ теченіе трехъ мѣсяцевъ распущены. А вся послѣдующая теорія и практика французскихъ буржуазныхъ законодателей если и не идетъ такъ далеко по пути соціальной реакціи, такъ того желалось откровенному мосье Барту, то все же до сихъ поръ, вплоть до послѣднихъ актовъ настоящаго кабинета Клемансо, отражаетъ сильнѣйшее желаніе современнаго классового государства по возможности урѣзать права лицъ, находящихся въ непосредственной экономической зависимости отъ него. Припомню кстати по этому поводу, что когда нашъ отечественный кабинетъ Витте-Дурново сталъ расправляться зимою 1905—1906 г. съ забастовавшими служащими почтово-телеграфнаго вѣдомства, то россійскіе угнетатели съ гордостью ссылались на тотъ фактъ, что они поступаютъ совсѣмъ по-европейски, «какъ въ цивилизованной Франціи». Тамъ, дѣйствительно, не задолго передъ тѣмъ (въ половинѣ ноября новаго стиля), президентъ радикальнаго министерства, бывшій знаменитый панамистъ Рувье, высокомѣрно заявилъ съ высоты трибуны, что правительство не допускаетъ ни въ какомъ случаѣ стачекъ своихъ служащихъ. И наше реакціонное болото пріятно заволновалось: совсѣмъ, какъ въ богатырской былинѣ,

Утки крякнули—берега звякнули...

Звонкіе голоса просвѣщенныхъ министровъ съ береговъ Сены, нашли радостное и самодовольное эхо среди «конституціонныхъ» рыцарей зажима съ береговъ Невы. Русская практика насилія была, кромѣ обычнаго указанія на отечественные завѣты, еще освящена ссылкою на подобные же пріемы въ странѣ, гдѣ даже на воротахъ тюремъ красуется надпись: «свобода, равенство, братство», а народный гимнъ (нынѣ выдохшаяся марсельеза) приглашаетъ гражданъ республики «напоять межи» своихъ полей «нечистою кровью» тирановъ...

Послѣ этихъ нѣсколькихъ словъ введенія перейдемъ къ нѣкоторымъ сторонамъ затронутаго нами предмета.

Прежде всего вопросъ: какое число рабочихъ и служащихъ въ государственныхъ предпріятіяхъ и правительственной администраціи Франціи охвачено узами профессіональной солидарности въ качествѣ членовъ синдикатовъ или ассоціацій (о различіи этихъ двухъ формъ организаціи мы скажемъ ниже)? Къ сожалѣнію, болѣе или менѣе точныхъ данныхъ по этому вопросу нѣтъ. И даже

приблизительныя исчисленія не охватываютъ, повидимому, значительной части рабочаго персонала (въ широкомъ смыслѣ этого слова), хозяиномъ котораго является государство. Придется ограничиться отрывочными свѣдѣніями, которыя всетаки даютъ хоть нѣкоторое понятіе о силѣ профессіональнаго движенія среди рабочихъ и служащихъ этой категоріи. По оффиціальной статистикѣ, къ 1-му января 1906 г. насчитывалось на почвѣ Третьей республики всего 4857 рабочихъ синдикатовъ, заключавшихъ 836,134 членовъ *). Но этотъ документъ не даетъ, къ сожалѣнію, распредѣленія синдикалистовъ по профессіямъ, хотя именно, — справедливо замѣчаетъ органъ, откуда мы беремъ эти цифры,—«было бы, между прочимъ, интересно видѣть, не получило ли синдикальное движеніе, какъ это можно предполагать и какъ это уже наблюдается за границей, особаго распространенія между рабочими и служащими правительственныхъ учрежденій. **) Съ другой стороны, согласно теперь уже нѣсколько устарѣвшей брошюрѣ В. Тюркана «Перепись государственныхъ служащихъ и чиновниковъ» ***), Франція (вмѣстѣ съ Алжиріей) насчитывала въ 1896 г. 384,038 лицъ, оплачиваемыхъ правительствомъ, включая сюда рабочихъ на государственныхъ заводахъ, фабрикахъ и т. п., разныхъ чиновниковъ, учителей, даже священниковъ ****), но безъ войска и флота. Въ какой мѣрѣ эта почти четырехсотъ-тысячная армія государственныхъ наемниковъ входитъ въ профессіонально-организованную часть трудящагося населенія Франціи, насчитывающую, какъ мы видѣли, болѣе 800,000 человѣкъ, точно опредѣлить пока трудно. Но вотъ кой-какія указанія и цифры, касающіяся распространенности синдикализма среди рабочихъ и служащихъ государства *****).

---

*) См. резюмэ статьи изъ правительственнаго „Bulletin de l'Office du travail" за октябрь 1906 г. въ „La Revue Syndicaliste", № 20 (декабрь) 1906 г., стр. 231—233.

**) Ibid., стр. 232.

***) V. Turquan, „Recensement des employés et fonctionnaires de l'Etat"; Парижъ, 1892.

****) Со времени закона о отдѣленіи церкви отъ государства въ общей цифры „служащихъ" придется вычесть около 39,000 членовъ духовенства разныхъ исповѣданій (38,093 католическихъ патеровъ, 686 протестантскихъ пасторовъ, 54 еврейскихъ раввиновъ; итого, въ общемъ, 38,833 лица въ 1906 г.).

*****) Поль Луи, считающійся спеціалистомъ по рабочему вопросу во Франціи, въ своей послѣдней суховатой, но полезной нѣкоторыми данными книжкѣ, посвященной „Исторіи синдикальнаго движенія во Франціи", отдѣлывается отъ этого вопроса довольно общей фразой: „Въ своемъ послѣднемъ фазисѣ синдикальное движеніе крѣпко охватываетъ (étreint et englobe) маленькихъ чиновниковъ государства... Напряженность синдикальнаго теченія должна поистинѣ достигать крайнихъ размѣровъ, чтобы проникнуть въ среду тѣхъ пролетаріевъ, которые по самой сущности своей, казалось, всего дольше должны были ускользать отъ его

Синдикаты связываютъ значительное число трудящихся слѣдующихъ категорій: рабочихъ на государственной желѣзнодорожной сѣти (1712 членовъ: во Франціи, какъ извѣстно, правительствомъ эксплуатируется лишь сравнительно небольшая часть рельсовыхъ путей, тогда какъ всѣ остальныя желѣзныя дороги находятся въ рукахъ шести большихъ обществъ); рабочихъ и служащихъ на спичечныхъ фабрикахъ, на табачныхъ мануфактурахъ (12,000 членовъ), на пороховыхъ заводахъ, въ арсеналахъ, въ военныхъ магазинахъ и мастерскихъ; чертежниковъ военно-инженернаго вѣдомства; телеграфно-почтовыхъ рабочихъ, занятыхъ проведеніемъ и ремонтомъ телеграфныхъ и телефонныхъ линій, и т. д. Почти всѣ эти синдикаты соединены въ болѣе обширныя группы: таковы федеративный союзъ правительственныхъ рабочихъ, федерація рабочихъ государственнаго флота, федерація табачныхъ мануфактуръ, федерація спичечныхъ фабрикъ.

Съ другой стороны, собственно чиновники и служащіе, приближающіеся къ типу чиновника, объединяются въ ассоціаціи, изъ которыхъ наиболѣе важными являются: ассоціація «кондукторовъ» и «комми» вѣдомства путей сообщенія (эти двѣ категоріи дорожныхъ служащихъ почти цѣликомъ входятъ въ союзъ въ количествѣ 6500 человѣкъ); ассоціація чиновниковъ, административныхъ агентовъ и служащихъ почтово-телеграфнаго вѣдомства (13,500 членовъ); ассоціація низшихъ служащихъ того же вѣдомства (такъ называемымъ sous-agents, изъ которыхъ три четверти принадлежатъ къ профессіональной организаціи); ассоціація таможенныхъ чиновниковъ и служащихъ различныхъ наименованій (заключаетъ въ себѣ 21,000 членовъ изъ общаго числа таможеннаго персонала въ 23,000 человѣкъ); ассоціація высшихъ и среднихъ чиновниковъ центральныхъ администрацій и ассоціація низшихъ чиновниковъ тѣхъ же присутственныхъ мѣстъ; ассоціація служащихъ въ министерствахъ (3000 членовъ); ассоціаціи тюремныхъ надзирателей, полицейскихъ коммиссаровъ, мировыхъ судей, чиновниковъ департамента косвенныхъ налоговъ, служащихъ въ префектурахъ и, наконецъ, учителей (громадное большинство которыхъ, особенно изъ учащаго персонала народныхъ школъ, насчитывающаго болѣе 111,000, принадлежитъ къ ассоціаціямъ, обнаруживающимъ, какъ увидимъ сейчасъ, сильную склонность превращаться въ синдикаты и сростаться въ большія федераціи). Словомъ, возникшая въ 1905 г. и окончательно установившая свои статуты въ іюлѣ 1906 г. «Общая федерація профессіональныхъ ассоціацій гражданскихъ служащихъ государства» (*Fédération générale des associations professionnelles des employés civils de l'Etat*), которая объединяетъ всѣ эти различные союзы, насчитываетъ по приблизительнымъ

маніяія" (Paul Louis, Histoire du Mouvement syndical en France (1789—1906)»; Парижъ, 1907, стр. 161—162, passim).

выкладкамъ 90,000 членовъ, а съ учителями и почтовыми служащими не менѣе 215,000 членовъ, что довольно хорошо сходится съ утвержденіемъ автора замѣтки, помѣщенной въ № 1045 (отъ 26-го февраля 1907 г.) «L'Humanité», относительно того, что по крайней мѣрѣ три четверти всего административнаго персонала Франціи вошло нынѣ въ этотъ профессіональный союзъ. Въ своемъ окончательномъ видѣ эта федерація слагается изъ десяти различныхъ ассоціацій: служащихъ по вѣдомству путей сообщенія; косвенныхъ налоговъ; подвижного состава таможенныхъ; таможенныхъ, прикрѣпленныхъ къ извѣстнымъ пунктамъ; федераціи ассоціацій служащихъ въ министерствахъ и государственной администраціи; государственныхъ мануфактуръ, табачныхъ заводовъ и спичечныхъ фабрикъ; внутренняго судоходства, маяковъ и фарватеровъ; сборщиковъ податей (percepteurs); персонала общественныхъ работъ; и почтовыхъ, телеграфныхъ и телефонныхъ служащихъ.

Какъ видите, правительству-хозяину приходится считаться съ этимъ постояннымъ ростомъ профессіональной солидарности среди своихъ наемниковъ. И когда мы видимъ, что въ числѣ этихъ ассоціацій, имѣющихъ цѣлью отстаивать интересы своихъ членовъ коллективнымъ напоромъ на правительство, являются союзы даже полицейскихъ чиновниковъ, то роль синдикализма въ современномъ обществѣ вырисовывается во всей ея многозначительной мощи и историческомъ значеніи.

Мы раньше сказали о двухъ типахъ профессіональныхъ организацій:—синдикатахъ и ассоціаціяхъ. Вопросъ о томъ, чѣмъ они между собой отличаются, и какія группы служащихъ входятъ преимущественно въ ту или другую категорію, интересенъ въ томъ отношеніи, что, отвѣчая на него, мы дадимъ понятіе о пріемахъ, къ которымъ прибѣгаетъ правительство въ своей неустанной борьбѣ съ профессіональными союзами своихъ рабочихъ и служащихъ. Какъ извѣстно, законъ 21-го марта 1884 г. о синдикатахъ, или «законъ Вальдэка-Руссо», изнимаетъ изъ сферы дѣйствія законовъ и статей французскаго уголовнаго свода, ограничивающихъ свободу обществъ и ассоціацій, «синдикаты или профессіональныя ассоціаціи». Онъ даетъ послѣднимъ право существовать «безъ разрѣшенія правительства», «даже еслибы они заключали въ себѣ болѣе двадцати лицъ». Для этого нужно, однако, чтобы эти общества имѣли «своимъ исключительнымъ предметомъ изученіе и защиту экономическихъ, промышленныхъ, торговыхъ и земледѣльческихъ интересовъ»—таково именно и есть опредѣленіе «профессіональнаго синдиката» по закону 1884 г.,—и чтобы они представляли свои статуты и имена своихъ администраторовъ въ мѣстную мэрію, а въ Парижѣ въ сенскую префектуру, при чемъ эти администра-

торы должны быть французскими гражданами (être Français et jouir de leurs droits civils).

При соблюденіи же этихъ условій профессіональные синдикаты (законъ говоритъ: «какъ рабочихъ, такъ и хозяевъ») получаютъ нѣкоторыя права юридическаго лица: могутъ выступать на судѣ; могутъ собирать взносы со своихъ членовъ; могутъ безъ разрѣшенія правительства организовать между своими участниками спеціальныя кассы взаимопомощи и пенсіонныя кассы; могутъ свободно учреждать справочныя бюро для спроса и предложенія труда; могутъ даже пріобрѣтать недвижимыя имущества, но ограничиваясь, впрочемъ, при этомъ лишь тѣми, которыя «будутъ необходимы для ихъ собраній, библіотекъ и курсовъ профессіональнаго образованія». Законъ 1884 г. разрѣшаетъ синдикатамъ вступать между собою въ союзы. Но этимъ болѣе крупнымъ организаціямъ онъ отказываетъ въ признаніи ихъ, хотя бы и съ ограниченіями, юридическимъ лицомъ: такъ они не могутъ ни пріобрѣтать недвижимость, ни выступать въ судѣ.

Перейдемъ теперь къ изложенію существенныхъ чертъ закона 1-го іюля 1901 г., который провозглашаетъ,—говорятъ французы, — «общую свободу ассоціаціи», а, по мнѣнію нѣкоторыхъ юристовъ Третьей республики, даже является «однимъ изъ самыхъ либеральныхъ, какіе только существуютъ въ цивилизованномъ мірѣ» *). Однимъ изъ своихъ параграфовъ (§ 2 статьи 21) онъ объявляетъ, что имъ «не вносится никакого измѣненія въ спеціальные законы, относящіеся къ профессіональнымъ синдикатамъ». Но самъ по себѣ онъ установляетъ для ассоціацій вообще правила, которыя не совсѣмъ совпадаютъ съ законодательствомъ, регулирующимъ во Франціи синдикаты. А именно онъ раздѣляетъ всѣ общества на три категоріи: ассоціаціи, не объявившія себя; ассоціаціи, которыя объявили о своемъ существованіи, и ассоціаціи, которыя признаны правительствомъ «общественно-полезными» (d'utilité publique). Ассоціаціи перваго рода, т. е. тѣ, которыя не хотятъ заявлять властямъ о своемъ существованіи, могутъ составляться совершенно свободно, безъ всякаго разрѣшенія, но за то онѣ не пользуются никакими юридическими правами. Чтобы получить ихъ, онѣ должны сдѣлать заявленіе (въ префектурѣ или подпрефектурѣ) о названіи и предметѣ своемъ, о мѣстонахожденіи, объ именахъ, профессіяхъ и мѣстожительствѣ своихъ администраторовъ или директоровъ и, наконецъ, приложить къ этому заявленію два экземпляра своего устава. Кромѣ того, всякія измѣненія въ составѣ администраціи и въ уставѣ должны сейчасъ же сообщаться властямъ, равно какъ вноситься въ спеціальный листъ, который долженъ представляться всякій разъ, какъ того потребуетъ администрація или судъ. Эти заявив-

*) A. Esmein, „Eléments de droit constitutionnel français et comparé"; Парижъ, 1903, стр. 401.

шія оффиціально о своемъ существованіи ассоціаціи получаютъ нѣкоторыя юридическія права: они могутъ, безъ разрѣшенія, выступать въ судѣ, распоряжаться суммами, поступающими отъ членскихъ взносовъ, владѣть помѣщеніемъ, предназначеннымъ для администраціи обществъ и членскихъ собраній, обладать недвижимостью, «строго необходимою для выполненія поставленной ими себѣ цѣли» (ст. 6). Что касается до ассоціацій, которыя желаютъ признанія ихъ «общественно-полезными», то онѣ признаются правительствомъ таковыми путемъ особаго рода декретовъ (это такъ называемые во Франціи «административные регламенты», règlements d'administration publique, вырабатываемые въ согласіи съ законами исполнительной властью). Онѣ получаютъ, какъ и предыдущія, право обладать и пріобрѣтать строго необходимую для ихъ цѣлей недвижимость. Принадлежащія имъ бумаги должны быть непремѣнно въ именныхъ билетахъ. Онѣ могутъ принимать пожертвованія и наслѣдовать по завѣщаніямъ, но въ условіяхъ, предусмотрѣннымъ какъ гражданскимъ сводомъ, такъ и закономъ 4-го февраля 1901 г.

Достаточно самаго поверхностнаго сравненія законодательствъ, регулирующихъ во Франціи, съ одной стороны, профессіональные синдикаты, съ другой—ассоціаціи вообще, чтобы увидѣть, что первые живутъ подъ болѣе либеральнымъ режимомъ, чѣмъ вторыя. Въ самомъ дѣлѣ, синдикаты, приближаясь по своимъ правамъ къ заявившимъ о себѣ ассоціаціямъ, въ то же время связаны гораздо меньшими формальностями. Мало того: ихъ юридическія полномочія, въ сущности, даже больше правъ не только сейчасъ упомянутыхъ ассоціацій второго рода, но и ассоціацій третьей категоріи, признанныхъ правительствомъ «общественно-полезными». Синдикаты получаютъ пожертвованія, равно какъ наслѣдуютъ по завѣщаніямъ безъ всякаго разрѣшенія. Никакая статья законовъ не опредѣляетъ обязательной формы, въ которой они должны владѣть движимостью. Наконецъ, обратите вниманіе на очень важное—въ особенности для трудящихся—право синдикатовъ «свободно учреждать справочныя бюро для спроса и предложенія труда», тогда какъ такія же точно учрежденія, организуемыя ассоціаціями, функціонирующими на почвѣ и въ рамкахъ закона 1901 г., подчиняются декрету 25-го марта 1852 г., строго регламентирующему условія ихъ дѣятельности,—чего и слѣдовало, впрочемъ, ожидать отъ указа, выпущеннаго въ самые первые тяжко реакціонные дни цезаристскаго режима, только что совершившаго coup d'Etat и быстро шедшаго къ императорской конституціи.

Интересно, что именно этотъ сравнительный либерализмъ закона 1884 г. о синдикатахъ, особенно до изданія узаконеній объ ассоціаціяхъ 1901 г., и вызывалъ какъ у французской администраціи, такъ у французскаго суда постоянное стремленіе по возможности урѣзать, сузить сферу дѣйствія синдикальныхъ организацій. Эта реакціонная тактика шла, главнымъ образомъ, въ

двухъ направленіяхъ: законъ о синдикатахъ истолковывался, какъ не относящійся къ либеральнымъ профессіямъ; и въ правѣ на синдикальную группировку болѣе или менѣе рѣшительно отказывалось лицамъ, получающимъ заработную плату или жалованье отъ государства: рабочимъ, служащимъ и чиновникамъ. Какова бы ни была внѣшняя аргументація, фразеологія для галлереи, пускаемая въ ходъ представителями французскаго буржуазнаго государства, внутренніе мотивы такого ея поведенія очень прозрачны. Съ одной стороны, если подъ давленіемъ роста собственно такъ называемаго рабочаго движенія, наиболѣе видные политики третьяго сословія, въ родѣ Вальдэка-Руссо, пытались открыть и регулировать пути профессіональной организаціи трудящихся, — которые сами-то кстати сказать, относились враждебно къ этой, какъ имъ казалось, маккіавелевской тактикѣ правящей буржуазіи *), — то представители французскаго классового государства въ общемъ не желали привить вкусъ къ синдикальной группировкѣ членамъ либеральныхъ профессій. Они не безъ основанія полагали, что сплоченныя организаціи интеллигентныхъ людей могутъ надѣлать много хлопотъ централизованному государству. Съ другой стороны, они въ зародышѣ старались раздавить стремленія къ синдикализму среди рабочихъ и служащихъ государства, опять таки совершенно логически разсуждая съ своей точки зрѣнія, что изъ организаціи наемниковъ правительства можетъ выработаться серьезная сила, которая захочетъ прибѣгать къ такому же дебатированію условій найма съ хозяиномъ-государствомъ, какое практикуется наемниками частныхъ лицъ по отношенію къ своимъ хозяевамъ; и что въ такомъ случаѣ фетишизму и традиціонному преклоненію передъ государственной машиной наступитъ конецъ. Мы остановимся на нѣкоторыхъ перипетіяхъ этой борьбы централизованной власти Третьей республики съ синдикальнымъ движеніемъ.

Попытки французскаго правительства не допустить вообще людей либеральныхъ профессій воспользоваться прошедшимъ черезъ парламентъ закономъ 1884 г. прямо не относятся къ предмету нашей статьи. Но онѣ относятся къ нему косвенно и относятся очень существеннымъ образомъ, такъ какъ среди представителей упомянутыхъ профессій вербуются чиновники и служащіе государства, нѣкоторые разряды которыхъ стали въ послѣднее время сильно озабочивать своимъ независимымъ выступленіемъ и энергичной защитой интересовъ великихъ и малыхъ боговъ бюрократіи. Таковы, напр., члены учащаго персонала всѣхъ трехъ категорій, начиная отъ учителей народной школы, переходя къ преподавателямъ среднеучебныхъ заведеній и кончая профессорами

*) См. въ уже цитированной мною моей статьѣ о „Французскомъ синдикализмѣ“ краткую исторію отношенія рабочихъ къ закону о синдикатахъ, особенно стр. 34.

университетовъ и вообще высшихъ школъ. Такимъ образомъ, лишь вскользь упомянувши о стараніяхъ администраціи и суда Третьей республики выключить изъ числа лицъ, имѣющихъ право образовывать между собою синдикаты, врачей, хирурговъ, дантистовъ, акушерокъ *), мы переходимъ къ исторіи борьбы французскаго правительства противъ синдикальныхъ стремленій въ педагогическомъ мірѣ, а главнымъ образомъ, среди учителей народныхъ школъ. Ибо, съ одной стороны, именно эта категорія преподавателей проявила, по крайней мѣрѣ, въ послѣднее время, наибольшее тяготѣніе къ синдикализму. А съ другой стороны, само правительство не такъ рѣзко выступало противъ преподавателей среднеучебныхъ заведеній и профессоровъ университета, побаиваясь вліянія этихъ лицъ на печать и вообще на общественное мнѣніе и ограничиваясь мѣрами строгости противъ нихъ не столько за образованіе незаконныхъ синдикатовъ, сколько за выступленіе съ ярко антиправительственными взглядами (вспомните Эрвэ съ его «антипатріотическою» проповѣдью, приведшею правящія сферы въ комичный, на половину притворный страхъ). Исторія синдикализма среди народныхъ учителей и борьбы съ нимъ, правительства начинается на слѣдующій же день по изданіи закона 1884 г. Въ Сенскомъ департаментѣ въ первый же годъ функціонированія этого закона учителями первоначальныхъ школъ была сдѣлана попытка организовать синдикатъ, основатели котораго были, впрочемъ, настроены крайне мирно и не желали ничего другого, какъ только защищать свои профессіональные интересы. Но правительство ревниво слѣдило за малѣйшими проявленіями ассоціаціоннаго духа среди педагогическаго персонала. И какъ только синдикальная организація сенскихъ учителей стала обнаруживать притягательное дѣйствіе на членовъ профессіи и разрастаться, находившееся тогда у власти рѣзко оппортунистическое министерство сочло нужнымъ прибѣгнуть къ административнымъ перунамъ. Въ сентябрѣ 1887 г. министръ народнаго просвѣщенія, Спюллеръ, издалъ свой знаменитый въ лѣтописяхъ правительственной борьбы съ синдикатами служащихъ циркуляръ, на который нерѣдко ссылались враги профессіональнаго движенія среди наемниковъ государства. Циркуляръ этотъ гласилъ такъ: «общественная должность не есть профессія, точно такъ же, какъ жалованье не есть заработная плата. Заработная плата служитъ предметомъ дебатированія между рабочимъ и хозяиномъ; это—борьба интересовъ, опредѣляющая права спроса и предложенія труда... Но жалованье, наоборотъ, опредѣляется закономъ и можетъ быть измѣнено только путемъ закона

*) Всѣ эти категоріи, тщетно добивавшіяся права на синдикатъ въ теченіе цѣлыхъ восьми лѣтъ, благодаря „разъясненіямъ" Кассаціоннаго Суда, составляющимъ pendant „разъясненіямъ" нашего Сената, получили, наконецъ, право на профессіональную организацію въ силу спеціальнаго закона 1892 г.

же. Предполагая даже, что оно низко, найдется ли, однако, хоть один человѣкъ, который станетъ утверждать, что чиновники имѣютъ право составлять коалиціи между собою и, въ случаѣ надобности, даже устраивать стачки съ тѣмъ, чтобы вынудить у государства повышеніе различныхъ родовъ жалованья?.. Автономія чиновниковъ носитъ, въ сущности, другое имя: она называется анархіей; а автономія союзовъ чиновниковъ была бы организованной анархіей»... И велерѣчивый оппортунистъ заканчивалъ свой циркуляръ авторитарнымъ утвержденіемъ, что онъ, Спюллеръ, признаетъ «мятежный характеръ за всякой ассоціаціей чиновниковъ, ставящей тройную цѣль, которую резюмируютъ три слова: автономія, федерація, профессіональный синдикатъ».

Профессіональная организація учителей была, такимъ образомъ, въ теченіе нѣкотораго времени парализована правительствомъ, которое дѣйствовало, несмотря на смѣну кабинетовъ, въ духѣ теоріи и практики Спюллера. Объединеніе на почвѣ корпоративныхъ интересовъ стало возникать снова въ формѣ такъ называемыхъ «Amicales», или «дружескихъ» обществъ учителей, ставившихъ себѣ въ началѣ крайне скромныя цѣли, чуть ли единственно не обмѣна мыслями между бывшими коллегами-педагогами на товарищескихъ банкетахъ *) А такъ какъ рядомъ съ этими союзами функціонировали уже раньше существовавшія кассы взаимопомощи учителей, то вновь учреждавшіяся общества не отвѣчали, казалось, никакой серьезной потребности и мало удовлетворяли наиболѣе дѣятельныхъ членовъ корпораціи. Но и съ этими невинными и далекими на первыхъ порахъ отъ какихъ бы то ни было политическихъ цѣлей союзами произошло то, что всегда происходитъ съ людьми, когда они вступаютъ на почву общенія: простой обмѣнъ мыслей приводилъ участниковъ «дружескихъ» обществъ къ сознанію коллективныхъ интересовъ и къ рѣшенію защищать ихъ соединенными силами.

На собраніяхъ этихъ союзовъ стали обсуждаться дѣйствія педагогическихъ властей и формулироваться жалобы и требованія учительскаго персонала. Послышались все болѣе и болѣе твердыя и горячія рѣчи о необезпеченномъ положеніи учителей, о давленіи на нихъ начальства, о нераціональномъ характерѣ программъ и учебниковъ. Нѣкоторые изъ наиболѣе передовыхъ союзовъ стали обращаться съ энергичными заявленіями о желательныхъ реформахъ къ правящимъ сферамъ. Съ другой стороны, стали дѣлаться участниками попытки превращать эти общества въ профессіональныя организаціи типа синдикатовъ и образовывать изъ нихъ болѣе или менѣе обширныя областныя (régionales) и даже «національныя» федераціи. Но неудержимо разроставшееся движеніе снова

*) См. замѣтку: Antonin Franchet, «Historique du mouvement syndical chez les instituteurs» въ „Revue Syndicaliste», n°7 (15 ноября 1905 г.), стр. 163.

нашло, на пути своего развитія, стараго врага: буржуазное государство. Циркуляры и мѣры взысканія опять посыпались на дерзкихъ педагоговъ-синдикалистовъ съ высотъ административнаго Олимпа. И министры-радикалы не уступали въ этой опекающей дѣятельности министрамъ-либераламъ. Такъ, еще въ августѣ 1892 г. Леонъ Буржуа, въ отвѣтъ на попытку учителей организовать областной конгрессъ на югѣ Франціи, писалъ префекту департамента Воклюзы: «Съ самаго же начала правительство провело демаркаціонную линію (между различными союзами Н. К.). Оно заявило, что не позволитъ проникнуть въ сферу народнаго образованія,—подъ предлогомъ «группировки учителей»,—какой-либо постоянной организаціи въ родѣ *профессіональнаго синдиката*, лиги или федераціи, приводящей къ созданію центральнаго комитета, или всякаго другого способа незаконной концентраціи власти въ рукахъ оффиціальныхъ уполномоченныхъ, каковы бы они ни были».

Тремя годами позже, въ декабрѣ 1895 г., когда Леонъ Буржуа составилъ уже чисто радикальное министерство, министръ народнаго просвѣщенія въ его кабинетѣ, Комбъ, ставшій впослѣдствіи столь извѣстнымъ, какъ глава боевого антиклерикальнаго кабинета и, повидимому, наиболѣе чистый и убѣжденный человѣкъ въ лагерѣ радикальныхъ политикановъ, воспроизводилъ буквально въ своемъ письмѣ къ ректору парижской академіи (попечителю округа) разсужденія Буржуа и присовокуплялъ къ нимъ еще слѣдующія: «Государство не можетъ допустить, чтобы ассоціація, состоящая изъ государственныхъ чиновниковъ, имѣла возможность, подъ предлогомъ помощи своимъ членамъ, вмѣшиваться въ отношенія между ними и ихъ іерархическими начальниками и, въ извѣстный моментъ, пускать въ ходъ всѣ средства, находящіяся въ ея распоряженіи, чтобы мѣшать дѣйствіямъ отвѣтственнаго министра и производить давленіе на государственную власть.»

Нечего уже совсѣмъ поэтому удивляться, что въ февралѣ 1897 г., преемникъ Комба по министерству, умѣренный республиканецъ Рамбо, рѣшительно отказывалъ въ разрѣшеніи образовавшейся было ассоціаціи членовъ учащаго персонала и заявлялъ, что хотя это общество и называетъ себя обществомъ *изученія* профессіональныхъ интересовъ, оно фатально превратится въ общество *дѣйствія*; а «сила, которую даетъ великая сфедерированная или коалиціонная коллективность», сдѣлаетъ его очень опаснымъ для авторитета правительства. На основаніи этихъ вполнѣ откровенныхъ соображеній, Рамбо запрещалъ «чиновникамъ» своего вѣдомства вступать въ какую бы то ни было профессіональную ассоціацію и пытался провести рѣзкую границу между чиновникомъ вообще и рабочимъ на службѣ у государства (мы увидимъ, впрочемъ, вскорѣ, что у правящей французской буржуазіи сильно распространена тенденція смѣшивать эти двѣ категоріи лицъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы обрушиться админи-

стративнымъ гнетомъ на рабочихъ казенныхъ фабрикъ и заводовъ): «Государственный чиновникъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть приравненъ къ человѣку, который служитъ государству въ силу договора, за наемную или заработную плату, какъ то дѣлаетъ рабочій, договаривающійся съ хозяиномъ».

Даже нравственная встряска, испытанная лучшей частью французской буржуазіи во время дѣла Дрейфуса, не внесла рѣшительнаго измѣненія въ систему недовѣрія и репрессій, которую правительство примѣняло къ учительскимъ ассоціаціямъ. Когда движеніе «народныхъ университетовъ» поставило на очередь сближеніе физическихъ и умственныхъ работниковъ на почвѣ демократіи и свободной мысли и встрѣтило симпатію въ значительно передвинувшихся влѣво правящихъ сферахъ, которымъ приходилось теперь искать опоры въ широкихъ слояхъ, чтобы вести успѣшную борьбу съ клерикальной и шовинистской реакціей, то нѣкоторые изъ учителей рѣшили было придать объединенію двухъ категорій трудящихся болѣе серьезную и прочную форму. На рубежѣ двухъ столѣтій учителя департамента Соммы выработали проектъ войти, въ качествѣ синдиката, въ биржу труда города Амьена. Окружный инспекторъ, хотя бывшій большимъ демократомъ и антиклерикаломъ, извѣстилъ, однако, продерзностныхъ педагоговъ, что правительство считаетъ нужнымъ воспретить это вступленіе учителей въ организацію пролетаріевъ. И, не желая создавать затрудненій свободолюбивому инспектору, учащій персоналъ Соммы отказался отъ своего плана, хотя на слѣдующемъ же собраніи «Дружескаго общества» была выработана рѣзкая резолюція, говорящая о твердомъ намѣреніи его членовъ добиваться со стороны правительства признанія за ними всѣхъ правъ французскихъ гражданъ, включая сюда и право свободной группировки въ ассоціаціи.

Правительство не обратило большого вниманія на эти, какъ ему казалось, платоническія угрозы, и профессіональное объединеніе учителей, повидимому, пріостановилось, какъ вдругъ лѣтомъ 1904 г. разнеслась вѣсть о томъ, что одно изъ учительскихъ обществъ Варскаго департамента, «Cercle pédagogique du Var», преобразовалось въ синдикатъ, т. е. стало на почву профессіональной рабочей организаціи. Само по себѣ это чисто мѣстное событіе вызвало, однако, сильное движеніе умовъ во всей Франціи. Въ то время, какъ буржуазные, и серьезные, и бульварные органы вмѣстѣ со спеціальною педагогическою прессою старались устроить противъ варскихъ учителей заговоръ молчанія, ихъ рѣшеніе стало усиленно обсуждаться соціалистическою печатью. И нашелся даже одинъ педагогическій журналъ, посвященный вопросамъ первоначальнаго образованія «La Revue de l'Enseignement Primaire», который завелъ спеціальную рубрику «Синдикальное движеніе въ университетскомъ мірѣ». (По-французски, какъ из-

вѣстно, слово «университетъ» обнимаетъ въ широкомъ смыслѣ совокупность всѣхъ степеней образованія).

Примѣръ оказался заразительнымъ, и вслѣдъ за учителями Варскаго департамента вопросъ о преобразованіи педагогическихъ обществъ въ синдикаты былъ поднятъ учащимъ персоналомъ на югѣ Франціи (въ департаментахъ Гаръ, Верхней Гаронны, Восточныхъ Пиренеевъ, Коррезы, Воклюзы, устьевъ Роны), на западѣ (Мэна-и-Луары, Двухъ Севровъ), на сѣверѣ (въ департаментѣ Соммы), въ далекой и еще недавно бывшей исключительно католическою Бретани (въ Финистеррѣ). А въ Сенскомъ департаментѣ даже выборы въ генеральный совѣтъ (наше губернское земство) состоялись, между прочимъ, на платформѣ синдикализаціи учительскихъ обществъ, и всѣ пять кандидатовъ, защищавшихъ этотъ принципъ во время избирательной агитаціи, прошли.

Правительство снова рѣшило прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости, и осенью 1905 г., когда общество сенскихъ учителей, извѣстное подъ именемъ «L'Emancipation», преобразовало себя въ синдикатъ и представило въ префектуру свой уставъ для правильной регистраціи, префектъ отказался дать росписку въ полученіи этихъ документовъ, а министерство Рувье, смѣнившее министерство Комба, распорядилось привлечь членовъ совѣта ассоціаціи къ суду исправительной полиціи по обвиненію въ незаконномъ составленіи синдиката.

Въ промежуткѣ возникъ вопросъ, не пріостановить ли эти преслѣдованія, такъ какъ палата готовилась къ обсужденію законопроекта одного изъ вліятельныхъ своихъ членовъ, Луи Барту, докладъ котораго о нѣкоторыхъ необходимыхъ измѣненіяхъ въ законодательствѣ о синдикатахъ предусматривалъ еще въ 1903 г. именно право чиновниковъ на образованіе профессіональныхъ организацій. Преслѣдованія были, дѣйствительно, пріостановлены. Но самая новѣйшая исторія этой коллизіи сенскихъ учителей съ правительствомъ такъ глубоко комична и грустна, и вмѣстѣ съ тѣмъ возмутительна, что о ней нельзя не сказать нѣсколько словъ. Послѣ пріостановки упомянутыхъ преслѣдованій и вота палатою общей амнистіи, включавшей въ число амнистированныхъ и учителей, синдикаты педагогическаго персонала стали возникать и функціонировать почти совершенно свободно. Но вотъ министерскій кризисъ уноситъ въ мартѣ 1906 г. кабинетъ Рувье и ставитъ на его мѣсто кабинетъ Саррьена. Въ него входятъ, между прочимъ, такіе, казалось бы, защитники всякихъ свободъ, какими являются: еще недавно чуть не «анархистъ» Клемансо, дѣлающійся министромъ внутреннихъ дѣлъ; Бріанъ, давнишній пропагандистъ всеобщей стачки, получающій портфель министра народнаго просвѣщенія, и уже знакомый намъ Барту, берущій портфель министра общественныхъ работъ. Докладъ послѣдняго, кстати сказать, напечатанный сначала въ видѣ приложенія къ «Journal officiel»

(№ 1418, отчетъ о засѣданіи палаты депутатовъ 28-го декабря 1903 г.) и появившійся вскорѣ отдѣльной книгой подъ заглавіемъ «Синдикальная дѣятельность» *), возбуждалъ интересъ и нѣкоторыя симпатіи даже среди довольно крайнихъ элементовъ, которые думали, что разъ Барту попалъ въ министры, онъ будетъ защищать и въ кабинетѣ благожелательный взглядъ на синдикаты.

И что же? Именно съ воцареніемъ этого министерства, свирѣпствовавшаго всю весну и лѣто противъ стачечниковъ всякаго рода, начинаются новыя преслѣдованія учительскихъ синдикатовъ. Прежде всего мосье Бріанъ неоднократно заявляетъ, что лучшіе, по его мнѣнію, учителя, это тѣ, которые не занимаются политикой; и что онъ будетъ неуклонно подвергать строгимъ дисциплинарнымъ карамъ тѣхъ членовъ учащаго персонала, которые прибѣгаютъ къ агитаціи и къ коллективному давленію на правительство съ цѣлью добиться того или другого, хотя бы и справедливаго требованія. Въ общемъ же кабинетъ смотритъ на учительскіе союзы, принимающіе форму синдикатовъ, какъ на вещь ненормальную и недопустимую, какъ на попытку организоваться на основаніяхъ, не соотвѣтствующихъ роли и положенію учителей въ обществѣ.

Дальше еще лучше: министерство Саррьена осенью 1906 г. уступаетъ, въ свою очередь, мѣсто министерству Клемансо. Послѣдній становится премьеромъ, сохраняя свой постъ министра внутреннихъ дѣлъ, оставляя при себѣ съ прежними портфелями Бріана и Барту и отдавая портфель новаго министерства, министерства труда, «независимому соціалисту» Вивьяни. Что за обиліе радикальныхъ и соціалистическихъ элементовъ! И однако, и этотъ новый кабинетъ оказался по отношенію къ представителямъ физическаго и умственнаго труда ничуть не мягче и ничуть не справедливѣе, чѣмъ прежніе оппортунистскіе и умѣренно радикальные кабинеты. Уже въ своей декларацiи отъ 5-го ноября 1906 г. министерство Клемансо за реторическимъ, ни къ чему не обязывающимъ обѣщаніемъ «статута» для чиновниковъ разставляетъ гораздо болѣе реальную артиллерію угрозъ противъ стачекъ служащихъ: «Правительство предложитъ на ваше разсмотрѣніе, для регулированія статута чиновниковъ, законопроектъ, который, обезпечивая имъ свободу профессіональной ассоціаціи и гарантируя ихъ противъ произвола, удержитъ ихъ въ границахъ исполненія долга по отношенію къ государству, отвѣчающему за общественныя службы» **). Но пока появится и будетъ обсуждено парламентомъ пресловутое «регулированіе статута» ***), вотъ какъ обращается

*) Louis Barthou, „L'Action syndicale"; Парижъ, 1904.

**) Ср. мою статью „Радикализмъ передъ судомъ соціализма", въ ноябрьской книжкѣ „Русскаго Богатства", стр. 42—79, въ особенности же стр. 77.

***) Статья эта была уже написана, когда газеты принесли извѣстіе, что столь долго ожидаемый законопроектъ внесенъ министерствомъ на обсужденіе въ палату. Онъ стоитъ на банальной почвѣ опредѣленія чи-

кабинетъ Клемансо со «свободой профессіональной ассоціаціи». Совсѣмъ недавно, 22-го февраля 1907 г., синдикатъ учителей, который вошелъ въ составъ парижской биржи труда, явился въ зданіе биржи, чтобы занять отведенное ему административной коммиссіей учрежденія мѣсто для своихъ занятій, собраній и т. п. Сенскій префектъ, въ качествѣ лица, завѣдующаго городскимъ зданіемъ, отказался наотрѣзъ допустить туда учительскій синдикатъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не фигурируетъ въ спискѣ организацій, правильно примыкающихъ къ парижской биржѣ труда. Жалобы, требованія, обращенія къ министру народнаго просвѣщенія, переговоры съ президентомъ совѣта министровъ ни къ чему не привели: Бріанъ и Клемансо остались глухи къ голосу педагогическаго пролетаріата; и парижскому «Союзу синдикатовъ» пришлось пріютить синдикатъ учителей въ своемъ помѣщеніи. Разумѣется, теперь самые рѣзкіе протесты противъ «радикально-соціалистическаго» произвола раздаются въ рядахъ учителей и поддерживаются синдикалистами Парижа. Эти протесты ярко выражаютъ разницу точекъ зрѣнія, на которыхъ стоятъ члены синдикатовъ, съ одной стороны, и правительство Третьей республики—съ другой.

Административная коммиссія синдикатовъ горячо разоблачаетъ деспотическій актъ кабинета Клемансо-Бріана-Вивьяни-Барту и приглашаетъ всѣ синдикаты дружно вступиться за товарищей-учителей: «Завтра мы скажемъ, что настоящее министерство истолковываетъ законъ 1884 г. о синдикатахъ, какъ какой-то исключительный законъ. Завтра учителя скажутъ новымъ поколѣніямъ: «Французская республика провозгласила права человѣка и гражданина. Она дала всѣмъ одинаковыя права и обязанности, но она не считается съ этой декларацiей, когда дѣло идетъ о правахъ, дарованныхъ тѣмъ, кого она угнетаетъ и эксплуатируетъ. Эти факты, въ случаѣ подтвержденія, укажутъ организованному пролетаріату линію поведенія, которой онъ долженъ слѣдовать».

Съ своей стороны главный комитетъ союза синдикатовъ вотировалъ слѣдующую резолюцію: «Комитетъ рѣшилъ выразить учителямъ и учительницамъ Сенскаго департамента привѣтъ и одобреніе всего парижскаго пролетаріата за энергическія дѣйствія, предпринятыя ими для завоеванія синдикальныхъ правъ... Онъ пригла-

---

новника, какъ „делегата государственной власти“ и т. д. Онъ признаетъ за служащими государства право составлять лишь ассоціаціи и ихъ федераціи, но отнюдь не синдикаты (могущіе, значитъ, примыкать къ рабочимъ биржамъ труда). Онъ грозитъ стачечникамъ карами до 1 года тюремнаго заключенія. Такова свобода правительственныхъ служащихъ въ лѣто отъ основанія Третьей республики тридцать шестое... Конечно, это нисколько не остановитъ трудящихся въ борьбѣ съ правительственнымъ произволомъ. Въ частности, учителя, только что собравшіеся на конгрессъ въ Нантѣ, единодушно въ первый же день засѣданія (30 марта н. ст.) вотировали протестъ противъ законопроекта, мало того, вошли во „Всеобщую конфедерацію труда“... Tu l'as voulu, Georges... Clemenceau!..

шаетъ учителей и учительницъ Франціи, несмотря на запрещеніе министра Бріана, группироваться на почвѣ синдикатовъ, образовать и мѣстныя, и національныя федераціи, вступить въ союзъ солидарности со всѣми трудящимися, примкнувъ ко Всеобщей конфедераціи труда» *).

Не надо, впрочемъ, думать, что правительство Третьей республики прибѣгаетъ къ мѣрамъ строгости только въ примѣненіи къ учителямъ. Оно неоднократно обрушивалось преслѣдованіями на служащихъ и чиновниковъ всякихъ другихъ категорій, нисколько не забывая карать, когда это было только возможно, и собственно рабочихъ, т. е. лицъ, по отношенію къ которымъ оно какъ бы признавало возможность иной тактики, чѣмъ къ чиновникамъ.

Мы уже говорили раньше мимоходомъ о сравнительно очень давнихъ стараніяхъ правящихъ сферъ Третьей республики препятствовать всѣми способами росту профессіональныхъ организацій среди рабочихъ государства. Имя умѣреннаго республиканца, Марселя Барта, пользуется въ мірѣ труда печальной извѣстностью, какъ имя иниціатора реакціонной кампаніи противъ тогда недавно вотированнаго закона о синдикатахъ, образованіе которыхъ онъ хотѣлъ воспретить всѣмъ безъ исключенія правительственнымъ служащимъ и рабочимъ, предлагая даже насильственно распустить уже существующіе. Попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ, ибо въ эпоху, къ которой относится предложеніе сенатора Барта (1886 г.), въ парламентѣ и странѣ шла отчаянная борьба радикаловъ съ оппортунистами, и лѣвыя партіи старались привлечь на свою сторону массы.

Но послѣ разгрома буланжистскаго движенія и, можно сказать, наканунѣ грандіознаго скандала Панамы, когда оппортунистическая партія, главнымъ-то образомъ и побѣдившая въ этой борьбѣ, справляла свои послѣднія оргіи и торопилась жить во всю, изъ рядовъ правящихъ умѣренныхъ республиканцевъ было сдѣлано уже на всѣхъ служащихъ государства новое нападеніе. Оно увѣнчалось успѣхомъ въ томъ смыслѣ, что, не разрушая прямо закона о синдикатахъ, оно отказывало въ правѣ пользоваться этой формой профессіональной организаціи лицамъ, которыя правительство могло включать въ категорію «служащихъ». Я говорю о рѣчи, долго считавшейся классическою по этому вопросу и произнесенной на засѣданіи 17 ноября 1891 г. тогдашнимъ министромъ торговли, Жюлемъ Рошемъ. Этотъ талантливый, но глубоко безпринципный ренегатъ радикальнаго лагеря, а въ то время одинъ изъ столповъ оппортунизма (нынѣ же докатившійся по наклонной плоскости до клерикальныхъ взглядовъ), передъ тѣмъ, какъ попасть на скамью подсудимыхъ за самую низкопробную подкупность, развивалъ съ апломбомъ буржуазнаго Ликурга слѣдующую точку зрѣнія: «Я отнюдь не

*) „L'Humanité", n° 1041 (отъ 22-го февраля 1907 г.).

признаю за агентами правительства права осуществлять (mettre à éxécution) законъ о профессіональныхъ синдикатахъ потому, что этотъ законъ къ нимъ не относится, и потому, что если бы они стали организоваться въ синдикаты, то дѣлали бы это прямо противъ самого народнаго представительства. Законъ о профессіональныхъ синдикатахъ далъ эту свободу рабочимъ потому, что разъ два частныхъ интереса, интересъ хозяевъ, съ одной стороны, интересъ рабочихъ—съ другой, находятся на лицо, то надо было вручить всѣмъ заинтересованнымъ право пользоваться ихъ естественной свободой для защиты своихъ интересовъ. Но служащіе государства имѣютъ передъ собой не частный интересъ, а общій интересъ и самый высшій изъ всѣхъ: интересъ самого государства, представляемаго общественною властью, палатою и правительствомъ (по французской парламентарной терминологіи «правительство» обозначаетъ почти всегда кабинетъ, стоящій у власти. Н. К.); слѣдовательно, если бы они могли осуществить въ свою пользу законъ о профессіональныхъ синдикатахъ, то они организовали бы тѣмъ самымъ борьбу прямо противъ самой націи, противъ общаго интереса страны, противъ національной верховной власти. Что касается дѣятельности администраціи, во главѣ которой я имѣю честь стоять, то она контролируется вами, и этотъ контроль долженъ удовлетворить самыхъ требовательныхъ. Именно забота и долгъ правительственной власти и состоятъ въ томъ, чтобы къ каждому примѣнять справедливость въ предѣлахъ возможнаго, и агенты государства могутъ быть увѣрены, что ихъ интересы въ хорошихъ рукахъ, когда они находятся въ рукахъ національнаго представительства» *).

Этотъ символъ вѣры самодержавной бюрократіи получалъ важность главнымъ образомъ потому, что въ случаѣ принятія его политическими кругами давалъ правительству возможность парализовать синдикальное движеніе любой категоріи лицъ, оплачиваемыхъ въ той или иной формѣ государствомъ. Его боевое, враждебное міру труда значеніе ясно обрисовывалось всякій разъ, когда у власти становились министерства, выражавшія откровенно эгоистическія тенденціи имущихъ и правящихъ классовъ и дѣлавшія недвусмысленные выводы изъ глубоко буржуазной теоріи, развивавшейся панамистомъ Рошемъ. Такъ, въ періодъ сильной соціальной реакціи, вызванной страхомъ господствующихъ классовъ передъ ростомъ соціализма и оправдываемый правительствомъ—для галлереи—ссылками на анархическія покушенія, кабинетъ Казиміра Перье, который выражалъ интересы крупнаго капитализма, наотрѣзъ отказался признать право составлять синдикаты за служащими на государственной желѣзнодорожной сѣти, т. е. то самое право, которое при обычныхъ условіяхъ даже умѣренные республиканцы

*) Louis Barthou, «L'action syndicale» стр. 137—138.

не рѣшались оспаривать у служащихъ на частныхъ желѣзныхъ дорогахъ. Министръ общественныхъ работъ, Жоннаръ, тоже одинъ изъ представителей крупной буржуазіи, поддержанный самимъ премьеромъ, пытался установить передъ палатой софистическое различіе между тѣми рабочими и служащими, содержаніе которыхъ не опредѣлено заранѣе въ бюджетѣ, и тѣми, жалованье которыхъ фигурируетъ въ числѣ ежегодно вотируемыхъ бюджетныхъ статей, и не считалъ возможнымъ допустить синдикальную организацію для послѣднихъ. Дѣйствіе происходило на «историческомъ» засѣданіи палаты депутатовъ 22 мая 1894 г. У палаты, которую припирала не разъ къ стѣнѣ рѣзкая критика соціалистовъ и которая боялась новаго повода агитаціи въ массахъ, не хватило духу поддерживать реакціонное предложеніе министровъ, и кабинетъ Казиміра Перье рухнулъ, пораженный вотомъ слѣдующаго очереднаго порядка: «Палата, принимая во вниманіе, что законъ 1884 г. относится такъ же къ рабочимъ и служащимъ государственныхъ предпріятій, какъ и къ рабочимъ и служащимъ частной индустріи, приглашаетъ правительство уважать его и облегчать его осуществленіе».

Было бы, впрочемъ, наивно думать, что нападенія представителей соціальной реакціи на свободу синдикатовъ этимъ и кончились. Не говоря уже о томъ, что тактика правящихъ сферъ состояла въ проведеніи очень трудно устанавливаемой границы между такими государственными служащими, которымъ можно разрѣшать профессіональную организацію, и такими, которымъ этого яко бы нельзя (объ этомъ см. ниже), и кабинеты, и отдѣльные «законодатели» вели борьбу противъ синдикатовъ косвенно, а именно какъ противъ организацій, могущихъ проводить,—и въ этомъ враги трудящихся не ошиблись,—стачки болѣе успѣшно, чѣмъ не связанные профессіональными узами рабочіе. Таковъ смыслъ имѣло предложеніе двухъ сенаторовъ, Корделэ и Мерлэна (21 декабря 1894 г.), запретить всякія коалиціи, имѣющія цѣлью пріостановить или совсѣмъ прекратить работу (de suspendre ou de cesser le travail) во всѣхъ родахъ государственныхъ предпріятій и—по сопутности—на какихъ бы то ни было, даже и частныхъ, желѣзныхъ дорогахъ. Таковъ былъ смыслъ и законопроекта Трарьё (министра юстиціи въ кабинетѣ Рибо), который предлагалъ 4 марта 1895 г. запретить стачки въ арсеналахъ и желѣзныхъ дорогахъ, какъ предпріятіяхъ имѣющихъ, молъ, прямое отношеніе къ защитѣ страны отъ внѣшняго врага. Правда, и упомянутое сенаторское предложеніе, и упомянутый министерскій законопроектъ, несмотря на неоднократныя попытки любителей «сильной власти», не прошли. Такъ, проектъ Трарьё былъ взятъ назадъ радикальнымъ министерствомъ Буржуа и, снова вотированный значительнымъ большинствомъ въ сенатѣ (14 февраля 1897 г.), хотя и передавался дважды въ палату (30 іюня 1896 г. и 12 іюня 1902 г.), однако ею былъ оставленъ безъ разсмотрѣнія. Но мы

остановились на этихъ реакціонныхъ планахъ потому, что выдвигавшееся ими впередъ новое остріе аргументаціи—важность извѣстныхъ отраслей промышленности для всего государства — было подхвачено правящими сферами почти во всѣхъ странахъ и направлено, какъ подходящее оружіе въ грудь трудящихся массъ. Вспомните, дѣйствительно, стачки желѣзнодорожныхъ служащихъ въ послѣднее десятилѣтіе въ Голландіи, Италіи *), у насъ, во время великихъ «октябрьскихъ дней», и совсѣмъ недавно въ Болгаріи. Обратите, кстати, вниманіе на только что закончившуюся стачку (муниципальныхъ) рабочихъ электриковъ въ Парижѣ. Повсюду правительства считаютъ возможнымъ вмѣшиваться въ «коалиціи» трудящихся подъ тѣмъ предлогомъ, что ими наносится существенный ущербъ національнымъ интересамъ, и не стѣсняются въ выборѣ средствъ для ихъ подавленія. Они то грозятся приравнять для даннаго момента желѣзнодорожныхъ служащихъ солдатамъ; то, дѣйствительно, призываютъ тѣхъ стачечниковъ, которые принадлежатъ къ запасу, на службу и угрожаютъ имъ военной дисциплиной; то наконецъ, просто замѣняютъ ихъ арміей, какъ это только что рѣшилъ было продѣлать Клемансо, цинически объясняя радикальнымъ мамелюкамъ палаты въ отвѣтъ на интерпелляцію Жореса, что «общество хочетъ жить», и что въ интересахъ этого общества онъ, Клемансо, и предложилъ единодушно принятый кабинетомъ планъ замѣстить бастующихъ электриковъ арміей.

Раньше мы упомянули объ усиліяхъ французскихъ правящихъ сферъ установить извѣстную черту между тѣми «служащими» государства, на которыхъ можетъ быть распространенъ законъ о синдикатахъ, и тѣми, которымъ эта профессіональная организація должна быть воспрещена. Съ этою цѣлью была выставлена даже особаго сорта теорія, которая, впрочемъ, заключаетъ въ себѣ столько противорѣчій, когда ее прилагаютъ на практикѣ, что министры, смотря по большей или меньшей степени своего «либерализма», то принимаютъ ее къ руководству, то какъ бы забываютъ о ея существованіи. А въ результатѣ отношенія между государствомъ и его служащими носятъ характеръ случайности и произвольности, при чемъ чаще всего правительство является въ роли капризнаго властелина, желающаго расправляться съ той или другой категоріей зависящихъ отъ него лицъ, какъ ему заблагоразсудится.

---

*) Послѣ февральской стачки 1905 г. кабинетъ Фортиса, смѣнившій кабинетъ Джіолитти, провелъ въ парламентѣ законъ, который, вмѣстѣ съ выкупомъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ государствомъ, устанавливалъ строгія наказанія для желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ, приравнивая ихъ къ чиновникамъ. См. «La Revue Syndcaliste», № 1 (отъ 15 мая 1905 г.), стр. 16—17.

Теорія, о которой мы только что упомянули и которую правительство теперь при случаѣ выдвигаетъ, прячась за авторитеты ученыхъ юристовъ въ родѣ Нэзара, Бартэлеми, Бургэна и т. п. *), такова. Служащіе, или чиновники раздѣляются на двѣ категоріи: чиновники, обладающіе большею или меньшею долею государственной власти (fonctionnaires d'autorité); и чиновники, отправляющіе извѣстныя техническія, коммерческія и промышленныя функціи (fonctionnaires de gestion). Примѣромъ перваго рода государственныхъ служащихъ могутъ быть префекты, дипломатическіе агенты, члены судебнаго вѣдомства и т. д.; примѣромъ второго—инженеры и различные служащіе путей сообщенія, преподаватели всѣхъ трехъ разрядовъ, почтово-телеграфные чиновники и служащіе, служащіе на желѣзныхъ дорогахъ, словомъ,—какъ выражается коммиссія труда палаты депутатовъ,—«всѣ рабочіе и лица, находящіяся на службѣ у государства, департаментовъ, коммунъ и общественныхъ учрежденій, но не располагающіе ни малѣйшею частью правительственной власти.» Если, говоря вообще, для послѣдней категоріи допустимо право вступать въ профессіональныя организаціи **), то его немыслимо дать первой категоріи,—такъ разсуждаютъ правящія сферы Франціи. Но это разсужденіе признается ими, дѣйствительно, лишь «говоря вообще»; и строго держась второй половины фразы, они поминутно отступаютъ отъ первой.

Съ одной стороны, нѣкоторые, наиболѣе свободолюбивые или наименѣе заскорузлые въ старыхъ іерархическихъ традиціяхъ министры признаютъ право образовывать синдикаты за рабочими военныхъ мастерскихъ (циркуляръ генерала Андрэ отъ марта 1901 г.), за гражданскими служащими морского вѣдомства (циркуляръ Пелльтана отъ 25-го октября 1902 г.), и т. д. Но, съ другой стороны, иные министры запрещаютъ вступать въ профессіональныя организаціи лицамъ, несомнѣнно принадлежащимъ къ тѣмъ служащимъ, которые отнюдь не могутъ считаться представителями правительственной власти, а просто на просто исполняютъ извѣстныя техническія функціи. И въ числѣ такихъ министровъ приходится не безъ нѣкотораго удивленія встрѣтить людей даже въ родѣ Комба, который въ теченіе своего министерства обнаруживалъ обыкновенно болѣе демократическія тенденціи: я говорю о его циркулярѣ отъ 12-го іюля 1903 г., которымъ было вмѣнено въ обязанность низшимъ дорожнымъ служащимъ, занимающимся ремонтомъ шоссе и т. п. (такъ называемымъ cantonniers), распустить свои синдикаты, основанные на законѣ 1884 г., и, если хотятъ, образовать ассоціаціи на почвѣ закона 1-го іюля 1901 г.

*) Nézard, „Theorie juridique de la fonction publique"; Парижъ, 1901.—Barthélemy, „Traité élémentaire de droit administratif"; Парижъ, 1905.—Bourguin, „De l'application des lois ouvrières aux ouvriers et employés de l'Etat", и т. д.

**) См. упомянутую книгу Барту, стр. 140.

Напомнимъ кстати, что въ томъ же 1903 г. сенскій исправительный трибуналъ отказалъ на основаніи приговора 8-го іюля (подтвержденнаго парижскимъ аппелляціоннымъ судомъ 26-го октября) водопроводчикамъ города Парижа въ составленіи синдиката. А ужъ вполнѣ очевидно, что ни дорожные рабочіе, ни водопроводчики не обладаютъ даже крупицею административной власти, довольствуясь исполненіемъ въ высокой степени полезной для общества функціи.

Еще траги-комичнѣе были приключенія со служащими телеграфно-почтоваго вѣдомства. Два года тому назадъ, министръ торговли, Дюбьефъ, «радикалъ-соціалистъ» по убѣжденіямъ, запретилъ имъ образовать синдикатъ, на томъ казуистическомъ основаніи, что въ декретѣ 1851 г. (sic!) говорилось о правѣ нѣкоторыхъ лицъ этой категоріи составлять протоколы, и такимъ образомъ превратилъ ихъ въ «делегатовъ» центральной власти и зачислилъ ихъ въ одинъ разрядъ съ префектами, чинами судебнаго вѣдомства, и т. д. Это, кстати сказать, тотъ самый Дюбьефъ, который, пока еще не былъ министромъ, написалъ (въ своей книгѣ, посвященной «соціальному законодательству») слѣдующія энергичныя строки: «несомнѣнно, что агенты государства были бы безъ всякой защиты отданы въ жертву капризамъ всемогущей администраціи, если бы у нихъ не было права стачки». Какъ извѣстно, если при старомъ режимѣ «король не помнилъ обидъ, нанесенныхъ ему въ бытность дофиномъ», то буржуазный министръ забываетъ тѣ взгляды, которые имѣлъ на скамьѣ депутатовъ... Съ осени 1905 г. возникаетъ въ отвѣтъ на притѣсненія правительства сильное движеніе въ пользу именно синдикальной формы защиты профессіональныхъ интересовъ среди почтово-телеграфныхъ служащихъ. Вслѣдъ за 5-мъ конгрессомъ «Всеобщей ассоціаціи агентовъ почтъ и телеграфовъ» (іюль 1905 г.), рѣшившимъ въ принципѣ превратить ассоціацію въ синдикатъ, въ концѣ сентября того же 1905 г. въ этомъ направленіи хотѣла пойти наиболѣе крайняя группа участниковъ на конгрессѣ «Ассоціаціи низшихъ агентовъ» (souz-agents) того же вѣдомства. Но большинствомъ 444 голосовъ противъ 189 было рѣшено остаться при прежнемъ положеніи. Тогда настроенные боевымъ образомъ элементы вышли изъ состава ассоціаціи и образовали, въ пику авторитарнымъ капризамъ правительства, синдикатъ, противъ котораго и обрушилось министерство Рувье, и здѣсь примѣняя свою общую политику бюрократическаго деспотизма (см. выше его заявленіе о служащихъ). Смѣна кабинета Рувье кабинетомъ Саррьена, а послѣдняго кабинетомъ Клемансо столь же мало измѣнила политику правящихъ сферъ по отношенію къ почтовымъ служащимъ, какъ и по отношенію къ учителямъ. Что мы говорили раньше о репрессивныхъ подвигахъ двухъ послѣднихъ кабинетовъ, когда они имѣли передъ собою педагогическій персоналъ, пришлось бы буквально повторить, если бы мы захотѣли подробно остановиться на кампаніи правительства противъ

почтово-телеграфныхъ служащихъ. Въ pendant къ министру Дюбьефу, забывшему о мысляхъ автора книги по соціальному законодательству, министръ Барту основательно запамятовалъ взгляды составителя этюда о «синдикальной дѣятельности» *). И когда служащіе почтоваго вѣдомства, отстаивая свое право на синдикатъ, устроили большую стачку въ апрѣлѣ 1906 г., то министръ почтъ самымъ безпощаднымъ образомъ расправился съ ними путемъ массовыхъ увольненій.

Съ тѣхъ поръ недовольство правительствомъ принимаетъ все болѣе и болѣе серьезныя формы, проникаетъ все глубже и глубже въ сознаніе служащихъ, Такъ, на 6-мъ конгрессѣ уже упомянутой «Всеобщей ассоціаціи» (7—9 іюня 1906 г.), хотя большинство и не пошло дальше повторенія предшествующаго, лишь принципіальнаго рѣшенія превратить ассоціацію въ синдикатъ и отказалось немедленно же осуществить на практикѣ это намѣреніе, тѣмъ не менѣе и оно согласилось съ рѣзкой постановкой вопроса меньшинствомъ. А изъ устъ представителей этого меньшинства лились горячія рѣчи, революціонный характеръ которыхъ означаетъ выработку среди служащихъ государства новыхъ взглядовъ на отношеніе къ современной центральной власти. Ораторы меньшинства говорили, между прочимъ: «Мы хотимъ, чтобы съ нами обращались, какъ съ обыкновенными наемными рабочими. Мы хотимъ снять съ себя оффиціальную ливрею. Мы не хотимъ больше принадлежать и тѣломъ, и душой государству. Мы хотимъ, чтобы на насъ смотрѣли, какъ на свободныхъ гражданъ, а вовсе не какъ на «делегатовъ» государства, основаннаго на принципѣ власти (Etat-pouvoir), государства классоваго, этого заклятаго врага рабочихъ организацій. Чтобы сопротивляться произволу этого *классоваго государства*, чтобы вступить въ борьбу съ чудовищными силами, порабощающими всѣхъ производителей, необходимо... самое тѣсное объединеніе, слитіе (fusion intime) всѣхъ группъ почтовыхъ работниковъ и присоединеніе этого цѣльнаго синдиката ко *Всеобщей конфедераціи труда* **).

Измѣненіе настроенія въ служащихъ этого вѣдомства рѣзко

*) Французскіе почтовые чиновники съ негодованіемъ указывали, между прочимъ, на тотъ фактъ, что въ то время, какъ во Франціи политика репрессій одинаково практикуется и умѣренными, и радикальными министерствами, въ Англіи смѣна консервативнаго кабинета либеральнымъ принесла почтовымъ служащимъ полнѣйшую свободу образовать синдикаты и сноситься съ начальствомъ при помощи этихъ коллективныхъ рабочихъ органовъ. Острое столкновеніе между консервативнымъ министромъ почтъ (Postmaster general), лордомъ Стэнли, и служащими его вѣдомства сейчасъ же прекратилось, какъ только въ отправленіе министерскихъ функцій вступилъ либералъ Бэкстонъ. См. „La Voix du Peuple", № 282 (11—18 марта 1906 г.).

**) См. въ № 14 (іюнь, 1906 г.) „La Revue syndicaliste" стр. 37—38 отчетъ о конгрессѣ Всеобщей ассоціаціи агентовъ почтъ и телеграфовъ.

сказалось, напр., въ томъ интересномъ фактѣ, что очень многіе изъ нихъ поддерживали въ концѣ истекшаго 1906 г. требованіе, выставленное Всеобщей конфедераціей труда, отказаться отъ обычныхъ новогоднихъ магарычей съ публики, сами же прося послѣднюю не грѣшить этою близорукой филантропіей, но за то настойчиво добиваться отъ правительства повышенія нищенской заработной платы. И надо было видѣть, къ какимъ ухищреніямъ, къ какой постыдной политикѣ «раздѣлять и управлять», принуждено было прибѣгать почтовое вѣдомство, чтобы разбить дружный порывъ своихъ служащихъ, которымъ надоѣло быть рабами государства и которые требуютъ правъ оставаться гражданами, подобно всѣмъ тѣмъ, кому приходится быть источникомъ «прибавочной стоимости» не для оффиціальнаго, а для частнаго эксплуататора.

Для того, чтобы заключить эту фактическую часть нашей статьи, можетъ быть, будетъ не безполезно указать на очень знаменательное явленіе, которое покажетъ, въ какой степени синдикализмъ, въ той или иной формѣ, прямо или косвенно, инстинктивно или сознательно, начинаетъ овладѣвать умами служащихъ и производитъ цѣлую революцію въ настроеніи, повидимому, самыхъ реакціонныхъ и по самой профессіи своей наиболѣе рутинныхъ чиновниковъ. Профессіональная группировка,—читатель видѣлъ это выше,—закрадывается и въ ряды полицейскаго персонала. Мало того, она начинаетъ находить теперь защитниковъ среди столповъ полиціи, которые, какъ они ни стараются доказать, что ихъ объединеніе есть нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ объединеніе злокозненныхъ синдикалистовъ, логически придутъ къ необходимости противоставить деспотизму классоваго государства коллективную защиту своихъ, хотя бы даже и уродливыхъ интересовъ. Въ номерѣ отъ 3 марта 1907 г. архи-буржуазнаго «Matin» я нахожу, дѣйствительно, отчетъ объ умилительномъ общемъ собраніи «Ассоціаціи полицейскихъ коммиссаровъ Франціи». Избравъ своимъ президентомъ нѣкоего мосье Паллье на мѣсто Энньона (Hennion), типичнаго оберъ-шпіона Франціи, который возведенъ Клемансо въ рангъ директора полиціи общей безопасности, ассоціація въ лицѣ своего «совѣта» поднесла бронзовую группу своему бывшему президенту. И сей «сознательный шпіонъ» (какъ у насъ назвали бы его въ «октябрьскіе дни» свободы), благодаря своихъ сподвижниковъ и подчиненныхъ, произнесъ слѣдующую, чреватую синдикальными жупелами рѣчь: «Вы знаете, что я думаю о правѣ стачки чиновниковъ, и я полагаю, что мы совершенно согласны относительно невозможности когда бы то ни было дать его агентамъ правильно организованнаго государства. Но чтобы, съ другой стороны, можно было отрицать право чиновниковъ,—испытывающихъ ежедневныя затрудненія при приложеніи на практикѣ принциповъ своей дѣятельности,—обсу-

ждать между собою свои профессіональные интересы; чтобы можно было лишать ихъ свободы сообщать коллективно результаты своихъ наблюденій и своего опыта центральной администраціи, которая, живя лишь абстрактной теоріей, можетъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ совершать оптическія ошибки, столь вредныя для общаго интереса,—я утверждаю, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ глубоко ошибочнымъ заблужденіемъ, которое можетъ повлечь за собой самыя серьезныя послѣдствія. Мое мнѣніе таково, что надо позволить чиновникамъ, всѣмъ чиновникамъ, будутъ ли они принадлежать къ судебной полиціи или нѣтъ, вступать между собою въ ассоціаціи; надо позволить имъ свободно выражать свои мнѣнія относительно всего того, что касается ихъ профессіи, запасшись лишь той законной гарантіей, чтобы они не могли отступать отъ необходимой дисциплины».

Не обращайте особаго вниманія на то, что «сознательный» сыщикъ говоритъ о дисциплинѣ, о запрещеніи стачки чиновникамъ: было бы удивительно, если бы онъ говорилъ иное, когда то же самое говорятъ самые радикальные представители имущихъ и правящихъ классовъ. Но когда вы вдумаетесь въ то, что такой чиновникъ, какъ директоръ высшей (въ сущности политической) полиціи требуетъ для служащихъ государства права составлять ассоціаціи и права свободно выражать свое мнѣніе «центральной администраціи», которая живетъ только абстракціями и можетъ совершать ужасныя ошибки, вы не можете не придти къ заключенію, что символу вѣры бюрократическаго всемогущества, исповѣдуемому Жюлями Рошами, Рувье и Клемансо, наступилъ конецъ, и что все заноситъ на эти скрижали свою святотатственную руку, все—вплоть до сыскной полиціи.

Нечего говорить, что если синдикализмъ проникаетъ въ такой степени въ сознаніе даже самыхъ консервативныхъ, самыхъ традиціонныхъ элементовъ классоваго государства, то онъ тѣмъ съ большею силою подчиняетъ своему вліянію людей, способныхъ болѣе или менѣе критически мыслить и чувствовать вѣянія новаго духа, духа коллективности, идущаго на смѣну отживающимъ формамъ современной правительственной власти. Въ моей статьѣ о «Французскомъ синдикализмѣ» читатель могъ видѣть, какое значеніе придаютъ этому фактору записные теоретики и практики синдикализма, живо заинтересованные въ успѣхахъ великаго профессіональнаго движенія нашихъ дней. Но еще знаменательнѣе то дѣйствіе, какое онъ производитъ на людей, стоящихъ въ извѣстномъ смыслѣ въ сторонѣ и лишь не лишенныхъ способности видѣть и слышать и болѣе или менѣе сознательно реагировать на подобныя впечатлѣнія. Съ этой точки зрѣнія я позволю себѣ остановиться на взглядахъ, развитыхъ однимъ изъ молодыхъ юристовъ Франціи,

Максимомъ Леруа, въ его спеціальномъ трудѣ, посвященномъ какъ разъ вопросу о синдикализмѣ среди служащихъ государства и носящимъ заглавіе «Преобразованія государственной власти. Синдикаты чиновниковъ» *).

Намъ нечего рабски слѣдовать за авторомъ, равно какъ нечего подробно развивать его взгляды. Но нѣкоторыхъ сторонъ его общей точки зрѣнія слѣдуетъ коснуться, тѣмъ болѣе, что это дастъ и намъ возможность сдѣлать кой-какіе дополнительные выводы изъ этой, главнымъ образомъ фактической, статьи. Любопытно, прежде всего, что если десять-пятнадцать лѣтъ тому назадъ наиболѣе живые умы изъ университетскаго міра порывали съ буржуазнымъ міровоззрѣніемъ, чтобы идти въ сторону соціализма, то теперь умы той же категоріи совершаютъ этотъ разрывъ для того, чтобы перенести свои симпатіи на синдикализмъ и, главнымъ образомъ, на синдикализмъ революціонный, по большей части анархическій. Мы можемъ оплакивать этотъ результатъ, можемъ находить, какъ это мы дѣлали въ предшествовавшей статьѣ о «Французскомъ синдикализмѣ», что, несмотря на свой боевой характеръ, синдикальное движеніе, воплощающееся во Всеобщей конфедераціи труда, не достигнетъ своей цѣли коренного пересозданія современнаго строя, если не вступитъ въ соглашеніе съ политическимъ революціоннымъ соціализмомъ. Но фактъ на лицо: теперь не рѣдко можно встрѣтить среди передовой университетской интеллигенціи Франціи людей, которые гораздо больше тяготѣютъ къ синдикализму, чѣмъ къ соціализму и охотно ссылаются на авторитетъ Прудона,—правда, внося въ его взгляды гораздо большее содержаніе, чѣмъ заключается собственно въ сочиненіяхъ самого автора «Собственности», «Экономическихъ противорѣчій» и «Политической правоспособности трудящихся классовъ». Недаромъ они живутъ въ эпоху, которая характеризуется одновременно и ростомъ, и кризисомъ соціализма и позволяетъ имъ, въ силу понятной оптической иллюзіи, приписывать Прудону, какъ наиболѣе симпатичному для нихъ автору, заднимъ числомъ то, что было выработано теоріей или уяснено самой жизнью лишь значительно позже. Не безъ вліянія на это увлеченіе синдикализмомъ, прудонизмомъ, федерализмомъ и т. п. остались, какъ кажется, два обстоятельства. Это, во-первыхъ, временное усиленіе «министерскаго» соціализма, который отрекается отъ своего революціоннаго, боевого, рабочаго характера (въ смыслѣ неуклоннаго преслѣдованія великихъ интересовъ и идеаловъ трудящихся классовъ въ противоположность классамъ имущимъ и правящимъ) и подмѣняетъ его компромиссомъ съ современнымъ классовымъ государствомъ для проведенія второстепенныхъ реформъ. Это, во-вторыхъ, черезчуръ доктринерское отношеніе революціоннаго политическаго соціализма

*) Maxime Leroy, „Les transformations de la puissance publique. Les syndicats de fonctionnaires"; Парижъ, 1907.

къ синдикализму, въ которомъ представители упомянутаго соціализма зачастую желали видѣть только узко профессіональное, чисто реформистское движеніе и которому они отказывали въ самой возможности быть, хотя бы при извѣстныхъ условіяхъ, серьезнымъ революціоннымъ факторомъ. Какъ бы то ни было, но эта идейная реакція въ пользу анархическаго синдикализма и въ ущербъ политическому соціализму является,—мы уже сказали,—замѣтной струей среди современной передовой интеллигенціи Франціи. И Максимъ Леруа представляетъ собой одного изъ типичныхъ выразителей такого теченія. Во всякомъ случаѣ, его книга имѣетъ, прежде всего, значеніе этого симптома измѣненія въ симпатіяхъ и взглядахъ крайнихъ «академиковъ», какъ принято называть въ Германіи людей изъ университетскаго міра. Перейдемъ, впрочемъ, къ самымъ взглядамъ Максима Леруа.

Интересна, прежде всего, общая оцѣнка современнаго положенія вещей, дѣлаемая авторомъ во «Введеніи» къ книгѣ. Онъ констатируетъ тотъ фактъ, что среди наиболѣе передовыхъ государствъ нашей эпохи, тамъ, гдѣ демократія стала господствующимъ принципомъ политическихъ отношеній, замѣчается рѣшительное ослабленіе идейной политической борьбы разныхъ буржуазныхъ партій. «Конституціонный индифферентизмъ развился въ буржуазной средѣ, хотя при этомъ политическая борьба и разногласія не исчезли, но просто на просто смягчились, сдѣлавшись распрями между сродными партіями, своего рода тавтологическими повтореніями одного и того же, не смотря на различіе ярлыковъ. Дифференцировка между умѣренными радикалами не имѣетъ ничего общаго съ политическими расхожденіями во взглядахъ землевладѣльческихъ и промышленныхъ представителей во время по-революціонной монархіи. И тѣ, и другіе представляютъ собою теперь одинаково умѣренныхъ политиковъ, только съ различною тактикою» *). Суть этого явленія авторъ не безъ остроумія видитъ въ томъ, что въ современномъ государствѣ, осуществившемъ правленіе буржуазнаго класса, борьба за власть превратилась въ семейные споры между различными его фракціями и лишена поэтому той страстности, которая характеризовала во Франціи первую половину XIX-го вѣка, когда, одинъ за другимъ все расширяющіеся и расширяющіеся слои буржуазіи изъявляли притязаніе на управленіе государственной машиной. Логически развившаяся демократія, приведшая къ режиму гражданскаго равенства, представляетъ собою распространеніе принципа власти на всѣхъ буржуа. «Когда всѣ члены его сдѣлались равными, буржуазный классъ перестаетъ оспаривать у самого же себя преобладаніе въ сферѣ власти; онъ дѣлается индифферентнымъ по отношенію къ самому себѣ. Такимъ образомъ можно сказать, что поли-

*) Maxime Leroy, l. c., стр. 8.

БИБЛІОТЕКА

тическій индифферентизмъ является прирожденнымъ свойствомъ демократіи» *).

Тутъ, конечно, во избѣжаніе недоразумѣній, необходимо помнить, что рѣчь идетъ о фактическомъ характерѣ современной демократіи, о томъ, чѣмъ стала эта демократія на практикѣ въ культурныхъ странахъ нашихъ дней, гдѣ дѣйствительно, повсюду проявляется, главнымъ образомъ, воля имущихъ и правящихъ классовъ. Леруа не считаетъ нужнымъ подчеркивать это обстоятельство, и фактически онъ правъ: верховная власть народа въ современныхъ государствахъ на самомъ-то дѣлѣ лишь косвенно и лишь въ незначительной степени отражаетъ истинныя потребности великихъ трудящихся массъ. Для того, чтобы было иначе, надо этимъ массамъ обладать такою степенью экономической независимости отъ господствующихъ классовъ и такимъ уровнемъ политической опытности, какихъ у нихъ не имѣется въ силу самыхъ условій современнаго строя. Словомъ, демократія не есть истинное «народоправленіе», а поскольку она не есть «народоправленіе», анализмъ Максима Леруа бьетъ въ точку.

Но пойдемъ вмѣстѣ съ авторомъ далѣе. Если внутри демократіи нашихъ дней, носящей такой отпечатокъ классового господства буржуазіи, принципъ авторитета, принципъ принудительной и строгой власти ослабляется, засыпаетъ, если можно такъ выразиться, въ политическихъ отношеніяхъ членовъ имущаго и правящаго класса между собою, то онъ немедленно же встаетъ во весь свой ростъ и показываетъ острые когти и зубы, какъ только рѣчь заходитъ объ его отношеніяхъ къ трудящимся массамъ. «Демократія,—говоритъ авторъ — есть движеніе противъ власти, но только относительно самой себя и къ выгодѣ тѣхъ, которые пользуются гражданскимъ равенствомъ. Въ своихъ же отношеніяхъ къ рабочему классу она снова спохватывается: «анархія» исчезаетъ тогда, чтобы уступить мѣсто силѣ, отсутствіе религіи (irréligion, собственно «нерелигіозность», «иррелигіозность» Н. К.)—«религіи для народа», принужденію, — необходимому слѣдствію экономическаго неравенства. Разсматриваемая съ этой стороны, демократія знаетъ власть, она любитъ ее, и она пользуется ею; она является даже очень авторитарною во всей этой сферѣ неравенства; это—якобинизмъ... Демократія представляетъ, поэтому, собой лишь режимъ классовой свободы и классового равенства: она выражаетъ тотъ фактъ, что власть невозможна между равными индивидуумами. Но она ничего не можетъ сдѣлать, чтобы уменьшить экономическое неравенство: вотъ почему въ демократическомъ государствѣ есть правительственная власть, пользующаяся королевскими привилегіями (puissance publique régalienne» **).

*) Ibid, стр. 9
**) Ibid, стр. 14.

Опять таки и здѣсь нужно помнить, что рѣчь продолжается о демократіи, какъ она фактически сложилась въ современныхъ культурныхъ государствахъ. Несомнѣнно, эта демократія «ничего не можетъ сдѣлать, чтобы уменьшить экономическое неравенство», не можетъ хотя бы уже потому, что до сихъ поръ трудящіяся массы нигдѣ не сдѣлали попытки цѣликомъ утилизировать для достиженія своихъ основныхъ классовыхъ цѣлей даже и тѣ политическія права, какія находятся въ ихъ распоряженіи. Возьмемъ любое государство, гдѣ функціонируетъ всеобщая подача голосовъ (разумѣется, почти вездѣ пока между мужчинами), хотя бы Францію или Германію, или Сѣверо-Американскіе Штаты, или даже Гельветическую республику. Можно ли сказать, что во всѣхъ этихъ странахъ трудящіяся массы достаточно ясно выразили свои классовые интересы хотя бы избраніемъ большинства дѣйствительно народныхъ представителей, которые выступили бы въ парламентѣ, какъ политическую власть имущіе, и рѣшили бы провести законодательнымъ путемъ какую-нибудь существенную, какую нибудь коренную реформу современнаго строя? Этого нѣтъ. Наоборотъ, до сихъ поръ истинные представители народа, соціалисты, оказываются среди представителей капитала и празднаго владѣнія въ меньшинствѣ, и массы по прежнему посылаютъ въ законодательныя собранія всего чаще людей, ожесточенно защищающихъ именно современный глубоко несправедливый режимъ.

Я говорю это, конечно, не съ цѣлью убѣдить читателей, что такая коренная реформа, какъ, напр., замѣна частной собственности коллективною, можетъ быть проведена въ жизнь чисто парламентарнымъ порядкомъ, скажемъ вотомъ половины всѣхъ депутатовъ плюсъ — одинъ голосъ. Если бы дѣло обстояло такъ, то можно быть увѣреннымъ, что имущіе и правящіе классы постарались бы сейчасъ же сломать законодательное оружіе, позволяющее трудящимся массамъ наносить, при помощи своихъ представителей, такія смертельныя раны капиталистическому строю. Но придется, къ сожалѣнію, сказать, что въ этомъ даже и не предстояло до сихъ поръ надобности защитникамъ режима гнета и эксплуатаціи въ современныхъ демократіяхъ: теоретически верховный властелинъ, на практикѣ народъ оказывался здѣсь до сихъ поръ несовершеннолѣтнимъ и полусвободнымъ существомъ, опекаемымъ своими злѣйшими врагами, которымъ онъ же механизмомъ всеобщей подачи голосовъ вручаетъ право распоряжаться собою.

И здѣсь, конечно, опять-таки придется повторить уже высказанную выше мысль, что для цѣлесообразнаго и далеко идущаго осуществленія на практикѣ своихъ политическихъ правъ народъ долженъ былъ бы пользоваться большею экономическою самостоятельностью и большимъ досугомъ, необходимымъ для выработки политическаго пониманія. Можно даже прибавить, что и вообще надежда рѣшить великія соціальныя задачи настоящаго путемъ

голаго парламентаризма принадлежитъ къ числу утопическихъ чаяній: въ концѣ концовъ только сами трудящіяся массы своимъ безпрерывнымъ активнымъ (что не значитъ, непремѣнно кровавымъ) выступленіемъ могутъ вырвать привилегіи у имущихъ и правящихъ классовъ, умѣло баррикадирующихся отъ напора народа въ цитаделяхъ «конституціи» и даже формальнаго «народнаго суверенитета». Недаромъ Марксъ говорилъ о такомъ оптимистическомъ парламентаризмѣ, увлекающемся игрою въ легальныя реформы, что это—«парламентарный кретинизмъ».

Возвратимся, впрочемъ, снова къ нашему автору. Параллельно съ этимъ политическимъ индифферентизмомъ буржуазіи, которая отступаетъ отъ него только тогда, когда ей приходится охранять себя и свои привилегіи отъ растущихъ требованій трудящихся массъ, Леруа констатируетъ политическій индифферентизмъ и среди рабочаго класса. Но этотъ индифферентизмъ уже другого рода. «Рабочій классъ ищетъ и находитъ наилучшее выраженіе своего антагонизма (къ современному режиму) въ отрицаніи политики, т. е. въ отрицаніи всей совокупности силъ, удерживающихъ этотъ классъ въ состояніи наемника; онъ индифферентенъ лишь къ буржуазной политикѣ: онъ также отрицаетъ власть; но тамъ это является актомъ слабости, а здѣсь это — знакъ силы и новизны. Политическій индифферентизмъ, конецъ «политической вѣры», указанный Вальдэкомъ-Руссо, есть, дѣйствительно, конецъ эволюціи буржуазіи: это значитъ, что у ней нѣтъ больше силъ, чтобы выковывать новое оружіе для поддержанія своей гегемоніи. А противъ нея поднимается рабочій классъ, вербующійся даже среди правительственной администраціи и который индифферентенъ лишь по отношенію къ сохраненію упомянутой вѣры, но отнюдь не индифферентенъ по отношенію къ самому себѣ. Въ этомъ же послѣднемъ отношеніи онъ, наоборотъ, обнаруживаетъ большой политическій и конституціонный пылъ. Ассоціаціи чиновниковъ, синдикаты рабочихъ, федераціи, Всеобщая конфедерація труда являются дѣлами и свидѣтельствами этого пыла. Эта дѣятельность заставляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ изсякать источники вербовки демократіи» *).

Послѣдними словами авторъ особенно близко подходитъ къ анархистамъ, которые тоже считаютъ «демократію» враждебною истинной организаціи трудящихся массъ, такъ какъ современный демократическій строй есть лишь организація принудительной власти подъ покровомъ народнаго блага и народнаго суверинитета; а потому все, что ведетъ къ выработкѣ собственно рабочихъ союзовъ, должно разрушать вмѣстѣ съ тѣмъ основы современной классовой демократіи. Здѣсь нельзя не сдѣлать нѣсколькихъ замѣчаній по поводу мыслей автора. Прежде всего, вопросъ чисто

*) Ibid, стр. 15--16.

фактическій: точно ли такъ индифферентенъ французскій рабочій классъ ко всякой «политикѣ», кромѣ синдикальной? Люди, маломальски знакомые съ французской жизнью, скажутъ, что это не совсѣмъ такъ. Наиболѣе энергичная и страстная борьба политическихъ партій ведется въ рабочихъ округахъ, въ большихъ промышленныхъ центрахъ, гдѣ и соціалисты, и буржуазные политики стараются привлечь на свои стороны трудящіяся массы, и гдѣ рабочій классъ составляетъ особенно легко возбудимый и воспламеняемый «избирательный матеріалъ». Пусть припомнятъ обычныя гомерическія битвы партій въ Сѣверномъ департаментѣ, особенно въ Лиллѣ и Рубэ.

Но что, дѣйствительно, можно сказать, такъ это то, что, будучи гораздо менѣе индифферентнымъ въ области политики, чѣмъ всѣ другіе классы, французскій рабочій классъ заключаетъ, однако, въ свое средѣ не мало индифферентныхъ элементовъ. И при этомъ, пожалуй, придется констатировать то явленіе, что пропорція индифферентистовъ наиболѣе значительна или въ отсталыхъ политически округахъ, которые только что пробуждаются къ сознательной гражданской жизни, или, наоборотъ, въ нѣкоторыхъ изъ очень старыхъ и очень давно знакомыхъ съ политической агитаціей округовъ. Послѣднее, дѣйствительно, отчасти объясняется причинами, имѣющими отношеніе къ только что цитированнымъ нами соображеніямъ Максима Леруа. Синдикальная политика, которая отрицаетъ собственно всякую такъ называемую политику, вызываетъ теперь мѣстами воздержаніе рабочихъ отъ выборовъ. Но почву такого индифферентизма подготовилъ не столько самъ синдикализмъ, сколько та злополучная «авантюра» политическаго соціализма, которая называется «участіемъ соціалистовъ въ буржуазномъ правительствѣ» и которая вызвала глубокое раздраженіе въ наиболѣе революціонно настроенныхъ рабочихъ по отношенію къ философамъ и поэтамъ министерскаго портфеля. Дѣятельность Милльрана, Бріана, Вивьяни и—увы!—Жорэса, пять лѣтъ отстаивавшаго тактику «участія», несомнѣнно заставила многихъ очень искреннихъ и очень энергичныхъ рабочихъ отшатнуться отъ политики компромисса съ буржуазіей и перенести свое отвращеніе съ этой одомашненной правительствомъ разновидности соціализма на весь политическій соціализмъ, даже на вполнѣ послѣдовательный и безспорно революціонный.

Въ своей предшествующей статьѣ о «Французскомъ синдикализмѣ» я показалъ, какими опасностями грозитъ этотъ расколъ между двумя отрядами великой рабочей арміи, и снова возвращаться подробно къ этому вопросу я здѣсь не намѣренъ. Но люди, въ родѣ Максима Леруа, увлеченные синдикальнымъ движеніемъ, очевидно, не замѣчаютъ этой опасности и ведутъ свою аргументацію такъ, какъ будто бы одинъ ростъ профессіональныхъ организацій, помимо революціоннаго политическаго соціализма, способенъ

взорвать ужасающе громоздкую и до сихъ поръ могучую машину современнаго классоваго государства. Собственно, нашъ авторъ, въ силу самаго характера своего труда, посвященнаго главнымъ, образомъ, юридической обработкѣ вопроса о синдикатахъ служащихъ, и не полемизируетъ прямо съ политическимъ соціализмомъ. Но онъ все время разсуждаетъ о профессіональномъ движеніи совершенно въ духѣ революціоннаго, аполитическаго синдикалиста, который увѣренъ, что однимъ своимъ напоромъ, однимъ своимъ «прямымъ воздѣйствіемъ», рабочія организаціи въ состояніи разрушить современный политическій и экономическій строй и на обломкахъ капиталистическаго Вавилона воздвигнуть новый Іерусалимъ всеобщаго труда и всеобщаго счастія. При этомъ нашъ юристъ впадаетъ въ иллюзію Прудона, который полагалъ, что простой игрой взаимныхъ договоровъ, контрактовъ между производителями можно устранить изъ общества современную ожесточенную борьбу интересовъ и, стало быть, и самое государство, выростающее только для защиты привилегій собственности. Леруа, говоря о стремленіи ассоціацій служащихъ добиться полнаго и безусловнаго признанія со стороны государства, вплоть до права устраивать, въ случаѣ надобности, стачки противъ него, пишетъ, дѣйствительно: «Ассоціація, нельзя въ этомъ сомнѣваться, анархична,—какъ говорило столько министровъ въ своихъ циркулярахъ:—она представляетъ собою дебатированіе условій (discussion), но ничто не противорѣчитъ болѣе этого повиновенію: она представляетъ собою договоръ, но договоръ есть прямое отрицаніе авторитета власти. Все что носитъ договорный характеръ (contractuel), идетъ противъ власти, которая по природѣ одностороння; власть хочетъ держать только монологи; это совершенно очевидно. Договоръ, дѣйствительно, ставитъ принципомъ равенство сторонъ и взаимность услугъ, договоръ есть основаніе прудоновскаго федерализма,—отрицателя государства и въ то же время охранителя порядка» *).

Я уже не буду говорить о томъ, что введеніе договора въ отношенія между современнымъ государствомъ и его служащими, наподобіе такого же договора, регулирующаго отношенія между частнымъ хозяиномъ и его рабочими, уменьшитъ, конечно, произвольную расправу правительства съ чиновниками, но отнюдь не рѣшитъ организаціи новаго строя. Не буду также говорить и о томъ, что «прудоновскій федерализмъ», какъ онъ рисовался самому автору его, не совсѣмъ то, во что превращаетъ его перо Максима Леруа. Идеаломъ Прудона, было, въ сущности связанное массою договоровъ общество мелкихъ частныхъ производителей, и недаромъ творецъ «Экономическихъ противорѣчій» жестоко порицалъ стачки. Тогда какъ сама окружающая, столь развившаяся со времени Прудона экономическая среда развертываетъ передъ Леруа перспективу

*) Ibid., стр. 242.

огромнаго коллективнаго организма, члены котораго будутъ связаны не столько узами договора, сколько узами солидарности, а пока именно своими выступленіями въ формѣ стачекъ подчеркиваютъ глубоко общественный, коммунистическій характеръ своей дѣятельности. Но, главное-то, изъ разсужденій Леруа не видно, какимъ образомъ можетъ осуществиться тотъ самодовлѣющій и самоуправляющійся «авторхическій федерализмъ», который смѣнитъ современное принудительное государство: «тогда не станетъ государства въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ, государства, опирающагося на многовѣковыя традиціи монархіи; тогда будетъ профессіональное *правительство* того типа, который Прудонъ провидѣлъ въ концѣ своей карьеры, для вящшей свободы людей, наконецъ-то равныхъ между собой въ качествѣ производителей и зависящихъ другъ отъ друга лишь путемъ связей на почвѣ техники» *).

Дѣйствительно, до сихъ поръ ростъ профессіональнаго федерализма совершается въ рамкахъ современнаго классового государства, которое неустанно борется всѣми правдами и неправдами противъ увеличенія требованій и распространенія синдикальной группировки трудящихся, особенно же непосредственно зависящихъ отъ него. Въ самой же книгѣ Леруа представлено не мало примѣровъ и самой іезуитской казуистики, и самаго грубаго произвола со стороны правящихъ сферъ по отношенію къ государственнымъ служащимъ и рабочимъ. Съ другой стороны, опять таки самъ авторъ указываетъ на цѣлый рядъ случаевъ, когда правительство дѣлало попытки вмѣшиваться въ стачки даже нанимаемыхъ частными лицами рабочихъ, разъ ему казалось, что пріостановка труда затрагиваетъ «національные интересы», т. е., по-просту сказать, важныя отрасли промышленности и карманъ крупнѣйшихъ фабричныхъ магнатовъ. Но вѣдь синдикальное движеніе только въ послѣднее время начинаетъ принимать размѣры, серьезно пугающіе правительство имущихъ классовъ: достаточно сказать, что еще ни въ одномъ изъ государствъ Запада не было всеобщей стачки, своими размѣрами и результатами напоминающей великую русскую забастовку октября 1905 г. Можно представить себѣ, съ какой энергіей и безцеремонностью правящія сферы буржуазіи будутъ подавлять эти обширныя выступленія рабочей организованной арміи, когда старые радикалы, въ родѣ Клемансо, не стѣсняются при частныхъ мало-мальски важныхъ по своему значенію стачкахъ, въ родѣ стачки парижскихъ электриковъ, бросать въ борьбу труда съ капиталомъ солдатъ. Спрашивается, какимъ образомъ удастся «автархическому федерализму» побѣдить современную организацію классового государства, если революціонный политическій соціализмъ не вышибетъ центральной власти изъ рукъ имущихъ и

*) Ibid., стр. 277—278.

правящихъ классовъ? Впрочемъ, здѣсь опять мы переходимъ на почву вопроса, уже разсмотрѣннаго нами прошлой разъ.

Интереснѣе этихъ недомолвокъ и анархическихъ увлеченій автора слѣдующая мысль, которою заканчивается книга о «Преобразованіяхъ государственной власти»: «Техническая дисциплина будетъ въ состояніи замѣнить іерархію, и свобода смѣнитъ власть. Но что слѣдуетъ прибавить, такъ это, что не идея, и не теоретическія соображенія, и не нравственная педагогія, дадутъ человѣческимъ отношеніямъ форму, которая не была бы ни іерархической, ни авторитарной; проникнемся увѣренностью, что эта свобода не можетъ быть плодомъ абстракціи. Единственно лишь условія обыденной жизни, постоянныя внушенія, проистекающія изъ нашихъ поступковъ и нашихъ занятій, промышленная организація, техника и методъ труда заставятъ естественно возникнуть эту свободу, которая, наконецъ-то, станетъ дѣйственной, упорной, интуитивной» *).

Читатель, впрочемъ, впалъ бы въ заблужденіе относительно характера книги Леруа, если бы онъ увидѣлъ въ ней, на основаніи сдѣланныхъ цитатъ, нѣчто въ родѣ общаго разсужденія насчетъ синдикализма или анархизма. Центръ тяжести ея заключается въ не лишенномъ тонкости анализѣ ученія буржуазныхъ юристовъ объ отношеніяхъ между государствомъ и его служащими и во вскрытіи всѣхъ теоретическихъ несообразностей и всѣхъ практическихъ непослѣдовательностей, связанныхъ съ этой теоріей. А не особенно обширный, но умѣло сгруппированный фактическій матеріалъ позволяетъ лицамъ, интересующимся современнымъ синдикальнымъ движеніемъ, прослѣдить, какъ оно отражается въ той сферѣ, которая еще недавно считалась застрахованной отъ всякихъ «революціонныхъ» выступленій противъ существующаго строя. Снова и снова оказывается, что ядъ критики, сознаніе своихъ профессіональныхъ интересовъ и, мало того, сознаніе принадлежности къ великой арміи трудящихся и эксплуатируемыхъ проникаетъ въ среду чиновничества. Старые устои рушатся на всемъ протяженіи современнаго міра. И повсюду организуется новое общество, общество свободы и труда, общество людей-братьевъ, та «не умирающая раса», та «долговѣчная» коллективность, о которой говоритъ поэтъ:

...Genus immortale manet, multosque per annos
Stat fortuna domus...

Н. Е. Кудринъ.

*) Ibid., стр. 286 и послѣдняя.

Основы обязательнаго обученія.

«Школа и преподаваніе должны быть свободны»—эта формула внесена въ конституціи многихъ государствъ. Отсюда можно бы сдѣлать выводъ, что она не только выражаетъ общепризнанную истину, но и, до нѣкоторой хотя бы степени, соотвѣтствуетъ дѣйствительному порядку вещей,—соотвѣтствуетъ, по крайней мѣрѣ, въ конституціонныхъ государствахъ, гдѣ «свобода школъ» и «свобода преподаванія» «гарантированы закономъ». На дѣлѣ же о такомъ соотвѣтствіи конституціонной формулы фактическому положенію вещей пока можно лишь мечтать. И это не только въ Россіи, гдѣ конституціонныя формулы вообще звучатъ насмѣшкой. «Соотвѣтствія» нѣтъ и въ такихъ передовыхъ странахъ, какъ Швейцарія, Англія, Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Приходится сказать больше. Это несоотвѣтствіе существуетъ не только на практикѣ. Поскольку дѣло касается народнаго образованія, даже въ теоретическихъ планахъ далеко не всегда есть сколько-нибудь опредѣленныя указанія на тѣ конкретныя условія, которыя обезпечивали бы школѣ свободу, преподаванію независимость. Въ области народнаго образованія теоретическая мысль прекрасно опредѣляетъ: что должно быть; и какъ бы обнаруживаетъ колебаніе и неувѣренность, когда надо отвѣчать на вопросъ: что и какъ должно дѣлать. Это одна изъ тѣхъ областей, въ которой людямъ весьма хорошо извѣстенъ «идеальный типъ», но довольно плохо извѣстны пути и средства къ достиженію его. И необходимо признаться, что намѣтить правильно пути и средства весьма не легко. Стоитъ хоть немного углубиться въ вопросъ о школѣ и народномъ образованіи, чтобы понять, до какой степени онъ сложенъ, и какъ тѣсно связанъ со многими другими, столь же сложными и отчасти до сихъ поръ даже теоретически не рѣшенными вопросами.

Пока передъ глазами только «матеріалъ, подлежащій образованію»: «мальчикъ Ваня» или «дѣвочка Таня»—дѣло кажется простымъ и яснымъ. Передъ тобою ребенокъ, «рожденный человѣкомъ», какъ выразился Коменскій. Онъ, несомнѣнно, имѣетъ право «научиться всему человѣческому», развивать и совершенствовать свои человѣческія способности. Въ этомъ смыслѣ его право приходится разсматривать, какъ «основное право человѣка и гражданина». И если бы задача сводилась только къ гарантированію одного изъ личныхъ правъ, она была бы, дѣйствительно, проста и удобоваразрѣшаема. Разъ дѣти имѣютъ право учиться, значитъ общество обязано построить школу и нанять учителя.

Однако, обществу далеко не безразлично, съ кѣмъ имѣть дѣло,—съ грамотнымъ, или неграмотнымъ, съ образованнымъ сочленомъ, или съ необразованнымъ. И такимъ образомъ личныя права мальчика Вани приходится разсматривать не изолированно, а въ связи съ нѣкоторыми коллективными правами и интересами. Если ребенокъ вправѣ требовать у коллектива: «дай мнѣ возможность учиться», то вѣдь и коллективъ вправѣ сказать ребенку «учись». На первый взглядъ кажется, что права личности и права коллектива какъ бы идутъ рядомъ и взаимно другъ друга укрѣпляютъ. Но эта гармонія правъ и интересовъ въ дѣйствительности имѣетъ чисто теоретическій характеръ. На практикѣ общество сплошь и рядомъ либо злоупотребляетъ своимъ правомъ, либо уклоняется отъ своей прямой обязанности—существовать для блага каждой отдѣльной личности. Право сказать ребенку: «учись» легко превращается въ насиліе. А обязанность «построить школу и нанять учителя» игнорируется не только тамъ, гдѣ оффиціальные представители коллективныхъ правъ считаютъ для себя наиболѣе выгоднымъ, чтобы «рожденный человѣкомъ» не имѣлъ возможности «научиться всему человѣческому». Права личности и коллектива неминуемо приходятъ въ столкновеніе. Такія коллизіи, сопряженныя съ цѣлымъ рядомъ сложныхъ и спорныхъ вопросовъ, вообще тяжки и трудно разрѣшимы. Но онѣ сугубо тяжки въ данномъ случаѣ, когда одною изъ сталкивающихся сторонъ является безпомощный ребенокъ съ его «правами человѣка и гражданина», а другою—коллективъ, могуче вооруженный всѣми средствами защиты и нападенія.

Правда, у ребенка есть, казалось бы, естественные защитники его правъ,—отецъ и мать. Для нихъ какъ будто всего естественнѣе отстаивать права на образованіе того, кого они «родили человѣкомъ». Жизнь, однако, богата примѣрами обратнаго порядка. Часто именно родители, по соображеніямъ экономическимъ, а порою и просто корыстнымъ, наиболѣе готовы отнять у своего ребенка всякую возможность «научиться всему человѣческому». Старина богата афоризмами: «нельзя дѣвку учить грамотѣ—выучи ее, она записки любовныя будетъ писать»; «не учи сына—не то умнѣй отца съ матерью будетъ» etc. И едва ли можно ручаться, что такіе «завѣты мудрой старины» нынѣ окончательно потеряли силу и вышли изъ употребленія. А кромѣ этихъ «завѣтовъ», есть и другіе: «чѣмъ учиться, лучше пусть отцу съ матерью помогаетъ, сестеръ и братьевъ нянчитъ»; «въ школу ходить—сапоги да одежу трепать»... Врядъ ли нужно доказывать, какъ часто такого рода соображенія вліяютъ на судьбу дѣтей школьнаго возраста. И благодаря тому, что они несомнѣнно играютъ роль, задача обезпечить права ребенка чрезвычайно осложняется.

На практикѣ задача эта разрѣшается требованіемъ обязательнаго обученія. Обязательнаго для двухъ сторонъ: для государства,

какъ наиболѣе полнаго представителя коллективныхъ правъ, и для родителей. Это значитъ, во-первыхъ, что государство обязано заботиться, чтобы всѣ имѣли возможность получить образованіе. А во-вторыхъ, это значитъ, что родители обязаны, подъ страхомъ установленной законами отвѣтственности, посылать дѣтей въ школу. И всякій, кому дорого благо человѣческой личности, можетъ признать обязательность обученія только въ этомъ двухстороннемъ смыслѣ. Обязано государство, ибо оно существуетъ для того, чтобы обезпечить права человѣка. Обязаны родители, и необходимъ законъ, чтобы эта обязанность не стала пустымъ звукомъ, чтобы права ребенка на образованіе никѣмъ не могли быть отняты. Противники обязательнаго обученія очень любятъ приравнивать обязательность къ насилію. Но это, конечно, недоразумѣніе. Дѣло вѣдь тутъ не въ родителяхъ, которые якобы подвергаются насилію; дѣло въ томъ, чтобы оградить человѣческія и гражданскія права ребенка отъ родительскаго произвола. Вотъ почему, приступая къ обсужденію такъ называемаго школьнаго вопроса, необходимо прежде всего признать обязательность обученія. Обязательность, повторяю, двухстороннюю, — и для коллектива (не предрѣшаю пока, что понимать подъ этимъ словомъ: государство, общество, общину), и для родителей, обязанность которыхъ должна быть распространяема на опекуновъ, на старшихъ членовъ семьи, на владѣльцевъ тѣхъ промышленныхъ заведеній, гдѣ допущенъ дѣтскій трудъ, и т. д.

Необходимо, однако, помнить, что это практическое рѣшеніе задачи слишкомъ далеко отъ совершенства. Мы говоримъ: «государство обязано». Но кто ему помѣшаетъ отказаться отъ выполненія этой обязанности? Очевидно, законъ объ обязательномъ обученіи далеко не всегда и не при всякихъ условіяхъ можетъ устранить возможность противорѣчія между правами личности и волею коллектива. Наконецъ, говоря: «ты обязано», вѣдь не государство, собственно, приходится имѣть въ виду. Въ виду имѣются, главнымъ образомъ, органы государственной власти, а ихъ никакъ нельзя смѣшивать съ государствомъ. Объяснять это различіе врядъ ли нужно. А какое осложненіе вноситъ оно, можно пояснить на примѣрѣ. Пусть сейчасъ въ Россіи будетъ изданъ самый совершенный законъ объ обязательномъ обученіи. Но и при самомъ совершенномъ законѣ возможно, что власть свою обязанность открывать школы переложитъ на родителей. Самый совершенный законъ можетъ оказаться средствомъ для полицейскихъ поборовъ и полицейскаго насилія. Можно совсѣмъ не заботиться объ открытіи школъ и одновременно штрафовать родителей за то, что они не учатъ дѣтей. Можно дѣлать еще хуже: открывать школы, безусловно вредныя для народа, оскорбляющія его религіозныя или моральныя чувства, и въ то же время сурово примѣнять систему штрафовъ. При извѣстныхъ условіяхъ, можно, напр., опираясь на законъ объ обязательномъ обученіи, весь При-

вислянскій край покрыть густою сѣтью церковныхъ школъ, въ основу которыхъ положено преподаваніе «церковно-славянскаго языка» и «церковно-православнаго» пѣнія. Ниже на этой сторонѣ дѣла намъ придется остановиться подробнѣе. Здѣсь же, повторяю, мною упомянуто о ней лишь въ видѣ примѣра, который до нѣкоторой степени вскрываетъ противорѣчіе, заключенное въ формулѣ «обязательное обученіе». Стремясь защитить личныя права ребенка, эта формула, съ одной стороны, ставитъ государственную власть подъ родительскій контроль, а съ другой—ставитъ родительскую власть подъ государственный контроль. Получается, слѣдовательно, оригинальная система взаимнаго контроля двумя контролерами, при чемъ неблагонадежность обоихъ удостовѣрена простымъ признаніемъ факта, что необходимъ законъ объ обязательномъ обученіи, т. е., что необходимы нѣкоторыя мѣры принужденія и обузданія какъ относительно власти, такъ и относительно родителей.

Теоретикъ едва ли признаетъ такую систему взаимнаго контроля очень стройной и послѣдовательной. Но на практикѣ эта система при данныхъ условіяхъ единственно возможная. Другой мы, по крайней мѣрѣ, не знаемъ. И совокупность данныхъ условій вынуждаетъ насъ особенно настаивать на обязательномъ обученіи. Возникаетъ, однако, новый вопросъ: «хорошо, пусть обязательное, но съ какихъ поръ и до какихъ поръ»? Въ программахъ русскихъ политическихъ партій есть нѣкоторыя попытки отвѣтить на это. Напр., въ программѣ с.-д. читаемъ: «даровое и обязательное общее и профессіональное образованіе для всѣхъ дѣтей обоего пола до 16 лѣтъ». Въ програмѣ к.-д.: «всеобщее безплатное и обязательное обученіе въ начальной школѣ». Однако отвѣты эти трудно признать убѣдительными. Изъ нихъ не совсѣмъ ясно даже, о чьей, собственно, обязанности говорится. Если объ обязанности государства, то почему к.-д. думаютъ, что эта обязанность оканчивается начальной школой, и почему с.-д. убѣждены, что государство перестаетъ быть обязаннымъ, какъ только «рожденному человѣкомъ» исполнилось 16 лѣтъ?

Разъ человѣкъ имѣетъ право развивать и совершенствовать свои способности, разъ государство обязано обезпечить осуществленіе этого права, указанныя к.-д. и с.-д. границы, очевидно, очень произвольны. Очевидно, ребенку должна быть предоставлена полная возможность безпрепятственно переходить изъ начальной школы въ среднюю, изъ средней въ высшую; каждому ребенку должна быть открыта дорога ко всему кругу знаній, какой онъ способенъ вмѣстить по своимъ природнымъ способностямъ. И государство, очевидно, обязано, чтобы эта дорога была, дѣйствительно, открыта. Открыта для всѣхъ, кто способенъ по ней идти. Съ этой точки зрѣнія, необходимо настаивать, чтобы низшая была, какъ выражались старые педагоги, «подготовительной ступенью въ школу

среднюю, а средняя школа подготовительною ступенью въ школу высшую», чтобы переходъ отъ одной «ступени» къ другой совершался безпрепятственно, и чтобы обученіе во всѣхъ государственныхъ школахъ было безплатнымъ, одинаково доступнымъ какъ для богачей, такъ и для бѣдняковъ. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятно и резонно требованіе программы с.-д.: «снабжать бѣдныхъ дѣтей пищей, одеждой и учебными пособіями за счетъ государства». Съ этой же точки зрѣнія необходимы, очевидно, и обязательныя для государства заботы о внѣшкольномъ образованіи. Я, конечно, лишь вскользь и мелькомъ напоминаю нѣкоторыя основныя черты правильно поставленнаго плана народнаго образованія. Развертывать весь планъ, раскрывать всѣ его детали здѣсь не мѣсто. Но и то немногое, что отмѣчено мною, до извѣстной степени поясняетъ, какъ своеобразно понимается порою формула: «обязательное обученіе», по-скольку она имѣетъ отношеніе къ государству.

Можно, разумѣется, предположить, что обѣ процитированныя мною программы относятъ эту формулу не къ государству, а къ родителямъ. Но и въ такомъ пониманіи онѣ не ясны. Необходимо ограждать права ребенка отъ родительскаго произвола. Но почему с.-д. полагаютъ, что это необходимо лишь до тѣхъ поръ, пока ребенокъ учится въ начальной школѣ? А если онъ, окончивъ начальную школу, хочетъ учиться въ средней, родители обязаны ему не препятствовать или не обязаны? По с.-д. программѣ, они обязаны, если ихъ сыну или дочери не исполнилось 16 лѣтъ. Ну, а если 16 лѣтъ исполнилось, если сынъ или дочь, несмотря на свои 16 лѣтъ, всетаки желаютъ продолжать образованіе, а въ родительскихъ рукахъ много средствъ препятствовать этому, то какъ по закону,—разрѣшается пускать въ ходъ эти средства, или возбраняется? Наконецъ, съ какого возраста дѣти подлежатъ защитѣ закона объ обязательномъ обученіи? И, наоборотъ, съ какого момента въ жизни ребенка родители имѣютъ законное право сказать государству: «ты обязано».

Жизнь вынуждаетъ такъ или иначе отвѣчать на эти вопросы. Въ нѣкоторыхъ школьныхъ округахъ Англіи, напр., установлено правило: трехлѣтнему ребенку, по первому требованію родителей, должно быть дано мѣсто въ особой подготовительной, «материнской» школѣ, а семилѣтняго ребенка родители обязаны посылать въ начальную школу. Не трудно, однако, видѣть, какъ условны и произвольны эти сроки. Почему, въ самомъ дѣлѣ, семилѣтняго ребенка отецъ обязанъ посылать въ школу, а 6, 5, 4 или 3-лѣтняго не обязанъ? Дѣти не равны. Иной семилѣтній менѣе пригоденъ для систематическаго обученія, нежели другой 4-лѣтній. И почему трехлѣтнему государство обязано дать мѣсто въ школѣ, а двухлѣтнему не обязано,—хотя бы это былъ ребенокъ, остающійся безъ призора, пока мать и отецъ на работѣ?

Коменскій доказывалъ, что въ первые же годы жизни ребенка необходимо научить «основнымъ началамъ» слѣдующихъ «20 наукъ»: «метафизики, физики, оптики, астрономіи, географіи, хронологіи, исторіи, ариѳметики, геометріи, статики, механики, діалектики, грамматики, риторики, поэзіи, музыки, хозяйства и политики». Этотъ перечень, въ достаточной степени архаическій, нынѣ надо бы исправить и дополнить. Но мысль Коменскаго, конечно, должна быть признана въ полномъ ея объемѣ. Ребенку необходимо въ первые же годы или даже мѣсяцы жизни усвоить основныя «метафизическія категоріи»: пространство, время, сходство, различіе, я, не-я, тожество, противоположность; столь же необходимо усвоить основныя начала оптики (цвѣта, свѣтъ, тѣнь et.) и другихъ наукъ. И если это, по тѣмъ или инымъ несчастнымъ обстоятельствамъ, не усвоено, ребенокъ искалѣченъ порою на всю жизнь. Онъ не способенъ къ систематической работѣ даже въ начальной школѣ.

Ребенокъ учится «всему человѣческому» съ перваго дня рожденія. Съ перваго дня рожденія это право человѣка должно быть защищаемо. И, значитъ, обязательность образованія начинается то же съ перваго дня рожденія ребенка. Лишь только дитя родилось, родители, очевидно, въ правѣ требовать у государства: «воспитывай и учи». И, между прочимъ, съ этой точки зрѣнія приходится разсматривать вопросъ о нынѣшнихъ «воспитательныхъ домахъ». Ихъ содержаніе ни въ коемъ случаѣ нельзя считать дѣломъ частной благотворительности. А мать, которая отдаетъ своего ребенка въ воспитательный домъ, очевидно, не совершаетъ чего-либо предосудительнаго и достойнаго порицанія; она просто лишь заявляетъ государству о правахъ рожденнаго ею гражданина. А разъ такое заявленіе не сдѣлано, разъ родители обязанность воспитанія и обученія желаютъ сохранить за собою,—они, очевидно, отвѣтственны за неправильное выполненіе этой обязанности,—вплоть до той поры, когда рожденный ими получитъ способность самостоятельно отстаивать и осуществлять свои права, т. е. до наступленія полной гражданской правоспособности.

Съ этой точки зрѣнія, планъ обязательнаго образованія можетъ быть разработанъ очень широко. Можно, напр., проектировать общественное воспитаніе и обученіе въ полномъ объемѣ. Можно разработать нѣкоторыя детали: общественныя ясли, общественные дѣтскіе сады, и т. д. Можно настаивать, что родители въ правѣ требовать у государства пособія на воспитаніе каждаго новорожденнаго ребенка. И трудно найти серьезные аргументы по существу противъ этого права. Въ самомъ дѣлѣ, родители могутъ добровольно взять на себя обязанность государства нести трудъ и расходы по воспитанію дѣтей, но могутъ, очевидно, взять только трудъ, или только расходы. И разъ они берутъ на себя только трудъ, расходы, очевидно, должны быть возмѣщаемы. О размѣрахъ пособія на воспитаніе дѣтей можно спорить. Можно, напр., настаивать,

чтобы каждое такое пособіе не превышало средней цифры расхода на одного ребенка соотвѣтствующаго возраста въ общественномъ воспитательномъ учрежденіи. Можно доказывать, что пособіе должно быть выдаваемо не иначе, какъ по заявленію родителей и подъ условіемъ извѣстнаго контроля. Но едва ли слѣдуетъ останавливаться на томъ или иномъ планѣ общественнаго воспитанія и входить въ его техническія подробности. Гораздо важнѣе основной вопросъ:

Можно ли теперь же формулу обязательнаго образованія развертывать полностью и послѣдовательно? Можно ли при данныхъ условіяхъ признать эту обязательность для государства съ момента рожденія гражданина, до послѣднихъ минутъ его жизни, а для родителей, добровольно взявшихъ на себя обязанность, — съ момента рожденія, до наступленія гражданской правоспособности?

II.

Повторяю, теоретически вопросъ ясенъ. «Научиться всему человѣческому» — право гражданина. Обязанность обезпечить гражданскія права лежитъ на государствѣ. Все остальное вытекаетъ, какъ выводъ изъ этой основной посылки. Но если осуществлять этотъ выводъ на практикѣ, то мы неизбѣжно приводимъ въ столкновеніе права личности съ правами коллектива, и права коллектива съ правами семьи. Выше я упомянулъ, что, говоря о народномъ образованіи, на первомъ же шагу попадаешь въ область сложныхъ и спорныхъ вопросовъ о границахъ личныхъ и коллективныхъ правъ. Теперь надѣюсь ясно, что малѣйшая попытка углубиться въ эту тему заводитъ насъ въ область еще болѣе сложныхъ и еще болѣе спорныхъ вопросовъ о семьѣ, о данныхъ формахъ семьи и, стало быть, о тѣхъ моральныхъ взглядахъ на половое чувство, которые лежатъ въ основѣ господствующей нынѣ формы семейнаго быта.

Ни для кого не секретъ, что господствующая нынѣ форма семьи переживаетъ періодъ крайней дряхлости. Реакціонеры всѣхъ странъ недаромъ жалуются, что «семья разлагается» и умираетъ. Конечно, разлагается собственно не семья. Разлагается данная форма семьи. А это далеко не одно и то же. Но съ оговоркою, что рѣчь идетъ именно о формахъ, «разложеніе семьи» необходимо признать, и какъ фактъ, и какъ симптомъ. Собственно разлагается не семья, и даже не формы семьи. Разлагается и умираетъ та идеологія, на которой зиждется данная форма семейнаго быта. Люди ниспровергаютъ старыхъ боговъ и жадно ищутъ новыхъ. Эта разрушительная и вмѣстѣ творческая работа кипитъ такъ напряженно, такъ страстно, что ее, пожалуй, всего правильнѣе было бы называть моральной революціей. Не вчера она началась—эта ре-

волюція, не мало уже создано ею такихъ явленій производнаго характера, какъ «разложеніе семьи». Новыя формы не завтра будутъ окончательно построены. Новыя вѣрованія едва-едва складываются. Новый богъ еще загадоченъ, какъ мраморная глыба, которая уже обдѣлана топоромъ каменотеса, но которой пока не коснулся рѣзецъ художника.

Что дастъ человѣчеству переживаемая нами моральная революція, — мы не знаемъ. Обозначались лишь самыя общія очертанія будущаго, нѣкоторые основные его штрихи. Объ одномъ изъ такихъ основныхъ штриховъ здѣсь необходимо вскользь упомянуть. Но, дабы сдѣлать это возможно короче, я позволю себѣ одно сравненіе.

Сравнительно, не такъ давно, между прочимъ, у насъ въ Россіи весьма широкимъ слоямъ общества вопросъ о питаніи представлялся, какъ несомнѣнно моральный вопросъ. Нарушить постъ, позавтракать въ великую пятницу до выноса плащаницы, выпить молока въ среду, поѣсть каши съ масломъ въ такой день, когда святцами не положено «разрѣшеніе вина и елея», — все это казалось проступкомъ «противъ Бога и совѣсти». И люди стыдились совершать такіе «проступки»,—по крайней мѣрѣ, открыто. Отчасти это уцѣлѣло до сихъ поръ. Еще до сихъ поръ въ деревенскихъ захолустьяхъ Великороссіи остается не совсѣмъ рѣшеннымъ вопросъ: можно ли новорожденныхъ кормить грудью въ среду и пятницу? Еще до сихъ поръ мѣстами еврейки юго-западнаго края приходятъ въ ужасъ, когда проѣзжій проситъ ихъ изжарить цыпленка на коровьемъ маслѣ. Но рядомъ съ этими пережитками старины создалось и кое-что новое. Всѣ мы, вынесенные, поскольку дѣло касается питанія, потокомъ моральной революціи на другой берегъ, разнообразимъ свое меню, не справляясь со святцами, исправно кушаемъ скоромное и въ великую пятницу, и въ чистый четвергъ, и во всѣ другіе запрещенные дни. И никакой внутренней потребности скрывать это или стыдиться этихъ своихъ поступковъ не чувствуемъ.

Отсюда не слѣдуетъ, будто для насъ, вынесенныхъ на другой берегъ, всякое вообще питаніе безразлично въ моральномъ смыслѣ. Нѣтъ, обжорство, напр., насъ, несомнѣнно, задѣваетъ, какъ психологическая дисгармонія, какъ оскорбительное и унизительное для человѣческаго достоинства извращеніе естественныхъ потребностей. Среди насъ, вынесенныхъ на другой берегъ, тоже есть «нерѣшенный вопросъ» о «безубойномъ» и «убойномъ» питанія. Но на нашемъ берегу даже вегетаріанецъ строго различаетъ вкусовыя ощущенія отъ моральныхъ взглядовъ и идеаловъ.

Повидимому, въ такомъ же родѣ должны перегорѣть въ огнѣ моральной революціи и тѣ взгляды на половое чувство, которые лежатъ въ основѣ нынѣшней семьи. Въ отношеніяхъ половъ жизнь замѣтно отграничиваетъ моральное и несоизмѣримое съ физіоло-

гіей отъ физіологическаго и безразличнаго съ моральной точки зрѣнія. Психологическая дисгармонія, извращеніе естественныхъ потребностей останется актомъ либо болѣзненнымъ, либо унизительнымъ и оскорбительнымъ для человѣческаго достоинства. Но поскольку физіологическое остается въ нормальныхъ предѣлахъ, мы уже теперь, еще не переплывши на другой берегъ, говоримъ: «быль молодцу не укоръ», и уже теперь нѣкоторые изъ насъ рѣшительно прибавляютъ: «да и дѣвицѣ быль не укоръ». Исторія ведетъ насъ въ сторону свободной семьи, въ сторону менѣе обязательныхъ отношеній между мужчиной и женщиной, которые однажды и случайно сошлись на половомъ чувствѣ. Для сколько-нибудь прочныхъ связей будущее потребуетъ цемента, болѣе тонкаго и болѣе прочнаго, чѣмъ тотъ, который можетъ быть предъявленъ физіологіей.

. Формы грядущей «свободной семьи» уже теперь до нѣкоторой степени можно себѣ представить. Когда мы приплывемъ на «тотъ берегъ», вопросъ «обязательнаго образованія», по всей вѣроятности, будетъ подлежать рѣшенію въ полномъ объемѣ. Возможно представить, что тамъ, въ далекомъ будущемъ, найдутся родители, которые пожелаютъ взять на себя заботу о новорожденныхъ, — пожелаютъ не за страхъ, не подъ давленіемъ извнѣ диктуемаго «долга», а за совѣсть, ради того высокаго наслажденія, какое доставляетъ человѣку воспитаніе своего ребенка. Но воспитаніе своего ребенка доставляетъ не только наслажденіе. Оно причиняетъ и много мукъ, много заботъ, которыя подъ силу не каждому отцу и не каждой матери. И возможно представить, что значительный процентъ дѣтей будетъ прямо поступать на иждивеніе общества. Можетъ быть, на «томъ берегу» обязанность государства обезпечить права ребенка съ перваго дня станетъ не только теоретическимъ выводомъ изъ опредѣленной посылки, но и соціальной необходимостью. Точно также, обязанность родителей, быть можетъ, окажется простымъ результатомъ договора между ними и государствомъ. Государство, напр., можетъ предоставить родителямъ выполненіе общественныхъ обязанностей по отношенію къ ребенку, и, слѣдовательно, явится необходимость опредѣлить нормы, обезпечивающія и права ребенка, и права общества.

Но до «берега», на которомъ все это возможно, мы едва ли доплывемъ скоро. А какъ же быть теперь? Можно ли теперь принципъ обязательнаго образованія ставить полностію? «Обязательнаго» для государства и для родителей съ момента рожденія ребенка?

Съ бытовой и обывательской точки зрѣнія, «обязательность для родителей съ момента рожденія» предстанетъ въ такомъ, примѣрно, видѣ. Едва ребенокъ родился, какъ къ вамъ въ квартиру является чиновникъ соотвѣтствующаго департамента, производитъ разслѣдованія и сообщаетъ обязательныя постановленія, какъ кормить, какъ пріучать къ свѣту и т. д., и т. д А затѣмъ приходитъ

каждый день, или черезъ день, или разъ въ недѣлю, разъ въ мѣсяцъ, допрашиваетъ, экзаменуетъ, а за «неисполненіе законныхъ требованій начальства» тащитъ отца съ матерью къ мировому. Стоитъ лишь открыть дорогу грубому вмѣшательству въ интимную жизнь, а затѣмъ уже не трудно сообразить, какая благодарная почва получится для вымогательствъ, злоупотребленій и всяческаго рода насилій. Но дѣло не только въ злоупотребленіяхъ. Вопросъ шире и сложнѣе.

Въ началѣ я счелъ необходимымъ употребить нѣсколько неуклюжій терминъ: «права коллектива». Потомъ мнѣ пришлось слово «коллективъ» замѣнять другими словами: «государство», «общество», «община». Однако, такую замѣну можно дѣлать лишь съ очень серьезными оговорками. Понятія, выражаемыя этими словами, далеко не равнозначущи. Далѣе, мы говорили о школѣ, о воспитаніи, обученіи, образованіи, какъ о чемъ-то такомъ, что вполнѣ опредѣленно и при всякомъ положеніи равно самому себѣ. Въ дѣйствительности же подъ воспитаніемъ и обученіемъ можно разумѣть и очень хорошія, и очень скверныя вещи. Суть не только въ томъ, что ребенокъ имѣетъ право учиться. Гораздо труднѣе практическое рѣшеніе задачи,—чему и какъ учить.

Наиболѣе точный отвѣтъ можно бы получить отъ ребенка. Ребенокъ часто въ самомъ раннемъ возрастѣ обнаруживаетъ тѣ склонности, какими впослѣдствіи опредѣляется направленіе ума, выборъ профессіи или спеціальности. На этомъ и основывается педагогическое правило, что въ выборѣ методовъ и въ распредѣленіи учебныхъ предметовъ надо сообразоваться съ индивидуальностью ребенка. Правило во всѣхъ отношеніяхъ прекрасное. Дѣйствительно, только сообразуясь съ индивидуальностью ребенка, можно обезпечить его право развивать и совершенствовать свои человѣческія способности. Насилуя же индивидуальность, можно искалѣчить ребенка и золотые годы ученья превратить въ проклятые годы мукъ и страданій. Такимъ образомъ, на вопросъ: «какъ и чему учиться», можно бы отвѣтить совѣтомъ: «спроси у ребенка», т. е. старайся опредѣлить его наклонности.

Но тутъ вы встрѣчаетесь съ родителями, и взгляды ихъ далеко не всегда совпадаютъ съ наклонностями дѣтей. Я лично росъ въ семьѣ, старшіе члены которой очень хвалили меня, когда я учился читать псалтырь, и очень били, когда я разсказалъ имъ, что напечатано въ книжкѣ «Географія» о вращеніи земли. Самая книжка при этомъ едва не была сожжена и спаслась отъ этой участи, лишь благодаря моему заявленію, что «географія казенная» (т. е. изъ училищной библіотеки), и что за порчу ея придется дать отвѣтъ. Упоминаю объ этомъ мелкомъ эпизодѣ съ цѣлью, по возможности, коротко и наглядно объяснить, какія рѣзкія противорѣчія существуютъ порою между склонностями ребенка и взглядами семьи. Родительскіе предразсудки, предубѣжденія, часто капризы,

еще чаще простое невѣжество, — все это обрушивается на голову дитяти и властно диктуетъ ему: «учись не тому, къ чему ты склоненъ, не такъ, какъ тебѣ нужно, а какъ я велю». Вмѣсто права ребенка развивать и совершенствовать свои человѣческія способности, получается право семьи насиловать и уродовать дѣтей. Какія же у насъ средства устранить это насиліе?

Конечно, права ребенка должны быть защищены. Конечно, защиту гражданскихъ правъ должно взять на себя государство. Это безспорно. А съ другой стороны, безспорно и то, что если при данныхъ условіяхъ узаконить систематическій государственный надзоръ за семейнымъ воспитаніемъ, неизбѣжны насилія, еще болѣе ужасныя. Положеніе оказывается трагически безвыходнымъ. И въ этой трагедіи роль мучениковъ — увы! — падаетъ на долю дѣтей.

Стоитъ хоть немного вдуматься въ эту трагедію, и станетъ ясно, что дѣло тутъ не только въ противорѣчіи между ребенкомъ и семьею. Легко представить себѣ идеальную семью, чуждую предразсудковъ, капризовъ и желанія своевольничать надъ дѣтьми. Пусть такая семья сумѣла точно опредѣлить индивидуальность ребенка, сумѣла точно намѣтить методы и программу обученія. Это не такъ просто. Сравнительно, краткою справкою о современномъ состояніи психологіи и педагогики можно бы выяснить, что о способахъ опредѣлить индивидуальность ребенка пока благоразумнѣе лишь мечтать. Но, повторяю, упростимъ задачу и представимъ, что передъ нами идеальная семья, идеально опредѣлившая, какъ и чему учить. И живетъ эта семья... не въ раю, разумѣется. Представьте, что это духоборческая семья, въ православной деревнѣ или семья свободомыслящаго ссыльнаго поселенца поляка въ старообрядческомъ великорусскомъ селѣ. Представьте далѣе, что общество этого села или деревни само опредѣляетъ строй своей школы. Что получится въ результатѣ—понять не трудно.

Строй школы, если онъ зависитъ отъ мѣстнаго общества, опредѣлится совокупностью разныхъ условій. Если общество объединено, напр., сектантскимъ настроеніемъ, то и школа приметъ сектантскій характеръ. Православные сдѣлаютъ ее и по духу, и по характеру преподаванія православной, католики—католической, старообрядцы—старообрядческой. Обостренное національное чувство создастъ школу узко-націоналистическую, а таковою, у насъ, напр., въ Россіи можетъ оказаться школа не только великорусская, но и польская, и армянская, и татарская etc., etc. Школу такъ или иначе опредѣлитъ «большинство». Оно неизбѣжно навяжетъ ей тѣ или иныя грубо-практическія цѣли, узко-племенныя, религіозныя или политическія тенденціи. Дѣти же «меньшинства», дѣти «идеальной семьи» могутъ оказаться въ положеніи совершенно невыносимомъ: съ одной стороны, образованіе обязательное, и не посылать ребенка въ школу значитъ подвергаться карамъ за нарушеніе за-

кона; а съ другой стороны, если исполнять законъ, значитъ мириться съ насиліемъ не только надъ склонностями дѣтей, но и надъ ихъ совѣстью.

По здравому смыслу, дѣтей должно бы защищать отъ насилія государство. Какъ принципъ, это вѣрно. Но какъ практическое правило, это порою рѣшительно никуда не годится. Къ сожалѣнію, государство такъ же, какъ и отдѣльные члены его, обыкновенно, разсматриваетъ дѣтей, какъ человѣческій матеріалъ, весьма воспріимчивый къ пропагандѣ. И на этомъ основаніи навязываетъ школѣ пропаганду тѣхъ или иныхъ тенденцій.

Конечно, тенденціи могутъ мѣняться. Государство самодержавное, въ которомъ представители верховной власти вынуждены оправдывать свои претензіи ссылками на «божественное право», будетъ всячески защищать въ школахъ именно это право. То есть постарается устранить всѣ научныя свѣдѣнія, опровергающія божественное право, а что нельзя устранить, то будетъ искажено. На какіе чудовищные и отвратительные подлоги способно самодержавное государство въ цѣляхъ необходимой ему школьной пропаганды, — подробно говорить не буду. Подробности читатель можетъ найти въ моей книгѣ «Замѣтки учителя». Общій же характеръ школьной политики самодержавія болѣе или менѣе извѣстенъ.

Далѣе, важнѣйшей опорой абсолютной власти служитъ невѣжество народа. Вотъ почему самодержавному государству наиболѣе свойственно препятствовать распространенію школъ. Извѣстны афоризмы: «необходимо всѣми силами бороться противъ народнаго образованія» *), «безусловно вредно распространеніе народнаго образованія» **), «сообразить, нѣтъ ли способовъ затруднить доступъ въ гимназіи для разночинцевъ» ***) и т. д. Припоминая эти афоризмы, нужно значительное усиліе, чтобы сохранить спокойствіе. Но у нихъ есть безспорное достоинство: они совершенно точно и ясно формулируютъ одну изъ главнѣйшихъ потребностей автократическаго государственнаго строя. Въ интересахъ простого самосохраненія, автократія, дѣйствительно, должна всѣми силами противиться народному образованію, т. е. допускать только такое количество школъ, какое необходимо по техническимъ условіямъ государственнаго управленія, требующаго образованныхъ и грамотныхъ людей. Защищая «божественное право», автократія, дѣйствительно, должна исказить преподаваніе даже въ тѣхъ школахъ, какія ей самой необходимы.

Правда, самодержавіе, обыкновенно, не смѣетъ узаконить необходимый для него принципъ «борьбы всѣми силами противъ

*) Слова П. И. Леонтьева.
**) Слова К. П. Побѣдоносцева.
***) Высочайшій указъ 9 іюня 1845 г.

народнаго образованія». Подъ давленіемъ тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ причинъ, даже представители самодержавной власти порою вынуждены открывать безусловно ненужныя и вредныя для нихъ школы. Но практика автократическихъ странъ уже выработала особый типъ «школъ», гдѣ все построено такъ, чтобы дѣти тратили праздно силы и время, подвергались пропагандѣ, какая необходима для укрѣпленія «божественнаго права», и лишались возможности дѣйствительно «научиться всему человѣческому». Это собственно не школы. Это одинъ изъ механизмовъ въ общей системѣ мѣръ, какія необходимы, по совершенно правильному мнѣнію К. П. Побѣдоносцева, самодержавію для борьбы противъ народнаго образованія. Прекраснымъ образцомъ такихъ государственныхъ учрежденій, препятствующихъ образованію дѣтей, могутъ служить, между причемъ, русскія «церковно-приходскія» школы.

Въ нѣсколько иномъ положеніи верховная власть конституціонно-классового государства. Конституціонный государственный механизмъ требуетъ значительной грамотности низшихъ слоевъ населенія. Это необходимо хотя бы, напр., для выборовъ въ парламентъ, не говоря уже объ экономическихъ и другихъ условіяхъ. И власть конституціоннаго государства неизбѣжно будетъ заботиться о насажденіи низшаго образованія, т. е. такъ или иначе постарается обезпечить право ребенка научиться грамотѣ. Но интересы господствующаго класса, его стремленіе удержать въ своихъ рукахъ умственное превосходство, а стало быть, и нѣкоторую гегемонію,—все это властно отражается на судьбѣ ребенка, желающаго осуществить свои права на образованіе среднее и высшее. Заботы пяти русскихъ царствованій, начиная съ Александра I, о всемѣрномъ «недопущеніи» «простонародья» въ гимназіи и университеты составляютъ характерную особенность не только самодержавныхъ правительствъ. Опытъ конституціонныхъ странъ такъ же богатъ «рѣшительными мѣрами» въ этомъ направленіи. Въ государствахъ, провозгласившихъ священными «права человѣка и гражданина», также есть система экзаменовъ, нарочито придуманная, чтобы загораживать дорогу изъ низшей школы въ среднюю, а изъ средней въ высшую, есть не менѣе хитроумная система платы за ученіе, есть, наконецъ, система особыхъ учебныхъ плановъ, которая всякому «кухаркину сыну» ставитъ предѣлъ: «если у тебя нѣтъ средствъ на спеціальную домашнюю подготовку, то изъ одного типа школы въ другой не перескочишь».

Такимъ образомъ, если въ самодержавномъ государствѣ рѣшеніе задачи, чему учить и какъ учить въ школахъ, предопредѣляется необходимостью защищать принципъ «божественнаго права», то въ государствѣ конституціонно-классовомъ школьная политика въ значительной мѣрѣ направляется стремленіемъ отрѣзать народныя массы отъ средней и высшей школы. А затѣмъ, вообще мы не знаемъ ни одного государства, въ которомъ правительство

устояло бы противъ соблазна воспользоваться школою, какъ средствомъ пропаганды среди подрастающаго поколѣнія.

Всѣ какъ будто признаютъ, что школа должна сообразоваться съ индивидуальностью ребенка; всѣ какъ будто знаютъ, что только при этомъ условіи возможно свободное, гармоническое развитіе и совершенствованіе человѣческой личности. Ни одно правительство не рѣшается оспаривать этотъ принципъ. И, однако, не онъ кладется въ основу школьныхъ плановъ. Не только распредѣленіе занятій и учебныя программы, но даже содержаніе учебниковъ приноровлено въ одномъ случаѣ къ тому, чтобы укрѣпить идею о божественномъ происхожденіи верховной власти, въ другомъ—къ тому, чтобы воспитать трепетъ передъ священнымъ принципомъ собственности, въ третьемъ—къ тому, чтобы внушить народу преданность родовой или денежной аристократіи, въ четвертомъ—чтобы противодѣйствовать гибельнымъ идеямъ соціализма etc., etc. Въ основѣ государственныхъ школьныхъ плановъ лежитъ, что угодно: націонализмъ, шовинизмъ, сектантство, какъ цѣль; классицизмъ, мертвящая схоластика и зубрежка, какъ средство. Нѣтъ только въ нынѣшнихъ школьныхъ планахъ желанія руководиться общепризнанными педагогическими правилами, помимо которыхъ нельзя учителю увлекательно учить, а ученику легко и свободно учиться.

При столь остромъ противорѣчіи интересовъ, сталкивающихся въ школѣ и возлѣ школы, которая оказывается тѣсно связанной, между прочимъ, съ такими поистинѣ проклятыми вопросами современной жизни, какъ національный и религіозный,—принципъ обязательнаго образованія получаетъ особый смыслъ и особое значеніе.

Съ одной стороны, этотъ принципъ въ его полномъ объемѣ жизненно необходимъ. И мы ни на одну минуту не можемъ отказаться отъ него. Сколько угодно доказывайте, что родители обязаны учить и воспитывать своего ребенка. Сколько угодно оспаривайте право родителей отказываться отъ этой «обязанности». Но въ дѣйствительности уже теперь масса матерей, а еще больше отцовъ, такъ сказать, революціоннымъ порядкомъ осуществляютъ это свое право. Уже теперь ежегодно громадное количество новорожденныхъ дѣтей поступаетъ на исключительное иждивеніе государства. И, слѣдовательно, уже теперь необходимо признать обязательное для государства образованіе въ полномъ объемѣ,—со дня рожденія тѣхъ, по крайней мѣрѣ, дѣтей, отъ которыхъ отказались отецъ и мать. Повторяю, необходимо признать эту обязанность государства въ полномъ объемѣ; нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, мириться съ такими чудовищными аномаліями, какъ нынѣшніе «воспитательные дома».

Государство, далѣе, обязано взять на себя заботу о дѣтяхъ, отъ которыхъ родители не отказываются, но которыя, тѣмъ не менѣе, по нѣскольку часовъ въ день остаются «на произволъ судебъ»

(напр., дѣти фабричныхъ рабочихъ). Государство обязано заботиться, чтобы всѣ дѣти имѣли возможность получить хотя бы только начальное образованіе, т. е. обязано, если дѣтямъ негдѣ учиться, открыть школу по первому требованію родителей. Государство обязано слѣдить, чтобы право, по крайней мѣрѣ, дѣтей школьнаго возраста не зависѣло отъ каприза и произвола родителей, опекуновъ, предпринимателей, эксплуатирующихъ дѣтскій трудъ. Узаконить обязательность образованія—значитъ оказать странѣ величайшее благодѣяніе.

Это съ одной стороны. А съ другой... Хорошо, пусть государство обязано по первому требованію родителей, которымъ негдѣ учить дѣтей, отпустить средства на открытіе и содержаніе школы. Но вѣдь разъ государственная власть отпустила собранныя съ народа средства, она не только имѣетъ право, но и обязана слѣдить, куда и какъ эти средства расходуются. Иначе откроется широкая возможность для спекуляцій весьма сомнительнаго свойства. Обязывая государство давать деньги, мы тѣмъ самымъ обязываемъ его направлять школьную дѣятельность и руководить ею. Въ переводѣ на языкъ, напр., суровой русской дѣйствительности это значитъ слѣдующее. Вооруженное закономъ объ обязательномъ обученіи, правительство во всѣхъ старообрядческихъ, молоканскихъ, духоборческихъ, штундистскихъ и т. п. мѣстностяхъ сможетъ открыть миссіонерскія школы, и подъ страхомъ уголовныхъ каръ сгонять туда всѣхъ дѣтей школьнаго возраста; въ Польшѣ, въ Литвѣ, на Украйнѣ, на Кавказѣ, во всѣхъ вообще иноплеменныхъ мѣстностяхъ оно сможетъ, въ цѣляхъ обрусительной политики, открыть школы съ обязательнымъ преподаваніемъ на великорусскомъ языкѣ и съ обязательными уроками «православнаго» закона Божія; оно сможетъ покрыть всю Россію церковно-приходскими школами; сможетъ расшить на этой канвѣ многіе другіе узоры, при помощи которыхъ безусловно необходимый и безусловно благодѣтельный законъ послужитъ источникомъ жесточайшаго насилія и великихъ бѣдствій для всей страны.

Очевидно, какъ ни важенъ, какъ ни необходимъ принципъ обязательнаго образованія, но его нельзя ставить безъ очень существенныхъ оговорокъ и поправокъ.

III.

Безъ сомнѣнія, государство, во всякомъ случаѣ, обязано обезпечить права ребенка на образованіе. Но требуя, чтобы государство выполняло эту обязанность, мы тѣмъ самымъ отдаемъ дѣло народнаго просвѣщенія подъ надзоръ государственной власти, съ ея не всегда чистыми, и въ большинствѣ случаевъ своекорыстными разсчетами. Выходъ изъ этого заколдованнаго круга, къ счастью, уже

найденъ и до нѣкоторой степени осуществленъ во всѣхъ странахъ, гдѣ обязательность обученія узаконена. Выходъ заключается въ томъ, что хотя населеніе и обязано учить дѣтей, но имѣетъ право и возможность отказаться отъ государственной помощи и отъ услугъ государственной школы.

Иначе говоря, государственная власть имѣетъ надзоръ только за тѣми школами, которыя въ полной мѣрѣ или отчасти содержатся на государственныя средства. Всякой общественной группѣ и каждому отдѣльному гражданину должно быть предоставлено право безпрепятственно открывать школы. И разъ администрація такой «вольной школы» отказывается отъ государственной помощи, государственная власть обязана не вмѣшиваться. Это англо-саксонская система, при которой всякое учебное заведеніе находится подъ контролемъ общественнаго мнѣнія и можетъ попасть подъ контроль правительственной школьной инспекціи лишь въ томъ случаѣ, если пользуется субсидіей изъ государственныхъ средствъ.

Такова первая поправка, какую необходимо внести въ принципъ обязательнаго образованія. Рядомъ съ обязательной для государства школой должно быть обезпечено безпрепятственное возникновеніе и существованіе школы вольной. И совершенно основательно въ программу, напр., народно-соціалистической партіи внесена, какъ очередное требованіе, «свобода частной и общественной иниціативы въ области школьнаго и внѣшкольнаго образованія». Такое же очередное требованіе включено и въ программу конституціонно-демократической партіи. Его важное значеніе понято было въ Россіи еще въ началѣ царствованія Николая I; еще при Николаѣ I въ основу правительственной школьной политики была положена, между прочимъ, мысль, энергически формулированная въ одной «запискѣ», представленной въ 1826 г. на Высочайшее благовоззрѣніе: «Нечего колебаться, — рекомендуетъ эта «записка»—во чтобы то ни стало подавить воспитаніе частное». Для интересовъ, которые защищало правительство Николая I, «вольная школа», дѣйствительно, ядъ. Для народа она—насущная необходимость. И если мы откажемся отъ требованія вольной, не подчиненной правительственному руководству школы, то надо будетъ отказаться и отъ обязательнаго обученія, и отъ защиты дѣтскихъ правъ на образованіе. Ибо въ противномъ случаѣ, т. е. отказавшись отъ вольной школы, мы, вѣрнѣе всего, узаконимъ обязательную для населенія «обработку дѣтскихъ душъ» по методѣ гр. Д. А. Толстого, гр. И. Д. Делянова, К. П. Побѣдоносцева и тому подобныхъ дѣятелей, которыми врядъ ли скоро земля оскудѣетъ.

Отстаивая обязательное образованіе, необходимо всячески отстаивать полную свободу открывать и содержать школы, независимыя отъ правительственнаго руководства. Нужно, однако, не преувеличивать значенія «частной иниціативы» вообще и «вольной школы» въ частности. Дѣло народнаго образованія такъ обширно,

требуетъ такого огромнаго расхода силъ и средствъ, что, помимо государства, его нельзя поставить на сколько-нибудь твердую почву. Да и по принципіальнымъ соображеніямъ не допустимо, чтобы государство имѣло возможность одну изъ важнѣйшихъ соціальныхъ задачъ взвалить на частную иниціативу. Вольныя школы должны быть. Но громаднымъ массамъ населенія неминуемо придется пользоваться школами, содержимыми всецѣло или отчасти на государственный счетъ. Громадная масса дѣтей будетъ такъ или иначе проходить черезъ правительственное руководство. И дабы устранить злоупотребленія государственной власти на этой почвѣ, есть только одинъ способъ: ограничить дѣятельность правительственной школьной инспекціи опредѣленными рамками.

Прежде всего правительственная инспекція не должна быть органомъ религіознаго насилія. Иначе говоря, необходимо «отдѣленіе школы отъ церкви». Рѣшаюсь напомнить, однако, что дѣло тутъ не только въ томъ, чтобы государственная власть не могла требовать обязательныхъ для дѣтей уроковъ закона Божія. Обязательныя уроки закона Божія въ государственной школѣ, конечно, не допустимы. Но религіозныя чувства могутъ быть весьма рѣзко задѣты и на урокѣ исторіи, и на урокѣ словесности или пѣнія, и на всякомъ другомъ урокѣ. Вотъ почему въ нѣкоторыхъ школьныхъ округахъ, напр., Великобританіи законъ обусловливаетъ, чтобы даже при объясненіи Евангелія или священной исторіи не допускались конфессіонныя толкованія.

Точно также школьная инспекція не должна быть органомъ, насилующимъ индивидуальныя особенности дѣтей, обусловленныя принадлежностью къ тому или иному племени. Для всякаго, кому дорога индивидуальность ребенка, кто признаетъ его право на развитіе и совершенствованіе, одинаково непріемлемы какъ насиліе въ цѣляхъ государственной нивеллировки, такъ и насиліе въ цѣляхъ племенной обособленности.

Невозможно допустить, чтобы преподаваніе въ инородческихъ школахъ велось на совершенно непонятномъ дѣтямъ государственномъ языкѣ. Мы не только теоретически, но и по горькому опыту знаемъ, какое невыносимое положеніе создается, напр., преподаваніемъ на великорусскомъ языкѣ въ польскихъ, армянскихъ, татарскихъ, якутскихъ и т. д. школахъ. Такое преподаваніе прямо-таки калѣчитъ дѣтей. Въ такихъ школахъ лишь очень немногія дѣти выдерживаютъ искусъ. Масса же выбрасывается изъ нихъ, ничему не научившись. Вотъ почему конституціонно-демократическая партія, напр., не поставившая ясно въ своей программѣ «вопросъ о языкѣ начальной школы», по существу обошла и вопросъ о возможности достигнуть не только обязательнаго, но и «всеобщаго» образованія. Напишите, въ самомъ дѣлѣ, какой угодно законъ объ обязательномъ обученіи, но разъ преподаваніе будетъ

вестись на непонятномъ дѣтямъ языкѣ, громадный процентъ ихъ не научится въ школѣ даже простой грамотѣ.

По той же причинѣ совершенно непріемлемы планы — въ начальной еврейской, напр., школѣ ввести обязательное преподаваніе на древне-еврейскомъ языкѣ, или въ великорусской школѣ— на языкѣ «церковно-славянскомъ». Въ основѣ такихъ плановъ лежитъ либо желаніе «сохранить племенной типъ въ его первоначальной чистотѣ», либо соображенія религіозныя. И нѣкоторые изъ этихъ плановъ уже испробованы. Между прочимъ, въ концѣ царствованія Александра III во многихъ церковно-приходскихъ школахъ обученіе начиналось не иначе, какъ по «церковно-славянскимъ» азбукамъ, которыя во множествѣ разсылалъ Святѣйшій синодъ. Нѣсколько позже появились въ такъ называемомъ сіонизмѣ стремленія «широко возродить» древне-еврейскій языкъ. Нѣкоторые сіонисты утверждали даже, что роднымъ языкомъ еврейскаго ребенка надо считать именно древне-еврейскій языкъ, а никакъ не «жаргонъ», составленный изъ смѣси «чужихъ»—нѣмецкихъ, польскихъ и другихъ иноплеменныхъ словъ и формъ. Наряду съ сіонистами, существовали истинно-православные люди, утверждавшіе, что родной языкъ русскаго ребенка—это языкъ церковно-славянскій, тогда какъ нынѣшній русскій языкъ вовсе нельзя считать русскимъ, ибо онъ испорченъ финскими, татарскими, польскими, нѣмецкими и всякими иными помѣсями.

Такія мнѣнія, если они логически и стройно развиты,—явная нелѣпость. Но въ основѣ ихъ лежитъ нѣчто, болѣе сложное и болѣе обдуманное, чѣмъ простая ошибка. Вопросъ о языкѣ преподаванія надо разрѣшать не только съ той точки зрѣнія, понятенъ онъ или непонятенъ ученику. Тутъ скрытъ еще и вопросъ о томъ, съ какими понятіями должна оперировать школа, въ кругъ какихъ представленій необходимо ей ввести ученика. Чтобы не углубляться въ эту очень сложную сторону школьной жизни *), ограничусь лишь однимъ примѣромъ.

Возьмите хотя бы такое выраженіе на «древнемъ» языкѣ: «Работайте господеви со страхомъ». И поставьте рядомъ съ нимъ выраженіе на современномъ языкѣ, по возможности, однозвучное и какъ будто даже однозначущее: «работайте на господина со страхомъ». Можно, пожалуй, доказывать, что оба выраженія одинаково «родныя» ребенку и одинаково понятны. Но не трудно видѣть, что они выражаютъ совершенно различныя представленія. Тамъ «господеви»,—таинственная верховная воля, фатумъ, нѣчто божественное и апелляціи не подлежащее, нѣчто переносящее насъ въ настроеніе, создавшее извѣстную лакейскую пѣсню о необыкновенно счастливой крѣпостной дѣвицѣ, которая хвалится:

---

*) Мнѣ по этому вопросу уже пришлось высказаться въ другомъ мѣстѣ. См. „Замѣтки учителя", глава о „націонализмѣ въ школѣ".

„Вышла замужъ за него,
Господина моего".

Здѣсь же не «господеви», а «господинъ помѣщикъ», «господинъ фабрикантъ», «господинъ хозяинъ», баринъ, который взимаетъ аренду, эксплуатируетъ, и по отношенію къ которому даже у ребенка могутъ быть вполнѣ опредѣленныя чувства. Надѣюсь, не нужно объяснять, какая разница между «работайте» въ древнемъ и «работайте» въ современномъ смыслѣ. Одни представленія будутъ у ребенка, если онъ читаетъ «работайте со страхомъ» въ «церковно-славянскомъ» текстѣ. и совершенно другія — если онъ прочтетъ тотъ же совѣтъ въ «современной книжкѣ», на «современныя темы».

Наше министерство народнаго просвѣщенія уже много лѣтъ насаждаетъ въ учебникахъ — даже для низшихъ школъ — языкъ Карамзина и Четіихъ-Миней. И это, въ смыслѣ достиженія извѣстныхъ результатовъ, цѣлесообразно. Слова «карамзинской рѣчи» отвлекаютъ ребенка отъ тѣхъ понятій и представленій, съ какими тѣсно связаны слова въ ихъ нынѣшнемъ употребленіи. А съ другой стороны, ни Карамзину, ни Четіимъ-Минеямъ не были извѣстны многія нынѣшнія слова, порою весьма остраго и боевого значенія. А это еще болѣе помогаетъ министерству изолировать школу отъ самыхъ жгучихъ «вопросовъ даннаго времени», перенести ребенка, пока онъ не успѣлъ ознакомиться съ окружающею его дѣйствительностью, въ сферу понятій и представленій, какія были 100, 200, 300 лѣтъ тому назадъ. Нѣкоторые послѣдовательные сіонисты шли, какъ я уже упоминалъ, еще дальше, и предлагали переносить дѣтей на 2 или даже на 3 тысячи лѣтъ назадъ.

«Надо заморозить Россію», — убѣждалъ нѣкогда Леонтьевъ. И языкъ преподаванія, несомнѣнно, одно изъ прекрасныхъ средствъ замораживать дѣтей. Однихъ, благодаря ему, можно лишить возможности научиться даже простой грамотѣ. Другимъ онъ помѣшаетъ понять и осмыслить именно ту историческую обстановку, въ которой проходящему черезъ школу поколѣнію надо жить и дѣйствовать.

Контроль правительства въ государственной школѣ не устранимъ. Но если этотъ контроль необходимо ограничить въ томъ смыслѣ, чтобы онъ не превратился въ средство религіознаго насилія, то не менѣе онъ долженъ быть ограниченъ и въ правѣ вліять на языкъ школы. Преподаваніе, особенно въ начальной школѣ, должно вестись на родномъ и понятномъ для ребенка языкѣ, — на языкѣ, свойственномъ данной національности, какую обслуживаетъ школа, и данному времени, въ какое она существуетъ. Правительственный контроль въ правѣ требовать, чтобы это условіе соблюдалось во всякой школѣ, на которую несетъ рас-

ходы государство. Но онъ не въ правѣ ни отмѣнять, ни нарушать это условіе.

А затѣмъ и вообще правительственный контроль резоненъ по стольку, поскольку онъ стоитъ въ рамкахъ необходимаго для дѣла. Разумѣется, безусловно необходимо слѣдить, чтобы государственныя средства, отпущенныя на содержаніе школы дѣйствительно шли на школу. Безусловно необходимо требовать, чтобы государственная школа давала дѣтямъ извѣстный минимумъ познаній. Но едва ли необходимо государству настаивать на томъ или иномъ распредѣленіи занятій; нѣтъ никакихъ резоновъ сосредоточивать въ рукахъ государства назначеніе учителей, выработку детальныхъ программъ и учебныхъ плановъ, и т. д. «Передача среднихъ и низшихъ школъ въ завѣдываніе мѣстныхъ органовъ самоуправленія», на которой настаиваетъ программа народно-соціалистическій партіи, наиболѣе правильно могла бы поставить общегосударственную школьную инспекцію въ тѣ рамки, какія необходимы для дѣла. Отстаивая такую систему, можно бы сослаться на примѣръ Великобританіи и Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, гдѣ принципъ мѣстнаго управленія школами особенно доказалъ свою плодотворность; можно бы повторить извѣстные доводы о преимуществѣ децентрализаціи надъ централизаціей; можно бы указать на необходимость приноровлять школьные порядки и школьныя программы къ мѣстнымъ условіямъ, что всего лучше можетъ быть сдѣлано мѣстными общественными организаціями; можно бы напомнить удивительныя нелѣпости, къ которымъ приводитъ централистическое школьное управленіе, а за примѣрами не надо далеко ходить: вѣдь у насъ въ Россіи дѣти Якутской области, Московской губерніи и Средней Азіи учатся по однѣмъ и тѣмъ же учебнымъ книжкамъ, т. е. якутскія дѣти, наравнѣ съ московскими, читаютъ въ школѣ: «у насъ въ селѣ избы деревянныя, а крыши соломенныя», передаютъ своими словами содержаніе статеекъ хрестоматіи о дубахъ, липахъ, козлахъ, баранахъ, черемухахъ и другихъ «матеріяхъ», которыя москвичъ встрѣчаетъ на каждомъ шагу, и которыя для якута лишь «заморское чудо».

Но я не буду останавливаться на примѣрахъ, наглядно обрисовывающихъ вредъ централизаціи и пользу децентрализаціи; не буду перечислять и аргументы за «передачу школъ въ завѣдываніе мѣстныхъ самоуправленій». Отчасти эти аргументы общеизвѣстны. Отчасти они лежатъ внѣ той общей постановки вопроса, на которой намъ нужно держаться. Мы вѣдь говоримъ въ данный моментъ о противорѣчіи интересовъ, сталкивающихся возлѣ школы и внутри нея. Государству, какъ цѣлому, нужно и важно лишь то, чтобы молодое поколѣніе имѣло возможность «научиться всему человѣческому». Это основная задача. Но органы государственной власти, въ своихъ личныхъ видахъ, могутъ предъявить и неизбѣжно

предъявятъ къ школѣ такія требованія, которыя не только идутъ мимо основной задачи, но и въ корнѣ противорѣчатъ ей. Въ свою очередь, мѣстное населеніе, обслуживаемое тою или иною школою, можетъ предъявить и неизбѣжно предъявитъ такія требованія, которыя въ корнѣ противорѣчатъ личнымъ видамъ представителей власти. При такихъ условіяхъ «передачу школъ въ завѣдываніе мѣстныхъ органовъ самоуправленія» приходится разсматривать, какъ наилучшій способъ устранить или нейтрализовать противорѣчія.

IV.

Я нѣсколько подробнѣе, чѣмъ, быть можетъ, слѣдовало бы, остановился на такихъ деталяхъ, какъ «вольная школа», постановка «Закона Божія», языкъ преподаванія, ближайшее завѣдываніе школьными дѣлами. Мнѣ казалось, что смыслъ этихъ деталей до сихъ поръ не вполнѣ понятъ. а главное—не вполнѣ усвоена связь между ними и обязательнымъ обученіемъ. Не случайно же, въ самомъ дѣлѣ, программа той же хотя бы конституціонно-демократической партіи требуетъ обязательнаго обученія и въ то же время совершенно открытымъ оставляетъ вопросъ о возможности связывать школу съ церковью, и оставляетъ въ туманѣ другой не менѣе важный вопросъ—о языкѣ, на которомъ должно вестись преподаваніе,—по крайней мѣрѣ, въ начальной школѣ. Такія «фигуры умолчанія» невозможно считать злымъ умысломъ. Составителямъ программы, повидимому, просто осталось не яснымъ, почему при одномъ рѣшеніи обойденныхъ ими вопросовъ требованіе обязательнаго обученія имѣетъ серьезный смыслъ, а при другомъ—оно обращается въ пустой звукъ.

Къ сожалѣнію, останавливаясь на деталяхъ, я не сумѣлъ обойти нѣкоторыхъ чисто техническихъ подробностей. И боюсь, что написанное мною можетъ быть понято, какъ попытка обрисовать въ общихъ чертахъ именно техническій планъ школьнаго устройства. Мысль читателя какъ бы невольно можетъ направиться къ такимъ, примѣрно, выводамъ:

Есть государство. И есть органы мѣстнаго самоуправленія: мелкая земская единица, уѣздное земство, губернское земство, городскія представительныя учрежденія. Органы самоуправленія требуютъ у государства денегъ на школы. Государство отпускаетъ. И всякая школа, содержимая полностью или отчасти за счетъ государства, считается государственной. Затѣмъ чиновники министерства народнаго просвѣщенія инспектируютъ. А органы мѣстнаго самоуправленія опредѣляютъ педагогическую и хозяйственную сторону дѣла, и т. д.

Такой планъ по существу цѣлесообразенъ. Но на его техническихъ подробностяхъ едва ли можно настаивать. Государственный

контроль неустранимъ, по принципіальнымъ соображеніямъ. Но это не значитъ, что его должны осуществлять чиновники министерства народнаго просвѣщенія, а не лица, опредѣляемыя тѣмъ же хотя бы губернскимъ или уѣзднымъ земствомъ. Есть вѣсскіе аргументы за одно рѣшеніе, и есть не менѣе вѣсскіе—за другое.

Нуженъ центральный органъ, вѣдающій спеціально дѣло народнаго образованія. Но въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, напр., федеральный департаментъ народнаго просвѣщенія вовсе не располагаетъ властью; онъ лишь собираетъ и публикуетъ матеріалы по народному образованію, издаетъ статьи и монографіи по вопросамъ школьной жизни, и эта скромная роль не мѣшаетъ ему имѣть огромное моральное вліяніе. И я не вижу причинъ, почему такой якобы безвластный центральный органъ рѣшительно никуда не годится.

Далѣе, мы говоримъ объ органахъ мѣстнаго самоуправленія. Можетъ быть, дѣйствительно, школьно-административное дѣленіе страны должно совпадать съ дѣленіемъ земскимъ. Въ тѣхъ же, хотя бы, Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки школьные округа совпадаютъ съ сельскими округами (американская «мелкая земская единица»). Но и при такомъ совпаденіи завѣдуетъ народнымъ образованіемъ въ каждомъ округѣ не общая администрація, а особо избранный населеніемъ школьный комитетъ. И есть очень серьезные аргументы, чтобы, не взирая на автономность, если такъ можно выразиться, школьной администраціи, кругъ ея вѣдѣнія географически совпалъ съ земской единицей. Но при извѣстной пестротѣ разселенія, быть можетъ, окажется резоннѣе отказаться отъ удобствъ, связанныхъ съ географическимъ совпаденіемъ.

Затѣмъ, можно привести доводы за то, чтобы завѣдываніе школами въ предѣлахъ, положимъ, нашего россійскаго уѣзда, было сосредоточено въ рукахъ уѣздной земской управы; но едва ли не больше резоновъ окажется за передачу школьнаго дѣла особо избранному школьному комитету.

Мы говоримъ, наконецъ, что государство обязано обезпечить право каждаго ребенка на образованіе. И по скольку это касается, напр., закона объ обязательномъ обученіи, закона объ отдѣленіи школы отъ церкви, закона объ языкѣ преподаванія, мы имѣемъ въ виду именно все государство, и обращаемся къ его центральнымъ законодательнымъ и исполнительнымъ органамъ. Мощь всего государства должна стоять на стражѣ, когда дѣло касается покушеній на права ребенка съ той или другой стороны. Но по скольку рѣчь идетъ о чисто финансовомъ положеніи низшихъ, напр., школъ, то, быть можетъ, дѣйствительно, всего разумнѣе, чтобы деньги съ населенія поступали сначала въ государственное казначейство, а оттуда распредѣлялись, куда сколько нужно. Но, быть можетъ, законодательная власть страны поступитъ правильнѣе,

если откажется собирать средства на низшія школы въ центральную кассу, а предоставитъ мѣстнымъ комитетамъ устанавливать и взимать обязательный школьный налогъ.

Чтобы взвѣсить доводы за и противъ, нужно ясно представить, такъ сказать, индивидуальныя свойства страны, собрать нѣкоторые статистическіе матеріалы, сообразить многое другое, чего намъ теперь едва ли можно касаться. Для насъ пока необходимо установить лишь общія линіи, придти къ нѣкоторымъ общимъ выводамъ, какія должно имѣть въ виду при оцѣнкѣ тѣхъ или иныхъ техническихъ подробностей. Наши выводы вкратцѣ таковы:

1) Обязанность учить и воспитывать молодое поколѣніе принадлежитъ государству или органамъ, которые государство уполномочитъ. Родители могутъ взять на себя эту обязанность. Но это лишь ихъ добрая воля. О своемъ нежеланіи заниматься воспитаніемъ и обученіемъ они могутъ заявить какъ въ первый день рожденія ребенка, такъ и во всѣ послѣдующіе дни. И, слѣдовательно, на государство должна пасть забота объ устройствѣ дѣтскихъ пріютовъ, воспитательныхъ домовъ, дѣтскихъ садовъ, яслей, etc. Отсюда же требованіе «дарового обученія» во всѣхъ государственныхъ школахъ какъ общеобразовательныхъ, такъ и профессіональныхъ; съ этой же точки зрѣнія необходимо разсматривать и требованіе с.-д. программы о «снабженіи бѣдныхъ дѣтей пищей, одеждой и учебными пособіями за счетъ государства». Нѣтъ никакихъ принципіальныхъ препятствій продолжать эти требованія, вплоть до снабженія рабочихъ кварталовъ на государственный счетъ пастеризованнымъ молокомъ и установленія субсидіи родителямъ. Но само собою понятно, что слова: «рабочихъ кварталовъ», «бѣдныхъ дѣтей» невольно вызываютъ возраженія: почему только рабочихъ и только бѣдныхъ? Точно такія же возраженія неизбѣжны по поводу срока, установленнаго въ нѣкоторыхъ школьныхъ округахъ Англіи: трехлѣтнему ребенку, по требованію родителей, государство обязано дать мѣсто въ «материнской» школѣ? Почему въ самомъ дѣлѣ только трехлѣтнему? Можно, а порою и должно относиться съ уваженіемъ къ мотивамъ, по которымъ то или иное требованіе, обращенное къ государству, сознательно суживается. Но, выдвигая требованія, суженныя, компромиссныя, а потому условныя и спорныя, необходимо помнить о той принципіальной почвѣ, на которой они основаны.

2) Разъ родители не отказались учить и воспитывать своего ребенка, государство обязано слѣдить, чтобы права этого ребенка на образованіе ни въ коемъ случаѣ не были нарушены. Въ этомъ именно пунктѣ и заключается особо острая сторона всякаго закона объ обязательномъ образованіи. Новаго какъ будто ничего нѣтъ. Законами всѣхъ европейскихъ государствъ установлено вмѣшательство государственной власти въ случаѣ, напр., безчеловѣчнаго обращенія родителей съ дѣтьми. И теоретически вполнѣ

ревонно требовать, чтобы государство вмѣшивалось также съ цѣлью оградить права дѣтей на образованіе. Но государство въ его нынѣшнемъ видѣ заслуженно не пользуется довѣріемъ. И врядъ ли кто надѣется, что его вмѣшательство не перейдетъ въ самое грубое насиліе. А съ другой стороны, нынѣшняя семья такова, что едва ли устоитъ даже передъ осторожнымъ и деликатнымъ вмѣшательствомъ въ ея отношенія къ дѣтямъ. И опять приходится брать рѣшеніе компромиссное, т. е. считать, что родители юридически обязаны лишь отправлять дѣтей, достигшихъ извѣстнаго возраста, въ школу. Но съ какого возраста? Съ 6-ти, съ 7-ми, съ 8-ми-лѣтняго? Каждая изъ этихъ цифръ условна. И, останавливаясь на каждой изъ нихъ, не надо забывать, что права ребенка должны быть охраняемы со дня рожденія, какъ до 6-ти лѣтъ, такъ и до 7-ми и до 8-ми, etc.

3) Узаконить обязательность образованія безусловно необходимо. Но законъ объ обязательности образованія не можетъ существовать и не можетъ быть выполненъ, разъ одновременно съ нимъ нѣтъ законовъ о свободѣ открывать школы, о свободѣ дѣтской совѣсти (если позволено употребить этотъ терминъ, вмѣсто «отдѣленіе школы отъ церкви»), о свободѣ національнаго и культурнаго самоопредѣленія. И, наконецъ, обязательное образованіе требуетъ опредѣленной системы школьнаго управленія, способной нейтрализовать, поскольку дѣло касается школы, противорѣчія между интересами государственной власти и интересами населенія.

Какъ оградить интересы населенія, мы до нѣкоторой степени знаемъ. Въ этомъ отношеніи практика передовыхъ культурныхъ странъ даетъ намъ и богатый опытъ, и довольно точно разработанныя юридическія нормы. Суть лишь въ томъ, что интересами населенія, взрослаго, правоспособнаго въ защитѣ и нападеніи, дѣло вовсе не кончается. Когда рѣчь идетъ о школѣ, гораздо важнѣе права и интересы дѣтей, для которыхъ школа существуетъ, но которыя прямо-таки безпомощны. И вопросъ объ интересахъ безпомощныхъ младенцевъ гораздо сложнѣе, а если откровенно говорить, то и мучительнѣе.

Представьте, въ самомъ дѣлѣ, школьный округъ какой угодно передовой страны,—тѣхъ же хотя бы Соединенныхъ Штатовъ С.-Америки. Живетъ тамъ «меньшинство», — пусть это испанцы и безудержные католики. Живетъ тамъ и «большинство» — уравновѣшенные «англикане». На выборахъ въ школьный комитетъ большинство, разумѣется, побѣждаетъ. Его представители въ комитетѣ устанавливаютъ школьный налогъ, назначаютъ учителей, диктуютъ имъ программу занятій. Школы, подчиненныя комитету, существуютъ на средства, собранныя путемъ обязательнаго налога. Значитъ, это государственныя школы. Законъ безусловно не допускаетъ, чтобы онѣ имѣли конфессіонный характеръ. За нарушеніе этого закона школьный комитетъ несетъ отвѣтственность. Значитъ, права мень-

шинства гарантированы. И католикамъ ничто не препятствуетъ пользоваться государственной школой. Но они въ корнѣ не согласны съ еретическимъ комитетомъ, открываютъ свою школу, придаютъ ей строго церковный характеръ, и такъ какъ это школа частная, то представители государственной власти вмѣшаться не могутъ.

Такъ или иначе, но взрослое населеніе округа размежевалось. Каждая изъ разномыслящихъ сторонъ имѣетъ средства воплотить въ обязательный для дѣтей планъ занятій свои взгляды, свои вкусы, даже свой капризъ. Пусть этотъ планъ очень остроуменъ, пусть онъ весьма стройно и тонко приноровленъ къ мѣстнымъ условіямъ. И онъ, безъ сомнѣнія, будетъ приноровленъ. Въ мѣстностяхъ, занятыхъ главнымъ образомъ торговлею, школа и по составу учителей, и по распредѣленію деталей учебнаго курса будетъ имѣть въ виду потребности торговаго люда. Въ мѣстности земледѣльческой школа окажется приспособленной къ потребностямъ земледѣльца. Это неизбѣжно и даже, поскольку рѣчь идетъ объ интересахъ и заботахъ взрослаго населенія, правильно. Но будетъ ли планъ, продиктованный школѣ извнѣ, соотвѣтствовать интересамъ и потребностямъ дѣтей?

V.

Русскимъ учителямъ, быть можетъ, особенно понятно, какимъ проклятіемъ тяготѣетъ надъ школою обязательная программа занятій. Пока учитель не озабоченъ «выполненіемъ курса», который необходимъ для экзаменовъ, или для инспекторской ревизіи, уроки проходятъ удивительно легко. Классъ работаетъ съ увлеченіемъ. Каждый ребенокъ съ жаромъ набрасывается на то, что ему интереснѣе, больше понравилось. Конечно, этотъ первый интересъ порою обусловливается причинами весьма случайными и мимолетными. И сначала кажется, будто ученики идутъ враздробь, кто во что гораздъ, безъ всякой системы и плана.

Эта кажущаяся безсистемность особенно даетъ себя чувствовать на третьемъ или четвертомъ году обученія при такъ называемомъ «классномъ преподаваніи», т. е. тамъ, гдѣ одному учителю приходится «обучать всѣмъ предметамъ». Дѣтишки именно расползаются. Они уже грамотны. У нихъ уже есть не только потребность къ самостоятельной работѣ, но и нѣкоторыя начатки умѣнья заняться ею. И вотъ одинъ увлекся «естественной исторіей», собираетъ жучковъ, ловитъ бабочекъ, устраиваетъ гербарій и ничѣмъ другимъ не занимается. Другой до самозабвенія увлекся «опытами», и больше ни къ чему не способенъ. Третьему больше всего нравится заучивать стихи. Четвертый все время занятъ выклеиваніемъ картонныхъ геометрическихъ моделей. Пятый копируетъ съ атласа и раскрашиваетъ географическія карты... Выходитъ какъ будто такъ,

что это даже не ученье, а забава, которая ни къ чему путному не приведетъ. И неопытныхъ учителей такая «неразбериха» въ первые дни занятій, не стѣсненныхъ обязательною программою, очень смущаетъ.

Но уже черезъ нѣсколько дней въ классѣ намѣчаются выдающіяся индивидуальности. Около увлеченнаго «естественной исторіей», оказывается, есть свои послѣдователи и ученики, но есть и соперники. Самъ «естественникъ» уже немножко охладѣлъ. Ему нѣсколько обидно, что онъ не умѣетъ сдѣлать тѣхъ поразительныхъ «штукъ», въ какихъ успѣлъ достичь совершенства «геометръ». А «геометръ» чувствуетъ нѣкоторое смущеніе, разсматривая гербарій, собранный естественникомъ. Онъ тоже, пожалуй, готовъ совершенно забросить свои прежнія работы и заняться новыми. Но около него также есть подражатели, послѣдователи, соперники. И, значитъ, онъ во власти не только своего новаго настроенія, но и нѣкоторой инерціи.

Словомъ, яркія и слишкомъ одностороннія вспышки любознательности въ короткое время смѣняются настоящею жизнью, съ ея жаждою знаній, подражательностью, борьбою самолюбій и честолюбій, и съ ея инерціей, не позволяющей рѣзко и круто перескакивать съ одной дороги на другую. Изъ отдѣльныхъ и расползающихся въ разныя стороны учениковъ жизнью выковывается классъ, т. е. нѣчто, тѣсно спаянное единствомъ настроенія, единствомъ интересовъ и общимъ тономъ работы. Особи, такъ сказать, притираясь и прилаживаясь другъ къ другу, составляютъ коллективъ. И чѣмъ своеобразнѣе индивидуальныя наклонности каждаго отдѣльнаго ученика, тѣмъ глубже и разностороннѣе работа всего класса. Отчасти по этой именно причинѣ никакое домашнее образованіе не можетъ замѣнить общественной школы. И точно также отчасти по этой именно причинѣ общій тонъ классной работы значительно повышается при совмѣстномъ обученіи обоихъ половъ.

На послѣднемъ обстоятельствѣ, быть можетъ, не лишне остановиться. Для объясненія его существуетъ много мнѣній. Указываютъ, напр., что дѣвочки «по самой природѣ своей» очень склонны къ «механическимъ занятіямъ»,—въ родѣ каллиграфіи и орѳографіи, и уже простымъ присутствіемъ своимъ передвигаютъ равнодѣйствующую классной работы въ пользу такихъ «довольно-таки скучныхъ предметовъ». Оттого и «успѣшность при совмѣстномъ обученіи выше». Т. е., говоря вообще, ученицы способствуютъ скорѣйшему переходу отъ неопредѣленныхъ въ началѣ стремленій любознательности къ планомѣрной, хотя и механической, до нѣкоторой степени, работѣ. Указываютъ также на особыя, такъ сказать, психологическія свойства «женской натуры», которыя облагораживаютъ классъ и дѣлаютъ его трудоспособнѣе. Указываютъ еще, что трудоспособность повышается по причинѣ простого со-

ревнованія между мальчиками и дѣвочками. Можно бы привести и другіе отзывы, такъ или иначе освѣщающіе разныя стороны одного и того же явленія. Думаю, однако, что для насъ теперь достаточно отмѣтить лишь общее его свойство, не вдаваясь въ детали. Суть въ томъ, что при совмѣстномъ обученіи индивидуальности представлены въ классѣ пестрѣе и разношерстнѣе. А слѣдовательно, и общій тонъ классной работы неизбѣжно долженъ быть полнѣе и разностороннѣе.

Счастливыя, но, къ сожалѣнію, рѣдкія минуты переживаетъ учитель, когда классъ началъ опредѣляться. Человѣкъ чувствуетъ себя въ центрѣ напряженной и сложной образовательной работы. На его глазахъ дѣти духовно растутъ. Онъ ясно видитъ, что не для книжной только науки строится школа; что дѣтямъ она даетъ возможность научиться другой наукѣ,—распознаванію характеровъ, отстаиванію своихъ интересовъ, житейской выдержкѣ, такту, самообладанію, умѣнью настоять на своемъ и умѣнью отступить во время, не попадая въ смѣшное и нелѣпое положеніе. Правильно поставленный классъ собственно самъ учится. Учитель въ такихъ случаяхъ—руководитель, совѣтчикъ, помощникъ, судья; отъ его умѣнья и такта часто зависитъ повернуть работу учениковъ въ ту или другую сторону. Но его вліяніе возможно только до тѣхъ поръ, пока онъ серьезно считается съ общимъ тономъ класса.

Этотъ общій тонъ, обыкновенно, мало и плохо учитывается. Но ни для кого изъ педагоговъ не секретъ, что каждый классъ имѣетъ свою физіономію и не похожъ на всѣ другіе классы. Этого качества не могли уничтожить даже толстовскія гимназіи. Даже въ толстовскихъ гимназіяхъ, нарочито изобрѣтенныхъ для искорененія индивидуальныхъ свойствъ учениковъ, одинъ «выпускъ» не походилъ на другой. И до сихъ поръ въ гимназіяхъ учителя единодушно говорятъ: «въ этомъ году у насъ выпускъ музыкальный», т. е. большинство учениковъ, окончившихъ курсъ, обнаруживаетъ особенную склонность къ музыкѣ и къ близкимъ съ нею искусствамъ, а вотъ «въ прошломъ году выпускъ былъ математическій», «въ позапрошломъ почти всѣ были словесниками». Въ седьмомъ классѣ, словно въ лицеѣ временъ Пушкина,—необыкновенное обиліе стихотворцевъ. А шестой классъ, не въ примѣръ всѣмъ прочимъ, любитъ читать историческія книги. Повторяю, намъ не зачѣмъ подробно объяснять причины этого общеизвѣстнаго даже въ Россіи явленія. Тутъ порою много значитъ присутствіе одного талантливаго ученика, способнаго увлечь товарищей и вызвать ихъ на подражаніе. Для насъ важно лишь установить фактъ. А чтобы нагляднѣе показать его значеніе, я позволю себѣ преставить дѣло въ нѣсколько огрубленномъ и упрощенномъ видѣ.

Пусть въ одномъ и томъ же училищѣ два параллельныхъ класса. Оба они, по циркулярамъ министра народнаго просвѣщенія, или по инструкціи школьнаго комитета, должны учиться однимъ

и тѣмъ же предметамъ по одной и той же программѣ. Но одинъ изъ нихъ оказался математическимъ, а другой обнаружилъ необыкновенную склонность къ вопросамъ политическимъ. Дѣло учителей использовать эти индивидуальныя свойства, какъ полезную движущую силу. Педагогика, даже въ ея нынѣшнемъ жалкомъ состояніи, можетъ дать нѣкоторыя указанія, какъ воспользоваться математическими склонностями и интересами къ политическимъ вопросамъ для широкихъ общеобразовательныхъ цѣлей Но само собою понятно, что, направляясь къ одной и той же цѣли, съ «математиками» надо вести уроки по одной программѣ, а съ «политиками» по совершенно другой. Такъ или иначе, но работа въ обоихъ классахъ кипитъ. Результатъ же ея слишкомъ знакомъ многимъ русскимъ учителямъ. Является на ревизію правительственный инспекторъ или членъ школьнаго комитета и начинаетъ подводить итоги:

— Какое мнѣ мнѣ дѣло до вашей математики! Ваши ученики не знаютъ коренныхъ словъ на букву ѣ. Извольте заниматься по программѣ, утвержденной г. министромъ...

Или:

— Мы, мѣстное населеніе, народъ торговый. Какое намъ дѣло до исторіи какого-то Долгаго парламента? Намъ нужна прежде всего бухгалтерія, потомъ бухгалтерія и, наконецъ, опять-таки бухгалтерія. А что ваши ученики знаютъ по бухгалтеріи? Предлагаю вамъ неукоснительно слѣдовать инструкціямъ школьнаго комитета.

Повторяю, картина мною сильно огрублена и упрощена. Но врядъ ли кто рѣшится утверждать, что она по существу не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. И врядъ ли кому неизвѣстно ея продолженіе. Ревизоръ уѣзжаетъ или уходитъ. Учитель задаетъ урокъ— вызубрить наизусть «коренныя слова съ буквою ѣ», или съ особенною страстностью принимается за бухгалтерію, — вообще, старается слѣдовать «инструкціямъ». И классная комната, гдѣ кипѣла или могла кипѣть напряженная, творческая работа, постепенно принимаетъ «истинно-русскій» видъ:

Могильная тишина. Уныло и сонно шагаетъ учитель. Уныло и сонно сидятъ ученики. Одинъ стоитъ у доски, отвѣчая урокъ и вертя между пальцами «шпаргалку». На задней скамейкѣ одурѣвшіе отъ скуки и бездѣлья дѣтишки играютъ въ карты. Учитель тоже одурѣлъ, ему противно его подневольное дѣло изъ-подъ палки ради куска хлѣба. Онъ злится..

Это болѣзнь въ наиболѣе тяжелой формѣ. Но и легкія формы этой болѣзни оставляютъ страшный слѣдъ. Классъ, конечно, остается при свойственной ему физіономіи; онъ, по прежнему, классъ или математическій, или историческій, или музыкальный, вообще— такой, какимъ его создали обстоятельства, внѣ воли каждаго отдѣльнаго человѣка лежащія. Онъ тянетъ въ свою сторону. А испол-

нитель «инструкціи», оффиціально называемый учителемъ, старается «преодолѣть природу», навязать ученикамъ то, чего они не хотятъ и не могутъ хотѣть. Появляются, такимъ образомъ, лѣнтяи, очень много лѣнтяевъ; оказывается безусловно нужнымъ «страхъ наказанія», баллы, карцеръ, палки; обнаруживается необыкновенно высокій процентъ дѣтей, неспособныхъ приноровиться къ «инструкціямъ». Ихъ подъ видомъ просто неспособныхъ школьная администрація объявляетъ слабоумными и, на точномъ основаніи закона объ обязательномъ обученіи, водворяетъ въ спеціальную «школу для дураковъ».

Между прочимъ, это послѣднее изобрѣтеніе германскаго, если не ошибаюсь, ума нѣкоторые считаютъ «благодѣяніемъ человѣчеству». Я, къ сожалѣнію, ни разу не видѣлъ «школъ для слабоумныхъ». Но долженъ признаться, заочно чувствую къ этимъ школамъ глубокую ненависть. Самое названіе ихъ мнѣ напоминаетъ одинъ эпизодъ изъ временъ моего ученья въ приходскомъ училищѣ. Въ ту пору я очень увлекался ловлей птицъ; уроки мнѣ показались очень скучными съ перваго дня; я ихъ просто не понималъ и не старался понять; и, сидя за своей партой, либо читалъ книжки, либо рѣшалъ ариѳметическія задачи, и этимъ послѣднимъ дѣломъ также очень увлекался. Такъ какъ я не только не отвѣчалъ на учительскіе вопросы, но даже не понималъ, о чемъ меня спрашиваютъ, то въ концѣ концовъ былъ жестоко выдранъ за волосы и объявленъ дуракомъ. Къ моему удовольствію, послѣ такого безапелляціоннаго приговора я попалъ не въ спеціальную школу для слабоумныхъ, а просто къ другому учителю, который любилъ ловить птицъ, заниматься съ дѣтьми ариѳметикой и читать имъ книжки. Новый учитель тотчасъ послѣ пріемнаго экзамена призналъ меня «первымъ ученикомъ». «Первымъ ученикомъ» я окончилъ приходское училище. И всюду, гдѣ потомъ учился, получалъ «награды первой степени».

Эпизодъ, конечно, личный и мелкій. Но, думаю, онъ все же даетъ нѣкоторое право желать, чтобы «школы для дураковъ», разъ ихъ существованіе необходимо, назывались «школами для неприспособленныхъ къ инструкціямъ учебнаго вѣдомства». Такое названіе было бы не только человѣчнѣе, но, пожалуй, и справедливѣе, и даже откровеннѣе. Быть можетъ, оно заставило бы, наконецъ, вплотную подойти къ самой болѣзненной сторонѣ вопроса объ обязательномъ образованіи.

Великое это дѣло — обязательное образованіе. Въ его основѣ лежитъ мысль, что каждый ребенокъ имѣетъ право развивать и совершенствовать свои человѣческія способности. Всякій планъ обязательнаго образованія имѣетъ именно ту цѣль, чтобы это право человѣка и гражданина было гарантировано. Но всякій планъ, сколько-нибудь соотвѣтствующій этой высокой цѣли, вполнѣ обезпечиваетъ весьма спорное право взрослаго населенія навязывать

школѣ тѣ или иныя задачи; на дѣтей же возлагается лишь обязанность учиться, чему прикажутъ, подъ страхомъ болѣе или менѣе тяжкихъ каръ. Что при такихъ условіяхъ много дѣтскихъ душъ не только лишается возможности развивать и совершенствовать себя, но прямо-таки калѣчится и гибнетъ,—это понятно само собою. Каждый разъ, когда произносится формула: «обязательное образованіе», приходится повторять: «это безусловно необходимо». Но всѣ выгоды этого безусловно необходимаго дѣла распредѣляются между государствомъ и взрослыми гражданами, а всѣ невыгоды падаютъ на голову слабѣйшей стороны,—безпомощныхъ дѣтей, для которыхъ обязательное образованіе оказывается наиболѣе обязательнымъ: «учись, ибо родитель, которому угрожаетъ штрафъ, гонитъ тебя въ школу, хотя ты изъ нея хочешь убѣжать, такъ какъ обязательныя въ ней инструкціи тебя калѣчатъ».

Конечно, есть слова, которыми можно скрыть отъ себя это роковое при данныхъ условіяхъ противорѣчіе. И слова, при помощи которыхъ такая задача можетъ быть разрѣшена, мною употреблены въ самомъ началѣ этого очерка: «Свобода школы» и «свобода преподаванія». Золотыя слова! И если бы понятія, выражаемыя ими, можно было теперь же реализовать, то права дѣтей на свободное и гармоническое развитіе были бы воистину обезпечены.

«Свобода школы»—это ея независимость отъ внѣшнихъ давленій, ея право по своимъ внутреннимъ соображеніямъ, примѣнительно къ тому или иному подбору учениковъ, опредѣлять порядокъ занятій и программу дѣйствій: «автономія учебныхъ заведеній», какъ совершенно точно формулируетъ программа народно-соціалистической партіи. Разумѣется, это—свобода дѣйствія въ извѣстныхъ предѣлахъ. Школа каждаго типа должна соотвѣтствовать установленному общегосударственнымъ закономъ минимуму знаній. Иначе вѣдь мы придемъ къ такому же убійственному для дѣтей хаосу, въ какомъ находимся и теперь. Ученикъ, окончившій, положимъ, низшую школу, окажется неподготовленнымъ къ школѣ средней, а ученику, окончившему среднюю школу, окажется необходимой спеціальная подготовка для поступленія въ школу высшую. Границы и цѣли необходимо опредѣлить. Но школа должна быть свободна въ выборѣ путей и средствъ, ведущихъ къ поставленной ей цѣли. Не только учрежденіе, но и каждый отдѣльный человѣкъ, чтобы имѣть гражданскую правоспособность, долженъ соотвѣтствовать извѣстному минимуму установленныхъ закономъ требованій. Но это не лишаетъ человѣка правъ на самоопредѣленіе. Собственно, къ праву самоопредѣленія въ границахъ, обусловленныхъ закономъ, и сводится вопросъ о свободѣ школы.

«Свобода школы гарантируется»,—какъ пишутъ обыкновенно составители «бумажныхъ конституцій». Пожалуй, не трудно написать нѣсколько больше. Раскрывая эту формулу, нужно обусловить

свободу общественной жизни внутри школы, свободу ученическихъ собраній, ученическихъ обществъ и союзовъ. Напомню еще разъ, что школа вводитъ дѣтей не только въ книжную науку, но и въ «науку жизни», даетъ имъ знанія и навыки, необходимые для практической общественной дѣятельности. Отсюда-то и получаютъ важное воспитательное значеніе «школьные парламенты»,—такъ называются иногда общія ученическія сходки той или иной школы. Въ Англіи такіе дѣтскіе «парламенты» вошли мѣстами въ обычай. И, по силѣ обычая, учителя считаютъ приличнымъ присутствовать на такихъ сходкахъ лишь послѣ особаго приглашенія и только въ качествѣ гостей. У насъ въ Россіи нѣчто въ родѣ «школьныхъ парламентовъ» пытался испробовать покойный Н. И. Пироговъ. Однако, ради спасенія существующаго государственнаго строя, попытка пріучать дѣтей къ практической дѣятельности была пресѣчена мѣрами власти. Но хотя бы только ради спасенія государства, не говоря уже объ интересахъ человѣка, свободу ученическихъ собраній и организацій, конечно, нужно обусловить и гарантировать.

Но вотъ «свобода школы», въ смыслѣ ея самоопредѣленія, чему и какъ учиться,—какимъ способомъ ее обезпечить? Можно бы, пожалуй, намѣтить нѣкоторый планъ, нарисовать схему сношеній между «школьнымъ парламентомъ», учительскимъ совѣтомъ и школьнымъ комитетомъ. Можно даже мечтать, что путемъ такихъ сношеній вопросъ о программѣ и методахъ преподаванія будетъ рѣшенъ такъ, какъ нужно дѣтямъ. Но это будутъ именно мечты. Дѣти безпомощны опредѣлить и назвать, что имъ нужно. Подобно анекдотическому мужику, попавшему на царскій обѣдъ, они сумѣютъ сказать, какое блюдо имъ по вкусу, но только послѣ того, какъ всѣ блюда, какія можетъ приготовить поваръ, поданы на столъ. Учителя зависимы отъ того, кто ихъ назначаетъ, увольняетъ и «довольствуетъ жалованьемъ». А представители школьнаго комитета... Когда масса взрослаго населенія пойметъ, что всякій, кто навязываетъ школѣ свои личныя и корыстныя требованія, подобенъ царю Ироду, избивавшему младенцевъ,—тогда «свобода школы» обезпечена. А пока этого нѣтъ, мы фатально обречены выслушивать «реплики», въ родѣ приведенной мною выше:

— Что Иродъ!.. То было давно. А теперь намъ, по нашимъ торговымъ дѣламъ, бухгалтерія нужна. Потому ты и долженъ прежде всего бухгалтеріей заниматься...

Наконецъ, въ понятіи «свобода школы» есть и еще одна сторона. Я только что упомянулъ о «школьныхъ парламентахъ». Они не мыслимы безъ свободы слова и свободы критики. И уже одно появленіе такихъ «парламентовъ» обостряетъ необходимость въ «свободѣ преподаванія». Это не только право учителя поставить и освѣтить вопросъ, заинтересовавшій учениковъ, т. е. раздвинуть рамки оффиціальной школьной программы. Это также право поста-

вить научную истину во весь ея ростъ, или, если рѣчь идетъ объ истинахъ, еще не установленныхъ безспорно наукою, высказать прямо и откровенно свое мнѣніе. Безъ этой прямоты, безъ такой свободы сужденія едва ли мыслима сколько-нибудь прочная моральная связь между учителемъ и учениками. А разъ нѣтъ прочныхъ моральныхъ связей, разъ нѣтъ даже условія, при которомъ они возможны, какъ обычное явленіе, школа распадается на два лагеря— учительскій и ученическій; ихъ интересы могутъ совпадать, но могутъ быть и прямо-таки враждебны. Если же они враждебны, или хотя были только различны, то можно говорить о самоопредѣленіи учениковъ, можно говорить о самоопредѣленіи учителей; но сомнѣваюсь, что при возможности двухъ враждебныхъ лагерей слѣдуетъ увѣренно говорить о самоопредѣленіи школы, которую они составляютъ.

Учитель при извѣстныхъ условіяхъ—единственный человѣкъ, который можетъ защитить школу отъ давленій извнѣ. Но при отсутствіи свободы преподаванія, не всякій человѣкъ согласится быть учителемъ; неминуемо произойдетъ «подборъ приспособленныхъ». А приспособленный безпрекословно служитъ власти, которая его «приспособила», и навязываетъ школѣ свои велѣнія. Иногда онъ просто пропагандистъ и агитаторъ господина своего. И не защитникомъ дѣтскихъ правъ является онъ въ школѣ, а насильникомъ.

Слова: «свобода преподаванія» пишутся въ конституціяхъ. Выше я говорилъ, о какой «свободѣ» можно говорить въ самодержавномъ государствѣ, и что надо разумѣть подъ «свободой преподаванія» въ странахъ конституціонно-классовыхъ. Повторять и дополнять сказанное врядъ ли нужно. Я бы рѣшился лишь подать такой совѣтъ:

Обратитесь къ «среднему русскому человѣку», не очень радикальному, но и не консерватору. Объясните ему, что такое свобода преподаванія, и потомъ спросите, что онъ думаетъ по поводу нея. Боюсь, отъ многихъ «среднихъ русскихъ людей» вамъ придется услышать такой, приблизительно, отвѣтъ:

— Это, чтобъ учитель могъ ребятишкамъ и насчетъ верховной власти все разсказать, и что рая нѣтъ, и ада нѣтъ, и личнаго Бога нѣтъ, и что всякая собственность есть достояніе общественное! Нѣтъ, помилуйте, развѣ жъ это можно!.. Когда меня, къ примѣру, въ члены школьнаго комитета выберутъ, то я не допущу...

И если слова средняго массоваго человѣка будутъ имѣть именно такой смыслъ, приговоръ ребенку произнесенъ.

Для первобытнаго общества ребенокъ ничѣмъ не разнится отъ щенка. Обоихъ при желаніи позволительно задушить и скушать. И до сихъ поръ, говорятъ, не исчезли еще такія мѣста на землѣ, гдѣ проголодавшійся отецъ не стѣсняется задушить своего ребенка и пообѣдать имъ. Богу одному вѣдомо, сколько дѣтскихъ душъ загублено, прежде чѣмъ громадное большинство людей пришло къ

выводу, что нельзя, неудобно не полагать разницы между ребенкомъ и щенкомъ. При болѣе точной оцѣнкѣ открылось, что, по крайней мѣрѣ, мальчикъ есть будущій кормилецъ отца съ матерью и даже будущій слуга государства. То есть онъ, пожалуй, по прежнему оцѣнивался, какъ щенокъ, но щенокъ особой цѣнной породы, котораго нельзя просто душить и кушать. Иное дѣло дѣвочки,— это порода простая, малоцѣнная, и ее, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Китая, до сихъ поръ позволительно истреблять, если отецъ желаетъ избавиться отъ расходовъ «на лишній дѣтскій ротъ». Да и относительно мальчиковъ долго существовало право убить сына за непочтительность. Въ нашемъ «Домостроѣ» истязаніе ребенка возведено въ христіанскій долгъ родителей. Да и теперь многіе люди въ Россіи увѣренно говорятъ:

«Если сына не бить, то и хлѣба отъ него не ѣсть».

Теперь мы живемъ на переломѣ. Право сыноубійства исчезло. Наши законы уже разсматриваютъ сыноубійцу, какъ тяжкаго преступника. Истязаніе дѣтей также признается не христіанскимъ долгомъ, но преступленіемъ. Это значитъ, что мы до нѣкоторой степени отказались приравнивать ребенка къ щенку, хотя бы и очень породистому. Мы признаемъ его въ нѣкоторыхъ случаяхъ просто человѣкомъ, права котораго, наравнѣ съ нашими правами, должны быть защищены закономъ. Мы готовы даже идти дальше въ этомъ направленіи и ставимъ вопросъ объ обязательномъ обученіи. Въ теоріи самою постановкою вопроса мы признаемъ за дѣтьми весьма важныя человѣческія права, но въ дѣйствительности неизвѣстно, о чемъ многіе изъ насъ думаютъ по поводу обязательнаго обученія,—о правахъ ребенка, или о выгодахъ государства и родителей. Мы еще не сумѣли по настоящему разобрать, что такое ребенокъ,—человѣкъ ли, или, въ самомъ дѣлѣ, щенокъ, хотя и очень цѣнной породы.

Съ одной стороны, какъ будто человѣкъ. И какъ человѣку, ему надо предоставить возможность учиться, какъ онъ склоненъ. Учиться только для себя. Учиться только тому, что ему самому нужно, и чему онъ самъ хочетъ. А съ другой стороны,—что онъ все для себя? Мало-ли что ему нужно, и чего онъ самъ хочетъ? Надо вѣдь, чтобъ и «родителямъ нашимъ на утѣшеніе, и церкви и отечеству на пользу».

— Нешто долго. Дай сыну свободу, такъ онъ, пожалуй, въ астрономы выйдетъ. А какой отцу съ матерью прокъ отъ астрономіи?.. Отцу съ матерью нужно, чтобъ помощь по хозяйству была... Свобода, конечно, дѣло хорошее. Разумѣется, человѣкъ имѣетъ право знать открытую наукой истину. Но, знаете ли, государственные интересы требуютъ всетаки...

Долгъ и мучителенъ былъ путь человѣчества отъ ребенка— съѣдобнаго матеріала, до ребенка—полезной родителямъ и государству вещи. Эта первая дистанція нами, слава Богу, пройдена.

Теперь мы по серединѣ второй дистанціи. Позади насъ ребенокъ—вещь. Впереди ребенокъ—человѣкъ и гражданинъ. Пока мы ни въ сихъ, ни въ оныхъ. Путь предстоитъ еще далекій,—трудный путь. И много еще дѣтскихъ душъ будетъ на немъ загублено. Загублено только потому, что мы ни въ сихъ, ни въ оныхъ, что дитя для насъ хотя и не совсѣмъ щенокъ, но и не совсѣмъ еще человѣкъ. И пока путь не пройденъ, быть можетъ, каждому изъ насъ, при видѣ ребенка, искалѣченнаго, или раздавленнаго школьной системой, полезно остановиться и съ полной искренностью спросить:

— А чего я хотѣлъ: чтобъ дѣти учились для себя, или для кого-то другого?

Если совѣсть ваша скажетъ: «для кого-то другого», смѣло дѣлайте выводъ:

— Значитъ, и я подобенъ царю Ироду, избивавшему младенцевъ Виѳлеема.

А. Петрищевъ.

Политика.

Человѣчество переживаетъ эпоху, столь знаменательную и важную, что для сопоставленія съ нею пришлось бы оглянуться далеко назадъ Французская революція и послѣдующія войны, реформація, возрожденіе, крестовые походы, паденіе античнаго міра,—вотъ тѣ поворотные пункты всемірной исторіи, которые по своему значенію только и могутъ быть сопоставляемы на протяженіи двухъ тысячелѣтій съ событіями, развивающимися въ первое десятилѣтіе двадцатаго вѣка.

Когда окончился періодъ французской революціи и въ 1815 году воцарилась такъ называемая реставрація, то сначала по внѣшнему виду можно было принимать Европу за собраніе гомологичныхъ государствъ съ однороднымъ государственнымъ и общественнымъ строемъ: строго-монархическій образъ правленія, бюрократія и полиція, регулирующія общественную и даже частную жизнь націй; всесторонняя опека надъ мыслью, словомъ, совѣстью, дѣятельностью обывателей; духовное господство государственныхъ исповѣданій; школа, подчиненная духовной и свѣтской власти; и, какъ естественное выраженіе такого режима, широкій разгулъ административнаго и полицейскаго произвола, административнаго и полицейскаго хищничества. Были и оттѣнки: образцомъ и примѣромъ была Австрія, гдѣ тиранія, произволъ и хищенія превосходили все

что человѣчество до того видѣло. Въ Пруссіи и Франціи произвола и беззаконія было столько же, хищничества же—какъ будто нѣсколько меньше. Русская бюрократія являлась тогда лишь ученицею австрійской бюрократіи, ученицей, однако, много обѣщающей. Тиранія въ Испаніи осложнялась крайнимъ клерикализмомъ; въ Италіи—духовнымъ игомъ папы и монаховъ и австрійскимъ покровительствомъ. Таковы были нѣкоторые оттѣнки режима, общаго всей континентальной Европѣ. Въ Россіи, Италіи и Австріи царило еще рабство. Огромныя арміи были дисциплинированнымъ рабствомъ. Союзъ деспотическихъ правительствъ обезпечивалъ прочность этого ужаснаго режима.

Дѣйствительно, сначала это взаимное страхованіе тираніи имѣло успѣхъ. Когда испанцы низвергли своего тирана, его французскій собратъ, по порученію прочихъ коронованныхъ собратьевъ, послалъ армію, которая и возстановила режимъ безправія и произвола и дозволила мадридскому правительству учинить кровавую расправу надъ своими противниками. Австрійскія войска сдѣлали то же въ Италіи. Прусскія и австрійскія исполняли тѣ же полицейскія обязанности въ мелкихъ государствахъ Германіи. Въ Россіи было безпощадно раздавлено движеніе декабристовъ. Во Франціи Карлъ X явно велъ дѣло къ отмѣнѣ послѣднихъ началъ гражданской и умственной жизни. Все было благополучно.

Однако, эта нивеллировка европейскихъ націй была лишь наружная. Въ нѣдрахъ націй существовали завѣты прошлаго очень различнаго значенія и характера и къ нимъ присоединялись новыя различія, приносимыя интеллектуальнымъ и экономическимъ движеніемъ, далеко не одинаковымъ въ разныхъ странахъ искусственно нивеллированной Европы. Въ 1830—31 гг. произошла революція во Франціи, освобожденіе Бельгіи, возстаніе Польши. Въ слѣдующемъ году въ Англіи произошелъ переходъ власти отъ торіевъ, поддерживавшихъ реакцію на континентѣ, къ вигамъ. Разнообразныя событія въ Италіи, Испаніи и Германіи дополняли эти факты и привели Европу къ болѣе сложному строенію. Событія 1848—49 г., послѣдовавшій затѣмъ періодъ наполеоновской гегемоніи, пораженіе Россіи въ 1853—54 гг., пораженіе Австріи и т. д. и т. д. все усложняли и движеніе европейской исторіи, и политическое строеніе старой Европы. Къ началу XX в. строеніе оказалось пестрымъ, не только не однороднымъ, но глубоко разнороднымъ, порой прямо взаимно несовмѣстимымъ. Настоятельная историческая необходимость устранить эту взаимную несовмѣстимость, вмѣстѣ съ внезапнымъ расширеніемъ всемірной исторіи на всѣ пять частей свѣта, вмѣсто одной Европы, и создали тѣ колоссальные вопросы, разрѣшеніе которыхъ должно составить новую эпоху, новую глубокую грань между прошлымъ, еще упорно отстаивающимъ свои позиціи, и будущимъ, уже наступающимъ во всеоружіи новыхъ уже созрѣвшихъ идей, во всеоружіи экономической

необходимости, созданной новыми историческими и экономическими условіями всего земного міра.

Европейская мысль не со вчерашняго дня остановилась на противорѣчіяхъ и опасностяхъ соціальнаго строенія. Съ одной стороны, она сознала и доказала необходимость снять всѣ политическія и культурныя путы съ свободнаго развитія народовъ, духовную и свѣтскую опеку, всякіе виды духовнаго господства, всякія привилегіи, всякое неравноправіе, централизацію, милитаризмъ и т. д. Съ другой стороны, европейская мысль ополчилась противъ всякаго рода экономической зависимости. Она несетъ требованіе освободить народъ отъ экономической зависимости. Она успѣла зажечь сердца милліоновъ этими благородными идеями и этою насущно необходимою программою именно въ то время, когда экономическая зависимость не только классовъ, но цѣлыхъ націй все усиливается, все расширяясь и вмѣстѣ съ тѣмъ все углубляясь. Это обстоятельство не только не уменьшаетъ шансовъ осуществленія программы, но даже съ необыкновенною силою увеличиваетъ эти шансы.

Экономическое состояніе и строеніе земного міра, въ главныхъ и существенныхъ чертахъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Міръ дѣлится на страны, безусловно нуждающіяся для своего существованія и развитія въ экономическомъ общеніи съ другими странами, и на такія, которыя могли бы обойтись безъ экономическихъ сношеній съ другими націями. Остановимся на первыхъ.

Это прежде всего вся Европа. Страны Европы въ свою очередь дѣлится на экономически господствующихъ и экономически отсталыхъ. Такою обширною экономически отсталою страною, нуждающеюся въ экономическихъ сношеніяхъ съ другими странами, является, между прочимъ, и Россія. Въ самомъ дѣлѣ, могла ли бы Россія, окруживъ себя своего рода китайской стѣною, отказаться отъ экономическаго общенія съ другими націями? Прежде всего напомнимъ о торговыхъ трактатахъ, желѣзнодорожныхъ конвенціяхъ, соглашеніяхъ о рѣчныхъ и морскихъ судоходствахъ и т. д. Правда, все это срочно. Все это могло бы быть отмѣнено, если бы все это не было необходимо для жизни и развитія самой Россіи. Все это и было условлено въ виду такой необходимости. На извѣстномъ уровнѣ культуры обмѣнъ продуктами становится необходимымъ условіемъ сохраненія этой степени культурности. Какъ ни низка наша культурность, она уже не вынесла бы совершеннаго прекращенія обмѣна съ другими странами. Мы нуждаемся въ такихъ продуктахъ, которыхъ не производитъ наша природа. Мы нуждаемся въ такихъ издѣліяхъ, которыхъ еще не производитъ наша техника. Мы нуждаемся въ иностранныхъ капиталахъ для подъема промышленности и для общеполезныхъ цѣлей. Наконецъ, мы задолжали, какъ государство, на многіе милліарды иностраннымъ капиталистамъ и только выгодное для нихъ экономическое общеніе съ Россіей можетъ регулировать эти тягостныя, но неустранимыя обя-

зательства. Надо помнить, что кромѣ задолженности государственной, есть еще задолженность муниципальная, акціонерная, частная. Существуютъ огромныя иностранныя предпріятія въ Россіи, возникшія на иностранные капиталы. Что касается вывоза нашего сырья, то при настоящихъ условіяхъ онъ безусловно необходимъ и для уплаты за ввозъ, и для вывоза золота въ уплату процентовъ по долгамъ... Словомъ, если бы мы даже рѣшились на одичаніе, сложное строеніе экономическихъ отношеній намъ этого не дозволило бы. То же, что сказано о Россіи, должно сказать объ Австріи, Италіи, Испаніи, балканскихъ странахъ... Все это экономически отсталыя, экономически зависимыя страны, которыя при настоящихъ условіяхъ не могутъ освободиться отъ экономической зависимости и отъ обязательнаго насущно необходимаго экономическаго общенія съ другими странами.

Еще насущнѣе, еще настоятельнѣе эта необходимость для странъ, экономически господствующихъ (Англія, Франція, Германія, Нидерланды) Ихъ богатство, ихъ культура и могущество зависятъ отъ доходовъ, собираемыхъ ими со странъ, экономически отсталыхъ.

Этотъ родъ отношеній между экономически передовыми и отсталыми странами въ Европѣ возникъ во второй половинѣ XIX в. и къ концу вѣка совершенно сложился и утвердился. Частью тогда же, частью даже раньше подобныя отношенія экономической зависимости установились между передовыми странами Европы и нѣкоторыми неевропейскими странами. Индію взяла въ кабалу Англія, Алжиръ—Франція, за Египетъ Англія и Франція готовы были сцѣпиться, въ Левантѣ господствовали совмѣстно. Совмѣстно же открывали рынокъ въ Китаѣ и Японіи. Къ концу XIX в. Японія, однако, успѣла послѣ политическаго освобожденія отъ деспотизма правительства выбиться такъ же изъ экономической зависимости, а въ XX в. сама вступила на путь экономическаго господства въ экономически отсталыхъ странахъ. На тотъ же путь вышли и Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Всѣ другіе народы и страны составляютъ экономически зависимое большинство человѣческаго рода. Въ этомъ большинствѣ только о Китаѣ, Абиссиніи и Тибетѣ можно сказать, что уровень и состояніе ихъ культуры имъ, вѣроятно, дозволилъ бы не имѣть экономическихъ сношеній съ другими странами, но если они это и могли бы, то допустить этого не могутъ нѣкоторыя изъ экономически господствующихъ націй. Имъ уже настоятельно необходимы эти народы, ихъ карманы и ихъ произведенія. Китайцевъ уже трижды принуждали силою къ экономическому общенію. Въ 1904 году принудили и тибетцевъ. Марокканцевъ тоже силою пріобщаютъ къ общей всемірной экономической культурѣ. Абиссинія, повидимому, сама не противится такому пріобщенію.

Въ такую форму вылилось всемірное экономическое состояніе.

Его надо дополнить взглядомъ на внутреннее экономическое строеніе экономически передовыхъ и отсталыхъ странъ. Если мы возьмемъ Англію, какъ страну типическую для первой категоріи, то увидимъ слѣдующія отличительныя черты: совершенное паденіе земледѣлія; на огромныхъ пространствахъ пашни превращены въ луга и въ лѣса; сельское рабочее населеніе сравнительно немногочисленно и безземельно; огромное большинство сосредоточено въ городахъ и занято на фабрикахъ, заводахъ, транспортѣ,—словомъ, въ обрабатывающей промышленности и торговлѣ; этотъ рабочій классъ весь пролетаріи; огромныя богатства сосредоточены въ сравнительно немногихъ рукахъ, созидающихъ свое благоденствіе и свое могущество на счетъ англійскаго рабочаго пролетаріата и на счетъ экономически отсталыхъ націй. Таково экономическое statu quo Англіи. Ея же экономическое развитіе представляется въ слѣдующемъ видѣ: техническій прогрессъ ведетъ, какъ то доказалъ Марксъ, къ росту постояннаго капитала и къ относительному сокращенію капитала перемѣннаго, того капитала, который только и приноситъ прибыль. Отсюда Марксъ вывелъ и его ортодоксальные послѣдователи и теперь выводятъ постепенное, но неотвратимое пониженіе прибыли, благодаря чему долженъ рано или поздно наступить моментъ, когда предпринимателямъ станетъ обременительно вести бездоходное дѣло, и оно перейдетъ въ руки рабочихъ. Всѣ посылки и всѣ теоремы здѣсь неоспоримы, а потому и основанныя на нихъ предвидѣнія казались неоспоримыми. И, однако, исторія опровергла эти предвидѣнія.. Вмѣсто того, чтобы соглашаться на пониженіе прибыли, капиталъ началъ выселяться въ экономически отсталыя страны, гдѣ прибыль очень высока, а рабочая плата очень низкая. Чѣмъ изготовлять ситецъ въ Манчестерѣ и получать 2—3% на затраченный капиталъ, не лучше ли изготовить его въ Бомбеѣ и получить 10—12% прибыли? Конечно, лучше, это понимаетъ каждый фабрикантъ, но огромныя затраты, уже сдѣланныя въ Англіи, препятствуютъ массовому выселенію капитала. Его, этого массового выселенія капитала, и не надо для задержки процесса пониженія прибыли. Для этого довольно частичнаго выселенія, задерживающаго расширеніе національнаго производства и его прогрессъ. Въ сущности, законы, открытые Марксомъ, неоспоримо дѣйствуютъ въ обществѣ, но въ условіяхъ, препятствующихъ ихъ властному проявленію. Если бы все человѣчество прошло всѣ стадіи, пройденныя Англіей, и оказалось сплошь капитализованнымъ, такъ что капиталу некуда было бы выселяться за болѣе высокою прибылью, тогда только наступила бы возможность такого пониженія предпринимательской прибыли, какое предвидѣлъ великій экономистъ. Но можно ли капитализовать все человѣчество? Кто же покупалъ бы тотъ товаръ, который является прибылью (добавочною цѣнностью, произведенною трудомъ)? Рабочіе могли бы купить столько, сколько заработ-

тали, а это какъ разъ часть продуктовъ, за непремѣннымъ исключеніемъ добавочной цѣнности (прибыли) Имущіе классы не нуждаются въ этой громадѣ товаровъ, а иностраннаго потребителя нѣтъ. Нынѣ онъ, этотъ иностранный потребитель, выручаетъ и, подвергаясь самъ эксплуатаціи англичанина, поддерживаетъ возможность эксплуатаціи и англійскаго пролетарія. Такимъ образомъ на естественный ходъ вещей для перехода отъ капитализаціи къ соціализаціи разсчитывать нельзя. Если въ настоящее время экономическое строеніе Англіи есть ультра капиталистическое, то и развитіе экономическое этой страны, какъ и другихъ экономически передовыхъ націй, отнюдь не стоитъ на пути ослабленія капитализма, на пути перемѣнъ, приближающихъ часъ его ликвидаціи. Могущество капитализма въ передовыхъ странахъ не только стоитъ непоколебимо, но и повсемѣстно растетъ, благодаря очень благопріятной международной конъюнктурѣ.

Мы взяли въ примѣръ Англію. Для Франціи пришлось бы взять во вниманіе значеніе крестьянской земельной собственности, что удержало въ странѣ земледѣліе. Города же прошли и проходятъ ту же эволюцію, какъ и въ Англіи. Ту же эволюцію промышленность и торговля прошли и проходятъ и въ Германіи, но политическое вліяніе аграріевъ и отсюда вытекающее искусственное покровительство сельскому хозяйству осложняютъ процессъ и замедляютъ. До сороковыхъ годовъ то же самое было въ Англіи. Эти путы, налагаемыя на ростъ и процвѣтаніе капитализма въ Германіи, могутъ поощрить выселеніе капиталовъ въ отсталыя страны.

Не забудемъ, что кромѣ выселенія капитала въ отсталыя страны, эти послѣднія экономически порабощаются передовыми огромною задолженностью во всѣхъ видахъ.

Совсѣмъ другую картину развертываютъ передъ нами страны, экономически отсталыя, экономически зависимыя. Возьмемъ для примѣра Италію, страну съ богатою природою, выгоднымъ географическимъ положеніемъ и сравнительно культурнымъ населеніемъ. Такихъ благопріятныхъ условій не имѣетъ никакая иная страна изъ экономически отсталыхъ. Каково же экономическое состояніе этой благословенной страны и этого симпатичнаго даровитаго народа? Латифундіи продолжаютъ угнетать ее, какъ и въ эпоху императорскаго Рима и подобно тому, какъ онѣ господствуютъ и въ Англіи. Но въ Англіи отъ кабалы у землевладѣльцевъ сельское населеніе бѣжало въ городъ и тамъ нашло себѣ кабалу у капиталистовъ, найдя тамъ же и средства для борьбы съ кабалою: профессіональные союзы, кассы сопротивленія, стачки и т. д. Не то въ Италіи. Обрабатывающая промышленность развита слабо, и огромное большинство населенія живетъ въ деревняхъ и занято земледѣліемъ и разными спеціальными культурами. Эти же продукты (сырье) Италія вывозитъ за границу, оплачивая ими и ве-

вимые продукты обрабатывающей промышленности, и проценты по огромному долгу иностранцамъ, и прибыли на иностранные капиталы, затраченные въ итальянскія предпріятія (преимущественно въ желѣзнодорожныя и судостроительныя). Деревня, такимъ образомъ, призвана къ той роли общей кормилицы и главной плательщицы, которую въ Англіи исполняетъ городъ. Землевладѣльцы сами большею частью сельскимъ хозяйствомъ не занимаются. На ихъ земляхъ живутъ потомки ихъ крѣпостныхъ и арендуютъ культурную землю. Благодатная почва и благословенный климатъ вознаграждаютъ за трудъ сторицею и обезпечили бы благосостояніе, просвѣщеніе и высокую культуру трудолюбивому и даровитому населенію, если бы большая часть добытыхъ трудомъ продуктовъ оставалась въ рукахъ земледѣльцевъ. За этими продуктами зорко слѣдятъ многочисленные дольщики. Прежде всего землевладѣлецъ. Онъ собственникъ и полноправный распорядитель земли, диктующій свои условія и въ случаѣ малѣйшаго возраженія или неисправности сгоняющій земледѣльца съ его участка, въ теченіе тысячелѣтій воздѣланнаго его предками. Въ виду такого положенія арендная плата очень высокая и поглощаетъ больше половины продуктовъ. Вслѣдъ за землевладѣльцемъ стоятъ кредиторы. Арендную плату надо вносить впередъ. Для этого надо имѣть наличныя деньги въ такое время, когда обыкновенно у крестьянина ихъ не водится. Выручаетъ сельскій ростовщикъ. Бываютъ и въ Италіи неурожаи, бываютъ и несчастія, и болѣзни. Выручаетъ все тотъ же благодѣтель, сельскій ростовщикъ. Вслѣдъ за землевладѣльцемъ и онъ получаетъ крупную долю продукта. Затѣмъ являются сборщики податей государственныхъ, налоговъ мѣстныхъ и общинныхъ, сборовъ на церковь и духовенство. За удовлетвореніемъ всѣхъ этихъ постоянныхъ дольщиковъ, самому земледѣльцу остается ровно столько, сколько нужно, чтобы влачить самое жалкое существованіе въ нищетѣ и невѣжествѣ.

Глядя на Англію, Францію, Германію, правящіе классы Италіи усердно стараются вывести Италію на тотъ же путь капиталистическаго развитія. Въ эпоху мелкихъ мастерскихъ Италія славилась своею промышленностью, которая пала подъ ударами иностраннаго капитализма. Теперь хотятъ создать капитализмъ національный. Покуда успѣли создать пролетаріатъ, уже обратившій свое остріе противъ оранжерейнаго капитализма, воспитываемаго правящими классами. Тѣмъ не менѣе и этотъ оранжерейный капитализмъ, самъ тѣснимый и пролетаріатомъ, и капитализмомъ иностраннымъ, ложится новымъ бременемъ на деревню. Протекціонизмъ итальянскій вызываетъ встрѣчныя мѣры, и вотъ мы видимъ, что итальянское вино, шелкъ-сырецъ, фрукты, каштаны, оливковое масло, рисъ, маисъ и т. д. облагаются пошлиною во Франціи, Германіи, Австріи, а цѣны на нихъ падаютъ: новые дефициты въ бюджетѣ итальянскаго крестьянина, кончающіеся взри-

вами и бунтами, безцѣльными, но неотвратимыми. Бунтовали и Ломбардія, и Романья, и Калабрія, и Сицилія...

Еще болѣе яркую картину состоянія экономически отсталыхъ странъ представляетъ Румынія, нынѣ въ конвульсіяхъ жакеріи расплачивающаяся за свое невниманіе къ нуждамъ деревни. Тѣ же причины: крупное землевладѣніе, необезпеченное землею крестьянство, высокія арендныя цѣны, высокіе налоги, нищета и невѣжество. Тѣ же послѣдствія: обѣднѣніе населенія, стихійные бунты, общій экономическій и политическій кризисъ.

Необезпеченное землею крестьянство, непомѣрно высокія арендныя цѣны, высокіе налоги, искусственно созданный и поддерживаемый насильно капитализмъ, созданный этимъ экзотическимъ капитализмомъ пролетаріатъ, яркое выступленіе пролетаріата противъ господствующихъ классовъ и страшное обѣднѣніе населенія (до массового голода включительно), — таково вѣдь и состояніе Россіи. Таковы главныя черты экономической жизни отсталыхъ странъ.

Если мы теперь окинемъ однимъ взглядомъ обѣ стороны, то увидимъ картину, достойную самаго внимательнаго изученія. Капитализмъ совершилъ свое дѣло и продолжаетъ его въ передовыхъ и экономическихъ господствующихъ странахъ. Онъ привелъ эти страны къ блестящей культурѣ и огромному скопленію богатствъ насчетъ своихъ пролетаріевъ и на счетъ земледѣльцевъ отсталыхъ націй. Пролетаріатъ передовыхъ странъ сплачивается для борьбы съ капиталомъ, но возможность эксплуатаціи отсталыхъ странъ даетъ капиталу огромное оружіе въ его борьбѣ съ пролетаріатомъ, чему помогаетъ близорукая политика правительствъ отсталыхъ націй, не думающая о земледѣльцахъ, единственныхъ кормильцахъ этихъ націй, но все о тѣхъ же оранжерейныхъ капиталистахъ.

Такова цѣпь, связывающая въ настоящее время всѣ страны земного шара. Нельзя вынуть звено изъ этой цѣпи, чтобы она не распалась, «раскачалась, однимъ концомъ по барину, другимъ—по мужику». Выключите сколько-нибудь значительную страну изъ этой системы экономическихъ соотношеній, и представьте себѣ, какое положеніе создаетъ это выключеніе для другихъ сочленовъ системы. Предположимъ, исчезнетъ Италія, или обставляется китайскою стѣной и прекращаетъ всякое экономическое общеніе съ другими странами, что въ этомъ (конечно, невозможномъ, но гипотетически мыслимомъ) случаѣ произошло бы? Прежде всего, кредиторы Италіи не получили бы своихъ процентовъ, около 600 милліоновъ франковъ ежегодно по государственнымъ займамъ и свыше 60 милліоновъ по займамъ провинціальнымъ и муниципальнымъ, при чемъ общая потеря экономически господствующихъ націй превзошла бы 15 милліардовъ франковъ! Шестьнадцать тысячъ километровъ желѣзныхъ дорогъ построены на иностранные капиталы (до $2^1/_2$ мил-

ліардовъ) и на иностранные же капиталы основаны банки, оборудованы доки, порты, газовое и электрическое дѣло, водопроводы и т. д. (опять милліарды и милліарды капитала и сотни милліоновъ ежегоднаго дохода). Англія, Франція, Нидерланды и Германія, хотя и распредѣлили бы эти убытки между собою, тѣмъ не менѣе всѣ жестоко почувствовали бы этотъ ударъ, который легко могъ бы повлечь общій кризисъ, банкротство и сильное обѣднѣніе этихъ богатыхъ націй. Но вѣдь этимъ дѣло не ограничилось бы... Напр., сосѣдняя Франція закупаетъ въ Италіи въ огромномъ количествѣ шелкъ-сырецъ, чтобы превратить его въ роскошныя издѣлія; посредственное вино, чтобы уходомъ и добавленіемъ французскаго вина превратить его въ высокіе сорта; оливковое масло, чтобы очистить и распустить по всему міру, подъ названіемъ провансскаго масла и т. д. Перечисленныхъ произведеній итальянской почвы Франція ежегодно получаетъ на полтораста милліоновъ. Прекращеніе ихъ ввоза во Францію вызвало бы, конечно, серьезный кризисъ. Отразился бы этотъ кризисъ и въ Англіи, куда этого сырья (шелкъ-сырецъ) ввозится изъ Италіи на сто милліоновъ. Швейцарію Италія снабжаетъ хлѣбомъ и это было бы нарушено. И т. д., и т. д. Все вмѣстѣ взятое привело бы къ совершенному и всестороннему краху экономически передовыхъ странъ, которыя и не могутъ допустить ни исчезновенія Италіи, ни китайской стѣны вокругъ нея. Однако не нужно такой стѣны, чтобы Италія нанесла такіе же или подобные удары благоденствію экономически передовыхъ націй. Для этого достаточно экономическаго раззоренія итальянскаго народа и финансовой несостоятельности итальянскаго государства. Если же къ этому прибавить бы бунты и междоусобія, хищенія и беззаконія, то огромныя потери англо-франко-германской буржуазіи оказались бы не меньше, чѣмъ при совершенномъ исчезновеніи Аппенинскаго полуострова. А изъ этого слѣдуетъ, что Западная Европа не можетъ допустить не только китайской стѣны вокругъ Италіи, но и такого болѣе или менѣе продолжительнаго внутренняго состоянія страны, которое прямо вело бы къ раззоренію, несостоятельности и разстройству государственной и общественной жизни.

Экономически господствующія страны не могутъ позволить экономически зависимымъ себя раззорять и, если дѣло такого саморазоренія приняло бы характеръ постояннаго явленія, то вмѣшательство Западной Европы стало бы неизбѣжнымъ. Однако, могла ли бы, напр., та же Италія сама отказаться отъ общенія съ экономически передовыми странами? Допустимъ, что она безнаказанно конфисковала 30 милліардовъ, ей довѣренныхъ и у нея затраченныхъ, и никто не заступился за иностранныхъ капиталистовъ. Это, конечно, былъ бы хорошій себѣ подарокъ. Итальянцы не платили бы ежегодно этого милліарда за границу. Казна, банкиры, акціонерныя компаніи, муниципалитеты удержали бы эти суммы въ

своихъ рукахъ. Однако, эти суммы не направились-бы на покупку шелка-сырца, невыдержаннаго вина, неочищеннаго оливковаго масла и т д. А если крестьянинъ не продастъ этихъ продуктовъ, то не заплатитъ ни землевладѣльцу, ни сельскому банкиру, ни сборщику налоговъ и т. д. А если эти лица не получатъ своихъ обычныхъ доходовъ, они не купятъ издѣлій, не будутъ платить срочныхъ обязательствъ, и страна окажется въ состояніи полнаго банкротства. Не перемѣнивъ самымъ радикальнымъ образомъ своего общественнаго строя, сама Италія не могла бы прекратить экономическое общеніе съ другими странами.

Иго экономически господствующихъ странъ есть страшное иго, порою совершенная кабала для экономически зависимыхъ націй, но только планомѣрная соціальная реформа обѣихъ сторонъ можетъ прекратить это иго. При теперешнемъ строѣ можно только ослаблять и умѣрять эту кабалу цѣлесообразною внѣшнею и внутреннею политикою. Здѣсь политическое состояніе страны можетъ имѣть огромное значеніе для экономическаго развитія. Законность и свобода необходимы для того, чтобы, не останавливая процесса закабаленія иностранцамъ (для этого нужны соціальныя реформы), сдѣлать его и болѣе медленнымъ, и менѣе чувствительнымъ постепенно разоряющейся экономически отсталой націи и дать этой націи срокъ для введенія соціальнаго преобразованія, освобождающаго народъ отъ эксплуатаціи и собственными, и заграничными капиталистами.

Улита ѣдетъ, когда-то будетъ, а теперь весь міръ обвитъ паутиною капитализма экономически передовыхъ націй, и благосостояніе всего міра виждется на экономическомъ общеніи всѣхъ странъ и народовъ. Обогащеніе или обѣднѣніе каждой страны отражается во всѣхъ другихъ. Колебанія неизбѣжны, но и колебанія внизъ уже болѣзненно отзываются на другихъ странахъ. Если же этотъ понижательный процессъ отъ временнаго колебанія становится на долгое время прямолинейнымъ подъ гору, то такое движеніе является опаснымъ всему міру, въ особенности міру экономически господствующихъ націй. Разлагающееся больное политическое тѣло рядомъ съ своими жилищами цивилизованные люди долго выносить не могутъ. Они его вылѣчатъ или отодвинутъ... Второе имъ самимъ мало выгодно. Выздоровленіе премного выгоднѣе. Когда объ этомъ серьезно задумаются серьезные люди цивилизованнаго міра, то не только найдутся лѣкарства (кто ихъ не знаетъ?), но будутъ найдены и способы склонить больного принять эти лѣкарства. Экономическая конъюнктура того требуетъ.

Экономическая конъюнктура огромная сила и ей предстоитъ большая политическая роль въ экономически отсталыхъ странахъ, если онѣ при этомъ отстали и политически. Винтовки и пулеметы могутъ быть дѣйствительны противъ народа, но не противъ эко

номической конъюнктуры. Конечно, и она отдѣльно, безъ народнаго движенія, безсильна. Сами собою галушки въ ротъ не попадаютъ. Такимъ образомъ, снова для всего міра становится неотразимо необходимымъ извѣстное уподобленіе политическаго строенія. Политическое дифференцованіе Европы въ XIX в. даровало политическую свободу однимъ, сохранивъ деспотизмъ у другихъ. Свобода содѣйствовала экономическому расцвѣту націй, ее добывшихъ, и экономически поработало имъ націи отсталыя. Сначала именно господство деспотизма въ этихъ странахъ и являлось одною изъ причинъ ихъ экономическаго порабощенія иностранцамъ, но затѣмъ интересы этихъ иностранцевъ требуютъ паденія деспотизма и возвышенія политической культуры.

С. Южаковъ.

Депутаты второй Думы.

Очерки и наброски.

Меня всегда занималъ вопросъ о томъ, откуда берутся крамольники на святой Руси? Путемъ какого процесса безпартійные православные превращаются въ безпартійныхъ лѣвыхъ и весьма умѣренные монархисты въ неумѣренныхъ эс-эровъ? Правда ли, что всему виною подстрекатели, и если это правда, то откуда берутся и они, и зачѣмъ принимаются за свое рискованное занятіе,—ибо, конечно, нельзя предполагать, что кто-нибудь занимается такимъ отчаяннымъ дѣломъ, такъ сказать, изъ-за выгодъ ремесла. И еще, куда дѣваются подстрекаемые и что изъ нихъ выходитъ?

Вопросъ о распространеніи духовной заразы — это большой и сложный вопросъ. Одни заражаются отъ проѣзжаго агитатора, другіе, можно сказать, благодаря попеченію начальства, третьи отъ своего голоднаго желудка, четвертые какъ будто прямо изъ воздуха или воды.

Извѣстный трудовикъ Степанъ Аникинъ заразился еще мальчикомъ отъ чтенія секретныхъ жандармскихъ донесеній.

Священникъ Тихвинскій, членъ Государственной Думы, почерпнулъ либеральныя идеи изъ чтенія «Московскихъ Вѣдомостей»; другой депутатъ, рабочій, соціалъ-демократъ, вычиталъ ихъ между строкъ изъ «Сельскаго Вѣстника»; третій депутатъ, крестьянинъ, пошатнулся въ вѣрѣ послѣ того, какъ земскій начальникъ во время крестьянскаго бунта не рѣшился исполнить надъ нимъ приговоръ о порокѣ.

— Что же это за начальникъ, который выдрать не посмѣетъ!..

Двое депутатовъ рабочихъ въ дѣтствѣ ходили подъ окнами и просили милостыню.

— Съ того самого времени стали стремиться къ перемѣнѣ,— сказалъ мнѣ одинъ.

— Я со дня рожденія былъ нищій и крамольникъ, — сказалъ другой еще болѣе опредѣленно.

Есть также самоподстрекатели, какъ въ старину бывали самосожигатели. Ничего нечитавшіе и даже совсѣмъ безграмотные, они вынашиваютъ свои крамольныя идеи въ глубинѣ собственнаго мозга и въ тайникахъ собственнаго сердца, но потомъ выбрасываютъ ихъ на свѣтъ Божій еще незрѣлыми, но уже окрыленными. Они открываютъ давно открытыя Америки, создаютъ соціальныя построенія, для которыхъ у нихъ не хватаетъ словъ и терминовъ.

Для всѣхъ изысканій въ области распространенія заразы, Государственная Дума представляетъ самое удобное поле. Въ нее собираются элементы изъ всѣхъ слоевъ и всѣхъ мѣстъ Россіи, интеллигенты, рабочіе, крестьяне; люди, только что выпущенные изъ тюрьмы и даже люди, только что посаженные, но временно освобожденные для отбыванія депутатской повинности; партійные, безпартійные, полупартійные, эс-эры, эс-деки, эсэрствующіе, эсдекствующіе и многіе другіе.

Каждый депутатъ, прибывшій въ Таврическій дворецъ прямо изъ Чухломы или изъ Самарской Неѣловки, есть въ нѣкоторомъ родѣ живой человѣческій документъ, и его въ высшей степени любопытно зафиксировать, хотя бы въ видѣ бѣглаго наброска въ записной книжкѣ.

Я пробовалъ дѣлать такіе наброски еще въ первой Государственной Думѣ, но дѣло оказалось не такъ легко. Тѣ, кто охотно открывались на встрѣчу любопытному взгляду, подчасъ бывали не интересны, а самые интересные закрывались, какъ мимоза, или даже какъ сундукъ, къ которому у меня не было ключа. Кромѣ того, начальство помѣшало и тутъ и на моемъ четвертомъ очеркѣ распустило Государственную Думу. Депутаты отправились въ Выборгъ, а я уѣхалъ домой.

Во время второй Думы, наученный опытомъ, я взялся за свои разспросы и записи съ самаго перваго дня. Съ тѣхъ поръ мы ежедневно ожидаемъ конфликта, а Дума все живетъ и дребезжитъ, какъ надбитая посуда. Говорятъ, что битая посуда два вѣка живетъ Трудно сказать, какъ долго можетъ существовать эта надбитая Дума. Черная сотня уже вопитъ о роспускѣ, но господа министры, видимо, вошли во вкусъ россійской конституціи. Они выступаютъ предъ нами почти ежедневно и даже оттѣсняютъ депутатовъ на задній планъ. Вчера, въ первый день обсужденія бюджета, говорили только министры, прошедшіе, настоящіе и будущіе. Коковцевъ, Кутлеръ, потомъ опять Коковцевъ, Столыпинъ и, нако-

нецъ, Струве, и было очень похоже на плохой октябристскій митингъ.

Коковцевъ съ паѳосомъ восклицалъ:

— Они говорятъ уже сорокъ лѣтъ, что мы беремъ у народа послѣднюю копѣйку. И вотъ съ Божьей помощью эта послѣдняя копѣйка берется до сихъ поръ.

Николай Николаевичъ Кутлеръ доказывалъ, что государственная лошадь обходится въ полторы тысячи рублей, а стоитъ только триста, и Столыпинъ съ торжествомъ возражалъ: Николай Николаевичъ ударилъ не по коню, а по оглоблѣ.

Струве говорилъ.., впрочемъ, каюсь, когда онъ заговорилъ, то я ушелъ изъ залы, ибо Головинъ предупредилъ насъ, что рѣчь Струве будетъ очень длинна и даже предложилъ намъ предварительно отдохнуть передъ нею. Но Коковцевъ и Столыпинъ убили нашъ отдыхъ и выслушать пятую рѣчь уже не было силы.

Вслѣдъ за Струве говорили лѣвые, но я ихъ тоже не слушалъ, я ходилъ по кулуарному залу и думалъ.

За истекшій мѣсяцъ общее мнѣніе о Думѣ сложилось довольно опредѣленно: слабая Дума. Лѣвая, но обезглавленная, вся просѣянная на сквозь, какъ мелкій песокъ. Народные вожди и всѣ люди покрупнѣе остались за стѣнами. Попали въ Думу только тѣ, кто до того былъ внѣ поля зрѣнія.

Я этого мнѣнія не раздѣляю. Несмотря на всѣ избирательные капканы и сенатскія разъясненія, въ Думѣ есть замѣтные люди, особенно между крестьянами. Общій уровень крестьянскихъ и рабочихъ депутатовъ выше прошлогодняго. Интеллигенты, правда, все ратники ополченія изъ третьей и даже четвертой очереди, но при другихъ обстоятельствахъ эти же самые эс-эры и эн-эсы, вѣроятно, могли бы дѣйствовать иначе. Дѣло въ томъ, что Государственная Дума въ ея настоящемъ положеніи похожа на вагонъ, отцѣпленный отъ паровоза и оставленный на рельсахъ. Въ вагонѣ сидитъ пятьсотъ человѣкъ. На нихъ возложена совершенно несообразная задача толкать вагонъ тихимъ маневромъ изнутри. Не мудрено, что у нихъ опускаются руки.

Для того, чтобы толкать вагонъ, нужно изъ него выйти, или связаться съ какой-нибудь двигательной силой, находящейся снаружи.

Говорятъ, что населеніе возложило на депутатовъ мандатъ: берегите Думу.

Если это такъ, то такого мандата не слѣдовало принимать, ибо онъ носитъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе.

Дума, какъ всякая сложная машина, разстраивается отъ бездѣйствія и даже отъ неполнаго хода. Умаленіе думскихъ средствъ и правъ и какое-то конспиративное молчаніе есть не бережливость, а порча. И потому народное настроеніе понижается кругомъ Думы и сами депутаты ходятъ и говорятъ, какъ пчелы, отравленныя ди-

момъ, и получается не дѣло и не бездѣлье, какое-то четвертое измѣреніе,—двѣ кошки въ одномъ мѣшкѣ: Дума и министерство Столыпина, судьба которыхъ связана и которые даже грызться не смѣютъ по настоящему.

И союзъ русскаго народа въ видѣ разрѣшителя кризисовъ.

Обиднѣе всего то, что Думу всетаки распустятъ на самомъ интересномъ мѣстѣ, и не будетъ ни реформъ, ни достоинства, ни хлѣба, ни крохъ, ничего, кромѣ печальнаго воспоминанія. Смерть, конечно, страшна, но горе тому, кто ея боится. Учрежденія, какъ и люди, должны жить и умирать въ свое время, сообразно обстоятельствамъ. А ежели не умрешь, то потомъ и не воскреснешь.

Перейду къ моимъ біографическимъ набросками.

Быть можетъ, ихъ слѣдовало бы расположить по категоріямъ: зачинщики, прикосновенные, мало прикосновенные; или, напримѣръ, по партіямъ: большевики, меньшевики, эс-эры, эн-эсы,—но я по необходимости собиралъ ихъ безъ всякой классификаціи и потому привожу ихъ здѣсь въ томъ же случайномъ порядкѣ.

Депутаты даже въ Думѣ не могли размѣститься, какъ слѣдуетъ. Лѣвые сѣли направо, а правые въ центрѣ. Я не беру на себя трудъ водворить ихъ на подлежащія мѣста.

I.

Бѣлаевъ.

Василій Андреевичъ Бѣлаевъ, астраханскій депутатъ, бывшій волостной старшина Николаевской слободы, въ августѣ прошлаго года былъ центральнымъ лицомъ нашумѣвшей исторіи, разыгравшейся на обоихъ берегахъ нижней Волги. По времени это было, кажется, послѣднее «активное выступленіе» гражданскихъ обывателей, не говоря о военныхъ. Ни одинъ историкъ, даже изъ самыхъ оффиціальныхъ, не назвалъ этого выступленія Николаевской республикой, ибо для развитія республики попросту не хватило времени. Но нѣкоторые моменты этого выступленія высоко характерны.

Они показываютъ намъ, какъ быстро и почти непроизвольно вспыхиваютъ подобныя исторіи и какъ онѣ погасаютъ столь же быстро, вслѣдъ за первымъ судорожнымъ движеніемъ и подъемомъ.

Кстати сказать, по газетнымъ сообщеніямъ я почему-то представлялъ себѣ николаевскаго волостного старшину рослымъ и чернымъ, съ рѣзкими чертами лица, въ стилѣ Емельяна Пугачева. На дѣлѣ я увидѣлъ мирнаго книжнаго торговца, довольно тщедушнаго и даже болѣзненнаго на видъ. Ибо у Василія Андреевича съ сердцемъ не все ладно. Лицо у него кроткое, голосъ самый тихій. Кажется, воды не замутитъ: самый спокойный и безобидный обыватель. Впрочемъ, при болѣе внимательномъ наблюденіи,

въ голосѣ Василія Андреевича слышны и другія нотки, сдержанныя, но упорныя, свидѣтельствующія о готовности постоять за свои права, хотя бы и не Богъ знаетъ какія большія, и оказать начальственному произволу сопротивленіе пассивное, но неутомимое. Это прекрасный образецъ интеллигентнаго обывателя, который разбуженъ отъ инерціи и желаетъ стать гражданиномъ, даже помимо начальственнаго разрѣшенія. Я готовъ даже сказать, что это живое олицетвореніе второй Государственной Думы, лѣвой, пассивной, отстаивающей „пріобрѣтенныя права"...

Мелкій и средній обыватель въ послѣднее время лѣвѣетъ, можно сказать, сплошными массами. Въ то же самое время полиція правѣетъ. Три правыхъ городовыхъ съ успѣхомъ разгоняютъ тысячу лѣвыхъ обывателей. Тѣмъ не менѣе, совершенно нельзя предвидѣть, что выйдетъ въ будущемъ изъ этого страннаго соотношенія реальныхъ силъ.

Василію Андреевичу 40 лѣтъ отъ роду, онъ женатъ, имѣетъ двоихъ дѣтей, раньше велъ въ слободѣ Николаевской хлѣбную торговлю, теперь имѣетъ книжную лавку. Въ Думѣ и въ странѣ много людей той же политической позиціи и того же возраста. Нечего говорить, что во всѣхъ другихъ странахъ такіе люди бываютъ самое большее мирными либералами. У насъ они стали радикалами, не тоже мирными въ боевое время. Ибо вся юность ихъ была порою безвременья. Ужасная тринадцатилѣтняя эпоха «мирнаго царствованія» 1881—1894 г.г., эта чортова дюжина лѣтъ, оставила въ ихъ душѣ неизгладимые слѣды и при всемъ желаніи они не могутъ отъ нихъ избавиться. Яркость и рѣшительность свойственна другимъ поколѣніямъ, болѣе молодымъ.

Дальше приведу безыскусственный разсказъ самого депутата Бѣлаева.

Я учился въ Камышинѣ, получилъ среднее образованіе, потомъ сталъ помогать отцу. Онъ велъ хлѣбную торговлю, и я сталъ вести. Было у меня въ 17—18 лѣтъ желаніе пользу приносить, такое смутное. Напримѣръ, цѣны умѣривать. Я дошелъ до ста тысячнаго оборота. Потомъ кругъ мой сталъ суживаться. Вижу: какъ бы не дойти до банкротства. Спѣшно ликвидировалъ все. Было моихъ денегъ въ дѣлѣ двѣ тысячи, а выручилъ тысячу. Разонравилась мнѣ хлѣбная торговля, завелъ книжную лавку: дѣло чище. Стала давать доходу рублей 700, у меня собственный домъ. У насъ въ слободѣ съ такими средствами жить вполнѣ можно. Мы жили не малости. Пробовали чтенія заводить, а начальство намъ запрещало. Безъ всякой пропаганды и ничего предосудительнаго у насъ не было.

Наша Николаевская слобода большая, 30.000 жителей. Школъ пятнадцать, но всетаки мѣсто глухое. Кругомъ степь. Населеніе занимается земледѣліемъ, скотоводствомъ. Раньше богато жили

Былъ надѣлъ въ пятнадцать десятинъ на душу. Были бахчи, огороды, разные заработки. Теперь все идетъ подъ уклонъ. Земельный вопросъ всетаки не острый. Много казенныхъ земель, но онѣ сдаются отдѣльнымъ лицамъ. Крестьянскія земли выпахиваются.

Когда стали говорить о свободѣ, у насъ было черносотенное теченіе. Мелкіе торговцы, голь непокрытая,—земли нѣтъ, оттого торгуетъ,—были самые черные. Послѣ 17 октября я выдвинулся немножко. Они меня убить хотѣли отъ добраго сердца. Говорили: надо домъ сжечь и семью перебить.

Потомъ прошло теченіе. Въ апрѣлѣ 1906 года стали выбирать меня единогласно въ старшины.

У насъ городъ Камышинъ прямо за Волгой. Зимою по льду извозчикъ стоитъ шесть гривенъ. Лѣтомъ на лодкахъ и на пароходѣ. Въ Камышинѣ завелась газета, «Камышинскій Вѣстникъ». Я велъ хронику слободскую. Пошла газета и у насъ. Триста подписчиковъ, двѣ сотни розница. Тутъ я замѣтилъ, что народное міросозерцаніе стало мѣняться. Стали хотѣть, чтобы лучше жилось.

Когда выбрали меня, утвержденіе мое затянулось. Стали крестьяне волноваться. Дали телеграмму: почему не утверждаютъ. Снеслись, утвердили. Сталъ я работать, человѣкъ самый мирный, но невозможно безъ столкновеній. Начальство избаловано, крупное и мелкое. Безъ рабскаго трепета къ нимъ не подходи. И злоупотребленій много. Напримѣръ, я разъяснилъ на сходѣ: безплатное содержаніе почтовыхъ лошадей до станціи Кисловки для насъ не обязательно по закону и никому не нужно. Мы можемъ отказаться. Составили приговоръ. Лучше на эти деньги школы строить. Три школы мы построили за это время.

Всетаки начальство было сдержанно. Время смутное было, скоро послѣ разгона. Боялись во всю разойтись.

Проѣзжалъ губернаторъ Громбчевскій.

— Я, говоритъ, хочу съ вами познакомиться. Какія у васъ цѣли?

— Самыя мирныя,—говорю,—сознавая, что переворотъ совершился, хотимъ всемѣрно содѣйствовать, чтобы онъ развивался безъ болѣзни.

— Я ничего противъ этого не имѣю.

Уѣзжаетъ Громбчевскій, вдругъ исправникъ требуетъ казаковъ.

— Зачѣмъ казаковъ?—говорю.—У насъ мирное настроеніе. Они что-нибудь рвать станутъ, будетъ возня.

— Я, говоритъ, васъ не понимаю. У васъ не корректное поведеніе.

Всетаки на этотъ разъ удалось отписаться, земскій начальникъ призналъ отзывъ неправильнымъ.

Громбчевскаго смѣнили за миролюбіе, назначили временно Ко-

шуро-Масальскаго. У него была исторія въ судѣ. Ему отказались подавать руку.

У насъ въ то время возникло движеніе возчиковъ противъ лѣсниковъ, которые лѣсъ сплавляютъ по Волгѣ. Возчики требовали повышенія платы, прибѣгли къ моему посредничеству. Я пригласилъ лѣсниковъ и возчиковъ. Лѣсники отказались. Возчики пошли къ земскому начальнику, лѣсники опять отказались. Тогда возчики собрались на пристаняхъ.

— «Мотри,—говорятъ,—ребята, у насъ оглобли есть». Тутъ явились и лѣсники. Стали мы ихъ мирить, совсѣмъ помирили. Изъ-за одного лѣсника опять сыръ-боръ разгорѣлся. Другой говоритъ ему:—«Ты зачѣмъ, такой сякой, не исполнилъ уговора, переплатилъ полъ копѣйки за бревно?»

— А, уговоръ!

Зашумѣли возчики. Лѣсникъ убѣжалъ, далъ губернатору телеграмму: старшина возчиковъ бунтуетъ. Пріѣзжаетъ Масальскій, съ исправникомъ вмѣстѣ. Исправникъ подбавилъ жару.

Я ничего не зналъ. Думаю: не надо обострять. Приготовилъ помѣщеніе для него. Стою на берегу. Пароходъ подходитъ. Поднимаю шляпу, кланяюсь. Нехотя отвѣчаетъ.

Только сошелъ набережъ.

— Такъ неприлично встрѣчать начальника съ рукой въ карманъ.

Что за чортъ. Покоробило меня. Думаю: развѣ я тебѣ гимназистъ? За это время мы отвыкли отъ крика.

Пріѣзжаю въ правленіе.—Угодно ли принять рапортъ?—Нехотя передаетъ чиновнику особыхъ порученій. На меня нуль вниманія. Я взялъ и уѣхалъ домой.

При осмотрѣ книгъ и журналовъ нашелъ книжку «Былого».

— Это что такое, пропаганда?—Тутъ мнѣ стало смѣшно.

— Позвольте,—говорю.—Я это выписалъ для учителей. Они просили. А ежели для пропаганды, тогда другое берутъ, не «Былое», а самое настоящее.

— Зачѣмъ у васъ жидовскія газеты, «Русское Слово», «Русскія Вѣдомости», «Путь», «Биржевка?»

Сердце у меня книжное и тѣмъ кормлюсь. Вспыхнулъ я...—Я попрошу васъ не бросать грязью въ нашу лучшую прогрессивную печать.

— Ага! Ступайте домой, о своей участи послѣ узнаете.

Вечеромъ прибѣгаетъ земскій начальникъ, растерянный такой. «Онъ требуетъ вашего увольненія и ареста». И самому ему дико. Глаза бѣгаютъ.

А я смѣюсь.—Обойдется, отпрукается.

Немного погодя прибѣгаетъ:—Подавайте въ отставку!

— Ну нѣтъ!—говорю,—пусть самъ уволитъ.

А я за двѣ недѣли до того просился въ отставку, да не пу-

стили меня. Полторы тысячи человѣкъ собралось на сходѣ, говорятъ не уходи.

— Теперь,—говорю,—я не желаю уходить.

Въ десять часовъ вечера опять посолъ.—Отдалъ приказъ объ арестѣ.

— Одумается!—говорю.

Въ два часа ночи является исправникъ и двадцать стражниковъ.

— Арестовать!

— А гдѣ приказъ?

— Словесно!

Посадили на тройку; шашки, револьверы наголо. За 220 верстъ въ Царевскую тюрьму. Вотъ тебѣ и одумался...

На утро проснулись мужики, ушамъ не вѣрятъ. Старшину украли. А начальства тоже нѣтъ. Губернаторъ и исправникъ уѣхали, какъ будто ничего не было. Собралась тысячная толпа. Заревѣли. Мужики есть богатые, они страшно обидѣлись.

— «Нашего старшину у насъ безъ спросу украли!»

Земскаго начальника арестовали, становой убѣжалъ, стражники тоже. Люди поразбирали всѣ ружья, сдѣлали милицію, чтобы грабежа не было. Телеграфировали Масальскому. Тотъ отвѣтилъ: пріѣду съ казаками и пулеметами. Дѣйствительно, пріѣхалъ. Крестьяне оружіе убрали, встрѣтили мирно, но требовали вернуть старшину. Говоритъ: — Не просите. Онъ прокламаціи писалъ!—но у насъ всѣ знаютъ, что это неправда.

Я просидѣлъ въ тюрьмѣ полтора мѣсяца. Жандармскій ротмистръ и товарищъ прокурора стали составлять обвиненіе. Подобрали пункты: участіе въ «Приволжскомъ Вѣстникѣ», выписка газетъ и журналовъ прогрессивнаго направленія. Самимъ совѣстно сдѣлалось, прокуроръ даже покраснѣлъ. Выпустили на волю, но полиція выслала изъ предѣловъ царевскаго уѣзда.

Въ губерніи нашей ввели усиленную охрану, 30 человѣкъ арестовали, 14 выпустили, а 16 и до сихъ поръ сидятъ. Разнаго возраста отъ восемнадцати до сорока лѣтъ. Держатся они бодро. Хотятъ ихъ судить.

Я поселился въ Камышинѣ, напротивъ слободы. Лавку жена вела. По ночамъ я домой ѣздилъ, днемъ не показывался. Но всѣ знали. Такъ чудно. Будто и не дѣти, а въ жмурки играемъ. Мѣсяца черезъ два выборы. Выбрали меня единогласно уполномоченнымъ. Рискнулъ арестомъ, поѣхалъ въ Царевъ. Опять выбрали. Въ Астрахань поѣхалъ съ волчьимъ билетомъ по проходному свидѣтельству. Выбрали меня 19 голосами изъ 23-хъ.

Всетаки въ нашихъ мѣстахъ эта исторія сдѣлана много шуму. Раньше, когда заберутъ кого, старики говорили: «вѣрно за дѣло, начальство, небось, знаетъ»; теперь наглядно увидѣли. Во все это

время извѣрились въ власть. Если вѣрять во что, то въ народное представительство, въ настоящее, не фальсифицированное...

Этотъ мирный человѣкъ всетаки, подобно многимъ другимъ, принесъ съ собою въ Думу повышенное настроеніе.

— Я раньше вѣрилъ въ мирный исходъ, теперь не вѣрю. Пассивное сопротивленіе у насъ не возможно. Добромъ ничего не достичь. Интересы слишкомъ противоположны, и *тѣ* не уступятъ. Если кто дѣлаетъ дѣло, то одни эс-эры.

— Мы тоже пришли не говорить, а дѣлать.

— Надо дѣловитую Думу, чтобы добиралась до сути. Если разгонятъ насъ, то пусть сажаютъ въ тюрьму. Мы такъ не уйдемъ. Послѣ насъ все равно будетъ движеніе...

Дѣловитость, о которой въ то время говорилъ астраханскій депутатъ, конечно, отличалась отъ кадетской дѣловитости.

Но Дума пошла даже не кадетскимъ, а какимъ-то мирно-обновленскимъ аллюромъ, съ постояннымъ уклономъ вправо. И подъ вліяніемъ этого, настроеніе депутата Бѣлаева, принесенное съ мѣста, замерло. Оно замерло не у одного Бѣлаева, но почти у всей лѣвой половины Думы, но только не знаю, на долго ли. Я боюсь, чтобы оно не прорвалось внезапной истерикой, уже не къ мѣсту и послѣ времени.

Исторію николаевскаго выступленія будетъ умѣстно пополнить разсказомъ другого свидѣтеля и участника, столь же компетентнаго, но въ нѣсколько иномъ стилѣ.

Я встрѣтилъ его въ одномъ изъ депутатскихъ клубовъ. Онъ выглядѣлъ выше и крѣпче Бѣлаева, но ему было только двадцать лѣтъ, какъ разъ вдвое меньше, чѣмъ почтенному астраханскому депутату.

Несмотря на свой крѣпкій видъ, онъ сообщилъ мнѣ съ первыхъ словъ, что усталъ отъ всей этой передряги.

— Собачья жизнь, даже переночевать негдѣ... Будетъ съ меня пока. Ѣду за границу учиться.

Потомъ онъ сталъ дополнять разсказъ Бѣлаева.

— Пріѣхалъ Масальскій въ Быково, тамъ землю передѣлили. Онъ сейчасъ накричалъ, натопалъ, писаря вызвалъ.—Ты, негодяй, посылалъ телеграмму на имя м...а Шилихина,—это астраханскаго депутата.

Наши узнали, говорятъ: гдѣ-нибудь непремѣнно будетъ буча; послали меня губернатору вслѣдъ. Такъ что въ Николаевскую слободу мы пріѣхали вмѣстѣ на одномъ пароходѣ. Я пошелъ къ знакомому уряднику, который въ то время отрекся отъ полиціи и отъ службы. Медаль у него была, такъ онъ напечаталъ въ газетахъ, что проситъ продать ее въ пользу политическихъ заключенныхъ.

Заночевали. На утро прибѣгаетъ хлопчикъ: бѣгите къ магазину Бѣлаева, старшину уворовали.

Я побѣжалъ на площадь, а тамъ гудитъ. Хохлы разъярились пуще всего на своего земскаго начальника.—Вінъ, бісовъ сынъ, звеливъ украсти. А посадить его въ холодную.

Я вмѣшался, всталъ на крыльцо, говорю: — Господа, это не правильно. Не сажайте его.

Вдругъ чувствую крѣпкій толчекъ въ спину, лечу кубаремъ внизъ и уже кулаки надъ моей головой. Кричатъ: «онъ за начальство, бейте его!» Хорошо, что знакомые были, не дали бить. Я былъ въ черномъ пальто, въ шляпѣ.

Никто меня не зналъ. Сказали, будто я писарь земскаго и вступаюсь за своего начальника.

Собралось народу тысячи три, кричатъ: «говорите рѣчи!» А говорить некому.

Тутъ я сказалъ рѣчь съ балкона, пріобрѣлъ симпатію. А начальство удрало. Становой приставъ подхватилъ старуху-мать и поскакалъ въ телѣгѣ.

Она по дорогѣ умерла.

Кричатъ: что теперь дѣлать?—вспоминаютъ: «проволоки рвите, телеграфъ». Выбили окна въ полиціи. Всѣ бумаги у пристава изорвали въ мелкіе клочки, съ такимъ наслажденіемъ.

А теперь что дѣлать?—Митингъ дѣлать на площади. Весь народъ собрался на площади.

— Теперь земскаго сюда!

Привели земскаго изъ кутузки, поставили его на высокомъ мѣстѣ.

Онъ клянется, божится: — Я, ей-Богу, не виноватъ.

— Шапку сними!

Онъ снялъ шапку.

Когда усмирили слободу, ему сначала за всю исторію повышеніе дали,—потому пострадалъ. А потомъ узнали точнѣе и уволили съ мѣста.

У насъ тутъ составился маленькій комитетикъ: я, урядникъ тотъ и сынъ земскаго начальника, такой бойкій парень. Пришлось потомъ ему бѣжать и стать на нелегальное положеніе.

Между тѣмъ, изъ Камышина пришли разные темные люди, члены союза русскаго народа и другой сбродъ. Стали подбивать на грабежъ лавокъ. Жители сказали:—Надо устроить охрану, сберечь городъ.

Земскому приказали, чтобы онъ далъ телеграмму Масальскому о выпускѣ Бѣлаева. Онъ послушалъ, далъ телеграмму: «Я въ опасности. Необходимо освободить».

Стали кричать: надо оградиться, поставили дозорныхъ. Пошли къ оружейному магазину, честь честью забрали все оружіе, казенное и частное, переписали, росписку выдали.

Набрали дружину въ 60 человѣкъ, десятскихъ назначили, винтовки роздали, а никто обращаться не умѣетъ. Одинъ солдатъ говоритъ: «тамъ въ складѣ есть пулеметъ. Я самъ видалъ. Пойдемъ, возьмемъ его. Я умѣю отлично обращаться, если я артиллеристъ».

Пошли въ складъ, а тамъ вмѣсто пулемета, труба глиняная.

Пріѣхали къ ночи изъ Камышина эс-эры.

— Что хорошаго?.

— Ничего нѣтъ!

— Что думаете дѣлать?

Кто-то предложилъ экспропріацію казначейства и винныхъ лавокъ, но всѣ отвергли. Потомъ, когда придутъ войска, придется бѣжать,—станутъ говорить: революціонеры деньги ограбили, сами убѣжали.

Уѣхали эс-эры домой, всѣ люди устали, разошлись, а мы караулъ держимъ. Вдругъ телеграмма отъ губернатора, отвѣтъ: «Ѣду самъ съ казаками и пулеметами. Толпа будетъ выселена, если не выдастъ зачинщиковъ».

Шарахнулся народъ. Я говорю: коли хотите выдавать зачинщиковъ, меня выдайте.

— Не надо, — кричатъ. — Ничьей вины нѣтъ. Всѣхъ пусть берутъ.

24-го числа солдаты пришли, патрули, полиція. Исправникъ и все начальство. Что дѣлать? Толпа собралась на площади передъ волостнымъ правленіемъ. Старики выборщики, отъ нихъ никакого толку нѣтъ. Товарищи подошли. Тотъ урядникъ и сапожникъ десятскій, еще сынъ земскаго молодой. Я пришелъ: незадолго передъ тѣмъ въ Дубовкѣ полицію разоружили, тоже всѣмъ народомъ, молодежь руководила. Потомъ, какъ пришли казаки, стали избивать, реакція пошла противъ насъ.

— Красныя рубахи,—говорятъ,—подбили, а сами убѣгли. Такъ хорошіе люди не дѣлаютъ.

Я подумалъ объ этомъ и пошелъ къ исправнику.

— Я съ вами желаю говорить.

— А я не желаю.

— Ежели администрація ищетъ зачинщиковъ, такъ пусть меня арестуютъ.—Тутъ сапожникъ подошелъ.—И меня тоже пусть арестуютъ.

А исправникъ разсердился.—Не ваше дѣло указывать. Не хочу арестовывать. Извольте выйти вонъ.

Я вышелъ, вошелъ въ волостное правленіе, а что дѣлать, никто не знаетъ, хоть убей. Тутъ еще мальчикъ 18 лѣтъ, говоритъ:

— Меня тоже пусть арестуютъ, но только я застрѣлю себя. Прошлый разъ брали меня, избили сильно, лежалъ, теперь не дамся живой.—И револьверъ показываетъ.

Товарищъ ему говоритъ:—Чѣмъ себя убивать, лучше убей другого и тебя пусть убьютъ. Пользы больше будетъ.

Никого онъ не убилъ, плохенькій револьверишка, системы Лефоше.

26-го вечеромъ переѣхали мы въ Камышинъ, спрашиваемъ мѣстныхъ эс-эровъ.—Ну, какъ у васъ?

— Эхъ вы, говоримъ, тетери, прозѣвали моментъ, не поддержали.

— У насъ,—говорятъ,—нѣтъ никакой почвы.

На утро часовъ въ 8 слышимъ. Набатъ, стрѣльба, вотъ тебѣ и нѣтъ почвы.

Вели партію ссыльныхъ черезъ площадь, мальчишки собрались, стали камнями кидать, стражники ружья вздѣли, стрѣлять не стрѣляли, а одного ранили; народъ осмѣлѣлъ, пошла потѣха. А отъ городской думы продавали червивое мясо. Кричатъ: «сжечь думу!»—«Ой, батюшки, не жгите!» «Выпустить всѣхъ заключенныхъ!» Выпустили. «Разбить тюрьму!».

Толпа народа идетъ къ площади и къ ружейнымъ магазинамъ. А тамъ стражники стоятъ поперекъ улицы въ казацкихъ мундирахъ для большаго страху. Ружья на изготовкѣ, каждую минуту могутъ разстрѣлять толпу, какъ стадо воробьевъ.

Что тутъ дѣлать? Видимъ: складъ земледѣльческихъ орудій, вѣялки, плуги, бороны. Давайте, оградимъ себя отъ стражниковъ. Стали строить баррикады всѣмъ міромъ. Повалили столбы, проволока, бочки вытащили, старыя повозки. Въ одинъ часъ сорокъ баррикадъ построили, весь городъ загородили. А потомъ опять ротъ разинули, не знаютъ, что дѣлать, ищутъ начальника.

А начальника нѣтъ.

Собрался комитетъ. Все молодежь, ни одного нѣтъ старше двадцати лѣтъ. Стали составлять планъ кампаніи: подадимъ всероссійскій сигналъ, зажжемъ всю Волгу и Каспійское море.

Тащатъ винтовки, забрали оружіе изо всѣхъ магазиновъ. Однихъ винтовокъ полторы сотни.

Говоримъ, нужно захватить цейхгаузъ, а стражникамъ предложить уйти, не то аттаковать ихъ.

Черносотенцы стрѣляли изъ оконъ, убили мальчика. Я пошелъ парламентеромъ.

Навязалъ бѣлый платокъ на саблю. Приставъ верхомъ на конѣ, такимъ героемъ.

— Народъ предлагаетъ вамъ очистить поле.

— Я поѣду посовѣтоваться съ высшимъ начальникомъ, съ исправникомъ.

Я сталъ держать рѣчь къ стражникамъ.—Кто за народъ?—ни одинъ.

— Будете стрѣлять въ народъ?—Молчатъ, мычатъ. Что дальше дѣлать? А у цейхауза пѣхота. Опять мы пошли. Гдѣ-то на третьемъ дворѣ, у чорта на куличкахъ, рота выстроена и два офицера.

— Народъ желаетъ получить оружіе!..

— Это не возможно. Насъ поставили оберегать весь этотъ складъ. Вы перейдете только черезъ наши трупы.

— Ну, такъ дайте обѣщаніе не стрѣлять въ народъ.

— Охотно обѣщаю, даже клянусь не стрѣлять въ нашихъ братьевъ.

— Позвольте сказать рѣчь солдатамъ.

— Я самъ скажу.

И вправду сказалъ, хорошую рѣчь, честную. А мы имъ ура прокричали. Пошли оттуда, слышимъ залпъ. Стражники стрѣляютъ. Убили одного. Наши тоже открыли пальбу по нимъ, но никого не убили. До четырехъ часовъ была стрѣльба, были убитые, но не изъ дружины, а случайные. Одинъ старикъ пьяный выскочилъ на улицу, грудь раскрылъ.—«Вотъ я народъ. Бейте меня!» Его и убили. Еще старуху нищую.

Ранили многихъ.

А стражники всѣ цѣлы.

Къ вечеру собрался совѣтъ, рѣшили: казначейства и лавокъ винныхъ не трогать, оградить себя отъ войскъ, не пускать пароходы, взорвать желѣзную дорогу. Стражниковъ выкурить и отомстить, бросить имъ бомбу въ окно.

Желѣзную дорогу поручили мнѣ. Я взялъ помощниковъ, пошелъ къ начальнику депо.

— Дайте паровозъ!

— А разрѣшеніе есть?

Я вынулъ браунингъ и поднесъ къ самому его носу.

— Вотъ мое разрѣшеніе!

Онъ топорщится, жена подскочила: «Ахъ, Вася, что ты, дай паровозъ!»

— Даю пять минутъ на размышленіе, не то...

Далъ записку въ депо. Поѣхали на паровозѣ. Отъѣхали верстъ пять, стали разрушать шпалы. Мучались, мучались, всѣ ноги въ кровь изломали, двѣ шпалы сдвинули съ мѣста.

Желѣзнодорожный писецъ съ нами былъ за эксперта, говоритъ:— Теперь довольно; не пройдетъ воинскій поѣздъ.—Уѣхали назадъ, а черезъ четыре часа пришелъ товарный поѣздъ и отлично прошелъ.

Комитетъ въ городѣ дѣйствовалъ; была одна дѣвушка, всѣхъ бойчѣе, даже съ бомбами возилась. Одну бомбу соорудили, дрянь бомба, никуда не годная. Подкрались ночью къ казармѣ, бросили въ окно, она не взорвалась. Ждутъ, пождутъ, все тихо. Мелкими шагами подошли къ окну. Никого нѣтъ. Стражники ушли въ казарму къ солдатамъ и тамъ заперлись съ ними. Наши собрали оружіе въ казармѣ, шашки, револьверы, унесли къ себѣ. Пошли по улицамъ. На улицахъ нѣтъ людей, всѣ обыватели спятъ дома, одни милиціонеры ходятъ, какъ неприкаянные.

Вдругъ выстрѣлъ. Одинъ молодой человѣкъ влѣзъ на фонарь тушить огонь, а винтовка за плечами. Выстрѣлилъ нечаянно, самъ себя убилъ, самый энергичный изо всѣхъ.

Упали духомъ послѣ того. Думаемъ: завтра пріѣдутъ войска. Посмотрѣли другъ на друга, пошли припрятали оружіе, расцѣловались и разошлись по домамъ. А самые видные сѣли на пароходъ и уѣхали. Одинъ пароходъ, дѣйствительно, не причалилъ, прошелъ мимо. Другой ничего не зналъ, присталъ, сталъ выгружаться, потомъ ушелъ въ Царицынъ и насъ увезъ.

Утромъ пріѣхалъ Масальскій съ своими пулеметами и казаками. Цѣлый день войска передвигались и занимали позиціи. Потомъ начались аресты, какъ водится, людей непричастныхъ. Человѣкъ сорокъ сидитъ до сихъ поръ. Собираются судить, да все тянутъ, откладываютъ...

Да, хотѣли зажечь Волгу и Каспійское море, но не зажгли...

II.

Шпагинъ.

Я видѣлъ Шпагина мелькомъ почти два года тому назадъ въ Сормовѣ близь Нижняго-Новгорода. Дней свободы еще не было, но уже было ихъ предвкушеніе, и на боевомъ многолюдномъ заводѣ, несмотря на тяжелую работу, собранія происходили каждый день, а по воскресеньямъ два раза въ день.

Излюбленное мѣсто было на лужайкѣ въ лѣсу, недалеко отъ больницы. Собирались молодые и старые, дѣвушки, женщины съ дѣтьми на рукахъ, даже старухи съ чулкомъ и спицами.

Всѣ разсаживались огромнымъ кругомъ, а ораторъ становился въ центрѣ на бугорокъ и говорилъ, поворачиваясь на всѣ четыре стороны.

Обсуждались партійныя программы и шелъ непрерывный споръ между эс-деками и эс-эрами. Со стороны эс-эровъ выступалъ молодой человѣкъ, острый, какъ кинжалъ, худощавый и пронзительный. Онъ пользовался большимъ успѣхомъ. Изъ эс-дековъ всѣхъ успѣшнѣе выступалъ ораторъ Лопата, получившій это прозвище за окладистую бороду.

Шпагинъ сидѣлъ въ кругу вмѣстѣ съ другими и внимательно слушалъ. Онъ болѣе сочувствовалъ Лопатѣ. Лицо у него было блѣдное; волосы бѣлокурые и словно посыпанные пылью; странные, прозрачные, неподвижные глаза. Видъ у него былъ хлипкій и онъ часто хватался за грудь. Въ немъ былъ какой-то вялый энтузіазмъ, унылое восхищеніе смѣлыми словами оратора эс-дека.

Съ тѣхъ поръ онъ нисколько не измѣнился, и когда я встрѣтилъ его въ Государственной Думѣ, у него было тоже блѣдное лицо и болѣзненный видъ.

— Усталъ я отъ этой жизни,—сказалъ онъ почти съ первыхъ словъ,—отъ выборныхъ собраній, отъ полицейскихъ прижимокъ, отъ всѣхъ разговоровъ. А отдохнуть некогда...

Впрочемъ, когда я вызвалъ его на разговоръ, онъ охотно разсказалъ мнѣ свою біографію.

— Мнѣ 27 лѣтъ,—говорилъ онъ неторопливо и какъ будто думалъ о другомъ,—женатъ, имѣю четырехъ дѣтей. Женился на двадцатомъ году, былъ ратникомъ ополченія, на службу не пошелъ, оттого и женился рано, не былъ еще сознательнымъ.

Отецъ мой крестьянинъ Нижегородской губерніи, Ардатовскаго уѣзда, деревни Тамаевки; земли у насъ очень мало. Раньше онъ тоже въ городѣ работалъ; когда состарился, вернулся въ деревню. Теперь живутъ тамъ въ самомъ плачевномъ положеніи. Только я немного помогаю.

До десяти лѣтъ я жилъ въ деревнѣ, въ школу никогда не ходилъ. Грамотѣ научился отъ мальчика товарища. Ему было восемь лѣтъ, на два года меньше, чѣмъ мнѣ. Онъ мнѣ показывалъ буквы и склады. Страшно учиться хотѣлось, но денегъ не было, да и не успѣлъ я.

Отецъ мой работалъ возлѣ Нижняго въ кирпичныхъ сараяхъ. У насъ пришелъ неурожай. Дѣдъ взялъ да и выгналъ меня съ мамкой изъ дому. Говоритъ: «на васъ хлѣба нѣту».

Собрались мы, поѣхали къ отцу. Была зима, холодно. Отецъ работалъ на кирпичномъ заводѣ по пяти рублей въ мѣсяцъ на всемъ на своемъ. Нашли уголъ за полтинникъ, хуже собачьей конуры, такъ и жили до тепла. Лѣто пришло, стали кирпичъ дѣлать. Отецъ взялъ меня въ работу, наравнѣ съ большими. Трудная работа, каторжная. Голые, безъ рубахъ. Съ трехъ часовъ утра до девяти часовъ вечера, и я тоже такъ. Опять пришла зима, нѣту ни работы, ни мѣста, хоть на пять рублей въ мѣсяцъ. Отецъ выправилъ билетъ, поѣхали въ Пермскую губернію, по дорогѣ слѣзли на пристани Березовка. Конецъ октября, дождь, слякоть, мы босые, раздѣвши. Ушли въ сторону за 100 верстъ,—былъ тамъ заводъ пивоваренный—искать работы. Ничего не нашли. Послалъ меня отецъ вмѣстѣ съ братишкой меньшимъ, просто сказать, милостыню сбирать подъ окнами. Самъ ударился еще за полтораста верстъ искать тотъ же кладъ, работу. Ничего не нашелъ, вернулся. Продали перину, нашли татарина, поѣхали въ Осу. Оттуда въ Пермь, а тамъ еще дальше въ Усолье. Березниковскій заводъ, соду дѣлаютъ. Добрались туда, совсѣмъ ничего не стало, отецъ пошелъ къ директору, палъ на колѣни, проситъ принять хотя ради чернаго хлѣба. Послѣ того его приняли на работу.

Первые два мѣсяца не хватало на жизнь. Мы всетаки ходили подъ окнами, сбирали куски. Отецъ получалъ пятнадцать рублей въ мѣсяцъ, на харчи не хватало, все дорого. Потомъ отцу стало стыдно отъ милостыни, онъ далъ мнѣ дѣло: выгружать уголь. Съ

восьми часовъ утра до часу дня выгрузить и выбросать вагонъ угля, цѣлыхъ 600 пудовъ. А было мнѣ 12 лѣтъ отъ роду, иной кусокъ я поднять не могъ. Отъ непосильнаго труда согрѣешься, вспотѣешь, одежа въ лохмотьяхъ, простудишься. Стали у меня ноги отниматься, къ веснѣ не способенъ былъ работать. Отецъ, видя, что ему одному не управить на харчи, всетаки послалъ меня на другую работу, къ бассейну съ ѣдкимъ натромъ. Два мѣсяца я служилъ при бассейнѣ. Однажды въ ночь легъ спать на крышѣ надъ бассейномъ, а крыша покатая,—чуть внизъ не скатился. Увидѣли, прогнали.

Въ то время открывался въ Екатеринославской губерніи Любимовскій заводъ каустической соды. Просили опытныхъ людей для варки каустика. Тогда туда командировали отца. Онъ былъ малограмотный, но проворный,—переимчивый, на всѣ руки мастеръ.

Когда мы пріѣхали, еще соду не варили, отецъ сталъ работать, выгружать соль, меня опять приняли на самую черную работу. Я крѣпко мучился ножной болѣзнью, насилу ходилъ. Тотъ же пермскій директоръ, который выписалъ насъ, встрѣтилъ меня на дворѣ.— Отчего на тебѣ лица нѣтъ. Очень тяжело работаешь?..

— «Не могу—больной».—«Ну хорошо, я тебя уволю. Скажу отцу поставить въ мастерскую».

А отецъ не хотѣлъ, въ мастерской ученику меньше платили, копѣекъ тридцать, пятьдесятъ.

Директоръ погрозилъ совсѣмъ уволить, поневолѣ отецъ согласился.

Отдалъ меня въ слесарную мастерскую, на 13 году отъ роду. Мы работали, какъ взрослые. Закона о малолѣтнихъ не было. Но всетаки легче было, чѣмъ черная работа. Сталъ я слесаремъ, черезъ полгода получилъ прибавку, потомъ опять.

Работалъ съ 93-го по 99-ый. Условія труда были ужасныя. Содовая пыль и газъ такіе въѣдчивые, масса людей померли, не доживши до 30 лѣтъ. Сталъ я проситься у отца въ другое мѣсто, но онъ не пускалъ, ругается, драться хотѣлъ. Тогда, не имѣя надежды, я пришелъ въ отчаянность, сталъ скандалить, въ разговорѣ съ механикомъ грубости нанесъ,—это чтобъ выгнали меня. Отецъ въ то время былъ старшимъ мастеромъ надъ содовыми рабочими, получалъ 90 рублей въ мѣсяцъ. Я зарабатывалъ поденно рубль въ день, готовыя деньги. Потому онъ не хотѣлъ ихъ потерять. Отецъ пошелъ къ механику, сталъ кланяться, механикъ простилъ меня, но я опять обострилъ, мастеру нашему отомстилъ, — черносотенный мастеръ,—да еще пригрозилъ ему, билъ на увольненіе.

Тогда отецъ плюнулъ и отпустилъ меня на всѣ четыре стороны. Я поѣхалъ въ Сормово, съ трешницей въ карманѣ, обошелъ всѣ заводскіе цеха, поступилъ въ механическій цехъ, за плату 90 копѣекъ въ день. Черезъ четыре мѣсяца женился на дочери рабочаго, мѣстнаго жителя. Потомъ попалъ помощникомъ машиниста

на волжскій пароходъ. Безъ привычки, жара, пароходъ скверный, команды мало, ночью и днемъ вахты, а на стоянкахъ ремонтъ. Десять мѣсяцевъ проработалъ, по слабости здоровья уволился, вернулся въ Сормово. Тутъ сталъ читать прокламаціи с-д. и с-р. Читая, во многомъ находилъ, что это правда. Сразу перешелъ на ту сторону,—нищій, больной, ничего нѣту. Потомъ задумался, гдѣ достать книгъ, чтобы уяснить? Почему оно—вредный строй? Нельзя ли путемъ просьбы и мирныхъ переговоровъ добиться улучшенія? Сошелся съ добрыми людьми. Иванъ Михайловичъ Покровскій, который былъ учителемъ моимъ, состоятельный рабочій, имѣлъ собственный домъ въ Сормовѣ. Въ зимніе вечера засиживались за полночь, вели разговоры. Много книгъ, я читалъ съ жадностью. Что непонятное, онъ объяснялъ, вырабатывалъ критеріи мнѣній. У него не было марксистскихъ убѣжденій. Книги философскаго содержанія и беллетристика, но не было книгъ для классоваго самосознанія по главному вопросу.

Столкнулся съ другими, вошелъ въ организацію, самъ распространялъ, что прежде казалось страшнымъ. Тотъ пылъ увлеченія былъ настолько великъ, что никакая тюрьма не могла испугать меня. Какъ будто крылья у меня выросли. Сознанія яснаго не было, только горячее желаніе участвовать въ освобожденіи рабочаго класса отъ гнета.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1902 года была первая демонстрація, 1-го мая. Я не могъ рѣшить своего участія, но когда день наступилъ, стали дожидаться. Большая дорога наполнилась народомъ, явилась кучка отважныхъ молодыхъ людей; развернувъ знамя, пошли по улицѣ. Я былъ близко, имѣлъ впечатлѣніе величайшаго событія. Явились войска, аттаковали, арестовали вождей, Заломова, Михайлова, Самыгина. Послѣ этого я вступилъ въ партію.

Распространялъ ученіе, самому новое; но что получалъ, передавалъ другимъ.

Въ ратникахъ былъ, проповѣдывалъ противъ милитаризма среди ратниковъ. Такъ было до августа мѣсяца 1904 года. Администрація Сормовскаго завода вывѣсила штрафную табель. Видя наглость ея и желаніе прижать рабочихъ, мы повели агитацію, чтобы устроить протестъ. Сорвали табель. Черезъ два дня опять ее вывѣсили. Тутъ рабочіе возмутились. Администрація уперлась. Пріѣхалъ инспекторъ, сталъ уговаривать. Но инспекція неоднократно являлась частью сыскного отдѣленія. Кто обращался къ инспектору, онъ говорилъ успокоительно, а самъ передавалъ по телефону администраціи, и того увольняли. Оттого было недовѣріе къ инспекціи, Стали спорить. Инспекторъ заявилъ отказъ по статьѣ закона. Тогда рабочіе заявили забастовку.

12-го августа мы приступили къ забастовкѣ, сговорились собраться на улицѣ за мастерскими. Вышли изъ механической, обошли цеха, 12.000 человѣкъ всѣ прекратили работу. Явилось войско,

жандармы, прокуроръ, вице-губернаторъ, — мы не уступали. Выстроили войско, полковникъ съ рѣчью обратился, изливалъ бранное краснорѣчіе,—безъ вліянія. Закричали: не уйдемъ отсюда, если не снимете табель.

Полковникъ сказалъ офицеру взять ружья на изготовку; подали сигналъ.

Рабочіе, видя это, закричали: «садитесь, товарищи!» Сѣли на землю, безмольно дожидаясь момента. Полковникъ сказалъ офицеру: впередъ колонной! Скомандовалъ: шагомъ маршъ! Солдаты врѣзались, стали отдѣлять кучками, загоняли въ цеха. Переднихъ разогнали, задніе сами разошлись.

На другой день то же самое. Сѣли на землю, но насъ разогнали. Собравшись толпою, пошли по улицѣ съ крикомъ: «да здравствуетъ стачка». Сто человѣкъ конной полиціи стали избивать толпу нагайками. Тутъ я въ первый разъ увидѣлъ кровь на улицѣ. Перестали на улицу выходить. Огромныя собранія въ лѣсу. Первая недѣля была дружная, вторая хуже. Правленіе объявило: всѣ желающіе пусть записываются. Въ воскресенье я былъ арестованъ, отправленъ къ приставу. Продержалъ до 12 часовъ ночи, выпустилъ. Я продолжалъ вести агитацію. Черезъ недѣлю опять арестовали, увезли въ тюрьму. Жандармы грозили:—въ Архангельскую губернію. На пятый день отпираютъ дверь камеры—свободенъ. Скажи спасибо: манифестъ, наслѣдникъ родился. Тогда я уѣхалъ въ Казань искать работы, поступилъ на заводъ Крестовникова. Въ Сормовѣ забастовка сорвалась, но потомъ администрація пошла на уступки.

У Крестовникова зарабатывалъ 25 рублей въ мѣсяцъ. Трудно было жить съ семействомъ. Но жили. Я организовалъ кружки рабочихъ, водилъ ихъ на собранія, студентовъ находилъ читать имъ лекціи, свое образованіе продолжалъ, исторію, географію, политическую экономію, спустился глубже въ соціализмъ.

Черезъ четыре мѣсяца навели справку въ Сормовѣ, уволили съ завода безъ объявленія причинъ. Слѣдили за мной шпики ночью и днемъ. Я поступилъ на другой заводъ къ Алафузову. Январскія событія въ Петербургѣ вызвали движеніе и въ Казани. 20 января было собраніе въ ресторанѣ Ожигова—800 человѣкъ. Я въ первый разъ выступилъ на гражданскую трибуну,—призывалъ студентовъ идти въ темныя массы, просвѣщать и вести къ борьбѣ съ произволомъ и насиліемъ.

У Алафузова устроилась стачка, поддерживали рабочихъ деньгами, руководили. Полиція стала справляться, пришлось мнѣ удалиться. Записали меня въ полицейскую черную книгу. Ушелъ назадъ въ Сормово, пошелъ въ заводъ. Сперва отказали: не нуженъ, но товарищи остановили работу въ механическомъ цехѣ, тогда приняли. Пришли дни свободы. Что было въ Сормовѣ, знаете, должно быть, изъ газетъ. Во всемъ и я участвовалъ. Послѣ де-

кабрскихъ событій уѣхалъ въ деревню. Черезъ двѣ недѣли урядникъ справляться сталъ, я убѣжалъ въ городъ. Травятъ нашего брата, какъ волка въ полѣ. Покинулъ семейство, сталъ скитаться, прятаться, до самаго мая не могъ работы найти. Взялъ и уѣхалъ въ Пермь, поступилъ въ желѣзнодорожныя мастерскія, вступилъ въ организацію. Опять агитація, сходки, собранія въ лѣсу. Рабочіе меня приглашали въ разныя мѣста говорить рѣчи.

Въ январѣ начались выборы, намѣтили меня. На выборномъ собраніи 7-го января я выступилъ съ рѣчью за кандидатовъ россійской соціалъ-демократической рабочей партіи.

— Вы, стало быть, партійный соціалъ-демократъ?—спросилъ я.

— Какъ же, шестой годъ въ той же партіи. Старый другъ лучше новыхъ двухъ...

— А что, большевикъ или меньшевикъ?

— Я этого не разбираю и не хочу разбирать. Просто соціалъ-демократъ.

— А какъ вы насчетъ земли?

— Я признаю му-ни-ци-па-ли-зацію земли,—онъ не безъ усилія проскандировалъ по слогамъ это длинное и мудреное слово.—На мѣстахъ виднѣе будетъ.

— Вѣдь и народники хотятъ передать аграрный вопросъ на мѣста,—замѣтилъ я.

— Я знаю,—сказалъ Шпагинъ,—аграрная программа, пожалуй, у обѣихъ партій одна.

— То есть какъ это?—послѣднее утвержденіе показалось мнѣ для соціалъ-демократа еретическимъ.

— Видишь,—сказалъ Шпагинъ не совсѣмъ увѣренно,—я насчетъ крестьянства, правду сказать, сомнѣваюсь. Какъ оно будетъ послѣ удовлетворенія острымъ нуждъ. По моему это зависитъ отъ формъ землепользованія. Можетъ, имѣя возможность просвѣщенія, поймутъ общность своихъ интересовъ съ рабочими.

— Что-то похоже на эс-эровъ,—сказалъ я шутливо.

— Это они на насъ похожи,—живо возразилъ Шпагинъ.

— Намъ предлагали присоединиться къ народническому блоку,—продолжалъ Шпагинъ,—говорили:—разница не такъ большая между нами и вами.

А мы дали отвѣтъ: коли разница не такъ большая, то присоединяйтесь лучше вы къ намъ.

Глаза его сверкнули упрямымъ блескомъ и снова погасли. Очевидно, это былъ дѣйствительно партійный эс-декъ.

— А что вы думаете насчетъ коституціонной монархіи,—перешелъ я къ другому вопросу.

— Конечно, я согласенъ. Была бы свобода. Намъ было бы хорошо. Республика въ идеалѣ...

Если это былъ партійный эс-декъ, то эс-декъ оригинальный, какъ всѣ рабочіе.

— А какъ вы полагаете насчетъ Думы?

— Я не надѣюсь на Думу, что будетъ существовать. Правительство не дастъ прояснить народное сознаніе. Что будетъ, тактики не представляю себѣ. Населеніе поддержало бы, но теперь врядъ ли: не за что. Ничего не дѣлая, не можемъ привлечь симпатій, а дѣлать не даютъ. Заколдованный кругъ.

— Этой Думѣ будетъ конецъ, но спокойствія не будетъ. Рабочіе и крестьяне безъ уступокъ не отстанутъ. Раззоренье будетъ. Я думаю, затишье будетъ временное, накапливаться будетъ. Учесть время не могу, не въ предѣлахъ моихъ, но бывали времена хуже.

— Среди пролетарскихъ массъ нѣтъ упадка духа. Многіе только теперь пробуждаться стали. На Уралѣ теперь стачки начались и дружно идутъ. И даже уральскій пролетаріатъ могъ бы выступить и поддержать Думу, кабы другіе поддержали. Его сила еще не расходовалась.

— Правительство врядъ ли сумѣетъ задавить все. Пламя ненависти велико и жжетъ; вездѣ горючій матеріалъ.

— Пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ,—сказалъ я.

— Это вы про что,—переспросилъ Шпагинъ,—про смуту, и рѣзню, и военно-полевые суды... А я вамъ скажу: все это пустяки. Оцѣживаютъ комара, а верблюда оставляютъ. Пускай катаютъ. Когда-нибудь устанутъ. А жить намъ теперь не хуже прежняго. Ждать мы можемъ. Мы долго ждали. У насъ терпѣнья побольше, чѣмъ у Куропаткина.

У него былъ тотъ же унылый тонъ, но рѣчь дышала силой и увѣренностью въ побѣдѣ. Въ сущности говоря, онъ былъ правъ. Хуже прежняго не будетъ. Мы можемъ терпѣть и ждать и дождаться очереди.

III.

Кабаковъ.

Кабаковъ—мужчина крупнаго роста и мрачнаго вида, съ окладистой сѣдоватой бородой. Зовутъ его Гаврило Ивановичъ, отъ роду ему 56 лѣтъ, шесть разъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, одинъ разъ — пять съ половиной мѣсяцевъ, другой разъ—цѣлыхъ двадцать два мѣсяца; боюсь, что его счеты съ тюрьмой еще не покончены.

Въ прошлой книжкѣ съ чужихъ словъ я назвалъ его вятскимъ депутатомъ. Извиняюсь за свою ошибку. На дѣлѣ, онъ депутатъ Пермской губерніи, Верхотурскаго уѣзда, родомъ изъ села Алапаевки, Нейво-Алапаевской волости.

Кажется, это всѣ необходимыя предварительныя свѣдѣнія. Впрочемъ, приведу еще одно:

— Какой вы партіи?—спросилъ я его въ началѣ нашего разговора.

— С.-р., — отвѣтилъ онъ глухимъ басомъ, потомъ немного подумалъ и прибавилъ: — но записался я въ трудовую группу, потому наши крестьяне боятся этого слова: с.-р.; думаютъ, — гдѣ эсъ-эры, тамъ непремѣнно съ перваго слова бомбы, динамитъ. А въ Думѣ какой динамитъ, сами видите?..

— И даже крестьянскаго союза опасаются думскіе крестьяне,— продолжалъ Кабаковъ,—говорятъ: сколько людей въ тюрьмѣ сидѣло и въ Сибирь пошло за этотъ союзъ. Пиши насъ въ трудовую группу. Ее начальство еще не очень трогало...

Помимо вопроса о партійности, Кабаковъ оказался человѣкомъ весьма конспиративнымъ.

— Я вамъ всего не разскажу,—повторялъ онъ съ хитрой улыбкой,—у меня есть вещи весьма секретныя.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ часть этихъ секретовъ постепенно открылась. Для нашего бурнаго времени они оказались довольно невиннаго свойства. Они относились къ очень любопытной попыткѣ самопроизвольной организаціи населенія, которую «всѣ одобряютъ, мужики и бабы и даже земскій начальникъ и околоточный надзиратель».

Впрочемъ, Кабаковъ никакъ не могъ отказаться отъ своей скрытности.

— Ежели будете писать,—попросилъ онъ,—сдѣлайте такъ, чтобы не упоминать моего имени.

— А въ Думѣ какъ, — спросилъ я не безъ изумленія, — васъ, вѣдь знаютъ по имени.

— Въ Думѣ мы всѣ гуртомъ!..

Русскій мужикъ такъ воспитанъ исторіей, что даже, дойдя до эс-эрства, боится быть «зачинщикомъ» и предпочитаетъ потонуть въ толпѣ.

Я постарался увѣрить Кабакова, что не упоминать его имени совершенно невозможно.

— Наша деревня Алапаиха, — разсказывалъ Кабаковъ, — одна во всей округѣ, много перенесла, много за правду стояла, а начальство ее воевало.

Формула была своеобразная, чисто русская. Деревня стояла за правду, а воевало ее начальство.

Кабаковъ, однако, не мало гордился строптивымъ духомъ своей родины:

— Геройская деревня. Недаромъ ее сосѣди теперь такъ и называютъ: Орлиное гнѣздо. Началось это съ самаго 61 года. Мы были больше ста лѣтъ въ крѣпостномъ правѣ при Алапаевскомъ заводѣ.

Когда отпустили насъ на волю, заводское управленіе намъ не дало ни земли, ни покосовъ. Говоритъ: «Живете на моей дачѣ, платите мнѣ оброкъ». Оброкъ не малый, десять рублей съ души.

Мы зашумѣли, не схотѣли платить. «Какъ же мы живемъ на

твоей дачѣ, когда мы пришли сюда въ исконныя времена, распахали землю и платили подесятинную подать, десятый снопъ съ поля?.. Вы насъ нашли земледѣлами, окультурованными людьми».

Потому мы были особенные люди и все знали изъ поссессіоннаго права. Была старинная книга въ селѣ Мурзукѣ. Тамъ выпись была. А у насъ старики были, больше ста годовъ, помнили умомъ, безъ письма.

Не стали мы давать оброку, да и не изъ чего было. Въ томъ году весь хлѣбъ позябъ, нисколь не собрали. Изъ-за спора заводъ заперли. Работы не было. Голодали настояще, не какъ нибудь. Это день, два голодать пустяки, ничего не замѣтно.

Былъ Семенъ Кондратьевичъ, тоже Кабаковъ. Семья большая. День не ѣвши, два не ѣвши. На третій день хочетъ идти поработать, станетъ одѣваться, не можетъ въ рукавъ попасть, падаетъ.

А они оброкъ ищутъ, казаковъ посылаютъ, стегаютъ, не какъ нибудь, по сту разъ, почти на смерть. Мнѣ въ то время было лѣтъ 17—18, я служилъ десятскимъ. Идешь на площадь, бывало, свѣжихъ метелокъ беремя несешь — всѣ измочалютъ. Это меня смущало, оскорбляло. За что насъ тиранятъ, какъ Иродъ младенцевъ?

Не стали мы платить. Началась у насъ война годъ за годъ. Бывало, услышимъ, начальство ѣдетъ: отецъ меня мальчишку сейчасъ въ лѣсъ прогонитъ, все имущество, скарбъ, лошади, коровы. По два, по три дня на морозѣ спали, огня не смѣли развести, — такая свобода.

Придетъ вся воинская свита, казаки обойдутъ деревню, увидятъ: стѣны однѣ, плюнутъ, уйдутъ; если найдутъ чего, съ собой унесутъ—тутъ и весь оброкъ. Разъ помню, цѣлый народъ въ лѣсу спасался, бабы, дѣвки; балаганы (шалаши) поставили, а казаки ихъ нашли. Весь скотъ угнали, что было обобрали, платки съ бабъ дерутъ. Плачь, ссора.

Я всегда былъ на одинѣ. Забирался въ чащу, сберегалъ свою скотину.

Такъ оно и пошло. Потомъ, когда заводъ открылся, стали изъ разсчета удерживать за оброкъ, но народъ стоялъ противъ этого.

Пріѣзжали слѣдователь, исправникъ, становой приставъ усмирять насъ. Я тогда уже былъ женатый.

— Подпишитесь?

— Не подпишемся.

— Подпишетесь?

Пришлось мнѣ тогда выступить, указать. — Это у васъ безъ поссессіоннаго права такіе тяжкіе оброки.

Когда я указалъ, захватили меня казаки и еще товарища, братъ средній, посадили въ арестантску, въ Алапаевскій заводъ. Ночевали, знаемъ, что стегать станутъ. А въ то время стегали не маленьку, а безъ всякаго милосердія.

Старика Семена Кондратьевича вовсе застегали, а Евсеевъ, Андрей Ѳедоровъ, самъ задавился. Шестьдесятъ разъ стегнули. — «Давай оброкъ!». «Я гдѣ возьму?» Второй разъ то же. Въ третій разъ пришло, говоритъ: «денегъ нѣтъ, взять неоткуда, пойду задавлюсь...»

Мы съ братомъ встали въ пять часовъ утра, послали къ другому брату, въ заводѣ жилъ... разсказывать такъ все, вѣдь убивали насъ, — пришли, молъ, намъ полштофъ вина.—Выпьемъ это, будетъ легче вынести.

Когда выпили полштофъ изъ горлышка, на умѣ другое стало. Не лягемъ ни почемъ. Силой сумѣютъ, пущай. Тотъ былъ тоже здоровый мужикъ. А предо мной ничего не стоитъ. Кулакомъ гвозди загонялъ.

Посылаютъ за нами: идите въ волость. Исправникъ задаетъ вопросъ:—Согласны оброкъ?—Спросите общество!..

Оскорбился.—Я васъ спрашиваю!.

— Берите, стегайте ихъ.

— А какъ безъ постановленія?—Я воленъ безъ постановленія.— Нѣтъ, мы не лягемъ. Присуди напередъ, поскольку стегать.

Стали за руки хватать, не могли. Мы разбросали стражниковъ и казаковъ.

— Вы бунтовщики?—А мы руки повѣсили.—Ты видишь, мы не бунтуемъ. А не лягемъ безъ постановленія...

Бились, бились. Говоритъ: засадить ихъ назадъ въ холодную. Съ часъ времени посидѣли, выпустили насъ. Хотѣлъ достать насъ въ Верхотурье, уѣхалъ, не досталъ. Ни разу потомъ выдрать не могли. Съ тѣхъ поръ моя вѣра къ начальству теряется. Какой же начальникъ, если выдрать не умѣетъ?..

Выбрали двухъ стариковъ изъ пяти волостей, послали въ губернію. У насъ ихъ вовсе съѣли. Потомъ искали, не нашли; въ одиночкѣ замучены. Стало смущать меня. Въ церковь придешь, становой впереди всѣхъ стоитъ, Богу молится. Только что двадцать человѣкъ отстегалъ,—ему крестъ подносятъ. За что же это? Онъ кровопійца народу, ему кнутъ поднести, а не крестъ. На насъ христіанъ, пригоняютъ народы дикостѣнные, казаковъ, киргизовъ, калмыковъ. — «Мы русска бьемъ!» — больше ничего говорить не умѣютъ. А такъ накладываютъ намъ, — шутъ ихъ возьми, — шея трещитъ. Закону вѣры нѣтъ. Была мѣстность Рѣдка, изстаринная наша, стало заводоуправленіе отбирать. Тягались, упирались, въ сенатъ подавали. По суду оправдали, а все равно отобрали. Оттого закону вѣры не стало.

Такая была наша крамола неграмотная, а потомъ пришла и грамотная. У меня теперь сынъ студентъ, дочь со среднимъ образованіемъ, а было когда то время, я былъ одинъ грамотный человѣкъ въ деревнѣ. Въ пятнадцать лѣтъ грамотѣ научился отъ захожаго человѣка. Семнадцати лѣтъ я остался безъ отца. Шестеро

насъ было, три брата и три сестры, да мать седьмая. Я старшій.

Пришлось мнѣ за всѣхъ отстаивать, женить и выдавать и въ солдаты отдавать.

Тутъ было не до чтенія, да и растолковать было некому, что и къ чему.

Потомъ, какъ стало посвободнѣе, пріѣхалъ на лѣто одинъ студентъ, онъ меня познакомилъ, какая есть литература. Такъ захватило меня—вездѣ съ книжкой, на поле съ книжкой, на покосъ тоже, на заводъ робить пойдешь, книга за пазухой. Чего я не перечиталъ. Училище было въ заводѣ, оттуда книги бралъ,—Гоголя, Тургенева, Толстого, все къ одному. Удинцова поссессіонное право. Тогда поняли изъ него.

Дальше и болѣе. Пошла у насъ нелегальщина. Женева намъ много добра принесла. Зачалась пропаганда, десятичная система. Примѣрно, я собираю свой десятокъ и даю имъ ученье. Потомъ отставайте, заводите собственные десятки. Слава Богу, начало положено.

Въ то время было труднѣе, чѣмъ теперь. Меня два раза сажали въ Верхотурьи подъ арестъ. Урѣжешь хорошенько,—а я, признаться, занимался,—что нибудь скажешь покрѣпче и сядешь. А народъ дивится: отчаянная голова. Теперь меня арестовать трудно, надо роту солдатъ или двѣ, у насъ своя защита.

Въ 1902 году арестовали меня по настоящему, близь двухъ лѣтъ просидѣлъ въ тюрьмѣ. Я до той тюрьмы въ зажиткѣ жилъ, сѣялъ восемь десятинъ, могъ хлѣба продавать. Тутъ мое хозяйство стало упадать. Какъ выпустили меня, въ то время, наше дѣло пошло шире; организовали союзъ, рабочихъ и мастеровыхъ, уставъ написали, программу. Своя полиція и своя охрана. Они послали на насъ 60 человѣкъ полицейскихъ, окружить, настояще не могли, но одного взяли, Гришку Ветлугина, безъ всякаго протокола. На завтра собралъ толпу, привелъ въ Алапаевскъ. 48 человѣкъ ихней полиціи, всѣхъ разобрали, привели въ волость, пристава тоже въ волость, ни пикнуть не дали. «Освобождай!» Слова не сказалъ, освободилъ.

1 мая 1905 года было собраніе на рѣкѣ Нейвѣ. Я съ горы говорилъ рѣчь. Кричали, что надо: «долой, долой!» Честь честью. Толпа такъ разошлась, что любо, дорого. Полиція безсильна, выписали войско арестовать. У меня свои шпики, даютъ знать. Если за обыскомъ придутъ, ищите хоть до утра, ни чортовой матери не найдете. Такъ прямо имъ говорю.

14 мая коронація, заводъ не работалъ, масса народу. Я въ полѣ работалъ, пахалъ. Пришли съ войскомъ. Тутъ я пошутилъ съ полиціей: — «Съ солдатами пришли, боитесь. А какъ я одинъ васъ забралъ, безъ войска». Съ приставомъ строго заговорилъ:

— «Почему вы сѣли въ моемъ домѣ? Я вамъ не давалъ раз-

рѣшенія садиться. Ежели я съ вами говорю въ моемъ домѣ, гости незванные, прошу хозяина слушать»...

Послушалъ, всталъ.

Повели меня къ волости, народъ сошелся.—«Глядите, какъ меня форменно арестуютъ»... Тутъ меня чуть не закололи. Какъ подходили къ волости, я сказалъ: «Жаль, звону нѣту», такъ зря сказалъ. Вдругъ ударили набатъ на обѣихъ церквахъ.

— Ахъ ты, такой сякой, коли его!

Ну, я не сробѣлъ.—Коли, ничего.

На десяти тройкахъ повезли въ городъ, съ войскомъ, боялись освобождать будутъ.

Но я самъ отказалъ, чтобы не было убійства.

Пять съ половиной мѣсяцевъ просидѣлъ до 17 октября. Послѣ манифеста пошло у насъ широко. Мы основали горнорабочій союзъ. всѣ въ союзѣ; общество трезвости, хотя это и трудно. Винная лавка была, ее изъ села убрали.

Полиція и правленіе все наше. Копѣйка съ рубля заработка въ кассу союза, а у насъ заработки теперь хорошіе, даже до 4—5 рублей. Свободный гражданскій третейскій судъ, а стараго суда намъ даромъ не надо. Судъ волостной за сорокоушку весь купить можно.

Напримѣръ, тяжба идетъ, или уголовное дѣло. Собирается собраніе союза, выбираетъ шесть судей, седьмой предсѣдатель. Истецъ и отвѣтчикъ, оба имѣютъ право отвода. Потомъ стороны даютъ подписку, что согласны подчиниться. Тогда назначаютъ прокурора, защищать интересы союза и общаго права, а также защитника. За обвиняемымъ послѣднее слово.

Наказаніе только штрафы или общественныя работы, изъ этихъ штрафовъ мы уже школу построили.

Такъ оно это идетъ у насъ, что земскій начальникъ хвалитъ, урядникъ одобряетъ и полиція не вмѣшивается. Алапаевцы народъ строптивый, а живутъ въ порядкѣ, никого не трогаютъ, чего же еще.

— Передъ отъѣздомъ моимъ бабы основали союзъ женскаго равноправія, чтобы гарантировать женщину отъ мужской обиды. У нихъ свои депутатки есть: онѣ слѣдятъ, если мужикъ негодяй или обидчикъ, то баба забастуетъ, пока судъ не положитъ на него взысканія. Вотъ ужъ Евграфку наказали, Ванюху Глухова на три рубля оштрафовали за то, что стеколку вышибъ въ избѣ, а баба пожалилась...

Дѣла въ Алапаевкѣ, должно быть, идутъ дѣйствительно не дурно, ибо Кабаковъ настроенъ совсѣмъ оптимистически и переноситъ свой оптимизмъ на всю Россію.

— Ты говоришь, намъ наклали за эти семь мѣсяцевъ. Кто знаетъ, кому, едва ли не сами себѣ. Вторую Думу разогнать—вопросъ. О первую Думу ушиблись, кабы о вторую еще больнѣе не уши-

биться. Жаль правительство, неумное оно. Кого Богъ захочетъ наказать, отниметъ разумъ. Могло бы уступить чего нибудь, а оно силой. Тактика у нихъ, какъ у рогатаго быка.

— А ежели силой, то всѣхъ насъ не перебьешь. Еще насъ много останется. Всего добьемся обязательно и сами увидимъ своими глазами. Теперь стихійно идетъ, пусть виновниковъ не ищутъ, личность въ исторіи роли не играетъ.

— Мы начинали, другіе кончаютъ, не все ли равно. Меня убьютъ, еще братъ останется, братьевъ убьютъ, дѣти есть, а у дѣтей внуки, большое сѣмя Кабаковское. Одной собственной шкуры для отечества не жалко...

Стихійная Русь..

Танъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Случайныя замѣтки.

К. П Побѣдоносцевъ и В. И. Аскоченскій (*Историческая справка къ эволюціи оффиціальной церковности*).

Умеръ Побѣдоносцевъ.

Нѣсколько витіеватыхъ статей и некрологовъ въ стилѣ субсидированной скорби со стороны явныхъ и тайныхъ официозовъ и сдержанно-холодныя отмѣтки всей остальной русской печати проводили въ могилу «великаго инквизитора» оффиціальной россійской церкви, связавшаго свое имя съ самыми мрачными теченіями русской реакціи. Въ то самое время, когда роковой ходъ исторіи приводитъ къ ликвидаціи всесторонней реакціонной системы,— ея главный вдохновитель скользящею тѣнью сходитъ въ область воспоминаній...

А, между тѣмъ, было и для Побѣдоносцева другое время. Между прочимъ, намъ приходитъ на память нижеизлагаемый небольшой эпизодъ, который, по нашему мнѣнію, ярко отмѣчаетъ какъ личную эволюцію покойнаго, такъ и эволюцію оффиціальной церковности, начиная съ «эпохи великихъ реформъ» до нашихъ дней.

Это было еще въ 1861 году. Въ Москвѣ въ то время пользовался извѣстностью священникъ Н. А. Сергіевскій, талантливый проповѣдникъ и профессоръ богословія въ Московскомъ университетѣ. 12 января 1861 года онъ произнесъ въ университетской церкви, въ день храмоваго праздника и торжественнаго собранія университета, слово «о значеніи вѣры въ человѣчествѣ». Основой для своей проповѣди о. Сергіевскій взялъ «поученіе св. Кирилла Іерусалимскаго», въ которомъ, между прочимъ, говорится:

«Да и не только у насъ, которые носимъ имя Христово, за великое почитается вѣра, но и все то, что совершается въ мірѣ даже людьми, чуждыми Церкви, совершается вѣрою: вѣрою брачные законы соединяютъ лица, отдаленныя одно отъ другого... На вѣрѣ утверждается и земледѣліе, ибо кто не вѣритъ тому, что соберетъ произрастшіе плоды, тотъ не станетъ трудиться. Вѣрою водятся мореплаватели, когда, ввѣривъ свою судьбу малому древу, непостоянное стремленіе волнъ предпочитаютъ твердѣйшей стихіи—землѣ, предаютъ самихъ себя неизвѣстнымъ надеждамъ и имѣютъ при себѣ только вѣру, которая для нихъ надежнѣе всякаго якоря». И т. д.

Если припомнить, что это было въ началѣ 60-хъ гг. и что Н. А. Сергіевскій говорилъ передъ аудиторіей, увлеченной «идеей прогресса», точными естественно-историческими знаніями и матеріалистической философіей, то намѣреніе духовнаго проповѣдника станетъ очевидно. Онъ пытался затронуть въ слушателяхъ тѣ душевныя струны, которыя составляютъ общую почву для всякой человѣческой вѣры, и связать лучшія стремленія времени съ основами вѣры христіанской. Какъ редакторъ «Православнаго Обозрѣнія», свящ. Сергіевскій проводилъ тѣ же взгляды и въ печати. Простымъ «свѣтскимъ» языкомъ, не уснащеннымъ текстами «святоотеческихъ писаній», порой со ссылками на выводы науки, Сергіевскій доказывалъ, что христіанское міросозерцаніе не враждебно тому духу обновленія и свободы, которымъ увлекалось, въ который *вѣровало* поколѣніе эпохи реформъ. Однимъ словомъ. идея Сергіевскаго, какъ и многихъ духовныхъ того времени, состояла въ томъ, что и церковность нуждается въ обновленіи, что ее нужно связать съ лучшими стремленіями жизни, чтобы овладѣть ими для христіанства.

Оставляя въ сторонѣ сложный вопросъ о томъ, насколько успѣшны и глубоки были эти попытки и какова ихъ судьба въ будущемъ, — легко замѣтить, что священникъ, профессоръ и писатель Н. А. Сергіевскій въ то время развивалъ тѣ самые взгляды, которые теперь тоже перомъ и словомъ старается провести въ сознаніе духовенства и общества писатель-священникъ о. Григорій Петровъ. Въ то время эти мысли раздѣляло большинство просвѣщеннаго духовенства и органовъ духовной печати. «Либеральная» свѣтская печать относилась къ нимъ сочувственно, и о рѣчи свящ. Сергіевскаго въ день университетскаго праздника газеты заговорили въ сочувственномъ тонѣ.

Противоположная точка зрѣнія имѣла въ прессѣ только одного защитника. Въ то время (съ 1857 по 1868) издавался еженедѣльный журналъ «Домашняя бесѣда» Виктора Ипатьевича Аскоченскаго. Для того времени и журналъ, и его редакторъ являлись среди русской печати чѣмъ-то совершенно исключительнымъ,

въ родѣ бѣлой вороны. Каждый номеръ начинался какимъ-нибудь духовно-нравственнымъ поученіемъ, а кончался отдѣломъ «блестки и изгарь», заключавшихъ порой самыя изувѣрные выходки противъ господствовавшаго въ обществѣ прогрессивнаго настроенія, даже въ самыхъ элементарныхъ его проявленіяхъ. И почти каждый № вызывалъ оживленіе въ лагерѣ противниковъ, доставляя обильную пищу фельетонистамъ и юмористическимъ листкамъ. Бывшій семинаръ Аскоченскій отбивался отъ этихъ нападокъ съ комически угрюмой серьезностью, парируя ихъ текстами и заклинаніями. Можно сказать съ увѣренностью, что въ свое время, только нѣсколько въ иномъ родѣ и съ гораздо большимъ успѣхомъ,-- В. Аскоченскій исполнялъ ту самую роль комическаго персонажа, какая впослѣдствіи выпала на долю кн. Мещерскаго.

Въ выпускѣ 8 «Домашней бесѣды» (отъ 25 февраля) появилась статья Аскоченскаго, въ которой онъ опрокинулся на «слово о вѣрѣ» Н. А. Сергіевскаго.

> «Да, нечего сказать,—ехидно писалъ Аскоченскій,—проповѣдникъ (онъ же и редакторъ органа православія) дѣйствительно не держится никакой «исключительности», и мы рѣшительно не можемъ дать отчета ни себѣ, ни читателямъ, о какой это вѣрѣ онъ изволитъ проповѣдывать. Правда, видно, что о христіанской, «не русской, какъ замѣтилъ толкователь профессора Сергіевскаго Альбертъ Викентьевичъ Старчевскій *), а вообще христіанской». Но вѣдь и лютеране, и шведенборгисты, и мормоны, и даже гегелисты всѣхъ цвѣтовъ и красные, и *голубые* **) не почитаютъ себя жидами и мусульманами. Самые бѣсы, наконецъ, вѣруютъ и трепещутъ, — и они исповѣдали Христа сыномъ Бога живаго: такъ неужели же это и есть та вѣра, побѣдившая міръ, о которой проповѣдывалъ профессоръ? Быть не можетъ!»

Правда, профессоръ Сергіевскій въ своей рѣчи лишь исходилъ изъ понятія о той *вѣрѣ*, которая составляетъ скорѣе общее настроеніе души, чѣмъ догматъ, приводя ее затѣмъ и къ вѣрѣ христіанской.

> «Въ обыкновенной жизни,—говорилъ Н. А. Сергіевской,—среди толпы людей, живущихъ изо дня въ день единственно по впечатлѣніямъ внѣшнихъ чувствъ... — кто, какіе люди... представляютъ собою зрѣлище жизни полной и послѣдовательной, воли дѣятельной и твердой, груда живого и плодотворнаго? Не тѣ ли, которые, будучи проникнуты извѣстною мыслью, поставили ее себѣ цѣлью стремленія и идутъ къ ея достиже-

---

*) Соль этого примѣчанія заключается въ томъ, что Альбертъ Викентьевичъ Старчевскій, издатель „Сына Отечества", былъ полякъ и католикъ.

**) Въ цитатахъ сохраняю курсивы подлинника.

нію съ мужествомъ, съ увѣренностью, однимъ словомъ, съ вѣрою?.. Какъ всегда и вездѣ образовывались великіе характеры, высокія души, преданнѣйшіе служители всего святаго, благороднѣйшіе мученики науки, отечества, человѣчества? Не такъ же ли... они образовывались великою идеею того самаго дѣла, которому они посвящали себя, вѣрою въ его правду и въ его силу».

Приведя эти выдержки, Аскоченскій (искренно или лицемѣрно, это, кажется, трудно рѣшить относительно этого страннаго человѣка) приходитъ въ ужасъ и негодованіе.

«Пощадите, г. ораторъ, — восклицаетъ онъ, — да вѣдь это-жъ совсѣмъ не та вѣра, о которой подобаетъ проповѣдывать во храмѣ, да еще во храмѣ православномъ. Это вѣра въ себя, въ свои убѣжденія, которую вы, значитъ, восхваляете и въ Аріѣ, и въ заклятомъ жидѣ (sic), и въ мятежномъ революціонерѣ, и въ распопѣ Никитѣ... Понимаемъ очень хорошо, что это у васъ только низшія ступени вѣры, но по такой лѣстницѣ далеко ли вы ее возведете? Ничуть не дальше того, до чего довели ее Аристотель, Платонъ и Сократъ, съ ихъ «древними добродѣтелями», и до чего доводятъ нынѣшніе Спинозы, Фихты, Шеллинги и Гегели съ своими «новыми добродѣтелями», именно до вѣры «имѣющей свои основанія въ чемъ то безконечномъ и вѣчномъ».

И хотя, какъ признаетъ и Аскоченскій, проповѣдникъ дальше указываетъ, что христіанство возвысило и очистило эту «вѣру сознанія», но для Аскоченскаго уже самое признаніе, что христіанская вѣра можетъ брататься «съ литературою, искусствами, краснорѣчіемъ и поэзіей», что она, «не угнетая и не стѣсняя ни одной изъ законныхъ человѣческихъ привязанностей, открыла имъ всѣмъ широкое поприще и безконечный горизонтъ, какъ безконечна сама»,—составляетъ оскорбленіе православной вѣры, которая этимъ примиреніемъ «съ цивилизаціей» какъ бы признаетъ, что она уже побѣждена міромъ («цивилизацію» Аскоченскій не обинуясь называлъ «вратами адовыми»).

Заканчивается статья «Домашней Бесѣды» многозначительнымъ напоминаніемъ о «недѣлѣ православія», «когда православная церковь, утвердивъ свои догматы, всѣмъ прочимъ вѣрованіямъ, и своеобразнымъ воззрѣніямъ, своевольнымъ и суемудрымъ произноситъ... знаете что?» (недвусмысленный намекъ на анаѳему).

Эта статья, какъ и многія выходки Аскоченскаго, тотчасъ же вызвала рядъ негодующихъ откликовъ. Не только «Искра», «Сынъ Отечества», «Русскій Міръ», «Сѣверная Пчела», но и «Московскія Вѣдомости» (тогда еще либеральнаго Каткова) и «Русскій Инвалидъ» помѣстили статьи противъ мракобѣсія и изувѣрства «Домашней Бесѣды». Духовные журналы присоединились къ этому хору, и злополучный обличитель Н. А. Сергіевскаго остался, если

не ошибаемся, совершенно одинокимъ. Лишь въ самой «Домашней Бесѣдѣ» за него подняли голосъ нѣкій кіевскій іеромонахъ и г-жа Серафима Волкова.

Не вдаваясь въ подробности этой интересной полемики, мы остановимся лишь на центральномъ ея эпизодѣ, имѣющемъ отношеніе къ Побѣдоносцеву.

Въ № 87 «Московскихъ Вѣдомостей» появился коллективный протестъ профессорской коллегіи московскаго университета (въ тѣ времена коллективные протесты были въ модѣ).

«12-го января 1861 года,—говорится въ этомъ обращеніи московскихъ профессоровъ къ обществу,—въ день торжественнаго собранія императорскаго московскаго университета, профессоръ этого университета, священникъ Н. А. Сергіевскій сказалъ слово: *о значеніи Вѣры въ человѣчествѣ*, напечатанное затѣмъ въ № 1 «Правосл. Обозрѣнія» на 1861 годъ. Слово это есть не что иное, какъ распространеніе извѣстнаго отвѣта о вѣрѣ, приводимаго подлинными словами св. Кирилла на вопросъ: какъ можно еще изъяснить необходимость вѣры?- въ первой главѣ «*Пространнаго Катихизиса*», одобреннаго свят. синодомъ и изданнаго для преподаванія въ училищахъ и для употребленія «*всѣхъ православныхъ христіанъ*». Объ этомъ словѣ и самомъ профессорѣ московскаго университета Н. А. Сергіевскомъ въ «*Домашней Бесѣдѣ*», издаваемой г. Аскоченскимъ (1861, № 8), помѣщено слѣдующее объясненіе, далеко выступающее за предѣлы литературы».

Приведя затѣмъ цитированное выше мѣсто изъ статьи Аскоченскаго, начинающееся со словъ: «Пощадите, г. ораторъ», и кончающееся указаніемъ на «недѣлю православія» и анаѳему, протестанты продолжаютъ:

«То есть «*Домашняя Бесѣда*» предаетъ профессора московскаго университета и священника церковному проклятію.

«Объ этомъ злокачественномъ обвиненіи и оскорбленіи чести императорскаго московскаго университета въ лицѣ одного изъ его профессоровъ, святотатственно подвергнутаго въ глазахъ публики церковному суду и отлученію отъ церкви какимъ-то, вовсе не призваннымъ на то, неизвѣстнымъ лицомъ,— о дѣйствіи, оскорбляющемъ честные нравы всякаго благоустроеннаго общества и государства, — нижеподписавшіяся лица считаютъ своимъ долгомъ довести до общаго свѣдѣнія».

Подъ протестомъ подписались 26 человѣкъ. Въ томъ числѣ: Д. Иловайскій (нынѣ здравствующій «историкъ»), М. Катковъ (въ то время уже «бывшій профессоръ»), П. Леонтьевъ (другъ и сподвижникъ Каткова въ его послѣдующей ретроградной дѣятельности), Н. Любимовъ (впослѣдствіи авторъ ретроградныхъ статей «Противъ

теченія») и наконецъ... Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ (въ то время профессоръ гражданскаго права) *).

На это «обращеніе» В. И. Аскоченскій, повидимому, очень довольный поднятымъ шумомъ, отвѣтилъ рядомъ статей, въ которыхъ развивалъ съ большой эрудиціей начетчика свою точку зрѣнія. Онъ доказывалъ, что вѣра христіанская не имѣетъ ничего общаго съ стремленіемъ всего человѣчества къ чему-то «вѣчному и безконечному», что она чужда всякой земной цивилизаціи и прогрессу. Единственный ея источникъ—откровеніе. Отъ стремленія къ истинѣ она ограждена готовой броней свято-отческихъ и каноническихъ писаній, которыя устраняютъ всякое личное «мудрованіе» или «истязаніе вѣры». Съ цивилизаціей, прогрессомъ, стремленіями лучшихъ умовъ къ общему благу, освобожденію отъ рабства и т. д. вѣра православная скорѣе стоитъ въ отношеніяхъ воющей стороны. Духовная литература не должна сталкиваться съ современностью, духовная мысль должна идти собственнымъ русломъ въ крѣпкихъ окаменѣвшихъ берегахъ соборныхъ постановленій и свято-отеческихъ писаній. Себя же Аскоченскій причислялъ къ тѣмъ «воинамъ, соглядатаямъ въ станѣ Христовомъ, которые должны вторгающихся въ него волковъ (очевидно, въ родѣ свящ. Сергіевскаго) ловить и представлять на судъ вождей и пастырей» **).

Тогда Аскоченскій былъ одинокъ въ духовной и свѣтской литературѣ. Тогда противъ Аскоченскаго протестовалъ Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ.

Нужны ли дальнѣйшія сопоставленія и параллели?

Съ тѣхъ поръ прошло 45 лѣтъ. Больше 30 лѣтъ прахъ почтеннаго Виктора Ипатьевича покоится въ могилѣ, а К. П. Побѣдоносцевъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій стоялъ во главѣ оффиціальной церкви. Теперь наступаетъ новая «эпоха реформъ». Духъ обновленія вновь стучится у дверей россійской церкви, священники Петровы возобновляютъ попытки своихъ предшественниковъ—оживить омертвѣлую церковность, соединивъ ея стремленія съ лучшими стремленіями современности. Сходство простирается не только на общія идеи, но даже на подробности. Аскоченскій обвинялъ, между прочимъ, свящ. Сергіевскаго въ томъ, что онъ «не жалуетъ ни текстовъ, ни свидѣтельствъ изъ писаній св. отцовъ

*) Вотъ полный списокъ протестантовъ: А. Альфонскій (ректоръ), И. Бабстъ, С. Варшевъ, О. Бодянскій, Я. Борзенковъ, Ѳ. Бредихинъ, Ѳ Буслаевъ, О. Варвинскій, Ѳ. Дмитріевъ, Г. Захарьинъ, Д. Иловайскій, Я. Калиновскій, М Капустинъ, М Катковъ (бывшій профессоръ), П. Леонтьевъ, Н. Любимовъ, А. Меньшиковъ, К. Побѣдоносцевъ, А. Поповъ, Н. Поповъ, К. Рачинскій, С. Рачинскій, И. Соколовъ, Н. Тихонравовъ, Г. Щуровскій, П. Шестаковъ (инспекторъ студентовъ).

Въ № 21 „Домашней Бесѣды" (27 мая того же года) Аскоченскій воспроизводитъ еще 32 подписи проф. харьковскаго университета, присоединившихся къ протесту москвичей.

**) „Дом. Бесѣда". 1861, вып. 18, стр. 411.

и учителей церкви и опредѣленій соборныхъ, почитая все это, конечно, «схоластичностью и педантизмомъ» *). Когда нынѣшніе «соглядатаи въ станѣ Христовомъ» начинали свой походъ противъ свящ. Гр. Петрова, стремясь «уловить его и представить на судъ вождей и пастырей», то прежде всего они тоже обратили вниманіе на простоту его рѣчи, не уснащенной текстами свято-отческихъ писаній **).

И священникъ Петровъ заточенъ въ Черменецкій монастырь, а на аренѣ русской церковности торжествуютъ о.о. Илліодоры.

Викторъ Ипатьевичъ Аскоченскій, нѣкогда гонимый, осмѣянный и «опротестованный», несомнѣнно явился побѣдителемъ и теперь съ торжествомъ могъ бы встрѣтить своихъ противниковъ въ «царствѣ тѣней». *Его*, а не *ихъ* пониманіе вѣры и церковныхъ задачъ водворилось на цѣлыя полстолѣтія въ россійской церкви. И насаждено это пониманіе стараніями одного изъ «протестантовъ», заушавшихъ въ прежнее время «Домашнюю Бесѣду» и ея осмѣяннаго редактора.

Кто останется побѣдителемъ въ конечномъ счетѣ,—сухая замкнутая церковность, или вѣчное стремленіе человѣчества къ истинѣ и свободѣ,—это покажетъ будущее, вѣроятно уже недалекое. **В К.**

Любители пыточной археологіи.—Въ заграничныхъ газетахъ появились статьи, въ которыхъ сообщалось о жестокихъ пыткахъ, которымъ русскія власти «конституціоннаго періода» подвергаютъ заключенныхъ, чтобы вынудить у нихъ сознаніе. Одна изъ такихъ статей была напечатана въ солидномъ англійскомъ «Таймсѣ» и подписана именемъ М. Горькаго. Въ ней разсказывается о пыткахъ, которымъ, по упорнымъ слухамъ, подвергали недавно умершаго въ тюрьмѣ фабриканта Шмидта. Въ бельгійской газетѣ «Le Peuple» Камиллъ Гюисманъ описываетъ ужасающія истязанія, которымъ карательные отряды въ Прибалтійскомъ краѣ подвергаютъ, по его словамъ, захваченныхъ и заподозрѣнныхъ «въ революціи». Русскія газеты, съ своей стороны, выступили съ такими же разоблаченіями. Особенно повезло при этомъ гор. Ригѣ, въ которомъ, по словамъ газетъ, оказался даже настоящій застѣнокъ, съ орудіями пытки разныхъ образцовъ и временъ, начиная съ средневѣковыхъ и кончая новѣйшими резинами и проволочными жгутами.

Выходитъ такимъ образомъ, что въ Россіи, на зарѣ конституціоннаго періода ея жизни,—возобновлены варварскіе обычаи средневѣковой инквизиціи и нашихъ родныхъ застѣнковъ съ ихъ «разспросами» и «пристрастіемъ». Правительство, нерѣдко оказывающее

---

*) „Дом. Бесѣда", 1861, № 8.

**) Это было отмѣчено, между прочимъ, и въ „Русск. Бог." (см. 1903 г., іюнь, рецензія: „Итоги полемики по поводу проповѣдничества свящ. Гр. Петрова").

просвѣщенное вниманіе обличеніямъ, которыя появляются въ заграничной печати, и на сей разъ выступило со своимъ разслѣдованіемъ и «опроверженіемъ».

«Въ виду появившихся въ русскихъ и иностранныхъ газетахъ извѣстій,—гласитъ этотъ интересный оффиціальный документъ,—о будто производимыхъ въ Ригѣ истязаніяхъ чинами охраннаго отдѣленія политическихъ арестованныхъ, министерство внутреннихъ дѣлъ своевременно дѣлало указанія мѣстнымъ властямъ, затѣмъ министръ командировалъ въ Ригу директора департамента полиціи для провѣрки. Разслѣдованіе Трусевича установило, что разоблаченія газетъ могли касаться только сыскной полиціи, а не мѣстнаго охраннаго отдѣленія, и что происходили обвиненія объ истязаніяхъ не отъ политическихъ, а отъ уголовныхъ преступниковъ, содержавшихся въ сыскной полиціи. Указывавшаяся корреспондентами коллекція орудій пытокъ оказалась просто музеемъ вещественныхъ доказательствъ (?). Въ то же время директоръ департамента полиціи отмѣтилъ случаи жестокаго обращенія съ тяжкими преступниками, что выражалось въ побояхъ, впрочемъ безъ тяжкихъ послѣдствій. Озлобленіе сыскной полиціи противъ злоумышленниковъ легко (?) объясняется многочисленными убійствами и пораненіями въ Ригѣ представителей полицейской власти. Для окончательнаго изслѣдованія событій въ рижской сыскной полиціи министръ велѣлъ возбудить слѣдствіе въ порядкѣ 1086 и слѣдующихъ статей устава уголовнаго» *).

Очевидно, общество можетъ совершенно успокоиться: во-первыхъ, истязала не охрана, а только сыскная полиція. Во-вторыхъ, операціи послѣдней касались не политическихъ, а только уголовныхъ заключенныхъ; въ-третьихъ, истязали не очень тяжко (тяжки были только преступленія потерпѣвшихъ) и, наконецъ, все это *легко* (!) объясняется озлобленіемъ полиціи по поводу убійствъ и пораненій полицейскихъ. Что же касается до застѣнка, въ которомъ собраны орудія истязаній,—то это вовсе не застѣнокъ, а просто «музей вещественныхъ доказательствъ», который свидѣтельствуетъ, очевидно, о большой культурности рижской полиціи, интересующейся предметами археологіи по своей спеціальности.

Интересуясь, съ своей стороны, предметами изъ этой области и обладая по этому вопросу нѣкоторымъ матеріаломъ, который надѣюсь представить впослѣдствіи вниманію читателей, я позволю себѣ пока добавить къ правительственному опроверженію, что русскія и иностранныя газеты, сдѣлавшія эти сенсаціонныя яко бы открытія,—не совсѣмъ правы. Явленіе это не ново, возникло оно совсѣмъ не въ періодъ россійской конституціи и имѣетъ за собой длинную никогда не прерывавшуюся традицію. Истина состоитъ въ томъ, что пытки въ Россіи *никогда и не прекращались*, что

*) „Р. Вѣд.", 25 февр. 1907, № 45.

онѣ составляютъ «обычное право» россійскихъ (даже столичныхъ) участковъ и что въ періодъ россійской конституціи онѣ только распустились, какъ и многое другое, пышнымъ цвѣтомъ.

Задача настоящей замѣтки—дать маленькую историческую справку собственно о нѣкоторыхъ «музеяхъ вещественныхъ доказательствъ». Такихъ музеевъ было (да, вѣроятно, и осталось) не мало въ разныхъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества. Прежде учрежденія эти находились при каждомъ воеводствѣ и магистратѣ. Потомъ ихъ держали только при губернскихъ канцеляріяхъ, такъ какъ указы Петра III-го и Екатерины II повелѣвали въ провинціальныхъ (т. е. уѣздныхъ) городахъ отнюдь не пытать. Съ уничтоженіемъ въ 1801 году пытки, «позоръ и укоризну человѣчеству наносящей»,—всѣ эти «музеи» были повсемѣстно закрыты, а орудія пытокъ повелѣно предать сожженію. Оказалось, однако, что вандализмъ центральнаго правительства встрѣтилъ сопротивленіе въ средѣ просвѣщенныхъ провинціальныхъ любителей пыточной археологіи, и «музеи вещественныхъ доказательствъ» остались для поученія будущимъ поколѣніямъ, а порой и кое для чего другого. «Должно быть,—читаемъ мы, напримѣръ, въ «Русской Старинѣ» (апр. 1887 г.)—не легко было разставаться съ подобными «орудіями», и они употреблялись долго спустя послѣ формальнаго упраздненія». Такъ, 6 февраля 1827 года правительствующему сенату данъ былъ указъ, изъ котораго явствуетъ, что нѣкто служилый сотникъ войска Донского Григорій Левицкій заковалъ малороссіянина Климова въ неподвижную колодку. «Каковой способъ держанія людей» указъ справедливо признавалъ за родъ пытки, «отъ коей Климовъ и умеръ». Указъ строжайше повелѣваетъ подобныя орудія, очевидно оставшіяся отъ прежнихъ временъ, «истребить повсемѣстно», а къ пыткамъ отнюдь не прибѣгать, подъ страхомъ тяжкой отвѣтственности виновныхъ. Однако, и послѣ того даже въ то безгласное время выходили наружу и становились извѣстны факты, говорившіе очень краснорѣчиво, что указы оставались въ области пожеланій. Такъ, въ 1847 году пытка вновь была примѣнена по поводу поджоговъ и волненій въ Москвѣ. Въ томъ же году въ Костромѣ, тоже по поводу поджоговъ, которые молва приписывала полякамъ, губернаторъ, ничто же сумняся, арестовалъ всѣхъ проживавшихъ въ городѣ поляковъ и, «взведя слѣпо вину на безвинныхъ», какъ говорилось въ новомъ указѣ,—подвергъ ихъ допросамъ съ жестокими истязаніями, за что д. ст. сов. Григорьевъ, по повелѣнію императора Николая I-го, преданъ суду при петерб. ордонансъ-гаузѣ *).

Однако, и эти мѣры все же не помогали, и нѣкій «музей вещественныхъ доказательствъ» вдругъ обнаружился близь самой столицы. Въ томъ же 1847 году ямбургскій (Петерб. губ.) уѣздный судъ «по нѣкоему, производившемуся въ немъ частному

*) „Р. Стар.", 1879, XXVI, стр. 341—346.

дѣлу» потребовалъ оффиціальной бумагой колодку, употреблявшуюся, какъ орудіе пытки при Малосковицкомъ приходѣ (Петерб. губерніи, ямбургскаго уѣзда, въ 30 верстахъ отъ гор. Ямбурга). Оказалось, что на сей разъ эта принадлежность «музея вещественныхъ докаказательствъ» была во владѣніи мѣстнаго пастора, простодушно употреблявшаго ее для исправленія заблудшихъ овецъ его паствы. Пасторъ считалъ колодку до такой степени несомнѣннымъ аттрибутомъ своей духовной власти, что прежде, чѣмъ отослать ее суду, обратился оффиціально къ своему начальству,— петербургской лютеранской консисторіи. Послѣдняя не увидѣла препятствій къ исполненію требованія уѣзднаго суда, но, соглашаясь отдать колодку во временное его пользованіе,—простодушно прибавила требованіе: «возвратить сіе орудіе мѣстному пастору по минованіи въ немъ надобности». Случай этотъ сталъ извѣстенъ министру внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскому, который былъ такъ заинтересованъ, что затребовалъ отъ консисторіи болѣе подробныхъ свѣдѣній. Оказалось по справкѣ, что «до 1833 года въ лютеранскихъ церквахъ употреблялось сіе орудіе по распоряженію пасторовъ и церковныхъ старостъ для наказанія крестьянъ». Такимъ образомъ, лютеранская консисторія тоже превращала въ своемъ отзывѣ приходскую колодку въ предметъ исторической археологіи, употреблявшійся до 1833 года, умалчивая о томъ, для какой, собственно, надобности она желала вернуть ее вновь въ распоряженіе пастора. Императоръ Николай I, до свѣдѣнія котораго было доведено это дѣло, призналъ «сіе требованіе (консисторіи) нелѣпымъ и беззаконнымъ», почему повелѣно было, дабы ямбургскій судъ оную колодку истребилъ *).

Изъ сказаннаго ясна та историческая такъ сказать почва, на которой сохранились и дожили до нашихъ дней музеи вещественныхъ доказательствъ. Правительство, уничтоживъ пытки, требовало истребленія и ихъ орудій. Но оффиціальныя учрежденія не легко отказывались отъ этихъ превосходныхъ орудій испытанія истины, и «музеи вещественныхъ доказательствъ» обнаруживались отъ времени до времени то при станичномъ правленіи войска донскаго, то въ лютеранскомъ «приходѣ», то даже порой въ помѣщичьей усадьбѣ. Что касается спеціально рижскаго «музея», то, если не ошибаюсь, онъ имѣетъ свою собственную исторію, восходящую къ временамъ и болѣе близкимъ. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ рукой матеріаловъ для болѣе точныхъ ссылокъ, но мнѣ вспоминается ясно, что еще въ 70-хъ годахъ въ русскихъ газетахъ писали очень много о пыткахъ, которымъ подвергали заключенныхъ въ застѣнкахъ при магистратѣ одного изъ остзейскихъ городовъ, помнится именно въ Ригѣ **). Обстоятельство это въ то

*) „Русская Старина", 1887 г, апр. (249—250).

**) Мы были бы очень признательны тѣмъ изъ нашихъ читателей, кто могъ бы дать по этому поводу болѣе точную справку.

время возбудило много шума, и націоналистскіе органы прессы объясняли его спеціально остзейской жестокостью и неустройствомъ. Производилось, конечно, «разслѣдованіе», «виновные (надо думать) понесли наказаніе». Специфически остзейскіе порядки преобразованы, но, очевидно, любовь къ археологіи оказалась очень живучей, и послѣ обрусительныхъ роформъ «музей вещественныхъ доказательствъ» не только сохранился во всей неприкосновенности, но еще обогатился резиновыми палками и жгутами съ проволокой, очевидно современнаго происхожденія...

А пока извѣстія о рижскомъ «музеѣ» проникали въ печать и успѣли заинтересовать иностранцевъ, —та же любовь къ историческимъ пережиткамъ обнаружилась въ другихъ мѣстахъ. Одесскому градоначальнику пришлось опровергать извѣстія «Рѣчи» о настоящихъ застѣнкахъ въ «подземельяхъ Бульварнаго полицейскаго участка», гдѣ «заключенныхъ подвергаютъ ужаснымъ истязаніямъ, съ цѣлью вынудить сознаніе. Для разслѣдованія былъ командированъ старшій чиновникъ особыхъ порученій Подольцевъ, которому всѣ заключенные заявили, что во время ихъ содержанія подъ арестомъ ихъ никто не билъ. Чтобы они не стѣснялись дѣлать заявленія, при опросѣ никто изъ чиновниковъ въ присутствовалъ» *). Это, конечно, могло бы успокоить общественное мнѣніе, если бы опросъ (хотя бы и сепаратный) заключенныхъ и находящихся во власти той же администраціи давалъ достаточную гарантію правдивости подневольныхъ показаній и если бы такія же извѣстія въ удручающемъ изобиліи не приходили изъ другихъ мѣстъ. Такъ, въ Ельцѣ подсудимый Красниковъ и свидѣтели показали, что при дознаніи о кражѣ его сильно били, при чемъ проломили голову, а стражникъ, выхвативъ шашку, грозилъ убить, таскалъ за волосы и приказывалъ бить другимъ **). Къ этому нужно присоединить извѣстіе изъ Ферганской области, гдѣ во время суда обнаружились истязанія, производимыя джигитами Кувинскаго волостнаго правленія. Одному подсудимому облили спину керосиномъ и подожгли, другимъ въ половые органы вгоняли мелко-нарѣзанный конскій волосъ ***). «Въ Кіево-Подольскомъ участкѣ, — пишутъ въ одной кіевской газетѣ, *снова* (!) убили человѣка. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ это уже третья смерть» (!!).

Раньше въ томъ же участкѣ производились систематическія истязанія заключенныхъ полицейскими городовыми подъ руководствомъ околоточнаго надзирателя Платона Дубиллера. Если съ этими фактами сопоставить свѣдѣнія объ убійствахъ, совершаемыхъ полиціей въ разныхъ другихъ мѣстахъ, то нельзя не придти къ заключенію, что уваженіе къ закону... пало еще ниже въ полицей-

*) Заимствуемъ извѣстіе изъ „Голоса Волыни", 23 февр. 1907 г.
**) „Голосъ Волыни", 14 февр. 1907, № 30.
***) Газ. „Самаркандъ" (цит. изъ „Русск. Вѣд.", 4 марта 1907, № 51).

ской средѣ... Въ подтвержденіе можно сослаться хотя бы на тѣ вздорныя и нелѣпыя «опроверженія», съ которыми на дняхъ выступили въ «Кіевской Мысли» исправники Ковальскій и Щербаковъ по поводу *ряда убійствъ* (!!!), совершенныхъ низшими полицейскими чинами въ Ольгопольскомъ и Васильевскомъ уѣздахъ *).

Какъ видите, рѣчь здѣсь идетъ о «цѣломъ рядѣ убійствъ», какъ о какомъ то бытовомъ явленіи, по поводу котораго гг. исправникамъ совершенно достаточно напечатать въ газетѣ хотя-бы и «совершенно нелѣпое» объясненіе. И пока это извѣстіе обходитъ газеты, его нагоняетъ другое: «На имя членовъ Гос. Думы Горбубунова и Церетели получена изъ Харькова слѣдующая телеграмма: «Обнаружены возмутительныя подробности звѣрскихъ истязаній въ тюрьмѣ. Требуйте думской ревизіонной коммиссіи. Студенты харьковскаго ветеринарнаго института по порученію общей сходки» **).

Разумѣется, опровергать такія извѣстія чисто оффиціальными справками, «нелѣпыми» или даже совсѣмъ не нелѣпыми,—очень нетрудно. Несомнѣнно, однако, и то, что многіе изъ такихъ случаевъ *доказаны* даже судебнымъ порядкомъ, что и односторонніе административныя разслѣдованія приводятъ порой къ признанію наличности «дѣйствій, выходящихъ за предѣлы закономѣрности», какъ въ рижскомъ случаѣ, и что явленіе это требуетъ серьезнаго изслѣдованія тѣмъ путемъ, на который совершенно правильно указываютъ харьковскіе студенты.

Правительственные отзывы по этому предмету стремятся объяснить эти явленія тревожнымъ состояніемъ общества и временнымъ раздраженіемъ полиціи. Къ сожалѣнію, это совершенно неправильно: явленіе лежитъ глубже, и мы имѣемъ право утверждать, что истязанія при дознаніяхъ составляютъ явленіе хроническое, что въ «спокойныя времена» въ участкахъ убивали и истязали такъ же часто, какъ и теперь, что судебные приговоры установили множество такихъ случаевъ не только на окраинахъ, но въ центральной Россіи и что, наконецъ,—это широкое прямо обычное явленіе составляетъ не слѣдствіе нынѣшняго случайнаго времени, а скорѣе одну изъ безчисленныхъ его причинъ...

Но объ этомъ придется поговорить болѣе пространно и болѣе доказательно въ другой разъ. **Вл. Короленко.**

Изъ эпохи государственнаго бреда. Въ 1904, если не ошибаюсь, году военный губернаторъ Семирѣченской области вступилъ черезъ чугучакскаго консула въ чрезвычайно оригинальные, такъ сказать, «дипломатическіе» переговоры съ китайскимъ императорскимъ правительствомъ. Этотъ губернаторъ—насколько помнится, генералъ Іоновъ—предлагалъ правительству богдыхана дать рус-

*) „Кіевскій Голосъ", 10 марта 1907, № 30.

**) „Кіевскій Голосъ", 10 марта 1907.

скимъ крестьянамъ-переселенцамъ разрѣшеніе поселиться въ Китайской имперіи. Эпизодъ, съ европейской точки зрѣнія, нѣсколько фантастическій. Мнѣ лично приходилось слышать о немъ чисто легендарныя подробности. Но даже тѣ свѣдѣнія, которыя оффиціально удостовѣрены и сообщены въ оффиціальныхъ изданіяхъ, похожи скорѣе на легенду, чѣмъ на дѣйствительность.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, выступленіе семирѣченскаго губернатора на путь дипломатическихъ сношеній съ китайскимъ правительствомъ произошло такимъ образомъ. Во ввѣренныхъ ему владѣніяхъ появилась довольно многочисленная партія такъ называемыхъ «самовольныхъ переселенцевъ». «Съ разрѣшенія военнаго губернатора», какъ сказано въ оффиціальномъ документѣ *), или по распоряженію военнаго губернатора,—не будемъ спорить о словахъ, они были выдворены на суровыя и пограничныя съ Китаемъ Барлыкскія горы. Между прочимъ, нѣсколько семействъ было поселено «на урочищѣ Чулакъ», «къ югу отъ озера Ала-Куль». Хлѣбъ здѣсь вымерзаетъ. Привычный для крестьянина-переселенца земледѣльческій трудъ не возможенъ. А такъ какъ переселенцы, что нетрудно было предвидѣть, пытались и пахать, и сѣять, губя праздно свой трудъ и свои запасы, то голодная смерть, въ видѣ естественнаго наказанія за самовольство, казалась неизбѣжной. И, такимъ образомъ, счетъ государственной власти съ мужицкими семьями, водворенными «на урочищѣ Чулакъ», могъ быть закрытъ силами суровой горной природы.

Мужики, поселенные на Чулакѣ, однако, не потерялись. Они вступили въ торговыя сношенія съ китайцами. Къ счастью, мѣстность оказалась лѣсистой, и «самовольцы» стали снискивать себѣ хотя и скудное, но все же пропитаніе—кто рубкою и раздѣлкою лѣса, кто продажею лѣсныхъ матеріаловъ китайцамъ. «Опытъ поселенія на Чулакѣ» длился два года. За это время вполнѣ выяснилось, что переселенцы съ голоду во всякомъ случаѣ не умрутъ; пожалуй, даже сумѣютъ достигнуть нѣкотораго благосостоянія. Горная природа съ самовольнымъ мужикомъ не сладила. Въ такой крайности заботу о наказаніи самовольства рѣшилась откровенно взять на себя государственная власть.

Словомъ, крестьяне, поселенные на Чулакѣ «мѣрами полиціи», черезъ два года были прогнаны съ Чулака мѣрами той же полиціи. Даже оффиціальное изданіе, которымъ я пользуюсь, не находитъ никакихъ резоновъ для такого мѣропріятія. Оно такъ и остается немотивированнымъ, если, разумѣется, не считать главнаго и основного мотива—наказать за своевольство. Однако въ послѣднюю минуту сердце военнаго губернатора, видимо, дрогнуло, и ему пришла въ голову человѣколюбивая мысль: замѣнить для прогнан-

*) См. «Переселенцы-самовольцы», офф. изд. Переселенческаго упр. 1906 г., стр. 116.

БИБЛІОТЕКА ЧСИ

ныхъ съ Чулака крестьянъ голодную смерть перечисленіемъ въ китайское подданство. Результатомъ губернаторскаго человѣколюбія и явилась переписка съ китайскимъ правительствомъ о разрѣшеніи русскимъ крестьянамъ переселиться въ Китайскую имперію.

Мало сказать, что переговоры эти извѣстны «центральной власти», и не то удивительно, что они не скрыты въ оффиціальномъ изданіи. Гораздо удивительнѣе тонъ, какимъ говорится о нихъ въ документахъ, которыми я располагаю. Напр., въ упомянутомъ мною изданіи Переселенческаго Управленія читаемъ: «Военный губернаторъ... говорилъ, что онъ, входя въ положеніе крестьянъ, обращался къ чугучакскому консулу съ просьбою, нельзя ли этихъ крестьянъ поселить въ китайскихъ предѣлахъ». «Самъ говорилъ»... А вслѣдъ за нимъ и центральная власть готова не только повторить, но и подчеркнуть,—вотъ, молъ, каковы мои агенты, вотъ, молъ, какъ россійское правительство «входитъ въ положеніе крестьянъ», вотъ до какой степени простирается его заботливость о крестьянскомъ благополучіи...

Разумѣется, эпизодъ съ крестьянами, сосланными въ „урочище Чулакъ" и обреченными—повѣримъ, что безъ сознательно обдуманнаго намѣренія, но во всякомъ случаѣ на голодную смерть, не представляетъ чего-либо исключительнаго въ Россіи. Въ сущности, мало извѣстная исторія крестьянъ, водворенныхъ на урочищѣ Чулакъ, съ буквальною точностью копируетъ хотя-бы, напр., знаменитую исторію другихъ крестьянъ, переименованныхъ въ «кавказскихъ духоборовъ». И тамъ, и здѣсь выборъ мѣста для поселенія былъ равносиленъ приговору къ смертной казни. И тамъ, и здѣсь потребовалось откровенное выступленіе государственной власти. И тамъ, и здѣсь для спасенія людей, уцѣлѣвшихъ, несмотря на смертоубійственный климатъ, оказалось налицо только одно средство: переходъ въ иностранное подданство.

«Семирѣченская исторія» случилась позже «кавказской». За интересы кавказскихъ духоборовъ понадобилось особое представительство передъ канадскимъ правительствомъ, и люди, представительствовавшіе за духоборовъ, совершили большое человѣколюбивое дѣло. Переговоры о чулакскихъ крестьянахъ тоже можно бы признать человѣколюбивымъ дѣломъ; можно бы признать, даже предполагая подражательность съ чисто политическими цѣлями:

— Вотъ, молъ, «вы» все «вашего» Льва Толстого хвалите. А между тѣмъ, мы ничѣмъ не хуже Толстого. Онъ насчетъ духоборовъ и Канады. А я насчетъ самовольныхъ переселенцевъ и Китая.

Даже при условіи простой подражательности съ полемическими цѣлями, заступничество за приговоренныхъ къ голодной смерти людей можно бы признать заслуживающимъ уваженія,—если, конечно, оно исходитъ отъ частныхъ лицъ и совершается въ частномъ порядкѣ. Но когда государственная власть, въ лицѣ хотя бы

отдѣльныхъ ея представителей, черезъ своихъ консуловъ обращается къ иностранному правительству съ просьбою защитить ея подданныхъ отъ ея собственныхъ приговоровъ, когда государственная власть склонна почти хвастать такого рода просьбами и ставить ихъ себѣ въ заслугу,—боюсь, что это нѣсколько больше, чѣмъ простое безуміе. А если это и безуміе, то въ немъ есть «своя система».

Передо мною любопытный документъ: «приложеніе ко всеподданнѣйшему отчету черниговскаго губернатора». Цифровыя данныя въ этомъ отчетѣ обнимаютъ время «съ 1887 г. по 1904 г.». А извлеченія изъ него оффиціально опубликованы черниговскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ въ концѣ 1904 г. Значитъ, «отчетъ» черниговскаго губернатора отправленъ на Высочайшее имя, приблизительно, тогда же, когда семирѣченскій генералъ просилъ китайцевъ спасти русскихъ крестьянъ отъ русскаго правительства.

У черниговскаго губернатора рѣчь идетъ «о движеніи крестьянъ Новозыбковскаго уѣзда на заработки въ Америку». Судя по документамъ, какими я располагаю, часть всеподданнѣйшаго отчета, опубликованная отъ имени черниговскаго губернскаго статистическаго комитета, не вполнѣ соотвѣтствуетъ подлиннику: комитетомъ, видимо, пропущены «виды и предположенія» губернатора. По нѣкоторымъ соображеніямъ я предпочитаю, однако, пользоваться только тѣми данными, которыя оффиціально опубликованы.

По губернаторскимъ свѣдѣніямъ, въ одной Старобобовичской волости, Новозыбковскаго уѣзда., къ началу 1904 г. зарегистровано 373 «лица, уѣзжавшихъ въ Америку». Въ этотъ итогъ вошли только крестьяне, «бравшіе паспорта»; «числа же уходившихъ безъ паспортовъ не представилось возможнымъ точно установить». Собственно, свѣдѣнія, какими располагалъ губернаторъ при составленіи отчета, касаются одной только Старобобовичской волости. Объ остальныхъ волостяхъ онъ не знаетъ и не упоминаетъ. Изъ Старобобовичской же волости движеніе «въ Америку началось лѣтъ пятнадцать назадъ, *съ легкой руки* крестьянина с. Новыхъ Бобовичъ Ѳедора Короткаго... Ѳедоръ Короткій и въ настоящее время живетъ въ Америкѣ; купилъ тамъ, въ Питсбургѣ, два домика и содержитъ въ нихъ, по выраженію крестьянъ, вернувшихся съ заработковъ въ Америкѣ, салонъ *). Въ Америкѣ Ѳедоръ Короткій живетъ одинъ, а жена его проживаетъ въ Коноплевѣ, Минской губерніи, на купленномъ мужемъ ея на американскія деньги участкѣ земли».

Губернаторъ недаромъ употребилъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ подчеркнутое мною выраженіе: «съ легкой руки». «Рука», дѣйствительно, оказалась «легкая», и дѣло, «начатое Ѳедоромъ

*) Т. е. гостиницу.

Короткимъ», по мнѣнію составителя отчета,—въ высшей степени пріятное дѣло. «Американскія деньги» то и дѣло выскакиваютъ изъ-подъ губернаторскаго пера, и г. начальникъ губерніи вовсе не склоненъ жалѣть ихъ:

Въ Америкѣ,—пишетъ онъ,—«наши крестьяне вырабатываютъ въ день отъ 2 рублей при поденной работѣ и до 6 р. При издѣльной чистый годовой заработокъ ихъ достигаетъ отъ 300 до 700 р.»

Черезъ нѣсколько строкъ губернаторъ еще болѣе щедръ: «Обыкновенно,—пишетъ онъ,—въ годъ («наши крестьяне») зарабатываютъ («въ Америкѣ») отъ 400 до 700 р.»

Но это «обыкновенно». А «вотъ примѣры»:

«Совѣтовъ Василій... изъ Америки... привезъ 3500 р., купилъ 35 десятинъ земли, съ выплатой въ банкъ, построилъ новую избу, оцѣненную при страховкѣ въ 650 р., истратилъ на лошадей больше 300 р., и у него остались еще свободныя деньги... Дорошенко Алексѣй... изъ Америки привезъ 2300 р., построилъ новую хату и завелъ полное хозяйство: 3 лошади, 7 коровъ, 4 свиньи и держитъ въ арендѣ 26 десятинъ земли... Лысобыкъ Карпъ... привезъ 1000 р., построилъ новую хату, заплатилъ отцовскій и свой долгъ въ 300 р., купилъ лошадь, корову, и у него еще остались деньги»...

Въ виду такихъ молочныхъ рѣкъ и кисельныхъ береговъ, прямо жаль, что, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, только «400 человѣкъ новозыбковцевъ находится въ настоящее время въ Америкѣ» и «только 20 человѣкъ взяли съ собою своихъ женъ». «Въ Америкѣ же наши женщины-крестьянки... играютъ роль хозяекъ стряпухъ» (тоже, значитъ, «американскія деньги»).

Фактическую несостоятельность этого губернаторскаго фельетона, включеннаго во всеподданнѣйшій отчетъ, едва ли нужно подчеркивать. Но самъ «фельетонистъ» былъ такъ увлеченъ «Америкой», что приказалъ напечатать свое сочиненіе въ оффиціальномъ и, какъ извѣстно, «обязательномъ» для оффиціальныхъ лицъ и мѣстъ «Календарѣ Черниговской губерніи на 1905 годъ». Такимъ способомъ «свѣдѣнія о движеніи крестьянъ на заработки въ Америку» оказались распространенными, въ качествѣ агитаціоннаго матеріала, по волостнымъ правленіямъ. Меня увѣряли, что соотвѣтственная агитація велась и въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ тоже появились статейки о легкихъ американскихъ деньгахъ. Къ сожалѣнію, это послѣднее обстоятельство я до сихъ поръ не успѣлъ провѣрить, да оно и не имѣетъ существеннаго значенія. Достаточно и того, что напечатано въ «Календарѣ».

Напечатано какъ будто только извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета. Но это извлеченіе редактировано такъ, что, попадая въ волостное правленіе, оно пріобрѣтаетъ прямо-таки пикантный смыслъ. Получается, съ одной стороны, одурачиваніе крестьянъ розсказнями объ «американскихъ деньгахъ». А съ другой,—рядъ чрезвычайно

точныхъ дѣловыхъ свѣдѣній, — какъ попасть изъ Чернигова въ Америку, и какъ—изъ Америки въ Черниговъ.

Въ губернаторской рекламѣ, опубликованной въ оффиціальномъ календарѣ, подъ видомъ извлеченія изъ всеподданнѣйшаго отчета, каждому крестьянину, желающему попасть въ Америку, рекомендуется поступать такъ:

Надо взять «въ волостномъ правленіи годовой паспортъ», но можно, по словамъ губернатора, и безъ паспорта. Затѣмъ, «взявъ съ собою только полпуда хлѣба и перемѣну бѣлья», нужно «направиться въ Вильну по желѣзной дорогѣ или пѣшкомъ». Въ Вильнѣ же спросить «еврея Крызовскаго», у котораго «для этой цѣли устроена контора» и «который проситъ, чтобы всѣ желающіе ѣхать въ Америку обращались къ нему». «Адресъ Крызовскаго» можно узнать въ Новозыбковѣ отъ «вернувшихся изъ Америки». Нѣкоторые же изъ этихъ вернувшихся, какъ бы невзначай, губернаторомъ названы, и «мѣстожительство» ихъ точно указано. Крызовскій беретъ «за всю дорогу до Нью-Іорка или Филадельфіи отъ Вильны» «отъ 115 до 150 р., чаще 125 р.; весною дешевле, осенью дороже». Агентъ Крызовскаго, когда плата за проѣздъ внесена, повезетъ васъ «по желѣзной дорогѣ до ст. Вержболово». Но—предупреждаетъ губернаторъ—до самаго Вержболова не слѣдуетъ ѣхать; надо, «не доѣзжая 1—2 станцій высадиться и поступить въ распоряженіе другого агента, который и переводитъ тайно черезъ границу; способы же перехода черезъ границу различны и зависятъ отъ изобрѣтательности агента. Переводятъ черезъ границу обыкновенно ночью, при чемъ иногда приходится ждать удобнаго случая по нѣскольку дней, голодая и скрываясь въ лѣсахъ и сараяхъ».

Губернаторъ, видимо, понимаетъ, что послѣднее обстоятельство не совсѣмъ пріятно. И съ очаровательной предупредительностью объясняетъ, что есть и другой маршрутъ. Тотъ же Крызовскій можетъ направить васъ «изъ Вильны до Петербурга», а изъ Петербурга «по Финляндской желѣзной дорогѣ до приморскаго города Ганге», гдѣ и вручатъ вамъ «билетъ прямого сообщенія (шиффкарту) до Питсбурга черезъ Англію».

Извиняюсь передъ читателями за эти цитаты, но, мнѣ кажется, онѣ характерны. Для лицъ, коимъ адресуются губернаторскіе всеподданнѣйшіе отчеты, конечно, не нужно пояснять, что Ганге—«приморскій городъ», что «шиффкарта» есть «билетъ прямого сообщенія», что «способы перехода черезъ границу различны», что самъ безъ помощи «изобрѣтательнаго агента» ее не перейдешь, и что, слѣдовательно, ни въ коемъ случаѣ не обойдется безъ услугъ «еврея Крызовскаго, который проситъ всѣхъ желающихъ ѣхать въ Америку обращаться къ нему». Столь нарочитая популярность изложенія во всеподданнѣйшемъ отчетѣ едва ли доказываетъ, что распространеніе перепечатокъ изъ этого отчета по на-

лостнымъ правленіямъ произошло случайно, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія.

Въ дальнѣйшемъ изложеніе столь же популярно. Подробно и обстоятельно разсказывается, что васъ ждетъ «въ Гамбургѣ или Бременѣ», если вы поѣдете на Вержболово, что—въ Ливерпулѣ, если поѣдете черезъ Ганге. Съ такою же обстоятельностью объясняется весь маршрутъ вплоть до Питсбурга, гдѣ «русскихъ рабочихъ отлично знаютъ и квартиру ихъ укажутъ (эмигрантамъ) даже уличные мальчишки».

«Обратное путешествіе въ Россію» можно, пожалуй, совершить вполнѣ легально: надо явиться къ консулу, отдать ему паспортъ, взамѣнъ котораго онъ выдастъ «проходное свидѣтельство»; съ этимъ свидѣтельствомъ ѣхать по такому-то и такому-то маршруту «черезъ Эйдкуненъ въ Вержболово»; здѣсь съ васъ «на таможнѣ возьмутъ 15 руб. (5 руб. на Красный Крестъ), арестуютъ и отправятъ домой этапнымъ порядкомъ»; сверхъ того, «оставленный у консула паспортъ пересылается въ новозыбковскую полицію, которая и привлекаетъ къ отвѣтственности за недозволенную поѣздку въ Америку». Вотъ почему «обратное путешествіе крестьяне совершаютъ безъ мытарствъ»..., «предпочитая переходить границу нелегальнымъ путемъ». Да это и дешевле, ибо въ Эйдкуненѣ легко найти «еврея, который за 5—15 рублей переведетъ черезъ границу ночью». Далѣе слѣдуетъ детальный разсчетъ, сколько стоитъ «нелегальный проѣздъ» отъ Питсбурга до Новозыбкова.

Вообще же въ Америкѣ совсѣмъ не страшно: тамъ «ни одинъ изъ русскихъ рабочихъ не сидѣлъ въ тюрьмѣ», такъ что «наши крестьяне» могутъ попасть въ тюрьму лишь на обратномъ пути въ Вержболовѣ, если они, по глупости своей, захотятъ ѣхать легально. Надо полагать, это губернаторское сравненіе американскихъ порядковъ съ русскими особо убѣдительно дѣйствуетъ на крестьянъ. Наконецъ, и религіозныя соображенія не могутъ препятствовать поѣздкѣ за «американскими деньгами»:

«Въ Америкѣ празднованіе нашихъ православныхъ праздниковъ вполнѣ возможно... Какъ въ Питсбургѣ, такъ и въ Нью-Іоркѣ есть православныя церкви; въ Питсбургѣ двѣ, при чемъ въ одной изъ нихъ священникъ—уроженецъ Елисаветграда. Кромѣ богослуженія, священники часто собираютъ всѣхъ и бесѣдуютъ съ ними, укрѣпляя ихъ въ вѣрѣ. Ежегодно всѣ говѣютъ. Посты соблюдаются строго»...

Словомъ, Аркадія, совершеннѣйшая Аркадія! Внемлите же, православные крестьяне, совѣту вашего «начальника губерніи», ступайте въ Вильну, найдите тамъ контору Крызовскаго...

Спрашивается, съ какой стати россійскій администраторъ счелъ долгомъ подстрекать населеніе ввѣренной ему губерніи къ эмиграціи въ Америку? Нельзя же предполагать, что онъ не понималъ, какой смыслъ имѣетъ опубликованное имъ. Не младенецъ же въ

самомъ дѣлѣ это, не вѣдающій, что творитъ. Трудно предположить также, что онъ позволилъ зло подшутить надъ собою, помѣстивъ и въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ и въ оффиціальномъ календарѣ рекламу виленской «фирмы Крызовскаго». Столь же, пожалуй, трудно допустить, что черниговскій губернаторъ дѣйствовалъ, какъ компаньонъ или пайщикъ конторы Крызовскаго. Вѣроятнѣе всего, въ губернаторскихъ мозгахъ мерцала какая-то особая мысль. Но какая?

Я не рѣшился бы сдѣлать отсюда вполнѣ опредѣленный и точно формулированный выводъ, но фактъ самъ по себѣ знаменателенъ. Мною, такъ сказать, на пробу взяты два администратора, раздѣленные пространствомъ въ нѣсколько тысячъ верстъ. Но посмотрите, какое трогательное единодушіе! Одинъ начальствуетъ въ краѣ, гдѣ плотность населенія едва достигаетъ цифры 3 на кв. клм. Это въ 27 разъ меньше, чѣмъ въ Австріи, въ 11 разъ меньше, чѣмъ въ Европейской Турціи, почти въ 70 разъ меньше, чѣмъ въ Бельгіи, почти въ 16 разъ меньше, чѣмъ въ Черниговской губ. И, тѣмъ не менѣе, онъ хлопочетъ о выдвореніи поселенцевъ въ Китай,—о выдвореніи изъ области, которая почти пустынна, и въ которой каждая рабочая сила нужна и дорога. Другому, по волѣ судебъ, отдана подъ началъ Черниговская губернія, и онъ убѣждаетъ коренное населеніе эмигрировать въ Америку.

Безспорно, это—симптомы государственнаго безумія. Но въ этомъ безуміи, повторяю, есть система. Мнѣ лично, когда я вдумываюсь въ эту систему, невольно припоминается разсказъ о «Никишкѣ Григорьевѣ», который при Борисѣ Годуновѣ былъ посланъ обучиться наукамъ, а замѣсто того перешелъ «въ басурмане» и сталъ «аглицкимъ попомъ». Московское правительство настойчиво требовало у Англіи возвратить «нашего Никишку» и отказывалось вѣрить, что онъ самъ не хочетъ вернуться на родину. Дипломатическіе переговоры о Никишкѣ тянулись что-то около 20 лѣтъ. Это была тоже система. Пусть очень глупая, пусть чрезвычайно вредная. Но всетаки подъ нею было хоть сознаніе, что «нашихъ людей» нельзя зря терять, что «нашими» надо дорожить. Въ московской—глупой и вредной—системѣ былъ хоть нѣкоторый намекъ на государственный смыслъ, хоть проблески понятія о государственной солидарности. Жестоковыйная Москва всетаки понимала, что пустыню надо населить, и что эмиграція не даетъ блага.

Но какой смыслъ въ нынѣшней системѣ? Въ Россіи съ октября 1905 г. идетъ сплошной погромъ. Населеніе бѣжитъ во всѣ стороны: въ Японію, въ Персію, въ Австрію, Германію, въ Америку, въ Англію, даже въ Китай, даже въ Турцію. Уже полтора года наши губернаторы избавлены отъ заботы рекламировать «контору Крызовскаго» и рекомендовать путь по Финляндской дорогѣ къ «приморскому городу Ганге», какъ наиболѣе удобный для «неле-

гальнаго» путешествія за границу. Слово: «эмиграція» оказывается слишкомъ блѣднымъ и робкимъ. Появилась надобность въ терминахъ болѣе рѣшительныхъ, такъ какъ передъ нами своеобразный исходъ народа изъ Россіи, во многомъ подобный исходу евреевъ изъ Египта, съ тою существенной разницей, что тамъ уходили пришельцы изъ чужой земли, а здѣсь коренные жители вынуждены покидать родную землю. Сейчасъ, между прочимъ, по одной только Финляндской дорогѣ безпрерывно льется эмиграторскій потокъ изъ Прибалтійскаго края. Коренное населеніе этого несчастнаго края бѣжитъ куда-то, «въ невѣдомую даль». Бѣгутъ старики, бѣгутъ женщины, бѣгутъ дѣти, бѣгутъ семьи, бѣгутъ одинокіе люди. И если вѣрить тѣмъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, которыя удалось собрать мнѣ, число бѣгущихъ не только не уменьшается, но явно растетъ.

На нашихъ глазахъ происходитъ громадное и во многихъ отношеніяхъ непоправимое общенародное бѣдствіе. А отношеніе къ нему со стороны государственной власти таково, словно эта власть находится не то въ рукахъ бывшаго черниговскаго губернатора, убѣждавшаго крестьянъ уѣзжать въ Америку, не то въ рукахъ семирѣченскаго генерала хлопотавшаго объ увеличеніи народонаселенія въ Китаѣ. Пусть власть свирѣпа и кровожадна. Иванъ Грозный былъ и свирѣпъ, и кровожаденъ. Но даже Ивану Грозному, опустошителю цѣлыхъ областей, было понятно, что пустынное Пріуралье надо «облюдить». Даже этотъ незабвенный и безпощадный истребитель лучшихъ людей умѣлъ чувствовать и учитывать значеніе такихъ фактовъ, какъ «отъѣздъ» Курбскаго. Библейская легенда не церемонится, когда рѣчь заходитъ о репутаціи египетскихъ фараоновъ. Но даже библейская легенда не рѣшилась приписать фараонамъ равнодушіе, когда евреи «уходили» изъ Египта.

Къ сожалѣнію, текущая русская дѣйствительность безпощаднѣе легенды. За послѣдніе $1^1/_2$–2 года у насъ сложился цѣлый рядъ служебныхъ репутацій, основанныхъ единственно на умѣньи вынуждать населеніе къ повальному бѣгству. Рядомъ съ полковникомъ Думбадзе, получившимъ генералъ-маіорскій чинъ послѣ блестящаго и безпримѣрнаго опустошенія Ялты, можно поставить цѣлый рядъ не менѣе громкихъ именъ, начиная съ Курлова-Минскаго, а нынѣ Кіевскаго. Мы до такой степени превзошли славу библейскихъ фараоновъ, что нами уже изобрѣтена система принудительной эмиграціи: извѣстно нѣсколько случаевъ, когда представители государственной власти, не обинуясь, ставили альтернативу: либо уѣзжай немедленно за границу, либо будешь заточенъ въ тюрьму и сосланъ.

Равнодушіе, съ какимъ правительство Людовика XIV смотрѣло на повальную эмиграцію гугенотовъ, до сихъ поръ оцѣнивалось, какъ классическій примѣръ государственнаго безумія. Но даже

это безуміе не заходило такъ далеко, чтобы равнодушно взирать на повальную эмиграцію населенія, приписаннаго къ государственной церкви. Для насъ всѣ «вѣры» и всѣ «церкви» въ сущности одинаковы, и, сознательно принимая «мѣры къ уменьшенію іудейскаго народонаселенія», мы одновременно хлопочемъ о переселеніи православныхъ и въ «инославную» Америку, и въ «иновѣрный» Китай.

Правленіе случайныхъ авантюристовъ, вынесенное Россіей въ теченіе XVIII в., до сихъ поръ считалось классическимъ примѣромъ государственнаго безпутства. Но даже въ эпоху безпутства даже безпардонныхъ фаворитовъ временъ Анны Ивановны и Елизаветы Петровны серьезно озабочивала усиленная въ ту пору эмиграція изъ Россіи за польскій и нѣмецкій рубежъ. Даже тогдашнимъ куринымъ умамъ было понятно, что массовая эмиграція—великое зло, и что противъ нея надо принимать мѣры. Нынѣ мы отрѣшились даже отъ тѣхъ азбучныхъ истинъ, какія были понятны полтораста лѣтъ назадъ курляндскимъ кучерамъ и украинскимъ пастухамъ.

Недавно стало извѣстно, какую сложную и рѣшительную переписку вело правительство по случаю ареста теріокскаго жандарма, заподозрѣннаго въ причастности къ убійству Герценштейна. Г. Столыпинъ, оказывается, требовалъ отдать выборгскаго губернатора подъ судъ, теріокскаго ленсмана тоже подъ судъ. Командующій отдѣльнымъ корпусомъ жандармовъ адресовался къ финляндскому генералъ-губернатору въ крайне рѣзкомъ и оскорбительномъ тонѣ. Не то, видите ли важно, что убили Герценштейна. Не это безпокоитъ г. Столыпина. Ему важно лишь, что арестованъ подозрѣваемый въ убійствѣ жандармъ. Мелкое дѣло объ арестованномъ жандармѣ было раздуто до послѣдней крайности и отняло у правительства много труда и заботъ. Но совершенно не видно, чтобы правительство хоть на одну минуту озаботилось о такомъ важномъ и сложномъ вопросѣ, какъ усиленная эмиграція хотя-бы изъ Прибалтійскаго края. По крайней мѣрѣ, за послѣднее время извѣстна только одна забота объ этомъ краѣ: онъ отданъ подъ начало прославленному опустошителю помилованному убійцѣ судьи Каргопольцева, а нынѣ генералу Меллеръ-Закомельскому *). И среди прибалтійскаго населенія началось въ буквальномъ смыслѣ слова бѣгство.

Я опять упомянулъ о прибалтійскихъ бѣглецахъ. Быть можетъ, это—результатъ личныхъ впечатлѣній. Въ послѣднее время мнѣ часто приходится бывать на Финляндской дорогѣ, и каждый разъ приходится видѣть вагоны съ прибалтійскими эмигрантами. И каждый разъ, когда я вижу эти вагоны, мнѣ невольно кажется,

*) Подробнѣе объ убійствѣ Каргопольцева мною упоминалось въ замѣткѣ „Каламбуристы". (См. „Р. Б", августъ 1906 г., стр. 209).

что скоро мы окончательно освободимся отъ всякихъ истинъ, отъ всякихъ понятій, отъ всякихъ намековъ на здравый смыслъ. И если уже теперь у насъ сочиняются проекты разрѣшенія земельнаго вопроса посредствомъ утилизаціи человѣческихъ экскрементовъ, то въ недалекомъ будущемъ ничто не помѣшаетъ намъ воспользоваться мыслью генерала Іонова и возбудить международный вопросъ о колонизаціи всѣхъ странъ земнаго шара силами Россійскаго населенія.

А. Петрищевъ.

ГРИГОРІЙ БОРИСОВИЧЪ ІОЛЛОСЪ.

13 марта, среди бѣлаго дня, въ Москвѣ, на Спиридоновкѣ, убитъ Григорій Борисовичъ Іоллосъ. Товарищъ и другъ Герценштейна, убитаго «каморрой народной расправы» въ Финляндіи, онъ погибъ той же смертью, послѣ «предостереженій», исходившихъ изъ тогоже источника...

Имя Григорія Борисовича Іоллоса пользовалось широкой извѣстностью въ литературныхъ и интеллигентныхъ кругахъ. Уроженецъ Полтавской губерніи, города Кременчуга, онъ окончилъ гимназію въ Одессѣ и затѣмъ отправился для продолженія образованія въ Берлинъ. Здѣсь, по окончаніи курса въ Берлинскомъ университетѣ, онъ написалъ диссертацію по рабочему вопросу, давшую ему ученую степень и открывавшую почетную дорогу въ ученыхъ кругахъ Германіи. Однако, чисто ученая карьера не влекла къ себѣ этого живого и отзывчиваго человѣка. Онъ былъ журналистъ по натурѣ, по всему складу ума и по всѣмъ склонностямъ. Солидное научное образованіе только углубило и усилило въ немъ журналиста. Живя въ Берлинѣ, онъ сталъ посылать корреспонденціи въ «Русскія Вѣдомости», и очень скоро читатели этой распространенной передовой газеты привыкли, получая свѣжій номеръ, прежде всего разыскивать въ немъ статьи, подписанныя скромной буквой І. Это были не корреспонденціи въ обычномъ смыслѣ слова. Изложенныя живо, ярко, часто даже художественно,—это были бесѣды умнаго, талантливаго, глубоко образованнаго человѣка обо всѣхъ явленіяхъ общественной, литературной и парламентской жизни Германіи. Послѣдній трудъ извѣстнаго ученаго, новая драма выдающагося художника, рѣчь Бебеля или Рихтера въ парламентѣ, митингъ рабочихъ, партійный съѣздъ соціалъ-демократовъ, рѣчь императора и корректный отвѣтъ не нее независимаго общественнаго

дѣятеля, порой просто описаніе обычнаго берлинскаго дня, съ его текущими «злобами», погодой, уличнымъ движеніемъ, толками и развлеченіями,—все это подъ перомъ Іоллоса жило, волновалось, мыслило и возбуждало волненія живой мысли въ его русскихъ читателяхъ. Было что-то особенное въ этомъ яркомъ и перемѣнчивомъ калейдоскопѣ чуждой намъ жизни,—что дѣлало ее и для насъ близкой, понятной, захватывающе интересной. Еврей по происхожденію и религіи, европеецъ по образованію, такъ долго жившій за границей, Іоллосъ никогда не переставалъ быть русскимъ гражданиномъ по чувствамъ, симпатіямъ и стремленіямъ. Живя на высотахъ умственно-политической жизни одного изъ европейскихъ центровъ, окруженный атмосферой свободной и высокой культуры,—онъ никогда не терялъ ощущенія той связи, которая и на чужбинѣ соединяетъ русскаго гражданина съ его безправнымъ отечествомъ. Схватывая на лету проявленія болѣе высокой умственной и политической жизни, облекая ихъ въ живую форму своего яркаго, гибкаго, пластически-выразительнаго слова,—онъ никогда не забывалъ, что его письмо съ берлинской маркой должно отправиться за германскій рубежъ, въ Россію, гдѣ его будутъ читать люди, живущіе въ другой атмосферѣ, среди другихъ политическихъ условій. Корреспонденты, долго живущіе за границей, порой теряютъ ощущеніе своей аудиторіи, вовлекаются въ подробности междупартійныхъ заграничныхъ споровъ, такъ что и отчеты ихъ начинаютъ отражать иной разъ чуждую намъ страстность къ заграничнымъ дѣламъ и столкновеніямъ, къ мимолетнымъ вопросамъ чужой тактики данной минуты... Іоллосъ никогда не переносилъ центра тяжести своихъ симпатій изъ Россіи въ Германію. Въ его статьяхъ, правда, всегда билось особенное, живое чувство, которое не позволяло имъ превратиться въ безстрастные репортерскіе отчеты. Но это чувство было чувство русскаго гражданина, коренившееся въ живомъ интересѣ къ русской жизни. И если во всѣхъ работахъ Іоллоса, подъ обаятельно спокойной формой, всегда ощущалось живое волненіе и, пожалуй, полемика, споръ, даже борьба,—то это не была борьба европейскаго партійнаго полемиста. Нѣтъ,—въ статьяхъ Іоллоса сама европейская жизнь, культура, политическая свобода всегда оспаривала, порицала и стыдила русскій произволъ, русское темное безправіе. И это чувствовалось ясно какъ друзьями, такъ и противниками русскаго обновленія. Брюзгливая и желчная московская цензура всегда косилась на Іоллоса, не имѣя, однако, возможности придраться къ отдѣльнымъ статьямъ. Это послѣднее обстоятельство объяснялось совсѣмъ не ухищреніями автора, не уловками эзоповскаго стиля. Нѣтъ, Іоллосъ писалъ всегда ясно, просто, прозрачно и, прибавимъ — вполнѣ цензурно.

Но въ этихъ простыхъ безыскусственныхъ картинкахъ вставала подлинная европейская жизнь въ изображеніи искренняго русскаго публициста. И безъ подчеркиваній, безъ напряженной

тенденціи, безъ явнаго намѣренія,—всѣ эти картины рождали невольный, жгучій вопросъ: а у насъ? Это было ясно и неуловимо, «неблагонадежно» съ цензурной точки зрѣнія и — не искоренимо. Это вытекало изъ самого положенія вещей. Писалъ все это европеецъ по культурѣ и образованію, и русскій по живому гражданскому чувству. Подъ самой радостной картиной чуждой жизни—слышалась своя, русская горечь, своя русская скорбь. Это создавало особую, естественно приподнятую точку зрѣнія, съ которой Іоллосъ трактовалъ всѣ явленія европейской жизни. Бебель могъ спорить съ Рихтеромъ враждебно и страстно. Вождь свободо-мыслящихъ такъ же страстно могъ опрокидываться на вождя католическаго центра. Іоллосъ рисовалъ правильно и безпристрастно общую картину этой борьбы, но у него самого горѣла одна сдержанная страсть, преобладала одна перспектива: онъ бралъ эти европейскіе споры въ ихъ общемъ отношеніи къ русской жизни—безправной, темной, лишенной политической культуры. И вотъ почему выходило, что не только слова Бебелей и Либкнехтовъ, Зингеровъ и Рихтеровъ звучали призывомъ впередъ, къ отдаленнымъ горизонтамъ свободы,—но даже благонамѣреннѣйшія рѣчи Виндгорстовъ, вождей центра и самыхъ отсталыхъ германскихъ консерваторовъ вызывали невольное сравненіе уровня ихъ политическихъ воззрѣній и культуры съ нашимъ «консерватизмомъ», отрицающимъ самыя основы всякой культуры... Русскій читатель чувствовалъ тутъ глубокую, свою собственную, русскую правду. Задолго еще до открытія россійскаго парламента—онъ уже получалъ въ письмахъ Іоллоса уроки парламентской практики съ ея запутанной казуистикой, и, что еще важнѣе—съ ея философіей политической борьбы и спокойной терпимости на почвѣ свободы.

Съ наступленіемъ новой эры «россійской конституціи», Іоллосъ тотчасъ же оставилъ Европу и вернулся въ Россію, гдѣ онъ былъ выбранъ въ Думу отъ гор. Кременчуга. Въ Думѣ онъ не выдавался ни яркой полемикой, ни боевыми выступленіями. Какъ подъ своими статьями въ газетѣ онъ подписывалъ только одну скромную букву, такъ и въ Думѣ онъ не выставлялся впередъ, незамѣтно внося въ практику новаго русскаго учрежденія свой огромный парламентскій опытъ. И нѣтъ сомнѣнія, что на протяженіи сколько-нибудь продолжительнаго времени эта работа стала бы такъ же замѣтна и значительна, какъ и его, тоже очень скромныя по формѣ, берлинскія корресподенціи.

Судьба судила иначе. Первая Дума разогнана, во вторую Іоллосъ, какъ и многіе депутаты перваго призыва, не попалъ по причинамъ внѣшняго свойства... Но какъ журналистъ и редакторъ,—онъ представлялъ большую силу.

13-го марта онъ убитъ.

«Предостереженія» онъ получалъ давно, еще въ ноябрѣ и декабрѣ прошлаго года, но относился къ нимъ съ спокойствіемъ

человѣка, знающаго свою дорогу и ту цѣль, къ которой она ведетъ. Каждый день онъ проходитъ въ одни и тѣ же часы мимо роковыхъ воротъ на Спиридоновкѣ, у дома Торопова. Въ этомъ домѣ съ дворомъ, выходящимъ на двѣ улицы, помѣщается штабъ-квартира союза русскаго народа, редакція газ. «Вѣче»; тамъ же квартира князя Щербатова. Лицевой стороной каменнаго дома эта «усадьба» выходитъ на Никитскую. На Спиридоновку глядятъ мрачныя старыя деревянныя ворота, съ калиткой на цѣпи. Ежедневно два раза безоружный журналистъ безпечно проходитъ на работу и съ работы мимо этихъ воротъ, и очень можетъ быть, что уже не разъ въ него впивались въ это время внимательные взгляды врага, выжидавшаго случая для безнаказаннаго убійства. 13 марта около двухъ часовъ дня изъ-за калитки высунулась рука съ револьверомъ. Спиридоновка была пуста... Раздались выстрѣлы.

Исторія освѣтитъ когда-нибудь и подробности убійства, и его пружины. На современное россійское правосудіе надежды мало, а кидать обвиненія безъ точно установленныхъ фактовъ, конечно, не слѣдуетъ. Итакъ, пока несомнѣнно только одно: Іоллосъ, всю жизнь боровшійся только перомъ за новую свободную и просвѣщенную Россію, за ея обновленіе на началахъ свободы и самодѣятельности,— убитъ закоренѣлою «старою» Русью, на грязныхъ задворкахъ старой Москвы, людьми, стоящими за возвратъ къ темному прошлому, съ его произволомъ, безправіемъ и нищетой народа. На его смерть глядѣли въ роковую минуту только грязныя ворота враждебной крѣпости, и враги огласили его паденіе злораднымъ издѣвательствомъ и поруганіемъ *)...

Но—кто въ сущности побѣдилъ въ этомъ столкновеніи? Герценштейнъ и Іоллосъ, два еврея по происхожденію убиты одинъ вслѣдъ за другимъ. Одинъ успѣлъ заявить себя въ борьбѣ русскаго парламента за землю для русскаго народа. Другой всю жизнь проводилъ идею русскаго гражданскаго освобожденія. И имена этихъ двухъ *евреевъ* теперь связаны навѣки съ борьбой русскаго народа за землю и волю.

Этого ли добивалась юдофобствующая націоналистическая «старая Русь»?.. Ни Іоллосъ, ни Герценштейнъ никогда спеціально не занимались такъ называемымъ еврейскимъ вопросомъ. Оба находили, что рѣшеніе всѣхъ вопросовъ въ общемъ освобожденіи. И, однако, можно ли придумать лучшій аргументъ противъ спеціалистовъ племенной вражды, чѣмъ тотъ, который невольно диктуется этой яркой смертью двухъ евреевъ, погибшихъ на глазахъ у всего русскаго народа за дѣло обще-русскаго обновленія!..

Таковъ неуклонный, неотвратимый и роковой ходъ великаго историческаго процесса, направляющагося отъ тьмы человѣко-

---

*) См. газету „Вѣче" отъ 14, 15, 16 марта.

ненавистничества и безправія къ свѣту освобожденія и терпимости. Даже гибель отдѣльныхъ лицъ служитъ грядущему торжеству ихъ стремленій!

Вл. Короленко.

АНГЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ БОГДАНОВИЧЪ.
1860—1907.

Наша книжка была закончена, когда литературная семья понесла новую утрату: 24 февраля, послѣ тяжелой болѣзни, умеръ Ангелъ Ивановичъ Богдановичъ, публицистъ, критикъ, одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ и редакторъ журнала «Міръ Божій».

Полякъ по происхожденію, католикъ по исповѣданію, А. И. Богдановичъ въ раннемъ дѣтствѣ попалъ вмѣстѣ съ семьей въ Нижегородскую губернію, гдѣ выросъ и получилъ среднее образованіе. Впечатлѣнія Приволжскаго края окружали его дѣтство, среднее образованіе онъ получилъ въ нижегородской гимназіи, и русская литература освободительной эпохи заполонила молодую воспріимчивую душу. Не забывая родного языка, онъ, однако, сталъ русскимъ по главному содержанію чувства и мысли. Это не былъ переходъ отъ «завоеванныхъ» на сторону «завоевателей», отъ угнетенныхъ къ угнетателямъ. Къ какой Россіи примкнулъ полякъ Богдановичъ, видно изъ того, что уже въ первые свои университетскіе годы онъ попадаетъ въ русскую крѣпость, подъ русскій военный судъ. Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ журнала «Былое» *) есть упоминаніе объ этомъ эпизодѣ изъ жизни Богдановича: обвиняли его въ принадлежности къ партіи, стремившейся къ ниспроверженію существующаго строя. На судѣ юный студентъ произнесъ короткую остроумную рѣчь, въ которой сопоставилъ тяжесть обвиненія, грозившаго, если не ошибаюсь, смертной казнью, съ уликами (въ его квартирѣ нашли при обыскѣ «81 точку типографскаго шрифта». Эта «восемьдесятъ одна точка» давала поводъ для обвиненія по 249 ст.). Военный судъ вынесъ оправдательный вердиктъ, но университетская карьера Богдановича была прервана, такъ какъ административно онъ все же былъ высланъ изъ Кіева и нѣсколько лѣтъ жилъ подъ надзоромъ полиціи въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Здѣсь, съ 1886 года, онъ началъ работать въ провинціальныхъ

---

*) См. „Былое", январь, 1907 г., стр. 119.

приволжскихъ (преимущественно казанскихъ) газетахъ: Въ эти годы онъ принималъ дѣятельное участіе въ той глухой, сдавленной борьбѣ за право и правду, которую съ такимъ трудомъ и усиліями вела тогдашняя безправная печать. Къ концу 80-хъ годовъ онъ, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ А. А. Дробышевскимъ, переѣхалъ въ Казань, гдѣ принялъ ближайшее участіе въ «Волжскомъ Вѣстникѣ». Это было время, когда работа въ провинціальной печати являлась настоящимъ подвигомъ: читателей было немного, подписчиковъ еще меньше. За самое скудное вознагражденіе, едва оплачивавшее скромное существованіе литературной богемы,—Богдановичъ писалъ передовыя статьи, замѣтки, фельетоны, составлялъ номера, выкраивалъ извѣстія. Можно сказать съ увѣренностью, что вдвоемъ эти «ближайшіе сотрудники» часто выносили на плечахъ злополучную газету. Въ одномъ были требовательны эти непритязательные работники: они не допускали ни малѣйшей неискренности и фальши. Газета могла говорить немного, но то немногое, что можно было сказать,—должно быть сказано безъ недомолвокъ и искаженій.

На этой почвѣ выходили конфликты съ издателями, и литературнымъ воинамъ приходилось сниматься съ насиженнаго мѣста и перекочевывать съ своими перьями въ другое. Черезъ короткое время боевая кличка Богдановича Semper Idem стала очень замѣтна въ среднемъ Поволжьи; нерѣдко изъ его фельетоновъ яркія блестки стали залетать въ столичную печать, и газета, гдѣ онъ основывалъ свой временный бивакъ, сразу привлекала вниманіе, впредь до новаго конфликта изъ-за «чистоты направленія».

Въ 1893 году Богдановичъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ сначала велъ внутреннее обозрѣніе въ «Русскомъ Богатствѣ», а затѣмъ вошелъ въ составъ редакціи «Міра Божьяго». Здѣсь онъ опять развернулъ свою поразительную работоспособность и отдалъ журналу всѣ свои незаурядныя силы, работая вмѣстѣ съ А. А. Давыдовой. Впослѣдствіи къ нимъ примкнули и новыя силы, но можно, кажется, сказать, не боясь впасть въ преувеличеніе, что журналъ поставленъ твердо и сдѣланъ тѣмъ, чѣмъ сталъ онъ въ лучшія времена своего существованія,—главнымъ образомъ усиліями этихъ двухъ человѣкъ... Оба они отдали себя дѣлу журнала всецѣло и беззавѣтно.

А. И. Богдановичъ, кромѣ редакторской работы, велъ еще критико-публицистическій отдѣлъ, за скромной подписью А. Б. Читатели, конечно, помнятъ эти летучіе, живые очерки, порой яркіе, порой парадоксальные,—но всегда глубоко искренніе и проникнутые горячей любовью къ литературѣ.

27 марта, въ сумрачный весенній день, на Волковомъ кладбищѣ читатели-друзья покойнаго и его друзья-писатели присутствовали при не совсѣмъ обычномъ зрѣлищѣ: на русскомъ православномъ кладбищѣ у раскрытой могилы стоялъ католическій священникъ и раздавались печальные звуки латинскаго «requiem aeter-

nam dona ei Domine». Поляка-католика хоронили въ литераторской части православнаго кладбища, потому что этотъ полякъ былъ искренній русскій писатель, и настоящей родиной его души была русская литература. Кругомъ свѣжей могилы высились кресты и памятники ранѣе пришедшихъ туда товарищей, встрѣчавшихъ своего собрата, еще молодого, но успѣвшаго уже много поработать на нивѣ мысли и слова, свободы, солидарности и братства...

Вл. Кор.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу голодающихъ крест. въ разныхъ губ: отъ А. А. С., изъ Житоміра—15 р.; отъ Е. Д.—10 р.; отъ Васи Т.—1 р; черезъ М. Шульга, сборъ съ благотворительнаго вечера, устроен. 3 февраля 1907 г. въ Вознесенскѣ—306 р. 30 к.; отъ А Н.—5 р.; отъ В. Яновскаго, изъ Севастополя—15 р.; отъ студ. І. Шліомкиса, изъ Керчи—4 р.; отъ О. Васильевой, изъ Анапы—2 р.; черезъ редакцію газ. „Харбинъ"—34 р. 75 к.; отъ М. О.—1 р. 50 к.;—отъ Н. Кожевникова, изъ Кунгура — 3 р.; отъ Е. Цыплаковой, изъ Балаклавы—5 р.; оаъ А. С. Н.—10 р.; отъ неизвѣстной—2 р.; отъ учениковъ Кевловской одноклас. школы и Михневической жен. ц.-прих. школы—6 р. 88 к.; отъ Александровскихъ изъ Кіева—100 р.; отъ Х.—1 р. 50 к.; отъ Бондарева—30 к.; отъ „Прудковскихъ рабоч. и служащихъ" — 25 р. 50 к.; черезъ Л. Чупихина отъ служащ. по переселенч. управд. въ Сыръ-Дарьинскомъ раіонѣ—45 р.; отъ сибирячки—2 р.; отъ „Прудковской компаніи"—38 р.; отъ Л. А. — 50 к.; отъ Б. А.—50 к.; отъ В. Н. и Е. П.—1 р.; отъ В. Т.—3 р.; отъ N. N. изъ Бѣжицы—10 р.; отъ А. Быкадорова, изъ Москвы—5 р.; отъ чиновъ Иногородческаго управленія Ставропольской губ.—9 р. 18 к.; отъ ветерин. врачей Скворцова, Якоби и Травина—6 р. 50 к.

Итого	669 р 41 к.
А всего съ прежде поступившими	1650 р. 54 к.
Послано въ Казанскую губ. Н. П. Купріяновой.	800 р.
Остается въ конторѣ	850 р. 54 к.

Въ пользу ссыльныхъ: отъ А. А. С. изъ Житоміра—10 р.; собранныя на банкетѣ въ честь отъѣзжающ. членовъ Г. Д. отъ Перми — 75 р.; отъ А. Крживицкаго, изъ Ломжи — 5 р.; отъ группы лицъ, изъ Тифлиса—25 р.; отъ подписчицы—5 р.; отъ Н. М. Г.—10 р.; черезъ Н. М. Г.—1 р. 50 к.; отъ А. С.—3 р.; отъ неизвѣстной—2 р.; отъ А. Б., С. Р. и В. Ш.—14 р.; отъ сибирячки—2 р.; отъ фельдшерицы Ю. Николаевой—5 р.; отъ N. N., изъ Бѣжицы -7 р. 50 к.; отъ О. А. Шапиръ—5 р.; отъ Е. Лисневичъ—5 р. 50 к.

Итого	175 р. 50 к.

Въ пользу безработныхъ: отъ сибирячки—2 р.

Ред.-изд. *В. Г. Короленко.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1907 г. НА ЖУРНАЛЪ

„МОСКОВСКІЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ".

Подъ редакціей кн. Е. Н. Трубецкого.

Выходитъ книжками въ 4 листа еженедѣльно по расширенной программѣ. Держась строго демократическаго направленія, журналъ не будетъ органомъ какой-либо изъ существующихъ въ Россіи политическихъ партій: исходя изъ признанія незыблемыхъ правъ человѣческой личности, редакція будетъ стоять на стражѣ конституціонныхъ началъ, изобличая всякія посягательства на свободу, откуда бы они ни исходили. Главную задачу народнаго представительства журналъ видитъ въ проведеніи широкихъ соціальныхъ преобразованій и выдвинетъ на первый планъ аграрную реформу, переустройство быта крестьянъ и рабочее законодательство: вопросамъ мѣстнаго самоуправленія, въ связи съ національными, и вопросу церковному будетъ также удѣлено особое вниманіе.

Кромѣ статей по общественно-политическимъ и экономическимъ вопросамъ, «Московскій Еженедѣльникъ» будетъ удѣлять мѣсто и статьямъ по вопросамъ литературы, искусства и общественной жизни и произведеніямъ беллетристическаго характера.

Въ теченіе года подписчики получатъ 52 книжки журнала.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Н. Н. Авиновъ, священникъ К. М. Агеевъ, профессоръ А. С. Алексѣевъ, В. П. Алексѣевъ, Мих. Андреевъ, К. К. Арсеньевъ, Н. Н. Баженовъ, П. В. Безобразовъ, Н. А. Бердяевъ, М. И. Брунъ, О. Е. Бужанскій, проф. С. Н. Булгаковъ, приватъ-доцентъ Д. В. Викторовъ, профессоръ П. Г. Виноградовъ, М. О. Гершензонъ, В. А. Гольцевъ, проф. И. М. Громогласовъ, проф. А. Г. Гусаковъ, прив.-доц. Н. В. Давыдовъ, Н. П. Добронравовъ, проф. В. Э. Денъ, прив.-доц. Д. Н. Егоровъ, проф. М. Э. Эдзѣховскій, М. А. Иванцовъ, проф. И. И. Иванюковъ, Г. Б. Іоллосъ, проф. А. В. Карташевъ, А. А. Кауфманъ, прив.-доц. И. А. Кистяковскій, профессоръ М. М. Коваленскій, прив.-доц. С. А. Котляревскій, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, проф. В. Ф. Левицкій, А. Р. Ледницкій, проф. Л. М. Лопатинъ, проф. И. В. Лучицкій, Н. Н. Львовъ, В. А. Маклаковъ, А. Н. Максимовъ, М. М. Марголинъ, Б. М. Маркельсъ, В. Г. Михайловскій, проф. Б. М. Млодзѣевскій, проф. П. И. Новгородцевъ, И. Д. Новикъ, Ю А. Новосильцовъ, проф. Л. І. Петражицкій, прив.-доц. А. И. Покровскій, Т. И. Полнеръ, проф. А. С. Посниковъ, прив.-доц. Г. К. Рахмановъ, Ф. И. Родичевъ, Сергѣй Глаголь, В. Ю. Скалонъ, Л. З. Слонимскій, П. Б. Струве (б. редакторъ «Освобожденія»), проф. С. С. Салазкинъ, кн. Г. Н. Трубецкой, проф. Н. А. Умовъ, проф. С. Ф. Фортунатовъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, проф. В. М. Хвостовъ, проф. А. И. Чупровъ, проф. фонъ-Шульце-Геверницъ (Фрейбургъ въ Брессау), М. П. Щепкинъ, прив.-доц. Л. Н. Яснопольскій и друг.

Условія подписки на 1907 г.: за годъ—5 руб., за 6 мѣс.—2 руб. 75 к., за 3 мѣс.—1 руб. 50 коп., за границу вдвое.

Разсрочка допускается только годовымъ подписчикамъ на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ—2 руб., 1 апрѣля — 2 руб., 1 августа — 1 руб. или при подпискѣ—2 руб., 1 апрѣля—1 руб., 1 іюня—1 руб. и 1 августа—1 руб.

Подписавшіеся на весь 1907 г. въ текущемъ году будутъ получать журналъ съ момента подписки до 1 января 1907 г. безплатно.

Книгопродавцы удерживаютъ съ подписной цѣны 10%; коммиссіонеры розничной продажи пользуются обычной уступкой.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи, у Н. Печковской и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи и конторы: Москва, Пречистенскій бульваръ уг. Гагаринскаго пер., д. Гиршъ. Телефонъ № 127—18.

Редакторъ-издатель проф. кн. Е. Н. Трубецкой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ.

(18-ый годъ изданія).

На общепедагогическій журналъ для учителей и дѣятелей по народному образованію

„РУССКАЯ ШКОЛА".

Журналъ издается по слѣдующей программѣ: 1) Вопросы общей реформы системы образованія. 2) Злободневные вопросы школьнаго дѣла. 3) Общіе вопросы образованія и воспитанія. 4) Педагогическая психологія. 5) Школьная гигіена. 6) Исторія школы. 7) Методика преподаванія. 8) Беллетристическія произведенія съ сюжетами, взятыми изъ жизни школы, и школьныя воспоминанія. 9) Обзоры новѣйшихъ теченій въ области знанія (научный фельетонъ). 10) Дѣятельность государственныхъ и общественныхъ учрежденій въ области народнаго образованія (Гос. Дума, земство и т. п.). 11) Иностранная школа. 12) Инородческая школа. 13) Начальная школа. 14) Городскія училища. 15) Средняя школа. 16) Высшая школа. 17) Профессіональная школа. 18) Вопросы женскаго образованія. 19) Внѣшкольное образованіе.

Кромѣ статей разныхъ авторовъ по означенной программѣ журналъ даетъ ежемѣсячно слѣдующіе отдѣлы: I. Критика и библіографія педагогическихъ и популярно-научныхъ сочиненій.—II. Хроника народнаго образованія на Западѣ.—III. Хроника начальнаго образованія.—IV. Хроника народныхъ библіотекъ.—V. Хроника воскресныхъ школъ.—VI. Хроника профессіональнаго образованія.—VII. Замѣтки изъ текущей жизни.—VIII. Разныя извѣстія.—IX. Правительственныя распоряженія.

Въ «Русской Школѣ» принимаютъ участіе слѣдующія лица: Н. Я. Абрамовичъ, Х. Д. Алчевская, К. И. Андріенко, Ц. П. Балталонъ, проф. И. А Бодуэнъ-де-Куртенэ, И. А. Бѣлозерскій, И. П. Бѣлоконскій, В. П. Вахтеровъ, П. И. Вейнбергъ, Б. П. Вейнбергъ, д-ръ А. С. Виреніусъ, Е. М. Гаршинъ, проф. И. М. Гревсъ, А. Г. Готлибъ, Я. Я. Гуревичъ, А. Я. Гуревичъ. К. Н. Дерунонъ, О. А. Добіашъ, К. В. Ельницкій, Н. М. Жесгелевскій, И. П. Житецкій, С. А. Золотаревъ, Г. Г. Зоргенфрей, К. А. Ивановъ, проф. Д. Н. Кайгородовъ, П. Ѳ. Каптеревъ, проф. И. И. Карѣевъ, П. Н. Казанцевъ, В. А. Келтуяла, Н. П. Кашинъ, П. А. Конскій, Н. И. Коробка, А. А. Карасевъ, проф. Н. Н. Ланге, Б. А. Лезинъ, М. К. Лемке, проф. П. Ф. Лесгафтъ, А. Л. Липовскій, А. А. Локтинъ, Ѳ. С. Матвѣевъ, И. И. Мещерскій, П. Г. Мижуевъ, А. В. Мезіеръ. А. П. Налимовъ, А. П. Нечаевъ, А. Новиковъ, А. В. Оясниковъ, Ф. Ф. Ольденбургъ, проф. И. Г. Ошманскій, С. А. Острогорскій, Ф. И. Павловъ, О. Х. Павловичъ, проф. А. Л. Погодинъ, В. Подстепянскій, С. Н. Поликовъ, В. Л. Розенбергъ, Г. П Роковъ, И. А. Рудневъ, Н. А. Рубакинъ, Е. П. Рѣпина, С. Ф. Русова, М Н. Салтыкова, проф. И. А. Сикорскій, И. С. Симоновъ, Л. С. Севрукъ, проф. Ир. П. Скворцовъ, А. Ѳ. Соколовъ, М. И. Страхова, проф. Сумцовъ, М А. Тростниковъ, А. М. Тютрюмовъ, К. А. Тюлеліевъ, В. И. Чарнолускій, Н. В. Чеховъ, В. И. Фармаковскій, А. П. Флеровъ, В. А. Флеровъ, проф. В. М. Шимкевичъ, С. И. Шохоръ-Троцкій, Н. Ѳ. Шохоръ-Троцкая, д-ръ В. Ф. Якубовичъ, А. Яцимирскій и др.

«Русская Школа» выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печатныхъ листовъ каждая (за май-іюнь и іюль-августъ—двѣ книжки двойного объема). Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—семь руб., съ доставкою — 7 руб. 50 коп., для иногороднихъ съ пересылкою—восемь руб., за границу -девять руб. въ годъ.—Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за шесть руб. въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%. Книжные магазины получаютъ за коммиссію 5% съ годовой цѣны. Подписка съ разсрочкой и уступкой принимается только въ конторѣ журнала.

Журналъ «Р. Ш.» допущенъ Ученымъ Комитет Мин. Нар. Просв. къ выпискѣ для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

Золотая медаль на международной выставкѣ «Дѣтскій Міръ» въ 1904 г.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Спб., Лиговская ул., 4).

Редакторъ-издатель Я. Я. Гуревичъ.

„Политическая Энциклопедія“

подъ редакціей Л. З. Слонимскаго.

Въ 12 выпускахъ, цѣна по подпискѣ 9 руб. (въ трехъ полукожанныхъ переплетахъ ц. 12 руб.).

При задаткѣ въ 3 руб. выдаются три выпуска, а дальнѣйшіе по мѣрѣ поступленія взносовъ, считая одинъ рубль за каждый выпускъ. Послѣ оплаты всей подписной суммы выпуски выдаются немедленно по выходѣ ихъ изъ печати.

Цѣна внѣ подписки: 12 руб., въ перепл. 15 руб.

Переплетенные тома выдаются при выходѣ 4-го, 8-го и 12-го выпусковъ.

Въ первыхъ трехъ выпускахъ (480 страницъ) помѣщено 206 статей между прочимъ, слѣдующія:

Абсолютизмъ, проф. Э. Гримма; **Австрія**, М. Горенберга; **Автономія**, М. Горенберга и Н. Рейнгардта; **Аграрное движеніе 1905 г.**, С. Прокоповича; **Аграрныя отношенія въ Россіи**, В. В; **Адвокатура**, К. Арсеньева; **Административная юстиція**, И. Лазаревскаго; **Азіатская Россія**, А. Кауфмана; **Азія**, З. Авалова; **Акціонерн. компаніи**, А. Каминка; **Алексѣевъ**, Е. И., Л. Слонимскаго; **Амнистія**, В. Кузьмина-Караваева; **Анархизмъ**, В. Святловскаго; **Антисемитизмъ**, В. Водовозова, Н. Рейнгардта и Л. Слонимскаго; **Арбитражъ**, бар. Б. Нольде; **Арендныя отношенія**, А. Дидиченко и Л. Чермака; **Армія**, проф. А. Добровольскаго; **Арсеньевъ**, К. К., А. Ѳ. Кони; **Артели**, Ф. Щербины; **Афганистанъ**, З. Авалова; **Багдадская желѣзная дорога**, бар. Б. Нольде; **Балканскій полуостровъ**, бар. Б. Нольде и П. Калиновка; **Батраки**, Ф. Щербины; **Башкиры и башкирскія земли**, А. Дидиченко; **Бебель**, В. Водовозова; **Бездѣйствіе власти**, проф. кн. С. Друцкого; **Безземельные крестьяне**, Ф. Щербины; **Безобразовъ** М. А., Н. Рейнгардта; **Безработица**, В. Святловскаго; **Берлинскій трактатъ**, бар. Б. Нольде; **Берлинъ**, Р. Стрѣльцова; **Бернштейнъ**, Эд., В. Водовозова; **Бобыли**, Ф. Щербины; **Богатство**, Г. Чернявскаго; **Бойкотъ**, В. Водовозова; **Болгарская конституція**, П. Милюкова; **Босфоръ и Дарданеллы**, бар. Б. Нольде; **Бракъ**, Н. В. Рейнгардта; **Бонтано**, А. Р. Стрѣльцова; **Британская имперія**, П. Г. Мижуева; **Бундъ**, І. Рыбакова; **Бюджетное право**, Сергѣя Шумакова; **Бюджетъ**, Л. Буха; **Бюджеты крестьянскіе**, Ф. Щербины; **Бюрократія**, Н. В. Рейнгардта, проф. В. В. Ивановскаго и Л. Слонимскаго; **Вандербильты**, П. А. Тверского; **Великобританія**, проф. Павла Виноградова; **Экономическія и общественныя условія Великобританіи**, С. И. Рапопорта; **Вильгельмъ II**, Г. Гроссмана (А. Коврова); **Витте**, С. Ю., Л. Слонимскаго; **Военное вѣдомство и высшее военное управленіе**, А. Л—скаго; **Военное положеніе**, Сергѣя Шумакова; **Военные суды**, А. Т. и Сергѣя Шумакова; **Вольное Экономическое Общество**, Д. И. Рихтера; **Вооруженное возстаніе**, Н. В. Рейнгардта; **Всеобщее избирательное право**, В. Водовозова.

Въ первыхъ трехъ выпускахъ помѣщено 28 портретовъ и иллюстрацій, 18 картограммъ, и 29 геогр. и этногр. картъ.

Выпуски четвертый и пятый печатаются и выйдутъ въ началѣ 1907 г.

Для ознакомленія съ изданіемъ всѣмъ желающимъ высылается первый выпускъ съ обязательствомъ возвратить его, если подписка не состоится.

Подписка съ наложеніемъ платежа принимается съ надбавкой 25 коп. при каждой отправкѣ.

Главная контора: Спб., Невскій, 88.

Подписка принимается также въ иногороднихъ отдѣленіяхъ и у представителей главной конторы.

Появившіяся объявленія о „Политической Энциклопедіи“, какъ приложеніи къ другимъ изданіямъ, не имѣютъ ничего общаго ни съ нашей редакціей, ни съ нашимъ издательствомъ.

VIII-й годъ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ VIII-й годъ

на издающуюся въ городѣ Харбинѣ газету

„НОВЫЙ КРАЙ".

Газета будетъ выходить ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ

«Новый Край», посвящая себя по-прежнему служенію русскимъ интересамъ на Дальнемъ Востокѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ силъ и возможности, будетъ стремиться къ всестороннему освѣщенію всѣхъ вопросовъ внутренней жизни дорогого отечества, отводя на своихъ страницахъ широкое мѣсто статьямъ по нуждамъ крестьянства, фабричнаго и трудящагося класса, по народному образованію, по подъему общей культуры и народнаго экономическаго благосостоянія.

Постоянное участіе въ газетѣ примутъ: Азбелевъ Н. П., Артуренъ, Богомоловъ, Бѣловъ В. В., Гессенъ А. И., Гирсъ Г. Д., Гирщенко В. П., Дмитріевъ К. И., Нишенецкая Т. Н., Козловъ В. Д., Красноиванновскій М., Ларенко П., Лаукнеръ А. Э., Легкомысленный, Левитовъ И. С., Д-Л (Львовичъ), Макъ-Кулла Ф. Я., Назаровъ Г. Т., Ножинъ Е. К., Оноре Л. Л., Пеневскій Ф. В., Розановъ П. А., Россовъ П. Я., Серединъ-Сабатинъ А. И. (Россіянинъ), Силинъ В. В., Синорусъ, Талыпинъ, Тыртовъ М. А., Хавъ-Хенъ Куонъ, Ховенъ Н. Н., бар. Шахновскій И. К., Шишко Я. У., Шкуркинъ П. В., Шостакъ П. Е., Штейнфельдъ Н. К., Янчевецкій Д. Г., Яппо И. Я. (Король-Трефъ), Ѣ-Цзунъ-Ганъ и др.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и во всѣхъ значительныхъ населенныхъ пунктахъ Дальняго Востока, а также въ Китаѣ, Японіи и Кореѣ. Спеціальнымъ корреспондентомъ редакціи на Дальнемъ Востокѣ состоитъ А. И. Серединъ-Сабатинъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: городскимъ на годъ—12 р., полгода—7 р., 3 м.—4 р., 2 м.—3 р., 1 м.—2 р. Иногороднимъ на годъ—14 р., полгода—8 р., 3 м.—5 р., 2 м.—3 р. 50 к., 1 м.—2 р. 50 к. За границу на годъ—20 р., полгода—11 р., 3 м.—6 р. 50 к., 2 м.—4 р. 25 к., 1 м.—3 р. 25 к.

Въ розничной продажѣ цѣна отдѣльнаго номера 10 коп. Подписка и объявленія принимаются въ книжномъ магазинѣ „Новый Край" — Харбинъ-Пристань, уголъ Участковой и Сквозной. Плата за объявленія на первой страницѣ, передъ текстомъ—25 коп., а на послѣдней страницѣ, послѣ текста—15 коп. за строку петита.

Подписка для иногороднихъ подписчиковъ принимается, кромѣ того, въ С.-Петербургѣ въ агентурной конторѣ „Новаго Края", Невскій 110, въ торг. домѣ Л. и Э. Метцль и К° (Москва, С.-Петербургъ, Варшава), въ книжномъ магазинѣ „Правовѣдѣніе" И. К. Голубева (Москва, Никольская, домъ Славянскаго Базара) и въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина (Москва, Моховая ул., д. Бенкендорфъ). Во Владивостокѣ, въ книжномъ магазинѣ Курманаевскаго и Янковскаго; въ Хабаровскѣ въ книжномъ магазинѣ Пьянкова.

Пріемъ объявленій отъ иногороднихъ публикаторовъ: въ агентурной конторѣ «Новаго Края» (Спб., Невскій 110), въ конторахъ по пріему объявленій торг. дома Л. и Э. Метцль и К°, (Спб., Москва, Варшава), контора Кее (Спб. и Москва) и въ книжномъ магазинѣ «Правовѣдѣніе» И. К. Голубева (Москва, Никольская ул., д. Славянскаго Базара).

Плата за объявленія для иногороднихъ публикаторовъ впереди текста 40 коп. и послѣ текста 20 коп. за строку петита.

Редакторъ-Издатель П. А. Артемьевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ.

На общественно-литературную и политическую газету

„ЧИТА“,

выходящую въ городѣ Читѣ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ. Съ 1 января «Чита» будетъ выходить въ размѣрѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Подписная плата съ доставкой и пересылкой: на годъ—9 р., полгода—5 р., 3 м.—3 р., 1 м.—1 р. Безъ доставки: на годъ—8 р., полгода—4 р. 50 к., 1 м.—90 коп.

Допускается разсрочка. Иногороднихъ просятъ адресовать денежную корреспонденцію для редакціи такъ: городъ Чита, Александрѣ Григорьевнѣ Солдатовой.

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ редакціи: уг. Петровской и Иркутской ул., д. Жеребцова; въ газетномъ кіоскѣ на уг. Амурской и Иркутской ул., въ Харбинѣ: на Пристани, Коммерческая ул., контора П. И. Перегудова; Мостовая № 33 у Н. А. Ефрона; ст. Чжалантунь у Н. Н. Чернышева; въ Верхнеудинскѣ у агронома С. А. Устрѣцкаго; въ Стрѣтенскѣ—въ газетномъ кіоскѣ; въ Нерчинскомъ-Заводѣ — въ конторѣ г. Коренева; на ст. Далайноръ К.-В. ж. д. (каменно-угольныя копи)—въ конторѣ Александрова.

Издательница А. Г. Солдатова. Редакторъ С. А. Царіевъ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ ВТОРОЙ.

„Астраханскій Листокъ“

съ безплатнымъ еженедѣльнымъ журналомъ „Астраханскій Иллюстрированный Листокъ“ будетъ выходить въ 1907 году подъ тою же редакціей и при томъ же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ.

Газета прогрессивнаго направленія, независимая отъ какихъ-либо партій и кружковъ. Основная задача газеты: содѣйствіе осуществленію широкихъ народныхъ реформъ путемъ мирнаго преобразованія государства и народнаго быта на демократическихъ началахъ.

Дѣятельное представительство краевыхъ интересовъ.

Широкая освѣдомленность о мѣстныхъ дѣлахъ.

Самый полный торгово-промышленный и сел.-хозяйств. обзоръ юго-востока Россіи. Точныя свѣдѣнія съ рынковъ рыбнаго, нефтяного, мясного, о судоходствѣ и др.

Объявленія изъ губерній: Нижегородской, Казанской, Симбирской, Самарской и Саратовской и изъ Закаспійскаго края и Кавказа, а также объявленія казенныя, банкирскихъ конторъ, желѣзныхъ дорогъ и газетныя принимаются непосредственно конторою редакціи, всѣ же прочія исключительно Центральною конторою Л. и Э. Метцль и К° въ Москвѣ, на Мясницкой, въ д. Сытова. Плата за объявленія со строки петита: передъ текстомъ 20 коп., послѣ текста 10 коп. Печатающіе болѣе трехъ разъ пользуются скидкою 10 проц. Годовыя объявленія—по особому соглашенію съ конторой редакціи. съ большой уступкою.

Подписная цѣна съ пересылкою: на годъ — 7 руб. 50 коп., полгода — 4 руб. 50 коп, 3 мѣс.—3 руб., 1 мѣс.—1 руб.

„Астраханскій Листокъ“ расходится больше, чѣмъ всѣ прочія астраханскія изданія, взятыя вмѣстѣ.

Подписка принимается исключительно въ Астрахани, въ конторѣ „Астрах. Листка“, по Ахматовской улицѣ. д. Агамжанова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ

„Народный Путь“

общедоступная, политическая, литературная, экономическая и общественная газета, издаваемая М. Г. Коммиссаровымъ, подъ редакціей В. Е. Якушкина, при ближайшемъ участіи А. А. Мануилова и В. А. Розенберга, выходитъ въ Москвѣ ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ.

Особенное вниманіе удѣляется выясненію очередныхъ задачъ государственнаго переустройства Россіи на началахъ политической свободы и народнаго представительства, а также вопросамъ: земельному, рабочему, мѣстнаго самоуправленія и народнаго просвѣщенія. Редакція ставитъ себѣ задачей, освѣщая событія со своей опредѣленной точки зрѣнія, давать читателю въ общедоступномъ изложеніи возможно полныя и разнообразныя фактическія свѣдѣнія. Собственные корреспонденты имѣются въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Свой корреспондентъ въ Государственной Думѣ.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: А. Д. Алферовъ, А. Ѳ. Быкова, І. Ѳ. Блиновъ, А. Бѣлинъ, И. П. Бѣлоконскій, П. П. Булыгинъ, А. А. Волковскій, М. Н. Вонзблейнъ, А. Е. Грузинскій, А. П. Грессеръ, Н. П. Губскій, В. Ѳ. Дерюжинскій, Н. П. Дружининъ, К. В. Добровоничъ, кн. Петръ Д. Долгоруковъ, А. В. Заремба, И. Н. Игнатовъ, С. Н. Иконниковъ, Н. М. Іорданскій, Н. И. Карѣевъ, А. А. Кизеветтеръ, М. Г. Коммиссаровъ, П. П. Копьевъ, И. О. Левинъ, В. Н. Линдъ, В. Г. Луи, Т. Н. Львовъ, С. П. Мельгуновъ, Г. Г. Озеровъ, А. С. Посниковъ, А. Н. фонъ-Рутценъ, Л. Н. фонъ-Рутценъ, М. В. Сабашниковъ, К. В. Сивковъ, П. А. Садыринъ, А. В. Смирновъ, К. К. Суздальцевъ, А. А. Титовъ, А. Н. Чеботаревская, П. В. Чеховъ, кн. Д. И. Шаховской, П. М. Шестаковъ, Н. В. Ширковъ, Н. Н. Щепкинъ, Л. Н. Юровскій, И. В. Якушкинъ, Н. В. Якушкинъ.

За годъ 4 рубля.

Годовымъ подписчикамъ на 1907 годъ, подписавшимся заблаговременно, газета будетъ высылаться безплатно въ теченіе ноября и декабря, начиная со дня полученія конторою подписки.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой на годъ—4 руб., на полгода—2 руб. 10 коп., на 3 мѣсяца—1 руб. 10 коп., на 2 мѣсяца—80 коп., на 1 мѣсяцъ—45 коп.

Подписная плата почтовыми марками не принимается.

Подписка принимается въ конторѣ «Народнаго Пути»: Москва, Никитскій бульваръ, д. Вальдгардтъ, № 75. Телефонъ № 122—77.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„Саратовскій Листокъ“

въ 1907 году (45-й годъ изданія).

Подписная цѣна съ доставкою въ Саратовѣ и въ Покровской сл.: на годъ—7 р., 11 мѣс.—6 р. 50 к., 10 мѣс.—6 р., 9 мѣс.—5 р. 50 к., 8 мѣс.—5 р., 7 мѣс.—4 р. 50 к., 6 мѣс.—4 р., 5 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—3 р., 3 мѣс.—2 р. 50 к., 2 мѣс.—2 р., 1 мѣс.—1 р. Съ пересыл. въ другіе города: на годъ—8 р., 11 мѣс.—7 р., 10 мѣс.—6 р. 50 к., 9 мѣс.—6 р., 8 мѣс.—5 р. 50 к., 7 мѣс.—5 р., 6 мѣс.—4 р. 50 к., 5 мѣс.—4 р., 4 мѣс.—3 р. 50 к., 3 мѣс.—3 р., 2 мѣс.—2 р. 40 к., 1 мѣс.—1 р. 20 к.

Чтобы дать возможность подписываться на газету недостаточнымъ лицамъ, редакція допускаетъ разсрочку подписной платы для годовыхъ под-

писчиковъ, какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ. Первые вносятъ: при подпискѣ 3 руб., 1-го марта 2 руб. и 1-го мая 2 руб.; иногородніе: при подпискѣ 4 руб. и 1-го мая 4 руб.

Подписка принимается съ 1-го по 1-е каждаго мѣсяца и не далѣе конца года.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Саратовъ, Нѣмецкая, домъ Онезорге; въ сл. Покровской у П. М. Осыко.

Объявленія принимаются: на 1-й страницѣ 20 к. за строку петита, на 3-й и 4-й—по 7 к. Годовыя пользуются особой уступкой. Иногородніе объявленія принимаются по цѣнѣ 10 к. за строку позади текста на первой страницѣ цѣна двойная. Объявленія изъ-за границы и всѣхъ мѣстъ Россійской имперіи, кромѣ Саратовской, Тамбовской, Пензенской и приволжск. губ., принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій Торгов. Дома Метцль въ Москвѣ, на Мясницкой ул., въ д. Сытова.

Редакторъ-издатель П. О. Лебедевъ.

Издатель И. П. Горизонтовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ

на общественную, политическую и литературную газету

„СѢВЕРНАЯ ЗЕМЛЯ“.

Выходитъ въ Вологдѣ ЕЖЕДНЕВНО, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

(ГОДЪ ВТОРОЙ).

Переходя во второй годъ своего существованія, „Сѣверная Земля“ продолжаетъ служить выясненію очередныхъ вопросовъ государственнаго строительства на началахъ политической свободы и народнаго представительства; выясненію земельнаго, рабочаго вопросовъ и другихъ коренныхъ и неотложныхъ задачъ отечественнаго быта.

Являясь единственною мѣстною газетой для Вологодской губерніи и обслуживая примыкающіе къ ней уѣзды Архангельской, Костромской, Олонецкой, Ярославской, Новгородской и Вятской губерній, «Сѣверная Земля» посвящаетъ не меньшее вниманіе разнообразнѣйшимъ нуждамъ и интересамъ этого огромнаго пробуждающагося края.

Подписная цѣна на газету «Сѣверная Земля» на 1907 годъ: съ доставкой и пересылкой въ Вологдѣ и по Россіи на годъ — 5 р., 6 м. — 2 р. 60 к., 3 м.—1 р. 40 к., 1 м.—50 к. За границу на годъ—10 руб., 6 м.—5 р. 20 к., 3 м.—2 р. 80 к., 1 м.—1 р.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ два срока: при подпискѣ 3 рубля и къ 1 іюля 2 рубля и въ три срока: при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля 2 руб. и къ 1 сентября 1 руб.

Разсрочка допускается только для лицъ, обращающихся непосредственно въ Главную Контору.

Цѣна отдѣльнаго номера 3 коп.

Главная контора и редакція газеты: г. Вологда, Московская улица, домъ Я. Я. Юшина.

Такса за объявленія: впереди текста 15 коп. и позади 8 коп., за строку петита или занимаемое ею мѣсто за каждый разъ. За число разъ свыше 5 плата по соглашенію. Объявленія лицъ, ищущихъ занятій, не болѣе 4 стр., послѣ текста за одинъ разъ 15 к., за два раза 25 к., за три раза и свыше по 10 коп. за разъ.

Въ Петербургѣ отдѣльные №№ газеты продаются въ книжныхъ кіоскахъ г. Пташникова: въ Москвѣ—Тверская, въ книжномъ магазинѣ «Жизнь».

Съ января 1907 года будетъ выходить еженедѣльный журналъ

„САМОУПРАВЛЕНІЕ“

подъ редакціей М. П. Щепкина.

Журналъ посвящается разработкѣ вопросовъ, касающихся мѣстнаго общественнаго управленія на широкихъ демократическихъ началахъ.

Въ журналѣ примутъ участіе: К. К. Арсеньевъ, М. И. Авсарксовъ, И. И. Астровъ, Н. П. Ашешовъ, М. И. Брунъ, И. П. Бѣлоконскій, Л. К. Вухъ, С. Ф. Блековъ, П. А. Вихляевъ, И. А. Вернеръ, В. В. Водовозовъ, Ф. А. Головинъ, В. А. Гольцевъ, Д. И. Гомбергъ, кн. Пав. и Петръ Д. Долгоруковы, В. И. Долженковъ, Н. Ф. Езерскій, А. А. Зубрилинъ, А. Звягинцевъ, Г. Б. Іоллосъ, К. Имшенецкій, Н. А. Каблуковъ, А. А. Кауфманъ, А. А. Кизеветтеръ, М. М. Ковалевскій, Ф. Ф. Кокошкинъ, А. А. Корниловъ, С. А. Котляревскій, П. В. Кротковъ, А. Р. Лодницкій, В. Н. Линдъ, А. Н. Лосицкій, А. А. Мануиловъ, С. Г. Мамиконянъ, В. И. Массальскій, А. Н. Миклашевскій, Н. Н. Миклашевскій, В. Г. Михайловскій, А. Г. Михайловскій, В. Д. Набоковъ, П. И. Новгородцевъ, Т. И. Полнеръ, И. И. Петрункевичъ, М. И. Петрункевичъ, А. С. Посниковъ, В. В. Пржевальскій, Д. Д. Протопоповъ, В. А. Розенбергъ, В. Ю. Скалонъ, В. Ф. Тотоміанцъ, кн. Г. М. Тумановъ, Г. А. Фальборкъ, М. И. Фридманъ, В. А. Чарнолусскій, Н. Н. Черненковъ, кн. Д. И. Шаховской, Г. Ф. Шершеневичъ, Г. И. Шрейдеръ, Н. Н. Щепкинъ, В. Е. Якушкинъ и др.

Цѣна журнала съ пересылкой во всѣ города: на годъ—6 руб., на полгода—3 руб. 50 коп., на 3 мѣсяца—2 руб.

Служащимъ въ учрежденіяхъ мѣстныхъ самоуправленій дѣлается разсрочка: при подпискѣ 1 р., въ февралѣ 2 р., въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ по 1 р.

Въ ноябрѣ и декабрѣ выйдутъ два номера журнала, которые будутъ доставлены безплатно подписчикамъ на 1907 г.

Адресъ редакціи и конторы: Москва, Тверская, Глинищевскій пер., д. Бахрушина.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„КАЗБЕКЪ“.

Въ газетѣ кромѣ своихъ постоянныхъ мѣстныхъ и иногороднихъ сотрудниковъ обѣщали давать свои статьи слѣдующія лица изъ столицы: Арнольдъ, Баженовъ, Брюхатовъ, Вернадскій, Дживилеговъ, кн. Пав. Долгоруковъ, Ефросъ, Ждановъ, Зубрилинъ, Игнатовъ, Іоллосъ, Горданскій, Кизеветтеръ, Кокошкинъ, Колюбакинъ, Коммиссаровъ, Котляревскій, кн. Крапоткинъ, Левинъ, Ледницкій, Липманъ, Маклаковъ, Максимовъ, Мандельштамъ, Мельгуновъ, Новгородцевъ, Петровскій, Плетневъ, Пржевальскій, Родіоновъ, Розенбергъ, Соколовъ, Устиновъ, Шершеневичъ, Щепкинъ, Якушкинъ и др.

Условія для подписчиковъ городскихъ (съ доставкой): съ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца и не далѣе конца года, на годъ—6 р., на 6 мѣс.—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—2 руб., на 2 мѣс.—1 руб. 40 коп., на 1 мѣс.—75 к.; для иногороднихъ (съ пересылкою): съ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца и не далѣе конца года, на годъ — 7 руб., на 6 мѣс. — 4 руб., на 3 мѣс. — 2 руб. 50 коп., на 2 мѣс.—1 руб. 85 коп., на 1 мѣс.—1 руб.

Отдѣльный номеръ 5 коп.

Городская подписка принимается также простымъ заявленіемъ въ контору газеты, открытымъ письмомъ или по телефону № 187.

Учрежденіямъ допускается кредитъ.

Объявленія за строку петита: впереди текста (1-я стр.)—20 к., позади

текста (4-я стран.)—10 коп., среди текста (2-я стран.)—30 коп., стороннее сообщеніе—25 коп. со строки.

Многократныя—по особой таксѣ.

Объявленія отъ лицъ свободныхъ профессій (доктора, адвокаты и проч). за ежедневное помѣщеніе на 1-й страницѣ адресовъ и часовъ пріема платятъ 10 руб. въ мѣсяцъ, а въ годъ 100 руб. Допускается разсрочка.

Объявленія отъ лицъ ищущихъ труда (кухарки, повара, мамки, няньки и проч.) по 25 коп. за разъ.

Разсылка приложеній при газетѣ 8 руб. за каждые 1000 экземпляровъ.

Адресъ для всякой корреспонденціи: Владикавказъ, «Казбекъ» — Казарову.

Разсрочка: при подпискѣ, 1 апрѣля и 1 іюля по два руб., иногородніе подписчики при подписки уплачиваютъ три руб. и обязательно должно быть заявлено о разсрочкѣ при подпискѣ

Изданіе возобновится по снятіи въ области военнаго положенія, а до этого времени подписчики будутъ получать газету «Терекъ».

Продолжается подписка на издающуюся въ городѣ Харбинѣ газету

„ХАРБИНЪ“

Газета выходитъ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ, въ объемѣ и по программѣ столичныхъ газетъ.

Направленіе газеты строго прогрессивное.

Въ теченіе перваго полугодія въ „Харбинѣ“ были помѣщены статьи и произведенія: Н. Абросимовича, Б. Боровскаго, М. Буткевичъ, К. Ф. Вебера, Н. Верховцева, Н. Г. Гарина (Михайловскаго), И. Граве, А. Гранта, Голяновскаго, М. Гильчера, д. Андре, Иконникова, А. Иванова, Антона Искателя (псевдонимъ), В. Карселадзе, И. Казанскаго, В. Козлова, И. Кларка, А. Кирмичи, В. Королева, М. Коншина, П. Коншина, А. Лапина, В. Лепешинскаго, Н. А. Лухмановой, Лютика, Ліюнвый, И. Миллера, П. Меньшикова, А. Оссендовскаго, Д. Петрова, А. Попова, Г. В. Прейсмана, Семигорова (псевдонимъ), А. Скородихина, Н. И. Степанова, Б. Л. Тагѣева (Рустамъ-Бека), Л. Н. Тычино, П. Чистякова, М. Черниховскаго, Фонъ-деръ-Ховена, А. Шапиро и мног. друг.

Въ газетѣ печатаются стенографическіе отчеты мѣстныхъ общественныхъ собраній Е. Ф. Зубриловой.

Въ залѣ Государственной Думы редакція имѣла спеціальнаго корреспондента Н. А. Зайцева.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ населенныхъ пунктахъ Русскаго Дальняго Востока, а также въ Китаѣ (Е. Цзун-Ганъ), въ Японіи (Оба Кагіаки), въ Парижѣ (М. Я. Семеновъ) и въ Нью-Іоркѣ (М. М. Печерскій).

Газета „Харбинъ“ печатается въ собственной типографіи.

Подписная цѣна: иногородніе на годъ—12 р., полгода—8 р., 3 мѣс.—5 р., 2 мѣс.—3 р. 50 к. За границу на годъ—20 р.

Въ розничной продажѣ цѣна отдѣльнаго номера 10 коп.

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ редакціи: Новый городъ, Ажихейская, собственный домъ (телефонъ редакціи № 94), и въ отдѣленіи конторы редакціи во Владивостокѣ (Пушкинская улица, д. Борисова, противъ собора).

Плата за объявленія: на первой страницѣ, 25 коп., а на послѣдней 15 коп. за строку петита.

Редакторъ-издательница А. М. Попова.

За редактора К. Ф. Веберъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ

на большую ежедневную политическую, общественную, литературную и коммерческую газету юго-востока Россіи

„ЮЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

съ еженедѣльными иллюстрированными приложеніями. (Годъ изданія 6-й).

Направленіе «Южнаго Телеграфа» прогрессивное.

Вступая въ шестой годъ безпрерывнаго изданія, «Южный Телеграфъ», какъ и въ предшествовавшія пять лѣтъ своей жизни, будетъ неуклонно стремиться къ наиболѣе добросовѣстному служенію интересамъ Края, органомъ котораго онъ является, и рядомъ съ обычнымъ матеріаломъ газетъ съ широко-поставленной программой, будетъ давать обильныя свѣдѣнія какъ мѣстныя, такъ и относящіяся къ жизни и дѣятельности Донской области, Сѣвернаго Кавказа, Черноморскаго и Азовскаго побережья.

Подписная цѣна съ 1 января 1907 г.: на годъ—7 р., полгода—4 р., 3 мѣс.—2 р., 1 мѣс.—75 к.—съ пересылкой по почтѣ.

Для подписчиковъ, имѣющихъ жительство по всѣмъ линіямъ Владикавказской жел. дороги, газета «Южный Телеграфъ» отправляется съ ночными поѣздами и потому номера ея будутъ получаться адресатами въ день ихъ выхода.

Подписная цѣна для ростовскихъ и нахичеванскихъ подписчиковъ: на годъ—6 р., полгода—3 р., 1 мѣс.—60 к. съ доставкой на домъ.

Льготная подписка—исключительно для Ростовскихъ и Нахичеванскихъ учителей, учащихся, служащихъ, приказчиковъ, конторщиковъ, рабочихъ, ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ, промышленниковъ и вообще трудящихся слоевъ: за 2 мѣсяца 1 руб.—съ доставкой на домъ.

Въ розничной продажѣ—въ Ростовѣ и Нахичеванѣ по воскресеньямъ (съ приложеніемъ) «Южный Телеграфъ» продается по 5 к., въ будни 3 к., въ другихъ мѣстахъ Имперіи по 5 к.

За границу подписка на «Южный Телеграфъ» принимается съ добавленіемъ къ подписной иногородней цѣнѣ по 60 к. въ мѣсяцъ.

Агентуры и отдѣленія „Южнаго Телеграфа“ учреждены во всѣхъ крупныхъ пунктахъ Сѣвернаго Кавказа, Донской Области, Черноморскаго и Азовскаго Побережья.

Кромѣ того, розничная продажа №№ газеты производится въ книжныхъ шкафахъ Владикавказской, Екатерининской и Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ и на всѣхъ группахъ Кавказскихъ минеральныхъ водъ.

Объявленія принимаются по таксѣ: впереди текста 20 к. за строку петита или мѣсто, занимаемое ею, послѣ текста 10 к.

Подписка и объявленія адресуются: въ Ростовъ на-Дону, въ главную контору редакціи газеты «Южный Телеграфъ».

Объявленія изъ Москвы, Петербурга, Варшавы и за границы принимаются Центральной конторой объявленій Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К° Москва, Мясницкая, д. Сытова, Петербургъ, Морская, 11, Варшава—Краковское подворье, 53.

Ред.-Издатель И. Я. Алексановъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ

на новую большую политическую и литературно-общественную ежедневную газету прогрессивно-демократическаго направленія.

„СВОБОДНОЕ СЛОВО“

издающуюся въ г. Вильнѣ.

При участіи: С. Александровича, проф. Е. Аничкова, Б. Бентовина (Импрессіонистъ), М. Бескина, Э. Бескина, (Эмбе), С. Бердяева, С. Бибера, Б. Я. Богучарскаго, Д. Бохана, д-ра Бруцкуса, А. Вергежскаго, д-ра Я. Выгодскаго, А. Власова, П. Герцо-Виноградскаго (Лоэнгринъ), проф. В. М. Гессена, доц. І. В. Гессена, Ю. Гессена, проф. Э. Д. Гримма, Л. Гуревича, А. Динскаго, И. Днѣпрова, (Стокгольмъ), кн. Павла Долгорукова, кн. Петра Долгорукова (чл. І гос. думы), кн. Ф. Друцкаго-Любецкаго, С. Дубнова, А. Зайдемана, Е. Зеланда, Г. Б. Іоллоса, (чл. І гос. думы), Изгоева, проф. Н. В. Карѣева (чл. І гос. думы), В. Канеля, Р. Касэ (псевдонимъ), проф. Кизеветтера, М. Клейнмана (Галиція), Е. Койранскаго, прив.-доц. Ѳ. Ѳ. Кокошкина (чл. І гос. думы), А. М. Колюбакина, В. Левентона (Бертинъ), Ш. Левина (Галеви) (чл. І гос. думы), проф. И. В. Лучицкаго, проф. П. И. Милюкова, В. Михеева, проф. Новгородцева (чл. І гос. думы), А. Плещеева, П. В. Петрова, П. И. Петрункевича (чл. І гос. думы), М. Ратнера, Рау (псевдонимъ), д-ра Г. Д. Ромма, И. Д. Ромма, д-ра М. Д. Ромма (Нью-Іоркъ), д-ра Р. М. Ромма (Парижъ), П. Б. Струве (бывш. ред. „Освобожденія“), К. Н. Тимофеева, И. Троцкаго (Вѣна), С. Л. Франка, доц. М. И. Фридмана, проф. Чубинскаго, д-ра Шабада, кн. Д. И. Шаховского (чл. І гос. думы), Эсакуара (псевд.), Эсъ-Пи (псевд.), прив.-доц. Яснопольскаго (чл. гос. думы).

„Свободное Слово“ удѣляетъ особое вниманіе широкой разработкѣ мѣстныхъ и краевыхъ вопросовъ, концентрируя объективно интересы всѣхъ національныхъ и классовыхъ группъ населенія.

„Свободное Слово“ имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во всѣхъ мѣстахъ края и удѣляетъ особое вниманіе освѣщенію аграрнаго и рабочаго вопросовъ.

„Свободное Слово“ обезпечено особымъ мѣстомъ и спеціальными корреспондентами въ Государственныхъ Думѣ и Совѣтѣ.

Подписная цѣна на «Свободное Слово»: въ г. Вильнѣ на 1 м.—60 к., 2 м.—1 р., 3 м.—1 р. 50 к., 6 м.—3 р., 12 м.—6 р. Съ перес. иногор. на 1 м.—1 р., 2 м.—1 р. 50 к., 3 м.—2 р., 6 м.—4 р., 12 м.—8 р. За границу на 1 м.—2 р., 2 м.—3 р., 3 м.—4 р., 6 м.—7 р., 12 м.—12 р.

Плата за объявленія на первой страницѣ за строку петита 25 коп., на послѣдней страницѣ 12 коп. Для иногор. объявителей плата за строку петита на первой страницѣ 30 коп., на 4 страницѣ 15 коп.

Редакція и главная контора: Кафедральная площадь, домъ 4.

Подписка принимается въ русской книжной торговлѣ А. Г. Сыркина, Карбасникова, Г. М. Стракуна, І. Завадскаго, Маковскаго и въ конторѣ объявленій Х. Б. Грацъ и Сынъ, Большая ул., д. Холема.

Отдѣльные номера продаются по 5 коп.

Редакторъ И. Д. Роммъ. За издателя И. Д. Роммъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ

(XVII-й годъ изданія)

„Сибирскій Листокъ".

Выходитъ въ Тобольскѣ два раза въ недѣлю.

Подписная цѣна: город. на годъ—4 руб. 50 к., полгода—2 руб. 30 к., 3 мѣс.—1 руб. 50 коп.; иногородн. на годъ—5 руб., полгода—2 руб. 75 коп., 3 мѣс.—1 руб. 50 коп.

Цѣна объявленій за строку петита на первой страницѣ 20 к., на послѣдней 10 коп. За разсылку отдѣльныхъ объявленій по одному рублю за сотню.

Мелкія суммы принимаются почтовыми марками.

Подписка и объявленія принимаются въ Тобольскѣ: въ конторѣ редакціи на горѣ, Большая ул., д. М. М. Емельяновой; въ Епархіальной типографіи; въ аптекарскомъ магазинѣ Ф. В. Дементьева; въ магазинѣ Д. И. Голевъ-Лебедева; въ магазинахъ Торговаго Дома Бр. Баскиныхъ. Въ Тюмени: въ книжномъ магазинѣ Левитовой и Невской. Въ Ялуторовскѣ: въ книжномъ складѣ Общества попеченія о начальномъ образованіи. Въ Курганѣ: въ книжномъ магазинѣ Общества попеченія о начальномъ образованіи. Въ Омскѣ: въ книжномъ складѣ Общества попеченія о начальномъ образованіи. Въ Тарѣ: въ Тарской Общественной Библіотекѣ. Въ Томскѣ: въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина. Въ Барнаулѣ: въ магазинѣ М. В. Вершинина. Въ Иркутскѣ: въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина. Въ Екатеринбургѣ: въ библіотекѣ Шабарова.

Иногородніе адресуютъ: Тобольскъ. Редакція „Сибирскаго Листка".

Редакторъ-издательница М. Н. Кострыкина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ

на ежедневную газету общественной жизни, политики, литературы и торговли

„Орловскій Вѣстникъ".

Условія подписки съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города: на годъ—7 р., за границу—14 р., 11 мѣс.—6 р. 50 к., 10 мѣс.—6 р., 9 мѣс.—5 р. 50 к., 8 мѣс.—5 р., 7 мѣс.—4 р. 50 к., 6 мѣс.—4 р., 5 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—3 р., 3 мѣс.—2 р. 40 к., 2 мѣс.—1 р. 70 к., 1 мѣс.—90 к., 1/2 мѣс.—50 к.

Подписка съ переносомъ на слѣдующій годъ не принимается.

Для удобства подписчиковъ подписка принимается и съ разсрочкой, съ платой не менѣе какъ 1 руб. въ мѣсяцъ до выплаты всей суммы; обязательно при первомъ же взносѣ дѣлать надписи въ письмѣ — «въ разсрочку», иначе газета будетъ высылаться лишь до того срока, по который внесены деньги.

Подписка въ разсрочку принимается только на годъ или полгода.

Для ознакомленія №№ газеты высылаются безплатно.

Подписка принимается только съ 1 и 16 числа каждаго мѣсяца.

Плата за объявленія: за каждую строку петита въ 35 буквъ, въ 1 столбецъ, или за занимаемое мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 коп. и въ слѣдующіе разы 5 коп. На первой страницѣ, впереди текста, плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемыя 20 разъ, дѣлается уступка 10%, 30 разъ—15%, 40 разъ—20%, 50 разъ—25%, 60 разъ—30%, отъ 70—

100 разъ — 40%, не менѣе 100 — 150 разъ, — уступка 50%. За адресы, въ 5 строкъ на 1-й страницѣ газеты 20 руб. въ годъ — 150 разъ; 12 руб. за 75 разъ, 8 руб. за 38 разъ и 4 руб. за 15 разъ. За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч., 5 руб. съ 1000 экз. или по 50 к. за 100 экз.

За перемѣну адреса иногородніе уплачиваютъ 25 коп., при чемъ необходимо сообщить прежній адресъ. Копѣйки могутъ быть высылаемы марками.

Пріемъ подписки, объявленій и розничная продажа газеты производится: въ Орлѣ — въ конторѣ «Орловскаго Вѣстника», Зиновьевская улица, домъ № 2-й и въ отдѣленіи ея: Московская улица, аптекарскій магазинъ Кессовскаго.

Въ отдѣленіяхъ конторы: Въ Ельцѣ—книжномъ магазинѣ З. П. Залкинда; Брянскѣ—Авиловская улица, домъ Сурнина, А. К. Федоровъ; Болховѣ—Карачевская улица, Ѳ. А. Костинъ.

Только розничная продажа газеты: Въ Ельцѣ — Торговая ул., кн. маг. Залкинда и маг. Пузевскаго; Карачевѣ — въ магазинѣ К. А. Хализевой и Ясковскаго; Брянскѣ — въ библ. г. Ѳедорова; Трубчевскѣ — магаз. И. И. Гамова—Сафьянова; Ливнахъ— библіотекѣ г. Крафтъ; Липецкѣ — книжн. магазинъ А. И. Полянскаго; Мценскѣ — магаз. Половнева и въ кн. маг. Иванова; Дмитровскѣ—гал. маг. Антокольскаго.

Редакторъ-Издатель А. И. Арнотовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на политическую, общественную и литературную газету на 1907 годъ.
(Второй годъ изданія).

„Витебскій Голосъ"

независимый, внѣпартійный органъ печати, поставившій себѣ цѣлью настойчивое проведеніе въ жизнь прогрессивныхъ формъ общественности.

Безпристрастіе въ изложеніи фактовъ, полнота и всесторонность извѣстій и разнообразіе содержанія—одна изъ основныхъ задачъ нашего изданія.

Отражая явленія общерусской и заграничной жизни и исходя всегда изъ идеи вѣротерпимости и равноправія гражданъ, газета удѣляетъ особенное вниманіе вопросамъ, имѣющимъ мѣстное общественное значеніе.

О наиболѣе важныхъ событіяхъ государственной и общественной жизни «Витебскій Голосъ» получаетъ ежедневно сообщенія по телеграфу отъ двухъ агентствъ одновременно со всѣми столичными газетами. Во время сессіи Государственной Думы—подробные отчеты передаются по телеграфу въ самый день засѣданія.

Собственные корреспонденты въ обѣихъ столицахъ и во всѣхъ городахъ, а также и въ уѣздахъ Витебской губерніи.

Подписная цѣна на годъ съ доставкой въ Витебскѣ—5 руб., съ пересылкой въ другіе города—6 руб., на полгода—3 руб., на 3 м.—1 руб. 50 к., на 2 м.—1 руб.

Подписка принимается въ Витебскѣ: въ конторѣ редакціи (Смоленская улица), въ книжныхъ магазинахъ: М. Залшунина, Х. Гольдина (Вокзальная улица) и Фридмана.

Въ Двинскѣ у Надеждина, Полоцкѣ — Гофеншефера, Велижѣ — Л. Лемитова, Невелѣ — М. М. Рябчика, Лепелѣ — М. М. Капельмана, Бѣшенковичахъ—И. Авербуха.

Редакторъ И. Пилинъ. Издатель баронъ А. Ф. фонъ-Розенъ.

ЖУРНАЛЪ
ОБЩЕСТВА РУССКИХЪ ВРАЧЕЙ

въ память Н. И. Пирогова,

издаваемый Правленіемъ Общества,

въ 1907 году (XIII-й годъ изданія) будетъ выходить книжками—отъ 5-ти до 6-ми листовъ каждая — восемь разъ въ годъ, а именно въ февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ, маѣ, сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ.

Въ «Журналѣ», согласно программѣ его, помѣщаются, кромѣ протоколовъ засѣданій исполнительныхъ органовъ Общества и съѣздовъ и состоящихъ при Обществѣ коммиссій, статьи и замѣтки по всѣмъ медицинскимъ вопросамъ—научнымъ, общественно-санитарнымъ и врачебно-бытовымъ.

«Хронику» предполагается дополнить включеніемъ въ нее библіографическихъ замѣтокъ (съ характеромъ рецензій) о вновь выходящихъ работахъ преимущественно по вопросамъ общественной медицины, гигіены и санитаріи.

Болѣе объемистые «Труды» коммиссій и совѣщаній, «Обзоры», «Своды» и проч., по примѣру прежнихъ лѣтъ, составятъ приложенія къ «Журналу».

Члены Общества (а въ качествѣ таковыхъ и члены имѣющаго быть въ 1907 г. X-го съѣзда) получаютъ «Журналъ» съ приложеніями безплатно. Членскій взносъ на 1907 г. пять рублей. Записавшіеся заблаговременно въ члены Общества за участіе въ съѣздѣ дѣлаютъ только соотвѣтствующую доплату.

Члены Общества получаютъ право пріобрѣтать печатающійся «Библіографическій указатель литературы по общественной медицинской литературѣ» по объявленной при подпискѣ цѣнѣ, т. е., за 2 рубля.

За перемѣну адреса просятъ высылать 40 коп. почтовыми марками.

Подписная цѣна на «Журналъ» вмѣстѣ съ приложеніями (для не-членовъ Общества) пять рублей.

Гонораръ за оригинальныя статьи 30 руб. съ печатнаго листа. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Авторы имѣютъ право на 25 оттисковъ.

Объявленія принимаются по слѣдующей цѣнѣ: за 1 страницу 20 руб., за 1/2 стр. и менѣе 10 руб. за одинъ разъ.

Адресъ редакціи: Москва, Арбатъ, Денежный пер., д. № 28 (Кисловой), кв. № 5. Телефонъ № 64-97.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ

на большую ежедневную, политическую, экономическую и литературную газету

„Уссурійская Жизнь“

(органъ прогрессивный),

выходящую въ г. Владивостокѣ при ближайшемъ участіи и подъ редакціей

ГЛАГОЛЯ.

«Уссурійская Жизнь» ставитъ своей задачей быть выразительницей политическихъ, экономическихъ и правовыхъ нуждъ русскаго Дальняго Востока и объединеніе всѣхъ духовныхъ силъ края.

«Уссурійская Жизнь» намѣрена проводить въ жизнь принципы грам-

данскихъ свободъ и освѣщать нашу забытую окраину съ ея назрѣвшими нуждами

Въ «Уссурійской Жизни» сотрудничаютъ лучшія литературныя силы края. Собственные корреспонденты въ Китаѣ, Кореѣ, Японіи, а также въ главнѣйшихъ городахъ Европейской и Азіатской Россіи.

Въ 1906 году въ газетѣ участвовали: С. А. Гарфильдъ (Глаголь), В. Д. Козловъ (Странникъ), А. Казима (Японія), В. И. Климковъ, Н. П. Матвѣевъ (Н. Амурскій), В. Б. Мережковскій, А. Ольгинскій (А. Березовскій), Око (псевд.), Аркадій Петровъ (Арсеньевъ), М. Я. Семеновъ (Парижъ), Н. Э. Спенглеръ, С. Е. Струменскій, Л. Тычино, Шпилька (псевд.) и друг.

Подписная цѣна: городская на годъ—9 р., 6 мѣс.—5 р. 50 к., 3 мѣс—3 р., 1 мѣс.—1 р. 25 к. Иногородняя на годъ—10 р., 6 мѣс.—6 р. 50 к., 3 мѣс.—3 р. 50 к., 1 мѣс.—1 р. 50 к.

Студентамъ, сельскимъ школамъ и сельскимъ причтамъ 20% скидки съ подписной цѣны. Иногородняя подписка принимается только съ 1 числа каждаго мѣсяца. Плата за объявленія впереди текста—25 к. строка петита и позади текста—10 к. за строку петита.

Подписка и объявленія принимаются: 1) Изъ всѣхъ мѣстъ Европейской Россіи и за границы исключительно въ центральной конторѣ объявленій Торг. Дома Л. и Э. Мэтцль и К° въ Москвѣ—Мясницкая, домъ Сытова; С.-Петербургѣ—Морская № 11; Варшава—Краковское предм. № 4; Парижъ—Place de la Bourse № 8; 2) во Владивостокѣ—въ отдѣленіяхъ «Уссурійской Жизни» (см. заголовокъ); 3) въ Харбинѣ—въ отд. конт. «Харбинскій Вѣстникъ» Участковая ул. № 1209; 4) въ Хабаровскѣ—въ книжномъ магазинѣ Бр. Пьянковыхъ; 5) въ Никольскѣ-Уссурійскомъ—въ книжномъ магазинѣ Янковскаго и Трусова.

Редакторъ-Издатель С. А. Гарфильдъ (Глаголь).

Издатель П. А. Горѣловъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ

на ежедневную политическую, общественную, литературную и экономическую газету

„ТУЛЬСКАЯ РѢЧЬ".

Газета ставитъ своей задачей защиту началъ гражданской и политической свободы, народнаго представительства и широкаго мѣстнаго самоуправленія. Освѣщенію нуждъ крестьянъ и рабочихъ газета отводитъ видное мѣсто. Жизнь г. Тулы и уѣздовъ находитъ въ газетѣ обстоятельное освѣщеніе.

Условія подписки съ доставкой и пересылкой: на годъ—6 р; 11 м.—5 р. 75 к.; 10 м.—5 р. 35 к.; 9 м.—5 р.; 8 м—4 р. 60 к.; 7 м.—4 р. 30 к.; 6 м.—4 р.; 5 м.—3 р. 40 к.; 4 м.—2 р. 70 к.; 3 м.—2 р.; 2 м.—1 р. 50 к.; 1 м.—75 коп.

Для рабочихъ, народныхъ учителей и служащихъ въ торгово-промышленныхъ заведеніяхъ подписная цѣна на 1 мѣс. съ доставкой въ Тулѣ—50 к., съ пересылкой въ другіе города—60 к.

Редакція и главная контора помѣщаются въ г. Тулѣ, на Кіевской ул., въ д. Плаховыхъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ НА

„РУССКІЙ ВРАЧЪ",

органъ, основанный въ память В. А. Манассеина,

подъ редакціею проф. В. В. Подвысоцкаго и д-ра С. В. Владиславлева

(6-й годъ изданія).

Программа: 1) Статьи оригинальныя по всѣмъ отраслямъ теоретической и клинической медицины, а также общественной и частной гигіены, съ рисунками и таблицами. 2) Статьи по вопросамъ врачебнаго быта. 3) Письма изъ Россіи и Западной Европы о текущихъ научныхъ, врачебно-бытовыхъ и общественно-медицинскихъ вопросахъ. 4) Рефераты о заграничныхъ и русскихъ работахъ по всѣмъ отраслямъ медицины. 5) Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, съѣздовъ и конгрессовъ. 6) Рецензіи русскихъ и иностранныхъ книгъ по медицинѣ и гигіенѣ. 7) Корреспонденціи, письма въ редакцію, касающіяся вопросовъ врачебнаго быта. 8) Мелкія извѣстія, научныя новости и хроника врачебной жизни. 9) Жизнеописанія и некрологи выдающихся лицъ на поприщѣ медицины. 10) Служебныя назначенія и перемѣщенія врачей по военному и по гражданскому вѣдомствамъ. 11) Приложеніе: Краткое содержаніе текущей литературы за истекшіе мѣсяцы.

Журналъ выходитъ еженедѣльно по субботамъ.

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою: въ предѣлахъ Россіи за годъ — 9 руб., за полгода — 4 руб. 50 коп.; за границу за годъ—11 руб., за полгода—5 руб. 50 коп.

Рукописи, а также отдѣльные оттиски и книги, предназначаемые для «Русскаго Врача», просятъ присылать одному изъ редакторовъ его: проф. В. В. Подвысоцкому (С.-Петербургъ, Лопухинская ул., № 12), или д-ру С. В. Владиславлеву (С.-Петербургъ, Ивановская, № 2).

Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ О. А. Риккеръ въ С.-Петербургѣ (Невскій, 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

НОВЫЯ КНИГИ:

Даніэль Стернъ.

Исторія революціи 1848 года.

ДВА тома, по 390 стр. Цѣна 75 коп. за томъ.

Адресъ: Контора „Русскаго Богатства"—*СПБ. Баскова ул., 9.*

Ред.-изд. *В. Г. Короленко.*

Подписка.

Прилагая р. к., прошу высылать „Рус. Бог.“ въ теченіе 1907 г.

Имя:

Отчество:

Фамилія:

Городъ или станція:

Губерніи:

Уѣзда (или ул. и домъ)

(или *ж. д.*)

Мѣсто почтоваго штемпеля.

Доплата:

№ бандероли.

Прилагаю:

2-й взносъ р. к.

3-й взносъ р. к.

Имя:

Отчество:

Фамилія:

Городъ

Губернія:

Уѣздъ:

(или *ж. д.*)

Мѣсто почтоваго штемпеля.

Контора «Русскаго Богатства» просить руководствоваться, при подпискѣ и доплатахъ, прилагаемыми образцами. Это избавитъ отъ ошибокъ, происходящихъ вслѣдствіе того, что почтовые штемпеля, попадая на адреса, совершенно ихъ закрываютъ.

БИБЛІОТЕКА
УБАКИНСКІЙ

Продолжается подписка на 1907 годъ

(XV-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ **Вл. Гал. КОРОЛЕНКО**

и при ближайшемъ участіи **Н. Ѳ. Анненскаго, А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, А. И. Иванчинъ-Писарева, Н. Е. Кудрина, П. В. Мокіевскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшехонова, С. Н. Южакова и П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина).**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—9 р., на 6 мѣс.—4 р. 50 к.; на 4 мѣс.—3 р.; на 1 мѣс.—80 к.

Безъ доставки: на годъ—8 р.; на 6 мѣс.—4 р.

Съ наложеннымъ платежемъ отдѣльная книжка 1 р. 10 к.

За границу: на годъ—12 р.; на 6 мѣс.—6 р.; на 1 мѣс.—1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ журнала, *Баскова ул., 9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, *Никитскія вор., д. Гагарина.*

Въ Кіевѣ—въ отдѣленіи конторы—*Крещатикъ, 42.*

Въ Одессѣ — въ книжномъ магазинѣ С. В. Можаровскаго,—*адресъ* *).

Доставляющіе подписку КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛІОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРІЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра, т. е. присылать, вычтя 9 рублей, 8 руб. 60 коп., ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.

Подписка на разсрочку или не вполнѣ оплаченная 8 р. 60 к. отъ нихъ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

---

*) Здѣсь же продажа изданій „Русскаго Богатства".

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

Widener Library
3 2044 098 427 297